

М. А. БАРГ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
АНГЛИЙСКОГО
ФЕОДАЛИЗМА
В XI-XIII ВВ.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

проф. [REDACTED]
доц. [REDACTED]
[REDACTED]

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
АНГЛИЙСКОГО
ФЕОДАЛИЗМА
В XI-XIII ВВ.

164786

БИБЛИОТЕКА
Івано-Франківського
педагогічного інституту
І. в. 164786

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

Ответственный редактор
С. Д. СКАЗКИН

О Т А В Т О Р А

Эта работа могла бы с равным основанием быть названа исследованием по социальной истории Англии указанного периода, так как выяснение динамики общественных отношений, отношений классов составляет ее стержень. Однако поскольку укоренившийся в буржуазной науке дуализм понятий «*seigneurie*» и «*féodalité*» все еще продолжает расчленять то, что в действительности было неразрывным, — форму внутрифеодальных отношений и способ общественного производства и распределения, — настоящее заглавие книги казалось предпочтительным. Оно по крайней мере не допускает недомолвок: существо феодализма заключается именно в способе производства.

И еще одно замечание. Картина реальной действительности, изучаемая нами, была — даже в пределах сравнительно небольшой территории средневековой Англии — крайне пестрой и противоречивой. Но констатация этой истины (кстати, не такой уж новой) не должна скрывать от нас истину не менее важную: в основе общественной эволюции в каждый, социально-экономически более или менее очерченный, период лежит тенденция *ведущая*, определяющая, в конечном счете, действительность всех других тенденций и окрашивающая отношения, ей противоречащие. Познание закономерного требует прежде всего, и на данном этапе развития науки в особенности, ответа на вопрос: в чем заключалась именно эта тенденция? Такой ответ можно, разумеется, оспаривать, однако отрицание его необходимости и тем более его возможности уводит нас, по существу, за пределы науки.

Над проблематикой данного исследования автор этих строк работал в течение многих лет. Трудности, с которыми оно было сопряжено, оказались, без преувеличения, огромными. Но я испытываю чувство глубокой признательности к пыле покойному академику Е. А. Косминскому, из бесед с которым в далекую зиму 1945 г. родилась идея данной работы. И если бы я ныне вновь был поставлен перед выбором, то, не задумываясь, пошел бы по тому же долгому и нелегкому пути — столь неповторимо заманчивым не перестает он мне казаться по сей день.

Поддержку и понимание академиков С. Д. Сказкина и В. П. Волгина и профессоров В. М. Лавровского и А. И. Неусыхина я больше всего обязан

тем, что эта работа была, наконец, завершена и ныне появляется в свет. Научные сотрудники сектора истории средних веков Института истории АН СССР, где эта работа неоднократно обсуждалась, высказали немало ценных замечаний, за что и им искренне признателен. Наконец, сотрудники ФБОН АН СССР, и в первую очередь А. И. Павлова, а также доцент ЛГПИ им. А. И. Герцена К. Д. Авдеева многое сделали для появления этой книги в настоящем виде — считаю своим приятным долгом принести им глубокую благодарность.

Москва, 10 ноября 1961 г.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная история английской деревни принадлежит к проблемам, наиболее интенсивно разрабатывавшимся буржуазной историографией конца XIX — начала XX в. И как это неоднократно наблюдается в развитии науки, с появлением ряда крупных работ в этой области, еще не потерявших своего познавательного значения до сих пор, научные интересы стали постепенно перемещаться либо на другие стороны ранее изучавшихся проблем, либо на новые периоды истории английского крестьянства. По вопросам же, связанным с генезисом и сущностью феодального строя XIII в., и в частности вилланства общего права, почти полностью затихли некогда столь громко звучавшие ученые споры, улеглись научные страсти. Знание, возводившееся рядом поколений исследователей, казалось неизблемым и в основном завершенным. Когда же в начале 50-х годов в связи с развернувшейся дискуссией о так называемом кризисе феодализма в центре внимания оказалась аграрная история XIV—XV вв., только что указанная проблематика была представлена в английской историографии таким образом, что отражала наличие к ней разве только антикварного и локального интереса.

Однако случилось так, что именно в эти годы произошла серьезная переоценка ценностей и в интересующей нас области аграрно-исторического исследования. И как результат этого научные построения буржуазно-либеральной историографии обнаружили весьма серьезные трещины и местами стали рушиться до основания. Этот примечательный историографический факт — столь же неожиданный, сколь и глубоко закономерный, заставляет нас снова оглянуться назад с тем, чтобы попытаться хотя бы в общих чертах проследить его предысторию¹.

Как известно, у истоков современных представлений о социальном строе английской деревни в XI—XIII вв. стоят имена трех крупных исследователей: Сибоба, Виноградова и Мэтланда. И хотя имена эти стоят по праву рядом, трудно было бы отрицать тот факт, что именно труды П. Г. Виноградова больше всего повлияли на формирование этих представлений. Это случилось не только и даже не столько благодаря выдающемуся исследовательскому таланту его (как критик и интерпретатор источников Мэтланд был, несомненно, самым блестящим и непревзойденным среди них), сколько благодаря его тяготению, особенно в ранних работах, к историзму (позитивистски интерпретируемому), его склоп-

¹ Наличие значительного историографического материала в каждой из глав данной работы освобождает нас от необходимости предпринимать здесь подробный обзор процесса обивления за последнее полувековье наших представлений об аграрном строе Англии XI—XIII вв., тем более что такие обзоры уже неоднократно предпринимались. См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947; В. М. Лавровский. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М., 1958.

ности к широким обобщающего характера построениям, основанным на своеобразном сочетании общинной и вотчинной теорий. В них поражала не только оригинальная концепция генезиса манориального строя Англии, но прежде всего то, что процесс становления этого строя рассматривался на широком фоне экономической, социальной и политической эволюции общества в целом. Именно в этой попытке *синтеза* различных сторон общественного развития в единой концепции, а главное в обрисовке их сквозь призму социальных отношений П. Г. Виноградов оказался новатором и учителем нескольких поколений английских историков в дашной области исследования. Однако идеалистические воззрения П. Г. Виноградова на движущие силы социального прогресса, понимание им самого развития как процесса, по существу лишённого внутренней противоречивости и поэтому не знающего перерывов и скачков, наконец, а может быть, даже прежде всего, ярко выраженный юридизм его исторического мышления определили как общесоциологические, так и чисто методические слабости даже лучших его трудов. Прежде всего П. Г. Виноградову осталось совершенно чуждым понимание феодализма как общественно-экономической формации, т. е. как определенного способа общественного производства и распределения. Поэтому от него осталась скрытой и подлинная зависимость отдельных сторон исторического процесса в средние века. Не удивительно, что феодализм в его изображении оказывается в лучшем случае совокупностью различных институтов, которые хотя и взаимообусловлены генетически, но, раз возникнув, получают самостоятельное бытие и оказываются почти изолированными в своих дальнейших судьбах. В результате общество как единое и органическое целое исчезает, распадаясь на отдельные автономные ячейки, каковы суть: вотчина, фьеф, государство и т. п. Далее, рассматривая вотчину в качестве «образующей клетки» феодального общества, П. Г. Виноградов увидел лишь одну линию связи ее со всеми другими, по его мнению, параллельно с ней существующими «институтами»: влияние вотчинного строя на все эти институты, вместе с тем он если и не полностью игнорировал, то во всяком случае не ставил целью выяснить обратное влияние последних на эволюцию самого вотчинного строя.

Не приходится поэтому удивляться, что социальная эволюция феодального общества для П. Г. Виноградова по существу исчерпывалась историей манориальной организации. Исследованию с этой точки зрения подлежали главным образом так называемые «*gutsherrlich-bauerliche Beziehungen*», вытекавшие из системы личной и поземельной зависимости различных категорий держателей — возделывателей тяжлых наделов. В действительности же задача здесь только начиналась, так как после этого без ответа оставались еще самые трудные вопросы: чем определялся данный строй вотчины, под влиянием каких факторов этот строй эволюционировал и в каком именно направлении? Однако для П. Г. Виноградова такие вопросы даже не возникали, так как в его изображении манориальный строй, раз возникнув, на долгие века пребывал в изначально отлившихся формах. Отсюда гораздо большая склонность П. Г. Виноградова рисовать, если можно так выразиться, социальную анатомию общества, чем его физиологию, описывать состояния, чем объяснять их развитие и движение.

В свое время Энгельс упрекал Маурера в том, что «юридическая узость» мешала ему «всякий раз, когда дело идет о понимании *развития*»². Еще в большей мере она мешала в таких случаях П. Г. Виноградову. Гипертрофия формально-юридической интерпретации социальных фактов была у него столь велика, что она зачастую не только затемняла для него подлинную сущность их, но приходила в очевидное противоречие с принципом историзма, поборником которого он с таким успехом выступал в англий-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1954, стр. 361

ской историографии в конце XIX в. Приведем в качестве иллюстрации один лишь пример. Тщательный анализ трактовки П. Г. Виноградовым проблемы вилланства обнаруживает, что в его изображении эволюционирует лишь *правовая теория вилланства*, точнее, вилланское право. Только оно имеет подлинную историю. Социально-экономическая же сущность вилланства, само рентное отношение лишено у него всякой динамики. Но оторвав таким образом вилланское право от реальной действительности, регулировавнейся им, П. Г. Виноградов не сумел ни вскрыть до конца историческую роль самой доктрины права, — правда, блестяще разъяснив ее формальное содержание, — ни обнаружить подлинную сущность правоотношений вилланства. Этой статичностью в обрисовке социальных явлений П. Г. Виноградов в немалой мере был обязан примененному им методу так называемой исторической ретроспекции, т. е. методу, при котором исследователь движется в направлении, противоположном течению самого исторического процесса.

Пытаясь по отдельным сохранившимся своего рода «социальным окаменелостям» прошлого восстановить исчезнувшие уже к тому времени общественные институты, историк унодобляется археологу с тем только отличием, что он опирается при этом в большей или меньшей степени лишь на умозрительные заключения, поскольку последние основаны в таких случаях на юридическом, лингвистическом или сравнительно-историческом истолковании тех или иных терминов. Очевидно также, что при таком восхождении от известного к неизвестному исследователь, даже самый тщательный и добросовестный, невольно вводит в «реконструкцию» значительный элемент субъективного и гипотетического, по выражению Георга Кнаппа, элемент «свободной стилизации». Пользуясь этим методом, историк практически не связан характером привлекаемых им источников, как и локальными и хронологическими рамками свидетельств. Рисуя картину, которая представляется ему истинной, исследователь волен принимать одни свидетельства и отвергать другие, ибо в конечном счете все зависит от того или иного истолкования им этих свидетельств. Одним словом, элемент субъективного в такого рода исследовании многократно возрастает. Недаром же Виноградов и Сибом на одном и том же материале, опираясь на один и тот же метод «исторической ретроспекции», создали такие две «реконструкции» англосаксонского периода, которые не только резко отличались, но, попросту говоря, взаимоисключали друг друга.

Д. М. Петрушевский, опубликовавший первый том «Восстания Уота Тайлера» всего несколькими годами позже появления «Вилланства в Англии» П. Г. Виноградова (в 1897 г.), был, несомненно, крупнейшим представителем так называемого синтетического направления в изучении английского поместного строя. Несмотря на то, что центр тяжести его труда лежит уже за пределами изучаемой нами эпохи, мы тем не менее считаем нужным хотя бы вкратце остановиться на нем, так как он наиболее ярко, мы сказали бы, наиболее талантливо отразил характерные черты этого направления в целом. Как известно, общая концепция социальной истории средневековой Англии сложилась у Д. М. Петрушевского под непосредственным влиянием П. Г. Виноградова. И хотя деление феодализма Д. М. Петрушевским на «политический» и «социальный» уже предвещало его будущий отход от П. Г. Виноградова в трактовке сущности феодального строя, однако в первом издании указанного труда Д. М. Петрушевский видит его еще вслед за П. Г. Виноградовым в хозяйственных и социальных отношениях, господствовавших в вотчине-маноре. В «Восстании Уота Тайлера» прежде всего бросается в глаза, что феодальная вотчина для Д. М. Петрушевского в еще большей мере, чем для П. Г. Виноградова, ограничивается лишь крупным крепостническим манором. Вернее было бы даже сказать, что он рисует не столько конкретно-историческую, сколько идеально-типическую картину английского манора, сложившуюся под

впечатлением порядков, господствовавших в крупной церковной вотчине³. Но может быть, наиболее важной и многозначительной чертой его трактовки манориального строя является еще большая неподвижность манора как хозяйственного и социального института, чем мы это наблюдали в «Вилланстве в Англии» П. Г. Виноградова. В рамках барщинной системы манор в его изображении — нечто универсальное, всегда идентичное, застывшее и неизменное; ни его структура, ни рентные отношения, ни юридический статус держателей, одним словом, ни одна сторона вотчинного строя не знает сколько-нибудь заметных внутренних сдвигов, в то время как *возвышающаяся над вотчиной политическая надстройка удивительным образом изменчива и непрерывно эволюционирует*. Совершенно очевидно, что при подобной трактовке социальной истории феодализма создавался непреодолимый разрыв между эволюцией вотчины, с одной стороны, и всеми другими феодальными институтами и прежде всего феодальной государственностью — с другой. Эволюция вотчины, с этой точки зрения, определялась единственно хозяйственными факторами, от всех же других сторон феодальной действительности она оказывается отгороженной какой-то незримой, но совершенно непроницаемой оболочкой.

Нечего говорить, что манориальный мир в изображении Д. М. Петрушевского был еще более статичен, чем в концепции П. Г. Виноградова. В самом деле, пока вотчина остается «феодальной», в ней царит исторически обусловленная «гармония» интересов лорда и держателей, которая нарушается только с проникновением в манор товарно-денежных отношений. Социальный антагонизм проявляется в маноре только с коммутацией вилланских повинностей, но последнее знаменует уже в глазах Д. М. Петрушевского не только «разложение манора», но и «конец феодализма» вообще⁴. Таким образом, ни методология позитивизма, ни так называемый экономический материализм не позволили даже лучшим, наиболее талантливым буржуазным историкам конца XIX — начала XX в. создать такое обобщающее построение социальной эволюции Англии в феодальную эпоху, которое отражало бы всю сложность и внутреннюю противоречивость общественного развития. Когда же в начале нашего столетия произошла теоретическая переориентация английской историографии на методологические позиции неокантианства, пора обобщающих построений в социальной историографии английского средневековья вообще осталась позади.

Так называемое критическое направление, начало которому на английской почве положил Мэтланд, восприняв в общем концепцию П. Г. Виноградова, решительно отошло от него по методу изучения эволюции манориального строя⁵, и поскольку это было так, «критическое направление» сыграло известную положительную роль в развитии социальной историографии английского средневековья. Вырисовавшаяся в те годы настоятельная необходимость в детализации и локализации в нарисованной Сибомом — Виноградовым картине потребовала не только привлечения новых источников, но — что самое главное — постановки новых исследовательских задач. Однако обратной стороной этого ухода буржуазной историографии в манориальные мирки было постепенное отречение ее от взглядов на историю как на единый, универсальный в своей сущности процесс, несмотря на различие эмпирических форм его проявления. В результате само понятие исторической закономерности, еще присущее ранним работам П. Г. Виноградова и Д. М. Петрушевского, было почти полностью вытеснено представлением о множественности «типов» и «вариантов» развития, не поддающихся какому-либо научному синтезу. Среди

³ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М., 1937, стр. 126 и сл.

⁴ Там же, стр. 177 и сл.

⁵ В качестве отправных работ этого направления можно назвать: F. W. Maitland. History of a Cambridgeshire Manor.— EHR, IX, 1894; F. I. Davenport. The Economic Development of a Norfolk Manor. Cambridge, 1906.

исследователей аграрной истории Англии полностью возобладала тяга от общего к частному, от типического к особенному, «индивидуальному», и «неповторимому». Школа локальных историков 20—30-х годов по существу закрыла для себя путь научного познания не тем, что она поставила в центре своего внимания отдельно взятый манор (или, в лучшем случае, группу маноров) ⁶, что само по себе не могло, конечно, не ограничить ее познавательные возможности, а тем, что она, потеряв общую перспективу, отказывалась видеть в локальном лишь конкретно-историческую форму закономерного, другими словами, тем, что она стала отрицать применимость в истории и общенаучного критерия повторяемости.

Таким образом, полное и длительное торжество «критического направления» было не чем иным, как свидетельством методологического кризиса английской социальной историографии. Изначальное более чем оправданное стремление к локальному исследованию в конечном счете вылилось в отказ от науки, в стремление, по выражению В. И. Ленина, «спрятаться от всяких „законов“ исторического развития, загородить лес — деревьями» ⁷. Эту утрату многими исследователями вкуса к широким обобщениям вынуждена была отметить «Кембриджская экономическая история» в разделе, посвященном Англии. «Исследование наших дней,— писала крупный специалист по аграрной истории Англии П. Пильсон,— запято выявлением вариаций и различий (variations and differences)... мы стали все больше бояться категорических утверждений...» ⁸.

В 30-е годы, в пору очевидного вырождения «критического направления», в социальной историографии английского средневековья появляются два новых имени: советского исследователя Е. А. Косминского и английского ученого М. Поста́на. С ними связан новый поворот историографии на путь обобщающих построений, хотя и совершался он в каждом случае на различной методологической основе и в различном направлении. С выходом в свет «Английской деревни XIII в.» Е. А. Косминского была открыта новая страница в изучении социальной истории феодализма, и не только английского. Этим исследованием были прежде всего преодолены окончательные построения, созданные под влиянием вотчинной теории на английской почве — «классической теории» манора, — и с этой точки зрения работа Е. А. Косминского как бы завершала «критический период» в историографии вопроса. Вместе с тем на основе марксистско-ленинской методологии в ней была воссоздана новая, значительно более богатая и разносторонняя, а следовательно, неизмеримо более близкая к исторической действительности картина английского манориального строя в XIII в. и в этом ее принципиальное отличие от работ «критического направления». И хотя исследование Е. А. Косминского посвящено изучению по времени существу статической картины английского манора второй половины XIII в., оно внутренне столь динамично, столь устремлено как к истокам манора, так и к периоду его разложения, что в нем по существу намечена программа дальнейшего исследования по широкому кругу проблем истории английского средневековья.

С другой стороны, труды по аграрной истории Англии Поста́на ⁹ и его школы вернули и буржуазной историографии 40—50-х годов «дар обоб-

⁶ Ни в малейшей степени не отрицая и не принижая ценность тех результатов, которые достигаются путем монографического изучения отдельных маноров, нам хотелось бы только подчеркнуть, что результат такого исследования целиком зависит от его методологических посылок.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 44.

⁸ Cambridge Economic History of England, I, 1941 p. 433.

⁹ Укажем лишь на работы, относящиеся к изучаемому нами периоду: М. Поста́н. The Chronology of Labour Services.— TrRHS, 2 ser., v. XX, 1937; idem. The Rise of Money Economy.— EcHR, v. XIV, N 2, 1944; idem. Glastonbury Estates in the XII c.— EcHR, 2 ser., v. VI, 1953; idem. The Famulus. Cambridge, 1954; М. Поста́н and I. Titow. Heriots and Prices on Winchester Manors.— EcHR, 2 ser., v. XI, N 3,

щений». Но достигнуто это своеобразным «самоограничением», цепой отречения от социального аспекта аграрно-исторических проблем. Совершенно обоснованная реакция на гипертрофию формально-юридической трактовки этих проблем школой П. Г. Виноградова вылилась в работах направления Постапа в противоположную крайность — в отрицание какого-либо познавательного значения вопросов, связанных с юридическим статусом держаний и держателей, в исследовании социального механизма средневекового манора. Иными словами, это направление фактически отрицает социально-историческую детерминированность манориальной организации. Но отрицание качественных отличий закономерностей, под воздействием которых эта последняя функционирует, есть лишь результат непризнания Постановом специфического характера социального антагонизма, заложенного в маноре. Именно это позволяет Постапу и его последователям смотреть на манор по существу как на вневременное сельскохозяйственное «предприятие», регулирующееся столь же вневременными экономическими законами, которые, однако, при ближайшем рассмотрении оказываются законами капиталистического хозяйства. К чему приводит такая надъсторическая трактовка экономики средневекового манора, может быть проиллюстрировано на примере недавно опубликованной монографии И. Рафтиса, посвященной владениям рамзейского монастыря¹⁰. Это исследование, содержащее богатый и тщательно препарированный статистический материал по экономике рамзейских вотчин, не обнаруживает, однако, и намека на интерес автора к социальной истории возделывателей монастырских земель. Даже наиболее близкая к задачам социального исследования гл. III¹¹, трагующая важную проблему о динамике монастырских рент в XIII в., видит ключ к ней в «сдвигах производительности» (таких, как расширение запашки за счет нови, умножение численности держателей и т. п.), в росте цен на продукцию манора, но тем самым полностью обходится вопрос о динамике держательских рент, т. е. о сравнительной степени эксплуатации крестьян¹².

Итак, историко-экономическое направление М. Постапа могло подняться до обобщающих аграрно-исторических построений только при том условии, что оно оторвало экономику от производственных отношений, т. е. от решающего антагонизма средневекового общества — антагонизма классов.

Вместе с тем следует отметить и положительный вклад этого направления в изучение конкретных вопросов манориальной экономики. Именно М. Постапу мы обязаны постановкой и частичным разрешением таких безусловно важных вопросов аграрной истории Англии, как вопрос о ранней коммутации барщины в XII в., о влиянии денежного хозяйства на манориальный строй, о наемной рабочей силе в маноре XII—XIII в., о демографических процессах в Англии второй половины XIII в.¹³ и др. И хотя перед нами скорее разрозненные наблюдения, нежели стройная концепция аграрной истории (в марксистском ее понимании) XI—XIII вв., они, несомненно, содействовали окончательному изживанию представлений о неподвижности манориального обычая. В свете этих работ становится особенно очевидным, насколько изменчивы формы и методы утилизации

1959. Много важных наблюдений и замечаний по этому периоду высказано М. Постапом в многочисленных работах, относящихся к XIV—XV вв. См. библиографию в нашей статье «К вопросу о так называемом кризисе феодализма в XIV—XV вв.» — «Вопросы истории», № 8, 1960.

¹⁰ I. Raftis. The Estates of Ramsey Abbey. Toronto, 1958.

¹¹ Ibid., p. 11—97.

¹² Недаром написавший предисловие к этой работе М. Постап называет ее «экономической в наиболее точном смысле этого слова».

¹³ M. Postan and I. Titow. Heriots and Prices on Winchester Manors. — ECHR, 2 ser., v. XI.

феодалных ресурсов под влиянием быстро меняющейся экономической действительности.

Три работы, по нашему мнению, наиболее ярко отражают наличие иного направления в современной английской историографии. Мы имеем в виду монографии Е. Миллера¹⁴, Х. Финберга¹⁵ и Р. Леннарда¹⁶. И хотя две первые из них вышли из Кембриджа, а последняя — из Оксфорда, между ними много общего в самом подходе к аграрно-исторической проблематике: все они воплощают попытку соединить познавательные возможности историко-экономического направления исследования с научной традицией «социальной школы» П. Г. Виноградова. Новизна методики этих работ по сравнению с последней заключается в том, что механизм вотчины раскрывается не только и даже не столько сквозь призму правоотношений, господствующих в ней, сколько в тесной связи с той естественно-географической, социальной и политической «средой», в которой вотчина в действительности функционировала. Отсюда значительное внимание этих работ к характеристике природных условий (landscape) изучаемого района, с которыми связаны не только формы поселения, но и направление сельского хозяйства (земледелие, скотоводство и т. д.). Однако, в отличие от «экономического» направления, анализ манориальной экономики в работах этого рода предваряется освещением социально-имущественной структуры земледельческого населения. И хотя последняя отнюдь не признается фактором предопределяющим, а скорее предопределяемым особенностями хозяйства, тем не менее общая картина оказывается, несомненно, более разносторонней и обогащенной по сравнению с той, которую рисуют работы «чисто экономической» школы. Хотя монографии Е. Миллера и Х. Финберга являются локальными исследованиями (первая из них ограничивается пределами Кембриджшира и прилегающих графств — частично, а вторая — Девонширом), они ставят и решают проблемы далеко не локального характера¹⁷. Интерес этих исследований к тем взаимосвязям вотчины, которые ведут к фьефу, баронии, государству с их юрисдикцией, финансами и администрацией, — такова наиболее ценная отличительная черта этих работ¹⁸. Что же касается монографии Р. Леннарда, посвященной преимущественно социально-экономическому истолкованию ДВ и ближайших к ней поземельных описей, то она представляет нам заслуживающей внимания со многих точек зрения. Во-первых, его исследование свидетельствует о том, что он не только признает познавательное значение аграрной статистики ДВ, но и предпринимает попытку выработать методику ее анализа с указанной точки зрения. Во-вторых, — и это самое важное — после бесчисленных и не в малой мере бесплодных опытов исключительно юридической интерпретации держательской терминологии описи 1086 г. Леннард задался целью выяснить, что может дать ее статистика для воссоздания социально-имущественной структуры сельских классов Англии в конце XI — начале XII в. И хотя методика статистического анализа, предложенная Леннардом, является в основном выборочной и иллюстративной, его наблюдения отличаются новизной и представляются ценным вкладом в изучение ДВ. Наконец, весьма характерно, что в одной и той же книге мы находим анализ и владельческой структуры фьефов, и структуры манора, имущественного облика класса манориальных лордов и

¹⁴ J. Miller. The Abbey and Bishopric of Ely. Cambridge, 1951.

¹⁵ H. Finberg. Tavislock Abbey. A Study in the Social and Economic History of Devon. Cambridge, 1951.

¹⁶ R. Lennard. The Rural England. Oxford, 1958.

¹⁷ Этим современная школа локальных историков отличается от «манориальных историков» прошлого.

¹⁸ Это особенно бросается в глаза при сопоставлении их с работами «аграрных социологов», в которых аграрная история по существу сводится к исторической этнографии, живописанию «сцен» сельской жизни от пахоты до «развлечений» (см. G. C. Homans. The English Villagers in the 13th c. Cambridge. Mass, 1942).

класса феодально-зависимого крестьянства, что совершенно чуждо всем тем исследованиям, для которых «феодализм» все еще исчерпывается сферой вассально-ленных отношений.

Таковы историографические предпосылки нашего исследования, в свете которых мы попытаемся сформулировать его задачи. Известно, что одним из важнейших результатов работ Е. А. Косминского было утверждение совершенно новых представлений о структуре английской феодальной вотчины в XIII в. На смену универсальному, малоподвижному барщинному манору «классической теории» пришла множественность и разнообразность вотчинных форм, значительные локальные различия — даже в пределах территории, освещенной RH 1279 г. Но тем самым мы оказались перед новой научной задачей: проследить историю вотчинной структуры английской деревни в XI—XIII вв., иначе говоря — выяснить, в какой мере многоликость вотчинных форм XIII в. была результатом простой преемственности, «переживанием» более ранних форм или, наоборот, новообразованием, продуктом последующей трансформации этих форм. Следовательно, особую актуальность вновь приобрел вопрос о *генезисе английского манора* XIII в., о его хронологии. Стало очевидно, что нельзя больше совмещать концепцию П. Г. Виноградова, согласно которой английский «классический» манор по существу сложился лишь с нормандским завоеванием Англии и в значительной мере являлся его результатом¹⁹, с широко распространенным мнением, согласно которому этот манор стал уже клониться к упадку в последней трети XIII в. Ибо одно из двух: либо мы должны признать вотчинный строй в Англии совершенно нежизнеспособным, быстро себя исчерпавшим, либо мы должны критически отнестись к догмам «классической теории» и подвергнуть повторному рассмотрению (в хронологических рамках настоящей работы) вопрос о времени становления манориального строя в Англии²⁰.

Далее, хорошо известно, какое место в новых построениях манориального строя XIII в. заняла «мелкая вотчина». Однако не всегда еще ясно, что с превращением «мелкой вотчины» из категории чисто количественной в категорию *качественную*, т. е. в вотчину с *только ей свойственными* особенностями структуры, юридического и имущественного состава держателей, форм рентных отношений, как и форм манориального хозяйства в целом, расширилось и вместе с тем усложнилось само содержание предмета социальной истории средневековья. Ибо стало очевидным, что нельзя дальше изучать судьбы феодальной вотчины в отрыве от судеб феодальной собственности в целом, от которых в конечном счете зависели манориальные формы, иначе говоря, что формы феодального присвоения зависели при всех прочих условиях *от средств* присвоения, которыми располагал тот или иной вотчинник, от объема его феодальных ресурсов, от места его в феодальной иерархии. Следовательно, *манор оказался лишь одним из аспектов феодальной собственности*, но отнюдь не единственным и все определяющим. Но тем самым возникла настоятельная необходимость рассмотреть историю манора сквозь призму эволюции феодальной собственности в целом — ее иерархической структуры, ее распределения между основными феодальными собственниками страны. Таким образом, историография вплотную подошла к решению новой задачи — более пристального анализа динамики социального состава господствующего класса, его эволюции, соотношения в нем различных социально-имущественных прослоек,

¹⁹ P. Vinogradoff. Growth of the Manor. London, 1905, p. 201.

²⁰ Такой пересмотр, поскольку это относится к англосаксонскому периоду (снова-таки с различных методологических позиций), уже пачат как советскими, так и английскими исследователями. См. работы А. Я. Гуревича и М. Н. Соголовой (о них ниже), а также: T. H. Aston. The Origins of the Manor in England.— TRHS, 5 ser., v. VIII, London, 1958; E. J. O h n s. Land Tenure in Early England. London, 1960.

что единственно может привести к преодолению того разрыва между историей социальной, с одной стороны, и историей политической — с другой, который самым роковым образом сказывается в буржуазных исследованиях, посвященных феодализму. Точно так же только этим путем можно прийти к окончательному преодолению представления о статичности манора, к наполнению его истории внутренним динамизмом не только формы (структуры), но и содержания (ренты), составляющих живую душу его эволюции²¹.

Известно также, что едва ли не важнейшим элементом новых представлений о манориальной структуре XIII в. является фригольд. Это его значительный удельный вес в среднесанглийской вотчине вообще и в светской в особенности делает внешние грани манора, как и внутреннюю его структуру, сложными и «текучими», придает им подвижность и изменчивость, которых так не доставало построениям Сибома и Виноградова. Таким образом, очевидно, что дальнейший прогресс исследования эволюции вотчинной структуры средневековой Англии зависит от всестороннего изучения проблемы фригольда — его генезиса, юридической природы, сословной принадлежности и социальной функции в маноре. В этой проблеме сосредоточен в известной степени фокус новых представлений о маноре XIII в. *Воссоздание дифференцированной во времени и по различным районам страны картины фригольда пролило бы значительный свет не только на течение процесса манориализации Англии.* Выяснение вопроса о том, в какой степени фригольд был лишь феодальной трансформацией старосвободного аллодиального крестьянского землевладения — поскольку оно сохранилось на периферии и в «порах» манора — либо творением новой, феодальной действительности, означало бы решение английского варианта задачи, которая занимает континентальных ученых со времен Каро и Зеллигера²².

Хотя вопрос о вилланстве общего права и не являлся предметом специального исследования Е. А. Косминского, он требует значительного пересмотра в свете новейших представлений о хронологии и сущности манориального строя. Господствующая ныне в этой области концепция П. Г. Виноградова, сыгравшая в свое время столь плодотворную роль в ее изучении, оказалась при решении новых задач совершенно недостаточной, а в ряде случаев ошибочной, уводящей исследование на ложный путь. И это вполне естественно, если иметь в виду, что пафос этой концепции был устремлен прежде всего к «предыстории вилланства», а внимание ее создателя полностью поглощено отысканием в статусе виллана «драгоценного наследия прошлого» — следов «былой крестьянской свободы». Сосредоточив свои усилия на установлении генетической связи между «вилланом» XIII в. и кэрлом — свободным общинником англосаксонской эпохи, школа П. Г. Виноградова прошла мимо задачи конкретно-исторического изучения *самого процесса* становления вилланства. Между тем, как советские, так и английские исследования, посвященные англосаксонской деревне²³, выявили необходимость новой периодизации этого процесса, его

²¹ Конечно, структура феодальной собственности в каждый отдельный период сама является результатом взаимодействия многих факторов и поэтому не может рассматриваться в качестве первопричины эволюции структуры манора, тем не менее скрытые от палего взора иружины могут влиять на последнюю прежде всего через структуру феодальной собственности. Но тем самым исследование эволюции последней приближает нас к первопричинам социальных сдвигов внутри манора.

²² G. Caro. Studien zu den Älteren St. Galler Urkunden.— «Jahrb. für Schweiz. Gesch.», XXVI, 1904; XXVII, 1902; G. Seeliger Die sociale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. Leipzig, 1903.

²³ А. Я. Гуревич. Крестьянство юго-западной Англии в допормандский период. Канд. дисс. М., 1950; М. Н. Соколова. Общественный строй Кента и Уэссекса в VII—X вв. Канд. дисс., М., 1952; см. также H. Finberg. Roman and Saxon Witherington. A Study in Continuity. Leicester, 1955.

важнейших этапов, а следовательно, и принципиально иной оценки той роли, которую сыграли в нем нормандское завоевание и английская социально-политическая действительность конца XI и XII в. В то же время изучение английского манора XIII в. внесло значительный корректив в трактовку ряда важных сторон института вилланства в целом.

Итак, из всего изложенного выше видно, что новые построения аграрного строя Англии XIII в. не могут дольше уживаться бок о бок со все еще во многих отношениях не преодоленной концепцией П. Г. Виноградова и его школы в трактовке эволюции этого строя в XI—XIII вв. (как и в англосаксонскую эпоху). Ибо каждая вновь открытая черта манориального строя по RH и «Посмертным расследованиям» XIII в. неизменно ставит перед исследователем одни и те же вопросы: какова ее предистория, когда и как она возникла, в результате каких преобразований приняла ту форму, в которой она предстает перед нами в конце XIII в.?

С другой стороны, не подлежит также сомнению, что сущность вновь обнаруженных фактов в социальной действительности XIII в. не может быть до конца выяснена, прежде чем они будут изучены и объяснены исторически, т. е. *генетически*. Это, кстати, как нельзя лучше подтверждается теми экскурсами в более раннюю эпоху, которые считал необходимым предпринимать Е. А. Косминский, исследуя аграрный строй Англии XIII в.²⁴

Таким образом, если попытаться вкратце сформулировать существо стоящей перед нами задачи, то она заключается в опыте исследования *направления и характера социальных сдвигов, происходивших в структуре основных антагонистических классов английского общества с XI по XIII в., поскольку они вырисовываются из развития основного классового противоречия эпохи — отношений феодальной эксплуатации*. Мы умышленно говорим об опыте исследования, во-первых, потому, что центр его тяжести в данном случае падает на строго ограниченный район страны, а именно среднеанглийские графства²⁵, во-вторых, потому, что велось оно главным образом *статистическим* методом — методом, при котором социальная динамика выяснялась из сопоставления ряда *статических* картин, своего рода «моментальных фотографий» социальной структуры общества, отраженных в разновременных описях одной и той же территории и охватывающих в своей совокупности два века социальной истории страны — с 1086 по 1279 г.

Заметим, что эти две особенности настоящей работы теснейшим образом связаны между собой и взаимообусловлены. Ибо, с одной стороны, при желании основывать свои наблюдения и выводы на результатах *сплошного статистического обследования* изучаемой территории мы должны были считаться с наличием источников, допускающих статистическую обработку содержащихся в них данных, и, с другой стороны, выбор такого рода источников в свою очередь предрешил территориально ограниченные рамки самой работы. Хорошо известно, что Англия располагает двумя совершенно уникальными памятниками, в которых в различные моменты отражена ее средневековая общественная структура. Речь идет о DB и RH 1279 г. Огромная познавательная ценность этих источников заключается в том, что они допускают детальное сопоставление основных фактов социальной истории Англии не по какой-либо отдельно взятой вотчине или комплексу вотчин, а применительно к сплошной и значительной территории страны, и притом открывают столь редкую для данного периода возможность статистического анализа и обобщения этих фактов — обстоятельство, из-

²⁴ См. ниже, гл. I.

²⁵ «Среднеанглийские» графства в данном случае отнюдь не совпадают с районом, именуемым географами Midland England. Однако и сами английские исследователи то и дело находят возможным считать их «сердцем страны» (см., например: Т. П. Aston.— «Past and Present», N 10, 1956, p. 7).

давна привлекавшее к средневековой Англии взоры тех, кто искал в историческом исследовании путей, максимально приближающих его по методике к исследованию опытного.

И хотя, как мы увидим ниже, в различных частях данного исследования были широко использованы и многие другие по типу и характеру группы источников, требовавшие совершенно иных методов анализа, истина, однако, заключается в том, что его стержнем является статистическая параллель между DB и RH — источниками, дающими возможность не «конструировать» социальные процессы средневековья по отдельным отрывочным данным, почерпнутым из разновременных и разнохарактерных источников, а фиксировать их течение на огромном массовом материале однотипных и одновременных данных.

Детальное изучение каждого из этих источников, и в особенности DB, не прекращающееся по сей день, дает более чем достаточные основания видеть в них близкие по замыслу, общему плану и характеру содержащихся в них данных правительственные кадастры, предпринятые с целью упорядочения и разграничения основных феодальных ресурсов страны внутри корпорации собственников ее территории²⁶.

Вильгельму I такой кадастр потребовался в связи с новым «феодальным устроением» страны, последовавшим за нормандским завоеванием Англии, Эдуарду I он потребовался не в малой мере в связи с последствиями баронской войны²⁷.

Наконец, нельзя пройти и мимо того факта, что сопоставление указанных кадастров как бы само собой напрашивается и с точки зрения хронологической. Если считать конец XI в. в известном смысле отправным пунктом, а XIII век временем полного расцвета и началом упадка тех социальных институтов, которые связываются с англо-нормандским феодализмом²⁸, то хронологические рамки того периода, который обозначен DB, с одной

²⁶ Если характер и целенаправленность данных RH не вызывают ни малейшего сомнения в том, что перед нами прежде всего поземельный кадастр (см. Е. А. Косминский. Английская деревня XIII в., стр. 35), то определение содержания DB оказалось делом гораздо более сложным и спорным. Хорошо известно, что Мэтланд, например, видел в ней прежде всего «податную книгу» (geldbook), целью которой было исправление и обновление раскладки «датских денег» (см. «DB and Beyond», Cambridge, 1897, p. 3). Точно так же определил содержание DB и Раунд, усмотревший в ней лишь «оценочную книгу» (Rate book) (см. VCH of Worcester, I, p. 236; VCH of Bedford, I, p. 191; A. Ballard. Domesday Inquest. London, 1906, p. 10; Domesday-Studies, ed. P. E. Dove, v. I, London, 1888, p. 19). Однако узость такой оценки содержания DB уже была в свое время отмечена П. Г. Виноградовым, который, в общем не отрицая фискальную целенаправленность расследования 1086 г., признал в то же время одной из его задач фиксирование владельческих отношений внутри феодального класса (см. «Growth of the Manor», p. 292; «English Society in the Eleventh Century», Oxford, 1908, p. 228: «But also a record of title»; ср. F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 3: «no register of title»). Новейшие исследователи вопроса все более склонны к значительной модификации взглядов Мэтланда и Раунда в направлении более решительного подчеркивания чисто феодальных целей расследования 1086 г., которое было обусловлено необходимостью выяснить, упорядочить и закрепить вновь возникшие после завоевания владельческие титулы в среде феодальной иерархии (см., например: V. H. Galbraith. The Making of DB.— EHR, LVII, 1942, p. 461, а также «Studies in the Public Records», London, 1949, p. 402. Cp. D. Douglas. The Domesday Survey.— «History», XXI, 1936; P. H. Sawyer. The «Original Returns» and DB.— EHR, LXX, 1955, p. 197). Каковы бы ни были мотивы, побудившие Вильгельма I предпринять «Великую опись», в ней мы вправе — по характеру данных — усматривать феодальный кадастр в такой же мере, как и «податную книгу» (да иначе и не могло быть в пору, когда «подать» фиксировалась лишь посредством «землемерных единиц»). Если же это так, то DB и RH — источники, гораздо более однородные по замыслу, чем это следует из сопоставления терминологии этих описей.

²⁷ RH, II, 9: «Forma inquirendi de feodis et feodalibus... ut nobis de hoc quod nostrum est et nostrum esse debet ab aliis quod suum est et suum esse debet constare valeat in futuro».

²⁸ Вопрос о том, какое место занимает XIII век в истории отдельных институтов англо-нормандского феодализма, сложен и по сей день остается во многом дискуссионным. См. ниже, гл. I, § 3. Ср. Е. А. Косминский. Английская деревня, стр. 27; H. M. C. a m. Studies in the HR (Oxford Studies, v. VI). Oxford, 1921.

стороны, и RH — с другой, удивительным образом совпадают с рамками рельефно — самой историей — очерченного периода в социальной эволюции английского феодального общества. Таким образом, в DB и RH мы вправе усматривать два социально-имущественных разреза общественной структуры страны, разреза, отстоящих друг от друга на два столетия и произведенных в различные фазы ее поступательного развития, но весьма близких по замыслу, общему плану и выполнению. Именно поэтому их сопоставление представляет значительный познавательный интерес, так как им открывается возможность выявить на конкретном материале ряд общих закономерностей развития феодального строя.

Поскольку это относится к средневековой Англии, не будет преувеличением сказать, что у нас нет более надежного пути для выяснения решающих сдвигов, происходящих в процессе эволюции средневекового общества, и для оценки направления изменений его социальной структуры, чем сопоставление указанных кадастров. Кстати, мысль о желательности и плодотворности сравнительно-исторического исследования DB и RH отнюдь не нова. Впервые она была высказана еще П. Г. Виноградовым более полувека назад. Он писал: «DB..., RH и другие документы, составленные с фискальными целями, открывают возможность для исключительно ценных подсчетов и статистических выводов при изучении эпох, в других случаях столь лишенных элементов количественного анализа»²⁹. Эту же мысль повторила в начале 40-х годов Н. Нильсон³⁰. Однако только в трудах Е. А. Косминского она была выдвинута в качестве очередной и неотложной научной задачи. И это вполне естественно, так как в ней по существу заключался один из важнейших выводов его исследований аграрной истории Англии XIII в.³¹

Однако для всех мало-мальски знакомых с характером данных DB и RH 1279 г. очевидно, что огромные возможности, которые предоставляет исследователю параллельное их изучение, связаны с не меньшими трудностями, которые обусловлены, при всей однородности содержания этих источников, разнородностью их терминологии и статистики. Именно этим трудностям мы обязаны тем, что научная задача, актуальность которой давно уже назрела, оставалась до сих пор нерешенной.

Специфика целей предпринимаемого нами исследования, с одной стороны, и степень изученности каждого из интересующих нас источников в отдельности — с другой, диктуют пределы и специфические формы их изучения. Отправные источники для данной работы — кадастры Вильгельма I и Эдуарда I — будут интересовать нас лишь в сравнительном плане, иными словами, лишь постольку, поскольку сведения, содержащиеся в одном из них, имеют хотя бы приблизительную параллель в другом и благодаря этому позволяют выяснить динамику отразившихся в них фактов, явлений, процессов. Но даже ограничивая свою задачу этими рамками, мы лишь оказывались каждый раз перед необходимостью выяснить, в какой мере эти данные близки по своему содержанию и, следовательно, в какой мере они допускают идентичные приемы их статистической обработки, что

²⁹ P. Vinogradoff. *Growth...*, p. 142.

³⁰ Cambridge Economic History of Europe, I, p. 444.

³¹ П. Г. Виноградов. Исследования по социальной истории Англии. СПб., 1882, стр. 172. Ср. Т. Н. Астон. *The Origins of the Manor in England.*— *TrRHS*, 5 ser., v. VIII, 1958, p. 8. С источниковедческими по преимуществу целями к сопоставлению DB с писцовыми книгами XII—XIII вв. в свое время прибегали В. Х. Хейл, И. Х. Раунд и другие исследователи, но только у Баринга такого рода параллели приобретали характер специальных essays. См., например, его «DB and the Burton Cart» (*ENR*, XI, 1896), а также «DB and some 13th c. Surveys» (*ENR*, XII, 1897). Эпизодические сопоставления DB и RH предпринимал ряд авторов, и прежде всего в издании «Victoria History the Counties of England». См., например: В. А. L. c. s.— *VCH of Oxford*, II, p. 166. ff. и ряд других. Однако лишь в исследовании Е. А. Косминского мы находим впервые опыты систематического сопоставления сведений DB и RH по определенному вопросу средневекового исследования.

в конечном счете является основной предпосылкой всякого сравнительного их анализа.

Хорошо известно, что расследования 1086 г. и 1279 г. проводились по инициативе королевской власти и вдохновлялись интересами королевской курии. Этим была обусловлена идентичность их исходных принципов: оба эти расследования осуществлялись на публично-правовой, т. е. территориальной (географической), основе и при помощи соответствующей ей процедуры. Этот принципиальной важности факт легко устанавливается при сопоставлении так называемого Кембриджширского расследования³², представляющего собой образец тех исходных данных, феодальная переработка которых легла в основу DB и RH 1279 г. Процедура такого расследования хорошо выяснена, поэтому мы остановимся на ней лишь бегло. В специальной литературе до сих пор ведется оживленная дискуссия о процедуре и последовательности этапов составления DB. Однако тот факт, что само расследование 1086 г. велось по территориальному принципу, т. е. по виллам и сотням, остается нерушимым³³. Как в 1086 г., так и в 1279 г. вся страна делилась на ряд округов (circuits) для целей расследования³⁴. В эти округа — каждый из них включал определенную группу графств — с целью сбора интересовавших королевскую курию сведений направлялись комиссары, которым вручалась инструкция-анкета, содержащая перечень вопросов, по которым велось расследование. Этим обеспечивался сбор идентичных сведений по всей стране, несмотря на различный состав комиссий и — поскольку это относится к расследованию 1086 г. — несмотря на различия в социальной структуре отдельных районов страны.

Бряд ли имеется здесь необходимость говорить о большей суммарности и огульности сведений DB по сравнению с данными RH — все это хорошо известно и легко объяснимо: два столетия, разделяющие эти источники, естественно, не могли не сказаться на технике правительственных расследований. Гораздо важнее подчеркнуть другое — поразительное сходство содержания описей в обоих кадастрах. Хотя анкета расследования Эдуарда I не только намного подробнее анкеты 1086 г., но и включает множество новых вопросов, порожденных иными условиями и определенными различиями в самом замысле расследования, тем не менее близость этих анкет в их отправных, исходных вопросах несомненна³⁵. В самом деле,

³² *Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis (ICC)*, ed. N. E. S. A. Hamilton. London, 1876.

³³ Стержнем дискуссии является вопрос: что легло в основу «exchequer domesday»? — *Geographical Roll* (типа ICC) или же их феодальная переработка, произведенная на месте расследования (типа «Exon Domesday») и затем уже отправленная в Винчестер (последняя точка зрения в кн.: V. H. Gailbraith. *The Making of DB.* — *EHR*, LVII, 1942, p. 177. Ср. *idem*. *Studies in the Public Records*. London, 1942, p. 89 ff.; противоположная в кн.: D. C. Douglas. *The DB Monachorum of Christ Church Canterbury*. London, 1944, p. 19 ff.). Р. Уэлдон Финн выдвинул тезис о двух расследованиях, одно из которых велось на географической основе, другое — на феодальной, с целью сопоставления и исправления их результатов (см. его «*The Evolution of Successive Versions of DB.*» — *EHR*, LXV, 1951, p. 561. Ср. R. Lennard. *A Neglected Satellite.* — *EHR*, LVIII, 1943, p. 32. Ср. R. N. Sawyer. *DB and the «Original» Returns.* — *EHR*, LXX, 1955). Столь же спорным является вопрос относительно даты компиляции DB. Дуглас, например, считает, что составление ее не было завершено ранее 1100 г. (см. «*Domesday Survey.*» — *History*, XXI, 1936, p. 255), другие же исследователи считают, что оно было завершено в 1086 г. (V. Gailbraith. *Studies in Public Records*, p. 9) или же вскоре после смерти Вильгельма I — к 1088 г. (см. F. M. Stenton. *Anglo-Saxon England*. Oxford, 1943, p. 647). Книга Уэлдона Финна «*The Domesday Inquest and making of Domesday. Book.*» L., 1961 осталась нам недоступной.

³⁴ Попытки восстановить территориальные границы округов расследования 1086 г. см.: A. Ballard. *The Domesday Inquest*, p. 12; C. Stephenson. *Notes on the Composition and Interpretation of DB.* — «*Speculum*», XXII, 1947, p. 3.

³⁵ Анкета расследования в I. E. (ed. N. Hamilton, 1876, p. 401) гласит: «*Quomodo vocatur mansio? Quis modo tenet? Quot hidae? Quot carucae in dominio? Quot hominum? Quot villani? Quot cotarii? Quot servi? Quot pascuorum? Quot molendina...? Quantum (valet) modo?*» О трудностях истолкования характера этой «анкеты» см.: J. H. Ro-

королевских комиссаров как в 1086. так и в 1279 г. интересовало название вотчины, имя лорда, от которого он ее держит, т. е. в колючем счете от какого непосредственного держателя короны, общая оценка площади вотчины, оценка пахотной площади господского домена, лугов, пастбищ, лесов, стоимость мельниц³⁶. Наконец, приводятся сведения относительно «земли держаний» (*terra villanorum*) и ее пахотной площади, состав держателей, вернее, численность держаний различных имущественно-правовых категорий. В одном-единственном пункте содержание описей 1279 г. существенно отличается от описи 1086 г.: первые, за исключением одной лишь сотни Chadlington (Оксф.), не содержат оценки годовой доходности — «стоимости» вотчин, вторая не содержит перечня держательских рент. Таким образом, более чем правомерно заключить, что основные — для предпринимаемого здесь исследования — вопросы анкет 1086 и 1279 гг. весьма близки по своему объему и характеру. Впрочем, в этом не будет ничего удивительного, если иметь в виду, что в основе их лежит одна и та же схема манориального экстенда, весьма суммарно воспроизведенная в DB и неизмеримо более детальная в RH³⁷. Следует лишь иметь в виду, что в обоих случаях эта схема была приспособлена для определенных «общенациональных» нужд феодальной монархии.

Однако прежде чем перейти от общей сравнительной характеристики интересующих нас кадастров к вопросу о сопоставимости их статистики, мы должны остановиться хотя бы вкратце на ряде приходящих трудностей их сравнительного изучения, обусловленных различиями в группировке материала исследований и в географической номенклатуре описываемой территории. Хотя, как отмечалось выше, расследование 1086 г., как и расследование 1279 г., проводилось по территориальному принципу, в DB ответы жюри внутри каждого графства сгруппированы по феодальному принципу: по манорам и барониям, т. е. по феодальной принадлежности тех или иных вотчин³⁸. А так как RH 1279 г. приводят ответы жюри в пределах графства в их первоначальном, необработанном виде, т. е. по географическому принципу — по виллам и сотням, то для того, чтобы между указанными кадастрами возможна была какая-либо параллель, приходится либо реконструировать сведения DB по принципу RH, либо сведения последних — в соответствии с построением DB. С наибольшими трудностями мы сталкиваемся в первом случае, так как собрать по DB все вотчины, входившие в состав отдельно взятой виллы, и все виллы, составлявшие сотню, — задача, решение которой чревато почти неизбежными ошибками. Наличие для Кембриджшира «изначальных сведений» (*original returns*) 1086 г. (в копии XII в.)³⁹ не только намного облегчило подобную рода

и *n d. Feudal England*, London, 1895, p. 130 ff; F. M. Stenton. *Anglo Saxon England*, p. 644 ff. Анализ анкеты расследования 1279 г. см. Е. А. Косминский, *Исследования...*, стр. 50 и сл.

³⁶ В DB эти сведения, как известно, следуют за сведениями о «плугах держателей».

³⁷ Тот факт, что с течением времени видоизменяется и сам экстенд, что весьма наглядно прослеживается в писцовых книгах XII—XIII вв., ничего по сути дела не меняет, ибо изменения касались не отправных его пунктов, а лишь степени детализации его сведений (см. R. Lennard. *What is a Manorial Extent?* — *HR*, XLV, 1929; *Cr. I. R. A. F. L. s. The Estates of Ramsey Abbey*, p. 79).

³⁸ Отдельные этапы составления DB (т. е. канцелярской обработки расследования) рисуются теперь в следующем виде: 1. Исходные данные (*original returns*), полученные от сотенных жюри в ходе расследования по географическому принципу — по виллам и сотням, возможно, проверенные в отношении крупных лордов дополнительными расследованиями типа феодариев; 2. Переработка этих данных в пределах данного округа (*circuit*) в соответствии с феодальным, т. е. держательским, принципом — по манорам и барониям; 3. Пересмотренная (скопированная) копия этих феодальных переработок, отправленная в Уинчестер; 4. *Exchequer domesday*, составленная на основе локальных переработок (см. H. C. Darby. *The Domesday Geography of Eastern England*. Cambridge, 1952, p. 8).

³⁹ Подробную характеристику этого ценнейшего источника см. J. H. Round. *Feudal England*, p. 7.

реконструкцию, но подчас позволило корректировать сведения самой DB (Exchequer Domesday) для этого графства. Вместе с тем именно на этом примере мы воочию убедились в том, сколь велика вероятность ошибок при реконструкции сведений 1086 г. для тех графств, для которых ничего подобного ИСС не сохранилось.

Приведем для наглядности несколько иллюстраций. Не будь у нас ИСС, вотчины, входившие в состав виллы Grantesele, пришлось бы разыскивать в шести различных местах кембриджширского раздела DB⁴⁰, и при этом вряд ли было бы учтено держание эрла Алана, значащееся там под титулом «in hoc eodem Hundredo» (I. 194b). Вотчины виллы Topht пришлось бы собирать в четырех различных местах DB (I, 191b, 194b, 200b, 201b) и при этом почти неизбежно было бы пропущено владение аббатства Илийского, так как оно помещено под названием Hardwic (I, 191b). Точно так же при собирании вотчин виллы Viteuuelle (DB, I, 193b, 194b, 200b) легко упустить 2 гайды, принадлежавшие Гардуану de Scalariis, так как они сглавлены «in Watewelle» (DB, I, 198b). Это и случилось с издателем ИСС (р. 81). Таких примеров в нашем материале более чем достаточно для того, чтобы сделать очевидной степень приблизительности всех тех перегруппировок сведений DB, которые предпринимаются с помощью двух критериев: 1) в зависимости от *наличия* данного географического названия в DB и 2) в зависимости от *идентификации* этих названий в различных частях описи. Наиболее вероятным источником ошибок, с этой точки зрения, является удивительное непостоянство писцов 1086 г. при решении вопроса, помещать ли опись того или иного владения под названием виллы, в которой оно действительно находится, либо под названием манора, которому оно принадлежит по вотчинному принципу. Так, например, ИСС обнаруживает, что вотчина упомянутого Алана в сотне Thriplow стеснена в DB (I, 194a) к вилле Fuglemaera, в то время как географически она принадлежит вилле Foxton (ИСС, р. 45). Точно так же вотчина Вильгельма Сахаингса, фиксированная в DB (I, 201b) в вилле Berton, в действительности находилась в вилле Comberton (ИСС, р. 69). Множество других случаев произвольного «перемещения» земель писцами 1086 г. вскрывается при сопоставлении DB и RH. Именно им мы обязаны большинством тех случаев, когда в вилле 1279 г. оказывается то намного большая, то, наоборот, намного меньшая площадь, чем фиксировано в DB⁴¹. Вообще следует подчеркнуть, что наличие ИСС значительно облегчило всю статистическую обработку сведений DB по Кембриджширу (наиболее сложному по вотчинной структуре графству). Для остальных же графств ничего другого не оставалось, как контролировать реконструкцию вотчинного состава вилл 1086 г. прежде всего при помощи соответствующих данных RH как 1274, так и 1279 г. Большим подспорьем оказались также издания VCH of England⁴².

Со значительными трудностями мы сталкивались и при обработке данных RH 1279 г. Как уже отмечалось, в этом кадастре ответы жюри не подвергались последующей обработке, т. е. фиксировались по территориальному принципу. Однако это не значит, что указанный принцип повсюду

⁴⁰ DB, I, 193a, 194b, 196a, 200b, 201b, 202a. Здесь и впредь в аналогичных случаях географические названия даются в транскрипции источника.

⁴¹ См. ниже. Следует заметить, что Раунд склонен был явно переоценивать тщательность клерков, компилировавших Exchequer Domesday. Проводившееся ими различие между такими фактами, как terra jacet и terra reddit, породило массу ошибок в географической локализации земель в описи 1086 г. и массу неразрешенных загадок для современного исследователя.

⁴² Большую помощь при решении этого вопроса оказали также издания «Testa de Nevill» и «Placita de quo warranto» (PQW). Устойчивость владельческой традиции была сильной и рядом столь велика, что давность не могла совершенно стереть ее из памяти современников Эдуарда I.

последовательно выдержал⁴³. Изучение RH — вилла за villой — позволяет обнаружить немало случаев, когда в нарушение принципа географического писцы 1279 г. вдруг переходят на почву феодария, т. е. кадастра феодального В результате этих перекрещивающихся тенденций и по описям 1279 г. в иных случаях столь же трудно сказать, сколько в данной вилле вотчин, как и по описи 1086 г. И это не только потому, что границы вилл нередко разрываются на части в угоду вотчинному принципу, а следовательно, не только потому, что в описи 1279 г. в качестве самостоятельной вотчины нередко выступает то, что в действительности являлось лишь составной частью вотчины, но в силу того, что соблюдение географического принципа приводило к обратному, т. е. к изображению в качестве единого целого того, что фактически представляло ряд самостоятельных образований с точки зрения вотчины⁴⁴.

В результате и по RH подчас нелегко определить, в какой вилле в действительности находилась та или иная площадь пахоты, либо потому, что она описана дважды: один раз по принципу *jacet*, а другой — по принципу *perlinet*⁴⁵. Так, например, в RH 1279 г. (II, 718) 8 виргат, принадлежавшие Роберту Dikerel, описаны в вилле Pidinton, в действительности же они составляли часть площади виллы Merton (RH, II, 715). Далее, если верить RH (II, 440), то феоd Маргерии de Keriel находился целиком в вилле Hinton, между тем, как свидетельствует Ричмондский регистр, земля этой вотчины была расположена в двух виллах — Hinton и Tewersham⁴⁷. 100 акров пахоты виллы Scelford Parva необходимо по RH (II, 550) искать в описи смежной виллы Scelford Magna, где находилась основная часть вотчины, в состав которой входила эта земля⁴⁸. Подобных примеров в RH множество. Они лишней раз заставляют вспомнить тонкое замечание Мэтланда об «удивительной подвижности земли» в изображении средневековых кадастров, благодаря чему одна и та же пахота для одной цели могла находиться в одном месте, а для другой — в другом⁴⁹.

Еще более значительными оказались трудности при попытке перегруппировки данных RH по фефному принципу (в соответствии со схемой DB). Сопоставление RH с Testa de Nevill и Ричмондским регистром убеждает в том, насколько первые небрежны в описании фефной организации землевладения⁵⁰. Хотя в королевской анкете 1279 г. имелся специальный вопрос о держательских связях каждого владения⁵¹, ответы на него жюри

⁴³ Ср. Е. А. Косминский. Английская деревня..., стр. 62 и сл.

⁴⁴ В самом деле, как определить, сколько вотчин насчитывали современники в вилле Magna Stanton (RH, II, 680), в которой Ансельм de Gyfe держал от епископа Линкольнского два рыцарских феода, а в маноре Ансельма приор de Bissemede — 295 а, Гальфрид de Stanton — 120 а и т. д., или сколько вотчин числилось у Вильяма Launcelin, который в 1279 г. в сотне Toseland (Гонтинг), если верить RH, владел половиной рыцарского феода в селении Caldecot (RH, II, 670), вилланами и свободными державцами в селении Weston?

⁴⁵ RH, II, 715: Honor scil. Walerici; RH, II, 720: Feod Butiler.

⁴⁶ RH, II, 737 (Chadlington); RH, II, 717, 724 (Baldinton).

⁴⁷ Registrum honoris de Richemond, ed. R. Gale. London, 1722. p. 54. Appendix.

⁴⁸ RH, II, 544. Вторжением феодального принципа землевладения в опись 1279 г. следует объяснить множество тех случаев, когда в угоду ему описи земель одной и той же виллы оказываются разбросанными в различных частях описи сотни, например описи Maddingle (RH, II, 449, 465), Gumbes (RH, II, 714, 716).

⁴⁹ F. W. Mailland. DB and Beyond, p. 10.

⁵⁰ Так, например, из RH мы не узнаем, что 700 а земли, фиксированных за аббатом Уолсипемским в вилле Horseath, составляли $\frac{1}{2}$ рыцарского феода (RH, II, 424; ср. Registrum honoris de Richemond, p. 55) или что вотчина Алиции de Bello Campo в той же вилле составляла вторую его половину. В этом, впрочем, нет ничего удивительного: RH — не феодарий. Феодальный аспект землевладения — лишь один из переплетающихся в них аспектов его характеристики.

⁵¹ RH, II, 514: «Utrum tenet de domino rege in capite vel per medium et de quibus mediis».

часто оставляют желать большего. Наряду с примерами, когда самым тщательным образом прослеживается многоступенчатая держательская лестница какого-нибудь мессуагия⁵², в РН очень много случаев, когда это не делается даже в отношении крупной вотчины⁵³, когда опись ограничивается указанием ближайшего лорда (опуская всю верхушку «лестницы») или, наоборот, указанием лишь верховного лорда (барона), опускаемая при этом средние звенья (mesne lords) иерархии⁵⁴. Дело, конечно, не только в небрежности писцов. Держательские связи многих земель были уже к тому времени слишком сложными и запутанными, чтобы их можно было в каждом отдельном случае проследить «вплоть до короля»⁵⁵. Очень характерны в этом отношении так называемые schedulae, помещенные в конце ряда описей: для земель, фиксированных в них, указанные связи совершенно затерялись и стерлись из памяти⁵⁶.

Однако трудности, связанные с восстановлением феодальной структуры землевладения до РН, этиам отнюдь не исчерпываются. На пути исследователя становятся необычайная сложность и нестрога вотчинного состава среднеанглийских вилл, значительный удельный вес внутри вотчин фригольдерских земель, дробность и необычайная текучесть держаний. При этом формы описания этих держаний в РН отнюдь не идентичны. В одних случаях опись фригольда приводится последовательно, т. е. в соответствии с вотчинной структурой виллы, иначе говоря, фригольд каждой вотчины описывается раздельно вслед за ее доменом⁵⁷. В других же случаях опись виллы сложного состава полностью игнорирует их вотчинную структуру — писцы как бы рассматривают такую виллу как единое целое, т. е. как совокупность определенного числа крупных и мелких держаний (свободных), вотчинная принадлежность которых отступает на задний план перед фактом реального обладания (seisin)⁵⁸. Наряду с этими основными формами описей фригольда в РН имеется еще ряд промежуточных форм, сочетающих только что указанные принципы. Очевидно, что в то время как первая из указанных форм наиболее благоприятствует целям выявления феодной принадлежности фригольда, вторая полностью противоречит этим целям и требует, чтобы контуры вотчин были восстановлены с помощью совершенно неадекватных средств.

Наконец, в сравнительно-историческом исследовании, в основе которого лежит вилла, первостепенное значение приобретает вопрос о степени стабильности географической номенклатуры, ибо очевидно, что прежде чем воспользоваться какими-либо данными, должна быть твердо установлена их территориальная принадлежность. Между тем два столетия, разделяющие наши основные источники, — срок, более чем достаточный для далеко

⁵² РН, II, 448: «Joh. de Eversdene tenet I mess cum croft de domino H. de Bokesworth, et idem H. de domino Ric. de Hulle et idem Ric. de domino Rege. Cp. RII, II, 512 et passim.

⁵³ РН, II, 445: (Pampesworth) «Dominus Iohannes Camoys tenet (?)»; RII, II, 428: (Northogate) «Monachi de Ely tenent (?)»; RII, II, 443: (Fulburn) «Baldewyn de Mamevris tenet... de Alexand[ro] Bayloll unum feudum (?)». Cp. RH, II, 483—484.

⁵⁴ РН, II, 461: «Est de feodo de Toni»; RII, II, 457: «Est de feodo Leicestrie».

⁵⁵ РН, II, 549: (Trumpinton) «Iohannes filius Walterii tenet de Baldewino de Sco Georgio et idem Baldwinus tenet de Ricardo Muscogros et idem Ricardus nescimus de quo»; RH, II, 550: «Thomas Wimumd tenet de Will... et idem Will. nescimus de quo».

⁵⁶ RII, II, 558. Cp. RII, II, 552: «...totum residuum de predicta terra per plures particulas perquisita et de plures feodis sed nescimus distinguere».

⁵⁷ РН, II, 456: Lollworth; RII, II, 575: Sauston; RII, II, 581: Duxford.

⁵⁸ Типичным примером могут служить описи вилл Maddingle (РН, II, 446) и Whittlesford (RII, II, 574). Не менее варьируют и формы описей субдержаний. В одних случаях вначале приводятся все непосредственные держатели «от лорда малора» (tenentes de domino manerii) и лишь затем перечисляются субдержатели, в других же случаях за каждым держателем первой руки следуют его субдержатели. Типичный пример см. RII, II, 480 (Bokesworth): «Will Gocelyn tenet I quartam terre... Henricus hoc tenet de eodem Will terciam partem illius quarte [etc.]».

идуших изменений географических названий как в связи с переходом villi из рук в руки, так и из-за дробления их по вотчинному принципу. Систематическое сопоставление DB и RH обнаруживает, что наименования подавляющего большинства villi оказались в границах изучаемого района удивительно устойчивыми и поэтому сравнительно легко идентифицируются⁵⁹. Тем не менее в ряде случаев изменения этих наименований villi оказались столь значительными, что их происхождение не могло быть установлено⁶⁰. В значительной мере в этом повинны радикальные перемены в структуре самих villi⁶¹, чем нередко обусловлено совершенно загадочное исчезновение из описей 1279 г. одних селений (точнее — их названий) и столь же необъяснимое появление в них других⁶² (естественно, что в данном случае речь идет о подобного рода переменах лишь в пределах района, описанного в RH 1279 г.). Если отвлечься от тех случаев, когда описи villi, значащихся в RH в одних графствах, приходится разыскивать по DB в других графствах (обычно соседних)⁶³, а также от тех, когда само название villi 1086 г. стало к 1279 г. внешне неузнаваемым⁶⁴, то останется значительное число таких загадок, которые объясняются лишь косвенным путем либо остались для нас необъяснимыми. Так, например, в кембриджширских RH мы не найдем villi Esselinge — крупной коронной вотчины 1086 г. (DB, I, 189b). Возможно, что часть ее пахоты фиксирована здесь в описи villi Iselham Magna (RH, II, 441). Однако если Esselinge идентифицировать с Exninge более поздних описей, то ее исчезновение из кембриджширских свитков объясняется тем, что к XIII в. эта villa оказалась в пределах соседнего графства Сесфок⁶⁵. В RH мы ее найдем также и villi Belesham (DB, I, 1906). Зато там появился мапор Ditton⁶⁶. Однако предположение, что это — идентичные селения, оправдано разве лишь преемственностью лорда мапора: Ditton был в 1279 г. мапором аббатства Илийского, как и Belesham — в

⁵⁹ F. W. Maitland. *DB and Beyond*, p. 445; H. C. Darby. *A Historical Geography of England before 1800*. Cambridge, 1935, p. 157.

⁶⁰ См. ниже, стр. 22.

⁶¹ Достаточно привести следующие примеры: вместо одной villi Camps (Кембр.) в DB (I, 196b) в RH мы находим (p. 424): villa Camps, hamelett' Olmsted, villa Berehave, Shudecamps, hamelett' Northgate, villa Northfield. Вместо одной villi Einulvesborie (Гентинг) в DB (I, 206bb, 207a) мы находим в RH (II, 669) villa de Eynesbor, hamelettea Herdwick, Seher, Berkford, Caldecote etc. Однако трудно было бы из одного факта молчания DB заключить, что того или иного селения не было еще в 1086 г., так как «появившиеся» к 1279 г. селения в действительности могли иметь долгую историю, их повизна определялась лишь тем, что они впервые проникли под данным названием на страницы нашего более позднего источника. Так, например, очевидно, что из трех hamelettea villi Neutone в 1279 г. — Sybestone, Styhyngtone, Watnesford (см. RH, II, 646—649) два — Sibestone, Stybingtone — уже существовали в 1086 г. (см. DB, I, 205a), хотя они и фигурируют в RH как самостоятельные мапоры. Примеры «сокрытия» в DB уже существовавших в 1086 г. villi см. ICC, p. 8 (Thorht), p. 15 (Stowa) и т. д.

⁶² См. ниже, гл. I, § 2. Cp. Leouard, *Rural England*, p. 36.

⁶³ Приведем несколько примеров: часть гентингдонширской villi Maregrave (RH, II, 620) оказалась в DB описанной в Порсемптоншире (DB, I, 226a). То же относится к villam Leyton (Luditone) (DB, I, 219b, 222a), Luddington (Luditone) (221), Thirninge Winewic (221b, 226a, 228a), Stibintone (229), Catworth (222), часть кембриджширской villi Parworth описана в DB в Гентингдоншире (I, 206b). В уорвикширской части DB описаны оксфордширские villi Spelesberie (I, 238b) и Mollitone (I, 241b, 244a); в порсемптонширской части DB оказались описи villi Pinemore (I, 221a), Hegham (221a), Seildeswelle (221a), Clintone (221a), Optone (Wootton) (221a), Nortone (219b), Egforde (224a, bis), Cotesforde (224), Cerlentine (224b), Sciptone (224b), Scipford (224b) и часть villi Molitone (226a), в стаффордширской части DB описана часть villi Sibeford (250a); ср. VCH of Oxford, I, p. 425.

⁶⁴ См., например, Tuutroph Hamelet (RH, II, U1R), Duchitorp (DB, I, 155). Cp. RH, II 784: Locus qui tunc vocabatur Chideham nunc vocatur Chaldewelle.

⁶⁵ Exuinge лишь упоминается в RH, II, 498. Cp. N. Darby. *Eastern England*, p. 226.

⁶⁶ Само название villi в 1279 г. еще не исчезло (см. RH, II, 435).

1086 г.⁶⁷ в RH (II, 506) появилась вилла Landwade, которую (под этим названием) по найти в DB. Географически она должна была быть связана с villой Burwell той же сотни, так как мы узнаем, что они составляли один и тот же церковный приход (RH, II, 506). Однако с точки зрения вотчинных связей она принадлежала вилле Fordham, так как рыцарский феод Агнеты de Hastings состоял из земель, расположенных в этих двух виллах (RH, II, 506). Вновь появившуюся в RH (II, 566) villу Cotes правомерно отнести за счет дробления villы Grantchester не только потому, что «Capella de Cotes pertinet ad manerium de Granteceye», но и по вотчинному ее составу. Однако в ряде случаев появление в RH vill с новыми названиями (т. е. с названиями, не встречающимися в соответствующих разделах DB) мы объяснить не сумели и поэтому были вынуждены оставить их вне сопоставления⁶⁸. Наконец, в связи с тем, что в RH фиксируется отдельно то, что в DB описано суммарно, мы очень часто сталкиваемся с фактами, когда площадь той или иной villы в 1279 г. намного меньше площади, указанной в ней в 1086 г. Приведем лишь один пример: к 1279 г. резко уменьшилась площадь villы Hildrichesham (в 1086 г. в ней фиксировано 41 каруат, а в описи 1279 г. только 315а)⁶⁹. Однако установить причины подобных перемен отнюдь не всегда удается. В то же время в ряде других vill между 1086 и 1279 гг. столь же загадочно увеличилась площадь пахоты⁷⁰.

Суммируя сравнительную характеристику наших основных источников, нам думается, правомерно заключить, что, несмотря на различия в компоновке самих описей, в группировке содержащихся в них данных и на ряд трудностей историко-географического характера, их параллельное, сравнительное изучение научно вполне оправдано, ибо оно имеет под собой прочный фундамент идентичной трактовки общественной структуры Англии как структуры, коренящейся в отношениях феодальной собственности. Именно этим определяется соизмеримость основных социальных фактов, фиксированных в этих кадастрах. Поэтому отнюдь не должно смешивать вопрос о принципиальной допустимости параллелей между DB и RH с вопросом о практической возможности ее осуществления, иначе говоря — о методике их сравнительного изучения. Последняя же полностью определяется степенью сопоставимости статистики указанных кадастров и прежде всего их оценок в земельной площади.

Вопрос о содержании землемерных единиц, встречающихся в наших источниках, имеет в буквальном смысле слова вековую давность. Однако, несмотря на это, он полностью далеко еще не разрешен. Так, например, до сих пор между исследователями еще не достигнуто согласия по вопросу о том, что нужно понимать под пунктом «b» формулы DB, в котором фиксировано число *lega sociis* каждой вотчины, — то ли количество плугов, обработывавших эту землю в 1086 г., как утверждал Баллард⁷¹, или же в ней, как допускал Мэтланд, мы должны усматривать оценку, подчас столь же далекую от реальных фактов агрикультуры, как и в оценках в гайдах⁷², или же, наконец, потенциальную удобную сельскохозяйственную площадь, которая может быть запята под обработку в момент расследования (т. е. в 1086 г.), как склонен был думать П. Г. Виноградов⁷³. По сей день, как и сто лет назад, можно еще дискутировать по вопросу

⁶⁷ Cp. H. Darby, *Eastern England*, p. 272.

⁶⁸ Эти вотчины следующие: в Оксфордшире Fileking (RH, II, 696), Stanlak, Sulthorne (p. 823), Deneford (p. 885); в Кембриджшире Berclave (p. 426); в Гентингдоншире Abdoldele (p. 672), Weld (p. 674), Mideltho (p. 686).

⁶⁹ RH, II, 446. Cp. RH, II 563 (Vitwell), 566 (Hexnton); H. Darby, *Eastern England*, p. 269.

⁷⁰ См., например, опись villы Vinopol (RH, II, 563).

⁷¹ A. Ballard, *Domesday Inquest*, I, p. 314.

⁷² F. Maitland, *DB and Beyond*, p. 413, 434, 471.

⁷³ P. Vinogradoff, *English Society*, p. 159; *idem*, *Growth*, p. 156.

о том, сколько волов насчитывали в упряжке одного плуга писцы Вильгельма I — восемь, шесть или четыре⁷⁴, и т. д. и т. п. Точно так же трудно говорить о единодушии среди исследователей и по вопросу о характере земельных мер, встречающихся в РН. Сибом⁷⁵ и в еще большей мере Гранат⁷⁶ слишком поспешно готовы были видеть в акрах и виргатах РН реальные величины, т. е. величины, отражавшие действительную протяженность тех или иных земель. Намного осторожнее и с большим скептицизмом отнесся к ним Е. А. Косминский, то и дело предупреждающий против слишком доверчивого отношения к землемерным единицам РН⁷⁷.

Трудность расшифровки реального содержания поземельных мер, встречающихся в средневековых источниках вообще и в изучаемых нами в частности, заключается не столько в том, что современному исследователю трудно обнаружить систему учета земли, сколько в отсутствии в них какой-нибудь единой, выдержанной от начала до конца системы. В сложном переплетении в одном и том же памятнике одновременно *несколько систем* (точнее — аспектов учета). Поэтому необходимо в каждом отдельном случае решать, что перед нами: фискальная ли оценка данного владения, система раскладки сеньориальных повинностей, собственно аграрная (реальная) его характеристика или, наконец, сочетание в одно и то же время всех этих аспектов, вместе взятых? При этом во всех случаях нельзя забывать, что перед нами не результат действительного промеривания земли, а лишь та или иная ее «оценка»⁷⁸, в слове которой подчас лежит древняя локальная традиция агрикультуры. Если же к этому прибавить и то, что отклонения локальных мер от общепринятых стандартов значительны и разнообразны, как и различны способы перевода одних мер в другие, то нельзя будет не согласиться с тем, что вряд ли в этой области когда-либо будет достигнута абсолютная ясность и бесспорность заключений.

Возьмем для примера оценку площади вотчины Рамзейского аббатства в вилле Graveley. В описи, заготовленной, по-видимому, для надобностей королевской курии, мы читаем: «Sunt in eadem villa quinque hidae quas liberi et custumarii tenent»⁷⁹. Справившись по DB (I, 192b), легко обнару-

⁷⁴ Впрочем, спор ведется не столько по вопросу, сколько волов в плуговой упряжке (caruca) для целей фискального учета. Раунд в свое время убедительно доказал, что клерки 1086 г. считали по восьми волов на 1 каруку («Feudal England», p. 35; ср. Domesday Studies, ed. P. E. Dove, I, p. 209; F. Maitland, DB and Beyond, p. 414), и пока нет оснований отказываться от этой точки зрения (ср. Н. Finberg. The Domesday Ploughteam.— EHR, LXI, p. 67.). Дискуссия ведется по поводу того, сколько волов в действительности впрягалось в один плуг в Англии XI—XIII вв. Ничего нет удивительного в том, что ответы получаются самые различные — от 40 до двух и даже одного вола (см. R. Lennard. Domesday Ploughteam; South-Western Evidence.— EHR, LX, p. 233 sqq.; V. Gailbraith and J. Tait. Herefordshire Domesday. London, 1950. Introduction, p. XXXII; H. Richardson. The Medieval Ploughteam.— «History», XXVI, 1941, p. 278). Напрасно Ричардсон отрицает факт, что в плуг передо в действительности впрягалось по 8 волов. Ср. РН, II, 67: «Rogerus de Predyas capere fecit... VIII boves junctos cum caruca... et cum predictis babus et caruca per quemlibet diem aravit».

⁷⁵ F. Seebohm. The English Village Community. London, 1883, p. 30.

⁷⁶ И. Гранат. К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии. М., 1908, стр. 11: «В кадастре Эдуарда I мы имеем перед собой не фискальные нормы... а земельные единицы вполне реального содержания».

⁷⁷ Е. А. Косминский. Английская деревня..., стр. 56.

⁷⁸ О том, что одна и та же площадь могла обозначаться как «x» акров для одной цели и «y» для другой, см. у П. Г. Виноградова («Growth...», p. 151—152). Только с такой точки зрения может быть понятно замечание Рамзейского картуллера (I, p. 294): «Et nescitur quot acrae faciunt virgata liberam». «Свобода» здесь — антигона «тяглу», т. е. земле «платящей» (см. *ibid.*, p. 277).

⁷⁹ C. Kam. (ed. W. H. Hart, P. A. Lyons), v. I, London, 1884, p. 273. Опись озаглавлена: «Feoda militum et maucra quae abbas te conventus de Ram. tenent de domino Rege in capite et quo warranto» (*ibid.*, p. 267).

жим, что она в данном случае только повторяет фискальную оценку манора в 1086 г. Но вот перед нами экстенд той же вотчины, составленный для целей сеньориальных, и из него мы узнаем другое: «Apud Gravele quinque hidae duae hidae et dimidia sunt in curia duas et dimidiam habent homines infer se»⁸⁰. Таким образом, нетрудно заключить, что для целей фискальных у держателей этого манора оказывается вдвое больше земли, чем для целей вотчинного учета, и, следовательно, что в первом случае виргата по числу акров должна была быть вдвое меньше, чем во втором. Максимальное, на что наука может претендовать в данной области, это выдвинуть, о какого рода оценке речь идет в землемерных единицах наших источников и как соотносятся между собой различные меры в пределах данной оценки, а также, в случае, если источник содержит различные оценки (т. е. с различных точек зрения) одной и той же площади, попытаться установить, в каком отношении единицы этих оценок находятся друг к другу.

Хорошо известно, что в DB и RH земельная площадь оценивается почти в одних и тех же по названию земельных единицах, представляющих собою подлинную основу феодальной статистики. Гайды — виргаты — акры, карукаты (каруки) и боваты — таковы меры, в которых выражена пахота описываемых вотчин в пределах изучаемой территории как в XI, так и в XIII в. Следовательно, задача заключается в том, чтобы установить, в какой степени эти идентичные по названию меры однородны по своему существу (т. е. по характеру выраженной в них оценки). Иначе говоря, мы должны попытаться выяснить, идентичен ли в наших источниках критерий оценки описанных земель, прежде чем решать вопрос о сопоставимости статистики обоих кадастров. Фискальный (т. е. искусственный, нередко далеко отстоящий от действительной протяженности владений) характер поземельных оценок DB, фиксированных в «гайдах», общепризнан⁸¹. Но если это так, то определение содержания одноименных мер в XIII в. — гайд в RH — уже не представляет большого труда, так как оно прежде всего зависит от их чисто количественного соотношения с гайдами DB. Другими словами, в случае массового совпадения числа гайд (в оценке одних и тех же вотчин) в DB и RH природа последних перестанет быть загадочной. Сопоставление оценок одних и тех же вотчин в гайдах манор за манором по DB и RH убеждает в том, что гайды 1279 г. (в тех случаях, когда не произошло перемен ни реальных, ни фискальных)⁸² являются, как правило, не чем иным, как буквальным повторением оценок в гайдах, фиксированных в DB. Приведем в качестве примера сравнительную оценку более трех десятков вотчин в гайдах в 1086 и 1279 гг.:

	1086 г. (DB, I)	1279 г. (RH, II)
Whittesford	(202 a)*—11	(571)*—11
Swaffham	(190 b) — 3	(484) — 3
Westwick	(192 a) — 2	(407) — 2
Cotham	(192 b)—11	(409) —11
Ibidem	{(191 b)—10	(409) —10

* В скобках дается ссылка на источник.

⁸⁰ C. Ram., v. III, p. 277; ср. F. W. Maitland. History of a Cambridgeshire Manor.— EHR, IX, p. 418: «plena terra de warra»; в вилле Wilburton она равна 12 а, в действительности же — 24 а.

⁸¹ J. H. Round. Feudal England, p. 36, 44, 65; F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 35, 450; P. Vinogradoff. Growth..., p. 151, 155; VCH of Worcester, I, p. 236; VCH of Bedford, I, p. 191, 193.

⁸² О том, что такие перемены в фискальных оценках тех или иных вотчин происходили в течение XII—XIII вв., свидетельствует грамота Иоанна Безземельного аббатству Труа: «Quod decem hidae in Horseleia se adquietent pro septem hidis de omnis geldis et omnibus rebus» (Rotuli chartarum, 1199—1218, ed. T. D. Hardy. London, 1837, p. 124).

	1086 г. (DB, I)	1279 г. (RH, II)
Gamlingay	(120 a) — 1	(530) — 1
Jakley	(205 a) — 15	(640) — 15
Fletton	(205 a) — 5	(639) — 5
Sawtry	(206 b) — 10	(663) — 10
Ibidem	(204 b) — 7 1/2	(639) — 7 1/2
Elton	(204 b) — 10	(630) — 10
Upton	(205 b) — 4	(620) — 4
Leighton	(203 b) — 15	(616) — 15
Buckworth	(205 b) — 10	(618) — 10
Stanground	(205 a) — 8	(645) — 8 1/2
Kettleston	(203 a) — 4	(614) — 4
Arncof	(156 b) — 2	(715) — 2
Baldon	(159 b) — 10	(724) — 10
Ibidem	(155 b) — 2 1/2	(724) — 2 1/2
Tew	(156 b) — 3	(847) — 3
Ewelme	(159 a) — 2 1/2	(759) — 2 1/2
Eston	(158 a) — 2	(817) — 2
Stratford	(149 b) — 8	(342) — 8
La Lega	(213 b) — 1/2	(325) — 1/2
Radwell ⁸³	(217 a) — 2 II 2 1/2 vg	(326) — 2 1/2 H 1/2 vg
Ferdish	(216 a) — 3	(330) — 3
Turvey	(211 a) — 1	(332) — 1
Leckhampstead	(144 b) — 18	(338) — 18
Ibidem	(149 b) — 3	(338) — 3
Turweston	(151 a) — 5	(340) — 5
Celdeston	(144b, 145 b) — (4+5)	(340) — 8 1/2 H 1 vg
Lilington	(147 b) — 5	(340) — 5
Copingforde	(205 b) — 4	(620) — 4

Обозревая эти данные, следует иметь в виду, что они отнюдь не выборочны, а отражают положение вещей во всех тех вотчинах, где между 1086 и 1279 гг. не произошло ни владельческих сдвигов, ни фискальных переоценок. Одним словом, вся масса свидетельств подобного рода неизбежно ставит нас перед альтернативой: либо отказаться от взглядов на гайду DB, как на чисто фискальную меру, однако для этого в данном случае нет никаких оснований; но тогда остается второе и единственно правильное — признать, что *гайды RH сплошь и рядом лишь повторяют ставшие к тому времени традиционными фискальные оценки вотчин в 1086 г. и, следовательно, что в них следует видеть такую же искусственную фискальную меру протяженности вотчины*, как и в гайдах DB. Но если это так, то мы в DB и RH получаем не только разновременные отражения одних и тех же социальных фактов, но, что еще больше примечательно, *однородное* их отражение, иначе говоря — преломление их сквозь одну и ту же призму фискальной оценки. Следует ли подчеркивать, что поскольку мы прежде всего стремимся к количественному сравнению этих фактов, последнее обстоятельство имеет первостепенное значение для обоснования познавательной ценности такого исследования.

Однако вопрос о содержании землемерных единиц RH 1279 г. этим отнюдь не исчерпывается. Известно, что мнение исследователей, усмотревших в них реальные неземельные меры в отличие от фискальных

⁸³ Сравнение оценок этой вотчины вызывает особый интерес, так как позволяет воочию видеть, как лица точно переводят (по фискальному стандарту) 2 1/2 vg в 1/2 II 1/2 vg. Точно такой же пример перевода различных единиц фискальных «оценок» мы можем наблюдать в сравнительных данных, относящихся ко множеству других вотчин. Ср. I. Tait. Hides and virgates of Battle Abbey.— ENR, XVIII, 1905, p. 705.

оценок, сложилось под впечатлением той временами поразительной дробности описания пахоты, для выражения которой были уже недостаточны не только доли гайды — виргаты, но и доли последних — акры. Одним словом, именно потому, что в описях 1279 г. пахотная площадь фиксируется не только суммарно — в гайдах, но и в виргатах и акрах, во многих случаях создается видимость принципиального отличия этих последних мер от оценки DB. Следовательно, задача заключается в том, чтобы выяснить характер и содержание виргат и акров — компонентов гайды в RH. Поскольку фискальная природа гайд в описях 1279 г. не подлежит уже сомнению, нам остается установить, в каком отношении виргаты и акры RH находятся к этим гайдам. Прежде чем суммировать возможные здесь наблюдения в сводной таблице, проанализируем несколько примеров: Роберт de Insula, читаем мы в описи виллы Colenham (Кембр.) в RH (II, 409), держит 9 гайд, что является простым повторением оценки этой вотчины в DB (I, 191b). В описи 1279 г. эта площадь распределена следующим образом: 2 Н — в домене, 2 Н — у держателей и 5 Н непахотной земли (лугов, пастбищ и т. д.), что дает в сумме 9 гайд DB, иначе говоря, и эти на первый взгляд реальные гайды являются такими же фискальными единицами, как и гайды общей оценки вотчины. К счастью, мы можем довольно точно подсчитать количество акров у держателей и в итоге обнаружим, что оно составляет 240 а ($73 + 150 + 17$). Таким образом, нет сомнения, что эти акры являются не чем иным, как производными от тех же фискальных гайд по стандартной схеме: $1Н = 4\text{ vg} \times 30\text{a} = 120\text{a}$. Так или иначе, дилемма остается той же: либо признать за указанными гайдами реальное значение, либо считать и акры RH фискальными единицами⁸⁴.

Точно так же фискальный характер гайд RH и их компонентов вскрывается во множестве других случаев. Вотчина Emington оценена в DB (I, 157b) в 10 гайде. В RH (II, 784—785) эти гайды распределены следующим образом: 4 гайды в домене, у держателей можно насчитать $2\text{ vg} + 2\text{ vg} + 18\text{ vg} + 2\text{ vg}$, т. е. $24\text{ vg} = 6$ фискальных гайдам. В вотчине, которую Теодрик держал от короля в 1086 г., DB (I, 160b) фиксировала 1 Н $3\frac{1}{2}\text{ vg}$. В RH (II, 843) эта вотчина описана под титулом «Serjanteria de domino Rege», ее общая площадь не указана, но ее нетрудно установить: $2\text{ vg} + 2\text{ vg} + 1\frac{1}{2}\text{ vg} + \frac{1}{2}\text{ vg} + \frac{1}{2}\text{ vg} + 1\text{ vg} = 7\frac{1}{2}\text{ vg}$, что составляет в сумме DB ее оценку, т. е. 1 Н $3\frac{1}{2}\text{ vg}$. Возможно ли более очевидное доказательство того факта, что виргаты в RH являются компонентами тех же фискальных гайд? Вотчине Chippenhurst в 1086 г. оценили в 3 Н (DB, I, 157a). В RH (II, 720) общей оценки этой вотчины не найти, но части ее, описанные в виргатах, составляют: $3 + 2 + 7 = 12$, т. е. те же три гайды. Разумеется, что эти виргаты — простые компоненты фискальных гайд. Точно так же виргаты описи виллы Newnham при ближайшей проверке

⁸⁴ Решая аналогичный вопрос для 1086 г. на материале графства Мидлсекс, Мэтланд («DB and Beyond», p. 478) и Випоградов («English Society», p. 167) склонны были усматривать в акрах, в которых оценивается зачастую terra villanorum, если не реальную площадь, то, во всяком случае, нечто отличное от фискальных гайд. Материал среднеанглийских графств этому решительно противоречит. Приведем ряд примеров. Вилла Wilburton (I. E., p. 117) оценена в 5 гайд. В домене этой вотчины указано 3 Н 1 vg, таким образом, на долю держателей остается 1 Н 3 vg, т. е. 210 фискальных акров. В этой вотчине значится 9 вилланов по 10 а и 4 виллана по 30 а, т. е. в общей сложности искомые 240 а. Фискальный характер этих акров очевиден. Вилла Downham (DB, I, 192a) оценена в 4 гайды, в домене указано $2\frac{1}{2}$ Н, на держателей приходится $1\frac{1}{2}$ Н, или 180 фискальных акров. В 1086 г. здесь фиксировано 15 вилланов, с 12 а каждый, что в сумме составляет 180 а. Нет сомнения, что надел в 12 а здесь не реальный размер пахоты, а его фискальная оценка. Вилла Stratham оценена в DB (I, 191) в 5 гайд. В домене указано 3 гайды, следовательно, на держателей приходится 2 фискальные гайды. Они распределены следующим образом: 12 вилланов по 10 а каждый и 11 вилланов — в совокупности 1 гайда. Таким образом, во всех случаях, когда держания в DB фиксированы в более дробных единицах, они представляют собой составные части той же общей фискальной оценки вотчины.

оказываются простым переводом гайд DB по фискальному стандарту в более дробные оценочные единицы. В самом деле, 16 гайд DB (I, 159a) переданы в RH (II, 721) в виргатах как: 7+6+4+4+3+2+1+1+1+1+1+1+32 (у вилланов) + 25 коттеров + 6 а, что составляет (считая у каждого коттера по 1 а) 64 виргаты, т. е. 16 гайд. Наконец, в нашем материале немало случаев, когда число акров, указанное в RH, точно повторяет число акров, фиксированное в той или иной вотчине в 1086 г., что является лучшим подтверждением их фискального происхождения⁸⁵. Ввиду особой важности этих свидетельств приведем ряд других наблюдений:

	1086 г. (DB, I)	1279 г. (RH, II)
Whittlesford	(202 a) *— 1 vg	(571) *— 26 a 1 r
Gamlingay	(191 b) — 1 H	(530) — 120 a
Fulner	(196 b) — 10 H	(546) — 1220 a
Hawxston	(191 a) — 8 1/2 H	(550) — 975 a
Swaffham	(195 a) — 3 H 1 vg	(494) — 385 a
Eversden	(194 b) — 1 H	(527) — 121 a
Caldecote	(195 b) — 1/2 H	(527) — 62 1/2 a
Histone	(198 a) — 1 H	(584) — 119 1/2 a
Esceprid	(197 a) — 1 H	(561) — 121 a
Comberton	(202 b) — 100 a	(555) — 100 a
Arrington	(194 b) — 1/2 H	(556) — 60 a
Thriplow	(199 a) — 1 H	(542) — 4 vg
Conington	(199 a) — 2 H	(467) — 8 vg
Eastrop	(161 a) — 5 H	(740) — 20 vg
Dean	(157 b) — 8 H	(741) — 32 vg
Fulbrook	(158 b) — 12 H	(744) — 4 H 32 vg
Churchill	(157 a) — 20 H	(745) — 80 vg
Ambrosden	(157 b) — 10 H	(715) — 40 vg
Kingham	(159 b) — 10 H	(733) — 40 vg
Horspadan	(148 a) — 10 H	(346) — 1200 a
Lyncham	(156 b) — 10 H	(743) — 39 1/2 vg
Stratford	(149 b) — 8 H	(342) — 32 vg
Woodstone	(205 a) — 5 H	(643) — 26 vg

* В скобках дается ссылка на источник.

Подобные примеры полного соответствия между фискальной оценкой вотчин 1086 г. в гайдах и числом виргат и акров, фиксированных в тех же вотчинах в 1279 г., не оставляют никаких сомнений относительно характера этих единиц. Они свидетельствуют о том, что фискальными оценками в RH являются не только гайды, но и вся система их компонентов, иначе говоря, что акры и виргаты являются не чем иным, как искусственно созданной сетью тех же фискальных единиц — производной от числа фискальных гайд по схеме: 1 H = 4 vg × 30 a = 120 a, и следовательно, весьма далеки от числа реальных акров и виргат общинных полей⁸⁶.

⁸⁵ Ср. DB, I, 200b; Barton — 20a; RH, II, 561; Eustachius de Barenton — 20 a. Ср. ICC, p. 88 (Gransden): «Ibi III bordarii quisque de X a.»; RH, II, 525: «tres customagios quos quilibet tenet X a.».

⁸⁶ Правда, в описях 1279 г. немало случаев, когда эта схема нарушается. Если оставить в стороне те из них, которые обусловлены изменениями площади вотчины (чаще всего включением в нее так называемых assarta — вновь расчищенных под обработку земель), то перед нами окажутся следы реальных поземельных мер, существовавших под сеткой фискальных единиц и лишь изредка проглядывающих сквозь нее. Так, например, если мы проверим сообщение жюри 1279 г. о том, что Варин де Вагемфон держит в вилле Ваптон 80 а, то легко обнаружим, что в этом держании в действительности 60 а + 40 а + 20 а + 5 а + 1 селдон + 2 крофта + 9 мессуатиев, т. е. более 125 а. Таким образом, мы оказываемся свидетелями двойной оценки одной и той же площади: одной фискальной, восходящей в конечном счете

Итак, призма, сквозь которую преломлялась социальная действительность в наших источниках, или, если угодно, «масштабная сетка», с помощью которой она изображалась в них, в основе своей идентична. Но тем самым сравнительно-статистическое исследование этих источников получает прочный фундамент объективно установленных фактов.

Однако нам еще остается установить содержание второго ряда мер, выраженных в DB в формуле «terra carucis», так как нас интересовали не только общие оценки площади вотчин, но и структура последних, распределение пахотной площади между различными частями манора — доменом и держаниями. Мы вынуждены были избрать в качестве единицы измерения протяженности для 1086 г. не гайду и не карукату, а каруку, т. е. «пахущий плуг», ибо только число пахущих плугов указано в DB раздельно как для домена, так и для держателей манора⁸⁷. Но тем самым возникает необходимость выяснить: насколько правомерно «пахущий плуг» считать землемерной единицей, иными словами, соответствует ли «пахущему плугу» какая-либо определенная пахотная площадь и какова средняя величина этой единицы, если попытаться выразить ее в акрах?

Если статистика DB имеет реальное содержание⁸⁸, то несомненно, что прежде всего это относится к числу «пахущих плугов». В этом сходятся мнения большинства исследователей DB⁸⁹. Весь вопрос заключается в том, в какой мере число плугов в той или иной вотчине может рассматриваться как указание на ее протяженность. Если даже отвлечься от доводов здравого смысла, что ни один земледелец в тех условиях не стал бы кормить (точнее — не смог бы кормить) больше волов, чем это необходимо для вспашки его надела⁹⁰, то у нас имеется немало прямых свидетельств в пользу тезиса о том, что в числе «пахущих плугов» DB наиболее близко отражены действительные факты не только земледелия, но и распределения поземельной собственности в маноре XI в. Прежде всего следует подчеркнуть, что число наличных и потенциальных (т. е. плугов, которые еще могут быть заведены здесь дополнительно к наличным) карук в домене и у держателей, как правило, в пределах изучаемого района в своей совокупности точно соответствует общему числу карукат (terra carucis), фиксированному в той или иной вотчине⁹¹. Во всяком случае такое совпадение рассматривается как норма самим составителем DB⁹². До тех пор,

к DB (I, 200b), и второй реальной, существовавшей независимо или даже параллельно с ней (RII, II, 561). Об этих реальных мерах свидетельствует также значительная погрешность содержания виргаты в акрах, которая обнаруживается в RH (от 15 а до 50 а — в Hattley). Точно так же в RH встречаются и гайды, далекие от фискального стандарта. Однако такого рода случаи являются лишь исключениями, подчеркивающимися правилом.

⁸⁷ Только эпизодически можно на основе данных DB установить распределение числа гайд между доменом и вилланами. Как правило, это число относится только к земле вилланов, так как домен освобожден от обложения. Однако на такого рода предположениях нельзя строить статистику.

⁸⁸ Мэтланд, как известно, отрицает какое-либо реальное содержание не только за гайдой DB, но и за пунктом «B» формулы этой описи (см. «DB and Beyond», p. 419), т. е. за terra carucis.

⁸⁹ См., например: Domesday-Studies, I, p. 219; F. W. Maitland. DB and Beyond. p. 413—419 P. Vinogradoff. Growth..., p. 157 ff.

⁹⁰ P. Vinogradoff. English Society, p. 159.

⁹¹ Обращает на себя внимание, что в анкете расследования 1086 г. вообще нет вопроса о карукатах, как о чем-то отличном от «пахущих плугов» (вспомним вопросы: quot hidae? quot carucasae in dominio, quot hominum? — См. I. E., p. 191).

⁹² Это проявляется в тех случаях, когда число *наличных* плуговых упряжек в домене или у вилланов недостаточно для того, чтобы обработать соответствующую пахотную площадь, и жюри указывают, сколько плугов (помимо наличных) можно еще завести в данной вотчине. В итоге оказывается, что число наличных плугов + число дополнительно возможных равно числу карукат. См., например, DB, I, 200: «in Melleburne... terra est XI carucis. In dominio sunt II carucasae et adhuc II possunt fieri... villani habent VII carucas». Итак, 2+2+7=11. (Впредь «потенциальные плуги» будут указываться в скобках.)

пока мы считаем число волов в упряжке «пашущего плуга» числом постоянным (в статистике DB), мы имеем все основания предполагать, что столь же определенной была в ней и площадь земли, достаточной для «пахотной способности» этого плуга.

Итак, если исходить из толкования карукаты как площади земли, которую в состоянии вспахать восьмиволовый плуг в течение года, то делается вполне вероятным предположение о том, что число пашущих плугов являлось в конечном счете исходным при оценке данной площади в карукатах (team-land). В этом факте наглядно отразилось превращение «пашущего плуга» в землемерную единицу⁹³. Именно так должно было возникнуть представление о карукатах и боватах. Об этом свидетельствует уже сам по себе факт деления карукаты на 8 боват в соответствии с 8-воловоу упряжкой «пашущего плуга». Но этому фискальному плугу столь же неправомерно противопоставлять величину реального пашущего (в том или ином месте) плуга, как и фискальным гайдам и виргатам неправомерно противопоставлять размеры локальных единиц тех же названий.

Однако, может быть, наиболее наглядно тесная связь между карукатой и карукой раскрывается в процессе сопоставления DB и RH. Число пашущих плугов (карук), фиксированных в 1086 г. в домене, фигурирует уже в описях 1279 г. как соответствующее число карукат, т. е. определенных землемерных единиц. Это превращение представляется нам столь важным для понимания всей средневековой системы измерения земли в Англии, что для засвидетельствования его приведем следующие данные:

	1086 г. (DB, I) Число «карук» в домене	1279 г. (RH, II) Число «карукат» в домене
Bletsoe	(217 a)*—4	(324)*—4
Laleye	(215 b)—2	(325) —2
Ibidem	(215 a)—1	(325) —1
Podington	(215 b) - -1+2	(323) —3
Handborough	(159 b)—2	(871) —2
Bladon	(156 a)—2	(851) —2
Barton	(156 a)—2	(853) —2
Takley	(157 a)—4	(858) —4
Stanton	(156 a)—3	(713) —3
Watlington	(158 b)—2	(715) —2
Merton	(157 b)—2	(715) —2
Beckley	(158 b)—2	(716) —2
Ambrosden	(206 b)—2	(738) —2
Cuxham	(159 b)—2	(758) —2
Kingham	(159 b)—4	(733) —4
Cbadlington	(158 a)—3	(736) —3
Lyncham	(156 b)—4	(743) —4
Churchill	(157 a)—3	(745) —3
Fritwell	(161 a)—2	(824) —2
Broodwell	(160 a)—6	(695) —6

* В скобках дается ссылка на источник.

Число параллелей можно было бы при желании значительно увеличить, но и этих, нам кажется, достаточно для того, чтобы сделать очевидным

⁹³ Это останется истиной независимо от того, какое толкование формулы «B» DB считать предпочтительным. Если даже вслед за П. Г. Виноградовым видеть в ней условную единицу (conventional unit), то и тогда останется несомненным, что такая оценка может быть лишь большим или меньшим отвлечением от фактов реальной действительности (см. «English Society», p. 158 ff.).

процесс превращения «пашущих плугов» 1086 г. в единицу измерения пахоты 1279 г. — «землю плуга», карукату. С одной стороны, эти параллели обнаруживают, что скрывается за пунктом «В» формулы DB, — terra carucis; с другой стороны, они убеждают в том, насколько относительной должна была быть величина карукаты (teamland), т. е. как должна она была варьировать от случая к случаю, если в основе ее лежала «пахотная способность» плуговой упряжки⁹⁴.

Как уже подчеркивалось, для фиска «земля 1 плуга» была землемерной единицей столь же определенной и неизменной по своей величине, как и гайда. В результате по фискальному счету плуговая упряжка состояла из 8 волов⁹⁵, «земля 1 плуга», или каруката, считалась равной 8 боватам по 15 а каждая, т. е. равной 120 а⁹⁶. Не удивительно, что карукаты 1086 г. с чрезвычайной легкостью превратились к 1279 г. в гайды, а также и то, что эти величины рассматривались современниками как взаимозаменяемые⁹⁷. Если эта фискальная симметрия была очень удобна для фискальных кадастров, то она, конечно, является весьма ненадежной опорой при попытке установить факты реальной действительности. Но может ли площадь «земли 1 плуга» быть выражена в акрах? Поскольку это относится к домену, то ответить на этот вопрос сплошь и рядом отказываются сами современники расследования Эдуарда I; так как домен, не облагавшийся фиском, оставался, как правило, не оцененным, не измеренным в гайдах и их компонентах⁹⁸, такой домен куда сподручнее клеркам описать, чем оценить⁹⁹. Но в тех редких случаях, когда описи дают содержание карукаты в акрах, оно оказывается почти столь же далеким от фискальных стандартов, как и содержание реальных гайд и виргат:

Bletsoe	(324*)	4 с = 320 а — на 1 каруку — 80 а
La Leye	(325)	2 с = 200 а — » — 100 а
Stagsdene	(326)	3 с = 360 а — » — 120 а
Clapham	(321)	1 с = 120 а — » — 120 а
Middleton	(322)	1/2 с = 80 а — » — 160 а
Bidenham	(327)	1 с = 60 а — » — 60 а

⁹⁴ Последнее обстоятельство подтверждается не только фактом совпадения числа плугов (в домене) в 1086 г., но и совпадением числа последних с числом плуговых упряжек (carucae amantes) в домене в 1279 г. Так, например, в вотчине Wallington в 1279 г. было указано в домене 2 карукаты земли (RH, II, 815). На вопрос о том, сколько в действительности плуговых упряжек содержалось в домене, отвечает следующая запись: «Hugo Faber tenet... unam dimidium virgatum terre faciendi opera fabricacionis ferrorum II carucarum». Точно так же в описи виллы Parva Rollend' (RH, II, 744) указано: «Hugo Faber tenet unam virg. et faciet ferramenta ad II carucas». Если мы сопоставим эту запись со сведениями DB, I, 155 а, то обнаружим, что те же два плуга числились там в домене и в 1086 г. ср. H. Finberg. The Domesday Teamland.— EHR, LXIII, 1948, p. 61 ff.; ср. R. Leppardin: EHR, N 295 (1960).

⁹⁵ Это была, так сказать, «идеальная модель» плуга в отличие от реальных упряжек, в которых число волов могло весьма варьировать. См. Abstracts of the contents of the Burton cart., ed. G. Wrottesley. London, 1884 (Historical collections for Staffordshire), p. 21: «Ex his sunt in dominio VIII bovatas id est terra ad I aratrum». Однако Domesday of St. Paul's, ed. W. N. Hale, London, 1858, p. 85 (Chingtoft): «Una caruca bona cum sex equis et quatuor bobos». Ср. R. Leppard. Domesday Teamlands. — EHR, IX, p. 217. Очень интересный анализ содержания «каруки» в RH дан Е. А. Косминским (см. «Исследования...», стр. 81 и сл.).

⁹⁶ Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить соотношение этих величин в DB: 1/4 vg — 1/2 b (I, 193 b), 1/2 vg — 1 b (I, 193 b), 1 vg — 2 b (I, 190 b) 1/2 H — 4 b (I, 198 a), 3 vg — 6 b (I, 193 a), 1 H — 1 с (1.198 a), 1 H 1 vg — 1 с, 2 b (I, 196 b). Ср. F. W. Mailland. DB and Beyond, p. 417. Ср. J. H. Round. Feudal England, p. 35. Ср. Annales de Dunstaplia, p. 13: «Hydae, id est, jugera unū aratro».

⁹⁷ Burton cart., p. 24 (Caldewella): «II aratra in dominio id est VIII virgata». Ср. H. Ellis. General Introduction to DB, I, p. 145.

⁹⁸ Фиксируя, сколько в домене карукат, писцы то и дело замечают: «tenet in dominio... terre nec est hidata» (см. RH, 815, 819 etc.).

⁹⁹ C. Ram., III, 351: «Dominicum abbatis de Broughtone sic distinguitur in subscriptis culturis».

Odell	(328)	1 с = 200 а — на 1 каруку — 200 а
Ibidem	(328)	1 с = 100 а — » — 100 а
Podington	(328)	3 с = 180 а — » — 60 а
Harewold	(329)	3 с = 240 а — » — 80 а
Ibidem	(329)	1 с = 120 а — » — 120 а
Charlton	(330)	1 с = 80 а — » — 80 а
Pavenham	(332)	1 с = 100 а — » — 100 а
Turvey	(333)	2 с = 200 а — » — 100 а

* В скобках даны ссылки на RH, II.

Таковы данные по Бедфордширу. По другим же графствам их приходится добывать только с помощью подсчетов, т. е. сопоставляя площадь домена, фиксированную в каруках в 1086 г., и площадь его в акрах, ушоманную в RH. Такие параллели, естественно, правомерны лишь в тех случаях, когда имеется хотя бы малейшая уверенность в том, что как общие границы вотчины, так и соотношение отдельных ее частей не претерпели сколько-нибудь значительных изменений. Приведем некоторые из этих данных:

Pirie	(206b; 667*)	1½ с = 180 а — на одну каруку — 120 а
Ghellinge	(204 b; 631)	2 с = 240 а — » — 120 а
Thriplow	(191 a; 542)	3 с = 360 а — » — 120 а
Ibidem	(199 a; 542)	1 с = 100 а — » — 100 а
Burwell	(195 b; 497)	3 с = 357 а — » — 119 а
Comberton	(202 b; 455)	1 с = 100 а — » — 100 а
Hauxton	(198 a; 550)	2 с = 200 а — » — 100 а
Teversham	(193 b; 430)	1 с = 100 а — » — 100 а
Badburham	(194 a; 413)	1 с = 100 а — » — 100 а
Haslingfield	(194 b; 554)	1½ с = 180 а — » — 120 а
Escepride	(197 a; 561)	1 с = 120 а — » — 120 а
Swaffham	(190 b; 483)	2 с = 220 а — » — 110 а
Herleton	(200 b; 551)	1 с = 176 а — » — 176 а
Lolworde	(201 b; 456)	1 с = 180 а — » — 180 а
Orwell	(198 b; 558)	1 с = 224 а — » — 224 а
Gamlingay	(201 b; 529)	1 с = 146 а — » — 146 а
Chalgrove ¹⁰⁰	(159 a; 768)	4 с = 624 а — » — 156 а

* Первая цифра в скобках — ссылка на DB, I; вторая — на RH, II.

Здесь приведено содержание в акрах преимущественно доменных карукат. Если же учесть, что «пахотная способность» держательского плуга (на держательском наделе) была значительно меньшей по сравнению с доменной упряжкой (хотя бы ввиду того, что часть потенциального рабочего времени этого плуга затрачивалась на барщинную пахоту)¹⁰¹, то придется заключить, что интересующая нас «амплитуда колебаний» была, по-видимому, еще большей. Но даже из приведенных данных видно, что число акров в «плуге земли» могло варьировать от 60 до 220. И тем не менее придется констатировать, что *среднее число акров на карукату все же тяготеет к 120, т. е. к фискальному стандарту*. Если даже отвлечься от тех случаев, когда очевидно, что жюри не дают себе труда оценить домен, предпочитая простой перевод карукаты — по фискальному стандарту — в 120 а или гайду¹⁰², то и тогда акры домена не приобретут значения реальных

¹⁰⁰ Характерно, что в описи той половины манора, которая в 1279 г. оказалась в руках Вильгельма de Varentin, мы находим: «Robertus Faber faciet ferrorum duarum сагсагит» (RH, II, 768).

¹⁰¹ См. также гл. V, § 2.

¹⁰² См., например, Draucot: 1с — 4vg (DB, I, 459b; RH, II, 757); Lyneham: 4с — 4H (DB, I, 156b; RH, II, 743).

пелевых акров. Уже сам по себе факт округления числа акров, содержащихся в «земле плуга» в пределах десятка (60—80—100—140 и т. д.), свидетельствует о том, что перед нами отнюдь не результаты действительного промеривания¹⁰³, а более или менее условное число, являющееся зачастую производным от определенного соотношения между числом фискальных гайд, наложенных на домен, и числом «плугов», фиксированных в нем¹⁰⁴. В самом деле, в домене манора Рамзейского аббатства Ellington в 1086 г. было фиксировано 2 плуга (DB, I, 204b), RH могут уже указать точное число акров в нем — их оказалось 240. Но как это стало известно? Очень просто: из фискальной оценки домена в той же DB таких гайд было фиксировано $2(2 \times 120 \text{ а} = 240)$. Точно так же легко объяснить, почему домениальная карука в Rodington оказалась столь необычайно мала (60 а); обратившись к DB (I, 246 а), мы обнаружим, что одна домениальная карука в этой вотчине была оценена в $1/2$ гайды, т. е. в 60 а. Таким же образом была установлена площадь в акрах и домениальных карук в ряде других вотчин. Например, в вилле Charlton 2 каруки были оценены в DB (I, 204 b) в 1 II $1\frac{1}{2}$ vg, т. е. в 165 а. Поэтому RH указывают здесь плуг земли в 80 а. Эти примеры заслуживают внимания, ибо если акры, в которых исчисляются «домениальные плуги», являются единицами оценочными, а в основе этой оценки лежат сплошь и рядом гайды — традиционные фискальные стандарты, то мы получаем приемлемую основу для перевода различных землемерных единиц RH в универсальную 120-акровую гайду. Для того чтобы в этом воочию убедиться, мы попытались установить соотношение между общим числом карук в 1086 г. и оценкой дахоты в тех же вотчинах и гайдах в ряде сотен Кембриджшира:

Longstow	125 а	Chilford	125 а
Whittlesford	120 а	Thriplow	96,2 а
Chesterton	87,8 а	Papworth	89,4 а

Среднее число акров на одну каруку по всему материалу подсчетов оказалось близким к 110. Если учесть, что при этом не делалось различий между домениальной и держательской карукой, то можно будет согласиться с тем, что 120 а на 1 каруку — вполне приемлемая основа при исчислении площади земли одного плуга в 1279 г. (если она в источнике оценена лишь в каруках).

Итак, вся система поземельных мер фискальных кадастров удивительно статична, и поэтому она в RH близка к своей первооснове — к системе оценок DB. Однажды установленное в те времена (в том числе и фискальные оценки) сравнительно быстро превращалось в традицию. Традиции же обладали чудесной силой сохраняться на протяжении веков, если даже реальная действительность успела значительно видоизмениться. Но и эти изменения не всегда проходят бесследно для фискальных кадастров, а фиксируются в более поздних из них наряду с традицией как своего рода аномалия, и сопоставление разновременных кадастров приобретает с этой точки зрения особую познавательную ценность¹⁰⁵. Оно убеждает в том, что только этим путем может быть раскрыто содержание статистики каждого из них в отдельности и их изучение может быть поставлено на твердую почву доказательств вместо более или менее удачных догадок, к которым

¹⁰³ Во всех случаях, когда жюри приближаются к этой действительности, они терпят перед ее сложностью. В результате они либо отказываются вовсе называть число акров в каруке, либо в лучшем случае указывают далеко не круглые цифры. Ср. C. Ram., I, 306: «Dominicum abbatidis de Wardeboys distinguitur per plures culturas sed nescitur quantae aerae». Ср. RH, II, 629.

¹⁰⁴ Домен отнюдь не всегда стоит extra hidas. Эта привилегия не прослеживается даже в некоторых рамзейских вотчинах. См. C. Ram., I, 267; Lodington — $2\frac{1}{2}$ H. Ср. RH, II, 660: D — $1\frac{1}{4}$ H, terra villanorum — $4\frac{1}{2}$ vg; C. Ram., I, 268: Gydding — 10 H; RH, II, 630: D — 2H, terra villanorum — 8 H.

¹⁰⁵ Ср. A. H. Inman, DB and Feudal Statistics. London, 1900, p. 8.

нередко приходится прибегать при раздельном их изучении. Итак, очевидно, что фискальный характер преобладающего числа землемерных единиц, встречающихся в RH, значительно приближает содержание их статистики к содержанию статистики DB, чем создается основная предпосылка для их сравнительного изучения. Тем не менее двухсотлетний период, разделяющий указанные кадастры, требует от современного их исследователя в каждом случае тщательно отмечать различия между инертностью форм изображения действительности и текучестью последней, между формальной нерушимостью средневековых чисел и изменчивостью их содержания. Но именно поэтому не следует рассматривать статистический метод исследования кадастров столь отдаленных эпох лишь как метод чисто формального, количественного анализа изучаемых явлений. С одной стороны, статистическим подсчетам здесь должен в *каждом случае* предшествовать тщательный и кропотливый качественный анализ данных, выраженных в форме чисел¹⁰⁶, с другой стороны, следует помнить, что сами подсчеты в таких случаях являются в значительной мере лишь *истолкованием* формул, в которые облечено значение чисел средневековой статистики и за которыми для нас скрыто их подлинное содержание. В итоге любой подсчет данных средневековых кадастров является лишь *одним из возможных вариантов подсчета*, и максимум, к чему счетчик здесь может стремиться, это к достижению наиболее вероятного, наиболее приближенного к действительности результата¹⁰⁷. А если это так, то ясно, что статистический метод сам по себе еще не гарантирует объективный характер выводов, что последнее целиком зависит от общеметодических посылок исследования. К тому же наиболее плодотворными являются результаты лишь такого статистического исследования, которое сочетает или, точнее, включает все другие допускаемые источниками методы научного анализа. В этом случае единственное преимущество статистического метода перед всеми другими заключается в том, что, будучи в достаточной степени обоснован источниковедчески, он максимально приближает методику исторического исследования к исследованию опытному и тем самым позволяет наиболее объективным путем не только уловить ведущие тенденции развития противоречивой и многогранной действительности, но, что самое важное, выразить их языком цифр, являющихся мощным орудием социального познания¹⁰⁸.

Однако трудности, стоящие на пути статистического анализа средневековых источников, и в особенности описей 1086 и 1279 гг.¹⁰⁹, столь велики, что буквально каждый подсчет должен рассматриваться в качестве опыта, и только тщательный качественный анализ данных, использованных для

¹⁰⁶ Еще в свое время А. Н. Савин (см. «Английская деревня в эпоху Тюдоров». М., 1903, стр. 392) писал: «Когда речь идет о современном живом процессе, то возникающее недоумение можно выяснить путем дополнительного... расследования, а главное, можно обдумать вопросы анкеты и почти всегда получить на них удовлетворительный ответ. Но составитель описи давным-давно записал все, что считал нужным записать», и современному исследователю, добавим мы от себя, больше ничего не остается, как следовать за своим источником, разделяя вместе с ним его сильные и слабые стороны.

¹⁰⁷ Мы не останавливаемся специально на трудностях статистики, основанной на формулах DB, на множестве возникающих вопросов, на которые трудно дать безошибочный ответ. Все это хорошо известно всем, кто сталкивается с описями 1086 г. См., например: F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 407: «Два человека могут сосчитать число гайд в каком-либо графстве и прийти к весьма различным результатам, ибо они будут придерживаться различных мнений относительно значения определенных формул».

¹⁰⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 334.

¹⁰⁹ Особенно трудны и чреваты ошибками подсчеты пахоты по RH 1279 г. Во множестве случаев опись не позволяет различать «terra in dominio» и «terra in tenentibus». Самый простой пример: Матвей de Hatfield (RH, II, 574) держит 11 а; от Матвея держит 2 а Вальтер... Как читать эту опись: 11 + 2 или 11—2? Еще менее ясен случай: Гальфрид de Banlis держит 21½ а (RH, II, 525), а от него 7 держателей держат в совокупности 23½ а.

него, может привести к выбору таких приемов, при помощи которых может быть достигнут оптимальный результат.

Таков общий удел всех попыток ставить источнику вопросы, на которые он не призван отвечать по своему изначальному замыслу. *Арифметическая точность статистических выкладок и точность результатов исследования в таких случаях не одно и то же.* Первое во всех случаях не должно скрывать от нас *относительность выраженных в цифрах истин*¹¹⁰, и единственное, к чему исследователь должен при подсчетах стремиться, это извлечь максимум из того, что скрыто в крайне недостаточных, а подчас попросту дефектных данных источников, привнося при этом минимум собственных ошибок. Для этой цели нами предпринимались не только повторные подсчеты, но применялись различные приемы одних и тех же подсчетов с тем, чтобы получить возможность сопоставить их результаты. При этом следует иметь в виду, что сами приемы не могут быть универсальными и умозрительными, а должны в каждом случае видоизменяться в соответствии с пестротой и изменчивостью самого источника. Только в том случае, когда преследуемая нами цель соотносится с особенностями изучаемых данных, эти приемы не должны будут изобретаться — их подскажут нам сами источники. Если несомненно, что исследователь не должен поддаваться гипнозу чисел, то вместе с тем не менее важно остерегаться попыток навязывать числам чуждое им значение. Следовательно, результат статистического исследования исторических источников отдаленных эпох зависит прежде всего от степени историзма самих приемов исследования. Ниже в ходе исследования приводится обоснование методики каждого из произведенных подсчетов. Здесь же необходимо указать лишь на их общие принципы. Они сводятся к следующему.

1. Территориальные пределы изучаемого района (по крайней мере, по географической номенклатуре вилл) должны полностью совпадать в обоих сравниваемых хронологических разрезах (т. е. как для 1086, так и для 1279 г.) Для достижения этой цели нами соблюдался неизменный принцип — вилла может быть включена в подсчеты, если она описана как в DB, так и в RH.

2. При всех подсчетах земельной площади как для 1086, так и для 1279 г. учитывалась лишь пахотная земля.

3. Для того чтобы сохранить идентичность пахотной площади при подсчетах данных RH, опускались все расчистки (assarta), которые производились в продолжение XII—XIII вв. (если только они отмечались в описи).

4. Однородность содержания обоих кадастров позволила строить статистический анализ их на основе одних и тех же принципов группировки данных, чем обеспечивалась сопоставимость его результатов.

5. Во всех случаях, когда сравнивались данные DB и RH, мы предпочитали сопоставлять пропорции, а не абсолютные числа, т. е. сопоставлять отношения между числами в рамках одного и того же года, а не отношения между числами различных лет.

Как уже отмечалось, DB и RH освещают лишь начальный и конечный пункты исследуемого нами периода. Естественно поэтому, что для более

¹¹⁰ Статистика RH полна дефектов. Если отвлечься от явных ошибок, проптекающих из употребления римских цифр, то следует указать на следующие. В Кембриджшире в ряде сотен систематически не указывается размер дома. Такие же пропуски нередко встречаются и в других графствах (см. например RH, II, 720 — Оксфордшир). Иногда виллы описаны лишь частично (например, RH, II, 853 — нет описи $\frac{1}{3}$ виллы Thorp; II, 761 — нет описи $\frac{1}{2}$ виллы Berewyk и $\frac{1}{2}$ Hamelett' Holecumbe). Во многих случаях количественные оценки пахоты здесь таковы, что вообще не поддаются подсчету (см., например, RH, II, 524: «Iohannes... tenet unum feodum (?)»; II, 729: «Precceptor tenet medietatem tenementi»; II, 722: «Radulphus... tenet terram»; II, 764: «Simon Cook tenet septem croftas»). Условность и приблизительность всей феодальной статистики хорошо иллюстрируются формулами: «ad estimationem», «ut credunt» etc.

подробного изучения отдельных его этапов, а также деталей общего процесса, необходимы были источники, которые, с одной стороны, хронологически оказались бы промежуточными, т. е. заполнили бы огромный двухсотлетний пробел между 1086 и 1279 гг., и с другой — были бы по характеру данных близки к поземельным кадастрам. Очевидно, что такими источниками могли быть только картулярии. С помощью микрофильмирования нам удалось использовать в большей или меньшей степени почти все (за небольшим исключением) сохранившиеся манориальные экстен-ты XII—XIII вв., в том числе и ряд неопубликованных картуляриев¹¹¹, хранящихся в Британском музее в Лондоне. Для первой половины XII в. нами использованы: 1) описи Питербороского монастыря (са. 1125)¹¹²; 2) описи Бертонского монастыря (са. 1116—1118)¹¹³; описи Шефтсберийского монастыря¹¹⁴. Для середины XII в.: экстен-ты Рамзейского монастыря (са. 1160)¹¹⁵, позволяющие судить также о времени Генриха I (са. 1135). Наконец, для конца XII в.: 1) так называемая Болдонская книга Даремского епископства (1183)¹¹⁶; 2) опись английских владений тамплиеров¹¹⁷; 3) опись земель Гластонберийского монастыря (1189)¹¹⁸; 4) фрагмент описи земель св. Павла (Лондон) (1181)¹¹⁹. Для XIII в. нами использованы: 1) ранее указанные описи маноров Илийского епископства и аббатства для 1222 и 1251 гг.; 2) экстен-ты рамзейского картулярия, относящиеся к первой половине XII в.¹²⁰; 3) описи и рентали Гластонберийского монастыря¹²¹; 4) описи владений собора св. Павла (Лондон) (1222)¹²²; 5) описи земель приорства св. Марии (Вустер) (1240)¹²³; 6) описи земель нормандского аббатства Бес¹²⁴.

Все эти материалы, зачастую выходящие за территориальные рамки данного исследования, были использованы двояким образом: 1) в тех случаях, когда имелась возможность на их основе проследить развитие какого-либо интересующего нас процесса или генезис того или иного явления, эти источники использовались статистически; 2) в других случаях, когда такой возможности не представлялось, они использовались лишь для отдельных иллюстраций тех наблюдений и выводов, которые были сделаны на основе данных других источников.

Однако писцовые книги и картулярии составляли лишь один из типов памятников, которые были привлечены для освещения различных сторон изучаемого здесь процесса социальной эволюции английской деревни в

¹¹¹ А именно Cart. Shaftoniensis (British Mus. MS. Harley, 61; Inqu. maneriorum Eliensis две описи: одна — датируемая 1922 г. (Brit. Mus. MS. Cott. tib., B. II) и вторая — 1251 г. (Brit. Mus. MS, Cott. Claudius, C XI); относительно датировки последней см.: E. Miller. The Abbey and Bishopric of Ely. Cambridge, 1951, p. 5.

¹¹² Chr. Petroburgense, ed. T. Stapleton. London, 1849.

¹¹³ Abstract of the Contents of the Burton cart., ed. G. Wrottesley. London, 1884.

¹¹⁴ В MS Harley, 61 различаются две серии описей: в одних из них Генрих I упоминается в прошедшем времени — эти описи датируются правлением Стефана (f. 55v, 56r, 75v, 76r, 67r, 70r, 66v); относительно датировки других описей этого картулярия Рассел высказал мнение, позволяющее относить их не к 1130 г., как это принято, а к более раннему времени; основанием ему послужило упоминание в одной из них (f. 66) аббатисы Цецилии, посвященной около 1106 г. (см. op. cit., p. 70).

¹¹⁵ C. Ram., III, 241. Cp. Russel, op. cit., p. 71.

¹¹⁶ Boldon Buke, A Survey of the Possession of the See of Durham, ed. W. Greenwell. Surtees Society, Durham, 1852.

¹¹⁷ Records of the Templars in England in the twelfth century, ed. B. A. Lees, London, 1935.

¹¹⁸ Liber Henrici de Soliaco, ed. J. E. Jackson. London, 1882.

¹¹⁹ The Domesday of St. Paul's, ed. W. H. Hale. London, 1858.

¹²⁰ C. Ram., I, 281.

¹²¹ Rentalia et costumaria Michaelis de Ambresbury, 1235—1252 et Rogery de Ford, 1252—61 abbatum monasterii beatae Marie Glastoniae, ed. T. S. Holmes. London, 1891.

¹²² Domesday of St. Paul's.

¹²³ Registrum... prioratus beatae Mariae Wigorniensis, ed. W. H. Hale. London, 1865.

¹²⁴ Select documents of the English Lands of the Abbey of Bec, ed. M. Chibnall. London, 1951.

XII—XIII вв. Среди других источников мы укажем на следующие: юридические памятники и прежде всего Свитки вестминстерских и разъездных судов, протоколы феодальных и манориальных курий, юридические компиляции и трактаты XI—XIII вв.; документы королевской канцелярии и прежде всего Свитки грамот (Charter Rolls), открытых и закрытых писем короля (Patent Rolls, Close Rolls), Свитки казначейства (Pipe Rolls); сборники грамот XII—XIII вв.; правительственные расследования XII—XIII вв.: статуты, хроники и др.

Очевидно, что привлечение этих источников диктовалось основной целью данного исследования: рассмотреть эволюцию манориального строя в тесной связи с эволюцией структуры феодальной собственности, с одной стороны, и социально-имущественными сдвигами в составе основных антагонистических классов феодального общества — с другой. Социальное исследование средневековой деревни должно продолжать тщательное изучение мапора и вместе с тем должно подняться над ним, чтобы обозреть его во всех его взаимосвязях и опосредствованиях. Такова, на мой взгляд, одна из актуальных задач аграрной историографии наших дней.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОТЧИННОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕАНГЛИЙСКИХ ГРАФСТВ МЕЖДУ 1086 и 1279 гг.

§ 1. Постановка проблемы

Предпринимаемая сравнительно-историческое исследование DV и RH 1279 г.¹, мы избрали в качестве его отправного пункта вопрос об эволюции вотчинной структуры феодального землевладения в пределах территории, освещенной обоими кадастрами. Постановка этого вопроса не только оправдана, но настоятельно диктуется всем ходом развития науки за последние полвека. Историографически он является непосредственным выводом из той критики «классической теории» манора, начало которой положил Мэтланд² и которая нашла завершение в трудах Е. А. Косминского³.

Более того, само понятие «вотчинная структура» могло появиться и получить твердое научное обоснование лишь после того, как на почве средневековой Англии была открыта вся сложность и пестрота вотчинных (мапоральных) форм, столь отличающихся от той картины полной гармонии и симметрии, которая рисовалась Сибому⁴ и Виноградову⁵. Введением в научный оборот этого понятия был достигнут значительный прогресс в самой методике социального исследования средневековья. В самом деле, если определенная структура манора предполагает определенную форму организации феодального производства, т. е. в конечном счете форму феодальной ренты, то очевидно, что изучение эволюции вотчинной структуры феодального землевладения сколько-нибудь значительного и сплошного района превращается в один из важнейших критериев для суждения о *направлениях* решающих социальных сдвигов в недрах феодального общества.

Вопрос о пути развития английского манора в XI—XIII вв. был, в сущности, впервые поставлен П. Г. Виноградовым. Однако специального исследования для его решения он не предпринял, а ограничился лишь некоторыми общими соображениями. По его мнению, в указанное время имел

¹ Выше уже отмечалось, что определение графств, охваченных RH 1279 г., как Midlands носит чисто условный характер. Тем не менее Леннард с полным основанием говорит об Оксфордшире, что он находится «в самом сердце Англии» (см. его «Rural England», p. 40).

² F. Pollock and F. W. Maitland. History of English law, v. I. Cambridge, 1895, p. 594 ff.

³ Е. А. Косминский. Английская деревня XIII в. М.—Л., 1935; его же. Исследования по аграрной истории Англии в XII в. М.—Л., 1947.

⁴ F. Seebohm. The English Village Community. London, 1884.

⁵ P. Vinogradoff. Villainage in England. Oxford, 1892.

место процесс *унификации* манориальной структуры. «Если мы сравним, — писал, он, — эти градации зависимости (отраженные в ДВ.— М. Б.) с хорошо округленными и компактными манорами ВН, нас поразят успехи унификации и подчинения»⁶. «Моделью» для этой унификации служил крупный типический манор. Основная тенденция развития сводилась, с одной стороны, к «завершению» тех многочисленных образований, которые являлись в 1086 г. таковыми скорее по названию, чем по существу⁷; и, с другой стороны, к постепенному поглощению крупным манором окружавших его мелких — пезависимых и полунезависимых — вотчин «аллодиального типа»⁸. На исследовательскую почву интересующий нас вопрос впервые поставил Е. А. Косминский. Он произвел сличение ДВ и ВН по ряду сотен⁹. Его вывод сводится к тому, что основной массив крупных вотчин сложился в них уже к концу XI в., и хотя между XI и XIII вв. имели место отдельные случаи образования крупных вотчин на месте мелких и случаи обратные — распыления крупных маноров на мелкие вотчинного типа образования, «в целом соотношение между типическими крупными манорами и мелкими вотчинными образованиями, по-видимому, не изменилось существенно». Признавая «предварительный характер» этих выводов, Е. А. Косминский вместе с тем подчеркивает, что «детальное сопоставление (ДВ и ВН.— М. Б.) сотни за сотней, деревни за деревней могло бы дать здесь ряд ценных наблюдений»¹⁰.

Таким образом, на самый исходный вопрос социальной эволюции феодальной Англии XI—XIII вв. современная историография предлагает два ответа, если не взаимоисключающие друг друга, то, во всяком случае, весьма различные и противоречивые. Уже одно это обстоятельство более чем оправдывает предпринятое нами исследование эволюции вотчинных форм в среднеанглийских графствах за время, истекшее между расследованиями 1086 и 1279 гг.

Разумеется, что из большого числа вопросов, которые так или иначе включаются в понятие «вотчинной структуры», сравнительно-статистическому исследованию на материале наших источников поддаются лишь некоторые, а именно: 1) каково соотношение виаллы и манора в 1086 и 1279 гг.? 2) Каков удельный вес различных по величине вотчин в указанные годы? 3) Как видоизменилась феодально-иерархическая структура вотчинного землевладения? 4) Какие сдвиги произошли за изучаемый период в распределении вотчинного землевладения между короной, светскими феодалами и церковью?

Очевидно, что круг перечисленных здесь вопросов оставляет ряд сторон интересующей нас проблемы за рамками настоящего исследования, что, впрочем, целиком и полностью обусловлено спецификой сведений сопоставляемых источников. Однако вряд ли можно отрицать, что эти вопросы являются самыми *отправными* при изучении социальной эволюции сложившегося феодального общества. Ответить на эти вопросы при условии, что одни из них даже не ставились до сих пор исследователями, а другие изучались в такой плоскости лишь в самой предварительной форме, означало бы получить путеводные нити при решении многих других более частных проблем истории английской деревни XI—XIII вв.

Для достижения поставленной цели весь подлежащий статистической обработке материал сопоставляемых кадастров должен быть предвари-

⁶ P. Vinogradoff. Growth of the Manor. London, 1914, p. 299 ff.

⁷ Ibid., p. 300.

⁸ Ibid., p. 299 ff.

⁹ Whittlesford и Thriplow — в Кембриджшире; Stodden и Willey — в Бедфордшире; Leightonstone и Toseland — в Гентипгдоншире (см. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 200).

¹⁰ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 200, 202.

тельно сгруппирован по вотчинному принципу, что ставит нас перед довольно старой и вместе с тем каждый раз вновь и вновь возникающей задачей: определить, какой владельческий комплекс мы будем считать вотчиной, «манором». Иначе говоря, какими критериями следует руководствоваться, чтобы выделить вотчину из сложного сплетения держательских связей, отражаемых феодальным кадастром? Эта задача принципиального методологического значения, доставлявшая уже много затруднений в прошлом¹¹ (поскольку ни юридические формы землевладения, ни сословный статус владельца на английской почве ничего не дают для ее решения), усложняется для нас еще тем обстоятельством, что ее надлежит решать *в сравнительном плане*, иными словами — тем, что мы *должны найти критерий, в одинаковой мере применимый для анализа источников, столь далеко отстоящих друг от друга*. Нам нет надобности подробно аргументировать здесь, что этими критериями не могут быть ни совпадение владения с границами виллы, ни держание на рыцарском праве, ни определенная структура держания (наличие домена и вилланов), ни наличие манориальной курии и т. д. и т. п., так как давно уже установлено, что ни один из этих признаков не является обязательно присущим манору¹². Все это, однако, не значит, что наши источники не содержат никаких сведений, которые, на первый взгляд, могли бы значительно приблизить к цели наших поисков. Как в DB, так и в RH мы на каждом шагу сталкиваемся с термином *manerium*, которым обозначаются те или иные земельные владения. Для того чтобы убедиться, действительно ли владельческая терминология наших источников может служить путеводной нитью при группировке содержащихся в них данных по вотчинному принципу, мы попытались выяснить, в одинаковом ли смысле в них употребляется один и тот же термин *manerium*.

Поскольку это относится к содержанию этого термина в DB, мы можем воспользоваться результатами дискуссии, развернувшейся вокруг попытки Мэтланда дать ему универсальное толкование, видеть в нем своего рода «*terminus technicus*»¹³.

Единственное, что остается заметить в данной связи, заключается в том, что владельческая терминология DB отнюдь не столь произвольна, как это может казаться. Систематическое изучение DB убеждает в том, что об одних владениях писцы 1086 г. считали возможным говорить только как о «манорах», о других — чередуя термины *manerium* и *terra* (I, 196a) безразлично, о третьих же — только как о *terra* (I, 190a). В самых общих чертах эти вариации владельческой терминологии DB удастся связать с определенным размером владений. Так, например, нижняя граница «манора» в изучаемых графствах очень редко опускается ниже 4 карук¹⁴. Что же касается чередования терминов *manerium* и *terra*, то в одних случаях, приурочивая первый к *tempore regis Willelmi* (TRW), а второй к *tempore regis Edwardi* (TRE), писцы как бы наталкивают на мысль, что манор возник здесь лишь после нормандского завоевания или в результате его¹⁵. В других же случаях столь же очевидно, что оно ничего общего с таким толкованием не имеет¹⁶. Но значит ли это, что писцы могли при желании каждое владение-*terra* называть *manerium*? Ответ на этот вопрос облегчается сопоставлением терминологии DB с соответствующей термино-

¹¹ F. Pollock and F. W. Maitland. *History of English Law*, I, p. 594; E. A. Коэминский. Исследования..., стр. 137 и сл.

¹² F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 594.

¹³ См. F. W. Maitland. *DB and Beyond*, p. 107 ff.; J. Tait. Рецензия на книгу Мэтланда «DB and Beyond». — EHR, XII, 1897, p. 452; J. H. Round. *The Domesday Manor*. — EHR, XV, 1900, p. 293 ff.; VCH of Hampshire, I, p. 443; VCH, of Durham, I, p. 260.

¹⁴ Мы отметили только один случай (см. DB, I, 194b — в Haslingfield).

¹⁵ DB, I, 195b (Burgh): «...Hanc terram tenuit Eddewa...».

¹⁶ DB, I, 197a (Chippenham): «...Hoc manerium tenuit Orgarius».

логией ее «спутников» (Domesday Satelites). Так, при сопоставлении DB с так называемым *Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis* как будто вырисовывается, что в последнем владельческая терминология еще более свободна, чем в первой, и, следовательно, что обозначение того или иного владения термином *manerium* или *terra* в определенных пределах зависело, по-видимому, от желания писцов¹⁷. Вот несколько примеров:

DB, I 199b (Wiborham): . . . Hoc manerium tenuit	ICC, f. 90a: . . . Hanc terram tenuit
Ibidem (Sextone): . . . Hoc manerium tenuit	Ibidem: . . . Hanc terram tenuit
Ibidem, 199a (Gisleham): . . . Hoc manerium tenuit	Ibid., f. 78a: . . . Hanc terram tenuit

Однако то же «расследование» благодаря тому, что вотчины сгруппированы в нем по географическому принципу — по виллам, позволяет не согласиться с мнением, отрицающим за термином *manerium* в DB какое-либо содержание. Прослеживая вариации владельческой терминологии вилла за villой, нетрудно заметить, что термин *manerium* в каждой данной вилле чаще всего приурочен только к одной вотчине, если даже их насчитывается несколько¹⁸. Но тем самым вопрос о маноре становится составной частью вопроса о вотчинной структуре виллы¹⁹. В самом деле, из того факта, что термин *manerium* в виллах сложного состава обычно встречается здесь лишь однажды, следует, что обозначение той или иной вотчины терминами *manerium* или *terra* не может быть объяснено из одного своевольия писцов, ибо в то время как *terra* может, по-видимому, употребляться в любом случае, *manerium* приложим только к определенной категории вотчин. При изучении этой последней в глаза бросаются два обстоятельства: 1) чаще всего это вотчины, совпадающие с villой. Так, например, из 10 случаев употребления термина *manerium* в сотне Staploe 6 приходится на виллы простого состава, иначе говоря, все виллы, совпадающие с вотчиной, в данной сотне имеют маноры²⁰. В сотне Flendish 2 виллы простого состава, и к обоим приурочен термин *manerium*²¹, в сотне Stow 3 виллы простого состава, и все три именуются манорами²², в сотне Chilford — три виллы простого состава, и во всех случаях мы обнаруживаем термин *manerium* и т. д.²³; 2) в вилле сложного состава в соответствии со сделанным уже ранее наблюдением термин *manerium* приурочен всегда к наиболее крупной вотчине ее. Так, наблюдая структуру виллы 9H 24 a — 3 H — 1½ H 6 a — 6 H 1 vg 7 a²⁴ или 9 H 1 vg 5 a — 1 vg — 55 a²⁵, не представляет уже никакого труда предугадать, к какой из этих вотчин должен быть приурочен в описи указанный термин. С другой стороны, заслуживает внимания и тот факт, что мы никогда не встретим этот термин и в многовотчинных виллах, если только одна из входящих в ее состав вотчин своим размером не выделяется среди других, т. е. не занимает в вилле доминирующего положения. Многовотчинные

¹⁷ Cp. J. Round. *The Domesday Manor*.—EHR, XV, p. 293—294.

¹⁸ В Кембриджшире нам бросилось в глаза только одно исключение из этого правила: в вилле Cottenham фиксировано два манора — аббатств Илийского и Краулендского (см. DB, I, 190a).

¹⁹ См. F. W. Maitland. *DB and Beyond*, p. 131; F. M. Stenton.—VCH of Derbyshire, I, p. 340.

²⁰ DB, I, 196b (Kennett), 195b (Wickham), 199a (Snailwell), 192b (Graveley, Chippenham).

²¹ DB, I, 191a (Horningsea), 193b (Hinton).

²² DB, I, 242a (Middleton), 201 (Ranton), 201a (Lolworth).

²³ DB, I, 194a (Linton).

²⁴ DB, I, 191a, 194a, 198a (Scelford).

²⁵ DB, I, 192b, 197a, 199a (Elsworth).

виллы типа Babraham²⁶ ($1\frac{1}{2}$ vg — $1\frac{1}{2}$ vg — 1 Н 1 vg — $\frac{1}{2}$ vg — $2\frac{1}{2}$ Н 24 а — $1\frac{1}{2}$ vg — $\frac{1}{2}$ Н) или Drayton (1 Н — $3\frac{1}{2}$ Н — $2\frac{1}{2}$ Н — $1\frac{1}{2}$ vg²⁷ — подобных примеров много не только в Кембриджширском материале) не знали маноров, т. е. не знали общепризнанных господских усадеб, *dominium* которых распространялся бы на большую часть сельской общины. О такого рода виллах обыкновенно говорят как «о неманориализованных». Но не будет ли правильнее предположить, что значительная часть значащихся в них мелких вотчин входила в состав более крупных вотчинных комплексов — маноров, центры которых лежали за пределами данных вилл и которые не всегда могут быть установлены на основе данных DB²⁸.

Попробуем теперь проанализировать употребление термина *manerium* в RH 1279 г. и по возможности выяснить, какие изменения произошли в смысловом его значении к концу XIII в. Заметим с самого начала, что, судя по всему, он к этому времени потерял всякие следы технического термина²⁹ и свобода в применении его стала поистине поразительной. В самом деле, в RH термин «*manerium*» может означать то типичную вотчину³⁰, безотносительно к ее величине, то один лишь домен³¹, то одну лишь усадьбу³², то, наконец, одно здание³³. Нетрудно, таким образом, заключить, что к концу XIII в. произошло своего рода разложение смыслового содержания термина *manerium* в DB на его составные элементы, каждый из которых приобрел самостоятельное значение изначального целого. В результате употребление этого термина в RH сложилось и рядом выступает столь всеобъемлющим, универсальным в применении к владению и вместе с тем столь малозначимым по существу, что поистине трудно делать какие-либо заключения из наличия или отсутствия его в описи той или иной вотчины. Например, вилла Swavesey в Кембриджшире являлась в 1279 г. вотчиной Елены La Zuche (RH, II, 469). На протяжении всей описи эта вилла ни разу не названа манором. Но вот мы перешли к описи соседней виллы Drayton, (RH, II, 474), в которой находилось 11 виргат, принадлежавших указанной вотчине. Употребить на этот раз термин *villa*, естественно, было нельзя, ибо эта земля принадлежала не вилле Swavesey (географически), а вотчине Елены la Zuche, и тут только оказалось, что при желании эту вотчину легко назвать *manerium* (RH, II, 474). Роберт Tuetot держал вотчину в вилле Harlton (Кембр.) (RH, I, 554). Чтобы описать ее, комиссарам Эдуарда I ни разу не понадобился термин *manerium*. Но когда требовалось фиксировать обязанность вилланов этой вотчины посещать мельницу лорда, то обнаружилось, что вотчина эта может быть названа *manerium*, ибо иначе нельзя было фиксировать принадлежность бапалитета³⁴. Не подле-

²⁶ DB, I, 194a, 194a, 197b, 198a, 199b, 201b, 202a.

²⁷ DB, I, 193a, 200a, 201b (bis).

²⁸ Таким образом, чтобы судить о степени манориализации виллы, еще недостаточно знать ее вотчинную структуру, следовало бы знать и структуру самих вотчин.

²⁹ В данном случае в ИСС (р. 12) удается с очевидностью установить, что термин *manerium* был тесно связан с доменiallyной землей. Так, вотчина Volebeck в вилле Swafham названа в 1086 г. *manerium*, когда ее площадь была оценена в $7\frac{1}{2}$ Н 10 а. Но еще интереснее, что она названа *manerium* и для 1066 г. («Nos *manerium* tenuit Alvi Parparius»), когда этому вотчиннику принадлежали только те 3 гайды, которые числятся в 1086 г. в «домене», остальные же $4\frac{1}{2}$ Н в 1066 г. этой вотчине не принадлежали.

³⁰ RH, II, 758 (Huncombe). Ср. RH, II, 733 (Idbury).

³¹ RH, II, 429 (Enhale).

³² RH, II, 546.

³³ RH, II, 542; «Dicunt quod episcopus Elyensis tenet in villa de Trippelowe... terra arabilis cum manerio et gardino...».

³⁴ RH, II, 522. О том, как меняется терминология источника в зависимости от аспекта рассмотрения виллы, свидетельствуют следующие примеры: RH, II, 497; «Dicunt quod manerium de Saham fuit in manu Regis»; RH, II, 498; «Dicunt quod Rex habet in villa de Saham furcas etc.»; RH, II, 555; «Matilda de Dyve tempore vitae sue tenuit feudum unius militis... et heredes sui modo tenent dictum manerium».

жит, таким образом, сомнению, что при желании клерки Эдуарда I могли насчитать в 1279 г. гораздо больше маноров, чем это можно сделать по RH³⁵. Вместе с тем систематический анализ с этой точки зрения текста RH позволяет вскрыть в употреблении термина *manerium* в XIII в. две тенденции. В одном случае как бы сохраняется *традиционное* словопользование, восходящее к DB, и тем самым сохраняется прежнее число маноров. Даже в том случае, если манор 1086 г. впоследствии дробился, соответствующий термин продолжал применяться только к тому из новообразований, которому принадлежала центральная усадьба вотчины³⁶. Во втором же случае *manerium* употребляется в смысле «держания», и им можно назвать любой осколок былой вотчины. В результате число маноров к 1279 г. значительно увеличивается по сравнению с DB³⁷. Различие между этими тенденциями хорошо схвачено в самих формулах RH. В первом случае они гласят: «*X tenet manerium de villa A*», тем самым наталкивая на мысль о том, что, сколько бы ни возникло в вилле вотчин, манором может быть названа только одна из них. Во втором случае обычно значится: «*X tenet manerium in villa A*» или «*manerium suum in villa de „A“*», чем допускается возможность существования в вилле стольких маноров, сколько в ней крупных фригольд-держаний³⁸. Следовательно, *manerium* является простым синонимом термина *tenementum*. Естественно, что в указанных двух тенденциях в употреблении термина *manerium* в XIII в. следует видеть *результат* двухвековой эволюции не только его смыслового значения, но прежде всего *эволюции самой структуры манора*. Если в

³⁵ Ср. следующие данные:

RH, II, 439 (Fulbourn): . . . feudum	CIPM, p. 72: . . . manerium
RH, II, 454 (Waterbeche): . . . villa	CIPM, p. 9: . . . manerium
RH, II, 498 (Burwell): . . . tenementum	CIPM, p. 49: . . . manerium
RH, II, 558 (Orwell): . . . tenementum	CIPM, p. 46: . . . manerium
RH, II, 556 (Haslingfield): . . . tenementum	CIPM, p. 73: . . . manerium

³⁶ Возьмем для примера многовотчинную виллу Fulbourn и рассмотрим, как в описях 1086 и 1279 гг. применяется термин *manerium*:

I. DB, I, 193b: Hoc manerium tenuit Goldvin.	I. RH, II, 436: Alanus la Zuche tenet manerium.
II. DB, I, 201d: Johannes filius Walterani tenet (terra)	II. RH, II, 438: Matilda Passeleye tenet (terra).
III. DB, I, 191a: Abbas de Ely tenet (terra)	III. RH, II, 443: Baldewynus de Maneriis tenet (terra).
IV. DB, I, 197a: Goisfridus de Mannevilla tenet (terra).	IV. RH, II, 444: Gilbertus de Dunmove tenet (terra)

M a n e r i u m d e H i n t o n e I

Ср. I. DB, I, 193b: Alanus tenet manerium.	I. RH, II, 440: Margeria de Keriel tenet manerium de Hintone.
II. DB, I, 193b: Robertus tenet (terra).	II. RH, II, 434: Robertus de Romely tenet (terra).
III. DB, I, 201b: Johannes filius Walteri tenet (terra).	III. RH, II, 434: Henricus de Manerio tenet (terra).

³⁷ Приведем владельческую терминологию описей виллы Duxford в DB и RH:

I. DB, I, 194a: Gerardus tenet (terra).	I. RH, II, 580 — 584: Henr. de Lacy tenet manerium.
II. DB, I, 196a: Comes Eustachius tenet (terra).	II. Rad. de Duxford tenet manerium.
III. DB, I, 196b: Robertus Todei tenet (terra).	III. Ioh. de Abernun tenet manerium.
IV. DB, I, 196b. Robertus Gernon tenet (terra).	IV. Magister Templar. tenet manerium.
	V. Will. de Boys tenet manerium.

³⁸ Именно в последнем значении термин *manerium* употребляется, например, в RH во всех описях сотни Whittlesford.

1086 г. при всем «своеволии» писцов в употреблении этого термина манором обычно именовалась вотчина с доменом и вилланской землей, т. е. «типическая вотчина», то к XIII в. манор до такой степени освободился от каких-либо не только обязательных, но даже попросту характерных черт, что им может быть названа усадьба приходского священника³⁹. По существу любое более или менее крупное свободное держание может именоваться в XIII в. как *manerium*, так и *tenementum* (РН, II, 430). Но если в результате сравнительного анализа владельческой терминологии наших источников мы вынуждены заключить, что она сама по себе не может служить опорой при попытке систематизировать содержащиеся в них данные по вотчинному прищигу⁴⁰, то вместе с тем она, на наш взгляд, дает ключ к решению этой задачи. Рисую во всех случаях вотчину как центр феодального присвоения, термин *manerium* даже в своем наименее техничном значении может служить яркой иллюстрацией Марксовой теории феодальной ренты. В самом деле, если отношения собственности в каждую данную эпоху являются лишь юридическим выражением господствующих в обществе отношений производства и присвоения, определенного способа соединения непосредственного производителя с условиями его труда⁴¹, то при определении понятия «феодальная вотчина» следует исходить из тех отношений, которые выражают ее сущность как фундаментального социального института феодальной эпохи⁴².

С точки зрения анализируемых кадастров «вотчина»-«манор» в самой общей форме представляет собой такую земельную собственность, которая предполагает материальную возможность безвозмездного присвоения прибавочного труда труженика-земледельца⁴³.

Следовательно, вотчина может быть определена как владельческий комплекс (обычно сочетающий в различных вариантах и пропорциях право на землю и труд ее возделывателей), материализующейся для его собственника в виде *феодальной ренты*⁴⁴. Но так как обычно из множества видов феодальных прав подобного рода нам известно лишь одно, *основное*, связанное с земельным держанием, то «вотчина» в применении к анализу земельных кадастров типа ДВ и РН будет в конечном счете означать земельное владение такой площади, которая открывает возможность присвоения прибавочного труда зависимых земледельцев в размерах, освобождающих их лордов от необходимости лично производить средства для собственного существования. Преимущество такого определения манора перед всяким другим заключается в том, что в него укладывается все многообразие вотчинных и, следовательно, и рентных форм средневековья и именно поэтому наиболее адекватно отражается терминология самих источников⁴⁵.

Однако прежде чем оперировать таким толкованием вотчины, мы должны предварительно установить ту грань, перейдя через которую свободное

³⁹ РН, II, 556: «...Abbas... tenet Ecclesiam... cum manerio...».

⁴⁰ Напомним, что искомым критерий должен быть в одинаковой степени применим как к анализу ДВ, так и РН.

⁴¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., Политиздат при ЦК ВКП(б), стр. 30.

⁴² Ср. Е. А. Косминский. Английская деревня..., стр. 83.

⁴³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 36; его же. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1955, стр. 803.

⁴⁴ В конечном счете именно так рассматривают термин *manerium* самые «реалистические» источники XIII в.—источники фиска. См. РН, I, p. 56: «Dicunt quod Rex... dedit Ricardo fratri suo... manerium de Rillaton scilicet LXXIII sol. annui redditus... manerium de Frematon scilicet 10 libras annui redditus».

⁴⁵ Сторонники вотчинной теории исходили из предположения об абсолютном преобладании *одного типа* вотчин и, следовательно, одного типа рентных отношений. Поэтому, для того чтобы признать то или иное держание вотчиной, они выясняли, соответствует ли данной форме его структура. Ср. Е. А. Косминский. Английская деревня..., стр. 83.

держание перерастало в манор, т. е. во владении эксплуататорского типа, и это при условии, что из всей совокупности данных, которые следовало бы учесть, мы, в сущности, знаем (к тому же весьма приблизительно) лишь размер пахоты. Таким образом, задача сводится для нас к установлению того, какая пахотная площадь может рассматриваться для XIII в. в качестве водораздела между свободным держанием крестьянского типа, с одной стороны, и феодальной вотчиной — с другой. Е. А. Косминский, решая данный вопрос, пришел в свое время к заключению, что такой площадью может быть признана одна гайда, или 120 а⁴⁶. Рассматривая этот вопрос применительно к нуждам сравнительного исследования, мы попытались установить колебания величины искомой площади в отдельных графствах, отраженных в наших источниках, где условия а priori были весьма различными. В качестве отправного пункта этих поисков был избран средний размер надела, который в условиях XIII в. считался полным крестьянским наделом. Для установления его естественно было бы обратиться к данным о размере типического вилланского держания, ибо только в сфере вилланского (тяглового) землепользования могло существовать само представление о полнонаделном дворе. В результате соответствующих подсчетов⁴⁷ было установлено, что скорее завышенной, чем заниженной, площадью «полнонадельного» крестьянского двора может считаться (для XIII в.) в Кембриджшире и частично в Бедфордшире полвиргаты (т. е. 15 а), для графств Гентингдоншир, Бекингемшир и особенно Оксфордшир — виргата (т. е. 30 а). Стремясь к тому, чтобы искомая грань была достаточно высокой и могла включать и слой зажиточных фригольдеров, мы в каждом случае установили ее на уровне, в 4 раза превышающем пахотную площадь типичного крестьянского двора. Таким образом, для Кембриджшира этой гранью оказалось полгайды — 60 а, для остальных же графств — гайда — 120 а⁴⁸. Для одного типа владений мы делали исключение — относили их к типу вотчин, независимо от общих размеров, если среди держателей в них числились вилланы. Очевидно, что установленная таким образом граница между крестьянским и вотчинным землевладением является условной. Но такой окажется любая грань, установленная там, где в действительности существовала масса постепенных и трудноуловимых переходов, ведущих от одного социального качества к другому. Поэтому какую бы грань мы ни избрали, не избежать того, что либо часть крупных фригольдеров окажется среди «вотчинников», либо часть мелких вотчинников окажется среди «свободных крестьян». Принятая же нами грань во всяком случае оказалась достаточно высокой, чтобы служить основой для анализа данных не только XIII, но и XI в., когда обеспеченность крестьянства землей была значительно большей, чем в XIII в.⁴⁹; что же касается границ между крупной, средней и мелкой вотчиной, то мы в целях сохранения преемственности формальных критериев сохранили в основном размеры, принятые Е. А. Косминским⁵⁰. Верхней границей мелкой вотчины приняты 4,5 каруки для XI в. и 4 гайды для XIII в., верхней границей средней вотчины — 9 карук для XI в. и 8 гайд для XIII в. Какой бы условной не выглядела эта группировка данных, ее несомненное познавательное значение заключается в том, что, будучи последовательно примененной для анализа двух разновременных кадастров одной и той же территории, она позволяет уловить как характер, так и общее направление сдвигов, происшедших в вотчинной структуре феодального землевладения.

⁴⁶ Е. А. Косминский. Английская деревня..., стр. 84.

⁴⁷ См. ниже, гл. V, § 5.

⁴⁸ Хотя имелись основания и для Бедфордшира снизить эту грань до 60 а, мы сохранили здесь гайду, так как материал для этого графства слишком фрагментарен.

⁴⁹ См. ниже, гл. V, § 3.

⁵⁰ Е. А. Косминский. Английская деревня..., стр. 83.

§ 2. Вилла и манор

В странах Западной Европы, где феодальные отношения производства отделились прежде всего в вотчинной системе землевладения, степень манориализации виллы является лучшим критерием для суждения о степени завершенности феодальной структуры общества в целом. Протекая различными путями и с различной степенью интенсивности, процесс этот отличается универсальностью, заключающейся в конечном итоге в превращении виллы в ту или иную форму феодального господства, а ее свободных обитателей — земледельцев-общинников — в класс феодально-зависимых крестьян⁵¹.

Наиболее завершенной формой феодализации виллы, в которой создатели «классической теории» усматривали если не единственную, то во всяком случае абсолютно преобладающую ее форму на почве средневековой Англии, принято считать совпадение границ вотчины с границей виллы, — поглощение последней до такой степени, что «обычай» данного манора становится единственно действующим на ее территории «правом». Таким образом, вотчинная структура виллы, степень ее феодального подчинения, приобретает для историка значение своеобразной масштабной сетки при оценке основных социальных процессов, протекавших в недрах средневекового общества. Только наличие фискальных расследований (производившихся по территориальному, а не по владельческому принципу) дало возможность исследователям английской деревни вырваться из того заколдованного круга, который был создан экстендами крупных и прежде всего церковных вотчин и вместе с тем избежать той неопределенности, которая неизбежно сопутствует даже самым добросовестным попыткам реконструировать виллу на основе картулярного материала⁵².

Однако даже такие уникальные источники, как DB и RH, ставят перед исследователем вотчинной структуры виллы одну трудно преодолимую преграду, состоящую в том, что границы значительного числа вотчин в отличие от границ вилл, в которые они входят, остаются расплывчатыми. Сравнительное изучение этих источников не оставляет сомнения в том, что *ткань многих вотчин разрывается границами виллы*, благодаря чему всякая попытка составить феодальную (вотчинную) карту того или иного района требует выхода за пределы отдельно взятой виллы, собирания разнотипных частей вотчин по нескольку, иногда далеко отстоящим друг от друга виллам⁵³. Задача такой реконструкции границ вотчин, разбросанных по ряду вилл, может быть решена только частично, для значительной же части их она остается нерешенной. Вот почему во всех таких случаях мы предпочитали держаться определенных границ виллы, считая самостоятельными «вотчинами» все держания в ее пределах, превышавшие по площади гайду пахотной земли.

На территории, освещенной опубликованными RH, мы насчитали по DB 393 виллы⁵⁴. Большой интерес представляла бы характеристика топономики среднеанглийской виллы XI в. в связи с определенной «географической средой»⁵⁵ и, следовательно, определенной направленностью хозяйства (полеводство, скотоводство и т. д.)⁵⁶. К сожалению, эти вопросы еще недостаточно изучены, несмотря на значительный прогресс, которого до-

⁵¹ P. Vinogradoff. *Growth...*, p. 308; M. Bloch. *La société féodale*. Paris 1939, p. 367 sq. Cp. C. E. Perrin. *La seigneurie rurale en France et en Allemagne du début du IXe à la fin du XIIe siècle*. Paris, 1952—1953, p. 129 sq.

⁵² И. П. Грацианский. Бургундская деревня X—XII вв. М.—Л., 1935, стр. 128 сл.

⁵³ R. Leonard. *Rural England*, p. 7—9.

⁵⁴ «Соки» и «беревики» DB и «hamelettae» RH в подсчет не включались.

⁵⁵ W. G. Hoskins. *The Making of the English Landscape*. London, 1955, p. 69 f. p. 141.

⁵⁶ C. S. and C. S. Orwin. *The Open Fields*. Oxford, 1938, p. 24—25.

билась в данной области школа так называемых Domesday-географов⁵⁷. Во всяком случае, несомненно одно: типичным сельским населением в пределах изучаемой здесь территории были не рассеянные и обособленные дворы, не хутора («малые деревни»), а компактные виллы, состоявшие из большого или меньшего числа домохозяйств, являвшихся соседями по расположению как дворов (улицей)⁵⁸, так и принадлежавших им полос в конах общинных полей⁵⁹. В значительном числе случаев такие виллы были уже в XI в. окружены «выселками», являвшимися их составной частью, их внешней границей. Изучаемые нами источники позволяют выразить величину вилл только посредством величины их пахотной площади⁶⁰. При этом не следует упускать из виду, что в ДВ под одним географическим названием зачастую значится пахотная площадь нескольких вилл (или их частей), входивших в состав одной и той же вотчины⁶¹. Если расположить графства по убывающей (средней) величине пахотной площади вилл (по данным ДВ), то окажется, что в Гентингдоншире она равнялась 15,5 каруки, в Бедфордшире — 14,2, в Кембриджшире — 12,3⁶², в Оксфордшире — 11,5⁶³, в Бекингемшире — 11 карукам (табл. 1). Имея в виду указанные особенности описей XI в., значительно затемняющие картину, особенно по Гентингдонширу, мы вправе будем заключить, что величина вилл в пределах изучаемого района в общем уменьшалась в направлении с востока на запад. Это обстоятельство, естественно, должно было сказаться и в особенностях вотчинной структуры вилл изучаемых графств, ибо очевидно, что чем меньше вилла, тем проще должна была быть, как правило, ее вотчинная структура. Анализ последней по ДВ приводит к убеждению, что она упрощалась в общем в том же направлении. Если по всему изучаемому здесь району виллы «простого состава» (совпадающего с вотчиной) составляли более половины (56,2%) всего их числа, то в Бедфордшире таких вилл оказалось только 19,0%, в Кембриджшире — 25,5%, в Бекингемшире — 57,1%, в Гентингдоншире — 62,9% и в Оксфордшире — 73,0%.

При объяснении этой последовательности в распределении вилл простого состава следует иметь в виду и роль такого фактора, как соотношение коронного, светского и церковного землевладения в том или ином графстве. Так, например, большой удельный вес вилл простого состава в Гентингдоншире и Оксфордшире по сравнению с Бекингемширом стоит в непосредственной связи с удельным весом крупного церковного манора в первом, а во втором — с удельным весом крупного светского и коронного манора. Это же обстоятельство следует иметь в виду и при объяснении различий, с этой точки зрения, между отдельными сотнями одного и того же графства. Так или иначе, но совпадение вотчины с границей виллы было

⁵⁷ Н. С. Darby. A Historical Geography of England, p. 189 ff. Cp. Lennard. Rural England, p. 20.

⁵⁸ A. Meitzen. Siedlung und Agrarwesen, Bd. 1. Berlin, 1895, S. 52.

⁵⁹ H. L. Gray. English Field Systems. Cambridge, 1915, pp. 18 ff. Cp. E. Barger. The Present Position of Studies in English Field System.—EHR, LIII, 1938, p. 385.

⁶⁰ Количество дворов не может служить критерием для сравнения величины вилл потому, что на основе описей нельзя установить, кто из фригольдеров (а нередко и вилланов) того или иного манора проживал в данной вилле, а не был лишь держателем земли в ней.

⁶¹ Только таким образом можно объяснить наличие в ДВ вилл с пахотной площадью во много десятков карук. См., например: I, 151 (Besintone) — 50 карукат, 158a (Hook Norton) — 30 карукат, 155a (Storpedy) — 50 карукат, 155a (Banbury) — 33½ карукат. RH 1279 г. обнаруживают множество подобных «сокрытий». Так, виллы Drayton, Clifton, Chislehampton, Erwell должны были под пером писцов «раствориться» в описи манора Dorchester (см. RH, II, 748—751).

⁶² Здесь учтены данные только по 5 сотням (Longslow, Whittlesford, Chesterton, Chilford, Thripflow), для которых в описях 1279 г. указана площадь как доменальной, так и держательской пахоты.

⁶³ Без сотен Thame и Banbury, опись которых в ДВ отличается очевидной суммарностью.

Виды и манор по Дачинды

	Получено		В среднем на 1 дильгу		Классификация видов Число*		
	виды	в НХК ВОЛЧИН	ВОЛЧИН	КАРУК	совпадающих с ют-чиртой	СОЛЕР	
						2-3 дильчины	
Бедфордшир	4	11	2,7	16,1	1-25,0	1-25,0	
Stodden	17	66	3,9	12,4	3-17,6	5-28,5	
Wiley							
Бонингемшир	21	17	3,3	14,2	4-19,0	6-28,7	
Mursley	8	17	2,0	13,0	2-25,0	4-50,0	
Stodfold	14	19	1,3	7,6	9-64,3	5-35,7	
Ranslow	9	18	2,0	11,3	5-55,5	3-33,3	
Mitta	4	4	1,0	12,2	4-100		
	35		4,6	11,0	20-57,1	12-34,5	
Комбриджшир	13	34	2,6	10,4	4-30,7	6-46,1	
Longslow	5	14	2,8	13,6	—	4-80,0	
Whitllesford	5	13	2,4	13,5	1-20,0	3-60,0	
Chesterton	11	30	2,7	10,0	4-36,3	4-36,3	
Childord	7	21	3,0	14,0	1-14,3	5-71,4	
Thurplow	9	34	3,6	—	2-22,2	3-33,3	
Papworth	11	41	3,7	—	—	4-36,3	
Welberley	5	16	3,2	—	1-20,0	2-40,0	
Staine	5	12	2,4	—	2-40,0	2-40,0	
Flendish	10	21	2,1	—	3-30,0	6-60,0	
Slow	9	19	2,1	—	5-55,5	3-33,3	
Staploe	90		2,7	12,3	23-25,5	42-47,7	
Ленчестершир	11	26	2,3	21,1	4-36,3	4-36,3	
Toseland	19	27	1,4	13,0	15-78,9	3-15,9	
Normanross	20	31	1,5	11,7	11-55,0	7-35,0	
Leightonstone	12	18	1,5	16,2	9-75,0	3-25,0	
Hirstingdon							
Оксфордшир	62		1,7	15,5	39-62,9	17-27,5	
Woolton	40	55	1,4	9,6	26-65,0	10-25,0	
Langtree	9	10	1,1	9,2	8-88,8	1-11,2	
Bampton	18	25	1,4	11,6	15-83,3	2-11,1	
Pyton	5	7	1,4	15,4	3-60,0	2-40,0	
Bullington	24	37	1,5	10,4	18-75,0	5-20,8	
Ploughley	32	45	1,4	11,5	26-81,2	6-18,8	
Chadlinton	25	36	1,4	14,2	19-78,0	6-22,0	
Lowknor	12	16	1,3	11,0	10-83,4	2-16,6	
Ewelme	14	21	1,5	11,3	8-57,2	6-42,8	
Thame	3	9	3,0	(32,3)	1-33,3	1-33,3	
Banbury	3	14	4,7	(43,0)	1-33,3	—	
	185		1,8	11,5	135-73,0	41-22,8	
По всему материкалу	393				221-56,7	118-30,2	

* Первая цифра — число, вторая — %, + Элеа и ниже учитываются несоответствующие владельцы домен на учтен, ибо они не указаны для 1279 г. ++ Сюда вошли 22 солера, выступающие как субленды. выде—домен король.

Книги Страшного суда

по вотчинному принципу вилл			Вилла и барония Число* вилл, входивших в состав				Число вотчин- ников	
жащих			1 баронии	2 бароний	3-4 бароний	5 и более бароний	в сот- не	в сред- нем на виллу
4-5 вотчин	6-8 вотчин	более 8 вотчин						
2-50,0	—	—	2-50,0	— —	1-25,0	1-25,0	11**	2,7
5-29,5	3-17,6	1-5,8	2-11,8	5-29,4	5-29,4	5-28,4	47	2,8
7-33,3	3-14,2	1-4,8	4-19,0	5-23,8	6-28,6	6-28,6		2,7
2-25,0	—	—	3-37,5	2-25,0	2-25,0	1-12,5	18	2,2
—	—	—	9-64,3	4-28,5	1- 7,2	—	19	1,3
—	1-11,2	—	5-55,5	3-33,3	1-11,2	—	16	1,8
—	—	—	4-100	—	—	—	4	1,0
2-5,6	1-2,8	—	21-60,0	9-25,8	4-11,4	1- 2,8		1,6
2-15,3	1-7,9	—	4-30,7	2-15,3	6-46,0	1- 8,0	22	1,6
1-20,0	—	—	—	2-40,0	2-40,0	1-20,0	12	2,4
1-20,0	—	—	—	1-20,0	3-60,0	1-20,0	9	1,8
2-18,1	1-9,3	—	6-55,0	1- 9,0	3-27,0	1- 9,0	23	2,0
1-14,3	—	—	1-14,3	3-43,0	2-28,6	1-14,1	15	2,1
3-33,3	1-11,2	—	2-22,2	1-11,2	4-44,4	2-22,2	32 ⁺⁺	3,6
5-45,4	2-18,3	—	—	3-27,2	4-36,4	4-36,4	31	2,8
2-40,0	—	—	1-20,0	1-20,0	3-60,0	—	11	2,2
1-20,0	—	—	2-40,0	—	2-40,0	1-20,0	7	1,4
1-10,0	—	—	4-40,0	3-30,0	3-30,0	—	20	2,0
1-11,2	—	—	7-77,8	—	2-22,2	—	13	1,4
20-22,2	5- 4,6	—	27-30,0	17-18,8	34-37,7	12-13,5		2,1
2-18,2	1- 9,2	—	4-36,3	5-45,5	2-18,2	—	19	1,7
1- 5,2	—	—	15-79,0	2-10,5	2-10,5	—	15	0,8
2-10,0	—	—	15-75,0	2-10,0	1- 5,0°	—	26	1,3
—	—	—	9-75,0	1- 8,3	—°	—	7	0,6
5- 8,0	1- 1,6	—	43-69,3	10-11,1	5-8,0			1,1
3- 7,5	—°	—	30-75,0	8-20,0	—	1° —2,5	34	0,8
—	—	—	8-88,8	1-11,2	—	—	8	0,9
1- 5,6	—	—	13°°—72,9	3-16,6	1-5,5	—	18	0,4
—	—	—	3-60,0	2-40,0	—	—	5	1,0
2- 4,2	—	—	16°°—67,1	4-16,8	3-12,6	—	24	1,0
—	—	—	25-78,1	7-21,9	—	—	27	0,8
—	—	—	20-80,0	4-16,0	1- 4,0	—	21	0,8
—	—	—	11-91,7	1- 8,3	—	—	13	1,0
—	—	—	10-71,4	2-14,3	2-14,3	—	—	—
1-33,4	—	—	3-100	—	—	—	17	1,2
1-33,3	1-33,4	—	3-100	—	—	—	7	2,3
8- 3,7	1-0,5	—	142-77,3	32-17,3	7- 3,7	1°°—0,5		1,3
41-10,0	11°°—2,7	1-0,2	237-60,3	73-18,5	56-14,2	20-5,0		1,8

вотчин. *** Не учтены 13 карук, принадлежавшие Пикоту в вилле [Hinxton]. + Для этих сотен ntes баронов. ° В двух виллах—домеи короны. °° 3 виллы составили одну вотчину. °°° В одной

Вилла и манор по данным

Графство, сотни	Подсчитано			В среднем на 1 виллу		Классификация вилл по Чис		
	вилл	в них вотчин	гайд в сотне	вотчин	гайд	составляющих с вотчинной	содержа	
							2-3 вотчин	4-6 вотчин
Бедфордшир								
Stodden	4	13	329,5	3,2	8,1	1-25,0	1-25,0	2-50,0
Willey	17	64	184,0	3,8	10,8	3-17,7	3-17,7	9-52,9
	21			3,5	9,5	4-19,0	4-19,0	11-52,5
Бекингемшир								
Mursley	10	24	103,5	2,4	10,3	4-40,0	4-40,0	1-10,0
Stodfold	16	25	102	1,6	6,4	10-62,5	5-31,3	1- 6,2
Bunstow	9	24	94,0	2,6	10,4	2-22,1	6-66,8	1-11,1
Muta	4	9	51,5	2,2	13,0	1-25,0	2-50,0	1-25,0
	39			2,2	10,0	17-43,6	17-43,6	4-10,3
Кембриджшир								
Longstow	13	62	141,5	4,8	10,8	—	4-30,7	6-46,2
Whittlesford	5	28	67,7	5,6	13,5	—	—	2-40,0
Chesterton	6	15	49,5	2,5	8,2	2-33,0	3-50,0	—
Chilford	14	52	114,7	3,7	8,2	2- 7,1	8-57,4	3-21,3
Thriplow	8	27	79,0	3,4	9,8	1-12,5	4-50,0	2-25,0
Papworth	10	37	78,3	3,7	7,8	1-10,0	4-40,0	2-20,0
Wetherley	12	59	**	4,9	—	1- 8,4	1- 8,4	5-41,6
Staine	7	32	**	4,6	—	—	3-43,0	1-14,0
Flendish	5	19	**	3,8	—	—	2-40,0	2-40,0
Stow	10	32	**	3,2	—	3-30,0	4-40,0	—
Staploe	11	41	**	3,7	—	4-36,0	3-27,2	1- 9,4
	101			3,9	—	13-12,8	36-35,6	24-23,7
Оксфордшир								
Wootton	45°	80	380,5	1,7	8,4	16-35,5	20-44,4	5-11,1
Langtree	9	18	78	2,0	8,6	1-11,1	8-88,9	—
Bampton	21	49	209	2,3	9,9	8-38,2	7-33,3	4-19,0
Pyrton	5	22	89,4	4,4	18,0	1-20,0	2-40,0	—
Bullington	27	57	25,0	2,1	9,0	12-44,4	13-48,1	2- 7,5
Ploughley	33	69	361	2,0	11,0	17-51,5	15-45,4	1- 3,1
Chadlington	30	64	354	2,1	12,0	13-43,3	14-46,6	3-10,0
Lewknor	13	28	133,5	2,1	10,2	6-46,4	5-38,4	1- 7,6
Ewelme	15	40	162,5	2,5	10,0	10-68,8	1- 6,3	2-12,5
Thame	3	24	68,0	8	28,6	1-33,3	—	1-33,3
Banbury	3	27	138,0	9	46,0	—	—	1-33,3
	204°			3,4	15,6	85-42,2	85-42,2	20-10,0
Гентингдоншир								
Toseland	14	58	232,5	4,1	16,6	—	8-57,2	5-35,7
Normancross	21	45	175,0	2,1	8,3	10-47,6	9-42,8	2-9,5
Leightonstone	21	49	234,0	2,3	11,1	2-9,5	16-76,3	2-9,5
Hirstingdon	12	30	192,0	2,5	16,0	7-58,3	5-41,6	—
	68			2,5	13,0	19-27,9	38-55,8	9-13,5
По всему материалу	433					138-31,9	180-41,5	68-15,7

* Первая цифра—число, вторая—%. ** Площадь вотчин здесь не поддается подсчету, так как не указаны размеры доменов. ° 3 виллы составляют одну вотчину.

Таблица 2

Сотенных свитков 1279 г.

вотчинному принципу до* вины		Вилла и барония Число* вины, входящих в состав				Число вотчинников	
них		1 баронии	2 бароний	3-4 бароний	5 и более бароний	в сотне	в среднем на 1 виллу
6-8 вотчин	более 8 вотчин						
		2-50,0	1-25,0	1-25,0	—	13	3,2
2-11,7	—	5-29,5	5-29,5	4-23,1	3-17,9	54	3,1
2-9,5	—	7-33,3	6-28,5	5-23,9	3-14,3	—	3,1
—	1-10,0	8-80,0	1-40,0	1-10,0	—	21	2,1
—	—	14-86,8	1-6,6	1-6,6	—	22	1,4
—	—	4-44,4	3-33,3	2-22,2	—	19	2,1
—	—	2-50,0	1-25,0	1-25,0	—	9	2,2
—	1-2,5	28-71,7	6-15,5	5-12,8	—	—	1,9
2-15,4	1-7,7	3-23,0	7-54,0	2-15,3	1-7,7	45	3,4
3-60,0	—	1-20,0	—	4-80,0	—	26	5,2
1-17,0	—	3-50,0	3-50,0	—	—	14	2,3
1-7,1	1-7,1	8-56,8	4-42,4	2-14,8	—	44	3,1
1-12,5	—	2-25,0	1-12,5	5-62,5	—	23	2,9
3-30,0	—	3-30,0	4-40,0	3-30,0	—	25	2,5
5-41,6	—	1-8,4	4-33,2	6-50,0	1-8,4	55	4,6
3-43,0	—	2-28,0	2-28,0	3-44,0	—	30	4,3
1-20,0	—	2-40,0	1-20,0	2-40,0	—	17	3,2
2-20,0	1-10,0	5-50,0	2-20,0	3-30,0	—	26	2,6
1-9,4	2-18,0	7-63,6	1-9,0	3-27,4	—	38	3,4
23-22,7	5-5,2	37-36,8	29-28,7	33-32,6	2-1,9	—	3,3
1-2,2	—	29-64,4	12-24,4	1-2,2	—	74	1,8
—	—	8-88,9	1-11,1	—	—	16	1,8
2-9,5	—	14-66,6	6-28,7	1-4,7	—	42	2,0
1-20,0	1-20,0	3-60,0	1-20,0	1-20,0	—	22	4,4
—	—	20-74,1	4-14,8	3-11,1	—	51	1,9
—	—	24-72,7	9-27,3	—	—	48	1,4
—	—	25-83,3	5-16,7	—	—	55	1,8
1-7,6	—	9-69,2	3-23,0	1-7,8	—	27	2,2
2-12,5	—	11-73,3	2-12,5	1-6,6	1-6,6	31	2,0
—	1-33,3	3-100	—	—	—	17	6,0
1-33,3	1-33,3	3-100	—	—	—	21	7,0
8-4,0	3-1,6	149-73,0	43-21,0	8-4,0	1-0,5	—	3,3
—	1-1	9-57,4	4-28,5	1-7,1	—	45	3,2
—	—	16-76,3	4-19,0	1-4,7	—	29	1,4
1-4,7	—	18-85,8	1-4,7	2-9,4	—	46	2,2
—	—	12-100	—	—	—	12	1,0
1-1,4	1-1,4	55-79,4	9-13,5	4-7,1	—	—	1,9
34-7,8	10-2,3	275-63,7	93-21,5	55-12,7	6-0,3	—	2,7

в 1086 г. характерной чертой лишь 5,2% вотчин в Бедфордшире; 9,0% вотчин в Кембриджшире; 34,4% вотчин в Бекингемшире; 38,2% вотчин в Гентингдоншире и 49,0% в Оксфордшире.

Обратившись к виллам сложного состава (см. табл. 1), нетрудно заметить, что наиболее типичной среди них в 1086 г. была вилла, состоявшая из 2—3 вотчин. На долю этих вилл приходилась $\frac{1}{3}$ всего числа учтенных нами вилл (точнее — 30,2%). Наиболее характерным этот тип виллы был для Кембриджшира, где на долю его приходилось 48% вилл, а из более манориализованных графств — для Бекингемшира (34,5%) учтенных здесь вилл)⁶⁴.

Итак, если вершиной манориализации виллы считать совпадение ее границ с границей вотчины, то придется заключить, что степень манориализации виллы, помимо всего прочего, зависела от 1) естественно-географических условий⁶⁵, 2) характера сельского поселения, 3) этнического состава населения (область Денло и т. п.), 4) соотношения коронного, светского и церковного землевладения⁶⁶.

В результате взаимодействия всех этих факторов картина манориализации и интеграции вилл в изучаемых графствах оказалась к концу XI в. не только весьма пестрой, но и в значительной мере незавершенной: даже в пределах изучаемого более или менее однородного района мы наблюдаем виллы, находившиеся на совершенно различных стадиях феодального их подчинения. Естественно, что особый интерес представляют те виллы, в которых еще различим отправной пункт изучаемого процесса. Непременным условием для наблюдения этой начальной стадии манориализации виллы должно быть органическое развитие вотчины, складывание ее «снизу» — в результате постепенной социально-имущественной дифференциации внутри общины аллодистов. Такова, к примеру, структура кембриджширской виллы Vabraham⁶⁷, в которой писцы 1086 г. фиксировали 9 «вотчин» таких незначительных размеров, что в них легко еще рассмотреть в прошлом разбогатевший крестьянский двор. Следующую ступень процесса манориализации виллы следует видеть в тех случаях, когда из общей массы мелковотчинных образований успела выделиться, по крайней мере, одна вотчина, которой принадлежит уже значительная часть деревенской пахоты и площадь которой намного превосходит площадь каждой из соседних вотчин. Эта стадия очень хорошо иллюстрируется примером виллы Shelford⁶⁸. Наконец, предпоследней ступенью манориализации виллы можно считать такое соотношение пахотных площадей выделившейся вотчины и ее соседей (в рамках виллы), когда первая становится абсолютно доминирующей в ней, превосходя пахотную площадь всех остальных вотчин, вместе взятых, благодаря чему последние выглядят как осужденные на поглощение нежизнеспособные образования. Эта ступень может быть отчет-

⁶⁴ Заслуживает внимания тот факт, что в распространении вилл с 4—5 и более вотчинами замечается последовательность, обратная по сравнению с удельным весом (по графствам) вилл простого состава. В самом деле, в Бедфордшире на их долю приходилось 33,3% всех учтенных вилл, в Кембриджшире — 22,2%, в Гентингдоншире — 8,0%, в Бекингемшире — 5,6%, в Оксфордшире — 3,7%.

⁶⁵ Так, например, если данные по отдельным сотням Кембриджшира нанести на карту графства, то легко установить, что вотчинная структура вилл упрощается по направлению с юга и юго-запада на север и северо-восток. Наиболее сложной оказывается структура вилл в сотне Wetherley (здесь не было ни одной виллы простого состава), а наиболее простой — вотчинная структура вилл в сотне Staploe.

⁶⁶ Ср. N. Neilson, English Manorial Forms.— AHR, XXXIV (1929), p. 725. Ср. R. Lennard, Rural England, p. 40.

⁶⁷ Схематически вотчинная структура этой виллы может быть передана так: $1\frac{1}{2}$ vg — 1 H 1 vg — $\frac{1}{2}$ vg — $\frac{1}{2}$ H $\frac{1}{2}$ vg — 2 $\frac{1}{2}$ H 24 a — $\frac{1}{2}$ vg — $\frac{1}{2}$ vg — $\frac{1}{2}$ H (см. DB, I, 190a, 191a, 194a, 197b, 198a, 199a, 199b, 201b, 202a).

⁶⁸ Ее владельческая структура по DB рисуется следующим образом: 9 H 24 a — 3 H — $1\frac{1}{2}$ H 6 a — 6 H 1 vg 7 a (см. DB, I, 190a, 191a, 194b, 198a).

ливо рассмотрена на примере вилл Kingston (Кембр.)⁶⁹ и Risseley (Бедф.)⁷⁰.

При такой вотчинной структуре уже нетрудно предугадать, какой из входивших в ее состав вотчин будет принадлежать решающее влияние в процессе ее «унификации». Точно так же очевидно, что «унификация» здесь может означать лишь поглощение недоразвившихся, незавершенных мелко вотчинных образований крупным, типическим манором. Конечно, трудно сказать, какая часть вилл простого состава конца XI в. возникла в результате такого именно упрощения владельческой структуры и какая часть из них с самого «начала» оказались виллами простого состава.

Однако не подлежит сомнению, что абсолютное большинство вотчин, совпадавших с виллой в 1086 г., совпадало с ней с момента своего появления. С другой стороны, также очевидно, что абсолютное большинство изначальных много вотчинных вилл сохранилось в качестве таковых к 1086 г.⁷¹ В этом важнейшем различии во владельческой структуре вилл 1086 г. явно сказывается различие путей их феодализации (в действительности тесно переплетающихся) — путь подчинения виллы «сверху», дарственным актом суверена, и путь постепенной кристаллизации вотчин в ее недрах, роста ее «снизу» в результате разложения начального аллода фолькланда⁷².

Если в качестве критерия для суждения о степени манориализации виллы принять предложенную выше схему эволюции — от первоначальных, зачаточных форм вотчины в много вотчинной вилле, состоявшей из одних мелких вотчин (чаще всего аллодиальных форм), до крупного типического манора, совпадающего с границей виллы, то придется заключить, что сущность вопроса не столько в количестве вотчин в той или иной вилле, сколько в характере этих вотчин, в их типе⁷³. С этой точки зрения в рамках нашего материала наименее завершенной (к 1086 г.) должна быть признана вотчинная структура вилл Бедфордшира и Кембриджшира, так как именно в них мы чаще всего сталкиваемся с наиболее примитивными ступенями манориализации. Нередко в качестве вотчины здесь фигурируют по сути дела уцелевшие к концу XI в. изначальные наделы общинника старосвободной деревни, а иногда и с сидящими на них сожменами⁷⁴.

Следовательно, более высокой ступенью манориализации виллы ко времени DB следует считать такую ее владельческую структуру, при которой

⁶⁹ Приняв за основу размер вотчины в каруках, мы получим: $7\frac{1}{2}$ с — 2 с — 2b — 2b — 3b — 1b (см. DB, I, 189b, 193b, 197b, 198b, 189a, 200b, 194b).

⁷⁰ Аналогично: 1 с — 7 с — $\frac{1}{2}$ с — 1 с — 2 с — $\frac{1}{2}$ с. — См. DB, I, 210a (bis), 212b, 213a, 216b (bis).

⁷¹ В этом легко убедиться, прослеживая преемственность владельческих титулов между 1066 и 1086 г. Если много вотчинная структура вилл «пережила» в большинстве случаев катастрофу нормандского завоевания, то тем более устойчивой должна была она быть в предшествовавшую ему эпоху.

⁷² Или же подчинения виллы «сверху», по частям и при этом различным лицам. Ср. А. Я. Гуревич. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии. — Сб. «Средние века», вып. VII, 1955; его же. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства. — Там же, вып. IV, 1953.

⁷³ Вряд ли можно спорить против утверждения, что вилла Trumpington с вотчинной структурой $2\frac{1}{2}$ с — $2\frac{1}{2}$ с — 3 с — 5 с — $\frac{1}{2}$ с (см. DB, I, 196a, 196b, 200a, 202a-bis) более манориализована, чем вилла Kingston, где владельческая структура была следующей: $7\frac{1}{2}$ с — 2 b — 2 b — 1 b — 3 b — 2 с (см. DB, I, 189b, 193b, 194b, 197b, 198b, 200b), хотя по числу «вотчин» они не очень отличаются друг от друга.

⁷⁴ Приведем в качестве примера вотчинную структуру виллы Sharnbrook (Beds): 1) 4 с — Robertus filius Rozelini; 2) 3 с — Albertus Lotheriensis; 3) 1 с — Osbernus Piscator; 4) 1 с — quidam anglicus Turgisus; 5) 1 с — Humfridus; 6) $\frac{1}{2}$ с — Almarus; 7) 3 b — Osbertus de Broilgi; 8) $\frac{1}{2}$ с — Robertus de Hugone; 9) 3 с — 7 sochemanni (см. DB, I, 210a, 211a, 213b, 216a, 216b (bis), 217a, 218a).

не осталось уже места не только для землевладения полунезависимых (не говоря уже о свободных) элементов сельской общины, но и для начальных форм вотчины. Многовотчинную villu следует считать в высшей степени манорIALIZED, если все входившее в ее состав вотчины завершены, т. е. обладают основными чертами крепостнического поместья⁷⁵.

Проследим теперь сдвиги, происшедшие в вотчинной структуре среднеанглийских villu в 1279 г. По RH мы насчитали в тех же пределах 433 villu, т. е. на 40 villu больше, чем по DB⁷⁶. В подавляющем большинстве случаев «новизна» этих villu весьма относительна, так как чаще всего речь идет не о вновь основанных селениях, а либо о более дробной описи 1279 г., либо о разделе ранее существовавших villu на два и более самостоятельных селения⁷⁷, либо, наконец, о том, что villu в RH названы «беверики» и «соки» DB. Приведем лишь один пример. В сотне Ploughley (Оксф.) мы находим в DB две вотчины под одним и тем же названием Hantone; одну из них держал Гернио от короля (I, 160b), вторую — некий Райнальд от Роджера de Iveri (I, 158b). Но согласимся, что в этом случае трудно сказать, одна ли перед нами villu или две под одним и тем же названием. В 1279 г. мы в той же сотне находим две villu: Hampton ab Pontem (RH, II, 831), идентифицирующаяся с вотчиной Гернио, и Ham[pton] Gay (RH, II, 836), идентифицирующаяся с вотчиной Райнальда⁷⁸. Как бы то ни было, перед нами наглядный пример того, насколько глубоко перепахивает почву сельской общины процесс манорIALIZED.

Если образование в пределах одной villu двух вотчин может с течением времени привести к распаду былой общности сельского поселения — общины — и к возникновению двух самостоятельных villu (на вотчинной основе), то очевидно, что *под влиянием манорIALIZED происходит определенное перерождение исконной сельской общины*, что вновь образующиеся вокруг маноров общины будут уже функционировать под эгидой манорIALIZED права в значительной степени в интересах манора. Таким образом, на наших глазах дофеодалные институты превращаются в феодальные, старые термины наполняются новым содержанием. Далее, факт распада villu — но феодальному признаку — свидетельствует о том, что, консолидируясь внутренне, вотчина получает более рельефно очерченные внешние границы, которые, в случае несовпадения их с границами villu, разрывают последнюю на части, превращая сельскую общину в значительной степени в дворовую (Hofgemeinschaft). Следовательно, в самом факте умножения географической номенклатуры villu мы должны усматривать *форму упрощения их вотчинной структуры*, результат ее «унификации», ведущей к образованию завершенного типического манора. Столь же типичен случай, с которым мы сталкиваемся в сотне Bampton (Оксф.). Под одним и тем же названием Bentone мы находим в DB три вотчины: вотчину короля (27,5 гайд) (I, 154b), вотчину епископа Экстерского (6 гайд) (I, 155a) и вотчину Роберта de Oilgi (4 гайды) (I, 158b). В описи этих вотчин в RH обращает внимание то, что имена вотчинников 1086 г. стали к 1279 г. дополнительными названиями для трех villu, образовавшихся

⁷⁵ См., например, villu Bletsoe (Бедф.): 4 с — 4 с (DB, I, 217a); Podington: 5½ с — 2½ с (DB, I, 215b, 216a); Woodhill: 5 с — 5 с (DB, I, 211a, 215b). Ср. С. Е. P e r r i n. La seigneurie rurale..., p. 231.

⁷⁶ Villu XIII в., которые не могли быть идентифицированы с villu, фиксированными в DB, не учитывались.

⁷⁷ Впрочем, нет никакой уверенности в том, что в некоторых случаях это не имело места уже в 1086 г., хотя и скрыто в DB под общим наименованием (см. ниже, стр. 55).

⁷⁸ DB не всегда, правда, оставляет нас в неведении относительно числа villu, скрывающихся под одним названием. Иногда писцы находят возможным к фигурировавшему уже ранее названию прибавить эпитет «alia». Ср. DB, I, 208a: Catworde (Catworth); 205a: Alia Catworde; 204b: Emmingeforde (Hemingford), Alia Emingeforde.

по вотчинному принципу, но сохранивших след былой общности в основном наименовании. Так, на основе вотчины епископа Экстерского образовалась вилла *Wampton Exonie* (RH, II, 690), на основе вотчины Роберта de Oilgi — вилла *Wampton Douly* (RH, II, 694). Но, кроме того, уже после 1086 г. от вотчины короля откололась мелкая вотчина, фигурирующая в 1279 г. как вилла *Wampton Pogeys* ⁷⁹.

Не следует, однако, представлять себе дело таким образом, что в результате дробления вилл по вотчинному принципу всегда возникали виллы простого состава. Нередко и вновь возникшие поселения имели довольно сложную вотчинную структуру. Объясняется это довольно просто: деление вилл отнюдь не поспевало за дроблением вотчин. Еще больший интерес представляет деление вилл в результате дробления одной и той же вотчины ⁸⁰.

В свете этих данных по-новому раскрывается существо не только анализируемого процесса, но и процесса так называемой внутренней колонизации — хозяйственного освоения пустошей. В нем прежде всего склонны были видеть свидетельство прогресса производительных сил страны, результат роста народонаселения и т. д. ⁸¹ На наш взгляд, следовало бы также обратить внимание и на другую его сторону — на территориальное распространение феодальной собственности, на прогресс феодализации страны, на экстенсификацию этого процесса, ибо нет феодальной собственности там и до тех пор, пока нет возможности извлечь феодальную ренту, где нет возможности для феодальной эксплуатации. С несомненными успехами унификации вотчинной структуры виллы мы встречаемся и в тех случаях, когда последняя упрощается в границах прежней виллы, приводя к тому же результату — к уменьшению числа вотчин ⁸².

Таковы конкретные исторические формы прогресса манориализации крестьянской деревни, характерные для одной группы изученных нами вилл. Вторую группу составляют виллы, которые не подвергались в своей вотчинной структуре никаким или почти никаким изменениям между

⁷⁹ RH, II, 689. Приведем еще несколько примеров:

DB, I, 204b: Saltrede — Abbas de Rameseye	RH, II, 659: Saltreya Moyne
206a: Saltrede — Eustachius	660: Sautre Beumeys
206b: Saltrede — Iudita	663: Magna Saltreya
158a: Estone — Rob. de Stafford	861: Middelaston
158a: — Milonus Crispin	860: Northaston
156a: — Eps. Bajocensis	862: Steplelaston
205b: Upcford — Monachi de Cluniaco	683: Offorde Cluny
204b: — Abbas de Rameseye	668: Offorde Daneys
206b: Stivecele — Iudita	599: Magna Slivek
204a: — Abbas de Rameseye	599: Parva Stivek
155b: Tevam — Eps. Bajocensis	845: Magna Tywa
158b: — Rob. de Oilgi	847: Donestiwe
156b: — Eps. Listacensis	874: Parva Tywe
158a: — Rob. de Stafford	626: Magna Gydding
207a: Gellinge — Albericus de Ver	619: Gydding Engayne
204b: — Abbas de Rameseye	631: Gydding
159b: Baldentone — Milonus Crispin	724: Mersbaldingdone
155b: — Eps. Lincolnensis	724: Parva Baldingdon
160a: — Svain	724: Baldingdon

⁸⁰ DB, I, 207a: Pachestone (Iudita) }	RII, II, 674: Magna Paxtone
147b: Hareworde (Walter) }	672: Parva Paxtone
Giffard) }	336: Magna Horewod
	337: Parva Horewod

⁸¹ H. C. Darby. *Eastern England*, p. 267. Cp. T. Bishop. *Assarting and the Growth of the Open Fields*.— *ECHR*, VI, 1935, p. 19 ff.

⁸² Kingston DB, I, 189a, 193b, 194b, 197b, 198b, 200b: 7½ c — 2 b — 2 h — 1 b — 3 b — ½ b — 2 c; RH, II, 514: 849 a — 255 a — 152½ a.

1086 и 1279 гг. В составе этой группы в одинаковой мере встречаются виллы как сложного, так и простого состава. Это хорошо иллюстрируется следующими примерами:

Trumpington ⁸³		Hauxton ⁸⁴		Comberton ⁸⁵		Westwych ⁸⁶	
DB	RH	DB	RH	DB	RH	DB	RH
2½ с	382 а	12 с	984 а	5 с	2 с	2 с	240 а
2½ с	148 а	2 с	84 а	2 с	100 а	2½ с	148 а
3с	123 а			4 с	foodum?	1 с	120 а
5с	486 а			1 с	90 а		
1/2с	103 а						

При анализе вилл этой группы больше всего поражает то, что множество мелких вотчин 1086 г. пережило все превратности двухвековой истории феодальной Англии, и в 1279 г. они обнаруживают все, вплоть до мельчайших, «изначальные» черты.

Наконец, третью, наиболее многочисленную группу составляют виллы, вотчинный состав которых успел за изучаемый двухвековой период значительно усложниться, что было результатом нередко многократного дробления вотчин, фиксированных в DB в пределах одних и тех же вилл. Такова весьма дифференцированная и противоречивая картина, которая вырисовывается из сопоставления данных DB и RH по вопросу о соотношении виллы и манора. Однако это отнюдь не значит, что она не дает оснований для каких-либо обобщений. Статистическое исследование не оставляет никаких сомнений относительно ведущей тенденции этого процесса.

Как видно из сопоставляемых данных, общее направление его — обратное тому, которое рисовалось П. Г. Виноградову, и в равной мере отличное от предположенного Е. А. Косминским. Несмотря на многие случаи упрощения и унификации вотчинной структуры, как и случаи преемственности ее, абсолютно преобладающим фактом в течение XII—XIII вв. было *дробление и распад первоначальных вотчинных комплексов, что приводило к усложнению вотчинной структуры вилл*. Если в 1086 г. среднее число вотчин, приходившихся на одну виллу, равнялось в Бедфордшире 3,3, Бекингемшире — 1,6, Кембриджшире — 2,7, Гентингдоншире — 1,7 и Оксфордшире — 1,8, то в 1279 г. оно равнялось соответственно: 3,5; 2,2; 3,9; 2,5; 3,4. Сопоставим итоговые данные табл. 1 и 2 (см. табл. 2а).

За исключением Бедфордшира, где число вилл, совпадающих с вотчиной, осталось неизменным, во всех графствах число таких вилл *резко сократилось*. С другой стороны, удельный вес многовотчинных вилл к 1279 г. значительно увеличился по сравнению с 1086 г. В графствах, наиболее манориализованных к 1086 г., больше всего возросло число вилл, состоящих из 2—3 вотчин. В тех же графствах, которые в 1086 г. были наименее манориализованными, наиболее заметно возросла группа вилл с 4 и более вотчинами. Так, в Оксфордшире и Гентингдоншире число вилл с 2—3 вотчинами возросло более чем в 2 раза (с 41 до 85 и с 17 до 38). На долю этой группы вилл приходилось в 1279 г. ¾ всех многовотчинных вилл (73,2) в Оксфордшире и 77,5% в Гентингдоншире. В свою очередь

⁸³ DB, I, 196b, 200a, 196a, 202a; RH, II, 548.

⁸⁴ DB, I, 198a, 191a; RH, II, 550.

⁸⁵ DB, I, 196b, 198b, 200b; RH, II, 554—555.

⁸⁶ DB, I, 200b, 201b, 202b; RH, II, 407—408.

Таблица 2-а

Графство	Число и % вилл				
	совпадающих с вотчиной	включающих			
		2—3 вотчины	4—5 вотчин	6—8 вотчин	более 8 вотчин
Бедфордшир	DB 4—19,0	6—28,7	7—33,3	3—14,2	1—4,8
	RH 4—19,0	4—19,0	11—52,5	2— 9,5	—
Бекингемшир	DB 20—57,1	12—34,5	2— 5,6	1— 2,8	—
	RH 17—43,6	17, 43,6	4—10,3	—	1—2,5
Кембриджшир	DB 23—25,5	42—47,7	20—22,2	5— 4,6	—
	RP 13—12,8	36—35,6	24—23,7	23—22,7	5—5,2
Гентингдоншир	DB 39—62,9	17—27,5	5— 8,0	1— 1,6	—
	RH 19—27,9	38—55,8	9—13,5	1— 1,4	1—1,4
Оксфордшир	DB 135—73,0	41—22,8	8— 3,7	1— 0,5	—
	HR 85—42,2	85—42,2	20—10,0	8— 4,0	3—1,6
По всему материалу	DB 221—56,7	118—30,2	41—10,0	11— 2,7	1—0,2
	RH 138—31,9	180—41,5	68—15,7	34— 7,8	10—2,3

для Кембриджшира и Бедфордшира характерно увеличение удельного веса вилл еще более сложного вотчинного состава. Так, в Кембриджшире особенно увеличилась — почти в 5 раз — группа вилл с 6—8 вотчинами (с 5 до 23), а в Бедфордшире — группа вилл с 4—5 вотчинами. Наконец, к 1279 г. повсеместно, за исключением Бедфордшира, появилась новая группа многовотчинных вилл — с 9 и более вотчинами, что само по себе более чем многозначительно. По всему материалу подсчетов число вилл с 4—5 вотчинами увеличилось на 58,5% (с 41 до 65), а группа вилл с 6—8 вотчинами возросла более чем в 3 раза (с 11 до 34).

Если в 1086 г. на долю группы вилл сложного состава приходилось 43,3% всех учтенных нами для этого года вилл, то в 1279 г. на ее долю приходилось уже 67,9% всего числа вилл. Очевидно, что владельческая структура вилл XIII в. не может быть объяснена одной лишь преемственностью условий, существовавших в них в 1086 г. Определяющее значение в ее формировании принадлежало процессам, происходившим в английской деревне XII—XIII вв. Точно так же не подлежит сомнению, что для *абсолютно преобладающего числа вилл* вотчинная структура XI в. была *вершиной унификации*, что XII—XIII вв. принесли с собой более чем для $\frac{2}{3}$ изученных вилл значительное *усложнение* этой структуры, резко сократившее удельный вес типических маноров в них⁸⁷. В заключение мы попытаемся выяснить, в каком направлении эволюционировала владельческая структура виллы, если рассматривать ее не с точки зрения манора — центра непосредственного присвоения ренты, а с точки зрения баронии — центра феодально-иерархической структуры землевладения: находились ли эти две стороны эволюции феодальной организации общества в какой-либо взаимозависимости и в чем последняя заключалась? Иными словами, речь идет о том, чтобы установить, как в начальный и конечный момент исследу-

⁸⁷ О социальной значимости многовотчинного состава вилл (в смысле консервации и усиления элементов свободы среди крестьянства) см. F. W. Maitland. *DB and Beyond*, p. 159—160; P. Vinogradoff. *Growth...*, p. 304 ff.; R. Leonard. *Rural England*, p. 62.

дования соотносились границы виллы с границей держаний первой руки, в состав которых она входила и которые мы (условно) вконец будем именовать барониями. Хорошо известно, что владения англо-нормандских баронов были распылены по множеству графств, вследствие чего они не составляли сколько-нибудь значительной сплошной территории. И хотя от предположения о «преднамеренности» такой структуры бароний со стороны Вильгельма I⁸⁸ теперь уже мало что осталось⁸⁹, тем не менее налицо исторический факт «чересполосности» в расположении владений английских бароний — факт сам по себе чрезвычайно важный по последствиям, которые он имел для политической и социальной истории страны⁹⁰.

Вопрос о том, входила ли вилла в состав одной, двух или нескольких бароний, отнюдь не праздный для исследователя аграрных отношений, ибо нельзя рассматривать феодальную вотчину как нечто самодовлеющее, в отрыве от тех форм феодальной организации, которые многими путями влияли на направление ее эволюции. Между тем мы так поглощены судьбами вотчины, рассматриваемой именно с такой точки зрения, что не замечаем подчас, насколько такая постановка вопроса далека от подлинной действительности, в которой функционировала феодальная собственность. В частности, ни в коем случае нельзя упускать из виду, что феодальная барония стремилась регулировать жизненно важные элементы вотчины, вплоть до ее структуры, препятствуя ее дроблению, переходу из рук в руки или, наоборот, содействуя этому. Далее, принадлежность к той или иной баронии была не только отражением определенных внутрifeодальных поземельных связей, но влекла за собой принадлежность к тем или иным юрисдикционным и иммунитетным округам, с которыми были связаны многие стороны социальной жизни изучаемой эпохи. Таким образом, вилла, в случае вхождения ее отдельными частями в различные баронии, могла стать ареной весьма противоречивых и постоянно сталкивавшихся интересов и прав различных групп феодалов. Поэтому легко себе представить, какую важную роль должно было играть это обстоятельство, затрудняя или облегчая процесс вотчинной консолидации виллы. Но тем самым вопрос об унификации вотчинной структуры виллы теснейшим образом переплетается с вопросом взаимоотношений виллы и баронии.

Общие результаты сопоставления DV и RH по вопросу о соотношении виллы и баронии заслуживают, на наш взгляд, самого пристального внимания. Они свидетельствуют о том, что интенсивные сдвиги феодальных интересов происходили в течение XII и XIII вв. не только в пределах виллы, но и в надстраивавшейся над ней феодальной иерархии страны причем основные направления этих перемен, на первый взгляд кажущиеся произвольными, в действительности были теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В то время как вотчинная структура среднеанглийских вилл в течение XII—XIII вв. немало усложнилась, во ффефной принадлежности вилл ведущей тенденцией были упрощение и унификация. Так, во всех графствах возросло (по сравнению с 1086 г.) число вилл, входивших в состав одной баронии. В Бедфордшире число таких вилл увеличилось с 4 до 7, в Кембриджшире — с 27 до 37, в Бекингемшире — с 24 до 28, в Гентингдоншире — с 43 до 55 и только в Оксфордшире этот рост оказался незначительным (142 и 149).

⁸⁸ W. Stubbs. Constitutional History of England, I, 5. ed. Oxford, 1891, p. 295.

⁸⁹ VCH of Bedford, I, p. 281; VCH of Suffolk, I, p. 373. Cp. F. Barlow. The Feudal Kingdom of England. London, 1955, p. 43 ff.

⁹⁰ См. F. Pollock and F. W. Maitland, v. I, p. 237. Леннард высказал недавно в этой связи интересные соображения. См. R. Lennard. Rural England, p. 41 ff.

В основе значительного числа случаев упрощения фьефной структуры вилл лежит уже отмеченный выше факт раздела виллы по вотчинному принципу.

Приведем лишь один пример подобного рода. Вилла Childerley (Кембр.) входила в состав трех бароний (DB, I, 190b, 200b, 201b). К 1279 г. эта вилла успела разделиться на два самостоятельных селения (Childerley Mayor и Childerley Minor), каждое из которых входило уже в состав лишь одной баронии (RH, II, 408).

Нередки также случаи, когда унификация фьефной структуры вилл происходила в результате поглощения одной баронией земель, ранее входивших в состав другой баронии. Так, например, территория виллы Ickleton (Кембр.) в 1086 г. была разделена между двумя барониями (Harduinus de Scalers и Comes Eustachius) (DB, I, 196a, 198a); в XIII в. она принадлежала уже целиком баронии Bolonie (RH, II, 587). Вилла Bletsoe была разделена в 1086 г. между двумя барониями (Comitissa Iudita и Hugonus de Bellocampo) (DB, I, 213a, 217a); в 1279 г. она уже целиком принадлежала баронии Bellocampo (RH, II, 324). Точно также земли этих же двух бароний в вилле Stagsden (Бедф.) (DB, I, 212b, 217a) слились в рамках баронии Bellocampo в 1279 г. (RH, II, 326). О той же тенденции упрощения фьефной структуры вилл свидетельствует уменьшение к 1279 г. численности группы вилл, входивших в состав 5 и более бароний (по всему материалу подсчетов более чем в 2 раза). В итоге наиболее типичной в 1279 г. была вилла, входившая целиком в состав одной баронии. На долю этой группы приходилось около $\frac{2}{3}$ всего числа учтенных в табл. 1 вилл (DB, I, 190b, 200b, 201b)⁹¹.

Очевидный факт упрощения фьефной структуры как нельзя более ярко отражал социальные процессы, происходившие в недрах феодального землевладения (и прежде всего в среде непосредственных держателей короны), и был полностью обусловлен прослеженными выше изменениями вотчинной структуры виллы. Чтобы внутренняя связь между этими процессами была раскрыта, мы должны обратиться к эволюции вотчинной структуры за тот же отрезок времени.

§ 3. Эволюция среднеанглийской вотчины между 1086 и 1279 гг.

До сих пор мы рассматривали социальные процессы, происходившие в среднеанглийской деревне XII—XIII вв., с точки зрения степени манорализации ее почвы, причем масштабом для оценки интенсивности этого процесса были пределы отдельно взятой виллы. Такой подход к данной проблеме можно было бы назвать «индивидуализирующим», так как обобщение в этом случае могло быть выражено лишь как сумма определенного рода локальных вариантов развития. Рассмотрим теперь тот же процесс с другой точки зрения, приняв в качестве критерия для оценки его результатов самую вотчину. Но для этого мы должны выйти за пределы виллы и взглянуть на всю изучаемую территорию как на единое целое.

Задача, следовательно, заключается в том, чтобы определить изменения в соотношении различных по типу вотчин в пределах Средней Англии в 1086 и 1279 гг.

⁹¹ Это не значит, что не давала о себе знать тенденция противоположная — устойчивость числа бароний, между которыми делилась площадь отдельно взятой виллы. Так, вилла Wrothme (Кембр.), согласно DB (I, 195a, 200b), делилась между четырьмя барониями, а в 1279 г. — между 4 держателями первой руки (RH, II, 520). Мы не различали для целей данного анализа держания *in capite de corona* от держаний *ut de honore*.

К сожалению, разнохарактерность сопоставляемых источников с этой точки зрения столь велика, что изменение типа вотчины может быть выражено главным образом как изменение ее «величины»⁹². Однако все, что мы знаем об особенностях крупного типического манора, с одной стороны, и мелкой вотчины — с другой⁹³, позволяет усмотреть познавательное значение предпринятого исследования даже в том случае, если в итоге его мы получим лишь представление о количественных изменениях в соотношении различных по величине вотчин. В действительности же сопоставление DB и RH по данному вопросу позволяет уловить и нечто более сокровенное, то, что обычно остается скрытым от взора исследователя при раздельном изучении указанных источников, а именно изменения в характере самой вотчины как центра феодального присвоения.

Прежде чем перейти к анализу данных, обобщенных в табл. 3 и 4, мы должны еще раз заметить, что задача реконструкции внешних границ вотчин может быть разрешена лишь частично⁹⁴, ибо можно по многочисленным виллам учесть все, чем владел тот или иной вотчинник, и все же не суметь ответить на вопрос, сколько вотчин числилось у него с точки зрения мапориальной администрации. К счастью, это касается немногих вотчин (в особенности для 1279 г.). Но покинуть в таких случаях пределы виллы было бы равнозначно потере последнего ориентира в безбрежном море. Поэтому мы во всех сомнительных случаях предпочли считать вотчиной — как для 1086, так и для 1279 г. — каждое свободное держание (превышающее гайду) в пределах данной виллы, чем ступить на сомнительный путь гипотетических реконструкций границ отдельных вотчин.

Мы заранее готовы признать известную условность тех владельческих комплексов, которые будут фигурировать как «мелкие», «средние» и т. д. Главное, однако, заключается в том, что, применив *один и тот же критерий* для анализа свидетельств как DB, так и RH, мы тем самым получаем прочный фундамент для выяснения ведущих тенденций в эволюции вотчины. Ибо и условный в известной степени критерий, выдержанный на протяжении всего исследования и последовательно примененный при анализе близких по характеру, по разновременных источников, может стать средством исторического познания, в особенности если интересующий нас процесс может быть выражен в каждом случае статистически⁹⁵.

Анализ результатов исследования по данному вопросу мы начнем с данных табл. 3. Первое, что бросается в глаза в ней, это значительный рост общей численности вотчин между 1086 и 1279 гг. По всему материалу подсчетов она возросла без малого на $\frac{2}{3}$ (61,0%). Наиболее интенсивный этот рост оказался в Оксфордшире, где общее число вотчин за изучаемый отрезок времени увеличилось на 73,8%, и в Гептингдоншире — на 78,4%. С другой стороны, в Бедфордшире обнаружилась наиболее устойчивая вотчинная структура — численность вотчин здесь увеличилась только на 18% по сравнению с 1086 г. (правда, здесь меньше всего данных!). Еще более разноречивыми оказываются данные по отдельным сотням в пределах одного и того же графства. Так, в сотне Stodfold (Беклинг) количество вотчин увеличилось на 31,5%, в сотне Muta того же графства — более чем в 2 раза. Аналогичные колебания

⁹² Е. А. Косминский разработал скрупулезную классификацию вотчин в зависимости от соотношения доменальной, вилланской и фригольдерской земли (см. «Исследования...», стр. 137—138). Однако эта схема не может быть применена для классификации описанных в DB вотчин, хотя бы потому, что в ней остается совершенно неизвестным соотношение вилланской и свободной земли в вотчине, не говоря уже о большой суммарности описей 1086 г.

⁹³ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 121 и сл.

⁹⁴ См. выше, стр. 18 и сл.

⁹⁵ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 19, стр. 334.

Общая характеристика вотчинной структуры по ДВ и РП

Графство, сотня	Общее число вотчин			Учено земельной площади		Удельный вес графства (по числу вотчин), %		Средний размер вотчин		Степень сокращения среднего размера вотчин к 1279 г., %
	1086 г.	1279 г.		1086 г., каруки	1279 г., гайды	1086 г.	1279 г.	1086 г., каруки	1279 г., гайды	
		число	% к 1086 г.							
Бедфордшир										
Stodden . . .	11	14	127,2	39,0	33,0			3,5	2,3	
Willey . . .	61	71	116,4	201,0	183,0			3,3	2,6	
По учтенной части графства	72	85	118,0	240,0	216,0	9,4	6,8	3,4	2,3	30,0
Бекингемшир										
Bunstow	18	24	133,3	102,0	94,0			5,6	4,0	
Stodfold	19	25	131,5	106,0	102,0			5,5	4,0	
Mursley	17	23	135,3	103,3	103,5			6,0	4,3	
Muta	4	9	225,0	49,0	51,5			12,5	5,6	
По учтенной части графства	58	81	140,0	360,3	351,0	7,5	6,5	6,2	4,3	40,0
Кембриджшир										
Jongstow . . .	34	63	185,2	137,0	141,5			4,0	2,2	
Chilford	31	52	167,7	110,5	115,0			3,5	2,2	
Whittlesford	14	28	200,0	68,0	68,0			4,8	2,4	
Thriplow . . .	21	27	128,5	90,5	79,0			4,3	3,0	
Papworth . . .	34	37	108,8	104,8	78,5			3,0	2,1	
Chesterton . .	14	15	107,1	67,5	59,5			5,1	3,9	
Staine	16	32	200,0	55,0	41,0			3,6	1,2	
Wetherley . . .	41	59	143,4	55,0	57,0			1,3	1,0	
Flendish	11	19	172,7	46,5	35,4			4,2	1,8	
Staploe	20	41	205,0	72,5	64,3			3,5	1,5	
Stow	21	32	152,3	49,5	45,0			2,3	1,3	
По учтенной части графства	257	405	157,9	856,8	784,2	33,7	32,8	3,3	1,9	46,0
Гентингдоншир										
Toseland . . .	26	58	223,0	233,0	232,5			9,0	4,0	
Hirstingdon	18	30	166,6	195,0	192,0			10,8	6,4	
Leightonstone	31	49	158,0	235,0	234,0			7,5	4,7	
Normancross	27	45	166,6	244,0	175,0			9,0	4,0	
По учтенной части графства	102	182	178,4	907	833,5	13,3	14,7	9,0	4,5	50,0

Таблица 3 (окончание)

Графство, сотня	Общее число вотчин			Учтено земельной площади		Удельный вес графства (по числу вотчин), %		Средний размер вотчин		Степень сокращения среднего размера вотчин к 1279 г., %
	1086 г.	1279 г.		1086 г., каруки	1279 г., гайды	1086 г.	1279 г.	1086 г., каруки	1279 г., гайды	
		число	% к 1086 г.							
Оксфордшир										
Woolton	55	80	145,4	383,0	380,5			7,0	4,7	
Lewknor	16	28	175,0	133,0	133,5			8,2	4,8	
Chadlington	36	64	177,7	356,0	354,0			10,0	5,5	
Ewelme	21	40	190,4	158,5	162,5			7,5	4,0	
Banbury	14	27	192,8	123,5	138,5			9,0	5,0	
Langtree	10	18	180,0	83,0	78,0			8,3	4,3	
Thame	9	24	266,6	97,0	86,0			9,7	3,6	
Pyrlton	7	22	314,2	77,0	80,0			11,0	4,0	
Bullington	37	57	154,0	250,0	250,0			6,5	4,3	
Ploughley . . .	45	69	153,3	369,0	367,0			8,2	5,3	
Bampton	25	49	196,0	209,0	209,0			8,3	4,0	
По учтенной части графства	275	478	173,8	2239,0	2239,0	36,1	39,2	8,5	4,5	47,0
По всему материалу	764	1231	161,0	4603,1	4423,7	100	100	6,3	3,6	43,0

отмечаются и в пределах Кембриджшира: в сотне Thriplow число вотчин увеличилось к 1279 г. на 28,5%, а в сотне Staploe — в 2 раза и т. д.

Откладывая на время поиски причины, обусловивших столь значительные локальные отклонения в течении исследуемого процесса, мы должны теперь попытаться найти ответ на более общий вопрос: за счет каких земельных ресурсов образовалось столь значительное число новых вотчин? Если иметь в виду, что земли, вовлеченные под обработку и превращенные в пахоту после 1086 г., в подсчеты не включались⁹⁶, то ответ возможен лишь один: появление новых вотчин в условиях Англии XII—XIII вв. могло быть лишь результатом последующего дробления и раздела вотчин, фиксированных на данной территории в 1086 г. Подтверждение этого вывода мы находим в данных о среднем размере вотчин в 1086 и 1279 гг. (см. табл. 3).

Памятуя о том, что пахотная площадь 1279 г. вследствие специфики земельных мер RN, а главное из-за значительных пробелов в RN далеко не всегда совпадает с площадью, фиксированной (в тех же границах) в 1086 г., мы, естественно, не можем ожидать сколько-нибудь выдержанной пропорции между ростом числа вотчин и степенью сокращения их средних размеров. Тем не менее наличие такой взаимозависимости не подлежит сомнению. Так, в Гентингдоншире, где наблюдается наиболее интенсивный рост численности вотчин, мы отмечаем и наибольшее сокращение средних размеров вотчины к 1279 г. И наоборот, в Бедфордшире, где рост числа вотчин был наименьшим, менее, чем где бы то ни было, оказались затронутыми их средние размеры. Следовательно, имеются все

⁹⁶ Разумеется, в тех случаях, когда это отмечалось в позднейшем источнике или могло быть выявлено по косвенным данным.

Таблица 4

Соотношение основных форм вотчины в 1086 и 1279 гг.

Графство, согна	Крупная вотчина								Средняя вотчина								Мелкая вотчина							
	1086				1279				1086				1279				1086				1279			
	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% к общей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, гайды	% к общей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% к общей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, гайды	% к общей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% к общей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, гайды	% к общей площади феодального землевладения
Бедфордшир	1	9,0	15	38,1	—	—	—	—	1	9,0	6	15,2	—	—	—	—	9	82,0	18,3	46,7	14	100	33,0	100
Stodden . .	3	4,9	51	25,3	2	2,8	23	12,5	10	16,3	62	30,8	6	8,4	40	21,8	48	78,8	88	43,9	63	88,8	120,0	65,7
Willey . . .																								
По учетной части графства . . .	4	5,5	66	27,4	2	2,3	23	10,6	11	15,3	68	28,4	6	7,0	40	18,5	57	79,2	106,3	44,2	77	90,7	153	70,9
Бекингемшир																								
Bunslow . .	2	11,1	36,0	35,3	1	4,0	22,5	24,1	3	16,3	21	20,5	4	16,6	23,5	17,4	13	72,6	45,0	44,2	19	79,4	48	58,5
Stodfold . .	1	5,3	12,0	11,3	1	4,0	12	11,7	9	47,3	60	56,6	6	24,0	34,5	33,8	9	47,4	34,0	32,1	18	72,0	55,4	54,5
Mursley . .	2	11,7	20,0	19,4	3	12,5	34	32,6	8	47,0	61	58,0	6	25,0	37,0	35,5	7	41,3	23,3	22,6	15	62,5	32,5	31,9
Muta	3	75,0	41,0	83,7	1	11,1	10,7	20,2	1	25,0	8	16,3	4	44,4	25,7	48,8	—	—	—	—	4	44,5	16,5	31,0
По учетной части графства . . .	8	13,8	109	30,2	6	7,4	79,2	22,4	21	36,1	150	41,7	20	24,7	120,7	34,0	29	50,1	102,3	28,1	56	67,9	152,4	43,6

Т а б л и ц а 4 (продолжение)

Графство, сотня	Крупная вотчина						Средняя вотчина						Мелкая вотчина												
	1086			1279			1086			1279			1086			1279									
	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% кобщей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, гайды	% кобщей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% кобщей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, гайды	% к общей площади феодального землевладения									
Кембриджшир	Longstow	7	21,2	80,5	60,0	1	1,5	10,5	7,3	4	12,1	24,5	17,8	10	15,8	56,1	39,7	22	66,7	29,5	22,2	52	82,7	75,0	53,0
	Chilford	2	6,6	23,0	20,9	2	4,0	18,7	16,2	9	30,0	56,5	51,3	4	8,0	25,4	22,2	19	63,4	30,5	27,8	44	88,0	70,6	61,6
	Whitllesford	3	21,4	35,0	51,4	—	—	—	—	4	28,6	22	31,9	5	17,8	27,3	39,7	7	50,0	11,0	16,7	23	82,2	40,7	60,3
	Thriplow	4	20,0	49,0	49,0	2	7,4	17,0	21,5	5	25,0	32	32,0	5	18,5	30,8	39,0	11	55,0	19,5	19,0	20	74,1	31,2	39,5
	Parworth	2	9,0	46,5	43,8	2	5,7	18,5	23,3	3	9,0	22	20,9	4	8,0	19,0	23,8	27	82,0	36,0	35,3	32	86,3	41,3	52,9
	Chesterton*	3	15,3	29,0	43,2	1	6,6	14,6	22,8	4	30,7	27	40,0	3	26,6	26,6	43,0	7	54,0	11,5	16,8	10	66,8	19,6	34,1
	Staine*	4	26,6	36,0	72,0	1	3,0	9	19,8	2	13,3	7	14,0	2	6,6	6,6	17,8	9	60,1	7	14,0	29	90,8	25,4	62,4
	Weatherley*	1	2,4	9,0	18,7	1	1,7	4,3	7,4	6	15,6	19	39,5	3	5,0	8,2	14,7	32	82,0	20	41,0	55	93,3	44,5	77,9
	Flendish*	4	36,3	38,0	81,7	1	5,3	5,6	15,8	2	18,1	6	12,5	5	26,3	15,4	44,3	5	45,6	2,5	5,8	13	68,3	14,4	39,9
	Starloe*	6	31,5	55,0	76,3	3	7,3	23,5	40,5	2	10,5	7	9,7	7	17,0	21,3	37,8	11	58,0	10,5	14,0	31	75,7	19,2	21,7
	Stow*	—	—	—	—	—	—	—	—	9	42,8	38	77,0	5	15,6	19,6	44,0	12	57,2	11,5	23,0	27	84,4	27,9	66,0
	По учтенной части графства	36	14,0	401,0	47,0	14	3,5	121,7	15,2	50	21,0	261,0	31,0	53	13,1	256,3	32,0	162	65,0	189,5	22,0	336	83,3	410,3	52,3

* Для этих сотен учтена только дерзательская земля.

Т а б л и ц а 4 (окончание)

Графство, сотня	Крупная вотчина				Средняя вотчина				Мелкая вотчина																
	1086		1279		1086		1279		1086		1279														
	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% к общей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% к общей площади феодального землевладения	число вотчин	% к общему числу вотчин	площадь, каруки	% к общей площади феодального землевладения													
Еwelme . . . Barbury . . . Langtree . . . Thame Ryton Billington Ploughley Bampton . .	5	24,0	94	59,3	3	7,5	55,5	34,0	5	24,0	32,0	20,0	5	12,5	29,5	18,0	11	52,0	32,5	20,7	33	80,0	78,5	48,0	
	3	21,3	80,5	65,1	4	15,0	60	43,4	4	28,7	23,0	18,7	5	18,5	35,5	25,5	7	50,0	20	16,2	18	66,5	43,0	31,1	
	3	30,0	40	48,3	—	—	—	—	4	40,0	32,0	38,5	5	27,7	42	53,8	3	30,0	11	13,2	13	72,3	36,0	46,2	
	3	33,3	70	72,2	3	12,5	32,5	37,7	3	33,3	17,0	17,5	3	12,5	16	18,4	3	33,4	10	10,3	18	75,0	37,5	43,9	
	2	28,5	54	70,0	2	9,0	20	25,0	3	43,0	17,0	22,0	4	18,0	21	26,0	2	28,5	6	8,0	16	73,0	39,5	49,0	
	9	24,3	134,5	53,6	5	8,7	66,5	26,6	12	32,4	75,0	30,0	14	24,5	73,7	29,4	16	43,3	40,5	16,4	38	66,8	109,8	44,0	
	17	37,7	211,0	65,3	40	14,5	138,3	37,6	16	35,5	102,5	28,0	16	23,1	104,3	28,6	12	26,8	25,5	6,7	43	62,4	123,8	33,8	
	9	36,0	142	68,0	4	8,1	61	29,1	7	28,0	40	19,0	11	22,4	78,5	37,5	9	36,0	27	13,0	34	69,5	69,5	33,4	
	По учтен- ной части графства	80	29,4	1359,5	61,0	54	14,2	761,6	633,9	87	31,4	554,5	24,8	100	20,8	656,5	29,4	108	39,2	314,0	14,2	325	68,0	819,6	36,7
	По всему материалу	163	21,3	2525,5	55,4	101	8,1	1354,9	930,0	197	26,1	1230,5	27,0	204	16,5	1257,8	28,3	395	52,6	832,1	17,6	926	75,4	1819,5	41,7

основания заключить, что значительное увеличение числа вотчин на протяжении XII—XIII вв. было прямым следствием последующей дезинтеграции и, если угодно, разложения тех вотчинных комплексов, которые были фиксированы в ДВ.

Заслуживает внимания значительное расхождение между средним размером вотчин в Бедфордшире и Кембриджшире, с одной стороны, и Бекингемшире, Гентингдоншире и Оксфордшире — с другой. В то время как для первых двух графств эти размеры (в 1086 г.) находились на границе мелкой вотчины, в трех последующих графствах средняя пахотная площадь вотчины по ДВ равнялась (или вплотную приближалась) к условно принятой нами площади крупной вотчины. Это же различие, — хотя и не столь значительное, — сохранилось между указанными графствами и в 1279 г. Несмотря на то, что средние размеры вотчин в трех «западных» графствах за истекшие два века сократились в гораздо большей степени, чем в двух «восточных», тем не менее они и тогда приблизительно в 2 раза превосходили средние размеры вотчин в этих графствах. При всем этом от нашего внимания не должен ускользнуть основной по своей важности факт, что средние размеры вотчин в изучаемом районе к 1279 г. значительно нивелировались. Если и сохранились различия между этими двумя группами графства, то они уже укладывались в пределы одной и той же мелкой вотчины. Даже одни эти данные были бы более чем достаточны, чтобы признать картину вотчинной структуры Англии, рисовавшуюся П. Г. Виноградову, перальной, во всяком случае поскольку речь идет об изучаемой нами территории. На самом деле весь процесс совершался в обратном порядке, ибо вместо территориальной консолидации вотчины мы здесь наблюдаем ее интенсивное дробление и распыление⁹⁷. Этот важнейший итог статистического изучения наших источников по вопросу о вотчинной структуре Средней Англии становится особенно очевидным при выяснении сравнительного удельного веса трех основных типов вотчин. Из табл. 4 следует, что удельный вес крупной вотчины в пределах изучаемого района сократился: по числу вотчин в 2,5 раза (составляя в 1279 г. лишь 8,1% учтенного числа вотчин вместо 21,3% в 1086 г.), а по занимаемой ею площади — без малого в 2 раза (55,4% в 1086 г., 30,0% в 1279 г.). С другой стороны, число мелких вотчин в то же время увеличилось более чем в 2 раза (с 395 до 926); во столько же раз возрос удельный вес приходившейся на них пахотной земли (с 17,6% в 1086 г. до 41,7% в 1279 г.). А так как число средних вотчин, равно как и удельный вес принадлежавшей им пахотной площади, не претерпели сколько-нибудь значительных изменений, то мы вправе заключить, что в основе отмечающегося повсеместно роста удельного веса мелковотчинных образований лежал процесс дезинтеграции крупной вотчины. Это следует хотя бы из того факта, что количественный рост вотчин в том или ином графстве к 1279 г. находился в прямой пропорции к удельному весу в них крупной вотчины в 1086 г. Для наглядности сопоставим эти данные:

	Гентингдон- шир	Оксфордшир	Кембриджшир	Бекингемшир	Бедфордшир
Удельный вес крупной вотчины (по пахотной площади) в 1086 г., % . . .	65,0	61,0	47,0	30,2	27,4
Число вотчин в 1279 г. в % к числу вотчин 1086 г.	178,4	173,8	157,9	140,0	118,0

⁹⁷ Cp. С. Е. Perrin. La seigneurie rurale..., p. 231 sq.

Итак, очевидно, что важнейшим источником роста численности вотчин бы распад крупной вотчины⁹⁸. Это, конечно, отнюдь не значит, что дроблению не подвергались и средние по размеру вотчины. Однако поскольку численность этой группы вотчин не изменилась между 1086 и 1279 г. (вследствие пополнения этой группы вотчин за счет распавшихся крупных вотчин), постольку очевидно, что в основе изучаемого процесса лежит дробление крупной вотчины.

Сознавая, что средние проценты статистических таблиц не обладают зачастую достаточной степенью убедительности, мы проиллюстрируем этот важнейший для нас вывод приемами локального исследования, прослеживая судьбы крупной вотчины — сотни за сотней — на примере наиболее полно описанного в RH графства Оксфордшир. В сотне Chadlington этого графства вместо 14 крупных вотчин в 1086 г., в 1279 г. мы нашли лишь 11. Остальные 3 вотчины раздробились.

Hook Norton (DB, I, 158a; RH, II, 725 — 726) — Robertus de Oilgi — 30 с	I. Hug Plesset — 3 с 23 vg II. Steph. Walecot — 6 vg III. Joh. Honrovil — 2 с 10 vg IV. Joh. Cherleton — 1 Н
Chesterton (DB, I, 159b; RH, II, 729) — Feodum Willelmi — 16 с	I. Bard. de Cestreton — 2 с 13 vg II. Abbas de Eynesham — 16 vg
Minster (DB, I, 157b; RH, II, 737) — Comes Albericus — 10 с	I. Joh. Lovel — 3 с 17½ vg II. Phil. Capellanus — 6 vg

В сотне Langtree в пределах территории, описанной в RH, мы насчитали по DB 3 крупные вотчины. В 1297 г. они уже выглядели следующим образом:

Stokes (DB, I, 159a; RH, II, 779) — Milonus Crispin — 15 с	I. Joh. de Ripariis — 3 с 25 vg II. Priorissa de Garinges — 2 Н III. Joh. de Burwefeld — 1 Н ¾ vg IV. Laur. Basset — 4¼ vg
Goring (DB, I, 158a; RH, II, 777 — 778) — Robertus de Oilgi — 10 с	I. Hug. de Rival — 2 с 10½ vg II. Joh. Brond — 1 Н 1 vg III. Priorissa de Garinges — 1 Н 5 vg IV. Abbas de Eynesham — 1 Н V. Walter Waleys — 1 Н
Whitchurch (DB, I, 159a; RH, II, 775) — Milonus Crispin — 15 с	I. Eliz. de Fortibus — 2 с 20½ vg II. Will de Herdewic — 5 vg III. ? ?

В сотне Ewelme в 1086 г. фиксировано 5 крупных вотчин. В RH в 1279 г. мы недосчитываемся двух из них:

Chalgrove (DB, I, 159a; RH, II, 768—769) — Milonus Crispin — 12 с	I. Will. de Barentin — 12 vg 324 a II. Thom. de Longehull — 6 vg III. Margar. Plesset — 13 vg 384 a IV. Will. Qual'meys — (1 Н)
---	--

⁹⁸ Проиллюстрируем эту же зависимость на примере сотен Кембриджшира:

	Staploe	Staine	Longstow	Wittlesford	Chilford	Wetherley
Удельный вес крупной вотчины (по пахотной площади) в 1086 г. %	76,3	72,0	60,0	51,4	20,9	18,7
Число вотчин в 1279 г., в % к числу вотчин в 1086 г.	205,0	200,0	185,0	200,0	167,7	143,4

Ewelme (DB, I, 159b; 160b; RH, II, 759 — 760) — Robertus — 15 с (10+5)

I. Adam. Dispensarius	— 3 ³ / ₄ vg
II. Comes Oxon'	— 6 ¹ / ₂ vg
III. Will. Was	— 2 ¹ / ₂ H
IV. Galfr. le Engleys	— 4 vg
V. Will de Munsorel	— 7 vg

В сотне Bullington в 1086 г. фиксировано 9 крупных вотчин, в 1279 г. — только 5. Судьба остальных четырех очевидна — они раздробились:

Sanford (DB, I, 156b; RH, II, 722) — Wenricus — 13 с

I. Templarii	— 20 ¹ / ₂ vg
II. Priorissa de Littlebur	— 9 vg
III. Sancti Moniales	— 15 vg
IV. Abbas de Osseney	— 1 H

Baldon (DB, I, 159b; RH, II, 724) — Goisfridus — 10 H

I. Georg. de Luches	— 14 vg
II. Rob. de Luches	— 3 ¹ / ₂ H
III. Joh. de Scaccarii	— 8 ¹ / ₂ vg
IV. Walter de...?	— 8 vg

Waterperry (DB, I, 158b; RH, II, 725) — Robertus — 10 с

I. Ric. Bellefago	— 14 ¹ / ₂ vg
II. Rob. fil. Thom.	— 5 vg

Merton (DB, I, 160a; RH, II, 691) — Judita — 12 с

III. ...? ...? ...?	
I. Templarii	— 2 с 23 vg
II. Prior. de Bercestrie	— 12 vg
III. ...? ...? ...?	

В сотне Wootton из 7 крупных светских вотчин времени DB к 1279 г. раздробилась лишь одна:

Tackley (DB, I, 157a; RH, II, 858) — Robertus — 10 с

I. Walter Bovil	— 2 с 17 ¹ / ₂ vg
II. Will. de Pover.	— 2 с 20 ¹ / ₂ vg

В сотне Bampton между 1086 и 1279 гг. из 9 крупных вотчин раздробились 5:

Clanfield (DB, I, 159b; RH, II, 691) — Paganus — 11 с

I. Will. de Walence	— 1 ¹ / ₂ H
II. Rog. Doyly	— 1 ¹ / ₂ H
III. Ric. Chastilun	— 2 H 1 vg
IV. Galfr. de Burton	— 6 ¹ / ₂ vg
V. Prior de Sautre	— 4 vg
VI. Hospitalarii	— 1 H 1 vg

Norton (DB, I, 158b; RH, II, 693) — Fulco — 12 с

VII. Abbas Circestric	— 4 ¹ / ₂ vg
I. Ric de Fretewelle	— 2 с 10 vg
II. Nich. de Kingeston	— 2 с 16 ¹ / ₂ vg
III. Abbas de Tham	— 2 с
IV. Joh. de Leg	— 2 с

Asthall (DB, I, 158b; RH, II, 694) — Rogerus de Ivery — 15 с

I. Ric de Cornubie	— 2 с 17 vg
II. Walter de Esthale	— 2 с
III. Will. Gallard	— 5 ¹ / ₂ vg

Broadwell (DB, I, 160a; RH, II, 695) — Christina — 30 с

IV. Filii Walteriide de Esthale	— 5 ¹ / ₂ vg
I. Hug. de Doddingefeld	— 2 с 21 vg
II. Abbas de Circestric	— 2 с 2 ¹ / ₂ vg
III. Templarii	— 3 H 19 vg

Westwell (DB, I, 160a; RH, II, 697) — Walterius — 10 с

IV. Rolond de Doddingefeld	— 1 с
I. Bened. de Blakeham	— 2 с 19 ¹ / ₂ vg
II. Will. North.	— 6 vg
III. ? ?	

В сотне Ploughley из 17 крупных вотчин, фиксированных в ДБ, к 1279 г. раздробилось 7:

Fritwell (DB, I, 155, 161a; RH, II, 824)— Raiwaldus — 12 с (8 с + 4 с)	I. Rad. Foliot — 2 с 20 ¹ / ₂ vg II. Rad. Pippard — 2 с 18 vg III. Ecclesia — 1 Н
Bicester (DB, I, 158a; RH, II, 828) — Ro- bertus — 22 с	I. Hern. de Laci — 3 с 9 ¹ / ₂ vg II. Prior de Burnec. — 33 ¹ / ₂ vg III. Hug. de Audell — 2 ¹ / ₂ с 23 vg I. Rob. Grey — 2с 13 ¹ / ₂ vg II. Will. Gardin — 2с 6 vg III. Hug. de Broc. — 7 ¹ / ₂ vg IV. Abbas de Eynesham — 3 vg
Somerton (DB, I, 155b, 159b; RH, II, 838) — Rainaldus — 11 с (9 с + 1 с + 1 с)	
Ardley (DB, I, 157a; RH, II, 833) — Drogo — 11 с	I. Joh. fil. Guidoni — 5 Н II. Abbas de Osseney — 9 vg III. Priorissa de Stodleye — 3 vg IV. ...? ...? ...?
Charlton (DB, I, 224b; RH, II, 829) — Rogerus — 15 с	I. Ric. le Pover — 4 vg II. Prior. de War — 14 ¹ / ₂ vg III. ...? ...? ...?
Gottisford (DB, I, 224b; RH, II, 837) — Rogerus — 10 с	I. Abbas de Becco — 3с 21 vg II. Ric. le Povel — 1 II 1 vg
Stoke (DB, I, 157b; RH, II, 825)—Lyne Hugonus—14 с	I. Egidiu de Insula — 3 с 6 ¹ / ₂ vg II. Joh. de Cotfeld — 2 с 3 ¹ / ₂ vg

В сотнях Pyrton и Thame число крупных вотчин не изменилось. Несмотря на очевидную интенсивность процесса дробления крупновотчинных комплексов в Оксфордшире, он протекал здесь намного медленнее, чем в более восточных графствах данного района. В самом деле, если в Оксфордшире число крупных вотчин сократилось лишь на 32,5%, а принадлежавшая им пахотная площадь — на 44%, то в Кембриджшире число крупных вотчин сократилось за тот же промежуток времени более чем в 2,5 раза, а их пахотная площадь — приблизительно в 3 раза. Весьма близко к Кембриджширу, с этой точки зрения, примыкает Bedfordshire (см. табл. 4-а). Третий тип эволюции вотчинной структуры мы находим в Бекингемшире, где крупная вотчина проявила гораздо большую устойчивость и понесла к 1279 г. наименьший урон.

Однако данные табл. 4 позволяют не только констатировать локальные особенности в течении исследуемого процесса дезинтеграции крупной вотчины, но и в значительной мере объяснить эти особенности. Сопоставляя соотношение крупной и мелкой вотчины по отдельным графствам в исходный и конечный моменты исследования, мы неизменно приходим к заключению, что крупная вотчина оказывалась более подверженной дроблению и распылению в XII—XIII вв. именно там, где удельный вес мелкой вотчины был наибольшим в 1086 г., и наоборот. Таким образом, перед нами не просто функциональная зависимость, а взаимозависимость (см. табл. 4).

Сопоставим соответствующие данные (см. табл. 4-а).

Вопреки всем колебаниям, вызванным относительно всякой статистики, основанной на данных феодальных земельных кадастров, указанная выше взаимозависимость между степенью завершенности манориальной структуры в данном графстве к 1086 г. и степенью *устойчивости* крупного манора в последующие два века остается вне всякого сомнения.

Влияние вотчинной структуры на процесс дробления крупной вотчины

Графство	Удельный вес мелкой вотчины в 1086 г.		Интенсивность дробления крупной вотчины в XII—XIII вв.	
	% к общему числу вотчин	% к пахотной площади	сокращение числа вотчин по отношению к 1086 г., %	сокращение площади вотчин по отношению к 1086 г. %
Бедфордшир	79,2	44,2	50,0	65,2
Кембриджшир	65,4	22,0	61,2	70,1
Оксфордшир	39,2	14,2	32,5	44,0
Гептингдоншир	38,3	13,3	28,6	37,7
Бекингемшир	50,3	28,1	25,0	27,6

Мелковотчинные владения, окружавшие крупный манор, в условиях Англии XII—XIII вв. успешно конкурировали с ним, постепенно разлагали его, приводя в конечном счете его к распаду.

Если отклонения, проявляющиеся в данных по Бедфордширу, объясняются фрагментарностью описей 1279 г. (вследствие чего учтено слишком незначительное число случаев, чтобы в них могла отразиться какая-либо закономерность), то отклонения, обнаружившиеся на материале Бекингемшира, позволяют сделать наблюдение, значение которого выходит за пределы этого графства. Дело в том, что здесь мы сталкиваемся с типом вотчинной эволюции, отличным как от кембриджширского, так и от оксфордширского. Бекингемшир уже в 1086 г. может быть назван «царством средней вотчины», так как удельный вес этого типа манора был здесь значительно выше, чем где бы то ни было (см. табл. 4-б).

Таблица 4-б

Удельный вес средней (по размеру) вотчины в 1086 г. (в %)

Графство	Число вотчин	Пахотная площадь
Бедфордшир	15,3	28,4
Бекингемшир	36,1	41,7
Кембриджшир	21,1	31,0
Гептингдоншир	27,4	21,7
Оксфордшир	31,4	24,8

Не этим ли обстоятельством была обусловлена здесь удивительная устойчивость (по сравнению с другими графствами) манориальных форм и в последующие два века? Достаточно сказать, что именно в Бекингемшире удельный вес мелкой вотчины по занимаемой ею пахотной площади почти не увеличился. Следовательно, наиболее устойчивыми, а значит, и наиболее завершенными были вовсе не самые крупные, а наиболее компактные, мы бы сказали, внутренне собранные вотчины, отличавшиеся определенной пропорциональностью составных частей (в первую очередь домена и держаний). Такой вотчиной в изучаемом районе оказалась средняя вотчина, что подтверждается наибольшим соответствием между удельным весом количественным и территориальным. Но вернемся к табл. 4-б. В ней обращает на себя внимание тот факт, что сокращение пахотной площади крупной вотчины было везде более интенсивным, чем

уменьшение числа этих вотчин. По-видимому, процесс дезинтеграции вотчинной структуры далеко не исчерпывался тем, что определенное число крупных вотчин дробилось и переходило в разряд «средних» и «мелких» вотчин: его воздействию подвергались и те вотчины, которые хотя и оставались «крупными», тем не менее теряли часть своей пахотной площади путем отпадения от нее различных осколков, превращавшихся в самостоятельные держания вотчинного типа.

Возьмем в качестве примера манор Curtlington (Оксф.) и сравним его структуру в 1086 и 1279 гг.:

1086 г. (DB, I, 154)	1279 г. (RH, II, 822—839)
Рех—31 с (крупная вотчина)	I. Ella Lungespeye — 5 с 29 vg (крупная вотчина)
	II. Walter Lungespeye— 2 с 17 vg (средняя вотчина)
	III. Priorissa de Cello — 16 vg (мелкая вотчина)
	VI. Priorissa de Bur- cestrie — 13½ vg (мелкая вотчина)

Таким образом, для одной части статистической таблицы мало что изменилось: манор Curtlington был и остался «крупным», тем не менее пахотная его площадь к 1279 г. значительно сократилась благодаря «отпочкованию» от него трех новых вотчин.

Еще более яркий пример мы находим в маноре Pyrton (Оксф.):

1089 г. (DB, I, 157a)	1279 г. (RH, II, 812)
I. Willelmus— 26 с	I. Rob. de Gredle — 4 с 21½vg (крупная вотчина)
	II. Joh. de Esseby — 29½ vg (средняя вотчина)
	III. Margeria de Brus — 23 vg (средняя вотчина)
	IV. Bad Derveden — 17 vg (средняя вотчина)
	V. Joh. Le Canon — 6 vg (мелкая вотчина)
	VI. Tom. de Saley — 3 H 2½vg (мелкая вотчина)
	VII. Abbas de Dor- kecestre — 6 vg (мелкая вотчина)
	VIII. Ecclesia — 9 vg (мелкая вотчина)
	IX. ???

В той части табл. 4, которая обобщает данные о крупной вотчине, и в этом случае ничего не изменилось: манор Pyrton остался «крупным» и в 1279 г. Количественных изменений в этой группе вотчин она не фиксирует. В действительности же пахотная площадь этого «крупного» манора сократилась в течение XII—XIII вв. почти в 3 раза в результате «отделения» от него 7 других маноров⁹⁹. Следовательно, перед нами такой тип дезинтеграции крупной вотчины, который правомернее считать скорее *завершением* структуры типичного манора, чем свидетельством его разложения, ибо в этих случаях крупный манор приобретает большую компактность и внутреннюю пропорциональность и тем самым становится более устойчивым и более соответствующим требованиям и возможностям барщинного хозяйства.

⁹⁹ В свете этих фактов нетрудно объяснить отмеченные особенности употребления термина *manerium* в RH. По мере отпадения от крупного манора разрозненных осколков, приобретших самостоятельное существование в качестве «маноров», в вилле возникает *manerium capitale*, олицетворяющий «позначальный» манор (манор 1086 г.), который обрастал постепенно просто «манорами». Недаром этот термин всегда приурочен к той именно вотчине, которая фиксирована в качестве «манора» в DB даже и в том случае, если от нее осталась лишь одна усадьба. RH, II; 520: «Prior de Bernewelle tenet capitale *manerium* de Bromme», RH, II, 540; «Ricardus de Frivill tenet capitale *manerium* in Caxton».

Таким образом, процесс дробления крупной вотчины в XII—XIII вв. был и более всеобъемлющим, чем это отражено в табл. 4, и более сложным по своим последствиям, чем это кажется с первого взгляда. В той или иной степени затропув и серьезно видоизменив всю систему вотчинного землевладения, этот процесс в одно и то же время отражал и тенденцию дальнейшего развития манориализации, и тенденцию разложения манора.

Так или иначе, если о степени манориализации судить по степени преобладания крупного манора, то придется 1086 год считать вершиной манориализации Средней Англии¹⁰⁰. В 1279 г. крупный манор выступает в качестве редких «островов», окруженных массой образований мелко-вотчинного типа. Мелкая вотчина является количественно абсолютно преобладающей формой феодального землевладения (причем в ряде сотен уже и в 1086 г.). Этот результат двухвековой эволюции манора обнаруживается, быть может, наиболее ярко в том, что удельный вес пахотной площади мелкой вотчины намного опережал ее количественный рост.

Таким образом, мелкая вотчина, кажущаяся в контексте описи DB осужденной на неминуемое вытеснение и поглощение крупной вотчиной, в течение XII—XIII вв. не только не уступила свои позиции, но и значительно потеснила последнюю и завоевала господствующее положение в изучаемых графствах. При этом следует учесть, что без малого на $\frac{2}{3}$ (531 из 926) мелкая вотчина 1279 г. была новообразованием. Как форма хозяйственной организации феодального землевладения мелкая вотчина, по-видимому, отличалась большой живучестью и маневренностью — в условиях товарно-денежных отношений, — если она сумела занять господствующее положение в столь манориализованном районе страны. Но именно поэтому мелкую вотчину следует считать формой разложения крупного типического манора не только в смысле дробления последнего, но и в смысле перестройки основ феодального производства.

Такова ведущая тенденция исследуемого процесса. Однако было бы ошибочно думать, что ею полностью исчерпывается его содержание. Наряду с внутренней консолидацией¹⁰¹ крупной и средней вотчины процесс манориализации в течение XII—XIII вв. заключался в образовании «типических» маноров в сфере мелкой вотчины, в распространении и завершении феодальных отношений собственности на обширной периферии крупной вотчины, где и после 1086 г. имелось множество «шережиточных» форм раннефеодального (а временами и дофеодального) землевладения¹⁰²,

¹⁰⁰ Случаи возникновения в XII—XIII вв. крупных вотчин на месте прежних мелко-вотчинных образований крайне редки в нашем материале:

	DB I, 213a, 217a, 211a, 215a	RH II, 324—327
Bletsoe (Beds):	I. Osbertus — 4 c II. Osbertus? — 4 c	I. Joh. de Pateshull — 4c 22 vg
Woodhill (Beds):	I. Walter — 5 c II. Ernulf — 5 c ^a	I. Joh. de Wauhulle — 10 H

(T. A. Bishop. The distribution of Manorial demesne in the Vale of Yorkshire. — ENR, XLIX, p. 386 ff.).

¹⁰¹ Знаменательно, что в XIII в. мы уже редко встречаем вотчину, площадь которой превышала бы 10—12 гайд, тогда как в 1086 г. мы сплошь и рядом сталкиваемся с вотчинами в 25—30 карук. Нельзя считать, что во всех этих случаях нас подводит суммарность описей DB.

¹⁰² Приведем один из примеров такой «унификации» после 1066 г. DB, I, 212a (Middletone): «...habuerunt 2 sochemanni... waram in eadem Middletone dederunt... Rob. de Oilgi in Clopham appouit injuste», т. е. включил их в вотчину. О содержании процесса «унификации» вотчинной структуры вылл после 1086 г. можно судить по следующему примеру: Pl. Abbr., p. 66: «Dicunt quod Leising' quidam sakemannus (!) tenuit dimidium carucam terre in Dalaston... in socagio et Adam filius Enisand tantum fecit versus eum quod ipse dedit et concessit ei terram illam».

множество переходных ступеней к типической вотчине. К сожалению, в наших таблицах этот процесс отражается почти исключительно с количественной стороны.

Внешне мелкая вотчина сохранялась неизменной иногда на протяжении столетий в условиях, глубоко трансформировавших ее характер. Однако эти внутренние процессы остаются скрытыми за нерушимостью внешней оболочки. Приведем только один из множества примеров удивительной устойчивости мелкой вотчины (вилла Middletone, Бедф.):

1086 г. (DB, I, 209b, 213a, 215b, 218a,b)		1279 г. (RH, II, 328)
I. Rainaldus — 2H		I. Will. ed Lega — 2H
II. <i>Will. Basset</i> — 3 c		II. <i>Will. Basset</i> — 2H
III. <i>Ivo Dapifer</i> — 4 H		III. <i>Rob. de Camera</i> — 1½H ½ vg
IV. Turgisus — 3H 1vg		IV. Joh. Hervis — 4 H 1½ vg
V. Quidam Bedellus — ½ vg		V. Rogerius de Wilyc — ½ vg

Поразительно, до чего пресмественной оказалась вотчинная структура этой виллы. Все 5 вотчин как бы «окаменели» на два века (несмотря на видимые отклонения мер XIII в.). Более того, в некоторых случаях они сохранялись в руках одних и тех фамилий. Даже владение в полвиргаты сумело сохранить свою целостность и просуществовало два столетия своей хозяйственной самостоятельностью. В поисках объяснения этого феномена, мимо которого, по существу, прошла классическая теория манора, мы не должны упускать из виду особенность феодальной структуры английского землевладения. Пестрая феодальная структура землевладения и сложный вотчинный состав вилл в значительной степени предопределили «устойчивость» границ мелкой вотчины¹⁰³. На пути к поглощению одним манором другого нередко стояли границы феода. Однако неизмеримо более важным, чем эта внешняя устойчивость мелкой вотчины, были внутренние процессы, скрывавшиеся за ней. Именно в сфере мелкой вотчины в течение XII—XIII вв. происходила наиболее интенсивная манориализация землевладения, выражавшаяся прежде всего в превращении вотчины аллодиального типа (состоявшей преимущественно из одного лишь «домена»), в вотчину собственно феодальную, расчлененную на домени и держания или состоящую из одних держаний¹⁰⁴. Особенно характерным для XII—XIII вв. является обрастание держаниями на вилланском праве тех вотчинных форм, которые выросли из паделов в прошлом аллодистов и, следовательно, превратились в новых условиях в феодальные вотчины со значительной ролью вилланского элемента. Проиллюстрируем эту наиболее интересную форму социальной трансформации вотчины несколькими примерами:

1086 г. (DB, I)		1279 г. (RH, II)
Pinxton (200a) — 1 c	(584)	D—49 a Ltt—41 a V—62 a
Barton (201b) — 1 c	(563)	D—? Ltt—20½ a V—50 a
Vimpole (197b) — 2 c	(566)	D—70 a Ltt—64 a V—50 a
Hauxton (198a) — 2 c	(550)	D—? Ltt—39 a V—27 a

¹⁰³ Ср. R. L. Cennard. *Rural England*, p. 64—62.

¹⁰⁴ Если в конце XIII в. многие мелкие вотчины состояли из одного домена, то это, как мы увидим позже, уже главным образом новообразование, результат дезинтеграции крупной вотчины

Pabeham (211a) — 3 с	(331)	D— 6 vg Ltt— ? V— 7 vg
Thriplow (199a) — 1 с	(535)	D—72 а Ltt—18 ¹ / ₂ V—27 а
Foxcole (144b) — 4 с [D—2 с IV, 2b, 1c — 2 с]	(339)	D— 1 Н Ltt— 1 ¹ / ₂ vg V—40 ¹ / ₂ vg

Подобного рода примеры заслуживают самого пристального внимания исследователя генезиса «типического» манора, ибо, во-первых, в них мы получаем наглядное представление о последующих превращениях сохранившегося к 1086 г. верхушечного слоя «старосвободных» общинников. И если даже допустить, что владельцами этих мелких вотчин в 1086 г. были уже далеко не общинники, а сменившие их представители военно-феодалного сословия, тем не менее очевидно, что на наших глазах совершается *феодалная трансформация владений, функционировавших в прошлом на совершенно иной основе*. Во-вторых, в этих примерах раскрывается конкретно-историческое содержание одной из важнейших форм манориализации — превращение земельной собственности в орудие эксплуатации путем ипомещения на ней «свободных» и крепостных держателей — крестьян.

Тот же земельный надел — гайда, который в предшествующую эпоху являлся нормальным земельным обеспечением семьи общинника, *поскольку он сохранился еще в целости* или даже был приумножен к 1086 г., оказался в англо-нормандскую эпоху достаточным, чтобы превратиться в мелкую вотчину, т. е. в орудие извлечения феодальной ренты, чтобы владение такой «вотчины» оказалось включенным в ряды господствовавшего феодального сословия.

Таким образом, можно предположить, что *чем более незавершенной, с точки зрения типа вотчины, была в том или ином графстве вотчинная структура к 1086 г., тем более распространенной была именно данная форма манориализации деревни в XII—XIII вв.*

Наконец, до сих пор еще не получила должной оценки в историографии как одна из важных форм манориализации так называемая феодальная колонизация — освоение плугом пустошей, лесов и т. д.¹⁰⁵ Не входя в рассмотрение этого вопроса, заслуживающего специального исследования, мы только заметим, что с этой точки зрения центром тяжести его должны были стать вопросы: о предпосылках феодальной колонизации, превращения общинной земли в территорию феодального господства и эксплуатации, иными словами, чьими руками совершались расчистка лесов и подъем вековых залежей, на каких условиях складывались поземельные и рентные отношения госпитов и т. д.

Проявлением этого же типа манориализации было наступление на общинные права крестьян, начавшееся в последние десятилетия XII в. и

¹⁰⁵ C. S. and C. S. Orwin. The Open Fields, p. 16; T. A. M. Bishop. Assarting and Growth of the Open Fields. ECHR, VI, 1935, p. 13; John Clapham. A Concise Economic History of Britain. Cambridge, 1951, p. 82 ff. К сожалению, все факты расширения культивируемой площади в XII—XIII вв. мы вынуждены были опускать при статистической обработке данных источников, так как сохранение идептичности пахотных площадей для обоих хронологических разрезов исследования было одной из его обязательных предпосылок. Между тем RH, в особенности 1274 г., буквально пестрят указаниями на давние и недавние расчистки, в совокупности составлявшие значительную пахотную площадь (см. RH, I, passim). Изучение с этой точки зрения топонимики, в частности названий вилл, могло бы дать интересные результаты. Пряпото считать, что элементы «dene» и «leas» в них указывают на расчистки в лесах. См. R. Lennard. Rural England, p. 11, 14, 16; J. A. Raftis. The Estates of Ramsey Abbey, p. 71.

Сравнительный анализ вотчинной структуры

	Крупная вотчина						Средняя						
	1806 г.			1279 г.			1086 г.						
	число вотчин	% к общему числу церковных вотчин	площадь, каруки	% к общей площади церковного землевладения	средний размер вотчины	число вотчин	% к общему числу церковных вотчин	площадь, гайды	% к общей площади церковного землевладения	средний размер вотчины	число вотчин	% к общему числу церковных вотчин	площадь, каруки
Гродзево, соция													
Бедфордшир													
Stoddan													
Willyu													
Почтенной части графства													
Беннгамшир													
Bunslow													
Stodfold													
Mursley													
Muta													
Почтенной части графства													
Кембриджшир													
Longstow	2	66,7	18	75,0	9	1	5,5	10,5	23,0	(10,5)	1	33,3	6,5
Childford											1	50,0	6
Whitllesford													
Thirprow	2	50,0	23	58,9	11,5	1	16,7	8,5	25,6	(8,5)	2	50,0	16
Parworth	2	29,0	32,5	65,0	16,0	1	10,0	9,3	26,1	(9,3)	2	29,0	15
Cheserton	2	33,3	29	61,7	(44,5)	1	20,0	14,4	42,8	(44,4)	2	33,3	16
Stane											1	100	3
Welherley													
Flendish	2	75,0	21	87,5	10,5						1	25,0	3
Staploe	1	25,0	12	80,0	(12)	2	22,3	18	67,1		3		14
Show													
Почтенной части графства													
Почтенной части графства	11	29,8	135,5	58,0	12,2	6	6,0	60,7	29,5	10,1	13	35,1	79,5
Региндроншир													
Tosland	3	42,8	38	73,0	12,6	1	20,0	10	35,0	10			
Nursington	9	75,0	130	85,6	14,4	7	58,4	114,8	83,0	16,4	3	25,0	22
Leighstone	4	67,0	74	88,6	18,5	5	38,4	82	79,0	16,4	1	16,5	7
Normacross	4	40,0	68	58,0	17,0	3	15,0	38,5	39,5	12,8	5	50,0	44
Почтенной части графства	20	57,2	310	76,7	15,0	16	32,0	245,3	66,6	15,3	9	25,7	73
Оксфордшир													
Wootton	3	49,0	67	80,8	22,3	2	10,5	28,5	30,4	14,2	1	16,6	8
Lewknor	1	100,1	26	100	(26)	2	50,0	29	84,0	14,5			
Chalington	2	50,0	41	80,3	20,5	2	13,3	37	49,3	18,5	1	25,0	6
Ewelme	1	50,0	18	83,8	(18)	1	10,0	18,5	50,6	18,5			
Banbury	2	100	70,5	100	35,2	4	57,4	60	79,4	15,0			
Langtree											1	100	6
Thame	2	100	60	100	30,0	2	18,1	22	50,0	11,0			
Pyton													
Bullington	1	50,0	18	81,8	(18)	1	4,7	15	18,5	(15,0)			
Ploughley	1					4	19,0	63,5	49,5	15,8			
Rampton	1	33,3	24	80,0	(24,0)	1	5,8	24,5	39,5	(24,5)	1	33,3	5
Почтенной части графства	13	52,0	324,5	86,0	24,9	19	14,8	298	45,7	15,6	4	16,0	25
Почтенной части графства	44	43,0	770,0	73,5	17,6	42	13,3	618	43,5	14,9	27	26,0	184,5

Церковного землеустройства в 1086 и 1279 гг.

Вотчина		1279 г.		1086 г.				Мелкая вотчина				1279 г.				
1086 г.																
% к общей площади церковного землеустройства	средний размер вотчины	число вотчин	% к общему числу церковных вотчин	площадь, га	% к общей площади церковного землеустройства	средний размер вотчины	число вотчин	% к общему числу церковных вотчин	площадь, каруки	% к общей площади церковного землеустройства	средний размер вотчины	число вотчин	% к общему числу церковных вотчин	площадь, га	% к общей площади церковного землеустройства	средний размер вотчины
—	—	—	—	—	—	—	3	100	8	100	2,6	11	100	22	100	2
—	—	—	—	—	—	—	3	100	8	100	2,6	10	100	20	100	(2)
43,3	(7)	1	33,3	7	41,1	(7)	2	66,7	9	56,7	4,5	2	66,7	10	58,9	5,0
—	—	1	12,5	5	16,0	(5)	1	100	5	100	(5)	7	87,5	25,7	84,0	3,6
—	—	3	37,5	17	40,4	5,6	—	—	—	—	—	4	50,0	11,5	26,3	2,9
—	—	3	60,0	20,7	67,0	6,9	—	—	—	—	—	2	40,0	9,3	33,0	4,6
33,4	(7)	8	26,3	69,7	32,0	6,2	3	75	14	66,6	4,6	15	68,5	56,5	52,5	3,7
25,0	(16,7)	3	16,6	15,5	33,5	5,1	—	—	—	—	—	14	77,9	20,0	43,5	1,3
60,0	(0)	2	14,2	9,5	—	—	1	50,0	4	40,0	(4)	6	100	13,8	100	2,3
41,1	—	3	50,0	20,7	32,5	4,7	1	100	3	100	(3)	12	85,8	20,6	67,5	2
30,0	8	3	30,0	19	63,0	6,9	—	—	—	—	—	2	33,3	4	11,4	2
34,0	8	2	40,0	16,2	51,8	6,3	3	42,0	2,5	5,0	0,8	6	60,0	8	22,1	1,3
100	(3)	1	14,2	2,7	24,9	(2,6)	3	33,3	2	4,3	1	6	40,0	3	9,0	1,5
12,5	(3)	2	50,0	6,4	83,4	8,2	—	100	3,5	100	1,1	15	85,8	10,5	75,1	1,3
100	—	2	40,0	—	—	—	3	—	3	20,0	1	7	50,0	1,4	16,6	0,7
—	4,6	2	40,0	9,1	81,0	4,5	—	75,0	—	—	—	7	77,7	8,8	32,9	1,2
34,2	6,4	18	18,0	99,1	38,0	5,5	13	35,1	18,0	7,8	1,3	75	76,0	100,4	38,5	1,3
—	—	1	20,0	5	17,5	(5,0)	4	57,2	14	27,0	3,5	3	60,0	13,5	47,5	4,5
14,4	7,3	2	16,6	15,5	11,2	7,7	—	—	—	—	—	3	25,0	7,7	5,8	2,5
8,3	(7,0)	1	7,6	5,5	5,0	(5,5)	1	16,5	2,5	3,1	(2,5)	7	54,2	16,5	16,0	2,3
37,0	8,8	6	30,0	38,5	39,5	0,4	1	10,0	5	4,4	(5)	11	53,0	20,3	21,0	1,8
18,0	8,1	10	20,0	64,5	17,5	6,4	6	17,1	21,5	5,3	3,5	24	48,0	58,0	15,9	2,4
9,6	8	3	15,8	20	21,1	6,6	2	33,4	8	9,6	4,0	14	73,7	46	48,5	3,2
—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2	50,0	5,5	16,0	2,7
11,7	(6)	—	—	—	—	—	1	25,0	4	8,0	(4)	13	86,7	38	50,7	2,9
—	—	—	—	—	—	—	1	50,0	3,5	16,2	(3,5)	9	90,0	18	49,4	2,1
—	—	1	14,2	7,5	10,0	(7,5)	—	—	—	—	—	2	28,4	8	10,6	4,0
—	—	1	9,0	4,5	10,0	(4,5)	1	—	—	—	—	8	72,9	18	40,0	2,2
100	(6)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	100	5,5	100	2,7
—	—	3	14,1	18	22,2	6,0	1	50,0	4,5	100	(4,5)	17	81,2	47,6	59,3	2,7
—	—	2	9,5	14,5	11,3	7,2	1	100	2	18,2	(4)	15	71,5	50	39,2	3,3
16,4	(5)	2	11,6	13,5	20,0	6,7	1	38,4	1,5	3,9	(1,5)	14	82,6	31	44,5	2,2
6,0	6,2	12	9,4	78	12,0	6,5	8	32,0	27,5	7,2	3,4	98	75,8	276,6	42,8	8,8
17,7	6,8	48	15,3	291,3	20,4	5,9	33	31,0	89	8,8	2,7	223	71,4	513,5	36,1	2,2

Сравнительный анализ котлиной

	Котлины						Средняя							
	1086			1270			1086							
Графство, сони	Котлины													
	число котлин	% к общему числу светских котлин	площадь, каруки	% к общей площади светского землевладения	средний размер	число котлин	% к общему числу светских котлин	площадь, райды	% к общей площади светского землевладения	средний размер	число котлин	% к общему числу светских котлин	площадь, каруки	
Вестморшир	Slodden	1	9,0	15	38,1	(15)	—	23	—	14,2	11,5	1	9,0	6
	Whitley	3	5,1	51	26,4	17	—	3,3	—	14,2	11,5	10	17,2	62
	По учтенной части графства	4	5,7	66	28,4	15	2	2,7	23	11,8	11,5	11	15,9	68
Беккиршир	Bonstow	2	13,3	36	42,0	18	1	5,0	22,5	28,6	(22,5)	2	13,3	14
	Stodfold	1	5,5	12	11,0	(12)	1	6,0	12	16,9	(12)	9	56,0	60
	Marsley	2	11,7	20	19,4	10	2	12,5	20	32,5	10	8	47,0	61
Muta	3	75,0	41	83,7	43,7	1	25,0	10,7	48,0	10,5	1	25,0	8	
По учтенной части графства	8	14,8	109	32,0	43,6	5	8,6	65,2	28,0	13,2	20	37,0	143	
Кембриджшир	Longstow	5	16,7	62,5	66,7	12,5	—	—	—	—	—	3	10,0	18
	Chilford	2	7,3	23	23,3	16,5	2	4,7	18,7	18,5	9,8	8	28,5	50,5
	Whitfield	3	23,0	35	33,8	17,5	—	—	—	—	—	4	30,7	22
	Thriplow	2	12,5	20	36,0	10	1	4,7	8,5	18,6	8,5	3	18,5	16
	Parworth	1	3,8	14	26,0	(16)	1	3,8	9,2	21,0	(9)	2	3,8	7
	Chesterton	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	28,5	11
	Staploe	4	28,5	36	76,7	9	1	4,0	9	29,6	(9)	2	7,0	4
	Welterley	1	2,9	9	21,0	9	1	2,2	4,3	9,1	4,3	6	16,6	19
	Plendish	2	25,0	17	75,5	8,5	1	6,6	5,8	20,0	5,8	1	12,5	3
	Staploe	5	33,3	43	74,7	8,6	1	3,1	5,5	15,0	5,5	2	13,3	7
	Slow	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	33,3	25
	По учтенной части графства	25	11,8	250,5	42,7	10,3	8	2,9	61,0	11,5	7,6	37	17,5	181,5
	Гентриджшир	Toseland	5	26,2	121	60,8	24,3	1	1,8	16,8	8,2	16,9	5	26,2
Hirslington		2	33,3	35	81,2	17,5	2	11,1	31,8	58,7	15,9	7	—	—
Leightonstone		5	20,0	70	46,3	14	4	11,2	53	40,4	13,2	7	28,0	43
Normlacross		3	17,8	54	42,6	18	2	8,0	22,5	28,8	11,2	7	41,1	46
По учтенной части графства		15	22,3	280	35,7	18,6	9	6,8	124,1	26,1	14,7	19	28,3	124
Оффортшир	Wootton	7	14,5	89,5	30,8	12,8	6	10,0	77	29,2	12,8	18	37,5	119
	Levknor	3	20,0	58	54,2	19,3	2	8,2	27,3	27,2	13,6	5	33,3	33
	Chadlington	10	34,4	155	66,0	15,5	9	17,3	129	46,2	14,3	8	27,5	50
	Emwelme	3	16,9	45	42,4	15,0	2	5,8	37	29,1	18,0	5	27,7	32
	Bandyee	1	8,3	10	18,8	(10)	—	—	—	—	—	4	33,3	23
	Langtree	3	33,3	40	52,1	13,3	—	—	—	—	—	3	33,3	26
	Thame	1	14,0	10	27,0	(10)	1	7,6	10,7	25,0	(10,5)	3	43,0	17
	Pyrton	2	33,3	34	74,6	27	2	11,0	20	26,6	13,0	3	50,0	17
	Bullington	7	20,5	84,5	43,1	12	4	14,1	51,5	30,0	10,0	12	35,3	75
	Ploughley	16	36,3	210	62,5	13,1	6	12,5	74,8	31,3	12,4	16	36,3	102,5
	Bampton	7	38,3	96	61,5	13,7	3	9,3	36,5	26,0	12,1	6	28,5	35
	По учтенной части графства	60	24,7	852	51,1	14,1	35	10,0	463,6	29,6	13,2	83	34,2	529,5
	По всему Материка	112	17,4	1566,5	44,0	14,07	59	6,4	736,9	24,6	12,4	170	26,8	1046

Структура светского землевладения в 1086—1279 гг.

Вотчина	Мелкая вотчина															
	1086					1279										
1086	1279	1086	1279	1086	1279	1086	1279	1086	1279	1086	1279					
% к общей площади светского землевладения	Средний размер	число вотчин	% к общему числу светских вотчин	площадь гайды	% к общей площади светского землевладения	средний размер	число вотчин	% к общему числу светских вотчин	площадь, каруки	% к общей площади светского землевладения	средний размер	число вотчин	% к общему числу светских вотчин	площадь, гайды	% к общей площади светского землевладения	средний размер
15,0	(6)	—	—	40	—	6,6	9	82,0	18,3	46,9	1	13	100	31,0	100	2,3
32,1	6,2	6	9,9	40	24,6	6,6	45	77,0	80	41,5	1,9	53	86,8	100,0	61,3	1,8
29,2	6,2	6	8,1	40	20,6	6,6	54	78,4	98,3	42,4	1,9	66	89,2	136	67,6	2,9
16,0	7	3	15,0	16,5	21,4	5,5	11	73,4	36	42,0	3,2	17	80,0	38,0	50,0	2,2
60,0	6,5	5	30,0	29,5	41,5	6	8	44,5	29	29,0	1,1	11	64,0	29,7	41,3	2,7
58,4	7,6	3	18,7	20,5	32,5	6,2	7	41,3	22,3	22,2	3,3	11	68,8	21,5	35,0	1,9
16,3	(8)	1	25,0	5,0	22,3	(5)	—	—	—	—	—	2	50,0	6,7	29,7	3,3
42,0	7,1	12	20,7	71	30,4	6	26	48,2	88,3	26,0	2,6	41	70,7	95,9	41,6	2,3
16,0	6	7	15,5	41,0	42,5	5,2	22	73,3	29,5	27,3	1,6	38	84,5	55,1	57,5	1,3
50,0	5	4	9,0	25,5	26,0	6,2	18	64,2	26,7	26,7	1,4	38	86,3	56,8	56,5	1,5
38,8	5,5	2	22,0	17,8	40,9	4,6	6	46,3	8	12,4	0,7	11	78,0	20,1	53,1	1,8
29,0	5,3	2	9,4	10,0	22,0	5,1	11	69,0	19,5	35,0	1,7	18	87,9	27,1	50,5	1,5
13,0	(7)	—	—	—	—	—	24	92,4	33,5	61,0	1,4	26	96,2	33,3	79,0	1,2
53,6	5,5	1	20,0	10,4	38,9	4,0	5	71,5	9,5	46,4	1,2	8	80,0	16,3	61,1	1,8
8,5	4	2	4,0	3,0	13,0	3,9	9	64,5	7	14,8	0,7	23	92,0	17,6	57,4	0,7
12,7	3,1	3	6,8	8,2	17,6	2,7	29	80,5	16,5	36,3	0,5	40	91,0	34,9	73,3	0,8
13,3	3	3	20,0	0	32,0	3,0	5	62,5	2,5	11,2	0,5	11	79,4	13,1	48,8	1,1
12,1	3,1	3	21,8	21,1	57,0	3,01	8	53,4	7,5	13,2	0,9	24	75,1	10,4	28,0	0,4
67,6	4	7	10,4	10,4	28,8	3,4	12	66,2	11,5	32,4	0,9	24	88,9	25,6	71,2	1,0
29,0	4,9	35	11,3	157,3	29,8	4,4	149	70,7	171,5	28,3	1,1	261	85,8	309,3	88,7	1,1
19,3	7	8	15,0	68,8	33,7	8,6	9	47,6	25,0	13,9	2,7	44	83,2	118,5	58,1	2,6
—	—	—	—	—	—	—	4	66,7	8,0	18,8	2	16	88,9	22,4	41,3	1,4
28,4	6,1	4	11,2	25,5	19,4	6,3	13	52,0	28,5	25,3	2,9	28	77,6	52,5	40,2	1,8
35,7	6,5	3	12,0	22,5	28,8	7,5	7	41,1	27,0	21,7	3,9	20	80,0	33,0	42,4	1,6
24,6	6,5	15	11,3	116,8	24,8	7,5	33	49,4	98,5	19,7	2,7	108	81,9	126,4	49,1	2,01
41,0	6,6	15	26,0	100	38,0	6,6	23	48,0	81,5	28,2	3,5	37	64,0	86	32,8	2,3
30,8	6,6	4	16,4	35,5	35,1	8,7	7	46,7	16	15,0	2,2	18	75,4	36,5	37,7	2,03
21,2	6,2	12	24,4	80	28,8	6,6	11	38,1	30	12,0	2,7	28	58,3	70	25,0	2,5
30,1	6,4	8	23,5	29,5	23,2	5,8	10	55,4	29	27,5	2,9	24	70,7	60,5	47,7	2,5
43,3	5,7	4	20,0	28	44,4	7,0	3	38,4	12	14,2	2,8	16	80,0	35	55,6	2,1
45,9	8,6	5	31,2	42,0	60,9	8,4	7	53,5	11	17,9	3,6	14	68,8	27	39,1	2,4
28,4	5,7	2	15,3	11,5	27,5	5,7	3	43,0	10	27,1	3,3	10	77,1	19,5	47,5	1,9
35,4	9,7	4	30,5	21	28,0	5,2	1	46,7	1,5	2,0	(1,5)	14	70,0	34	45,4	2,4
38,2	6,2	11	20,5	55,8	37,6	6	15	44,2	36,5	18,7	2,4	21	58,4	62,2	37,0	2,9
30,3	6,4	14	29,1	89,8	32,0	5,6	11	37,4	23,5	7,2	2,1	28	38,4	73,8	31,1	2,6
22,4	5,8	9	28,1	65	46,4	7,2	8	38,2	25,5	16,1	3,1	20	42,6	38,5	27,6	1,9
31,7	6,2	88	25,1	558,1	35,5	6,2	99	41,1	284,5	17,2	2,8	227	64,9	543,0	34,8	2,3
31,2	6,7	156	16,5	933,2	31,5	6,0	361	55,8	741,2	24,8	2,2	703	76,6	1265,6	43,9	1,8

достигшее чрезвычайной остроты в XIII в.¹⁰⁶ Так называемые ранние огораживания уже послужили предметом специального исследования в советской историографии¹⁰⁷. Однако центр тяжести его был направлен скорее на изучение динамики этого процесса, что вполне закономерно для начального этапа изучения, чем на исследование его социальных последствий. Большое искушение трактовать эти факты как подобие огораживаний XVI в.¹⁰⁸ должно быть преодолено сознанием коренного отличия социальных условий, в которых они имели место. Феодальный характер ранних огораживаний выражается в распространении манориальной системы на территорию сохранившейся под покровом феодализма общины, в распространении феодальных рентных отношений на территорию, ранее почти бесполезную для приходной части манориального бюджета, в превращении номинальной феодальной собственности в реальную.

Итак, мы имеем все основания считать XII—XIII вв. временем дальнейшего прогресса манориализации среднеанглийской деревни и временем интенсивного разложения крупного «типического» манора. Все дело лишь в том, чтобы точнее локализовать эти процессы. Очевидно, что ярче всего первая из указанных тенденций проявлялась в более восточных графствах, где в 1086 г. нередко были еще зачаточные, недоразвитые формы вотчины. По мере продвижения на запад ведущей тенденцией являлась тенденция дробления типического манора на массу мелковогочинных образований.

Попытаемся теперь выяснить, имелись ли какие-либо особенности в эволюции форм вотчины на церковной и светской^{108а} земле, а если так, то чем они были обусловлены. Начнем свой анализ с церковного землевладения. С этой целью обратимся к данным табл. 5.

В 1086 г. в пределах изучаемого района абсолютное большинство церковных владений состояло из крупных и средних вотчин. Достаточно сказать, что в то время как крупным и средним вотчинам здесь принадлежало 91,2% пахотной площади, на мелкую вотчину здесь приходилось лишь 8,8% площади. Иначе говоря, как тип феодального хозяйства мелкая вотчина совершенно чужда церковному землевладению XI в.¹⁰⁹ Для того чтобы убедиться, насколько такое соотношение между различными типами вотчин отличалось от той картины, которая вырисовывается в сфере

¹⁰⁶ «Казначейские свитки» содержат богатейшие сведения по данному вопросу. См., например, *The Great Roll of the Pipe* (6 John), ed. D. Stenton. London, 1940, p. 33: «Abbas de Coggeshal debet 40 m pro habenda licencia claudendi boscum suum in manerio Coggeshal fossato, sepe vel palitio... et prosternendi in eo quicquid voluerit»; *Sir Christopher Hatton's Book of Seals*, ed. L. C. Loyd and D. M. Stenton. Oxford, 1950, N 362: «Locum [!] de Nautegliis... ad assartandas, claudendas, excolendas et fossendas et secundum beneplacitum eorum tractandas... secundum... velle suum...». Таким образом, Мертонский статут был не чем иным, как законодательной санкцией этой начавшейся узурпации феодалами общинных прав. В грамотах середины XIII в. огораживатели прямо ссылаются на эту санкцию. См. *Assize Rolls, North.* (40 Н III), p. 35: «Et... pater predicti Rogeri, per provisionem de Merton appropriavit de praedicta vasto in praedicta villa et inclusit praedictas septies viginti acras»; *ibid.*, p. 143: «...Et ipse appropriavit sibi de vasto suo sicut bene ei licuit per provisionem factam apud Merton». Ср. *ibid.*, p. 233 etc. Лорды «полюбовно» делили то, что им не принадлежало. См. *Book of Seals*, N 12: Rogerus de Somery разрешает аббатству de Garendon: «...possint habere clausum totum boscum suum de Rut et quietum clamavit eisdem quicquid juris vel clamium habuit vel habere potuit in eadem clauso»; *ibid.*, N 7: «...possint totum predictum boscum... assartare, vendere et magnum commodum suum quocumquemodo voluerint pro voluntate sua inde facere».

¹⁰⁷ К. Д. Авдеева. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии XIII в. Канд. дисс. Л., 1951.

¹⁰⁸ См. M. Beresford. *The Lost Villages of England*. York, 1954, p. 177 ff.

^{108а} Здесь и ниже при отнесении той или иной вотчины к церковным или к светским владениям мы руководствовались единым критерием — *реального* обладания землей.

¹⁰⁹ Еще более ярко эта особенность церковного землевладения проявлялась в Гептингдоншире, где на долю мелкой вотчины в 1086 г. приходилось только 5,3% церковной пахоты.

светского землевладения, сопоставим итоговые данные табл. 5 и 6 для 1086 г.

Таблица 7

Соотношение крупной, средней и мелкой вотчины на светской и церковной земле (1086 г.)

Графство	Крупная вотчина				Средняя вотчина				Мелкая вотчина			
	светская земля		церковная земля		светская земля		церковная земля		светская земля		церковная земля	
	% к общему числу светских вотчин	% к общей площади светского землевладения	% к общему числу церковных вотчин	% к общей площади церковного землевладения	% к общему числу светских вотчин	% к общей площади светского землевладения	% к общему числу церковных вотчин	% к общей площади церковного землевладения	% к общему числу светских вотчин	% к общей площади светского землевладения	% к общему числу церковных вотчин	% к общей площади церковного землевладения
Бедфордшир . . .	5,7	28,4	—	—	15,9	29,2	—	—	78,4	42,0	*	—
Бекингемшир	14,8	32,0	—	—	37,0	42,0	—	—	48,2	26,0	**	—
Кембриджшир	11,8	42,7	29,8	58,1	17,5	29,0	35,1	34,1	70,3	28,3	35,1	7,8
Гентингдоншир	22,3	55,7	57,2	76,7	28,3	24,6	25,7	18,0	49,4	19,7	17,1	5,3
Окфордшир . . .	24,7	51,1	52,0	86,0	34,2	31,7	16,0	6,6	41,1	17,2	32,0	7,2
По всему материалу	17,4	44,0	43,0	73,5	26,8	31,2	26,0	17,7	55,8	24,8	31,7	8,8

* Не учтены три глебы, фигурирующие в табл. 5 как 100% вотчин в 1086 г.

** Не учтены три глебы, фигурирующие в табл. 5 как 75% церковных вотчин.

Хотя причисление церковных глеб к мелким вотчинам несколько загемняет искомые пропорции на церковной земле, тем не менее изначальное отличие ее вотчинной структуры от структуры светского землевладения весьма отчетливо вырисовывается при сопоставлении этих данных. Самым важным из этих различий является *удельный вес крупной вотчины*, который был *в два с лишним раза большим* во владениях церкви, чем на светских землях. С другой стороны, удельный вес мелкой вотчины на церковной земле (по принадлежавшей ей пахотной площади) был *в 3 раза меньшим*, чем на светской. Эти различия, столь ярко выраженные уже в 1086 г., во многом предопределили дальнейшую эволюцию этих владений. В течение XII—XIII вв. церковное землевладение весьма расширилось за счет многочисленных вкладов и покупок. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство этих земельных приобретений имело *мелковотчинную структуру*. Вероятно, именно этим объясняется то, что выявленные ранее особенности вотчинной структуры церковных владений к 1279 г. в известной мере сгладились. По в таком случае правомерно заключить, что *значительный рост в течение XII—XIII вв. удельного веса мелкой вотчины в сфере церковного землевладения ни в какой степени не вытекает из эволюции собственно церковных владений*. В правильности высказанных положений убеждает ряд фактов. В самом деле, 44 крупных вотчины мы насчитали в руках церкви по DB; в 1279 г. в тех же руках оказалось 42 крупные вотчины. И хотя суммарная площадь этих вотчин несколько сократилась, в этом скорее повинна разнохарактерность поземельных мер наших источников, чем действительные перемены. Чтобы убедиться в этом, присмотримся пристальнее к данным по отдельным графствам. Судя по данным табл. 5, может создаться впечатление, что серьезно пострадала от «превратности времен» крупная церковная вотчина в Кембриджшире, так как вместо 11 вотчин этого типа в 1086 г.

мы находим в RH только 6 вотчин. Однако перед нами лишь видимость перемен, обусловленных либо разнохарактерностью поземельных мер, либо субинфеодацией вотчин в руки светских феодалов¹¹⁰. На 4 вотчины уменьшилась и группа церковных вотчин в Гентингдоншире. Однако и здесь причины оказываются чисто внешними, не имеющими никакого отношения к процессам эволюции самих вотчин¹¹¹.

Итак, поскольку крупная вотчина оставалась во владении церкви, постольку ее структура оказывалась нерушимой на протяжении изучаемых двух столетий. Но тем самым вопрос о росте мелкой вотчины на церковной земле (см. табл. 5) полностью выясняется. То обстоятельство, что удельный вес мелкой церковной вотчины, составлявшей в 1086 г. 31,0% всего числа церковных вотчин, возрос к 1279 г. до 71,0%, а пахотная площадь ее соответственно увеличилась с 8,8% в 1086 г. до 36,1% в 1279 г., было обусловлено исключительно переходом в руки церкви светских и коронных земель¹¹². Следовательно, остается заключить, что главная масса церковных приобретений в XII—XIII вв. состояла из мелких вотчин. Таковы особенности эволюции вотчинной структуры церковного землевладения в XII—XIII вв. Но отбросив эти новые приращения как внешний (по отношению к эволюции самой церковной вотчины) факт, мы вправе будем заключить, что истекшие между нашими источниками два века почти не повлияли на структурные особенности собственно церковного землевладения. Церковные земли и в XIII в. остались таким же средоточием крупной вотчины, каким они были в XI в. Более того, к XIII в. удельный вес крупного церковного землевладения значительно возрос. Так, если по DB на долю крупного церковного манора приходилось 26,3% всего числа крупных маноров и 30,3% их пахотной площади, то согласно RH на долю церкви приходилось уже 41,5% всего числа крупных маноров и 45,5% принадлежавшей им пахоты.

Совершенно иная картина вырисовывается перед нами, едва лишь мы ступили на светскую землю. Течение времени, почти не ощущавшееся на церковной земле, здесь оказалось весьма бурным и разрушительным. Вся феодалльно-вотчинная падастройка над крестьянской деревней была здесь подвержена постоянным и далеко идущим по своим социальным последствиям изменениям¹¹³. Многие из того, что видели (и нередко, вероятно, желали видеть) здесь королевские комиссары 1086 г., представляло к концу XII в. пестрые руины, по которым только с трудом удастся иногда

¹¹⁰ Характерной иллюстрацией служат данные по манору Shelford. Его площадь оценивается в DB (I, 191a) в 41 с (крупная вотчина!), а в RH (II, 544) — в 792 а (средняя вотчина!).

¹¹¹ Вотчина Dillington, принадлежавшая в 1086 г. Рамзейскому аббатству (DB, I, 204b), фиксирована в 1279 г. за светским владельцем Иоанном Dengau, державшим ее от того же аббатства (RH, II, 666). По этой причине мы не досчитались одной крупной вотчины в сотне Thriplov и двух вотчин в сотне Flendish. Точно так же в руки светского владельца Imbertus de Monteferi перешла вотчина Клунийского монастыря (ср. DB, I, 205b и RH, II, 683). В том, что мы не досчитались двух крупных церковных вотчин в сотне Hirstingdon, повинна лишь неоднократно отмечавшаяся уже разнохарактерность поземельных «мер» наших источников. См., например, также оценку Holywell в DB, I, 204a и RH, II, 602.

¹¹² Процесс собирания церковных земель подробнее будет рассмотрен ниже, здесь же достаточно заметить, что новые приобретения сделали к XIII в. и церковные владения весьма разнотипными по структуре. Правда, для старых монастырей (бенедиктинцев, августинцев) эти приращения не означали заметных сдвигов в вотчинной структуре их владений — либо потому, что они были слишком незначительными по сравнению с изначальными их владениями, либо потому, что они совершались внутри последних (за счет свободных держаний). Во вновь же основанных монастырях мелкие приобретения XII—XIII вв. полностью определяли «вотчинную структуру» их владений.

¹¹³ Особенно велика абберация в отношении удельного веса крупного манора и крупных вилл. Ср. F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 111. Ср. Lennard. Rural England, p. 12, 14.

восстановить общие контуры прошлого. Выше мы уже имели возможность убедиться в том, что светское землевладение «изначально» отличалось значительно меньшим удельным весом крупной вотчины по сравнению с церковным землевладением и, наоборот, несравненно большим удельным весом мелкой вотчины (см. табл. 7). К 1279 г. эти особенности вотчинной структуры светского землевладения стали еще более резко выраженными. Нерушимость вотчинных форм «изначальных» церковных владений позволяет предположить, что все отмеченные ранее сдвиги в вотчинной структуре изучаемого района были результатом процессов, протекавших в недрах светской вотчины. Вурный рост мелковотчинных форм землевладения в среднеанглийских графствах был обязан почти исключительно ее дезинтеграции и распылению. В самом деле, число крупных светских вотчин между 1086 и 1279 гг. сократилось со 112 единиц до 59, т. е. на 43,4%, а по удельному их весу — почти в 3 раза (с 17,4 до 6,4%). Принадлежавшая же этим вотчинам пахотная площадь за тот же отрезок времени сократилась в 2 раза в абсолютных величинах и почти в 2 раза в процентном отношении — с 44,0% до 24,6%. Учитывая, что средняя вотчина на светской земле не только не сделала никаких приращений, но даже несколько сократилась как количественно, так и территориально, нетрудно уже заключить, что последствия распада крупновотчинных владельческих комплексов мы должны искать главным образом в сфере мелковотчинного землевладения. Следует отметить, что рубрика «мелкая вотчина» в табл. 7 отнюдь не исчерпывает объем происшедших здесь перемен, ибо значительная часть светских мелких вотчин, как уже отмечалось, перешла за это время в руки церкви и, следовательно, не учтена в этой рубрике.

Причины столь значительных перемен в вотчинной структуре многообразны, о них будет речь впереди. Здесь же достаточно заметить, что их совокупное воздействие на нее проявляется в своеобразных процессах — илфеодации и субинфеодации. Для социального исследователя это факты первостепенной важности, ибо в них не только отразилась одна лишь передвижка феодальных владений из рук в руки, но и крупнейшие внутренние сдвиги во всей структуре феодального присвоения. Проанализируем эти изменения на примере ряда вотчин с тем, чтобы сухие цифры таблиц предстали в качестве живой и красноречивой летописи истории светской феодальной вотчины. О вилле Wilbraham жюри 1279 г. сообщают, что некогда она целиком находилась в руках короля, имя которого они, однако, забыли. Рядом последовательных «дарений» эта вотчина была полностью отчуждена в частные руки: $\frac{1}{2}$ этой вотчины была подарена некоему Невиллю Чемберлену, $\frac{1}{8}$ вотчины превратилась в «сержантерию» некоего Пикота, $\frac{3}{8}$ вотчины оказались в руках Хьюберта de Burgo. В дальнейшем благодаря семейным разделам и актам субинфеодации эта вотчина раздробилась на еще более причудливые и разноликие осколки. Так, Невиль Чемберлен отдал половину своей вотчины (т. е. $\frac{1}{4}$ виллы) в качестве приданого за дочерью, 40 а он пожертвовал монастырю de Wardon. Оставшиеся же после его смерти 100 а были унаследованы пятью дочерьми. Составим вотчинную структуру этой виллы в три различные момента:

1086 г.	XII(?) в.	1279 г.
(DB, I, 189 b, 199 b)	(RH, II, 491)	(RH, II, 491—494)
I — 8 с	Rex tenuit integre	I. Rob. de Insula — 453 а
II — 4 с		II. Joh. Lovetoft — 47
		III. Edm. de Sardelove — 160 а
		IV. Domus de Wardon — 40 а
		V. Joh. le Brun — 86 а
		VI. Joh. de Hinton — 88 а
		VII. Rog. Loveday — 163 а
		VIII. Templarii — 613 а

Вся сущность *социальных перемен* в недрах светского землевладения, выраженных в терминах вотчинной структуры, не могла бы быть описана более ярко, чем это делают подобного рода примеры.

Аналогичный пример мы находим в *вилле Gamlingeue*. Главная вотчина этой виллы в 1086 г. находилась в руках некоего Eudoni, названного стюардом короля (DB, I, 197b). При расследовании 1279 г. жюри сообщило, что в свое время эта вилла оказалась в руках короля Стефана, «одарившего» землей в ней трех лордов — предшественников тех вотчинников, которые владеют ею в момент расследования (RH, II, 529). Вотчина Argington (DB, I, 193b) оказалась в 1279 г. разделенной на три манора в результате наследования ее тремя дочерьми некоей Матильды de Duve (Матильдой, Алицией и Асцелиной) (RH, II, 555).

Однако самая важная сторона процесса дробления крупной светской вотчины, которая тем не менее зачастую ускользает от внимания исследователей, заключается в том, что в ходе этого процесса нарушаются все пропорции между отдельными частями вотчин, что вновь образовавшиеся мелковотчинные держания, как правило, имеют самые атипические формы, самую разнообразную структуру — как это вообще характерно для осколков того, что в прошлом было единым целым. Поскольку, как это было показано выше, мелкая вотчина на $\frac{2}{3}$ являлась повообразованием, то нет ничего удивительного, что именно она была средоточием атипических структурных форм. Сопоставим структуру вотчины Bourp в 1086 г. со структурой тех вотчин, которые образовались в результате ее последующего распада ¹¹⁴:

1086 г.	1279 г.		
(DB, I, 200 b)	(RH, II, 520)		
D ⁴⁷ — 2 с (2 с)	Тип «А»: I. D — 112 а	II. D — 20 а	III. D — 47 а
t — 4 с (7 с)	Ltt — 68 а	Ltt — 61 а	Ltt — 36 а
	V — 40 а	V — 40 а	V — 48 а
	Тип «Б»: IV. D — 3 II		Тип «В»: V. D — 30 а
	Ltt — нет		Ltt — 82 а
	V — 159 а		V — нет
	Тип «Г»: VI. D — нет		Тип «Д»: VII. D — нет
	Ltt — 348 а		Ltt — 240
	V — 51 а		V — лет

Приведем еще ряд иллюстраций, раскрывающих подлинный генезис так называемых незавершенных манориальных форм, обнаруженных исследователями в английской деревне XIII в. ¹¹⁵

Stanton
(DB, I, 195 а; RH, II, 466)

1086 г.	1279 г.	
D — 2 с	Тип «А»: I. D — 220а	Тип: «Г»: II. D — (2 а)
t — 6 с	Ltt — 80 а	Ltt — 43 $\frac{1}{2}$ а
	V — 60 а	V — 60 а
	Тип «Е»: III. D — нет	VI. D — нет
	Ltt — нет	Ltt — нет
	V — 81 а	V — 60 а

¹¹⁴ Условные обозначения: D — домен, с — карука, t — земля держаний, Ltt — свободное держание, V — вилланское держание, А — типическая вотчина, Б — вотчина без фригольда, В — без вилланов, Г — без домена, Д — без домена и вилланов, Е — без домена и фригольда, Ж — вотчина, состоявшая из одного домена.

¹¹⁵ Е. А. Космицкий. Исследования..., стр. 200.

Icleton
(DB, I, 196 a; RH, II, 585)

1086 г. D — 3 с (4 с) t — 16 с (4 с)	Тип «А»: I. D — 2 Н 2 vg Ltт — 106 а V — 76 а IV. D — 33 а Ltт — 2 1/2 а V — 324 а	1279 г. II. D — 129 а III. D — 51 а Ltт — 57 а Ltт — 66 а V — 35 а V — 26 а Тип «В»: V. D — 48а VI. D — 106 а Ltт — нет Ltт — нет V — 394 а V — 186 а
--	---	---

Wilbraham
(DB, I, 189 b; RH, II, 491)

1086 г. D — 1 (3)с t — 5 с	Тип «А»: I. D — 100 а Ltт — 54 а V — 15 а Тип «Г»: III. D — нет Ltт — 81 а V — 75 а	1279 г. II. D — 85 а Ltт — 19 а V — 60 а Тип «Ж»: IV. D — 124 а Ltт — нет V — нет V. D — 44 а Ltт — нет V — нет
----------------------------------	--	--

Вывод, напрашивающийся из этих данных, очевиден: мелкая атипическая вотчина 1279 г. по всегда является свидетельством «незавершенности» процесса феодализации Англии. В такой же мере, в какой мелкая вотчина являлась в основной массе продуктом распада «из начальных» крупных завершённых маноров, атипическая структура вотчин XIII в. являлась порождением, новым фактом истории изучаемого района. В нем нашла свое отражение крайняя динамичность и неустойчивость манора (этой глубоко антагонистической формы феодального производства), функционирующего в столь же изменчивых экономических условиях, но тем не менее до недавней поры рассматривавшегося в качестве веками перушимой «клетки» общества. В действительности же структура светского манора подвержена была разительным сдвигам даже в рамках сравнительно короткого в истории феодализма периода.

§ 4. Изменения в иерархической структуре феодального землевладения

Выше отмечалось, какую огромную роль играл процесс инфеодации и субинфеодации в формировании вотчинной структуры феодального землевладения в XIII в. Однако историческое значение данного процесса этим не исчерпывается. Но меньшую роль играла субинфеодация и в формировании иерархической структуры феодального землевладения¹¹⁶.

Эта безусловно важная сторона проблемы феодальной собственности может быть исследована только на материале Англии. Наши источники предоставляют уникальную возможность выяснить, как видоизменялась «держательская лестница» Англии на протяжении XI—XIII вв. Результаты соответствующих подсчетов по данному вопросу обобщены в таблице. Не имея возможности в рамках данной работы подвергнуть их подробному анализу, ограничимся лишь констатацией самых важных фактов.

Сосредоточим сначала свое внимание на той части таблицы, в которой обобщены сведения DB. Известно, что в последней отчетливо выри-

¹¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 164: «Иерархия есть идеальная форма феодализма».

Эволюция иерархической структуры феодального

Графство, сотня	1086 г., держания								1279 г.,			
	непосредственно от короля			через одного промежуточ- ного лорда				непосредственно от короля				
	число вотчин	% к общему числу	площадь, каруки	% к общей площади	число вотчин	% к общему числу	площадь, каруки	% к общей площади	число вотчин	% к общему числу	площадь, каруки	% к общей площади
Бедфордшир												
Stodden	3	30,0	33	51,5	7	70,0	31	48,5	—	—	—	—
Willey	18	30,5	51,7	25,2	41	69,5	154	74,8	8	14,2	22,8	14,5
	21	30,4	84,7	31,0	48	68,6	185	69,0	8	11,8	22,8	12,0
Бекингемшир												
Mursley	5	31,2	32	32,6	11	68,8	66,5	67,4	5	20,0	42,7	41,3
Stodfold	6	30,0	32	30,1	14	70,0	74	69,9	1	2,9	5	5,6
Bunslow	5	23,8	38,5	42,2	16	76,2	52,3	57,8	5	21,7	31	45,5
Muta	1	25,0	20	40,8	3	75,0	29	59,2	1	9,0	11,8	25,0
	17	27,8	122,5	35,6	44	72,2	221,8	64,4	12	12,9	90,5	29,4
Кембриджшир												
Longstow	15	45,4	86	68,7	18	54,6	40,3	31,3	6	10,7	28,4	20,2
Whittlesford	2	14,2	44	52,4	12	85,8	38	47,6	4	15,4	8,5	13,0
Chesterton	5	38,0	31	59,5	8	62,0	20,5	40,5	3	20,1	18,3	36,9
Chilford	11	36,6	66	60,0	19	63,4	44	40,0	4	8,0	20,2	18,6
Thriplow	9	45,0	73,8	74,4	11	55,0	21,4	25,6	3	11,6	16,5	21,2
Papworth	13	39,9	78	75,0	20	60,1	26	25,0	8	25,0	32	43,9
Wetherley	8	28,5	23	48,7	20	71,5	24,5	51,3	5	11,1	14	28,0
Staine	6	40,0	26	48,0	9	60,0	28	52,0	2	6,6	5,2	15,7
Flendish	11	100	46,5	100	—	—	—	—	3	15,8	9,8	27,8
Stow	6	29,0	13,5	30,6	15	71,0	34	69,4	5	17,2	11,5	28,3
Staploe	6	35,5	29	51,3	11	64,5	27,5	48,7	5	12,8	15	28,7
	92	38,9	516,8	63,0	143	61,1	304,2	37,0	48	13,0	179,4	24,6
Гентингдоншир												
Toseland	12	50,0	169	72,5	12	50,0	64	27,5	3	5,8	24,5	14,0
Normancross	15	60,0	160	68,0	10	40,0	75	32,0	13	35,1	103,5	60,2
Hirstingdon	11	68,7	161,5	91,3	5	31,3	15	8,7	10	77,8	141	81,5
Leightonstone	11	42,3	130	72,6	15	57,7	49,2	27,4	6	11,1	69,8	31,2
	49	53,4	620,5	75,4	42	46,6	203,2	24,6	32	20,0	338,8	45,6
Оксфордшир												
Wootton	7	14,2	53	17,3	42	85,8	252	82,7	15	21,1	107	33,9
Langtree	8	80,0	72	85,7	2	20,0	12,5	14,3	—	—	—	—

земельцадени между 1086 и 1279 гг.

Держанин

через оливо- промежуточного лорда			через двух промежу- точных лордов			через трех проме- жуточных лордов			через четырех про- межуточных лордов				
число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	% к общей площади	
8	66,6	20	3	25,0	9,5	1	8,4	2	6,4	—	—	—	
22	39,4	61	19	33,9	54	5	8,9	18,8	11,8	2	3,6	4,2	2,5
30	44,1	81	22	32,3	63,5	6	8,8	20,8	10,9	2	3,0	4,2	2,0
5	20,0	25,6	5	20,0	16	10	40,0	19,2	18,2	—	—	—	—
18	52,9	39,6	10	29,5	33,2	5	14,7	10,6	12,3	—	—	—	—
10	43,7	20,2	6	26,0	12,7	2	8,6	4	5,9	—	—	—	—
10	91,0	36	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
43	46,4	121,4	21	22,5	61,9	17	18,2	33,8	11,1	—	—	—	—
20	35,7	64	25	44,8	44	4	7,1	2,8	2,0	1	1,7	1,3	1,0
4	15,4	8	14	53,8	44,1	4	15,4	3,7	5,4	—	—	—	—
6	40,5	23,8	4	26,8	5	2	12,6	2,2	5,0	—	—	—	—
21	42,0	55	16	32,0	20	5	10,0	8,1	7,4	4	8,0	5,3	4,7
14	53,9	40,8	7	26,9	12,3	2	7,6	8	10,0	—	—	—	—
9	28,1	20	11	34,5	15	4	12,4	6,1	8,3	—	—	—	—
14	31,2	11,8	23,6	44,4	17,5	5	11,1	6	12,2	1	2,2	0,6	1,2
27	86,8	27	80,8	2	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—
9	47,3	20,5	3	15,7	2	1	5,2	0,7	1,3	3	16,0	3,5	7,9
8	27,5	7	17,2	24,1	12	9	31,2	10	24,7	—	—	—	—
15	38,6	21,5	13	33,4	10	3	7,6	1,9	3,6	3	7,6	4,3	8,2
147	40,0	299,4	122	33,1	183,1	39	10,5	49,5	6,8	12	3,4	15,0	2,0
13	25,4	45,8	21	41,9	65,2	12	23,5	32,5	19,5	2	3,4	4	—
15	40,6	37,8	8	21,6	27,5	1	2,7	3	1,7	—	—	—	—
25	46,2	75,8	16	27,9	53	3	5,6	15,5	5,6	4	6,0	11,2	4,8
7	33,3	17,8	3	14,2	13	1	4,7	1,4	0,6	—	—	—	—
60	36,8	177,2	48	30,0	158,7	17	10,4	52,4	7,0	6	2,8	15,2	2,2
29	40,9	145,2	20	28,2	53,8	5	7,0	8	2,5	2	2,9	1,6	0,5
7	41,1	37,2	8	47,2	28,2	2	11,7	5	7,2	—	—	—	—

Графство, сотня	1086 г., держания								1279 г., держания			
	непосредственно от короля			через одного промежуточного лорда					непосредственно от короля			
	число вотчин	% к общему числу	площадь, ка-руки	% к общей площади	число вотчин	% к общему числу	площадь, ка-руки	% к общей площади	число вотчин	% к общему числу	площадь, ка-руки	% к общей площади
Bampton	13	56,5	120	67,4	10	43,5	58,5	32,6	12	26,6	75	36,4
Bullington	10	31,2	95	44,1	22	68,8	120,2	55,9	15	30,0	110	48,8
Ploughley	12	28,5	97	20,0	30	71,5	219	69,4	13	20,5	111,2	33,2
Chadlington	15	48,3	161	56,6	16	51,7	123,5	43,4	6	9,8	71,2	20,9
Lewknor	7	42,5	94	70,6	9	57,5	39,5	29,4	4	15,3	41,5	32,0
Ewelme	9	45,0	76	59,8	11	55,0	51,5	40,2	8	22,8	62	42,1
Pyrton	3	42,9	23,5	31,1	4	57,1	53,5	68,9	2	10,5	18,5	24,6
Thame	3	37,5	72	72,0	5	62,5	28	28,0	1	5,0	17,5	20,0
Banbury	2	15,3	70,5	57,3	11	84,7	51,5	41,7	2	9,2	41	34,1
	89	35,5	934	48,0	162	64,5	1009,7	52,0	78	18,2	654,9	31,8
По всему материалу	268	37,8	2278,5	54,6	439	62,2	1923,9	45,4	178	16,3	1286,4	31,8

совпадают лишь две ступеньки держательской лестницы: непосредственные держатели короны и держатели через одного промежуточного лорда. Поэтому феодальная иерархия в изображении комиссаров Вильгельма I довольно стройна и столь же проста для обозрения¹¹⁷.

Таким образом, для 1086 г. нам предстоит лишь выяснить, как распределялись учетные в табл. 8 вотчины между указанными двумя ступеньками держательской лестницы Англии¹¹⁸. Результаты соответствующих подсчетов по DB позволяют, как нам кажется, сделать два заслуживающих внимания наблюдения: 1) больше половины учетной пахотной площади фьефов (54,6%) еще держалось в конце XI в. непосредственно от короля и 2) судя по значительной диспропорции между количеством вотчин, которые держались через одного промежуточного лорда (62,2%), и удельным весом их пахотной площади (45,4%), мы вправе заключить, что

¹¹⁷ Конечно, трудно сказать, насколько это соответствовало в том или ином случае действительности. Есть основание думать, что во многих случаях субдержатели опущены в DB, что должно неправомерно увеличить удельный вес владений первой руки. Однако не подлежит сомнению и то, что за время от битвы при Гастингсе до расследования 1086 г. феодальная иерархия не могла еще развиться в сложную систему держаний. Лишь в виде редкого исключения в пределах изучаемого района встречаются случаи, когда та или иная вотчина субинфеодирована в третьи руки. См., например, DB, I, 204b (Emingeford): 2 H — quidam miles — de Alberico de Ver — de abate de Ramesey — de Rege. Cp. DB, I, 145a (Gateherst), DB, I, 209b (Torveye); Р. Лен и н а р д. («Rural England», p. 22) указывает на четырехступенчатую «лестницу» в Лейстершире.

¹¹⁸ Предполагать, что каждая вотчина могла «принадлежать» только к одной из данных «ступенек», значит упрощать реальную действительность. В тех случаях, когда вотчина состояла из собранных воедино частей, принадлежавших к различным фьедам, она могла отдельными своими частями «помещаться» на различных ступеньках. См., например, RH, II, 553: часть вотчины Ричарда de Frivile держится непосредственно от короля, другая часть — per ipsum medium. В таких случаях при подсчетах вотчина помещалась на ту «ступеньку», к которой принадлежала большая ее часть.

Таблица 8 (окопание)

1279 г., держания

через одного промежуточного лорда				через двух промежуточных лордов				через трех промежуточных лордов				через четырех промежуточных лордов			
число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	% к общей площади	число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	% к общей площади	число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	% к общей площади	число вотчин	% к общему числу	площадь, гайды	% к общей площади
20	44,4	92,7	44,9	12	26,6	36,5	17,3	1	2,4	3	1,4	—	—	—	—
17	34,0	56,5	25,0	13	26,0	42	18,7	5	10,0	17	7,5	—	—	—	—
25	39,1	127,5	38,3	17	26,5	75	22,4	5	7,8	13	3,8	4	6,3	8	2,3
29	47,7	154,8	45,4	15	24,5	68,8	20,3	8	13,1	39,5	11,5	3	4,9	6,5	1,9
17	65,5	72,8	57,0	5	19,2	15,2	11,0	—	—	—	—	—	—	—	—
14	40,1	50,5	34,1	9	25,7	24,5	16,4	4	11,4	11,5	7,4	—	—	—	—
11	57,8	44,5	60,4	5	26,5	8,5	10,9	1	5,2	3,5	4,1	—	—	—	—
12	66,8	54,4	66,0	5	27,2	12	14,0	—	—	—	—	—	—	—	—
7	31,8	29	24,1	7	31,8	14,5	11,6	5	22,7	34	28,6	1	4,5	2	1,6
188	43,9	865,4	42,3	116	27,2	379	18,4	36	8,4	134,5	6,5	10	2,3	18,1	1,
468	41,6	1544,1	38,2	329	29,3	846,2	21,2	115	10,2	291,0	7,2	30	2,6	52,5	1,6

субинфеодировались в первую очередь мелкие вотчины, в то время как наиболее крупные и компактные владельческие комплексы сохранялись в руках держателей первой руки. В целом же субинфеодация земли фьефов в 1086 г. оказалась гораздо более интенсивной, чем можно было ожидать в столь раннюю пору «нормандского устройства» Англии. Значение этого факта станет еще более очевидным, если учесть всеобъемлющий характер тех перестановок в рядах держателей первой руки, которые были вызваны завоеванием¹¹⁹.

Но как глубоко простирались эти перестановки, насколько они заделали класс субдержателей? Во всяком случае, обращает на себя внимание тот факт, что часто то или иное владение оказывается в 1086 г. субинфеодированным там, где оно находилось в других руках в 1066 г., т. е. до завоевания¹²⁰. Таким образом, не только в территориальном размещении земель того или иного непосредственного держателя короля, но и в иерархической структуре владений «нормандские бароны» следовали за своими англосаксонскими «предшественниками». Однако этим далеко еще не объясняются локальные особенности в иерархической структуре вотчинного землеустройства в 1086 г.¹²¹ Если учесть выяснившуюся выше (см. § 3 данной

¹¹⁹ F. M. Stenton, *Anglo-Saxon in England*, p. 671. К югу от реки Tees только два держателя-англосакса «ранга баронов» сохранились с донормандских времен.

¹²⁰

DB, I, 195a (Chavelai):	TRE — Herulf — homo Edeue
	TRW — Enisant de Comite Alano
DB, I, 195a (Suafham):	TRE — Sochemanni — sud Edeue
	TRW — Coisfridus — de Comite Alano
DB, I, 199b (Wiberham):	TRE — Wluuinus Teig [nus regis]
	TRW — Albericus [de Ver]

¹²¹ См. данные табл. 8 по отдельным графствам и сотням.

главы) особенность в эволюции вотчинной структуры светских и церковных владений, то правомерно будет предположить, что немаловажную роль в формировании этой структуры в той или иной сотне или графстве должно было играть соотношение между светским и церковным землевладением.

Следовательно, церковному землевладению «изначально» чужда была сложная иерархическая структура — в 1086 г. Это были в большинстве случаев держания первой руки¹²². В то же время преобладающая часть светских вотчин передвинулась уже к 1086 г. на одну ступеньку дальше от короны. Удельный вес церковных держаний первой руки (по числу вотчин) в 3 раза превосходил удельный вес соответствующей категории светских земель. Следовательно, чем выше удельный вес «изначально» церковных земель в данном районе, тем выше удельный вес владений, державшихся от короны, и наоборот.

Усложнившиеся в течение XII—XIII вв. держательские связи намного затрудняют задачу их прослеживания, тем более что даже такой подробнейший кадастр, как RH, сплошь и рядом либо весьма небрежно устанавливает эти связи, либо вовсе отказывается от ответа на вопрос, от кого держится данная вотчина¹²³. Так или иначе, но для XIII в., когда «цепь субдержателей» значительно удлинилась, уже недостаточно сказать, что такой-то является субдержателем, а требуется уточнить, субдержателем какой руки. Достаточно бросить даже беглый взгляд на ту часть табл. 8, которая посвящена 1279 г., чтобы стало очевидным, что два века, разделяющие наши источники, не прошли даром для «владельческой иерархии» Англии. «Цепь» феодальных собственников, надстраивавшихся над каждой вотчиной, значительно удлинилась, иными словами, число господ, жаждущих доли, выжатой из одного и того же крестьянина (феодальной ренты), повсеместно умножилась. «Феодальная иерархия» стала к 1279 г. *намного шире и выше*, а следовательно, должна была неизмеримо тяже-

¹²² Проиллюстрируем этот факт на примере ряда сотен Кембриджшира:

Сотня	Непосредственно от короля держалось			
	церковных вотчин, %	их площадь, %	светских вотчин, %	их площадь, %
Longstow	100	100	40,0	58,0
Wittlesford	—	—	15,0	45,0
Chesterton	100	100	—	—
Chilford	100	100	32,0	60,0
Thriplow	100	100	31,0	56,0
Papworth	100	100	23,0	52,0
Wetherley	33,0	57,0	28,0	48,0
Staine	100	100	35,0	52,0
Flendish	100	100	87,0	98,0
Stow	100	100	16,0	4,0
Staploe	75,0	87,0	23,0	39,0
По графству	91,0	94,0	30,0	49,0

¹²³ Как пример значительного затемнения держательских связей в XIII в. можно привести частые ответы жюри по формуле: такой-то держит от такого-то фьефа, не уточняя, от кого именно и каким образом. См. RH, II, 430: «Henricus de Manerio tenet... de feodo Eliensis» (ср. RH, II, 497). Что скрывается за такой неопределенностью, показывает следующий пример: RH, II, 671: «Symon de Denton tenet... de feodo Episcopi Lyncoln... et tenet in capite de Patricho de Wirham... Et idem Patrich tenet de heredibus Ricardi de Beynwill. Et idem Ricardus de episcopo Lyncoln». В других случаях жюри ограничивается указанием ближайшего лорда, но отказываются проследить держательские связи вплоть до короля (см. RH, II, 763). Наконец, часто жюри даже не пытаются что-либо сказать, признаваясь: «de quo ille... tenet nescimus nec inquiri potest» (см. RH, II, 536).

лее давить на крестьянскую общину¹²⁴. В целом это выразилось в том, что в изучаемых графствах появилось 3 новых «ступени» собственников — 2, 3 и 4-й «промежуточные» лорды (mesne tenants)¹²⁵.

Следует, однако, подчеркнуть, что отмеченные перемены оказались далеко не столь значительными, как этого можно было ожидать, судя по интенсивности земельных перестановок в сфере феодального землевладения. Очевидно, что для Англии XI—XIII вв. в значительной мере было характерно умножение числа вотчинников «по горизонтали» (дробление «реального владения» — частичная субституция), а не только по вертикали (субинфеодации). Принимая во внимание, что вотчины, находившиеся в 1279 г. на 5-й ступеньке держательской «лестницы» (держания через 4 промежуточных лордов), были слишком малочисленны (2,6% всего числа вотчин и 1,6% общей земельной площади), мы вправе заключить, что за два века держательская «лестница» удлинилась в Англии в действительности лишь на 2 ступеньки по сравнению с 1086 г.

При сопоставлении соответствующих частей табл. 8 бросается в глаза резкое сокращение удельного веса вотчинного землевладения, которое держалось от короля (по численности вотчин — с 37,8% до 16,3%, а по пахотной площади — с 54,6% до 31,8%). Однако даже при Эдуарде I почти $\frac{1}{3}$ учтенной нами площади держалась непосредственно от короля. Этим хорошо иллюстрируется одна из особенностей английской феодальной монархии — паличие в ее руках значительных феодальных ресурсов и, следовательно, обширных возможностей для вторжения в отношения феодальной собственности. *Без учета роли этого фактора эволюция вотчинного землевладения не может быть полностью раскрыта и объяснена.* Определенное и весьма заметное сокращение произошло и в удельном весе той группы вотчин, которая держалась «per I medium». Если в 1086 г. на долю этой группы приходилось почти $\frac{2}{3}$ всего числа вотчин (62,2%) и почти половина пахоты (45,4%), то в 1279 г. мы обнаруживаем соответственно 41,6% и 38,2%. Однако и здесь сокращение оказалось далеко не столь значительным, как этого можно было ожидать.

3-я и 4-я ступени держательской «лестницы» по существу не имеют параллелей в DB — они в основном вновь появились в течение XII—XIII вв.; следовательно, *в них и выражается усложнение иерархической структуры вотчинного землевладения.* Последнее передвигалось от одной «ступеньки» иерархии к другой *волнообразно*: корона, движимая различного рода побуждениями, инфеодировала на протяжении XII—XIII вв. огромную массу земель (не только «старинного домена», но и «домена нового» — выморочных и конфискованных владений). Этим постоянно пополнялся фонд земель, державшихся непосредственно от короны. В свою очередь бароны, следуя практике короны, субинфеодировали значительную часть как «изначально» своих, так и вновь полученных вотчин в третьи руки, те — в четвертые и т. д. *Таким образом совершался «круговорот» феодальной собственности.* Однако наиболее примечательным является та его особенность в Англии, что замыкался этот «круг» на относительно близком расстоянии от «верховного лорда» — короля. Для того

¹²⁴ С этой точки зрения заслуживают внимания данные табл. 1 и 2 о числе вотчинников, приходившемся на одну виллу в 1086 и 1279 гг. Так, например, в сотне Longstow (Кембр.) вместо 22 вотчинников по DB мы находим 45, в сотне Chilford (Кембр.) вместо 23 вотчинников — 44, вместо 32 вотчинников в сотне Wootton (Оксф.) — 74. В целом по Оксфордширу число вотчинников, приходившееся на одну виллу, почти утроилось (3,3 вместо 1,3), по Гентивудонширу — почти удвоилось (1,9 вместо 1,1), в Кембриджшире возросло в 1,5 раза (3,3 вместо 2,1).

¹²⁵ Мы не нашли в описях 1279 г. ни одного случая, когда вотчина держалась бы через 5 «промежуточных лордов»; возможно, что в этом сказалась недостаточность источника. Вот максимальная длина «лестницы», обнаруженная в RH (см. II, 667) (Dillington): Galfridus de Beufuy tenet de Henrico de Walpol — de Ingerham de la Hay — de Roberto de Brus — de Rege Scocio — de Rege Angliae.

чтобы убедиться в этом, мы попытались выяснить, как соотносились между собой по удельному весу две «изначальные» категории вотчин и две вновь возникшие категории (per II et III medios). Вот эти данные в % (1279 г.):

Графство	Держания 1 — 2-й руки		Держания 1 — 2-й руки	
	% к общему числу вотчин	% к общей площади	% к общему числу вотчин	% к общей площади
Бедфордшир	55,6	64,9	44,4	35,2
Бекингемшир	59,0	66,4	41,0	33,6
Кембриджшир	53,0	65,3	47,0	34,7
Гентингдоншир	56,8	69,4	43,2	30,6
Оксфордшир	62,0	73,8	38,0	26,2
	57,9	70,0	42,1	30,0

Таким образом, к 1279 г. преемственность иерархической структуры феодального землевладения 1086 г. оказалась неизмеримо более ярко выраженной по сравнению с его вотчинной структурой — только около $\frac{1}{3}$ учтенной земельной площади оказалось отодвинутой за рамки той «иерархии», которая фиксирована в ДВ. Этот факт заставляет нас предполагать, что, по-видимому, уже задолго до статута Quia Emptores субституция широко практиковалась в сфере феодального землевладения¹²⁶.

Представляет большой интерес и вопрос, сохранились ли в 1279 г. обнаружившиеся выше различия между иерархической структурой церковного и светского землевладения. Ответ на него дают приведенные ниже данные по ряду избранных наугад сотен.

Вотчины, державшиеся непосредственно от короля в 1279 г.

Сотни	Светские вотчины, %	Их площадь, %	Церковные вотчины, %	Их площадь, %
Chilford	—	—	60,0	67,0
Wetherley	11,0	13,0	50,0	80,0
Flendish	7,0	11,0	50,0	83,0
Stow	11,0	8,0	40,0	81,0

Таким образом, не подлежит сомнению, что «изначально» церковное землевладение по иерархической лестнице передвигалось лишь в самой незначительной степени, — подаром его именовали владением «мертвой руки» (mortmain). Встречая в XIII в. церковную вотчину на относительно отдаленной ступеньке держательской иерархии, можно заранее заключить, что перед нами вотчина, лишь недавно перешедшая к церкви из рук светского владельца¹²⁷.

Заслуживает внимания еще одна особенность в характере изменений иерархической структуры феодального землевладения: чем ниже ступень этой иерархии, тем резче выступает диспропорция между удельным весом числа вотчин и удельным весом принадлежавшей им земельной площади. В этом факте мы видим еще свидетельство того, что усложнение иерар-

¹²⁶ Вот пример такой субституции: Вильям Barbedor продал вотчину Horseheath Якову Audei. Однако покупатель держал эту вотчину не от продавца, как это должно быть при субинфеодации, а от его лорда — графа Оксфордского (RH, II, 420—421).

¹²⁷ Cp. R. Hilton. Social Structure of Warwickshire in Middle Ages. Oxford, 1950, p. 6—9.

хической структуры землевладения, дробления его вотчинной структуры — лишь две стороны одного и того же процесса, что в то время как основное ядро крупных вотчин, поскольку они уцелели к концу XI в., оставалось в прежних руках, отколовшиеся от них осколки передвигались в другие руки, а следовательно, и на другие «ступеньки» иерархии, по это были преимущественно мелкие вотчины. Для того чтобы сделать указанный факт предельно очевидным, мы суммировали итоги соответствующих подсчетов в табл. 9.

Таблица 9

Иерархическая структура вотчинного землевладения

Графство, год	Держания											
	непосредственно от короля						через промежуточных лордов					
	крупные		средние		мелкие		крупные		средние		мелкие	
	число, %	площадь, %	число, %	площадь, %	число, %	площадь, %	число, %	площадь, %	число, %	площадь, %	число, %	площадь, %
1086												
Бедфордшир . . .	33,3	42,8	26,6	26,0	31,3	27,7	67,7	57,4	73,4	74,0	68,7	72,3
Бекингемшир . . .	45,4	51,5	31,5	32,0	19,3	17,9	54,6	48,5	68,5	68,0	80,7	82,1
Гентингдоншир . . .	92,3	92,0	28,5	26,5	22,5	30,4	7,7	8,0	71,5	73,5	77,5	69,6
Оксфордшир . . .	53,9	61,9	23,6	24,7	30,0	30,0	46,1	38,1	76,4	75,3	70,0	70,0
По всему материалу	56,2	62,0	27,5	27,5	23,2	26,5	43,8	38,0	72,5	72,5	76,8	73,5
1279												
Бедфордшир . . .	—	—	25,0	20,0	8,8	10,5	100	100	75,0	80,0	91,2	89,5
Бекингемшир . . .	71,4	74,3	35,6	44,3	4,6	5,5	28,6	25,7	64,4	55,7	95,4	94,5
Гентингдоншир	74,0	76,4	41,6	46,5	4,3	5,4	26,0	23,6	58,4	53,5	95,7	94,6
Оксфордшир . . .	52,3	56,4	22,4	21,0	8,3	7,0	74,7	43,6	77,6	79,0	91,7	93,0
По всему материалу	49,5	51,7	31,2	33,0	6,5	7,1	50,5	48,3	68,8	66,7	93,5	92,9

Из них явствует, что процесс «миграции» феодального землевладения захватывал в первую очередь мелкую вотчину. В то время как крупная вотчина в общем сохранила свое прежнее (т. е. 1086 г.) иерархическое положение по отношению к короне, а средняя вотчина даже передвинулась несколько ближе к ней, мелкая вотчина более чем на $\frac{9}{10}$ оказалась гораздо дальше (по сравнению с 1086 г.) от короны, будучи субинфеодированной в третьей руки. В этом факте выясняется не только то, какие вотчины являлись наиболее неустойчивыми и «текучими» элементами феодальной структуры землевладения, наиболее удаленными от короля и наиболее свободными от его контроля, но также в значительной степени и тайна их возникновения: крупная вотчина, державшаяся непосредственно от короля, сокращалась не столько количественно, сколько по размерам своей пахотной площади. Если крупная и средняя вотчина редко «уходили» от короны дальше держания второй руки, то мелкая вотчина в 1279 г. чаще всего оказывается на самых отдаленных ступенях феодальной иерархии — у субдержателей третьей — четвертой руки. Иными словами, крупная вотчина оказывалась «малоподвижной» только до тех пор, пока она оставалась консолидированной, поскольку же она дробилась и расплывалась, она неизбежно передвигалась полностью или частично на более низкие ступени

феодалной иерархии. Таким образом, и в изменениях, происшедших (с XI по XIII в.) в иерархической структуре землевладения, перед нами снова предстает уже неоднократно отмечавшийся выше процесс дезинтеграции крупновотчинного (по хозяйственному типу) землевладения средней Англии.

Подведем краткие итоги проделанного здесь исследования.

1. Если процесс дробления «изначальных» (т. е. 1086 г.) вотчинных комплексов рассматривать с точки зрения его влияния на феодально-иерархическую структуру землевладения, то очевидно, что в течение XII—XIII вв. он протекал, по-видимому, не только в форме субинфеодации, но и путем полной или частичной субституции.

2. Следовательно, интенсивность процесса дезинтеграции крупной вотчины лишь частично отразилась в изменениях иерархической структуры феодального землевладения. Поэтому «феодалная лестница» Англии оказалась сравнительно короткой. Средние звенья вымывались интенсивно уже задолго до 1290 г.

3. Субинфеодации чаще всего подвергалась мелкая вотчина, являвшаяся либо осколками крупной, либо продуктом ее полного распада. Не удивительно, что именно мелкая вотчина была с этой точки зрения наиболее неустойчивой и подвижной, наиболее далеко отстоявшей от верховного лорда (короля) и, следовательно, наименее уязвимой со стороны его фискалов.

На первый взгляд этот вывод может казаться противоречащим мнению современников, неоднократно жаловавшихся на огромные размеры субинфеодации¹²⁸. Но это противоречие скорее видимое. Основное зло процесса субинфеодации для целостности и стабильности феодальной системы землевладения осталось вне рамок настоящего исследования — это отчуждение феодальной собственности не целыми вотчинами или сколько-нибудь крупными частями, а дробными долями — виргатами, акрами и рудами, отчуждения, в результате которых феодал мог раствориться до такой степени, что ююри XII в. нередко вынуждены отвечать: «*ne potest inquirere de quo tenetur, nec de quo feodo*» (RH, II, 875), а королевские комиссары не могут найти и следа от целых рыцарских фьефов¹²⁹. Именно это зло, коренившееся в недрах феодальной вотчины, и врачевал статут 18-й Эдуарда I. Однако для нас оно осталось невидимым, так как его скрыла тень вотчины.

§ 5. Сравнительное распределение феодальной собственности в 1086 и 1279 гг.

В ходе изучения общего направления эволюции среднеанглийской вотчины в XII—XIII вв. мы столкнулись со столь значительными изменениями как в хозяйственной, так и в иерархической структуре феодальной собственности, что они заставляют нас серьезно задуматься над причинами, их обусловившими. Поскольку эти сдвиги совершались в процессе инфеодации и субинфеодации земель, то естественно заключить, что они находились в прямой связи с перестановками в распределении феодальной собственности в недрах господствующего класса. Именно поэтому изучение этих перестановок, их размаха и направления является логическим завершением исследования о вотчинной структуре землевладения. В данном случае нас интересуют перестановки между тремя основными феодальными собственниками страны: короной, дворянством и церковью.

¹²⁸ См. W. Stubbs, *Select Charters*. Oxford, 1895, p. 346 A. D. 1217. Second charter of Henry III, c. 39; *ibid.*, 383: Petition of the barons; *ibid.*, p. 404, c. 14: Provisions of Westminster.

¹²⁹ См. A. L. Poole, *Obligations of Society in the XII and XIII centuries*. Oxford, 1946, p. 31—32.

В ДВ мы получаем исходные для нашей цели данные о распределении земель между ними. Подробности «нормандского устройства» Англии с этой точки зрения выяснены с большой скрупулезностью как в локальных исследованиях, посвященных отдельным графствам¹³⁰, так и в трудах обобщающего характера¹³¹. Поэтому мы ограничимся в данном случае лишь изложением результатов наших собственных подсчетов по группе изучаемых здесь графств (см. табл. 10).

Эти данные, поскольку они относятся к последующим перестановкам, позволяют в известной мере отвлечься от локальных особенностей и судить о положении вещей в стране в целом, ибо в них отражены процессы, не связанные с какими-либо специфическими особенностями того или иного графства. Начнем наш анализ данных табл. 10 с домена короны. Удельный вес последнего в системе феодального землевладения был, конечно, различным в отдельных графствах. Однако в данной таблице этот факт усугублен неравномерностью освещения территории изученных в ней графств описями 1279 г. В наиболее полно изученном графстве — Оксфордшире — удельный вес коронных земель составлял 8,2% пахотной площади (при среднеанглийском — 15%)¹³²; в Гентингдоншире и Кембриджшире (в изученных пределах) он составлял соответственно 6,5% и 6,6% пахотной площади. Наконец, Бедфордшир и Бекингемшир слишком фрагментарно представлены в данных подсчетах, чтобы судить об удельном весе коронных земель. В пределах всего района корона в 1086 г. владела 299,9 каруки, что составляло 6,5% учтенной пахотной площади.

Землевладение церкви было широко распространено по всем изученным здесь графствам уже к концу XI в. Однако и оно было представлено далеко не равномерно в отдельных графствах в сотнях. Наиболее значительным оно оказалось в Гентингдоншире, где на долю церкви уже в 1086 г. приходилось 44,5% учтенной пахотной площади. (Однако в пределах этого графства в сотне Hirstingdon этот процент достигал 78,1 пахоты и снижался до 22,3 пахоты в сотне Toseland). Наименее значительным по своему удельному весу было церковное землевладение в 4 сотнях Бекингемшира, где оно составляло всего 7,0% учтенной пахоты, и в 2 сотнях Бедфордшира — 3,3% ее. Из 32 изученных для данного случая сотен церковь была практически лишена земельных владений в 7, а в 6 других ей принадлежало не более 10—15% пахоты. Абсолютно преобладающая часть земли принадлежала в 1086 г. светским вотчинникам. В Бедфордшире и Бекингемшире, поскольку эти графства отражены в РН, в их руках практически находилась вся пахотная площадь, в Оксфордшире — $\frac{3}{4}$ ее, в Кембриджшире — $\frac{2}{3}$ и только в Гентингдоншире около половины. Таковы итоговые данные подсчетов о распределении феодальной собственности между короной, дворянством и церковью в 1086 г.

Посмотрим теперь, как сложился «баланс» феодальной собственности в среднеанглийских графствах к 1279 г. *Самый важный результат двухвековых земельных перестановок*, с данной точки зрения, заключался в том, что за это время *практически «растаял» домен короны*. В течение XII—XIII вв. в пределах изученного района короли инфеодировали почти весь свой «старинный домен». Только в Кембриджшире и Оксфордшире от него остались лишь едва заметные следы. В целом удельный вес коронных

¹³⁰ См. изд. VCH of England.— тома, посвященные анализу ДВ по отдельным графствам.

¹³¹ См. W. I. Corbet. The Norman Settlement. — «Cambridge Medieval History», Cambridge, vol. V, 1929, p. 507—516; Cp. E. Freeman. The History of Norman Conquest in England, v. V. Oxford, 1887, p. 31 ff.

¹³² Доля короля в английском землевладении, выраженном в денежных единицах, по подсчетам Корбета, составляла 11 тыс. ф. ст. (из 73 тыс. ф. ст.). См. W. I. Corbet. The Norman Settlement.— «Cambridge Medieval History». v. V, p. 508 ff. Cp. I. Pearson. History of England during the Early and Middle Ages. London, 1867, p. 89 ff.

Соотношение коронного, светского

Графство, сотия	1086 г.										
	учтено вотчин	вотчины короля				светские вотчины				церковные	
		число	%	пло- щадь, каруки	%	число	%	пло- щадь, кару- ки	%	число	%
Бедфордшир											
Stodden	11	—	—	—	—	11	100	39	100	—	—
Willey	61	—	—	—	—	58	95,1	19,3	96,0	3	4,9
	72	—	—	—	—	69	95,9	232	96,7	3	4,1
Бекингемшир											
Bunstow	18	—	—	—	—	15	83,3	86	84,3	3	16,7
Mursley	17	—	—	—	—	16	94,0	99,3	96,2	1	6,0
Stodfold	19	—	—	—	—	18	94,7	101	95,3	1	5,3
Muta	4	—	—	—	—	4	100	49	100	—	—
	58	—	—	—	—	53	91,4	335,3	93,0	5	8,6
Кембриджшир											
Longstow	34	1	3,0	2	1,6	30	88,0	110	80,8	3	9,0
Whittlesford	14	—	—	—	—	13	92,8	66	95,5	1	7,2
Chesterton	14	1	7,0	16	23,0	8	57,5	20,5	31,0	5	35,5
Chilford	31	1	3,2	0,8	1,0	28	90,6	100	90,0	2	6,4
Thriplow	21	1	4,7	4	4,0	16	76,1	47	52,3	4	19,2
Papworth	34	1	3,0	0,5	0,4	26	76,0	54,8	52,4	7	21,0
Wetherley	41	2	4,8	7	12,7	36	87,8	44,5	80,9	3	7,4
Staine	16	1	6,2	5	9,0	14	87,6	47	85,4	1	6,2
Flendish	11	1	9,0	6	12,9	7	59,0	16,5	35,4	3	32,0
Stow	21	—	—	—	—	18	85,7	35,5	71,8	3	14,3
Staploe	20	3	15,0	16	22,4	13	65,0	41	56,9	4	20,0
	257	12	4,6	57,3	6,6	209	81,3	582,8	68,2	36	14,1
Гентингдоншир											
Toseland	26	—	—	—	—	19	74,0	181	77,7	7	26,0
Normancross	27	—	—	—	—	17	62,9	127	52,0	10	37,5
Leightonstone	31	3	9,6	23,6	10,0	22	70,9	128	54,6	6	19,5
Hirstingdon	18	2	11,2	35	17,9	4	22,4	8,6	4,0	12	66,4
	102	5	4,9	58,6	6,5	62	60,7	444,6	49,0	35	34,4
Оксфордшир											
Wootton	55	1	2,0	10	2,6	48	87,0	290	75,8	6	11,0
Lewknor	16	—	—	—	—	15	93,3	107,5	80,5	1	6,7
Ghadlington	36	3	8,3	70	19,3	29	80,6	235	66,1	4	11,1
Ewelme	21	1	4,7	31	19,6	18	85,8	106	66,9	2	9,5
Banbury	14	—	—	—	—	12	85,8	53	43,0	2	14,2
Langtree	10	—	—	—	—	9	90,0	77	92,8	1	10
Thame	9	—	—	—	—	7	77,8	37	38,2	2	22,2
Pyrton	7	—	—	—	—	6	85,7	72,5	94,2	1	14,3
Bullington	37	1	2,7	20	8,0	34	91,8	208	83,2	2	5,5
Ploughley	45	1	2,2	31	8,4	43	95,6	336	91,1	1	2,2
Bampton	25	1	4,0	22	0,5	21	84,0	156,5	75,0	3	12,0
	275	8	3,0	184	8,2	242	88,0	1678,5	75,0	25	9,0
По всему материалу	764	25	3,0	299,9	6,5	635	83,1	3273,2	71,2	104	13,9

и церковного землевладения в 1086 и 1279 г.

1279 г.														
вотчины		учтено вотчин	вотчины короны				светские вотчины				церковные вотчины			
пло- щадь, каруки	%		чис- ло	%	пло- щадь, гайды	%	чис- ло	%	пло- щадь, гайды	%	число	%	пло- щадь, гайды	%
—	—	14	—	—	—	—	13	92,8	31	94,1	1	7,2	2	6,0
8	4,0	71	—	—	—	—	61	86,0	163	89,1	10	14,0	20	10,9
8	3,3	85	—	—	—	—	74	87	194	89,9	11	13,0	22	10,1
16	15,7	24	—	—	—	—	21	37,5	77	82,0	3	12,5	17	18,0
4	3,8	24	—	—	—	—	16	66,7	61,5	59,1	8	33,3	42,5	40,9
5	4,7	25	—	—	—	—	17	68,0	71,2	70,0	8	32,0	30	30,0
—	—	9	—	—	—	—	4	44,4	22,5	42,7	5	55,6	30	57,3
25	7,0	82	—	—	—	—	58	70,0	232,2	66,0	24	30,0	119,5	34,0
24	17,6	63	—	—	—	—	45	71,4	95,6	67,6	18	28,6	45,8	32,4
3	4,5	28	—	—	—	—	14	50,0	37,9	53,5	14	50,0	29,5	43,5
31	46,0	15	—	—	—	—	10	66,7	25,9	43,6	5	33,3	33,6	56,4
10	9,0	52	—	—	—	—	44	84,6	100,8	87,9	8	15,4	13,8	12,1
39	43,7	27	—	—	—	—	21	77,7	46,6	58,9	6	22,3	32,4	41,1
49,5	47,2	37	—	—	—	—	27	73,0	42,5	54,3	10	27,0	36,3	45,7
3,5	6,4	59	—	—	—	—	45	76,3	46,5	82,0	14	23,7	10,5	18,0
3	5,6	32	—	—	—	—	25	78,1	31,0	75,7	7	21,9	10,0	24,3
24	51,7	19	—	—	—	—	15	79,0	30,4	74,1	4	21,0	10,6	25,9
14	28,2	32	—	—	—	—	27	84,4	33,6	74,6	5	15,6	11,4	25,4
15	20,7	42	1	2,4	3,6	5,3	32	76,1	37,2	55,0	9	22,0	21,5	39,7
216	25,2	406	1	0,2	3,6	0,4	305	75,5	528,0	66,7	100	24,3	255,4	32,9
52	22,3	58	—	—	—	—	53	91,4	204	87,5	5	8,6	28,5	12,5
117	48,0	45	—	—	—	—	25	55,5	78	44,5	20	44,5	97,3	55,5
83	35,4	49	—	—	—	—	36	73,5	131	55,0	13	26,5	104,0	45,0
152	78,1	30	—	—	—	—	18	60,0	54	28,0	12	40,0	138,0	72,0
404	44,5	182	—	—	—	—	132	72,6	467	56,0	50	27,4	367,8	44,0
83	21,6	80	3	3,7	25,5	6,9	58	72,6	263	69,0	19	23,7	92,0	24,1
26	19,5	28	—	—	—	—	24	85,8	99,1	74,3	4	14,2	34,4	25,7
51	14,6	64	—	—	—	—	49	76,6	279	78,8	15	23,4	75,0	21,2
21,5	13,5	40	—	—	—	—	30	75,0	125,5	77,2	10	25,0	37,0	22,8
70,5	57,0	27	—	—	—	—	20	74,1	63	45,6	7	25,9	75,5	54,4
6	7,2	18	—	—	—	—	16	88,9	69	88,5	2	11,1	9,0	11,5
60	61,8	24	—	—	—	—	13	54,2	41,5	48,2	11	45,8	44,5	51,8
4,5	5,8	22	—	—	—	—	20	91,0	74,5	93,1	2	9,0	5,5	6,9
22	8,8	57	—	—	—	—	36	63,0	169	67,6	21	37,0	81	32,4
2	0,5	69	—	—	—	—	48	69,6	238,8	65,1	21	30,4	128,2	34,9
30,5	14,5	49	—	—	—	—	32	65,4	140	67,0	17	34,6	69,0	33,0
377	16,8	478	3	0,6	25,5	1,1	346	72,3	1562,4	69,9	129	27,1	651,1	29,0
1030	22,3	1233	4	0,3	29,1	0,6	915	74,0	2983,6	67,4	314	25,7	1415,8	32,0

владений сократился с 6,5% пахоты до 0,6% ее. Трудно сказать, в какой мере этот результат отражает фактическое положение для всей страны, однако на существо процесса он, нам думается, указывает. По крайней мере, показания «Свитков казначейства» полностью убеждают в этом¹³³. Об этом же свидетельствуют и «Парламентские свитки», в которых отражены конституционный конфликт, возникший в связи с резким сокращением юридически «неотчуждаемого» старинного домена короны¹³⁴. В РН имеются лишь крайне отрывочные данные о том, в чьих руках оказались домениальные вотчины английской короны в 1279 г., кем они были отчуждены, на каких условиях, какие повинности отбывались за них королю и т. д. Однако из них мы не узнаем самого главного — какими мотивами руководствовались англо-нормандские короли в каждом случае «щедрости» за счет коронного домена. Очевидно, что такого рода сведения могли бы раскрыть тайшественные пружины не только внутренней, но временами и внешней политики английской монархии. Но данный источник не призван служить такого рода цели. Следует вообще считать большой удачей, если мы обнаруживаем в нем хотя бы отрывочные сведения относительно судеб этой категории земель.

Все сказанное о характере сведений, которые могут быть почерпнуты по этому вопросу из РН, заставляет нас воздержаться от каких-либо обобщений относительно того, какие сословные прослойки больше всего поживились за счет богатого наследства Вильгельма Завоевателя¹³⁵. Однако наиболее вероятным представляется, что в первую очередь их следует искать среди приближенных двора, светских и церковных баронов. Лишь незначительная часть коронных владений разошлась по рукам мелкого служилого люда (различного рода министериалов), держателей «малой сервантерии» и т. д.¹³⁶

Обратимся теперь к сведениям о том, как сложились к 1279 г. территориально границы церковного землевладения. Такая последовательность в анализе земельных перестановок XII—XIII вв. более чем правомерна, ибо в то время как корона растеряла львиную долю своего домена, церковь сделала наиболее крупные приращения к своим и без того значительным владениям. Выше было отмечено чрезвычайно неравномерное (к концу XI в.) распределение зерковых земель по отдельным графствам и сотням. К 1279 г. эта особенность церковного землевладения была в значительной мере сглажена, чему содействовали значительные приобретения церкви в XII—XIII вв. Условия явно нивелировались — соотношение светских и церковных владений в значительной степени выравнялось на всей изучаемой территории. Церковь стала крупным земельным собственником во всех без исключения графствах. За примером недалеко ходить. В Бедфордшире

¹³³ I. Ramsey. A History of the Revenues of the Kings of England, 1066—1399. Oxford, 1925, p. 3 ff.

¹³⁴ A. Allen. Inquire into the Rise and Growth of the Royal Prerogative. London, 1830; J. Madge. Domesday of Crown Land in England. London, 1936. Нам осталась недоступной работа R. S. Hoyt. The Royal Demesne in English Constitutional History. Ithaca, 1950.

¹³⁵ При просмотре этих данных следует иметь в виду явную недостаточность источника и обусловленную этим гипотетичность некоторых почерпнутых из него сведений. В одном случае РН «забывают» сообщить, что такой-то мапор в прошлом был коронным (см. РН, II, 736: Schipton), в других же коронные земли разошлись по столь многочисленным рукам, что «опознать» их совершенно невозможно (см. РН, II, 415, 505). Наиболее осторожно следует относиться к сведениям о том, кем из королей и когда была отчуждена та или иная вотчина. Сами ответы юрри заставляют нас насторожиться: они то и дело гласят: «кажется», «насколько не изменяет память», «по всей вероятности» или просто «одним из предшественников здравствующего короля» (см. РН, II, 481, 544, 564, 614).

¹³⁶ RII, II, 555 (Comberlon): «Alexander Rex tenet 100a per serganciam reddendo inde domino Regi qualibet die Sabbati per annum duos simenellos»; ibidem: «Iohannes de Merk tenet 2 car. per serganciam ad servandum duas falcones Layner et unum canem herimer».

церкви принадлежало в 1086 г. только 3,3% учтенной пахоты. Но в течение XII—XIII вв. в ее руки перешло здесь 8 (в основном мелких) вотчин. Не удивительно, что удельный вес церковной пахоты составлял в 1279 г. уже 10% учтенной площади в этом графстве. Неизмеримо более интенсивным был рост церковного землевладения в Бекингемшире: здесь число церковных вотчин возросло в 6 раз (с 5 до 30), а пахотная площадь без малого в 5 раз (с 25 карук до 119,5 гайды)¹³⁷. Наиболее значительные (по размерам) земельные приобретения церковь сделала в Оксфордшире. Из 410 гайд, перешедших в руки церкви, на Оксфордшир приходится 271 гайда (около 2/3 этой площади). Проследим поэтому более пристально за наиболее крупными перестановками в землевладении этого графства.

В сотне Ploughley во владение приора de War' перешла крупная вотчина в вилле Charlton-on-Otmoor (RH, II, 829). В 1086 г. это было светское владение, фиксированное за Роджером de Ivery (f. 224b). Столь же крупной вотчиной завладело Уэстминстерское аббатство в вилле Islip (RH, II, 831). В 1086 г. она числилась владением жены указанного Роджера (DB, I, 160a). Вотчина Fulwell, фиксированная в 1086 г. за неким Гислебертом, субдержателем Роберта de Oilgi (DB, I, 158a), названа в XIII в. «фольварком» (grange) аббатства в Осси (RH, II, 832). К этому же аббатству перешла вотчина в вилле Weston (RH, II, 830), являвшаяся в 1086 г. владением Роберта de Ivery (DB, I, 158b). Светскую вотчину в вилле Hampton Gay (DB, I, 158b) поделили к 1270 г. два монастыря (de Osseneу и de Tham) (RH, II, 836). К аббатству Betlesden перешла вилла Boycott (RH, II, 836), фиксированная в DB (I, 160a) как terra Reinhaldi. Наконец, в прошлом светское владение в вилле Coffisford (DB, I, 224b) перешло к 1279 г. в руки аббата de Vesco (RH, II, 837).

Таковы лишь наиболее крупные приобретения церкви в этой сотне. В итоге их вместо одной церковной вотчины в 1086 г. комиссары Эдуарда I обнаружили здесь уже 21; их пахотная площадь в то же время увеличилась почти в 65 раз (вместо 2 карук в 1086 г.— 128 гайд). В сотне Bullington того же графства церковь приобрела в течение XII—XIII вв. 19 светских в прошлом вотчин, умножив число своих маноров почти в 40 раз; в такой же пропорции возросла их пахотная площадь (вместо 8,8 каруки в 1086 г. мы находим в 1279 г. 81 гайду). Наиболее преуспевающим стяжателем здесь оказался монастырь в Осси. К нему перешла вотчина Arncot (RH, II, 715), принадлежавшая в 1086 г. Вильгельму, сыну Манна (DB, I, 160a), вотчины Cowley (RH, II, 723; DB, I, 157a), Forest Hill (RH, II, 717), которые упомянутый Роджер держал от епископа de Bayeux, и ряд других мелких владений в других виллах¹³⁸. На том же поприще весьма преуспели и «братья тамплиеры», у которых оказались в прошлом светские земли в виллах Sanford¹³⁹, Cowley¹⁴⁰ (в последней находился административный центр большого комплекса владений тамплиеров) и Littlemor¹⁴¹.

¹³⁷ Наиболее значительными приобретениями здесь были в сотне Mursley 2 вотчины, оказавшиеся в 1279 г. в руках аббатства Woburn (см. RH, II, 325). Одна из этих вотчин фиксирована в 1086 г. как terra Regis (см. DB, I, 143b), вторая принадлежала в 1086 г. баронии Уолтера Giffard — 7 H 3 b (см. DB, I, 146b), к которой были присоединены 1 b Вильгельма, сына Анекульфа (DB, I, 148 b), и 2 II Джоффры de Mandevill (DB, I, 149b). В руки приорства de Newenton и аббатства de Sancto Albano перешла крупная вотчина в вилле Horwood. Эта перестановка устанавливается совершенно точно благодаря примечанию RH: «de dono Comitis Walteri de Giffard» (см. II, 336). Наконец, в руки аббатства de Woburn перешло в прошлом светское владение в вилле Drayton (RH, II, 337), фиксированное в DB за Нирелем de Berevile (DB, I, 151b). В сотне Stodfold церковь сделала столь же крупные земельные приращения.

¹³⁸ RH, II, 722: (Sanford) — 4 vg; p. 720 (Carsington) — 4 vg 6a и т. д.

¹³⁹ RH, II, 722 (ср. DB, I, 157b).

¹⁴⁰ RH, II, 723. Ср. Records of the Templars in England (ed. B. Lees). London, 1935, p. 41.

¹⁴¹ RH, II, 723 (ср. DB, I, 157b, 160b).

Обращает на себя внимание рост церковного землевладения и в сотне Wampton. Вместо 3 вотчин в 1086 г. церковь на территории этой сотни владела 17 вотчинами в 1279 г. Так как большинство вновь приобретенных здесь вотчин были мелкими, то пахотная площадь церкви только удвоилась. Вотчинами здесь обзавелись аббатства Эйншемское в вилле Wampton (RH, II, 689), Чистерское — в вилле Clanfield (RH, II, 691), Оснийское — в вилле Burton¹⁴² и др.

На значительный рост церковного землевладения в Кембриджшире мы уже имели случай указать в другой связи¹⁴³. Поэтому мы здесь ограничимся лишь некоторыми характерными примерами. В сотне Longstow составители DB (I, 191b, 197b) фиксировали лишь 3 церковные вотчины (в двух виллах). В 1279 г. мы обнаруживаем церковные владения во всех 14 виллах этой сотни (RH, II, 542). В сотне Whittlesford вместо одной вотчины в 1086 г. в руках церкви оказалось по RH 14 вотчин. К ней почти полностью перешла вилла Ickleton (DB, I, 190a) и около половины пахотной площади виллы Duxford (DB, I, 194a). Весьма значительны были приобретения церкви и в ряде других сотен этого графства. Следует иметь в виду, что речь идет здесь лишь о самых крупных приобретениях, ибо в каждой сотне, если не в каждой вилле, можно было бы обнаружить еще значительное число более мелких приобретений в виде разрозненных виргат и акров, которые в сумме достигают весьма внушительных размеров¹⁴⁴. Было бы поистине нелегкой задачей нанести всю эту сложную паутину церковного землевладения на карту. Однако именно из этих разпыленных по многим селениям «микроскопических» владений состояло подлинное земельное богатство многих новых монастырей, выросших, как грибы, на благодатной почве феодальной Англии XII—XIII вв.¹⁴⁵

Каков же был общий результат «миграции» землевладения между тремя основными феодальными собственниками страны: короной, светскими феодалами и церковью к 1279 г.? Как уже отмечалось, коронный домен исчез, т. е. перешел в руки последних двух сословий. Именно они в основном осуществляли практическое феодальное господство над крестьянской деревней. Что же касается «баланса собственности», как он сложился между этими сословиями, то из данных табл. 10 совершенно очевидно, что церковь оказалась не только наиболее цепким, но и наиболее преуспевшим в течение XII—XIII вв. феодальным собственником страны. Церковное землевладение, составлявшее $\frac{1}{5}$ учтенной площади в 1086 г., возросло до $\frac{1}{3}$ ее в 1279 гг. (точнее, с 22,3% до 32,0%). С другой стороны, хотя светские феодалы, по-видимому, поглотили большую часть коронных земель, площадь их землевладения тем не менее сократилась с 71,2% учтенной пахоты в 1086 г. до 67,4% в 1279 г. Наиболее значительным церковное землевладение по-прежнему оказалось в Гентингдоншире, где ему практически принадлежало около половины пахотной площади (44%). В этом проявилась удивительная устойчивость церковного землевладения, сохранявшегося в однажды сложившихся пределах (в 1086 г. его

¹⁴² RH, II, 694. Так, о приорстве de Frideswide сообщается (RH, II, 702): «habet plures tenures...». Однако они либо не локализованы, либо не обозначены по величине.

¹⁴³ М. А. Барг. Землевладение Кембриджшира в 1086—1279 гг. Канд. дисс. М., 1947, стр. 87 и сл.

¹⁴⁴ RH, passim; Book of Seal, № 445, где приор de Thornholm дает обязательство «non ememus sive ad vadium capiemus... de terra». Характерна с этой точки зрения опись владений Баривельского приорства. См. Liber memorandorum ecclesiae de Bernewelle, ed. I. W. Clark. Cambridge, 1907.

¹⁴⁵ Цистерцианцы, премонастерцианцы, гильбертинцы и др. См. D. Knowles. The Monastic Orders in England. Cambridge, 1941, ch. IX. The new orders, p. 191 ff. Ср. idem. The Religious Orders in England. Cambridge, 1950, p. 64 ff. В течение 150 лет, истекших между завоеванием и началом правления Генриха III, в Англии основано 476 аббатств и приорств (помимо владений 81 иноземного дома). См. Excerpta e rotulis finium A. D. 1216—1272, ed. Charles Roberts (Record Commission). London, 1835—1836, v. I, p. 325.

удельный вес был равен здесь 44,5%). Близким к среднему проценту оказался удельный вес церковного землевладения в Оксфордшире (29,0%) и Кембриджшире (32,9%), где отмечалось интенсивное поглощение церковью светских владений¹⁴⁶. И хотя этот процесс был наиболее ярко выраженным в Бедфордшире и Бекингемшире, церкви так и не удалось создать здесь компактные владельческие комплексы. В этом мы находим подтверждение сделанного ранее наблюдения. Сравнительно поздно возникшее землевладение церкви сохраняло мелковетчинную, гетерогенную структуру, носившую все следы случайности их приобретения.

Наблюдая повсеместный рост церковной землевладения¹⁴⁷, мы невольно задумываемся над вопросом, выяснение которого представляло бы значительный интерес: каким образом, пользуясь какими средствами расширяла церковь столь интенсивно свою земельную собственность? Естественно, что наши источники по самому своему характеру не могут сколько-нибудь удовлетворительно ответить на этот вопрос. Но это все же не значит, что они не содержат никаких данных, необходимых для такого ответа. Акты благочестия, по-видимому, еще весьма многочисленные в дарениях первой половины XII в., к концу его становятся все более редкими. «Дарственными» грамотами в XIII в., как правило, уже оформляются акты купли-продажи в чистом виде. И хотя заключительная формула этих грамот продолжает по-прежнему гласить: «Et ut nec mea *donatio...* rata stabilis et firma permaneat»¹⁴⁸, ее окончание явно видоизменяется: «Pro hac autem donatio [!] dedit mihi... in gersumam [!]»¹⁴⁹.

Очевидно, что разгадку преуспевания церкви на путях «греховного» стяжательства следует искать в сфере хозяйственной, в особенностях «церковной экономики», состоящей в значительной мере из «денежного богатства», которое использовалось для ипотечных сделок с мирянами¹⁵⁰. Все это делает совершенно ясной ту социальную и политическую атмосферу, в которой родился знаменитый статут «De viris illustribus» 1279 г., запрещавший под страхом потери держания отчуждение церкви без специального на то разрешения верховного лорда фьефа¹⁵¹. Корона и знать

¹⁴⁶ Cp. A. Déleage. La vie économique et sociale de la Bourgogne dans le Haut Moyen-Age. Mazon, 1954, p. 199 sq.

¹⁴⁷ Не следует, однако, представлять земельные перестановки XII—XIII вв. слишком односторонними, иначе говоря, не следует думать, что церковь всегда была лишь приобретающей стороной. Военно-рыцарская повинность королю прежде всего вынуждала монастыри субинфеодировать в светские руки значительную часть своих владений. См. фрагмент хроники Эбингдонского монастыря, опубликованный в EHR, XXVI, 1911, p. 729 (Athelelmus): «...monasterium suum manu forti 30 milites et aliis solidariis tuobatur, quibus centum sexaginta hidas de abbatis possessionibus delegavit tali conditione ut singuli... parent pro sua mansione et tenura et milites Abendonie postea sunt vocati».

¹⁴⁸ Book of Seals, № 283, 287, 317.

¹⁴⁹ Ibid., № 164, 362, 490.

¹⁵⁰ Memorials of St. Edmund's, ed. Th. Arnolds (Rolls Series). London, 1890—1896, v. I, p. 344: «Gloriosus rex Willelmus... hanc licentiam et facultatem eodem Baldwinis contulit ut quicumque modo posset terras ecclesiae Sancti Eadmundi adjaceret vel pecunia eos a vicinis suis redimendo vel dono ipsium proprio et spontanea eorum voluntatem adquirendo». Показательный перечень земельных приобретений различных монастырей см. в Rotuli Chartarum, ed. T. D. Hardy (Record Commission). London, 1837, v. I, pars I, p. 120, 161, 210. О ростовщических операциях тамплиеров в Англии см. Chr. Abbatiae de Evesham, ed. W. D. Macray (Rolls Series) London, 1863. Anno 1232, p. 277. В 1252 г. госпитальеры жаловались Генриху III на «притеснения» и «нарушения» их вольностей, на что король ответил, что прелаты, и в особенности тамплиеры и госпитальеры, имеют столь большие доходы и привилегии, что их обуяла гордыня. С. Perkins. The Knights Templars in the British Isles.— EHR, XXV, 1910, p. 226. Cp. R. G. Coates. Le rôle des monastères comme établissements de credit... Paris, 1901, p. 54 ss. Cp. R. Bouttruche. Une crise Nobilitaire en Bordelais.— «Annale d'histoire sociale», t. I, № 2, 1939, p. 47.

¹⁵¹ Statutes I, p. 51. Не следует думать, что процесс «миграции» земель в пользу церкви был этим прекращен. Cp. Registrum Malmesburiense (ed. I. S. Brewer), v. I, p. 64—65; v. II, p. 224, 309. Cp. T. A. Bishop. Monastic Demesne and the Statute of Mortmain.— EHR, XLIX, 1934, p. 303.

имели много оснований опасаться, что если церковь и впредь будет столь же беспрепятственно использовать свои денежные ресурсы и возможности для земельных приобретений, то всей системе феодальных держаний будет нанесен непоправимый удар¹⁵². Дело в том, что, покупая земли за их «поминальную стоимость» и выплачивая полную цену одновременно при совершении сделки, церковь получала свои дарения обычно полностью свободными от «светских повинностей»¹⁵³, т. е. повинностей в отношении вышестоявших лордов. Но тем самым все иерархические поземельные связи лишались реального содержания, ибо они уже не служили каналами, по которым распределялась выжатая из земледельца феодальная рента среди отдельных прослоек лордов — собственников отчужденной в «мертвую руку» земли¹⁵⁴. Обычная при этом оговорка «дарственных» грамот (в «свободную» милостыню) о том, что даритель берет на себя обязательство «защитить» подаренную церкви землю от притязаний иерархии собственников, как и казны, была для последней слабой гарантией, так как очень часто у дарителя оставался слишком значительный домен, чтобы он смог с него выплатить все повинности («защитить»), причитавшиеся с его фьефа в целом. Следовательно, «гарант» становится по существу неуязвим для материальных санкций, если бы они и были применены по отношению к нему верховным лордом фьефа¹⁵⁵.

В заключение остается только заметить, что острые социально-политические коллизии по поводу все учащавшихся в XII—XIII вв. отчуждений земель в «мертвую руку» были лишь одним из проявлений тех глубоких социально-экономических сдвигов, которые происходили в среде английского феодального класса. Процесс перераспределения феодальной ренты между отдельными прослойками светских феодалов, протекавший с течением времени все интенсивнее и во все возраставшем объеме, был наиболее многозначительным по своим политическим последствиям социальным процессом данной эпохи. Его изучение — наша очередная задача.

¹⁵² W. Stubbs. Select Charters, p. 289. Articles of the barons, c. 10; Charter, 1217, c. 43 (p. 347); Provisions of the barons, 1259, c. 14 (p. 404).

¹⁵³ Book of Seals, N 214. Hugh de Whitefelde дарит аббатству Quarr' все свои земли в Sway: «Solutam et ex toto liberam et quietam ad omnibus ferendis servitiis donis et auxiliis et exactionibus universis». Что это означало в плане «материальном», очевидно из клаузулы: «Ego et heredes mei de nostro dominio eam ex toto debemus adquietare de servitio ragis, comitis, vicecomitis et omnimodis aliis servitiis qui in eandem terram supervenerint».

¹⁵⁴ См. ниже, гл. II. Согласно юридической теории, субинфеодирующий свои земли церкви может только освободить их от повинностей по отношению к самому себе, но не может распоряжаться повинностями, причитающимися вышестоящим лордам. См. II. de Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae, ed. by Travers, Twiss, f. 27.

¹⁵⁵ О природе держания в «свободную» милостыню см. исследование: F. Kimball. Tenure in Frankalmoin and Secular Services.— EHR, N 43, 1928, p. 341. Cp. Book of Seals, № 307: «quod... dedit in elemosinam vel vendidit». Формуляр грамот не всегда позволяет сказать, держится ли данное церковное владение «in liberam puram et perpetuam» или только «in liberam elemosinam», ибо только в первом случае одаряемые «nullum faciunt servicium quod ad terram illam pertinet». Cp. F. Pollock and F. W. Maitland. History of English Law, I, p. 240.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА СВЕТСКОГО ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

§ 1. Проблема и метод

Выясняя характер и направление эволюции вотчинных форм феодального землевладения, мы столкнулись с фактом, который заставляет нас совершенно по-новому взглянуть на сущность этой эволюции и на причины, обусловившие ее. Если процесс разложения «изначальной» вотчинной структуры, которому принадлежала ведущая роль в истории среднеанглийского манора XII—XIII вв., был характерен не для всего феодального землевладения, а отмечается почти исключительно лишь в сфере светской вотчины, то очевидно, что причин его следует доискиваться не столько в факторах, воздействовавших на вотчину как таковую, заключавшихся в самой ее феодальной природе, сколько в специфических особенностях светского вотчинного землевладения. Но тем самым мы ходом самого исследования поставлены перед необходимостью взглянуть на эволюцию вотчинной структуры извне, поставив ее во взаимосвязь со всеми теми сторонами социально-политической действительности, которые самым непосредственным образом влияли на стабильность светской феодальной вотчины и, по-видимому, лишь в самой незначительной степени затрагивали вотчину церковную. Таким образом, очевидно, что судьбы светской вотчины нельзя больше изучать в отрыве от социальной истории класса светских вотчинников, как нечто обособленное, но лишь сквозь призму этой истории. Из сложного комплекса вопросов, возникающих в этой связи, мы сосредоточим свое внимание на том из них, который может рассматриваться как кратчайшее связующее звено между историей светского манора, с одной стороны, и социальной историей феодального дворянства — с другой, а именно: *в какой взаимосвязи находилась эволюция вотчинных форм светского землевладения со сдвигами в распределении феодальной собственности в среде светских лордов, в какой мере она была обусловлена этими сдвигами?*

Итак, мы вплотную приблизились к исходному и наиболее важному вопросу социальной истории английского феодального дворянства: какие изменения произошли в распределении поземельной собственности между различными прослойками светских феодалов в течение XII—XIII вв.? — вопросу, до сих пор по существу не решенному, несмотря на его очевидное значение. Подчеркивая, что изучаемый нами период «характеризуется крупнейшими перестановками в распределении земельной собственности», Е. А. Косминский указывает, что «было бы крайне важно установить, в каком направлении пошло перемещение собственности среди самих светских феодалов. Найдём ли мы здесь усиление крупного феодального

землеуладения за счет мелкого или наоборот? ¹ Это крайне важно потому, что только этим путем может быть объяснено столь раннее и столь полное торжество всей иерархической системы военно-феодалных держаний в сфере политической при ярко выраженных явлениях феодальной реакции в сфере социально-экономической — этого любопытнейшего факта английской истории XIII в. С другой стороны, только таким путем можно установить предпосылки того переворота в феодальном хозяйстве, с которым мы сталкиваемся уже к следующему, XIV в., и который намечается уже в конце XIII в. в отчетливых признаках разложения барщинной системы, проявившихся в полном или частичном переходе от отработочной ренты к денежной в значительной части светских вотчин. Наконец, могут быть объяснены многие факты истории конституционной — становления английской сословной монархии, противоречия между баронством, с одной стороны, и рыцарством — с другой, сыгравшие столь значительную роль в ранней истории английского парламента ². Все это оправдывает, на наш взгляд, предпринимаемую здесь попытку решить указанную задачу, несмотря на значительные трудности, стоящие на пути исследователя, и относительный характер данных, которые могут быть получены в качестве ответа.

Нельзя сказать, чтобы в историографии до сих пор не предпринимались попытки выяснить общее направление «миграции» феодальной поземельной собственности в Англии изучаемого нами периода. Еще в 80-х годах прошлого века этот вопрос был поставлен русским исследователем М. М. Ковалевским в труде, посвященном истории Англии XIV—XVI вв. ³ Ответ его вкратце сводится к следующему: с XI по XV в. в Англии происходил непрерывный и все усиливавшийся процесс концентрации поземельной собственности в руках немногочисленной прослойки земельных магнатов — лендлордов ⁴. Концентрация землеуладения в руках феодальной верхушки была, по мнению М. М. Ковалевского, результатом раздирания земель из огромного фонда коронного домена, с одной стороны, и разорения и обезземеливания английского мелкого дворянства — с другой. К сожалению, остается неизвестным, на чем были основаны эти принципиальной важности выводы. Вероятнее всего, автор пришел к ним чисто умозрительным путем, имея перед глазами общеизвестные факты концентрации поземельной собственности в Англии нового времени, «конструируя» на их основе процесс, шедший будто бы беспрерывно в одном и том же направлении с момента нормандского завоевания Англии. Теоретическим же обоснованием этой концепции для него служила доктрина февдистов о «разделенной собственности».

Не так давно эволюцию имущественного облика одной из прослоек английских феодалов — непосредственных держателей короны — попытался выяснить в специальной монографии американский исследователь Сидней Пейнтер ⁵. Несмотря на ряд интересных наблюдений частного характера, эту попытку нельзя считать удавшейся ⁶. Оставляя здесь в стороне вопрос о том, насколько возможно и научно правомерно выражать фео-

¹ Косминский, Исследования по аграрной истории Англии в XII в. М.—Л., 1947, стр. 203.

² См. E. F. Jacob. Studies in the Period of Baronial Reform and Rebellion (1258—1267). Oxford, 1925, p. 76—77; R. T. Treharne. The Baronial Plan of Reform (1258—1267), Manchester, 1932, p. 5, 55, 87—88; Е. В. Гупова. Возникновение английского парламента. М., 1960, гл. I.

³ М. М. Ковалевский. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880.

⁴ Там же, стр. 42.

⁵ S. Painter. Studies in the History of the English Feudal Barony. Baltimore, 1943.

⁶ См. нашу рецензию в журнале «Вопросы истории», 1947, № 6. Неизмеримо более историчен Леннард, усмотревший эквивалент богатства (для той поры) в земельной собственности, являвшейся богатством par excellence (см. «Rural England», p. 25).

дальшее богатство в денежных единицах, мы укажем лишь на наиболее существенный порок его методики исследования, его статистики. Пейнтер попытался сопоставить три имущественных «разреза» английского баронства: 1) в момент составления DB, 2) в конце XII в., 3) в конце XIII и начале XIV в., причем для каждого из этих разрезов им были подобраны совершенно различные баронии. А так как при желании на ограниченном числе исследуемых объектов статистически уловить общее направление каких-либо процессов особенно важно, чтобы на всем протяжении исследования наблюдались одни и те же объекты, то легко прийти к заключению, что метод Пейнтера, совершенно не гарантирующий от элементов случайности, в лучшем случае придает его цифрам иллюстративное, но отнюдь не доказательное значение. Не удивительно поэтому, что Пейнтер так и не смог прийти к какому-либо общему выводу и лишь констатировал, что в каждом отдельном случае бароны бывали и очень «богатые», и весьма «бедные»⁷.

Исследование динамики феодального землевладения можно вести двумя путями: путем монографическим, когда целью его является выяснение владельческой истории того или иного отдельно взятого вотчинного комплекса на протяжении жизни ряда поколений его владельцев. Этому методу следовали и продолжают следовать в Англии многочисленные историки-антиквары. Другой путь — статистический, когда изучаются и сравниваются в различные периоды судьбы не какого-либо отдельного фьефа или группы фьефов того или иного феодального рода, а всей структуры феодального землевладения в пределах сплошной и более или менее значительной территории. Первый путь может привести к ряду ярких примеров и иллюстраций, но все они будут иметь единичный, частный и случайный характер и не дадут твердой основы для широких обобщений⁸. Вторым путем, как правило, лишает нас индивидуального колорита и особенностей, но зато он полностью устраняет возможность субъективного конструирования выводов, нейтрализует элемент случайности и обеспечивает условия, позволяющие уловить общее направление социального процесса и его закономерности.

Однако статистическое изучение социально-имущественных процессов, происходивших в недрах феодального общества, в частности проблемы распределения в тот или иной момент поземельной собственности между отдельными прослойками господствующего класса, с самого начала наталкивается на труднейший вопрос феодального права, без предварительного разрешения которого такое исследование становится абсолютно невозможным. Хорошо известно, что специфически феодальный способ эксплуатации класса непосредственных производителей находит свое выражение в специфической структуре феодальной поземельной собственности, которая конструируется как собственность связанная, иерархически расчлененная, условная⁹.

Однако сложная подчас «лестница» феодальных собственников, надстраивавшаяся над каждым акром английской территории и являвшаяся «идеальной формой» феодального строя поземельных отношений, находится в очевидном противоречии с требованиями земельной статистики нового времени, провозгласившей, вслед за глоссаторами римского права, принцип: «*Duorum in solidum dominium... esse non posse...*»¹⁰. В самом деле,

⁷ S. Painter. *Studies...*, p. 176 ff.

⁸ См., например: S. E. Gleason. *An Ecclesiastical Barony of Middle Ages*. H.U.P., 1936. Cp. I. Milne. *The Honour and Earldom of Warwick (1066—1268)*; D. Walker. *A Study of the Earldom Hereford on the XII c.* — «*Bulletin of the Institute of Historical Research*». Theses Supplement, July, 1953, № 14. Такой же по существу метод применил В. Б. Веселовский при изучении вотчинного землевладения в России (см. «*Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси*». М., 1947).

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 3, стр. 164.

¹⁰ *Digesta*, 13.6.5.15.

как учесть в современной статистической таблице, требующей совершенно определенного и четкого ответа на вопрос, кому принадлежит данный акр земли, сведения комиссаров Эдуарда I о том, что он принадлежит в одно и то же время *A*, который держит его от *B*, который держит от *C* и т. д.? Таким образом, мы оказываемся перед альтернативой: либо отказаться от попытки статистического анализа социально-имущественных процессов, происходивших в недрах вотчинного землевладения, либо попытаться в самой структуре феодального землевладения найти критерии, которые позволили бы отнести титул собственности на ту или иную площадь лишь к одному из иерархии феодальных собственников¹¹. Английскому общему праву, как и всякому феодальному правосознанию, было в такой же мере чуждо понятие частной, безусловной и независимой собственности, в какой ему неизвестно было представление о свободной, независимой и несословной личности. И если иерархичность и дробление владельческих прав являются наиболее характерными чертами феодальных отношений собственности, то Англия, несомненно, являлась наиболее феодализированной страной Западной Европы. Вместе с тем необходимость для англо-нормандских феодалов создать механизм классового принуждения в общенациональном масштабе — перед лицом враждебной и иноплеменной общинной организации класса эксплуатируемых — придала феодальному землевладению в Англии исключительно яркую публично-правовую окраску¹². Последовательность проведения принципа землевладения сверху до низу, сама его всеобщность превратились в свою противоположность — этот принцип был основательно и очень рано подрван. Именно поэтому случилось так, что лен здесь быстрее, чем где бы то ни было, приблизился к частновладельческому принципу¹³. Не удивительно поэтому, что трудно было бы назвать феодально-правовую доктрину, которая была бы в такой ярко выраженной форме направлена на укрепление «интереса» непосредственного держателя, как это имело место в английском общем праве. Уже то обстоятельство, что титул верховного и единственного собственника почвы страны признавался лишь за одним королем¹⁴, а все остальные звенья феодальной иерархии могли только «держат» землю, свидетельствует о том, что с формально-юридической точки зрения все стоявшие ниже короля члены корпорации феодалов были субъектами одного и того же права¹⁵.

Итак, английская феодальная собственность, по сути дела, выражалась лишь в праве владения. В основе этого права — в случае его проверки — лежало длительное и непрерывное фактическое обладание¹⁶, без которого не мог возникнуть юридический титул владения — фригольд. К середине XII в. баланс собственности и в реальной действительности, и в юридической доктрине уже вполне отчетливо стал складываться в пользу непосредственного держателя земли, лорда манора (*demesne tenant*). Это явствует из объема прав распоряжения ими. Уже начиная с *Leges Henrici I* ограничение в праве распоряжения леном преследовало единственную цель — оградить интересы наследника, но отнюдь по сенью-

¹¹ К тому же методу, по сути дела, прибегал уже ряд исследователей: М. Ковалевский («Общественный строй Англии...», стр. 38) относил титул «верховой собственности» лишь к держателям первой руки. А. В. Венедиктов («Государственная социалистическая собственность», М.—Л., 1948, стр. 34) исходил из учения о «раздельной собственности» и делил собственность и интерес между сюзереном и вассалом.

¹² A. Hollister. *The Norman Conquest and the genesis of English Feudalism*.— *ANR* v. LXVI, 1961, p. 64 ff.

¹³ H. Brunner. *Deutsche Rechtsgeschichte*. Leipzig, 1887—1892, S. 11: «Wo jedes Grundeigentum sich in lehen verwandelt wird... das Lehen... schliesslich zu begriff des Grundeigentums stieg».

¹⁴ F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 21 ff.

¹⁵ W. S. Holdsworth. *A History of English Law*, v. III, London, 1909, p. 22.

¹⁶ Лишь в этом случае «право владения» приобретало оттенок собственности (*ius proprietatis*).

ра¹⁷. Брактон же, прекрасный знаток судебной практики своего времени, подчеркивает полную свободу непосредственного держателя прижизненно распоряжаться землей феода¹⁸. Хотя и после издания статута *Quia Emptores*, открыто санкционировавшего неограниченное право лешника отчуждать свою землю (путем субституции)¹⁹, до признания его неограниченным собственником держания было еще далеко, тем не менее видно, что баланс собственности сложился в Англии XIII в. вполне определенно в его пользу и в ущерб лорду фьефа. Этот вывод, вытекающий из анализа юридической практики, полностью подтверждается материалами правительственных и феодальных кадастров. Из них следует, во-первых, что многие держатели фригольда уже в XIII в. не только несли никаких повинностей в пользу сеньора, но силою и рядом не могли даже ответить на вопрос, от кого они «держат» свою землю²⁰; во-вторых, в тех случаях, когда повинности в пользу сеньора все же отбывались, феодальная рента, извлекавшаяся из данной вотчины, ее «стоимость» обычно делилась таким образом, что львиная доля его доставалась непосредственно владельцу вотчины²¹.

Итак, существо примененного нами метода анализа отчуждений собственности между отдельными звеньями феодальной иерархии заключается в том, что субъектом феодальной собственности мы считали каждого вотчинника, независимо от его места в феодальной иерархии, поскольку речь шла о его домениальных владениях — территории его прямого и непосредственного присвоения (*demesne tenancy*)²². Если мы желаем получить представление о том, как в среде господствующего класса распределялась земля в Англии XI—XIII вв., мы должны прежде всего исходить из факта реального обладания землей — этого основного источника феодального «присвоения» для каждого данного вотчинника. Вместе с тем необходимо учесть и границы территории феодального сюзеренитета как источника дополнительного присвоения для вышестоящего слоя феодалов.

§ 2. Землевладение светских держателей короны

Изучение социально-имущественных сдвигов в среде светского вотчинного землевладения имеет целью выяснить, в каком направлении перемещалось оно в течение XII—XIII вв. — от крупной феодальной знати к среднему и мелкому рыцарству или наоборот. Сама постановка такого вопроса как будто предполагает, что нам известен социально-имущественный облик тех вотчинников, имена которых встречаются на страницах РН.

¹⁷ D. C. Douglas and F. Greenaway (eds.). *English Historical Documents*. London, 1953, p. 181; R. de Glanvill. *Tractatus de legibus et consuetudinibus Angliae*, ed. C. Phillips. Berlin, 1828, VII, 2.

¹⁸ Bracton, f. 45b—46. Конечно, немало было случаев, когда держатель отчуждал «с разрешения сеньора», но на этом должен был чаще всего настаивать тот, в чью пользу совершалась сделка (см. *Book of Seals*, № 84).

¹⁹ *Statutes*, I, p. 106. Следует отметить, что право распоряжения фьефами держателей *in capite* было под более строгим контролем короны. Уже указом Генриха III от 1256 г. они были изъяты из общего порядка. Ср. T. F. T. Plucknett. *Legislation of Edward I*. Oxford, 1937, p. 56 ff.

²⁰ См. выше, стр. 90.

²¹ В РН множество примеров подобного рода. См. РН, II, 741: Ричард де Камптон держит манор Dean (Оксф.) от Роберта де Sutton, выплачивая ему 100 шилл. в год. Доход же этого манора оценивается в описи в £ 16.0.1, т. е. доход делится в пропорции 1:2 в пользу лорда манора. Это редкий случай. Обычно же доля лорда манора была гораздо большей. См., например, РН, II, 747: наследники Ральфа де Wytofeld держат манор с доходом в £ 7.7.9, а сами выплачивают верховному лорду £ символическую ренту в 1 денарий «pro omni servicio salvo forinseco servicio». Ср. РН, II, 745: Роджер де Nodar держит манор de Certelo, выплачивая вышестоящему лорду ренту в 1 обол, или пару шпор, годичный же доход манора достигает £ 33.11.1.

²² См. Л. И. Дембо. *Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе*. Л., 1954, стр. 100.

В действительности же дело обстоит не так, хотя бы потому, что невозможно установить, какая доля владений того или иного вотчинника паходила на изучаемой территории и какая доля их — за ее пределами. Это обстоятельство толкнуло нас на поиски других путей решения стоящей перед нами задачи. Такой путь был подсказан источником, подразделяющим всех вотчинников на две основные категории в зависимости от их места в феодальной иерархии: одни были непосредственными держателями от короля, другие — держателями через промежуточных лордов. И хотя среди первых можно обнаружить много мелких владельцев — министерялов короля, а среди вторых немало крупных лордов, тем не менее едва ли можно оспаривать, что деление держателей на указанные выше категории в основном совпадает с гранью, отделявшей в реальной действительности феодальную знать — баронов — от их вассалов и субвассалов — рыцарства. Конечно, именовать всех держателей первой руки «баронами» можно лишь в условном плане^{22а}, но кто же станет отрицать, что именно среди них нужно искать основной костяк феодальной знати Англии XI—XIII вв.? Но для того чтобы максимально приблизить принятую нами классификацию светских вотчинников к тем двум основным подразделениям феодального дворянства Англии, которые подразумеваются под термином «бароны» и «рыцарство», мы, во-первых, исключали из подсчетов по группе «субдержателей» всех тех, кто встречался также в группе непосредственных держателей короны²³, и во-вторых, исключали из группы баронов заведомо мелких людей, низших королевских министерялов, хотя они чаще всего были держателями первой руки.

Изучение социально-имущественной эволюции слоя непосредственных держателей короны — «баронов» — мы будем вести по двум линиям: сперва попытаемся выяснить, какие перемены произошли в распределении землевладения между отдельными фьефами-барониями, независимо от их внутренней владельческой структуры, затем сосредоточим свое внимание на сдвигах, происшедших во владельческой структуре самих бароний, иначе говоря, на сдвигах, происшедших в распределении феодального землевладения между баронами и их субдержателями.

Отправным пунктом настоящего исследования должен, естественно, быть самый элементарный вопрос: увеличилось или сократилось в течение XII—XIII вв. число светских «баронов»? Хотя известно, что число фьефов первой руки, вопреки утверждениям доктрины права, не осталось на протяжении указанного периода неизменным²⁴, что в то время, как одни

^{22а} Термин «барон» и его применение в XII—XIII вв. вызвали оживленную дискуссию в новейшей литературе (см. S. Painter. Studies..., p. 11 ff.). Все попытки установить какие-то отличительные признаки для фьефов, к которым можно применить термин «барония», оказались непригодными при столкновении с фактами реальной действительности. Баронии 1086 г. с течением времени претерпели множество изменений: они дробились между наследниками, попадали в качестве выморочных владений в руки короля, распались последним в процессе инфеодации, оказывались сплошь и рядом в руках незначительных людей. Вопрос о том, кто являлся «бароном», еще более усложняется с возникновением парламента. Далеко не все держатели первой руки вызывались туда именными приглашениями; в то же время такие приглашения посылались нередко владельцам совершенно незначительных владений, к тому же не всегда державших непосредственно от короля. Таким образом, термины «барон» и «барония» имеют вообще условное значение в применении к анализу фактов действительности: Ср. F. Pollock and F. W. Maitland, I, 38 ff.

²³ Хотя этим несколько *заменяются действительные размеры землевладения* некоторых баронов (выступавших одновременно и субдержателями в других фьефах), зато в отношении *большинства* из них мы получаем яркую картину исторических судеб того «баланса собственности» между баронами и их субдержателями, который установился в изучаемом районе к 1086 г. (Ср. R. Lennard. Rural England, p. 48).

²⁴ Прежде всего обращают на себя внимание случаи, когда преемники субдержателей 1086 г. оказываются в 1279 г. держателями первой руки. Некий Пирот фиксирован в DB субдержателем барона Eudoni Dupiferi. В RH Ральф Пирот держит ту же вотчину (Sauslon) непосредственно от короля (ср. DB, I, 197b и RH, II, 576). Вотчи-

из них дробились между рядом владельцев, другие, наоборот, концентрировались по несколько единиц, или частями их, в руках одного и того же барона, тем не менее до сих пор остается неясным, каков был общий итог этих перемещений ко времени Эдуарда I. М. М. Ковалевский, как мы видели, считал, что феодальное землевладение в Англии, начиная с XI в., непрерывно и во все большей степени концентрировалось в руках все меньшего числа владельцев. Сопоставление по этому вопросу данных кадастров Вильгельма I и Эдуарда I приводит к противоположному выводу: число светских держателей первой руки в период, разделяющий эти кадастры, в пределах изучаемого района не только не уменьшилось, но, наоборот, весьма значительно увеличилось. Так, в Оксфордшире вместо 51 барона в 1086 г. мы в 1279 г. находим 59²⁵, в двух сотнях Бедфордшира соответственно — 20 и 23, в Кембриджшире — 30 и 48, в 4 сотнях Бекингемшира — 15 и 28 и в Гентингдоншире — 17 и 20, в целом по всему району, охваченному данными подсчетами, — 96 и 144. Иначе говоря, число светских «баронов» между 1086 и 1279 г. увеличилось в 1,5 раза. Таким образом, держательская пирамида Англии, вместо того чтобы с течением времени суживаться и заостряться на своей верхней ступеньке, наоборот, расширялась, получалась все более усеченной, тем самым приводя все большее число феодальных держателей в непосредственное соприкосновение с короной. Значение этого факта для конституционной истории Англии давно уже отмечено историографией²⁶. Но она, к сожалению, прошла мимо отнюдь не меньшего его значения для социальной истории средневековой Англии.

Из того факта, что число держателей первой руки увеличилось²⁷, еще не следует, однако, никаких выводов относительно изменений размеров принадлежавших им фьефов. Чтобы установить связь между этими фактами, обратимся к данным табл. 11. В ней (насколько это было возможно по данным DB и RH) сделана попытка восстановить сравнительную феодальную структуру светского землевладения в изучаемых графствах, т. е. в том виде, как они должны были выглядеть с точки зрения фиска. Так же как королевская курия, когда шла речь о феодальных обязательствах, лежавших на баронах, полностью отвлекалась от вопроса, какая часть баронии того или иного держателя еще находится в его руках (в домене) и какая ее часть давно уже субинфеодирована им или его предшественником в другие руки, нас будет интересовать лишь один вопрос: как соотносились между собой размеры коронных фьефов в начальный и конечный моменты изучаемого здесь периода, безотносительно к тому, была ли земля того или иного фьефа в действительности в руках ее владельца или только числилась за ним. Для выяснения этого вопроса все баронии как для 1086, так

ны перемещались из одной баронии в другую. Вотчина в 5½ карук в вилле Parworth фиксирована в 1086 г. за бароном Евстахием de Huntingdon; в 1279 г. мы находим ее не в руках его преемников, как можно было ожидать, а во владении графа Оксфордского, державшего ее от графа Ричмондского (DB, I, 199a; RH, II, 473). Барон 1086 г. Иоани, сын Валерана, владел двумя вотчинами в сотне Flendish в вилле Tewersham и в вилле Fulbourn. В 1279 г. первую из них держал непосредственно от короля Томас Warbilton, а вторую — Роджер de Bellocampo (DB, I, 198b-bis и RH, II, 432, 437). Вместо двух бароний в вилле Paxton (DB, I, 205b, 207a) мы в RH (672—683) находим одну. Другие примеры см. выше.

²⁵ Здесь и ниже итоговые цифры не являются суммой данных по отдельным графствам. Ведь немало было «баронов», державших землю в различных графствах, в итоге же они фигурируют только один раз. Ср. VCH of Oxford, I, p. 384.

²⁶ E. A. Jolliffe. The Constitutional History of Medieval England. London. 1937, p. 312—313.

²⁷ Этот чрезвычайно многозначительный по своим последствиям результат был достигнут путем последующих раздач из фонда земель «старинного домена» короны. Немаловажную роль могли сыграть случаи, когда в результате перехода выморочного фьефа в руки короля все бывшие *субдержатели* становились держателями первой руки, «баронами»

Сравнительное распределение земли между

Графство	Фьефы непосредственных							
	до 5 плугов		до 10 плугов		до 20 плугов		до 40 плугов	
	число фьефов	их площадь	число фьефов	их площадь	число фьефов	их площадь	число фьефов	их площадь
1086 г.								
Оксфордшир . . .	18 (35,6%)	20 (2,5%)	9 (17,6%)	60 (5,0%)	14 (27,4%)	209 (17,7%)	5 (9,8%)	128 (10,8%)
Бедфордшир . . .	9 (45,0%)	21 (9,2%)	4 (20,0%)	24,3 (10,7%)	2 (10,0%)	26 (11,5%)	5 (25,0%)	155 (68,6%)
Гентингдоншир . .	3 (17,6%)	12,3 (2,9%)	3 (17,6%)	24 (5,9%)	7 (41,6%)	104 (25,9%)	1 (5,8%)	35,5 (8,8%)
Бекингемшир . . .	2 (13,4%)	7 (2,6%)	6 (40,0%)	49,5 (18,4%)	3 (20,0%)	61 (22,6%)	3 (20,0%)	76,7 (28,6%)
Кембриджшир . . .	12 (40,0%)	34 (5,3%)	4 (13,3%)	35 (5,4%)	4 (13,4%)	56 (8,8%)	5 (20,0%)	158 (24,8%)
1279 г.								
Оксфордшир . . .	21 (34,8%)	51,5 (4,1%)	16 (25,9%)	116,5 (8,0%)	11 (17,7%)	148,5 (10,2%)	6 (9,6%)	184,8 (12,6%)
Бедфордшир . . .	12 (52,5%)	31,5 (13,9%)	4 (17,3%)	32 (14,1%)	4 (17,3%)	65,0 (28,2%)	3 (12,9%)	101,5 (44,1%)
Гентингдоншир . .	5 (25,0%)	17,3 (4,0%)	3 (15,0%)	23,5 (6,0%)	9 (45,0%)	129,5 (31,0%)	2 (10,0%)	61 (16,0%)
Бекингемшир . . .	14 (50,0%)	3,82 (12,8%)	4 (14,2%)	28,8 (9,8%)	6 (21,6%)	86,5 (29,0%)	4 (14,2%)	143,3 (48,3%)
Кембриджшир . . .	26 (54,4%)	48 (9,5%)	10 (21,0%)	71 (13,6%)	7 (14,4%)	123 (23,6%)	3 (6,2%)	89 (17,1%)
По всему								
1086 г.	32 (34,0%)	92 (3,2%)	14 (14,5%)	105 (3,6%)	21 (21,6%)	300,5 (10,4%)	12 (12,5%)	310 (10,7%)
1279 г.	56 (38,7%)	161 (5,5%)	28 (19,4%)	196,3 (6,7%)	34 (23,4%)	490 (17,0%)	17 (11,7%)	534 (18,5%)

и для 1279 г. были подразделены на 9 групп в соответствии с их полевой площадью. Естественно, что локальная ограниченность материала не дает оснований для суждения о том, каков в действительности был имущественный облик учтенных здесь баронов, ибо обладатель одной лишь вотчины в несколько гайд в пределах изучаемого района мог сплошь и рядом оказаться крупным лордом за этими пределами. Зато данные табл. 11 показывают, в каком направлении эволюционировал имущественный облик баронов XII—XIII вв. Обратимся к этим данным.

Сопоставив итоговую часть табл. 11 в пределах групп от 5-й до 8-й (т. е. фьефы площадью от 80 до 200 плугов), легко обнаружить, что все они к 1279 г. резко сократились как количественно, так и по удельному весу их землевладения²⁸. В самом деле: в 1086 г. в изученном нами районе имелись 2 «баронии» площадью от 160 до 200 плугов каждая, на долю их приходилось около 14% всего светского землевладения; к 1279 г. обе они исчезли, раздробившись на более мелкие единицы. Вместо 2 «бароний» (в 1086 г.) площадью 120—160 плугов каждая в 1279 г. осталась лишь одна. Так же сократился к 1279 г. удельный вес землевладения и группы

²⁸ В этих, как и в предыдущих подсчетах, фискальные гайды XIII в. принимаются за равновеликие с карукатами DB.

держателями короны по данным ДВ и РИ

держателей короны площадью

до 80 плугов		до 120 плугов		до 160 плугов		до 200 плугов		более 200 плугов	
число фьефов	их площадь	число фьефов	их площадь	число фьефов	их площадь	число фьефов	их площадь	число фьефов	их площадь
—	—	2	187	1	137,5	1	198	1	230
—	—	(3,9%)	(15,8%)	(1,9%)	(11,6%)	(1,9%)	(16,7%)	(1,9%)	(19,9%)
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	103	—	—	1	123,5	—	—	—	—
(41,6%)	(25,7%)	—	—	(5,8%)	(30,9%)	—	—	—	—
1	75	—	—	—	—	—	—	—	—
(6,6%)	(27,8%)	—	—	—	—	—	—	—	—
2	92	1	99	—	—	1	162	—	—
(6,7%)	(14,4%)	(3,3%)	(15,4%)	—	—	(3,3%)	(25,9%)	—	—
3	266,5	1	103	1	151,8	—	—	1	425
(8,0%)	(18,3%)	(1,6%)	(7,1%)	(1,6%)	(10,4%)	—	—	(1,6%)	(29,3%)
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	152	—	—	—	—
—	—	—	—	(5,0%)	(40,0%)	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	58	—	—	1	131,5	—	—	—	—
(2,0%)	(11,1%)	—	—	(2,0%)	(25,0%)	—	—	—	—
материалу Средней Англии									
7	415	3	312,5	2	256	2	382	3	700
(7,2%)	(14,4%)	(3,1%)	(10,8%)	(2,0%)	(8,0%)	(2,0%)	(13,7%)	(3,1%)	(24,3%)
4	223	2	170	1	132	—	—	3	1058
(2,7%)	(7,7%)	(1,4%)	(5,8%)	(0,7%)	(4,5%)	—	—	(2,0%)	(34,3%)

фьефов площадью от 80 до 120 плугов (вместо 3 фьефов с 312,5 плугами в 1279 г. мы находим только 2 фьефа с 170 плугами); и, наконец, вместо 7 «бароний» площадью от 40 до 80 плугов мы в 1279 г. обнаруживаем только 4. Не удивительно поэтому, что удельный вес землевладения этой группы также сократился вдвое (с 14,4% до 7,7%). В общем вместо 14 светских бароний площадью от 40 до 200 плугов в 1279 г. мы находим на изученной территории только 7, что привело к сокращению удельного веса их землевладения с 47% до 18%, т. е. более чем в 2,5 раза.

Совершенно иная картина вырисовывается перед нами, когда мы обратимся к данным, относящимся к группам I—IV. Во всех этих группах мы встречаемся с фактами интенсивного роста как числа «бароний», так и удельного веса их землевладения. Группа фьефов площадью от 20 до 40 плугов увеличилась с 12 до 17, а площадь их землевладения — с 310 плугов до 534, что составляло соответственно 11,7% светского землевладения в 1086 г. и 18,5% в 1279 г. Группа фьефов площадью от 10 до 20 плугов увеличилась за интересующий нас отрезок времени с 21 до 34 фьефов, т. е. почти на $\frac{2}{3}$, настолько же возрос и удельный вес землевладения этой группы (с 10,4% до 17%, а в плугах — с 300,5 до 490). В 2 раза увеличилось за это время число фьефов площадью от 5 до 10 плугов (с 14 до 28) и на 75,5% увеличилось число коронных фьефов площадью до 5 плугов,

а удельный вес их землевладения возрос соответственно с 3,6% до 6,7% и с 3,2% до 5,3%.

Сопоставим теперь сравнительные средние размеры пахоты (в плугах) «бароний» по всем группам (табл. 11-а).

Таблица 11-а

Год	I группа до 5 плугов	II группа до 10 плугов	III группа до 20 плугов	IV группа до 40 плугов	V группа до 80 плугов	VI группа до 120 плугов	VII группа до 160 плугов	VIII группа до 200 плугов	IX группа более 200 плугов
1086	2,8	7,5	14,2	25,8	49,2	104	128	191	233
1279	2,8	7,0	14,4	31,4	55,7	85	132 (1 фьеф)	—	352,6

О чем свидетельствуют эти данные? О том, что образование новых мелких фьефов первой руки не было результатом дробления прежних фьефов этой категории, так как все фьефы площадью до 40 плугов не обнаруживают заметных сокращений средних размеров пахоты (в некоторых случаях, наоборот, они даже возросли). Но тогда остается заключить, что все новые фьефы были результатом дробления и распыления крупных бароний. Этот факт, несмотря на затемняющие его отклонения, и обнаруживается в средних размерах бароний в группах V—VIII. В общем группы I—IV, т. е. баронии площадью до 40 плугов, возросли в своей численности с 79 до 135, т. е. почти на 60%, и составляли в 1279 г. 93,4% всех фьефов, а удельный вес их землевладения увеличился с 27,9% до 47,7%, т. е. почти в 2 раза. Последняя же колонка табл. 11-а, в которой учтены баронии с пахотной площадью более 200 плугов, свидетельствует, несомненно, об элементах концентрации земельной собственности в руках отдельных наиболее могущественных баронов. Однако устойчивость этой группы при более близком рассмотрении оказывается лишь относительной, так как она, по всей видимости, была обусловлена не общими закономерностями эволюции феодального землевладения в XII—XIII вв., а исключительными обстоятельствами²⁹.

Таковы вкратце итоговые результаты весьма длительных подсчетов по вопросу о сравнительной величине светских «бароний» в 1086 и 1279 гг. Выводы, вытекающие из них, заключаются в следующем: 1) фьефы с пахотной площадью в 40 плугов оказались (в нашем материале) отчетливо выраженным водоразделом в характере и направлении эволюции землевладения светских баронов. Фьефы площадью от 40 до 200 плугов по причинам, здесь еще не выясненным, оказались подверженными процессу дезинтеграции, в то время как фьефы площадью менее 40 плугов с той же интенсивностью множились в числе и усиливались по удельному весу принадлежавшей им земли; 2) очевидно, что количественный рост слоя светских держателей короны происходил не столько за счет испомещения новых держателей на землях коронного домена, сколько за счет дробления и распада «изначальных» бароний на более мелкие владельческие комплексы, каждый из которых получил самостоятельный статус фьефа первой руки. Впрочем, факт значительного сокращения (в течение XII—XIII вв.) числа крупных бароний в графствах Средней Англии может быть уста-

²⁹ Речь идет прежде всего о владениях таких магнатов, как Ричард, граф Корнуолл, граф Глостер, граф Ричмонд. Однако «устойчивость» и рост их землевладений не затрагивают сделанных здесь наблюдений по той причине, что они были результатом огромных пожалований, сделанных им короной на протяжении XII—XIII вв. Ср. T. E. Goult. *The Earldoms under Edward I.*—TrRHS, New Series, VIII, 1894, p. 129—155; S. Painter. *Studies...*, p. 174; N. Denholm-Young. *Richard of Cornwall.* New York, 1947, p. 162 ff.

новлен и другим путем — сопоставлением территориальных границ этих фьефов в 1086 и 1279 гг. Если все фьефы подразделить на группы в зависимости от числа сотен, в которых в соответствующий момент находились входившие в их состав земли, то картина получится столь же убедительной (см. данные по отдельным графствам в табл. 12 и приводимые ниже данные сплошных подсчетов).

Так (по сплошным подсчетам), в пределах одной сотни в 1086 г. находились земли 51 «баронии» (или 53,2% всего их числа), а к 1279 г. — уже 65,4% удельный же вес землевладения этой группы «баронов» соответственно возрос с 13,4% до 21,2%. Число бароний, земли которых находились в пределах 2 сотен, увеличилось с 17 до 25. В 1086 г. они составляли 17,7% всего числа «бароний», а принадлежавшая им пахотная площадь — 8,1%; в 1279 г. мы обнаруживаем соответственно 17,4 и 14,5%. Лишь незначительное сокращение наблюдается в числе бароний, земли которых находились в пределах 3—5 сотен: в 1086 г. они составляли 14,6% от общего числа «бароний», а в 1279 г. — 11,6% (принадлежавшая им пахотная площадь несколько увеличилась — от 14,7 до 17,0%). В то же время резко сократилась группа бароний, владения которых находились в пределах 6—10 сотен: в 1086 г. они составляли 10,4% всего числа «бароний», в 1279 г. — только 3,5%; удельный вес их землевладения сократился соответственно с 22,7% до 14,0%. Столь же радикально сократилась и группа «бароний», владения которых находились в пределах 11—15 сотен: вместо 4 бароний этой группы в 1086 г., мы находим в 1279 г. лишь одну. Таким образом, и в этих данных отразился тот же процесс дробления крупных коронных фьефов, с одной стороны, и умножения за их счет мелких и средних фьефов — с другой. Правда, и здесь видимым противоречием может казаться появление в 1279 г. группы бароний, земли которых размещались в пределах 16—20 сотен. Однако в этой группе перед нами снова фигурируют упомянутые выше владения магнатов (прежде всего графов Корнуольского и Глостерского), рост которых был обусловлен исключительно благоприятным стечением политических обстоятельств.

Перейдем теперь к анализу данных, в которых отразились сдвиги в *имущественном облике* баронства, насколько они отразились в землевладении (в пределах изучаемого нами района). Конечно, наши данные будут локально ограниченными, ибо они оставляют нас в неведении о том, что имело место в тех частях бароний, которые остались за пределами этой территории. И тем не менее мы не считаем это препятствие роковым с научно-познавательной точки зрения. Нет никаких оснований думать, что социально-имущественные процессы, обнаруженные в структуре землевладения «баронов» в пределах 5 графств, были какими-то исключительноными или даже противоположными тем, которые должны были происходить в других графствах Англии. В самом деле, почему бароны должны были распоряжаться со своими владениями по-одному на территории центральных графств и по-другому за пределами их? Абсурдность такого предположения очевидна. Район, послуживший объектом данного исследования достаточно велик, чтобы исключить элемент случайности, поэтому он может считаться достаточно репрезентативным с интересующей нас точки зрения. Более того, имеется много оснований предположить, что социально-имущественные процессы, происходившие в барониях, здесь, в условиях ярко выраженного преобладания крепостнических отношений, должны были в других районах, менее манориализованных, протекать еще более бурно. Об этом, кстати, свидетельствуют локальные исследования Стентона³⁰ и Дугласа³¹.

³⁰ F. M. Stenton. Types of Manorial Structure. Oxford, 1910, p. 41 ff.

³¹ D. C. Douglas. The Social Structure of Medieval East Anglia. Oxford, 1927, p. 64 ff.

Графство, год	Фьефы, находившиеся								
	1 сотни			2 сотен			3 сотен		
	число фьефов	общее число вотчин в них	пло- щадь, каруки	число фьефов	общее число вотчин в них	пло- щадь, каруки	число фьефов	общее число вотчин в них	пло- щадь, каруки
1086 г.									
Оксфордшир .	35 (71,4%)	41 (28,2%)	296 (30,3%)	6 (12,3%)	14 (9,7%)	60,5 (6,2%)	6 (12,3%)	39 (26,9%)	286,5 (29,4%)
Бедфордшир .	15 (75,0%)	30 (54,6%)	114,3 (50,5%)	5 (25,0%)	25 (45,4%)	112 (49,5%)			
Гентингдоншир	15 (88,2%)	32 (59,3%)	305,3 (75,8%)	1 (5,9%)	3 (12,9%)	35,5 (8,7%)	1 (5,9%)	15 (27,8%)	62 (15,5%)
Бекингемшир .	9 (60,0%)	24 (48,9%)	113 (42,0%)	5 (33,3%)	12 (24,4%)	81,3 (30,2%)	1 (6,7%)	13 (26,7%)	75 (27,8%)
Кембриджшир	13 (43,4%)	13 (7,0%)	42 (6,5%)	6 (20,0%)	27 (14,6%)	110 (17,0%)	5 (16,7%)	25 (13,5%)	110,5 (17,1%)
1279 г.									
Оксфордшир .	47 (78,4%)	92 (28,5%)	398,5 (27,7%)	7 (11,0%)	57 (17,7%)	291 (20,4%)	3 (5,0%)	28 (8,8%)	98,8 (6,9%)
Бедфордшир .	17 (74,0%)	44 (51,8%)	116,3 (50,5%)	6 (26,0%)	41 (48,2%)	113,8 (49,5%)			
Гентингдоншир	10 (80,0%)	47 (48,5%)	175,8 (45,9%)	2 (10,0%)	10 (10,3%)	27 (7,0%)	2 (10,0%)	40 (41,2%)	180,5 (47,1%)
Бекингемшир	19 (68,0%)	28 (37,8%)	108,5 (35,2%)	7 (25,0%)	23 (31,1%)	135 (43,8%)	2 (7,0%)	23 (31,1%)	64,8 (21,0%)
Кембриджшир	34 (69,5%)	57 (21,4%)	142,5 (27,4%)	7 (14,3%)	33 (12,5%)	71 (13,7%)	5 (10,2%)	50 (18,6%)	126 (24,2%)

Итак, попытаемся прежде всего выяснить, в каком направлении «мигрировало» светское землевладение в Англии в XI—XIII вв. — от баронов к рыцарям или наоборот — от субдержателей к баронам. Исключительная важность этого вопроса для политической и конституционной истории Англии слишком очевидна, чтобы не попытаться преодолеть множество препятствий, стоящих на пути к статистическому его выяснению³². Выше было уже установлено, что *решающим критерием* для суждения о направлении миграции феодального землевладения должны служить данные о том, кому принадлежала та или иная вотчина в качестве доменальной, кто выступал *непосредственным* лордом зависимых и крепостных крестьян в пределах отдельно взятой баронии. Но если это так, то естественно, что исходным пунктом исследования о сдвигах в имущественном облике баронства должен служить вопрос о динамике субинфеодации земли в светских барониях. Его выяснению посвящена табл. 13.

Как видно из табл. 13, все учтенные здесь фьефы разбиты на группы в зависимости от процента удерживаемой в домне баронов пахотной зем-

³² Много затруднений доставила DB, которая в ряде случаев отражала уже в 1086 г. вчерашний день, а не актуальное положение вещей. Так, фьеф Вильгельма Фитц Осберта, эрла Герфордского, погибшего в 1072 г., мы считали баронией для 1086 г., хотя земля эта была к тому времени в качестве выморочной роздана во множество рук, точно так же как и баронии епископа de Bayeux, находившегося в 1086 г. в заключении, и др. Ср. R. Lenz and. Rural England, p. 40 ff.

Фьефов-бароны по DB и RH

в пределах

4—5 сотен			6—7 сотен			8—10 сотен			11—15 сотен		
число фьефов	общее число вотчин в них	площадь, каруки	число фьефов	общее число вотчин в них	площадь, каруки	число фьефов	общее число вотчин в них	площадь, каруки	число фьефов	общее число вотчин в них	площадь, каруки
—	—	—	1	22	106	1	29	226,5	—	—	—
—	—	—	(2,5%)	(15,2%)	(10,9%)	(2,0%)	(20,0%)	(23,2%)	—	—	—
Сведений нет											
Сведений нет											
Сведений нет											
3	24	73	1	24	50	2	72	261,5	—	—	—
(10,0%)	(13,0%)	(11,3%)	(3,3%)	(13,0%)	(7,8%)	(6,6%)	(38,9%)	(40,3%)	—	—	—
2	48 $\frac{1}{2}$	217	—	—	—	1	98	425,3	—	—	—
(3,4%)	(14,7%)	(15,2%)	—	—	—	(1,6%)	(30,3%)	(29,8%)	—	—	—
Сведений нет											
Сведений нет											
Сведений нет											
—	40	49	—	—	—	—	—	—	1	87	132
—	(15,0%)	(9,4%)	—	—	—	—	—	—	(2,0%)	(32,5%)	(25,3%)
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
(4,0%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ли. По необходимости мы вынуждены ограничиться обзором лишь итоговой части таблицы, оставляя читателям возможность рассмотреть, как эти данные выглядят по отдельным графствам. Итак, 48%, т. е. около половины всех непосредственных держателей от короля, в 1086 г. удерживали все 100% площади своих фьефов в собственных руках. Но судя по тому, что удельный вес их землевладения составлял всего 10,9% учтенной площади, можно заключить, что в данном случае перед нами фигурируют преимущественно мелкие «бароны». 16 держателей, или 16,7%, удерживали в домене от 60 до 90% земли своих фьефов. На их долю приходилось 32,9% всего землевладения светских баронов. 13 держателей, или 13,5%, удерживали в своих руках около половины площади своих бароний. И судя по тому, что в их руках сосредоточивалось 42,9% всей учтенной в табл. 13 пахотной площади, мы вправе заключить, что в данном случае речь идет о группе, включавшей большинство крупных баронов изучаемого района. 3% светских баронов сохраняли в своих руках около 1/5 площади своих фьефов и, наконец, 18,7% всего числа баронов в момент расследования 1086 г. уже не имели доменальной земли, успев субинфеодировать 100% площади своих фьефов. Любопытно, однако, отметить, что и эти бароны были на данной территории мелкими людьми, так как на их долю приходилось только 6,2% пахоты, следовательно, не эти владения определяли динамику субинфеодации к 1086 г.³³

³³ Ср. R. Leppard. Rural England, p. 58. Однако, в своих подсчетах Леннард не выделил светских баронов.

Процесс субинфеодации в светских барониях между 1086 и 1279 гг.

Графство, год	Удельный вес домена* в площади баронии													
	100%		90 — 80%		70 — 60%		50 — 40%		30 — 20%		до 20%		домен отсутств.	
	число держателей короны	площадь	число держателей короны	площадь	число держателей короны	площадь	число держателей короны	площадь	число держателей короны	площадь	число держателей короны	площадь	число держателей короны	площадь
1086 г.														
Бедфордшир	5 (25,0%)	22,3 (9,8%)	1 (5,0%)	31,0 (13,6%)	—	—	2 (10,0%)	39,0 (17,2%)	—	—	1 (5,0%)	30,0 (13,3%)	11 (55,0%)	104,5 (46,0%)
Бекингемшир	5 (31,3%)	62,0 (23,8%)	—	—	4 (25,0%)	114,0 (43,8%)	—	—	—	—	—	—	7 (42,7%)	84,3 (32,4%)
Кембриджшир	11 (36,6%)	49,0 (7,7%)	4 (13,4%)	135,0 (21,2%)	3 (10,0%)	278,5 (43,8%)	3 (10,0%)	74,5 (11,7%)	1 (3,3%)	50,0 (1,6%)	1 (3,3%)	10,0 (1,6%)	7 (23,4%)	38,5 (6,0%)
Гентингдоншир	5 (29,4%)	45,3 (11,3%)	4 (23,6%)	172,0 (42,7%)	2 (11,8%)	79,0 (19,6%)	—	—	—	—	1 (5,8%)	35,0 (8,7%)	5 (29,4%)	71,0 (17,7%)
Оксфордшир	29 (56,8%)	240,5 (20,3%)	1 (1,9%)	12,0 (1,0%)	5 (9,9%)	246,0 (21,0%)	5 (9,9%)	394,0 (33,6%)	—	—	2 (3,9%)	133,0 (11,9%)	9 (17,8%)	145,0 (12,2%)
1279 г.														
Бедфордшир	3 (13,0%)	6,2 (2,6%)	—	—	2 (8,7%)	47,8 (20,6%)	1 (4,3%)	2,2 (0,8%)	—	—	—	—	17 (74,0%)	175,0 (76,9%)
Бекингемшир	2 (7,2%)	4,0 (1,3%)	1 (3,6%)	8,0 (2,7%)	4 (14,2%)	84,0 (27,8%)	—	—	—	—	—	—	2 (75,0%)	206,3 (68,2%)
Кембриджшир	8 (17,0%)	19,3 (4,0%)	—	—	1 (2,1%)	7,0 (1,5%)	2 (4,3%)	7,0 (1,5%)	2 (4,3%)	65,0 (13,4%)	3 (6,3%)	70,0 (14,6%)	31 (66,0%)	315,8 (65,0%)
Гентингдоншир	3 (15,0%)	25,0 (6,9%)	—	—	1 (5,0%)	15,5 (4,2%)	—	—	2 (10,0%)	30,8 (8,4%)	2 (10,0%)	163,5 (44,6%)	12 (60,0%)	131,5 (35,9%)
Оксфордшир	14 (24,3%)	135,0 (9,4%)	2 (3,4%)	34,0 (2,4%)	2 (3,4%)	10,3 (0,7%)	1 (1,7%)	27,5 (1,9%)	5 (8,7%)	185,0 (12,9%)	4 (6,8%)	716,0 (50,0%)	30 (51,7%)	324,0 (22,7%)
По всему материалу														
1086 г.														
	46 (48,0%)	315,8 (10,9%)	6 (6,2%)	212,0 (7,3%)	10 (10,5%)	743,0 (25,6%)	13 (13,5%)	1242,8 (42,9%)	1 (1,0%)	7,0 (0,2%)	2 (2,1%)	200,0 (6,9%)	18 (18,7%)	178,8 (6,2%)
1279 г.														
	24 (16,6%)	160,7 (5,4%)	3 (2,0%)	45,5 (1,5%)	5 (3,5%)	102,0 (3,4%)	8 (5,6%)	143,5 (4,8%)	12 (8,4%)	986,0 (33,4%)	5 (3,5%)	569,3 (19,2%)	87 (60,4%)	963,0 (32,3%)

* В данном случае под «доменом» понимаются «домениальные вотчины», т. е. те вотчины, которые находятся в руках держателей.

Посмотрим теперь, как выглядит владельческая структура светских бароний в Средней Англии спустя 200 лет, т. е. к 1279 г. Группа баронов, удерживавшая в своих руках всю землю своих фьефов, сократилась количественно в 3 раза, составляя лишь 16,6%, вместо 48% в 1086 г. Однако, судя по ничтожному удельному весу земли, находившейся в руках держателей первой руки, мы вправе заключить, что среди них преобладали преимущественно мелкие вотчинники (в данном районе). Далее, сошла на нет вся группа «баронов», удерживавших в домене $\frac{3}{4}$ площади своих «бароний». В самом деле: в 1086 г. на ее долю приходилось 16,7% всех держателей короны и 32,9% всех находившихся в их руках земель, по данным же РН мы находим соответственно 5,5% и 4,9%. Такая же картина бурных потрясений встретит нас при сопоставлении группы баронов, удерживавших в домене около половины своих земель. В 1086 г. удельный вес ее землевладения достигал 42,9% общей площади светского землевладения, а в 1279 г. — 4,8%, т. е. фактически она перестала существовать. Естественно поэтому ожидать столь же значительного увеличения к 1279 г. состава тех групп баронов, которые успели субинфеодировать всю или, во всяком случае, подавляющую часть своих земель и тем самым превратились из реальных владельцев своих фьефов лишь в номинальных³⁴. Этот факт и обнаруживается при дальнейшем анализе данных табл. 13. В 1086 г. лишь один «барон» субинфеодировал около $\frac{2}{3}$ своих земель, в 1279 г. такой процент отчуждения мы находим уже в 12 «барониях». Удельный вес этой группы в светском землевладении возрос с 0,2% в 1086 г. до 33,4% в 1279 г. В 2,5 раза возросла к этому времени и численность группы баронов, сохранивших в домене менее $\frac{1}{5}$ площади своих «бароний». Но, пожалуй, с самым поразительным фактом мы сталкиваемся при сопоставлении групп, субинфеодировавших к 1279 г. всю пахотную площадь своих фьефов. В 1086 г. бароны этой группы составляли лишь 18,7 светских держателей короны, к тому же, как мы видели, это были преимущественно мелкие землевладельцы: на их долю приходилось лишь 6,2 светского землевладения. К 1279 г. картина радикально изменилась: вместо 18 баронов этой группы в 1086 г. мы находим уже 87, или в процентном отношении вместо 18,7% — 60,4%. Иными словами, около $\frac{2}{3}$ всех светских держателей первой руки остались в пределах своих бароний без домениальных земель. Таков итог динамики субинфеодации в светских барониях значительного района Средней Англии между XI и XIII вв.³⁵

Рассмотрим теперь результаты только что прослеженного процесса постепенного перемещения земель бароний в руки субдержателей с несколько иной стороны. До сих пор мы оперировали барониями как неделимым целым, но такими они были лишь с точки зрения фиска. В действительности же фьефы короны распадалась на отдельные вотчины, служившие хозяйственно-административными центрами непосредственного феодального присвоения, из которых одни находились в домене барона, а другие субинфеодировались его вассалами. Поэтому было бы в высшей степени желательно выяснить, как же выглядела динамика субинфеодации, если ее рассмотреть именно с этой точки зрения. Такая попытка и предпринята в табл. 14.

В ней, как нам кажется, с еще большей наглядностью вырисовывается тот же далеко идущий по своим результатам процесс быстрого утравливания площади бароний в сторону субдержателей различных степеней. В самом

³⁴ Разумеется, что такие бароны могли возместить свои потери, выступая *субдержателями* в других фьефах, но это уже иной процесс, к тому же затрагивавший облик лишь незначительной доли баронов. При изучении же структуры бароний и ее эволюции мы должны элиминировать его, если только стремимся раскрыть направление последней. Ср. R. L. e n n a r d. Rural England, p. 27, 48.

³⁵ Ср. F. M. Stenton. The First Century of English Feudalism. Oxford, 1932, p. 83 ff.; N. Denholm-Young. Seigneurial Administration in England. Oxford, 1937, p. 95; S. Painter. Studies..., p. 14 ff.

деле, если сопоставить количество субинфеодированной земли в 1086 и 1279 гг., то окажется, напр., что в светских фьефах короны Оксфордшира оно увеличилось в абсолютных цифрах почти в 2 раза (с 580 до 1075 гайд). В 1086 г. такие земли не составляли здесь и половины площади соответствующих бароний, а в 1279 г. удельный вес субинфеодированной земли достиг уже $\frac{3}{4}$ всей этой площади. Что же удивительного в том, что вместо 44,6% вотчин, находившихся в домене светских баронов в 1086 г., мы находим на изучаемой территории лишь 19,9% таких вотчин в 1279 г., что 30 держателей первой руки (из 58) не имели к этому времени в пределах своих бароний ни одной доменальной вотчины³⁶. Аналогичным было положение в светских барониях Гентингдоншира: и здесь площадь субинфеодированной земли возросла между 1086 и 1279 гг. в 2 раза (159,2 — 308,8 плуга), благодаря чему ее удельный вес в светских фьефах возрос приблизительно с $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$. В 1086 г. в домене светских баронов еще находилось в этом графстве 35,5% всех вотчин, а в 1279 г. — лишь 10,4%. Не удивительно поэтому, что из 20 «баронов», насчитанных здесь по РН, 12 уже не имели в домене в пределах своих бароний ни одного плуга земли. В Кембриджшире в 1086 г. на каждого светского барона еще приходилось в среднем по 2 доменальных вотчины (59 : 30)³⁷, а в 1279 г. на 48 баронов осталось лишь 22 доменальных вотчины, т. е. в среднем менее чем по $\frac{1}{2}$ вотчины на каждого. В 1086 г. пахотная площадь доменальных вотчин составила здесь 293 плуга, т. е. в среднем почти по 10 плугов. В 1279 г. на 48 баронов осталось в домене только 37,4 плуга, т. е. меньше, чем по одному плугу на барона. $\frac{9}{10}$ светских вотчин и почти такая же доля пахоты перешли в этом графстве из рук баронов в руки подвассалов. В результате 31 «барон» из 48 уже не имел здесь (в пределах своих бароний) земли в домене.

Нам представляется, что весь приведенный выше статистический материал дает более чем достаточные основания для ответа на вопрос о направлении «миграции» поземельной собственности в Англии XI—XIII вв. Поскольку речь идет о *реальном* обладании феодально-эксплуатируемой территорией изучаемых графств, можно считать установленным, что оно столь же интенсивно ускользало из рук светской феодальной знати, как и сосредотачивалось в руках субдержателей, т. е. слоя, составлявшего основной костяк английского рыцарства. Однако если можно с полной определенностью говорить о резком сокращении земельных ресурсов у обширного слоя баронов и, следовательно, о его оскудении в течение XII—XIII вв.³⁸, то нам еще предстоит выяснить, каким образом ускользнувшие из его рук материальные ресурсы распределялись среди слоя субдержателей, каково было направление социально-имущественной эволюции в среде английского рыцарства.

§ 3. Землевладение светских субдержателей между 1086 и 1279 гг.

Изучение сдвигов, происшедших между XI—XIII вв. в распределении поземельной собственности среди светских субдержателей, связано со значительными трудностями, которые немало снижают познавательные возможности в данной области. Эти трудности обусловлены прежде всего спецификой ДВ. Дело в том, что комиссары 1086 г. в подавляющем числе случаев считали достаточным фиксировать лишь имя субдержателя, опускал его прозвище (*cognomen*), в результате чего идентификация субдер-

³⁶ Ср. S. E. Gleason. An Ecclesiastical Barony..., p. 46—49.

³⁷ «Домен» баронов, приобретенный ими в качестве субдержателей в других барониях, здесь, как и везде, опускается. Однако он по размерам слишком незначителен, чтобы в корне изменить обнаружившуюся здесь тенденцию.

³⁸ F. Barlow. The Feudal Kingdom of England, p. 440. Ср. G. Duby. La société aux XIe siècles dans la région macedonnaise. Paris, 1913, p. 494.

Соотношение доменной и субинфеодированной земли во владениях светских держателей короны в 1086 и 1279 гг.

Графство	Год	Число держателей короны	% к 1086 г.	Число вотчин у них	% к 1086 г.	Площадь их владения, каруки	Число доменных вотчин	% к общему числу вотчин	% к 1086 г.	Число субинфеодированных вотчин	% к общему числу вотчин	% к 1086 г.	Площадь домена, каруки	% к общей площади	Площадь субинфеодированной земли, каруки, гайды	% к общей площади
Бедфордшир	1086	20	—	55	—	226,3	12	21,8	—	43	578,2	—	71,3	31,4	155	68,6
	1279	23	115,0	85	154,5	230,5	7	8,2	58,3	78	91,8	181,3	20,5	8,9	210	91,8
Бекингемшир	1086	15	—	39	—	269,3	11	28,2	—	28	71,8	—	122	45,3	147,3	54,7
	1279	28	186,6	74	189,7	302,4	8	10,8	72,7	66	89,2	235,7	69,9	23,1	232,5	76,9
Кембриджшир	1086	30	—	199	—	598	59	30,0	—	140	70,0	—	293	49,0	305	51,0
	1279	48	160,0	302	151,7	524	22	7,2	37,3	280	92,0	200,0	37,4	7,1	486,6	92,9
Гентингдоншир	1086	17	—	45	—	402	16	35,5	—	29	64,5	—	242,8	60,1	159,2	39,9
	1279	20	117,6	96	213,3	392,3	10	10,4	62,5	86	89,6	296,5	83,5	21,1	308,8	78,9
Окфордшир	1086	51	—	168	—	1180,5	75	44,6	—	93	55,4	—	600,5	50,8	580	49,2
	1279	58	113,7	339	201,8	1471,5	54	19,9	72,0	285	84,1	306,4	396,5	25,1	1075,0	74,9
По всему материалу	1086	96	—	522	—	2873	180	34,6	—	342	65,4	—	1491	51,9	1382	48,1
	1279	144	150,0	878	168,1	2965	96	10,9	53,3	782	89,1	228,7	627	21,4	2338	78,6

жателей по различным вотчинам не только усложняется, но нередко совершенно исключается³⁹, и хотя мы сделали попытку преодолеть эту трудность, пользуясь другими путями для достижения той же цели, известный элемент гипотетичности все же остался в приведенных ниже данных подсчетов по ДВ, так как имена, посетителей которых не удалось идентифицировать, приняты нами в подсчетах за отдельные лица⁴⁰.

О социально-имущественном облике светских субдержателей и по RN судить нелегко. Ибо, насколько бы фрагментарность источников ни препятствовала изучению слоя держателей первой руки, мы все же в состоянии о большинстве из них составить себе определенное представление, хотя бы потому, что среди них сплошь и рядом встречаются известные вельможи Англии той эпохи — то это отпрыски стариной знати (Mandevill, Warren и др.), то удачливые выскочки, ставшие знатными благодаря карьере при дворе (La Zuche, de Burg и др.)⁴¹. Имена большинства из них постоянно встречаются в актах королевской курии, в современных хрониках, в Свитках парламента, наконец, доступны изучению по фамильным архивам⁴².

Ничего подобного нельзя, однако, сказать о субдержателях, социально-имущественный облик которых в большинстве случаев остается неясным⁴³. Их имена сами по себе обычно ничего не говорят нам, так как их не сохранила историческая традиция страны. Несмотря на общепризнанную уже теперь крупную роль, которую этот слой феодального класса играл

³⁹ Для того чтобы дать наглядное представление о характере этих трудностей, приведем лишь один пример: «In Esceprid tenet Sigarius de Willelmo» (DB, f, 197a): «In Ordewelle tenet Sigarius de Goisfrido» (ibidem). Один и тот ли это держатель? Нередко писцы 1086 г. вообще считают возможным не называть субдержателя по имени, ограничиваясь указанием: «In Combertone tenet II homines (Picoti)» (см. DB, I, 200b). Ср. ibid., 194a: «In Fulgesmare... tenent II milites». Ср. VCH of Oxfordshire, I, p. 385. В отношении описи Рембриджшира положение существенно облегчалось наличием ICC, в котором зачастую приводится прозвища субдержателей, опущенные в ДВ. Например, ICC, p. 82: «...tenet Hunfridus Dansevilla»; ср. DB, I, 197b: «...In Winepole tenet Hunfridus». ICC, p. 42: «...tenet Gislebertus Cum Barbo»; ср. DB, I, 196b: «...in Dachesworde tenet Gislebertus». В отношении же других графств изучение описи 1086 г. не по фьефам, а по сотням убеждает в том, что в пределах отдельно взятой сотни число субдержателей столь незначительно, что их имена, за небольшим исключением, не повторяются. Например, в сотне Chadlington.

Бароны	Субдержатели
Episcopus Bayo	Hbertus, Perveus
Gisleb. de Gand	Robertus
Rob. de Oilgi	Robertus
Rad. Mortimer	Oidelard etc.

Что же касается повторения имен субдержателей в пределах одной и той же баронии по мере перехода от одной сотни к другой, то, как правило, мы считали, что речь идет об одних и тех же лицах. Наконец, повторение одного и того же имени в двух соседних вотчинах в пределах одной и той же вилицы часто служило основанием для их идентификации. Впоследствии, когда мы получили возможность ознакомиться с трудом Лешарда («Rural England») мы убедились, что наши критерии статистического истолкования этих сведений ДВ весьма близки.

⁴⁰ Однако в этом есть и своя положительная сторона. Так как трудность идентификации имен субдержателей приводит нередко к «раздвоению» одних и тех же лиц в подсчетах, то опасность заключается в том, что число вотчинников этой категории в подсчетах для 1086 г. будет больше действительного. Но тем самым наши выводы для 1279 г. приобретают еще большую доказательную силу. Только что указанными особенностями описей ДВ объясняется невозможность выйти в соответствующих подсчетах за пределы графства. По этой причине мы и для 1279 г., где такая возможность появляется, вынуждены были также отказаться от суммирования данных в пределах всего района.

⁴¹ См. Dictionary of National Biography.

⁴² См. Reports of the Historical Manuscripts Commission, v. III, XXI.

⁴³ Большим подспорьем с этой точки зрения являются разделы VCH of England, посвященные истории отдельных маноров.

⁴⁴ E. F. Treharne. Knights in the Period of Reform and Rebellion 1258—1267.—BJHR, XXI (1946—1948), p. 7 ff.; N. Denholm-Young. Feudal Society in the XIII c. The Knights.—«History», N. S. XXXIX, 1944, p. 107—119.

в бурных событиях XII—XIII вв.⁴⁴, перед нами все же, как правило, безмятная масса, а не исторические личности. Дела же, в которых, несомненно, должна была запечатлеться индивидуальность каждого из них, т. е. дела баронских канцелярий и местных административных центров, где они играли столь выдающуюся роль, почти не дошли до нас. В феодариях той эпохи мы встречаем их как держателей одного или ряда рыцарских феонов, в актах королевской курии они выступают под обезличенной формулой «Milites de Comitatu», в правительственных и судебных расследованиях они обычно составляют жюри, дающие показания королевским комиссарам или разбездным судьям⁴⁵. Но все эти сведения слишком разрознены и эпизодичны.

Поэтому RH являются единственным источником XIII в., позволяющим проследить имущественный облик этого важного слоя английских лендлордов⁴⁶ на более или менее обширной территории (конечно, постольку, поскольку он отразился в поземельном кадастре)⁴⁷.

Результаты наших подсчетов по вопросу о сравнительном распределении землевладения в среде светских субдержателей в 1086 и 1279 гг. суммированы в табл. 15, 16, 17. Попытаемся вкратце изложить их содержание. Первое, что заслуживает быть отмеченным, это огромный численный рост слоя светских субдержателей в изучаемый период, причем этот рост наиболее ярко выражен именно в тех графствах, по которым мы располагаем наиболее полными описаниями XIII в. Так, по Оксфордширу число субдержателей увеличилось более чем в 4 раза, Гентингдонширу — в 3 раза, Кембриджширу — в 4 раза и в имеющихся в RH сотнях Бедфордшира — в 2 раза и Бекингемшира — в 1,5 раза⁴⁸. В среднем по всему материалу подсчетов число субдержателей в период с 1086 по 1279 г. возросло в 3 раза. Один этот факт достаточен для того, чтобы судить об интенсивности оседания, вернее было бы сказать — испомещения военно-служилого класса на землю в течение XII—XIII вв., об интенсивности процесса субинфеодации земель светскими баронами. Подвижный военно-рыцарский класс, пришедший в эту страну с Завоевателем и долгое время еще остававшийся по преимуществу служилым классом, успел ко времени Эдуарда I в большинстве своем превратиться в *оседлый класс сельских джентльменов*, строивших свое благополучие главным образом на «мирной» эксплуатации крестьянской общины.

⁴⁵ R. Gneist. Adel und Ritterschaft in England. Berlin, 1853. S. 9.

⁴⁶ Историческая роль английского рыцарства в XII—XIII вв. может быть объяснена лишь при одном условии: если учесть *противоречивость его политического положения*. С одной стороны, в качестве субдержателей бароний они самой системой феодального держания были включены в орбиту интересов и влияния баронства. Из рядов субдержателей рекрутировались должностные лица бароний: бейлифы, исчиторы и др. (см. N. Denholm-Young. Seigneurial Administration in England, p. 39). Их представители заседали в баронских советах и были присяжными баронских судов. С другой стороны, субдержатели присягали в качестве «подданных» на верность королю против всех его врагов (см. J. Jolliffe. The Constitutional History..., p. 312 ff.), их военная служба рассматривалась лишь как «служба королю». Рыцарство являлось по существу фундаментом королевской администрации и юрисдикции на местах и, следовательно, призвано было играть главную роль в борьбе с партикуляристскими тенденциями своих сюзеренов (ср. W. Kienast. Untertanendienst und Treuvorbehalt in Frankreich und England. Weimar, S. 27 ff.). Совсем недавно своеобразие политической роли английского рыцарства снова подчеркнул Леннард (см. «Rural England», p. 62).

⁴⁷ К тому же RH имеют одно несомненное преимущество перед DB — субдержатели легко идентифицируются по всему изучаемому здесь району. Большим подспорьем оказывались при этом данные регистра английских фьефов, известного под названием «Testa de Nevill».

⁴⁸ Любопытно, что в сотне Langtree этого графства число субдержателей увеличилось за это время в 7 раз, зато в сотнях Bullington и Ploughley число их возросло в 2 раза. Колебания эти зависят только от одного обстоятельства: от того, насколько была развита субинфеодация в той или иной сотне к 1086 г. Конечно, если крупнейшим лендлордом в данном районе является церковь, то субинфеодация и к 1279 г. окажется гораздо менее значительной, чем в светских барониях.

Землевание светских субдержателей между 1086 и 1279 гг.

Графство	Год	Число субдержателей	% к 1086 г.	Число вотчин у них	% к 1086 г.	Площадь, ка- руки	% к 1086 г.	Среднее число карук на 1 держателя	Отношение к 1086 г.	Средний раз- мер вотчин	Отношение к 1086 г.
Бедфордшир	1086	28	—	45	—	143	—	5	—1,7	3,2	—1,14
	1279	55	196,4	58	128,8	163,8	114,6	3		2,8	
Бекингемшир	1086	24	—	47	—	221,8	—	9	—2,6	4,7	—1,56
	1279	41	170,8	47	100,0	121,8	*	3,4		3	
Кембриджшир	1086	62	—	140	—	302	—	5	—2,5	2,1	—1,23
	1279	252	406,4	296	211,4	529,3	175,1	2		1,7	
Гентингдоншир	1086	35	—	43	—	192	—	5,5	—2,0	4,4	—1,31
	1279	115	328,5	123	286,0	288,3	150,2	2,5		2,3	
Оксфордшир	1086	59	—	143	—	846	—	14,3	—3,3	6,0	—2,40
	1279	249	422,0	255	178,3	1069,5	126,3	4,3		4,0	

* Значительное сокращение земельной площади субдержателей к 1279 г. в Бекингемшире объясняется тем, что в этом графстве часть земли этой категории оказалась в руках баронов и поэтому исключена из подсчетов, относящихся к классу субдержателей.

Значительный рост числа субдержателей, естественно, предполагает и соответствующий рост числа субинфеодированных вотчин. Данные табл. 15 подтверждают это. В Гентингдоншире, например, число субинфеодированных в светские руки вотчин возросло за изучаемый период в 3 раза, в Кембриджшире — более чем в 2 раза (на 111,4%), в Бедфордшире — на 28,8%, в Оксфордшире — на 78,3% и только в Бекингемшире оно осталось неизменным (47 : 47). По всем изученным нами графствам количество субинфеодированных светским владельцам вотчин возросло с 418 в 1086 г. до 779 в 1279 г., т. е. на 80,1%. Таким образом, данные табл. 15 обнаруживают, что в то время как число субдержателей возросло втрое, число вновь субинфеодированных после 1086 г. вотчин увеличилось менее чем в 2 раза. Но если рост числа *вновь* субинфеодированных вотчин столь отставал от числа тех, кто жаждал обзавестись ими, то возникает вопрос, каким же образом вся масса субдержателей оказалась испомещенной по вотчинам.

Очевидно, что ответ на этот вопрос нельзя найти в данных, касающихся одной «миграции» землевладения между держателями первой руки и их субвассалами, и что его следует доискиваться в значительной мере в имущественных процессах, происходивших в недрах самого слоя субдержателей⁴⁹. Для того чтобы убедиться в этом, сопоставим число субдержателей и число находившихся в их руках вотчин в исходный и конечный момент изучаемого периода (см. табл. 15-а).

Таблица 15-а

Год	Бедфордшир			Бекингемшир			Кембриджшир			Гентингдоншир			Оксфордшир		
	число субдержателей	число вотчин	соотношение	число субдержателей	число вотчин	соотношение	число субдержателей	число вотчин	соотношение	число субдержателей	число вотчин	соотношение	число субдержателей	число вотчин	соотношение
1086	28	45	1,6	24	47	1,95	62	140	2,24	35	43	1,22	59	143	2,42
1279	55	58	1,05	41	47	1,14	252	296	1,17	115	123	1,07	249	255	1,02

Итак, во всех без исключения графствах, как и следовало ожидать, среднее число вотчин на одного субдержателя значительно сократилось⁵⁰. Иными словами, перед нами неоспоримое свидетельство того, что *внутри* слоя субдержателей в течение XII—XIII вв. происходил процесс рассредоточения прежнего числа вотчин среди большего и все увеличивающегося числа субинфеодированных.

Более того, эти данные повествуют и о том, что вотчины субдержателей не только рассредоточивались среди большего числа владельцев, но и *мельчали, дробились на части*, каждая из которых превращалась в самостоятельную вотчину прежнего владельца. Несмотря на то, что вотчины субдержателей в большинстве состояли из средних и мелких владельческих комплексов, мы тем не менее наблюдаем их дальнейшее дробление. Так, в Оксфордшире средний размер вотчин субдержателей уменьшился за изучаемый период на 33,4%, в Гентингдоншире — на 47,5%, в Бекингемшире — на 36,2% и даже в Кембриджшире (где средняя величина

⁴⁹ Самая опасная «западня» на пути к такому исследованию заключается в том, что невозможно с достаточной степенью достоверности идентифицировать имена всех субдержателей, фиксированных в соответствующих разделах DB. Но поскольку мы в каждом хоть сколько-нибудь сомнительном случае предпочитали считать каждое имя за отдельное лицо, то в результате этого число субдержателей для 1086 г. нами значительно преувеличилось, а их землевладение пресумпшилось. Вследствие этого данные для 1279 г. приобретают большую объективную значимость.

⁵⁰ Например, в Оксфордшире почти в 2,5 раза, в Бекингемшире почти в 2 раза, в Бедфордшире в 1,5 раза.

вотчин субдержателей была уже в 1086 г. в 3 раза меньше соответствующих категорий вотчин в Оксфордшире и более чем в 2 раза меньше, чем в Гептингдоншире и Бекингемшире) размер вотчины светских субдержателей к 1279 г. сократился на 19% по сравнению с 1086 г. Об этом же свидетельствуют и данные о среднем количестве плугов, приходившихся на одного субдержателя в 1086 и 1279 гг. В Бекингемшире их число уменьшилось почти в 3 раза, настолько же оно уменьшилось и в Оксфордшире, более чем в 2 раза оно сократилось в Кембриджшире и Гептингдоншире и немногим меньше чем в 2 раза в Бедфордшире.

Итак, из всех приведенных выше данных возможен лишь один вывод: если класс светских субдержателей, взятый в целом, как по своей численности, так и по удельному весу находившейся в его руках земли к 1279 г. стал намного могущественнее, чем в 1086 г., — и в этом можно усматривать один из наиболее важных и далеко идущих итогов социально-экономической эволюции феодального класса Англии в XII—XIII вв., — то вместе с тем в недрах этих низших разрядов феодальных владельцев отчетливо наблюдается уже однажды отмеченный нами процесс дробления и распыления основного источника феодального присвоения — феодального землевладения. Рассмотрим поближе отдельные стороны этого процесса, как они отразились в данных об имущественном облике слоя субдержателей. В табл. 16 все учтенные нами субдержатели подразделены на группы соответственно числу находившихся в их руках вотчин. Как видно из этих данных, уже в 1086 г. только немногие субдержатели владели 5 и более вотчинами (в пределах изучаемого района). В Бедфордшире, например, они составляли лишь 3,7% общего числа субдержателей, в Кембриджшире — 4,8%, в Оксфордшире — 13,7%⁵¹, а в учтенных здесь сотнях Бекингемшира и Гептингдоншира их вовсе не оказалось. К 1279 г. владельцы этой группы мы уже не находим в Бедфордшире и Кембриджшире, а в Оксфордшире субдержатели этой группы составляли только 0,4% общего числа (проще говоря — один вотчинник); иными словами, в изучаемом районе группа владельцев 5 и более вотчин среди светских субдержателей почти полностью исчезла.

Столь же радикальные сдвиги произошли и в группе владельцев 3—4 вотчин. Если в 1086 г. в Бедфордшире они составляли 7,1% светских субдержателей и обладали 13,9% субинфеодированной земли, то в Бекингемшире соответственно 33,4% и 55,2%, в Кембриджшире — 19,3% и 38,7%, в Гептингдоншире — 3,5 и 27,5% и Оксфордшире — 11,8 и 13,5%. К 1279 г. субдержатели этой группы исчезли в учтенных здесь сотнях Бедфордшира, Бекингемшира и Гептингдоншира. В Кембриджшире на субдержателей этой группы, составлявших всего лишь 1,9% общего числа, приходилось 10,6% земельной площади и в Оксфордшире соответственно 0,8% и 3,5%. Таким образом, к 1279 г. в изучаемом нами районе почти полностью исчезла и прослойка светских субдержателей — владельцев 3—4 вотчин, составлявшая в конце XI в. почти $\frac{1}{6}$ всего этого слоя и владевшая почти третью (30%) пахоты, субинфеодированной в светские руки⁵². Наконец, по всем без исключения графствам значительно сократилась и численность группы субдержателей — владельцев 2 вотчин (см. табл. 16). Достаточно сказать, что удельный вес землевладения этой группы уменьшился в Бедфордшире более чем в 4 раза, в Гептингдоншире — в 2,5 раза, в Оксфордшире — почти в 2 раза по сравнению с 1086 г. и только в Кембриджшире

⁵¹ На долю этой группы приходился сравнительно значительный процент земли светских субдержателей: в Бедфордшире — 25%, в Кембриджшире — 21,5%, в Оксфордшире — 48,0%, т. е. почти половина всей площади.

⁵² В абсолютных числах эта группа из 32 вотчинников в 1086 г. сократилась до 7 вотчинников, т. е. почти в 5 раз, в 1279 г. а площадь ее землевладения соответственно сократилась с 935,6 плуга до 123,5 плуга, т. е. в 7 раз.

Сравнительное распределение вотчин среди светских субдержателей между 1086 и 1279 гг.

Графство	Год	I группа, держатели 1 вотчины				II группа, держатели 2 вотчин				III группа, держатели 3—4 вотчин				IV группа, держатели 5 и более вотчин			
		число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади	число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади	число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади	число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади
Бедфордшир . . .	1086	19	67,8	54	37,7	6	21,4	33,5	23,4	2	7,1	20	13,9	1	3,7	35,5	25,0
	1279	53	96,3	155,3	94,8	2	3,7	8,5	5,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Бекингемшир* . .	1086	14	58,3	73	33,1	2	8,3	26,0	11,7	8	33,4	122	55,2	—	—	—	—
	1279	39	95,2	123,3	87,0	2	4,8	18,5	13,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Кембриджшир . .	1086	37	59,8	82,5	27,3	10	16,1	38	12,5	12	19,3	117	38,7	3	4,8	65,3	21,5
	1279	231	91,9	406,8	77,0	15	5,9	54,5	10,3	5	1,9	56,5	10,6	1	0,3	11,5	2,1
Гептингдоншир .	1086	26	74,5	86	45,0	6	17,0	53	27,5	3	8,5	53	27,5	—	—	—	—
	1279	107	92,8	155,8	82,7	8	7,2	32,5	17,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Оксфордшир . .	1086	31	52,5	176,3	21,0	13	22,0	147	17,5	7	11,8	115	13,5	8	13,7	407,8	48,0
	1279	234	94,0	910	84,1	12	4,8	98,5	9,2	2	0,8	35,5	3,5	1	0,4	25	3,2

* См примечание к табл. 15.

он уменьшился весьма незначительно, а в Бекингемшире даже несколько увеличился (с 11,7% до 13%).

На фоне столь ярко выраженного сокращения удельного веса многовотчинной группы светских субдержателей особенно отчетливо бросается в глаза промадный рост группы владельцев одной лишь вотчины. Если сопоставить данные ДВ и РН в абсолютных числах, то за изучаемый период эта группа возросла в 5,5 раза (с 127 до 664 человек), а их землевладение — в 3,5 раза (с 471,8 до 1751,2 плуга). Итак, основной вывод, вытекающий из анализа данных табл. 16, заключается в том, что к 1279 г. группа владельцев одной лишь вотчины составляла $\frac{9}{10}$ всего числа светских субдержателей, на ее долю приходилось 84,1% всей учтенной для этого слоя дворянства земли⁵³. Этот многозначительный факт отразился и в территориальном размещении землевладения светских субдержателей. Если в 1086 г. такие вотчинники часто располагали землей в 2—3 сотнях, а многие даже в 5—6 сотнях⁵⁴, в одном или даже нескольких графствах, то в 1279 г. около 95,0% субдержателей было уже связано с территорией одной лишь сотни, с одним графством; на долю таких вотчинников в это время приходился 91,0% всей субинфеодированной в светские руки земли. Таковы исторические предпосылки возникновения столь знаменитого в последующие века класса так называемых country gentlemen, домовитых сельских хозяев — лендлордов, тесно связанных всеми своими материальными и политическими интересами с родным графством, представлявших эти интересы на собраниях сотни и графства, а впоследствии в парламенте, и представлявших кадры «даровой» королевской администрации на местах.

Из всего предыдущего анализа с необходимостью вытекает вывод о ярко выраженном расщеплении землевладения среди численно резко увеличившегося к концу XIII в. слоя субдержателей — процессе, совершавшемся на фоне столь же очевидного роста совокупной материальной мощи и веса этого класса в феодальной землевладении страны в целом. Этот основополагающий факт английской действительности XII—XIII вв. может быть засвидетельствован и другим путем. В табл. 17 все учтенные в нашем материале светские субдержатели подразделены на 5 имущественных групп. Первую группу составляют мелкие вотчинники (владельцы менее 5 плугов земли), вторую — средние (владельцы 5—9 плугов), третью — пятую — крупные вотчинники, которые в свою очередь подразделяются на три подгруппы (владельцы 10—15 плугов, 16—20 плугов и более 20 плугов). Сопоставим данные табл. 17 по каждому графству в отдельности. По отраженным в РН сотням Бедфордшира за изучаемые два века не наблюдается значительного сокращения удельного веса землевладения крупных вотчинников (он сократился с 34,9 до 28,3%)⁵⁵. Зато удельный вес группы средних вотчинников количественно сократился без малого в 5 раз, а по площади принадлежавшей им земли — более чем в 3 раза. Группа мелких вотчинников, наоборот, резко возросла: в численном отношении ее удельный вес увеличился с 67,8% до 87,4%, удельный же вес приналежавшей ей земли возрос без малого в 2 раза (с 35,6% до 62,0%). По 4 сотням Бекингемшира картина получается еще более рельефной: к 1279 г. совершенно исчезла группа крупных вотчинников, владельцев 16 плугов пахоты и более (на их долю в 1086 г. приходилось 28,3% всего землевладения светских субдержателей); более чем в 3 раза сократилась численность

⁵³ В 1086 г. эта группа составляла 52,5% общего числа субдержателей, на долю ее приходилось лишь $\frac{1}{5}$ всей земельной площади, субинфеодированной светским владельцам.

⁵⁴ В Оксфордшире, например, 37,7% всех субдержателей владели в 1086 г. землей в 2 и более сотнях; приблизительно такова же оказывается картина и в Кембриджшире и Бекингемшире (33,6%).

⁵⁵ Правда, среди субдержателей в этих сотнях исчезла группа владельцев более 20 плугов пахоты, на которую приходилось в 1086 г. 24,8% всего землевладения.

Сравнительное распределение земли между субдержателями по данным DV и RH

Графство	Общее число субдержателей	У них земли, каруки	Владения субдержателей																			
			до 4 карук				до 9 карук				до 15 карук				до 20 карук				более 20 карук			
			число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади	число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади	число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади	число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади	число держателей	% к общему числу	у них земли, каруки	% к общей площади
1086 г.																						
Бедфордшир	28	143	19	67,8	51	35,6	7	25,0	42	29,5	1	3,6	14,5	10,1	—	—	—	—	1	3,6	35,5	24,8
Бекингемшир	24	221,8	9	37,5	38,5	17,7	3	12,5	22	9,9	9	37,5	98,3	44,1	2	8,2	37	16,6	1	4,3	26	11,7
Кембриджшир	62	302	35	56,6	65,5	21,9	18	29,0	108	35,7	6	9,6	66,5	22,0	2	3,2	36,5	12,0	1	1,6	25,5	8,4
Гентингдоншир	35	192	19	54,6	39	20,5	10	28,4	66	34,3	5	14,2	51	26,5	—	—	—	—	1	2,8	36	18,7
Оксфордшир	59	846,1	17	29,0	43,5	5,3	16	27,1	108,8	12,8	10	16,9	128	15,1	4	6,7	68	8,0	12	20,3	497,8	58,8
1279 г.																						
Бедфордшир	55	163,8	48	87,4	101,5	62,0	3	5,4	15,8	9,7	4	7,2	46,5	28,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Бекингемшир	41	141,0	32	78,1	71	50,8	6	14,6	39	27,4	3	7,3	31	21,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Кембриджшир	252	529,3	234	92,9	373,3	70,7	13	5,1	89	16,8	4	1,6	47,5	8,9	1	0,4	19,5	3,6	—	—	—	—
Гентингдоншир	125	288,3	101	87,9	187	64,3	11	9,5	77,8	27,7	3	2,6	23,5	8,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Оксфордшир	249	1074,8	183	73,6	512,0	48,0	45	18,0	299,5	27,6	17	6,8	194,8	18,1	3	1,2	43,5	4,0	1	0,4	25	2,3

группы крупных вотчинников, владевших 10—15 плугами пахоты, и более чем в 2 раза (с 44,1% до 21,8%) сократился удельный вес ее землевладения. За счет этих групп увеличился удельный вес группы средних вотчинников (в численном отношении в 2 раза, а по удельному весу находившейся в их руках земли почти в 3 раза). Но особенно возросло значение в этих сотнях группы мелких вотчинников. Вместо 9 таких владельцев в 1086 г. мы насчитали в 1279 г. 32 вотчинника. Столь же краспоречивы данные по Кембриджширу. И здесь к 1279 г. среди светских субдержателей полностью исчезла группа вотчинников с 20 плугами пахоты и более, а группа крупных владельцев с 10 плугами пахоты и более сократилась в количественном отношении без малого в 2 раза, а по удельному весу находившихся в их руках площади — почти в 3 раза (с 34,0% в 1086 г. до 12,5% в 1279 г.). Значительный урон понесла здесь и группа средних вотчинников: число их в процентном отношении сократилось почти в 6 раз (с 29,0% до 5,1%), а площадь принадлежавшей им пахоты — более чем в 2 раза (с 35,7% до 16,8%). Зато слой мелких вотчинников в этом графстве увеличился почти в 7 раз, площадь же их землевладения — почти в 6 раз (с 65,5 плуга до 373,3 плуга). Не менее поразительны и сдвиги во владельческом облике слоя светских субдержателей в двух остальных графствах. В Гентингдоншире удельный вес группы крупных вотчинников сократился количественно более чем в 6 раз (с 17,0% до 2,6%), а по принадлежавшей ей пахотной площади — в 5,5 раза (с 45,2% до 8,0%), в Оксфордшире соответственно с 43,9% до 8,4% (т. е. в 5 раз) и с 81,9% до 24,4% (т. е. почти в 4 раза). Значительно сократилась в этих графствах и группа средних вотчинников, в особенности по удельному весу землевладения: в Гентингдоншире — с 28,7% до 9,5% и в Оксфордшире — с 27,1% до 18,0%. В то же время группа мелких вотчинников возросла в Гентингдоншире с 19 до 101 человека, т. е. более чем в 5 раз, а в Оксфордшире — с 17 до 183 человек, т. е. почти в 11 раз (!). Удельный вес их землевладения увеличился в Гентингдоншире с 20,5% до 64,3% всей субинфеодированной в светские руки пахоты и в Оксфордшире с 5,3% до 48,0%.

Такова картина владельческого расселения светских субдержателей по отдельным графствам. Локальные различия, как мы видим, весьма значительны, они становятся еще большими, если сопоставлять данные не по графствам, а по отдельным сотням. Единственно возможное статистическое обобщение всего этого материала может быть представлено в виде исчисления средних процентов по всем графствам по соответствующим группам владельцев (табл. 17-а).

Таблица 17-а

Год	Мелкие вотчинники		Средние вотчинники		Крупные вотчинники	
	% к общему числу субдержателей	% к общей площади их владений	% к общему числу субдержателей	% к общей площади их владений	% к общему числу субдержателей	% к общей площади их владений
1086	48,6	20,2	24,4	24,4	23,0	55,4
1279	83,0	59,1	10,4	21,8	5,7	19,4

Итак, если удельный вес группы крупных вотчинников в среде светских субдержателей сократился в среднем в 4 раза, а группы средних вотчинников — более чем в 2 раза⁵⁶, то группа мелких вотчинников по своему

⁵⁶ Интересно отметить, что группа мелких вотчинников в среде светских субдержателей возросла намного быстрее, чем слой светских субдержателей в целом. Так, в Кембриджшире число светских субдержателей увеличилось в 3 раза, а число мелких вотчинников — в 7 раз; в Гентингдоншире число первых возросло более чем в 2 раза, а число вторых — более чем в 5 раз; в Оксфордшире число светских суб-

удельному весу увеличилась без малого в 2 раза. Иными словами, в пределах изучаемого района класс субдержателей состоял уже в 1279 г. на $\frac{4}{5}$ из мелких вотчинников (владельцы менее 5 плугов пахоты).

Чтобы составить себе хоть сколько-нибудь приблизительное представление о том, какими материальными ресурсами мог обладать такого рода вотчинник, надо было бы знать не только размер его пахоты, но по крайней мере: а) стоимость его иммунитетных привилегий, б) доходы маноримальной курии, в) доходы с общинных земель и скотоводства и, наконец, г) стоимость баналитетов и целый ряд других статей доходной части их бюджета. Но, к сожалению, наши источники оставляют нас в полном неведении относительно всего этого. Однако, учитывая, во-первых, что главную долю дохода сельский лорд извлекал из ренты, связанной с землевладением, и, во-вторых, что землевладение данного разряда держателей в абсолютном большинстве случаев ограничивалось рамками одной сотни и тем более рамками одного графства, мы можем получить хотя бы приблизительное представление об имущественном облике их на основе данных RH. Мэтланд установил, что 1 гайда земли в годы составления DB «стоила» 1 фунт⁵⁷. К моменту расследования Эдуарда I доходы с земли значительно возросли. В RH мы находим «гайды», приносившие 2—4 ф., но мы не встречали случая, когда гайда пахотной земли приносила бы в изучаемом районе многим более 5 ф. в год. Эту максимальную стоимость в охватываемых нашими подсчетами районе Англии мы и можем взять за основу при оценке «доходов» различных групп субдержателей.

Выше мы имели возможность убедиться в том, что около 84% субдержателей-вотчинников, учтенных нами для 1279 г., являлись владельцами менее 5 плугов земли. Принимая условно фискальный плуг и фискальную гайду за идентичную величину, мы должны будем заключить, что «земельный доход» держателя 4 плугов не должен был быть многим более 20 ф. в год. О том, что именно эта сумма считалась в изучаемый период имущественной гранью для класса *milites*, свидетельствуют многочисленные королевские постановления начиная с 20-го года царствования Генриха III и кончая законодательством Эдуарда I⁵⁸. Однако по данным RH вотчинами в 4—5 плугов среди светских субдержателей обладало не более $\frac{1}{5}$ всего числа мелких вотчинников. Остальные же $\frac{4}{5}$ владели вотчинами площадью менее 4 плугов. Следовательно, их «земельные доходы» должны были колебаться между 5—15 ф. в год. В итоге нетрудно будет заключить, что преобладающая часть мелких субдержателей изучаемого района стояла в 1279 г. намного ниже той грани, которая была совместима с несением военно-рыцарской службы за свой счет.

Естественно, что охотников принимать рыцарское звание (а с ним все обременительные повинности) должно было уже в XIII в. быть не очень много⁵⁹. Повторные указы Эдуарда I о припущении к этому всех землевладельцев определенных имущественных категорий косвенно свиде-

держателей возросло более чем в 3 раза, а число мелких вотчинников в их среде — почти в 11 раз. Эти данные позволяют воочию убедиться в том, что мелкие вотчины возникли главным образом в результате распада давно уже субинфеодированных фьефов, т. е. «первоначальной» фьефной структуры Англии.

⁵⁷ F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 444.

⁵⁸ См. W. Stubbs. Select Charters, p. 372. В указе Эдуарда I от 1278 г. мы читаем: «...distringas etiam sine dilatione... qui habent XX libratas terrae... et milites esse debent en non sunt» (ibid., p. 457). Характерны колебания «рыцарского ценза» в сторону повышения. Так, аксизой 1282 г. боевого коня и соответствующее вооружение должны были приобретать обладатели земли с доходом в 30 ф. (ibid., p. 418); согласно указу 1285 г. к приятию рыцарского звания принуждались фригольдеры с доходом в 100 ф. в год (ibid., p. 457).

⁵⁹ См. Morris. The Welsh Wars of Edward I. Oxford, 1901, p. 35 ff. Cp. E. Miller. The State and Landed interests in 13 c. France and England. GRRHS, 5 ser. II, 1952, p. 141; N. Denholm-Young. Feudal Society in the XIII c.— «History», N. S. XXIX, 1944, p. 107 ff.

тельству о том, что этой «чести» всемерно избегали⁶⁰. Прямым результатом такого сужения материальной базы военно-рыцарской системы было то, что в конечном счете в начале XIV в. рухнула вся военно-рыцарская структура английского землевладения⁶¹. Только в свете данных о владельческом облике класса мелких вотчинников становятся вполне объяснимыми те жалобы на пехватку рыцарей в графствах даже для составления жюри (необходимого для нормального функционирования королевской юрисдикции), которые раздаются на протяжении всего XIII в. и засвидетельствованы в петиции баронов⁶².

Итак, паходившийся между слоем крупных и средних светских вотчинников, с одной стороны, и верхушечным слоем «свободного крестьянства» — с другой, слой мелких вотчинников являлся в значительной своей части новообразованием. В нем следует видеть наиболее важный результат социальной эволюции английского феодального дворянства в целом. Основное ядро этого слоя составляли, по-видимому, простые свободные — хотя и преуспевающие — люди, которых комиссары 1279 г. сплошь и рядом не считали даже достойными самого по себе малозначащего титула *dominus*, которым выражался социальный престиж человека в феодальном обществе. Однако именно в этом слое были заложены предпосылки удивительной живучести английского дворянства как класса.

Попробуем кратко подытожить сделанные выше наблюдения по вопросу о направлении эволюции светского вотчинного землевладения.

1. Два века, отделяющие RH от DV, были временем интенсивной «миграции» землевладения из рук крупной англо-нормандской знати в руки средних и мелких вотчинников. Юридической формой этого процесса была субинфеодация земли, и прежде всего держателями *in capite*. Прогрессирующая дезинтеграция светского землевладения, рассредоточение его среди все возрастающего числа вотчинников, находившихся на низших ступенях феодальной иерархии, может считаться отличительной чертой социальной истории не только английского дворянства в XI—XIII вв.⁶³

2. Результатом этого процесса было оскудение феодальных ресурсов у части старой англо-нормандской знати, потерявшей к концу XIII в. значительную долю своих «первоначальных» земельных владений. Одновременно в огромной степени возросла совокупная мощь слоя мелких светских субдержателей-вотчинников, в большинстве владельцев единичных рыцарских феодалов или мелких долей таковых, слоя, являвшегося генетическим предшественником английского джентри более позднего периода. Этим определилось и непрерывное возрастание роли этого слоя феодалов в политической истории Англии XII—XIII вв.

3. Выше мы были свидетелями того, в какой мере процесс субинфеодации приводил к деформации изначально «типических» вотчин и, следовательно, к резкому возрастанию удельного веса «атипических» вотчинных форм на светской земле (см. гл. I). Так как эти новообразованные вотчины были незначительными по размеру и обладали лишь незначительными крепостническими ресурсами (либо таковые вообще отсутствовали), их владельцы, в массе своей мелкие вотчинники, были поставлены в экономические условия, неотвратимо толкавшие их на путь перестройки всей системы феодального присвоения в соответствии с новыми возможностями, открывшимися для них, — интенсивным развитием товарно-денежных отношений.

4. Так выявляется прямая и тем не менее упорно не замечавшаяся *связь между процессом имущественной эволюции феодального дворянства, с од-*

⁶⁰ W. Stubbs. Select Charters, p. 457.

⁶¹ S. Painter. Studies..., p. 68 ff.

⁶² W. Stubbs. Select Charters, p. 386, c. 28: «in pluribus comitatibus pro defectu militum non potent capi aliqua magna assisa...». Cp. N. Denholm-Young. Feudal Society in the XIII c. History N. S., XXIX, 1944, p. 114—115.

⁶³ См. ниже, § 4.

ной стороны, и эволюцией вотчинных форм, а следовательно, форм феодальной ренты — с другой. Иными словами, барщина коммунуется не только потому, что она становится «нерентабельной» формой феодального присвоения, но прежде всего потому, что она, ввиду распада крупной вотчины на мелкие и разнородные осколки, становится *невозможной*⁶⁴. Отсюда и вынужденная «прогрессивность» мелкого вотчинника в условиях XII—XIII вв. Вот почему именно на долю мелкого и частично среднего вотчинника выпадает миссия быть бродилом не только питающего его процесса разложения *традиционной* (крупновотчинной) системы феодальной эксплуатации, но и всего процесса преобразования в переустройстве самой феодальной вотчины на основе денежной ренты.

5. Наконец, умножение класса феодальных собственников при одновременном дроблении феодальной собственности и оскудении феодальных ресурсов в руках значительного слоя феодалов указывает определенным образом на один из факторов так называемой феодальной реакции в Англии XIII в., т. е. наступления на жизненный уровень крестьянства с целью увеличения массы высасываемого из него прибавочного продукта.

§ 4. О некоторых факторах разложения светского старовотчинного землевладения в Англии XII—XIII вв.

Сравнительное изучение данных, почерпнутых из кадастров Вильгельма и Эдуарда I, выявило весьма далеко идущие сдвиги в распределении земельной собственности в среде светских феодалов Англии между концом XI и концом XIII в.⁶⁵ Этот поистине исторической важности факт сравнительно быстрого и неуклонного разложения старовотчинного землевладения на материале различных стран констатировали в отношении Франции XII—XIII вв. Люшер⁶⁶ и Бутрюш⁶⁷, на материале Англии преимущественно XIV в. Д. М. Петрушевский⁶⁸ и многочисленные историки отдельных бароний и, наконец, С. В. Веселовский, изучая боярское землевладение в России XIV—XVI вв.⁶⁹ Однако все эти исследования столь единодушны в констатации самого факта, весьма далеки от согласия между собой, когда они пытаются ответить на основной по своей важности вопрос: какие факторы нарушали стабильность феодального землевладения на определенной ступени социально-экономической эволюции указанных выше стран? Бутрюш⁷⁰ и Веселовский⁷¹ склонны прежде всего

⁶⁴ В мелких вотчинах либо отсутствует домен, либо вилланы, либо барщины больше, чем способен поглотить домен, либо нет ни домена, ни вилланов.

⁶⁵ В данном контексте термин «старовотчинное землевладение» призван характеризовать ту структуру землевладения, которая фиксирована в DB. Разрушая эту структуру, действительность XII—XIII вв. приводила к созданию новых типов крупной вотчины, новой структуры, по центр тяжести этого процесса приходится уже на XIV—XV вв. (см. нашу статью «Эволюция феодального землевладения в Англии XI—XIII вв.» — «Вопросы истории», 1953, № 11).

⁶⁶ A. Luchaire. La noblesse.—Lavisse. Histoire de France, v. III. Paris, 1925, p. 368.

⁶⁷ R. Boutruche. Aux origines d'une crise nobiliaire.—«Annales», t. I, N 2, 1939, p. 161—162.

⁶⁸ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М., стр. 369.

⁶⁹ С. В. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947, стр. 181.

⁷⁰ Не отрицая «традиционную» точку зрения о разрушительном влиянии Столетней войны (les dévastations de la guerre), Бутрюш выдвигает еще две дополнительные причины: дарения церкви и дробление при наследовании фьефов (см. «Annales», t. I, № 2, 1939, p. 17; *ibid.*, № 3, 1939, p. 257; *idem*. La crise d'une société. Paris, 1947. Ср. E. Perrin. La seigneurie rurale en France, p. 234: «...Les causes essentielles... Les donations aux Eglises. Les partages successoraux et les inféodations»).

⁷¹ «Равный раздел фьефов,— читаем мы в указанной монографии,— приводил к постоянному дроблению вотчин, а наделение сестер приданым обременяло эти раз-

подчеркивать значение в этом процессе фактора «биологического» (а именно «размножения» класса вотчинников, обусловившее чрезмерное дробление вотчин при переходе их по наследству), как и фактора психологического — «благочестия», толкавшего дворян на обширные дарения церкви.

Однако хорошо известно, что политическая обстановка в Англии XII—XIII вв. была совершенно отлична от обстановки во Франции XIV в., и тем не менее Англия со всей определенностью переживает свой «кризис старой знати». С другой стороны, господство в Англии института майората в значительной степени устраняло действие фактора «размножения» класса вотчинников. Равный же раздел вотчин между наследниками (при отсутствии мужского потомства) не может рассматриваться как основная причина всего процесса в целом. В свою очередь Д. М. Петрушевский, для которого социальная сторона феодализма почти полностью ограничивалась рамками барщинной системы, по существу сводит кризис крупновотчинного землевладения к кризису крепостнического манора. При этом основной фактор, обусловивший этот кризис, Д. М. Петрушевский усмотрел в *коммутации* натуральных повинностей вилланов и в переводе манориального хозяйства на рельсы товарно-денежной экономики⁷², другими словами, то, что должно быть объяснено, приводится здесь в качестве объяснения. Не входя здесь в подробный разбор всей концепции Д. М. Петрушевского, мы только заметим, что взаимосвязь указанных фактов социальной истории Англии рисуется им обратной, что коммутация является сплошь и рядом лишь обратной стороной процесса возобладания мелко-вотчинных форм землевладения, *вынудившего* перейти прежде всего мелких вотчинников от одной формы феодального присвоения к другой⁷³. Отнюдь не пытаясь решить здесь проблему разложения старовотчинного землевладения в целом, мы преследуем более скромную цель: рассмотреть на материале доступных нам источников некоторые факторы *английского варианта* указанного процесса, которые обычно остаются в тени при его *истолковании*.

* * *

Вопрос о роли вассально-ленных отношений в эволюции старовотчинного светского землевладения XI—XIII вв. не должен казаться ни парадоксальным, ни тем более слишком очевидным⁷⁴. Это следует в особенности иметь в виду, когда речь идет о вассально-ленной системе Англии в период правления Нормандской и первых представителей Анжуйской династии. Как известно, одна из важнейших особенностей этой системы заключалась в том, что не только ее вершиной, но и движущим принципом здесь была королевская власть. Совпадение в одном лице феодального сюзеренитета и политического суверенитета в масштабе всей страны наделяло королевскую власть феодальной Англии могуществом, совершенно неизвестным феодальным монархиям той поры на континенте. Иными словами, могущество феодальной монархии — в XII—XIII вв. в Англии проявлялось не в преодолении и подчинении леной системы, а в ее ожив-

дробленные вотчины долгами. Эти два фактора... были едва ли не главными (!) причинами разложения старого феодального землевладения» (стр. 50, 51, 181—189).

⁷² Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, стр. 364—369.

⁷³ Следовательно, вся «прогрессивность» слоя мелких вотчинников такая же *вынужденная* и исторически обусловленная, как и антивещная структура мелкой вотчины.

⁷⁴ С одной стороны, так называемая манориальная историография проходит мимо этой стороны проблемы. Манориальный строй и феодальное государство рисуются ей если не как два совершенно обособленных мира, то во всяком случае как «миры», редко соприкасающиеся. С другой стороны, «цепочный метод», при котором анализ строится по принципу «как должно было бы быть», не позволяет подчас исторически верно истолковать ее сущность.

лении и укреплении. Но став эффективным орудием политической централизации страны, эта система в то же время сохранила, хотя и в сильно урезанном и сжатом виде, центробежный элемент, изначально присущий феодальной государственности как таковой. Отсюда известная противоречивость ее исторической роли и в Англии. Если в странах континента это сказывалось в остром антагонизме между «цивилизующими» и централизаторскими устремлениями короны, с одной стороны, и феодальным сюзеренитетом ее конкурентов — с другой⁷⁵, то в Англии ее выражением был известный «договорный» элемент в конституировании самой королевской власти, обусловленный ее сюзеренитетом над территорией страны.

Как известно, установившаяся в результате нормандского завоевания в Англии королевская власть обладала здесь столь значительными политическими и экономическими ресурсами⁷⁶, что вся феодальная иерархия, служившая ей не только опорой, но и противовесом, *так и не смогла, несмотря на неоднократные попытки, ни подорвать ее силу, ни возобладать над ней*, подчинив ее политику исключительно своим узкоолигархическим интересам⁷⁷. Феодальная монархия нормандских и анжуйских королей, воздвигнутая с самого начала на основании значительно более широком⁷⁸, чем в современных ей государствах по ту сторону Ламанша, располагала и значительно большими средствами для вторжения в сферу отношений феодальных собственников, чем это было совместимо с «органическим» ростом и развитием этих отношений. Более того, именно это могущество королевской власти в Англии, вытекавшее в известной мере из специфических условий, сложившихся в результате завоевания⁷⁹, должно было в реальной действительности превратиться из фактора, стимулирующего устойчивость феодальной иерархической структуры землевладения, в фактор, ее расшатывающий и содействующий ее относительно быстрому и раннему разложению. Рассмотрим некоторые линии взаимосвязи между функционированием английской ленной системы и владельческой структурой светского землевладения.

Из всех феодальных прав английской короны по отношению к непосредственным ее держателям наибольшее внимание до сих пор привлекало требование военно-рыцарской службы⁸⁰. Многочисленными исследователями⁸¹ твердо установлено, что необходимость для баронов являться по зову короля с определенным контингентом рыцарей привела уже в середине XII в. к субинфеодации⁸² — фактическому отчуждению

⁷⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 302.

⁷⁶ См. выше, т. I, § 5.

⁷⁷ Cp. Ch. Haskins. Norman Institutions. Cambridge, 1925, p. 3—5; T. E. T. Plucknett. Concise History of the Common Law. New York, 1940, p. 12—14.

⁷⁸ Историческая роль знаменитой Сольсберийской присяги Вильгельму I хорошо иллюстрируется одним из документов начала XIII в. В нем подвассалы грозят своему сеньору Иоанну: «Si predictum Iohannes a servitio domini regis... recesserit et ad inimicos domini regis diverterit, ipsi cum omnibus tenementis suis ad dominum regem se divertent et ad ipsum Iohannem nunquam postea... reversari». (См. Rotuli de oblatiis et finibus tempore regis Iohanni ed. T. D. Hardy. Record Commission. London, 1835, p. 494—495).

⁷⁹ Конечно, развитие городов и значительный слой свободных крестьян в дальнейшем усилили это могущество, но отрицать политические и социальные последствия 1066 г. значит игнорировать важную черту английской истории XI—XII вв.

⁸⁰ I. E. Baldwin. Scutage and Knight Service in England. Chicago, 1891; S. K. Mitchell. Studies in Taxation under John and Henry III. New-Haven, 1914; F. J. Sanders. Feudal Military Service in England. London, 1956; H. Chew. The English Ecclesiastical Tenants-in-Chief and Knight Service. Oxford, 1932; S. Painter. Studies..., p. 20 ff. Cp. J. H. Round. Feudal England, p. 225.

⁸¹ Кроме указанных только что работ, см.: F. M. Stenton. The First Century..., p. 101; A. L. Poole. Obligations of Society in XII and XIII c.— Oxford, 1946, p. 48 ff.

⁸² Так, в баронии Aincourt 50% ее ресурсов хватило лишь на то, чтобы обеспечить 72% ее servitium debitum, в баронии Chokes — 73% на то, чтобы обеспечить 95% квоты (см. S. Painter. Studies..., p. 28—29).

значительной части их владений, что не могло не сказаться (уже очень рано) на степени стабильности «изначальной» структуры феодального землевладения в этой стране. Правда, с распространением (к концу XII в.) практики коммутации военно-рыцарской службы денежным платежом⁸³ необходимость в дальнейшем субинфеодации с целью обеспечить себя требуемой квотой рыцарей для баронов миновала. Однако к этому времени акты субинфеодации успели уже значительно распилить земельные ресурсы многих непосредственных держателей короны. Среди других повинностей держателей рыцарских фьефов материально наиболее весомой был рельеф — платеж при наследовании отцовского имения⁸⁴. С экономической точки зрения рельеф был одним из самых очевидных проявлений *реальности* феодальной собственности сюзерена во владении вассала⁸⁵. Хотя во времена Генриха I рыцарские фьефы были уже, как правило, держаниями наследственными⁸⁶, тем не менее обязанность каждого нового поколения держателей уплачивать сюзерену рельеф, размер которого определялся по «его воле», практически превращала рыцарские владения в пожизненные⁸⁷. Псулдата рельефа влекла за собой конфискацию держания⁸⁸. Хорошо известны жалобы хроник на вымогательство Вильгельма II, заставлявшего наследников непосредственных держателей короны «выкупать» (т. е. уплачивать «покупную цену» в качестве рельефа) отцовские владения. Недаром эти действия короля расценивались современниками как посягательство короля на «собственность» каждого подданного⁸⁹. Как известно, Генрих I, желая расположить к себе баронов, пришел пужным в своей хартии специально оговорить, что впредь наследники не должны будут «выкупать свои владения», как это делалось в правление его брата, а будут уплачивать «справедливый» и «законный» рельеф⁹⁰. Однако обещания хартии Генриха I оказались слишком слабой гарантией от возраставших денежных appetitов фиска.

Несмотря на то, что памятники XII в. уже знают обычный размер рельефа, взимаемого с рыцарского феода, они не могут еще указать, сколько должны платить в качестве рельефа держатели баронии⁹¹.

⁸³ Первое упоминание о коммутации военно-рыцарской повинности в указе I го года Генриха I см. в EHR, XXXVI, 1921, p. 45. Cp. Book of Seals, № 528: сын держателя времени DB отчуждает землю «...per terciam partem servicii unius militis ita quod servicium suum totum debet redimere... per XX solidos».

⁸⁴ В отличие от других стран Западной Европы, в которых рельеф взимался с держателя феода при смене лорда (так называемый *Perrenfal*) (см. R. Schröder, *Lehrbuch der Deutsche Rechtsgeschichte*. Leipzig, 1903, S. 43), английские юристы XIII в. отрицают право нового лорда на получение рельефа (см. Bracton, f. 84). Однако Гленвиль (*Tractatus*, IX, 8) признает право нового лорда требовать от своих держателей субсидию, пропорциональную их держанию.

⁸⁵ Наиболее осязательно собственность сюзерена проявлялась в том, что после смерти держателя он *вступал во владение* его держанием до тех пор, пока наследник (если он был совершеннолетним) не уплатит рельефа и не принесет омажа. В связи с этой практикой и стоял платеж (*oustre le main*) за передачу владения.

⁸⁶ F. Pollok and F. W. Maitland. *History*, I, p. 29. Cp. формуляр дарственных грамот первой четверти XII в. — Book of Seals, № 41, 46.

⁸⁷ См. W. S. Holdsworth. *A History of English Law*, v. III, p. 55: «The hereditary principle was still struggling for recognition»; C. D. Douglas. *Some Early Surveys from the Abbey of Abbingdon*. — EHR, v. XLIV (1929), p. 618 ff.

⁸⁸ См. Rot. de oblatiis, p. 171: «Iohannes de Monte Acuto... disseisitus fuit... propter quod deest reddendum de 100 L. pro relevio terre sue».

⁸⁹ Anglo-Saxon Chronicles, ed. C. Plummer. Oxford, 1892—1899, p. 234, Anno 1099.

⁹⁰ W. Stubbs (ed.). *Select Charters*, p. 100: «Si quis baronum comitum meorum sive aliorum qui de me tenent, mortuus fuerit, haeres suus non redimet terram suam sicut faciebat tempore fratri mei, sed iusta et legitime relevatione relevabit [eam] similiter et homines baronum meorum iusta et legitima relevatione relevabunt terras suas de dominis suis».

⁹¹ R. de Glanvill, VIII, 4: «Rationabile relevium... de feodo unius militis centum solidos... de baroniis vero nihil certum statutum est. Cp. *Gesetze der Angelsachsen*. ed. F. Liebermann. Halle, 1903, Bd. I, S. 507; *Leis Willelme*, cc. 20—20, 2.

Потребовались события 1215 г., чтобы в Великой Хартии был, наконец, фиксирован размер рельефа бароний в 100 ф. ст. паряду с рельефом рыцарского феода в 100 шилл.⁹² В этой статье Великой Хартии, может быть, наиболее выпукло отразилась борьба светских феодалов за укрепление своих владельческих прав перед лицом постоянной угрозы (в особенности при таких королях, каким был Иоанн Безземельный) полного воеобладания «королевского *dominium*» в феодальной сосуществовности. И с этой точки зрения Великая Хартия была значительным успехом баронства. Однако до полного торжества его было еще далеко. У нас имеется немало свидетельств, говорящих о том, что еще очень долго после хартии 1215 г. размер рельефа барона оставался делом «договора» наследника фьефа с королевской курией⁹³. Но если даже допустить, что в практике казначейства в правление Генриха III и Эдуарда I преобладали «законные» рельефы, то и в этом случае последние представляли собой тяжелую повинность, разорительность которой станет особенно очевидной лишь при выяснении вопроса, как часто она выплачивалась⁹⁴. Вопрос о том, как часто приходилось выплачивать рельеф из ресурсов одного и того же владельческого комплекса, представляет для нас огромный интерес не столько сам по себе, сколько потому, что он перерастает при более близком исследовании в более общую проблему о длительности сроков владения для каждого данного поколения держателей, о степени стабильности материальных ресурсов вотчины, о возможности в ней элементов расширенного воспроизводства, о возможности накопления в феодальной среде.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники⁹⁵ не позволяют ставить и решать эти вопросы в полном объеме. Тем не менее они содержат сведения, которые с этой точки зрения представляют несомненный интерес. Так, мы попытались определить продолжительность владельческих титулов в среде непосредственных держателей короны в первые три десятилетия правления Генриха III. Нельзя сказать, чтобы эти годы (особенно начальные) были исключительно мирными, однако в ряду других отрезков времени они, бесспорно, могут быть названы таковыми. Приведем ряд примеров, почерпнутых из фискальных источников, чтобы проиллюстрировать характер данных, положенных в основу нижеследующих подсчетов. В записи под 1218 г. значится, что некий Гальффрид Фландрский уплатил 20 марок рельефа за землю своего умершего брата Аларда Фландрского (*Rot. finium*, I, p. 15). Но не прошло и двух лет (1220 г.), и в нашем источнике появилась запись о том, что во владение данным фьефом вступил Генрих, наследник Аларда (!), уплатив те же 20 марок рельефа (*ibid.*, p. 57). Когда умер Генрих, нам неизвестно, по из записей под 1235 г. мы узнаем, что Вальтер, сын и наследник Генриха Фландрского, уже находится под опекой (*ibid.*, p. 29). Таким образом, в течение 15 лет на этом фьефе успело смениться три лорда.

⁹² W. Stubbs. *Select Charters*, p. 297, § 2.

⁹³ Характерен формуляр соответствующих записей в документах казначейства: «[*talis*] fecit finem cum domino rege pro relevio». Приведем лишь некоторые примеры. В 1220 г. Ричард де Паркурт дал согласие получить наследственные владения за фыйн в 500 ф. ст. (*Rotuli finium*, I, p. 58); столько же согласился уплатить Нигель Мовбрау в 1224 г. (*ibid.*, p. 113); Иоанн, сын Алана, заключил с королем соглашение о выплате фыйна 1000 ф. ст. (*ibid.*, p. 417).

⁹⁴ Если даже предположить, что впрямь строго придерживались установленных хартией размеров рельефа, то и тогда он должен был забирать у баронов весьма значительную часть их годового дохода. Так, из 41 баронии, для которых Найнтер («*Studies...*», p. 57) подсчитал, правда, очень грубо, их доходы, в конце XII — начале XIII в. имели доход свыше 500 ф. 3 баронии; 300—400 ф.— 3; 200—300 ф.— 5; 100—200 ф.— 14 и менее 100 ф. ст.— 16. Таким образом, из 41 баронии 30 должны были в среднем потратить годовой доход для уплаты рельефа.

⁹⁵ См. ниже, стр. 137.

Даже учитывая специфику средневековых условий, это — неслыханно быстрая смена владельцев. В 1219 г. некий Адам, сын Адама de Kellel, обещал 31 солид за землю умершей матери Матильды (*ibid.*, p. 31). Но этой землей Адам владел менее трех лет, так как в 1222 г. его наследник Ормер de Kellel согласился уплатить 5 марок рельефа за владение Адама (*ibid.*, p. 94). Но и Ормер оказался здесь недолговечным, так как через шесть лет источник сообщает, что Адам, сын Ормера, унаследовал отцовские владения (*ibid.*, p. 179). Таким образом, с 1219 по 1228 г., т. е. на протяжении 9 лет, эта вотчина успела перейти уже к третьему владельцу. В 1222 г. Оливер Avenel и Агнеса, его жена, уплатили за 1/2 фьефа 50 сол. (*ibid.*, p. 79) рельефа. В 1226 г. Оливера уже не было в живых, а его наследник был передан вместе с вотчиной под опеку Томаса de Blunvill, уплатившего королю за это 100 сол. (*ibid.*, p. 143). Вот еще несколько примеров перемещений ряда владений в правление Генриха III. Владения фамилии Pipard: 1225 г.— Вильгельм (*ibid.*, 127), 1228 г.— Вильгельм, сын Вильгельма (*ibid.*, p. 170), 1244 г.— опека короны (*ibid.*, p. 416). Владения фамилии Bradeford: 1236 г.— Александр, сын Александра (*ibid.*, p. 307); 1245 г.— в руках короля (*ibid.*, p. 433); 1249 (?) г.— Сибилла, дочь Александра (*ibid.*, II, p. 52); 1249 г.— ее наследник Иоанн (*ibidem*); 1268 г.— Александр, сын Иоанна (*ibid.*, p. 476). Владения фамилии Quatremares: 1222 г.— Вильгельм (*ibid.*, I, p. 94); 1243 г.— Адам (*ibid.*, p. 273); 1243 г.— Адам умер (*ibid.*, p. 402). Владения фамилии de Cauz: 1224 г.— Иоанн Birkin (*ibid.*, I, p. 116); 1227 г.— Томас Birkin (*ibid.*, p. 162); 1230 г.— Роберт и Изабелла Everingham (*ibid.*, p. 206).

Каков же общий результат наших подсчетов продолжительности владельческих титулов в XIII в. по данным этого источника? Из 100 родовых владений в период между 1218 и 1242 гг. 21 в среднем пребывало в одних руках до 2 лет, 12 — до 4 лет, 7 — до 6 лет, 8 — до 8 лет, 9 — до 10 лет, 18 — до 15 лет, 11 — до 20 лет, 14 — более 20 лет. Иначе говоря, 40 вотчин пребывало в одних руках менее 6 лет и почти 2/3 (57) — менее 10 лет. При этом следует помнить, что здесь учтены лишь перемещения по наследственной линии. Сюда не вошли ни конфискации, ни продажи, ни залого, ни обмены и т. п. Вместе с тем мы уже указывали, что данный отрезок времени не был ни временем исключительных смут, ни временем исключительных морей — это были обычные, даже «мирные и благополучные» годы царствования Генриха III. И тем не менее нас не поразить скоротечность владельческих титулов в среде феодалов.

Феодалные права и обычаи (даже в условиях английского «правового» государства) — господство кулачного права в мирное время, участие в военных походах, уход под сень церкви и в «святую землю», а также моры и т. д. — все это вместе взятое, не говоря уже о других факторах, делало владельческие титулы значительной части вотчинников поразительно кратковременными, преходящими, мимолетными. Даже учитывая возможную случайность многих примеров, их свидетельства тем не менее заставляют нас серьезно задуматься над многими вопросами средневековой экономической и социальной истории.

Таким образом, рельефы, поглощавшие сплошь и рядом намного больше одного годового дохода фьефа, даже если они были «справедливыми и разумными», обрушивались столь часто, что многие владельцы не успевали их выплачивать, оставляя наследникам вместе с родовым владением весьма внушительные долги казначейству⁹⁶. Однако обнаружившаяся

⁹⁶ См. ниже, стр. 139—140. Кроме того, держатели первой руки при вступлении во владение фьефом обязаны были уплатить королю *primer seisin* — платеж, заменивший первоначальное право лорда вступать во владение фьефом после смерти его владельца и получать его доходы до вступления во владение наследника (см. F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 291).

быстрая смена светских владельцев влекла за собой и другие отрицательно влиявшие на экономическую стабильность вотчин факты: необычайно высокий процент малолетних наследников, подлежавших вместе с их владениями феодальной опеке, с которой было связано право опекуна распоряжаться браком подопечных⁹⁷. Рано превратив право на опеку и контроль над браком наследников и наследниц — владельцев рыцарских земель — в одну из весьма доходных статей бюджета, королевская курия со времени Генриха II в значительной мере перешла на «деловую» точку зрения при распоряжении судьбами фьефов и их владельцев⁹⁸. Вместе с тем корона широко пользовалась этими правами как рычагом политического и экономического воздействия на феодальных баронов, расстраивая негодные брачные союзы, притесняя и разоряя одних баронов и возвышая и вознаграждая других⁹⁹.

С другой стороны, так как опекун в течение всей опеки являлся почти совершенно бесконтрольным хозяином «опекаемых» им владений, то пет ничего удивительного в том, что охотников обзавестись опекой было много. Получив у короны право на опеку, опекун рассматривал ее точно так же, как любое иное имущество: он продавал, обменивал, закладывал и передавал его по наследству. Само собой разумеется, что с интересами хозяйственной стабильности вотчины при этом абсолютно не считались. Поэтому легко себе представить, как зачастую должна была выглядеть подопечная вотчина к моменту перехода ее в руки наследника. Оказавшись временным распорядителем вотчины, опекун, естественно, стремился выжать из нее максимальную ренту хотя бы ценой полного ее разорения. Приведем несколько примеров. Ричард Ruffus, будучи опекуном манора Kimbolton, присвоил себе из домена 20 волов, 5 коров, 3 мула и вырубил в лесу более 200 дубов, построил себе дом в Лейстере и роздал 42 дерева

⁹⁷ Сюзерен, как правило, осуществлял это право не только по отношению к наследникам, но и к наследникам. Совершеннолетие мужичины по общему праву наступало в 21 год, а женщины в 14—16 лет. В случае отказа наследницы или наследника от предложенной им «партии» они должны были уплатить «файн» опекуну в сумме *valor maritagii*, т. е. цены, которую предлагали за их руку претенденты. Строго преследовала королевская администрация нарушителей своих прав опеки и контроля над браком наследников. См., например, *Rot. finium*, I, p. 61: «*Robertus de Muscegross finem fecit nobiscum per 300 m... pro relaxatione de excessu quem erga nos fecit eo quod sine licencia nostra duxit in uxorem Helevisiam*». *Ср. Rot. de oblatiis*, p. 398.

⁹⁸ Приведем несколько примеров. Гуго de Nevill предложил за опеку наследника Джозефа de Standep 30 марок. Однако его предложение было отклонено, так как Джозеф de Sco-Martino предложил за эту опеку 50 марок. На другое предложение Гуго de Nevill король ответил: «Если же кто даст больше..., пусть опека будет его, если только упомянутый de Nevill не согласен будет уплатить столько же» (он предложил 30 марок за опеку неюей наследницы) (*см. Rot. de oblatiis*, p. 174, 175, 192). Знатные вдовы и подопечные нередко предлагали казне крупные суммы за право самостоятельно вступать в брак. Так, графиня Алиция обещает уплатить 1000 ф. ст. с тем, чтобы господин король «не принуждал ее к замужеству» (*ibid.*, p. 239).

⁹⁹ Так, благодаря бракам возвысились такие бароны, как Вогин и эрл Глостерский: первый — женившись на дочери Эдуарда Солсберийского, второй — благодаря наследнице Mandevill (*см. S. Painter. Studies...*, p. 69. *Ср. A. L. Poole. Obligations of Society...*, p. 74). В повседневной практике курия право «опеки» и распоряжения браком вассалов очень часто служило формой вознаграждения королевских слуг и приближенных. См., например, *Rotuli de liberate ac de Misis et Praestitis regnante Iohanne*, ed. I. H. Hardy (Record Commission), London, 1844, p. 53: «*Mandamus vobis quod faciatis, quod Ascelina de Quatervilla recipiat dilectum nostrum Petrum de Riperia in maritum et si hoc noluerit et ipsa finem fecit nobiscum faciatis eidem Petro habere... Matildam de Dyva... cum terra sua*». Но так как, по-видимому, ни та ни другая не согласилась на это, мы в тех же свитках читаем новый указ: «*Mandamus vobis quod sine dilacione faciatis habere dilecto et fideli nostro Petro de Riperia unum maritatum quod valet 80 marcas ubi illud inquirere poterit in Anglia*» (*ibid.*, p. 40). Совершенно очевидно, что дело заключалось в том, что король должен был наделить его землей стоимостью в 80 марок и, по-видимому, свободной земли под рукой не было.

своим родным (Rot. de Dom., р. 46). Томас, сын Бернарда, был опекуном наследника Гильберта de Monte. Ежегодная рента неподпечной вотиши составляла £ 4.15.5, но если бы домен был снабжен «должным образом» скотом, т. е. имел бы волов для двух плуговых упряжек, 4 коровы, 1 бык, 5 свиней, то рента составила бы £ 8.10.5. За 8 лет своего опекуинства он свел с домена весь скот (ibid., р. 29). Адам, сын Роберта, был опекуном майора Gayton (Липк.). За время опекуинства он из 600 «подопечных» овец продал 260 и присвоил себе выручку в £ 40.11.8; 280 овец погибло. Выручку за их шкуры в сумме £ 4.12.0 он тоже присвоил себе. Осталось после него всего 60 овец (ibid., р. 9). Подобных примеров множество. К тому же часто опекуны по торопились возвращать владения достигшим совершеннолетия наследникам¹⁰⁰.

О том, что эти явления были массовыми, свидетельствует Великая Хартия 1215 г., фиксирующая запрет опустошать владения неподпечных, принуждать вдов к вторичному замужеству и «принижать» наследниц неравным браком¹⁰¹. Мы еще не остановились на многих других платежах, лежавших на владельцах рыцарских феодалов и поглощавших немалую долю их феодальной ренты¹⁰². Нет сомнения, что они могли бы прибавить дополнительные черты к ранее вырисовывавшейся картине. Но и в настоящем ее виде она недвусмысленно свидетельствует о том, что *пока шла борьба между короной и ее вассалами за фиксирование феодальных обязанностей последних, т. е. за разграничение и фиксирование материальных прав каждого из феодальных собственников земли*¹⁰³, *повсеместная практика феодальных отношений сама по себе успела нанести серьезный удар по стабильности владельческой структуры светского землевладения Англии. Когда же к концу XIII в. и началу XIV в. материальные права феодальных собственников были в общем введены в твердое русло, то оказалось, что к этому времени в значительной мере изжила себя сама основа вассальных отношений — феодная система светского землевладения.*

В том же направлении воздействовали на крупновотчинную структуру землевладения и публичноправовые прерогативы королевской власти¹⁰⁴ и эффект этого воздействия должен был быть тем большим и все-

¹⁰⁰ Цит. у А. Poole. Op. cit., 101—103. Rot. de Oblatis, р. 410: Ральф, сын Бриена, жалуется королю, что хотя он уже достиг совершеннолетия (iam aetatem habet), его опекун не возвращает ему землю.

¹⁰¹ W. Stubbs. Select Charters, р. 297, сс. 3, 4, 5, 8.

¹⁰² На первом месте среди них стоят так называемые auxilia — феодальные субсидии вассала своему лорду. Эти платежи стали уже более или менее регулярными в XII в., хотя Брактон (f. 36b) еще в середине XIII в. склонен подчеркивать скорее их добровольный, чем обязательный характер (ср. W. Blackston. Commentaries on the Laws of England, v. II. London, 1854, р. 63; F. Pollak and F. W. Maitland, I, 331). Великая Хартия 1215 г., как известно, ограничила право сеньора требовать субсидии от своих вассалов тремя случаями: выкуп сеньора из плена, посвящение в рыцари его старшего сына и замужество его старшей дочери. Однако размер «субсидии» был фиксирован лишь в 1275 г. (статутом 3 Edw. I, с. 36). Немаловажное значение в бюджете феодального владения должны были играть расходы, связанные с посещением феодальной курии лорда, фэйны при отчуждении и другие платежи. Само собой разумеется, что вассалы то и дело перекладывали все эти платежи на плечи своих держателей-землевладельцев. В III множество случаев, когда к платежу «щитовых денег» и auxilia привлекаются как свободные крестьяне, так и вилланы (см. р. 705, 706, 707, 708, 709 и др.). Тем не менее то, что выкачивалось ими в пользу сеньоров, могло бы в других случаях *остаться* в их собственных руках. В этом и заключается «узел противоречий» внутри феодального класса.

¹⁰³ Именно в этом заключалась одна из главных целей баронской войны и последовавшего за ней законодательства (см. Т. F. T. Plucknett. Legislation of Edward I, р. 51). Важно помнить, что эта борьба велась не только между короной и ее непосредственными вассалами, но и между последними и их субвассалами: статутий, реллефы, подмоги, опеки, выкуп брака наследников и другие повинности лежали на держателях (на рыцарском праве) всех степеней. См. «Select Charters», р. 298.

¹⁰⁴ На публичноправовой основе собирались, например, «датские деньги», прекратившиеся только с 1162 г. и замененные при Ричарде I и Иоанне Безземельном под названием hidagium и sacagium. На этой же основе собирались «десятины» и

объемлющим, чем шире был круг землевладельцев, подвергавшихся ему. Английское «правовое» государство было несомненным благом для класса вотчинников. Но это благо стоило им подчас недешево. Правовая защита была сплошь и рядом лишь проявлением милости короля, а милость приходилось в прямом смысле слова покупать¹⁰⁵. Тесное соприкосновение коронной администрации с каждым свободным держателем приводило к тому, что нужда в этих «милостях» становилась довольно частой. Если к этому присовокупить такие экстраординарные проявления королевского суверенитета, как массовые конфискации и перемещение земель, имевшие место во время смут и баронских восстаний, а также опустошение многих вотчинных гнезд, которым последние сопровождалось, влекшее за собой неминуемое разорение многих вотчинников, то трудно будет удержаться от заключения, что королевские конфискации, столь часто обрушивавшиеся на светских владельцев, должны были самым разрушительным образом воздействовать на изначальную владельческую структуру светского землевладения.

Итак, политика централизации, осуществлявшаяся королевской властью в Англии XII—XIII вв. и выражавшаяся прежде всего в утверждении феодальных прерогатив короны, имела своим объективно-историческим результатом фундаментальные сдвиги в распределении феодальной собственности, а следовательно и феодальной ренты, в среде светских лендлордов. Решающим направлением этих сдвигов было усиление тех прослоек владельческого класса, которые объективно служили опорой централизаторским усилиям короны, — средних и мелких вотчинников.

* * *

Относительно раннее развитие в средневековой Англии товарно-денежных отношений — факт широко известный. Поэтому естественно попытаться выяснить, как влияли эти отношения на стабильность того «баланса собственности», который был зафиксирован в 1086 г. в среде светских лендлордов. Иначе, говоря, нельзя ли установить взаимосвязь между поразительной текучестью светского вотчинного землевладения того времени, его расщеплением и распылением и процессом втягивания светских вотчинников в рыночные отношения. Выше мы уже имели возможность убедиться в том, каких значительных размеров достигали подчас денежные обязательства светских вотчинников королю. Естественно, что нужды дворянства в деньгах как средстве платежа и обмена должны были намного увеличиться по мере «товаризации» их личного потребления¹⁰⁶. О том, что денег у светских землевладельцев с течением времени все более не хватало¹⁰⁷, свидетельствуют многочисленные факты вынужденных рассрочек даже сравнительно небольших фискальных платежей на долгие годы и десятилетия. Приведем только некоторые примеры. Гуго де Брау и Беатриса, его жена, должны были казне 16 марок, король разрешил им выплачивать эту сумму в течение 8 лет, т. е. по 2 марки в год (*Rot. finium*, II, p. 44). С Вильяма de Ferrariis казне причиталось 300 ма-

«двадцатинны», т. е. налоги с движимого имущества, ставшие регулярными налогами при Эдуарде I. — См. I. Willard. *Parliamentary Taxes on Personal Property (1290—1334)*. Cambridge Massachusetts, 1934.

¹⁰⁵ Отнюдь не всегда эти процессы уравнивались созданием по воле короля новых крупновотчинных комплексов (см. нашу статью «О некоторых факторах разложения светского вотчинного землевладения». — Сб. «Средние века», вып. VIII).

¹⁰⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 302—303: «В то время в Англии царил большая роскошь; распространены иностранные товары (итальянские), ...рыцари в шелковых одеждах, роскошные кони».

¹⁰⁷ Обратной стороной «денежного кризиса» являлось образование денежных кладов. См. RH, II, 11: «Dicunt quod quoddam forcerium inventum fuit ad domum Willelmi Gerund in Hertewelle... in quo fuit magna pecunia auri et argenti».

рок, и так как король разрешил ему вносить ежегодно по 20 ф. ст., то вся сумма долга была таким образом рассрочена на 10 лет (*ibid.*, p. 19). Долг некоего Генриха de Cokefeud исчислялся в сумме 80 ф., но так как ему разрешено было вносить ежегодно по 1 ф., то казна могла рассчитывать на погашение этого долга лишь через 80 лет (*ibid.*, p. 373). Наконеч, Ричарду de Cornherde, задолжавшему фиску £ 447.9.9, было разрешено вносить в год только по 64 шилл., иначе говоря, долг был рассрочен более чем на 150 лет (*ibid.*, p. 328).

Нужда дворянства в деньгах как средство платежа не менее отчетливо проявляется и в тех случаях, когда вместо различных фэйфов королевской курии предлагается личная служба и поставки натурой. Очевидно, что такие формы платежа не только раскрывают натурально-хозяйственную основу феодального бюджета, но и дают представление о характере воздействия на нее товарно-денежных отношений. Вместо платежа за разрешение жениться на дочери Генриха de Oilly Мауритий de Gant обещает отправить на службу короля 20 рыцарей (*ibid.*, p. 469; ср. p. 513, 514). Естественно, что «коммутация» денежных платежей воинами практиковалась чаще всего во время войн. В мирное же время королю сплошь и рядом предлагают коров и кашлунов, волов и лошадей, мясо и сыры — одним словом то, чем наполнены амбары и дворы феодального поместья. Так, например, Вильям de Breose предлагает королю 10 быков и 10 коров за то, чтобы получить освобождение от обязанности сопроводждать короля из Шотландии в Лондон (*Rot. de Oblatis*, p. 79, 239). Вильям de Stutevill обещает королю 10 верховых лошадей за право выдать свою дочь замуж за Ричарда de Egremont (*ibid.*, p. 68). Филипп, сын Роберта, предлагает казне 100 ф. ст. и вдобавок 100 окороков и 100 сыров за право опеки над наследниками и владениями Ивона de Munbi (*ibid.*, p. 29).

В таких условиях вполне естественно, что каждая неотложная нужда (*urgens negotium, magna necessitas*) в более или менее значительной сумме денег, пущая независимо от обычных сроков получения феодальных рент, должна была неминуемо иметь светских вотчинников к порогу христианских и иноверных ростовщиков. Она могла быть вызвана потребностью собраться по вызову короля или на очередной турнир, необходимостью выкупиться из плена или приобрести рыцарские доспехи для достигшего совершеннолетия сына, обеспечить приданое дочери, стремлением приобрести опеку или соседний замок, неожиданно обрушившимся штрафом и т. п. На огромную роль задолженности феодальных землевладельцев ростовщическому капиталу как фактора разложения феодального способа производства уже давно обратил внимание К. Маркс¹⁰⁸. На почве средневековой Англии эта роль вырисовывается с полной отчетливостью. С фактами задолженности светских владельцев *фиску* мы сталкиваемся здесь уже в первых из дошедших до нас Свитках казначейства¹⁰⁹.

Еще более многочисленными являются свидетельства памятников XII—XIII вв. о задолженности светских лордов частным лицам — ростовщикам. Так, в опубликованной долговой книге фламандского ростовщика середины XII в. Вильяма Cade¹¹⁰ мы находим длинный перечень должников, в разное время занимавших у него деньги. Среди них мы встречаем и высших сановников того времени, таких, как Вильям Mauduit и Генрих

¹⁰⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 147: «...В античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебей, который заменяется рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса».

¹⁰⁹ См. *The Great Rolls of the Pipe, of the 2, 3 and 4 H II.* Ed. J. Hunter, L. 1844, p. 75, 153, 176.

¹¹⁰ ENR, v. XXVIII, 1913, p. 210: «*Hic est comptus debitorum Willelmi Cade de quibus ipse habuit cartas debitorum.*»

Фитц-Геральд — управляющий королевским двором, Манассер Bisset — стюард короля, королевских судей: Вальтера Фитц-Роберта, Ричарда de Peestrie и др. В списке его должников значатся графы Глостерский, Лейстерский, Мандевилль и многие обладатели бароний, такие как Эрнальд de Bosco, Сегер de Quency, Бернард de Sancto Valery и др.¹¹¹

Масса сведений о задолженности светских лордов частным лицам в конце XII и в XIII в. может быть почерпнута из фискальных и судебных памятников этого времени. Так, например, в 1199 г. в королевскую курию обратился некий Вильям de Haverhull с предложением передать в пользу казны $\frac{1}{3}$ долгов, если она поможет ему взыскать остальные $\frac{2}{3}$. Общая сумма этих долгов составляла £212.5.0; в приложенном списке фигурировало 13 должников (Rot. de oblatiis, p. 13). 8 должников числилось в списке, переданном фиску для взысканий неким Вальтером Russel (ibid., p. 410). 34 должника фигурируют в Свитках казначейства 6-го года Иоанна Безземельного под заголовком «De debitis Aaroni»¹¹². О том, что в лице многих из них перед нами заделкавшие дворяне, свидетельствуют красноречивые приписки: «super villam suam», «super terram de...». В XIII в. задолженность светских лордов ростовщикам (не говоря уже о задолженности фиску) становится поистине столь распространенной, что никакое число примеров не может создать даже приблизительного представления о ее размерах¹¹³.

Проблема задолженности дворянства ростовщикам стала уже в начале XIII в. проблемой общенациональной. Это обстоятельство отразилось в § 34 «баронских статей» (ставшем § 10 Великой Хартии), требовавшем, чтобы проценты на долги не росли в период между смертью должника и совершеннолетием его наследника¹¹⁴, а также в § 35 указанных статей (или в § 11 Великой Хартии), который устанавливает, чтобы после смерти должника в первую очередь получили должное обеспечение его вдова и дети, что же касается требований кредиторов, то они должны были удовлетворяться лишь из оставшейся части имущества умершего¹¹⁵. Два параграфа посвящены проблеме дворянской задолженности и в «баронской петиции» Оксфордскому парламенту 1258 г.— 25—26. В последнем из них прямо указывается, что из-за ростовщических процентов (per eorum usuras) многие обнищали и разорились (plures depauperantur et destruuntur)¹¹⁶.

¹¹¹ ENR, № 110, 1913, p. 240.

¹¹² Pipe Roll. 6, 10h., p. 65—63. Сделать заем было в то время делом легким, об этом свидетельствует тот факт, что король нередко брал на себя функцию ходатая перед ростовщиками о предоставлении займа своим приближенным. Так, в одном из своих «открытых писем» Иоанн Безземельный просит магистра тамплиеров одолжить Стефану de Pertico 500 ф. ст. и гарантирует, что они будут возвращены «de terra sua» (Rot. litterarum patentium, I (1202), p. 11).

¹¹³ Роберт de Berkley «ob magnam necessitatem suam» прибегнул к займу в 240 марок (NB, № 1574); Вальтер de Lucy, как выяснилось после его смерти, должен был ростовщикам из Герарфорда 805 ф., и, кроме того, оксфордширскому ростовщику £ 150.13.4. Таким образом, его долг частным лицам достигал £ 955.13.4 (см. Rot. finium, I, p. 445). Роджер de Glaforde задолжал, сверх £ 10.12.2 фиску, различным ростовщикам в общей сложности £ 399.10.0. Трудно сказать, какова была бы судьба его вотчины, если бы король не простил ему долги «за достолавную службу и деятельную помощь» (pro laudabile servicio et strenuo adiutorio) (Close Rolls, II III, p. 425). Мы слышим, что Яков de Raunton во время баронской войны сделал большой заем (magnum pecuniam sumptam... mutuo capiti) (ibid., p. 425), что граф Глостерский, Ричард de Clare, оставил после себя долгов торговцам 480 марок, Хью de Hundeville — 300 марок и 88 марок другим (Rot. parl., I, p. 8), что Питер de Maloloco задолжал лондонским ростовщикам 2 тыс. марок (Close Rolls, II III, p. 264—268, d. 285).

¹¹⁴ W. S t u b b s. Select Charters, p. 298.

¹¹⁵ Ibid., p. 298.

¹¹⁶ Ibid., p. 385—386. Любопытный образчик грабительской практики ростовщиков мы находим в Свитках парламента. Аббат de Burdeleg получил займы у флорентийских балкиров, обосновавшихся в Лондоне, 300 марок; срок выплаты долга вместе с процентами — 6 лет, на что он выдал вексель. Впоследствии, однако, лов-

До сих пор мы пытались только констатировать факт массовой и с течением времени все возрастающей задолженности светского землевладения. Обратим теперь наше внимание на те последствия, которые вытекали из этого факта. Хорошо известно, что государственное регулирование долгового права в ту эпоху было весьма слабой гарантией интересов ростовщиков. Займы «на слово» (*per fidem*) должника уже очень редко встречались в ту пору. Значительно чаще мы слышим о займах «по поручительству» (*per plegium*). Однако, как и следовало ожидать, наиболее распространенными были займы под залог земли. Поэтому даже в тех случаях, когда источники умалчивают о форме обеспечения займа, вернее всего будет предположить, что имело место именно последнее, т. е. ипотека.

Английское средневековое залоговое право знало как живой залог (*vadium vivum*), так и залог мертвый (*vadium mortuum*)¹¹⁷. Если в первом случае долг и проценты на него¹¹⁸ погашались с земли, переданной ростовщику в обеспечение долга, то во втором случае сумма долга (а нередко также и проценты) должны были выплачиваться должником из своих ресурсов, несмотря на то, что кредитор тем временем пользовался доходами с заложенной у него земли. Приведем два примера. Ричард Miles согласился уплатить за приобретение прав церковного патрона 60 марок. Но так как наличных денег у него, по-видимому, не было, то сделка была заключена таким образом, что Ричард заложил за указанную сумму половину виллы Chafhunte сроком на 4 года с тем, чтобы в течение его долг был покрыт с доходов заложенной части виллы. С другой стороны, Гуго de Culleworth заложил землю на 7 лет, в течение которых он должен уплатить Вальтеру 180 марок, в случае же, если платеж будет просрочен, заложенное владение «навсегда перейдет к Вальтеру» и его наследникам (*Pl. Abbr.*, p. 194). Это типичный залог английского права XII в. В первом случае земля возвращалась к должнику как бы автоматически после истечения срока, на протяжении которого доходы с нее шли на погашение долга; во втором случае возвращение земли зависело полностью от платежеспособности должника, так как просрочка платежей необходимо влекла за собой потерю владения¹¹⁹.

Конечно, наши сведения о залогах земли светскими лордами, как и предыдущие сведения об их задолженности, внешне разрозненны и несут на себе печать эпизодичности. Однако большое число подобного рода свидетельств, встречающихся в источниках, в которых они сами по себе являются случайными, не оставляет сомнений в том, что они отражают правило экономического быта этого класса, а не исключение из него¹²⁰. С залогами земли мы встречаемся уже на страницах DB (II, 137, 143, 247). Впоследствии залоговые участились в связи с крестовыми походами, когда нуждавшиеся в деньгах рыцари не особенно задумывались над будущей судьбой своих владений. Любопытно заметить, что этой финансовой нуждой, обусловленной порывом благочестия, очень часто пользовались монашьяри, чтобы прибрать землю крестоносцев в свои руки. Так, из грамоты, датированной 1112 г., мы узнаем, что некий Альдрик Latimarus заложил свою землю в виллах Farnham и Helune (Сеффок) за 35 марок серебром

кие итальянцы заставили аббата подписать новое обязательство о передаче им безвозмездно 42 тюков шерсти (см. *Rot. parl.*, I, p. 1).

¹¹⁷ F. Pollock and F. W. Maitland, II, p. 118; W. Holsworth. A History of English Law, II, p. 162.

¹¹⁸ Иллюстрацию «нормы» процентов в Англии в начале XIII в. мы находим в *Rot. Litterarum Clausarum* I (1245), p. 220: «Mutuum cepit X marcas sub usuram XII m.». Ср. *Fines, sive Pedes finium*, ed. I. Hunter, vol. I, London, 1835 (7 Ric. I), p. 153—154.

¹¹⁹ Именно по такому принципу строились все выкупные сделки после баронской войны. См. ниже, стр. 152.

¹²⁰ См. Hazeltine. *The Cage of Land in Medieval England.*—*Harvard Law Review*, v. XVII, 1904, p. 549; v. XVIII, p. 36.

монастырю св. Эдмунда¹²¹. В течение XII в. залоги земли стали столь распространёнными, что Гленвиль уже ощущал потребность дать развернутую трактовку залогового права, в частности ипотеки¹²². К началу XIII в. ипотека стала широко распространённой практикой в среде лендлордов. Иоанн Безземельный то и дело вынужден был специальными грамотами разрешать непосредственным держателям короны закладывать свои земли. Так, мы узнаем, что Генриху de Ruteas, «принявшему крест» (*crucesignatus*), разрешено заложить землю сроком на 2 года (*Rot. Litt. Patentium*, I, p. 3). Ральфу de Pontibus разрешено заложить свою землю на 6 лет (*ibid.*, p. 1), Регинальду de Pontibus залог земли разрешен на 3 года (*ibidem*). Число подобных примеров только для этого царствования очень велико¹²³. К массовым залогам своих земель прибегнули в 60-е годы XIII в. участники баронской войны, вынужденные выкупать свои земли у новых владельцев¹²⁴.

Развитие ипотеки неминуемо вело к внедрению в светское феодальное землевладение отношений аренды, являвшейся важным фактором в разложении маноральной системы¹²⁵. Д. М. Петрушевский привлек наше внимание к аренде преимущественно в условиях XIV в.¹²⁶ Однако наши источники позволяют говорить о широком распространении аренды уже в XI—XIII вв.¹²⁷ При этом в отличие от чисто феодальной вечнонаследственной аренды мы наблюдаем в XII и особенно в XIII в. аренду относительно краткосрочную и, что наиболее важно, аренду, условия которой с течением времени все более определенно наполняются «экономическим содержанием», о чем свидетельствует довольно подвижная шкала арендных сроков и рент¹²⁸. Весьма вероятно, что аренда за фиксированную и годичную

¹²¹ D. C. Douglas (ed.). *Feudal Documents of Abbey of Bury St. Edmund's*. London, 1952, № 172.

¹²² См. Glanville, X, с. 6, 8—11.

¹²³ Ср. *Curia Regis Rolls*, ed. C. T. Flower, v. I, London, 1922, p. 137, 217, *passim*. Приведем некоторые из них. Итрам Патрик одолжил у Роджера, сына Вильяма, 156 ф. под залог своей земли (*super villam suam*) (*Rot. de oblatis*, p. 77). Гуго de la Vale заложил свой манор Tivenhel некоему Вильяму de Miles сроком на 12 лет (*Rot. Curia Regis*, II, p. 37); жене Вильяма Albinaco разрешается продажа и залог земли, чтобы выкупить из плена своего мужа (*Rot. Litt. pat.*, I, p. 187). Для этой же цели разрешается залог земли Ральфу de Normanvill (*ibid.*, p. 167). Роджер de Vency в начале XIII в. заложил свой манор Stanstead лондонскому ростовщику за долг в £ 280.17.4 (*VCH of Hertford*, II, 48). Элиас Ridel заложил половину манора de Rumerle (*VCH of Hertford*, II, p. 211); Роберт Malherbe заложил свой манор в графстве Бельфорд (*VCH of Bedford*, II, p. 291); Генрих de Lek заложил у Томаса de Cledesoye 2 каруки земли в вилле Gilling на 12 лет (*Rot. Litt. Claus.*, p. 141).

¹²⁴ Обычно это были «мертвые» залоговые с условием: если должник просрочит платеж, залог переходит к кредитору пачечно.

¹²⁵ Аренда за символическую плату, как справедливо заметил еще Мэтланд, являлась скрытой формой «живого залога» (*F. Pollok and F. W. Maitland*, II, p. 121).

¹²⁶ См. «Восстание Уота Тайлера», стр. 178. О распространении аренды в XIII в. свидетельствует возникновение специального иска «*quare ejecit infra terminum*» в защиту имущественных прав арендаторов. С другой стороны, защищаются интересы и лордов против недобросовестных арендаторов. См. Вестминстерские провизии, § 20 и Мальбороский статут, ст. 28 (*Statutes*, I, p. 19; *W. Stubbs*, *Select Charters*, 404).

¹²⁷ Р. Ленард недавно по-новому осветил вопрос о распространении и характере аренды в Англии в конце XI — начале XII в. (см. «*Rural England*», p. 119 ff).

¹²⁸ Вот некоторые типические примеры: Вильям de Sifrewast сдал в аренду (*dimisserit ad firmam*) свой манор на срок 20 лет (*Rot. finium*, I, p. 428); Томас, сын Евстахия, держит в аренде манор de Gretetford сроком на 18 лет (*Rot. de Oblatis*, p. 385); Ральф de Willton сдал свою землю в аренду на 4 года (*Rot. cur. Reg.*, II, 214); Ральф de Thoynu сдал свой манор Welcunestove в аренду Иоанну de Gisoris сроком на 6 лет (*Rot. finium*, I, p. 344); Иоанн de Lega сдал свой манор на срок «до тех пор, пока арендатор получит 10 урожаев» (*donec inde perciperit decem vesturos*). Скорее всего это — скрытый залог (*Close Rolls*, II III (1265) p. 397). Об условиях такой аренды мы слышим лишь изредка. Ильберт Montferraunt сдал в аренду свой манор сроком на 6 лет за 20 ф. ст. ежегодной ренты (*VCH of Surrey*, III, p. 142); Намо de Valon сдал в 1237 г. в аренду свой манор Ticesi на 7 лет за ежегодную ренту в 40 ф. ст. (*Close Rolls*, II III, 1265, p. 97)

стоимость земли преобладала в подобного рода сделках. Только однажды нам встретилась аренда на условиях половничества. Вильям de Merk сдал Адаму de Cesterlon «totam terram suam» сроком на 5 лет «ad medietatem Carbarum»¹²⁹. И хотя эта аренда, как правило, еще ничего не меняла в способе эксплуатации, ибо фирмарию только на время ставились на место манориальных лордов, тем не менее она нарушала административно-хозяйственную целостность владельческих комплексов, расшатывала устойчивую крепостническую барщинную поместья, делала землевладение более мобильным и подверженным влиянию товарно-денежных отношений.

Если задолженность феодального дворянства была результатом как обязательств, вытекавших из ленной системы, так и вовлечения его в сферу товарно-денежных отношений — очевидным проявлением глубоко лежащих противоречий феодального способа производства, то она в свою очередь вела неминуемо к образованию в Англии оживленного «земельного рынка». Так как деньги, сравнительно рано ставшие для феодального класса общепризнанным средством платежа и обмена, в то же время противостояли землевладению как «чужое богатство» и не находили в феодальном хозяйстве достаточного эквивалента (в движимых стоимостях), они с неизбежностью экономического закона должны были зтпнуть в сферу товарооборота недвижимости — землю, товарная стоимость которой вытекала уже из самой феодальной монополии на нее. Причем это втягивание должно было происходить тем интенсивнее, чем большей становилась диспропорция между указанной ролью денег в повседневной жизни дворянства и суммой товарных стоимостей в его руках. О продажах, т. е. об отчуждении земельных владений за «полную цену», за определенное число годовых реянт, мы слышим уже в самом начале изучаемого периода¹³⁰. В 1147 г. Гуго Tirel отправился во второй крестовый поход, и чтобы достать необходимые средства (ad iter suum de Jerusalem), он продал манор Langham Гервазию de Cornhill за 100 марок серебром¹³¹.

Об оживленном земельном рынке, существовавшем в Англии в последнюю четверть XII в., красноречиво свидетельствует возникновение специальной судебной процедуры, призванной придать купле-продаже земли юридическую силу¹³². Случаев отчуждения вотчин или их частей — множество. В течение XIII в. «земельный рынок» стал настолько оживленным, что законодательство вынуждено было регулировать его в интересах сохранения ленной системы¹³³. Все чаще в составе земельных владений феодальных вотчинников этого времени встречаются указания на «de purgatio» («de adquisitio», «ex emplo», «ut purgatum» (Rot. Curia Regis, II, p. 88) и, наоборот, все меньшее число владельцев могло сослаться на непрерывную линию наследования, восходящую к 1086 г.

Чтобы составить себе хоть приблизительное представление о том, каким интенсивным был поток земельных отчуждений в стране в XII—XIII вв., весьма поучительно проштудировать те разделы «Victoria County History», которые трактуют владельческую историю всех маюров данного

¹²⁹ Close Rolls, II III (1265) p. 97. Договор этот содержит ряд любопытных подробностей раннего половничества.

¹³⁰ DB, II, 357b, 358. В дарственных грамотах этого времени все чаще встречается клаузула, перечисляющая среди прав нового владельца право dare, vendere invadiare и т. п.

¹³¹ Book of Seals, № 84.

¹³² См. *ibid.*, № 105. Вкратце сущность этой процедуры заключается в следующем: заинтересованные стороны затевали в коронном суде фиктивную тяжбу из-за земли, являвшейся объектом отчуждения. Во время судебного разбирательства тяжущиеся стороны обращались к судьям с просьбой разрешить им за плату прийти к «полобовному соглашению», содержание которого вносилось в судебный протокол. Таким образом, сделка и ее условия как бы получали силу судебного приговора (Fines, A. D. 1195—1214, p. I—III). Наиболее ранние примеры этой практики восходят к 28-му году Генриха II.

¹³³ См. выше, стр. 131 сл.

графства (manorial descent). Нами были изучены с этой точки зрения графства: Бедфордшир, Гентингдоншир, Серри, Сессекс, Гертфордшир, Несомптоншир, Гемпшир и частично ряд других графств. Хотя попытка статистической обработки этих данных не увенчалась успехом (из-за разнородности этих данных)¹³⁴, тем не менее обнаружившаяся в них динамика землевладения более чем знаменательна. Мы отобрали лишь те маноры, для которых «владельческая история» для XII—XIII вв. может считаться более или менее установленной. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие судьбы ряда вотчин. В графстве Серри из 31 манора, для которых в большей или меньшей степени отчетливо устанавливается владельческая история для 70-х годов XII в., 19 были отчуждены самими владельцами, 8 — отчуждены вследствие конфискации и только 4 манора, т. е. около 13,0% от общего числа, беспрерывно переходили по наследству. В графстве Бедфорд manorial descent для светских вотчин был установлен с большей или меньшей достоверностью для 67 маноров. Из них отчуждались на протяжении XII—XIII вв. 49 маноров, сменили своих хозяев вследствие конфискации 11, и только 7 (или 10,0%) переходили по наследству¹³⁵. Из 18 светских маноров в графстве Вустер были отчуждены их владельцами 16 и 2 — вследствие конфискации короля. Таким образом, ни один из них не оставался в руках «изначальных владельческих родов»¹³⁶. Из 101 светского манора в Гентингдоншире 78 отчуждались владельцами, дробились в процессе отчуждения, для 14 маноров мотивы отчуждения либо неясны, либо виною их были королевские конфискации и только 9 (9,0%) переходили по наследству в старых владельческих фамилиях¹³⁷. Из 24 светских маноров в Гемпшире, для которых может быть с большей или меньшей достоверностью прослежен manorial descent, — 9 отчуждались владельцами (в действительности процент продаж должен быть увеличен, так как сюда не вошли маноры, для которых не указаны основания отчуждения), 10 перешли в другие руки вследствие конфискаций и только 5 (20,0%) оставались в том же роду¹³⁸. В Гертфордшире из 50 маноров 39 были отчуждены своими владельцами, 5 сменили владельцев вследствие конфискации и только 6 (11,7%) переходили по наследству¹³⁹. В Бекингемшире из 34 светских маноров 32 были отчуждены (некоторые по нескольку раз) на протяжении XII—XIII вв. и в значительной степени раздроблены в процессе отчуждения, 2 манора перешли из рук в руки вследствие конфискации; беспрерывного наследования владельческого титула нельзя было отметить ни в одном из этих маноров¹⁴⁰. Несмотря на иллюстративный характер этих подсчетов, из них тем не менее можно заключить, во-первых, что процент светских вотчин, переходивших по наследству в течение XII—XIII вв. в одном и том же роде, был *незначительным*, не превышая 10—15% общего числа подсчитанных вотчин, и следовательно, дробление владений при наследовании не может полностью объяснить обнаружившийся процесс дезинтеграции вотчинного землевладения¹⁴¹ и, во-вторых, что *отчуждения по экономическим мотивам абсолютно преобладали над всеми другими отчуждениями, вместе взятыми*.

До некоторой степени итоги распродаж родовых владений мы находим в RH 1274 г., фиксирующих ответ на вопрос королевской инструкции, «quod feoda milites alienata» (RH, I, 150). И хотя комиссары интересовались в первую очередь отчуждениями земель непосредственных держате-

¹³⁴ Главной помехой на этом пути является «темнота» XII в., для которого manorial descent огромного числа маноров не может быть выяснена.

¹³⁵ VCH of Bedford, v. III, p. 36 ff.

¹³⁶ VCH of Worcester, III, p. 5 ff.

¹³⁷ VCH of Huntingdon, III, p. 57 ff.

¹³⁸ VCH of Hampshire, V, p. 83.

¹³⁹ VCH of Hertford, III, p. 3.

¹⁴⁰ VCH of Buckingham, III, p. 47.

¹⁴¹ См. выше, гл. II, § 2.

лей короны, жюри иногда фиксировали поистине любопытные факты распыления родовых владений. Выше мы были свидетелями относительно быстрой эволюции английского общего права XII—XIII вв. в сторону все большего освобождения земли от феодальных новинностей и севанности. Больше же нетрудно убедиться в том, что общее право только легализовало повседневную экономическую действительность. О некоем Роджере de M[er]lay присяжные Порсемберленда сообщают, что «X Libratas terre» в вилле Horsley он передал Вильяму Godvin, 2 карукаты земли и мессуагий в вилле Bampton — некоему Иоанну, сыну декана, 160 а — Ричарду de Sancto Petro, 1 карукату земли — Роберту de Cambou, 7 боват земли — Вильяму, сыну Ральфа, 4 боваты — Николаю из Лондона (RH, II, 23). Подобный же «мартиролог» составили присяжные и родовому владению Роджера Bertram¹⁴². Петру de Mitford и его наследникам он продал виллу Glanleley, а тот в свою очередь продал ее Вильяму de Astentoft. Некоей Агнесе Couwdecine указанный Роджер передал виллу Swarland, оговорив себе ренту в 1 денарий при стоимости виллы в 40 марок. Агнеса перепродала ее Тому de Karliol, Вильяму, сыну Ральфа, Роджер продал виллу de Quergaris. Приору de Brinkeburn он продал карукату земли в Quenwode. Лес в Westrineside он продал некоему Роберту de Hinston и 1 карукату земли в Qnergar' некоему Роберту de Galmethorpe. Таким образом, из 5 рыцарских феонов всей баронии de Milford он продал 3¼ феода; наконец, он не остановился перед тем, чтобы продать и получаемую им ренту (servicium).

Землевладение потеряло свою былую устойчивость, пезыблемость, былую святость и неприкосновенность. В правление Эдуарда I слушалось интересное дело о том, как Уильям, в нарушение всех установлений общего права по отношению к наследникам, не остановился перед тем, чтобы продать родовую землю (in exheredacionem dicti Henrici). Когда ему было предложено выкупить ее, он красноречиво ответил, что для этого у него нет денег (non habet pecuniam)¹⁴³. Но именно потому, что церковь, с одной стороны, и горожане — с другой, имели деньги, они и пользовались все обострявшейся нуждой дворян для приобретения рыцарских феонов. В Англии никаких сословно-юридических преград для этого не было.

О проникновении церкви в дворянские владения пространно трактовалось выше¹⁴⁴. Теперь же остановимся хотя бы кратко на фактах проникновения в земельное владение денежных людей города. Такие факты уже в XIII в. крайне многочисленны. Приведем некоторые из них. В середине XIII в. некий Мартин de Chingford держал манор того же названия, и мы ничего не могли бы сказать о социальном прошлом этого манориального лорда, если бы не случайная оговорка, что он «quondam [fuit] civis Londo-

¹⁴² RH, II, 17. Естественно, что при желании можно найти много примеров концентрации землевладения, являвшейся обратной стороной распродаж. Приведем несколько таких примеров. В 1204 г. некий Филлип, сын Ральфа, спросил у короля «подтвердительную» грамоту на свои владения, состоявшие: из 10 а леса, приобретенных у Ричарда de la Gare, 2 а пахоты — у Гильберта Chibole, 8 а земли и ренты в 1 денарий — у Адама, сына Ричарда, 8 а земли и 8 денариев ренты — у дочери Годвина и т. д. Всего мы насчитали 17 различных покупок земли и ренты (см. Rot. Chartarum, 131). Роберт de Luches составил себе вотчину из 27 акров, приобретенных в 5 различных феодах; 6 vg он держал в качестве ¼ рыцарского феода от Иоанна de Mortoun; 1 vg — за ренту в 5 сол. от Томаса Braunkelaupe; 7 vg — за службу 1/3 рыцарского феода от Вильяма Scrop; 1 vg — за ренту 1 ден. в год. от Иоанна de Scascario; 6 vg — за ренту в 1 фунт тмина от того же Иоанна; 6 vg — от графа Корнуольского (RH, II, 724). О том, что подобной деятельностью не ограничивались и магнаты, недвусмысленно свидетельствует один из параграфов «петиции баронов» 1258 г., прямо указывающий на скупку магнатами заложенных у ростовщиков поместий и долгов с целью завладеть землями мелких владельцев (см. W. Stubbs. Select Charters, p. 385).

¹⁴³ Pl. Abbr., p. 203. О Вильяме de Hanvill мы узнаем, что он держал от короля виллу de Broyerwyk и полностью распродал ее по частям 7 различным покупателям (RH, II, 17).

¹⁴⁴ См. выше, стр. 88 сл. Ср. T. A. M. Bisho p. Monastic Demesne and the Statute of Mortmain. — BHR, XLIX, 1934, p. 303 ff.

nie» (Close Rolls, 50 Н III, p. 184). В том же маноре держал землю и другой житель Лондона, некий Стефан de Buckerel (ibidem). К Томасу de Dunelmensis, некогда жителю Лондона, перешли земли некоего графа в виллах Dunmow и Suthal. В момент расследования этими землями владела уже дочь Томаса¹⁴⁵. Внедряясь в феодальную деревню сначала в качестве ростовщиков и арендаторов, горожане вскоре становятся ее мапориальными лордами. Еще в правление Иоанна Безземельного мы слышим, что некий Вильям Blundus из Лондона взял в аренду два манора Вильяма de Planes сроком на 3 года. Затем лондонский купец платит королю 60 ф. ст. за разрешение держать эти маноры 6 лет. В конечном счете он из арендатора превратился в их лорда¹⁴⁶. О том же, что упомянутый Вильям совмещал роль получателя ренты с ролью получателя ростовщического процента и торговой прибыли, свидетельствует грамота на его имя, которой король дарует: «quot possit secure ire et redire et negociare cum rebus mercandis suis» (Rot. chartarum, p. 6). Ростовщики и другие дельцы уже в XIII в. превращались в земельных спекулянтов, скупавших и перепродававших рыцарские поместья. Так, например, мы слышим о некоем Hagin'e из Лондона, купившем две виллы у Гильберта de Calverley и вскоре продавшем их Роберту, сыну Роджера (RH, II, 17). Ростовщик Iosceo купил манор de Turroc у графа de Ferrar и затем продал его Генриху de Gray (Rot. Chart., p. 6).

В связи с таким состоянием поземельного рынка в Англии XII—XIII вв. возникает вопрос о природе феодального «наделения» земель, или субинфеодации. Если в XII в., и особенно в начале его, субинфеодация зачастую действительно преследовала цель умножить число «верных» данному сеньору людей¹⁴⁷, а в отчуждениях церкви могли еще играть известную роль мотивы благочестия, то уже в конце XII в. и особенно в начале XIII в. подобные цели в актах субинфеодации полностью отступают на задний план. Феодальное «дарение» все более очевидно прикрывает традиционной формулой по существу простую сделку купли-продажи, не имеющей в действительности ничего общего с субинфеодацией, по именно поэтому феод все больше теряет свой «условный» характер. Из держания, обусловленного «службой», он превращается в собственность безусловную, по существу аллодиальную, т. е. свободную от каких-либо повинностей по отношению к феодальному сюзерену (RH, II, 544 et passim), либо обязанную чисто символической «рентой призывания» (in recognitionem).

В зависимости от того, получил ли отчуждающий за свою землю полную цену ее (presium) одновременно, в момент сделки, или же эта цена была конституирована в качестве ежегодно выплачивавшейся ренты, мы наблюдаем в одном случае наличие таких рент, как «пара шпор» или «роза», ежегодно приносимых лорду, в другом значительных ежегодных платежей (redditus)¹⁴⁸. Очевидно, что субинфеодация к XIII в. в корне меняет свой характер, свою подоплеку. Из акта «расчленения» титула феодальной собственности, она все очевиднее превращается в акт полного отчуждения ее; из акта, создающего новую ступеньку феодальной «лестницы»

¹⁴⁵ The Great Roll of Pipe (6 John), p. 98.

¹⁴⁶ Ibid., p. 98.

¹⁴⁷ Book of Seals, N 47: «Ut homo mihi devonit».

¹⁴⁸ Так, например, когда некий Стефан de Omnibus Sanctis дарит Иоанну de Briver свою землю в Netherden'e, предусматривая уплату пары шпор в год или их стоимость — 6 ден., это результат того, что получатель «дарения» и его жена «dederunt sexaginta marcas sterlingorum» (Book of Seals, № 47) — сумму, представляющую собой, по-видимому, «покупную цену» этой земли. В другом случае Регинальд de Baville отчуждает Лоуренсу, сыну Ральфа, манор Драунес с тем, чтобы он выплачивал ему ежегодно, пока он будет жив, 20 марок в год. После же смерти Регинальда его наследники будут получать ежегодно одну розу. Таким образом, предполагалось, что покупная цена будет выплачена при жизни лорда, и поэтому его наследники лишались права на получение ренты с этой земли (ibid., № 81).

цы», она превращается в акт разрыва цепи феодальных сособственников; наконец, из акта в первую очередь военно-политического субинфеодация превращается в товарно-денежную сделку, освобождающую землевладение от связанности и превращающую его в статью свободного рыночного оборота. Отсюда отмечаемое всеми историками наличие в Англии XIII в. оживленного земельного рынка.

Последствия отмеченного массового перемещения светского землевладения из рук в руки были многочисленны. Их важность и влияние на различные стороны социального быта эпохи поистине трудно учесть. Столь отчетливо обнаруживающиеся в источниках XIII в. черты имущественного оскудения определенной части феодального дворянства¹⁴⁹ заставляют задуматься над тем, в какой взаимосвязи находятся эти процессы с войнами Эдуарда I и в еще большей степени с войнами Эдуарда III. Не обнаруживаем ли мы в этих процессах социальные предпосылки завосстановительных войн Англии конца XIII—XIV вв.?

Далее, массовые отчуждения рыцарских земель до невозможности рвали и запутывали держательские связи, усложняли всю структуру феодального землевладения, приводя в негодность механизм феодального контроля и регулирования «гражданского оборота» в стране. Самым губительным для устойчивости всей феодальной структуры землевладения было неслыханное дробление фьефов. В XIII в. встречаются не только половинные, 3-и и 4-е доли рыцарских фьефов, но сплошь и рядом 10, 20, 40, 80-е и даже сотые доли их¹⁵⁰. Мы обнаруживаем «пятую часть третьей части рыцарского фьеода» или «третью часть двух третей» и т. д.¹⁵¹

Но, может быть, самым важным результатом столь далеко идущей субинфеодации по экономическим мотивам было массовое превращение рыцарских земель в свободный сокедж на общем праве. Расширение площади невоенного, «неблагородного» фригольда за счет рыцарского землевладения — таково неизбежное следствие вторжения товарно-денежных отношений в сферу феодального землевладения. В самом факте распространения свободного сокеджа мы получаем ярчайшее проявление эволюции феодальной собственности в направлении к более полной и неограниченной (в условиях Англии XII—XIII вв.) и менее отягощенной форме собственности непосредственных ее обладателей (*tenentes in demesne*) не только по отношению к королю, но и всей иерархии феодальных сособственников.

* * *

Наконец, мы самой логикой исследования подведены к вопросу, который в рамках данной книги скорее может быть поставлен, нежели решен. Речь идет о проявлении антагонизма внутри феодальной иерархии¹⁵². Борьба между отдельными прослойками класса феодалов, проявлявшаяся в наиболее критические моменты на поверхности общественной жизни в виде феодальных смут и усобиц, а в дни «королевского мира» — в виде бесконечных судебных тяжб и всякого рода «санкций» (в которые вовлекалась как королевская, так и сеньориальная администрация), интерпретируется обычно в терминах политической и конституционной истории. Однако настало время решительно расширить круг наблюдений по этому вопросу с тем, чтобы попытаться установить экономическую подоплеку в расстановке борющихся сил. Иначе говоря: нельзя ли интерпретировать внутрифеодальную борьбу в терминах социально-экономической истории, как борьбу тех или иных слоев вотчинников за увеличение суммы присваиваемой (в свою исключительную пользу) феодальной ренты? Нам представляется.

¹⁴⁹ Cp. Chr. of Joceline Brakelond, ed. H. M. Butler. Oxford. 1949, p. 5; «Nihil habuit quod manducare vel ipse vel familia sua nisi a creditoribus mutuo acceptum».

¹⁵⁰ Rot. finium, I, p. 68, 197.

¹⁵¹ Ibid., passim. Cp. A. L. Poole. Obligations of Society..., p. 96 ff.

¹⁵² Е. В. Гутнова. Возникновение английского парламента, стр. 230 и сл.

что приведенные выше факты более чем оправдывают такой подход к изучению данной проблемы. В этой связи мы можем лишь наметить некоторые линии анализа данного вопроса, который, несомненно, заслуживает специального изучения.

Борьбу за увеличение суммы ренты, получавшейся *каждым из членов «корпорации феодалов»*, следует рассматривать в двух планах: с одной стороны, в виде борьбы за *законодательное ограждение материальных ресурсов каждой феодальной вотчины* от возрастающих appetites ее вышестоящих лордов, с другой стороны, в виде борьбы за *увеличение этих ресурсов* любыми из доступных вотчиннику средств, будь то за счет сюзерена или вассала, наконец, соседних вотчинников и т. д. Поскольку речь идет о первом из этих планов, то степень его разработанности столь велика, что мы можем ограничиться лишь кратким суммированием прочно установленных фактов. Начиная с Великой Хартии и кончая Вестминстерскими провизиями и последовавшими за ними статутами — Марльбороским, Глостерским и Вестминстерским — бароны, с одной стороны, и их вассалы — с другой, добились фиксации основных повинностей, на которые могли «закопшо» претендовать вышестоящие лорды. Так, в ст. 15 Хартии ограничивается право баронов требовать с своих субдержателей субсидии только тремя случаями, когда это разрешалось королю¹⁵³. Еще большее значение имела ст. 16 Хартии, запрещающая требовать от свободных держателей больших повинностей, чем это следовало из «феодального договора»¹⁵⁴. Если королевская юрисдикция ограничивалась, в известной мере, в пользу баронов ст. 34 Хартии, то субдержатели вознаграждались ст. 47—49, предусматривавшими усиление защиты их владельческих прав судами короля¹⁵⁵. Еще более рельефно материальная подоплека «конституционного конфликта» выступает на поверхность в памятниках, относящихся к баронской войне середины XIII в., и прежде всего в так называемых Вестминстерских провизиях. Однако эти фиксированные в законодательстве «демаркационные линии» материальных прав отдельных вотчинников в реальной действительности оказывались весьма неустойчивыми и многократно нарушались с различных сторон. Естественно, что наше внимание должны прежде всего привлечь конкретно-исторические формы этих нарушений и вторжений, ибо в них заключалась весьма важная сторона этой действительности. Если лорды тех или иных фьефов различными путями пытались увеличить доходы, поступавшие обычно оттуда, как-то: требовали повинности, которые не причитались, разоряли подопечные вотчины, долго не возвращали владения достигшему совершеннолетия наследнику, захватывали по малейшему поводу имущество держателей, где бы его ни находили, угоняли скот, присваивали доходы, связанные с их иммунитетными правами, и т. д. и т. п.¹⁵⁶, то их вассалы в свою очередь столь же широко прибегали к действиям с целью свести до минимума ту долю ренты, которая шла в пользу вышестоящих лордов: не вносили принадлежавшие их лордам ренты, уклонялись от посещения баронских судов, не платили фэйны за самовольный брак, скрывали опеки, отчуждали без ведома лордов землю, присваивали себе иммунитетные привилегии и т. п.¹⁵⁷

Яркие иллюстрации ожесточенной борьбы за ренту мы находим на каждой странице судебных и феодальных памятников. Ричард Баргу про-

¹⁵³ W. S t u b b s. Select Charters, p. 299.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Ibidem.

¹⁵⁶ Petition of the barons, § 24 (ibid., p. 385), Provisions of Westminster, § 1, 3, 9, 10—11, 17—18 (ibid., p. 401 ff.), Statute of Marlborough, c. 1, 2, 4, 9, 15—16, 23 (Statutes, I, p. 19 ff.), The Statute of Westminster I, c. 46—47, 21—22 (ibid., 26 ff.).

¹⁵⁷ Second Charter of Henry III (1217), § 39 (W. S t u b b s. Select Charters, p. 346); Statute of Westminster II, c. 2, 9 (Statutes, I, p. 77 ff.). Cp. T. F. P l u c k n e t t. Legislation of Edward I, p. 51 ff.

принял тяжбу против Генриха Perpunt и Анноры (его жены) из-за захваченного у него скота, так как оказалось, что он не выплачивал им 40 ф. ежегодной ренты, резервированной за ними с земли, именуемой Utgoinge¹⁵⁸. Варин de Littleberia в течение 6 лет не платил Иоанну de Littleberia причитающуюся с него ренту и задолжал ему 24 марки¹⁵⁹. Иоанн de Huntingfold на протяжении 18 лет не являлся на объезды шерифа, чем причинил убыток в 36 сол. (Pl. Abbr., p. 214). Балдуин Bigod (может, Bigod) не посещал курию Гильберта de Fulingham за свое держание в Asgarby и Lerpthorp (Pl. Abbr., p. 221). Гильберт de Aquilla не посещал собрания сотни, находившейся в руках епископа Сольсберийского (NB, № 242). Подобного рода примерами можно было бы заполнить многие страницы. Уклонение от несения феодальных повинностей приобрело в XIII в. столь массовый характер на всех ступенях феодальной иерархии, что ввиду серьезной угрозы стабильности всей феодальной структуры землевладения магнатам, согласно II Вестминстерскому статуту, разрешалось припуждать своих держателей нести причитавшиеся с них повинности (захватом скота и другого имущества); им также было предоставлено право истребовать всю задолженность за время, которое признавалось законным для подачи владельческого иска (Statutes, I, p. 72).

До сих пор мы рассматривали борьбу за ренту в том виде, в каком она проявлялась в сфере вассально-ленных отношений. Если же отвлечься от этих обычных в социальной практике случаев нарушения «феодального договора», то останется еще огромное поле внутрифеодальной борьбы за ренту и по другим линиям. Вся эта, на первый взгляд хаотическая, масса феодальных конфликтов может быть разделена на четыре группы: 1) борьба за ренту в форме захвата и увоза движимого имущества другой вотчины; 2) в форме незаконного присвоения (или установления) на той или иной территории приносящих ренту имущественных привилегий; 3) в виде захвата и огораживания общинных земель, принадлежавших ряду вотчин, и, наконец, 4) прямой захват целых вотчин или их частей. Естественно, что последнее составляет специфическую черту феодальных смут и гражданских войн. Первые три группы материальных конфликтов наиболее полно представлены в записях судебных процессов конца XII и XIII в. Все это бесчисленное множество исков — «о новом захвате», «о смерти предшественника», «о последнем представительстве» — лишь в том случае превратится в подлинную сокровищницу для социальной историографии, если их поставить в связь с имущественными сдвигами, происходившими в среде дворянства. Современного исследователя подчас не может не порадовать видимая ничтожность тех материальных интересов, из-за которых годами тягачутся очень крупные господа, а то и сам король. Достаточно сказать, что даже такие магнаты, как Ричард Корнуольский, не считали для себя ни излишним, ни тягостным вести тяжбу в коронном суде из-за полакра земли (terra qua continet circiter dimidiam acram)¹⁶⁰. Однако если уяснить себе, что из таких ничтожных, на первый взгляд, величин в конечном счете складывались объемистые ренталы этих господ, то подобные тяжбы наполняются глубоким смыслом. В этом и раскрывается историческое значение тысяч и тысяч тяжб подобного рода.

Точно так же, стремясь увеличить свои ресурсы, феодальные вотчинники то и дело вторгались в сферу имущественных прав короны либо других лордов, присваивая себе всякого рода права и привилегии, которые приносили ренту. Материалы процессов de quo Warranto, ведшихся Эдуардом I в 70—80-х годах XIII в., обнаруживают поистине массовые узурпа-

¹⁵⁸ Pl. Abbr., p. 222.

¹⁵⁹ NB, № 497. Ср. № 608 и в особенности № 664 — четвертое поколение держателей не отбывает причитающиеся повинности.

¹⁶⁰ Pl. Abbr., p. 145—146; ср. *ibid.*, p. 135.

ции манориальными лордами иммунитетных привилегий с целью увеличить свои рентные доходы¹⁶¹.

Особую главу в этой внутрифеодальной борьбе за ренту, причем единственно подробно изученную в нашей историографии, составляет борьба за раздел между различными фьефами общинных угодий¹⁶² с целью расширить «культивируемую», или вернее, феодально эксплуатируемую территорию. Стремясь увеличить площадь *Gutsherrshaft'a*, феодальные вотчинники огораживали в свое исключительное пользование общинные земли, и в особенности в коронных «заповедных лесах». О том, что массовые захваты в этих лесах имели место уже в XII в., свидетельствует Диалог о казначействе и Свитки казначейства (*Pipe Rolls*), фиксировавшие в отдельных рубриках *файны*, уплачивавшиеся «захватчиками» (*de essartis*)¹⁶³.

В последние десятилетия XII в. начинается интенсивное наступление лордов на общинные права как своих совладельцев, так и зависимых от них крестьян¹⁶⁴. «Полюбовные» разделы и разграничения пустошей между различными манорами и фьефами¹⁶⁵ сменяются в начале XIII в., и особенно после издания Мертонского статута 1236 г., прямыми захватами и массовыми огораживаниями лордами лесов, выгонов, пустошей, лугов в свое исключительное и единоличное пользование. Если несомненно то, что Мертонский и II Вестминстерский статуты (*Statutes*, I, p. 2, c. IV) живо затрагивали интересы крестьянской общины, то столь же бесспорно и то, что центр тяжести борьбы на этой почве лежал еще в XIII в. в сфере внутрифеодальной борьбы за ренту¹⁶⁶. Так, например, когда Оливер *Conyland* привлекает к ответу Роджера *le Heywarde* и еще 7 человек за порубку его леса в *Hollington*, легко было бы, конечно, трактовать их действия как акт классового сопротивления, если бы сами они не заявили, что сделали это по воле их господина *Гуго de Leyhall*, которому принадлежит $\frac{1}{3}$ указанной village (*Pi. Abbt.*, p. 260). Точно так же трудно было бы правильно оценить иск *Генриха de Guldeford* против *Иоанна de Ifeld* и 20 его соучастников, повинных в уничтожении рва, если бы не случайное указание на то, что упомянутый *Иоанн* являлся сенешалом магната *Вильяма de Breose* и сделал это во исполнение своих обязанностей (*ibid.*, p. 260). В другом случае *Вальтер le Fresche* и с ним 6 человек обвиняются в коронном суде в уничтожении изгороди, возведенной *Вильямом le Bret* на пустоши *Westmedowe*, но они оказались слугами аббата *de Miravalle* и приора *de Okeburn'* и сделали это от их имени (*ibid.*, p. 246). Очевидно, что такие факты, как уничтожение и сносы ограды на пустошах, порубка в лесу, засыпка рвов и т. д. и т. п., еще были в XIII в. сплошь и рядом актами межфеодальной борьбы, происходившей на почве раздела феодальной собственности и раздела феодальной ренты.

Таковы формы и методы борьбы феодалов за ренту в мирное время. Легко себе поэтому представить то ожесточение, с которым велась борьба в периоды, когда в национальном масштабе «взрывался» королевский мир и власть сильного, сбросив с себя легкие путы права, вонзаясь во всей

¹⁶¹ См. PQW, *passim*. Ср. Е. В. Гутнова. К вопросу об иммунитете в Англии XIII в.—Сб. «Средние века», вып. III, М., 1951. К сожалению, «стоимость» этих привилегий в фунтах и шиллингах остается скрытой от исследователя.

¹⁶² См. указанную диссертацию К. Д. Авдеевой «Ранние огораживания».

¹⁶³ W. Stubbs. *Select Charters*, p. 225: «Habitantes prope fundos qui coronae anominantur, aliquam portionem sibi usurpent et suis possessionibus ascribant»; *idem*. *Constitutional History of England*. Oxford, 1874—1878, v. II, p. 181.

¹⁶⁴ К. Д. Авдеева. Указ. соч., гл. III.

¹⁶⁵ *Rot. de oblatiis*, p. 182: «Rad[ulfus]... dat domino Regi X m. ut faciat rationabiles divisas... inter terram ipsius et terram Henrici de Tresgoz». Ср. *ibid.*, p. 94.

¹⁶⁶ Это следует особенно помнить, когда мы анализируем акты ранней борьбы против огораживаний. Действия конкурента-феодала не только сливались с феодальными выступлениями, но нередко были их скрытой пружиной. Ср. В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М., 1949, стр. 42.

своей феодальной непосредственности¹⁶⁷. Естественно, что при желании воочию увидеть инстинную подоплеку разыгрывавшихся в такие периоды событий исследователь должен обратить свои взоры прежде всего к событиям, происходившим в это время в десятках и сотнях разбросанных по стране маноров, каждый из которых по существу превращался в поле и цель сражения, в военный трофей и наиболее желанную награду. Наблюдая массовые набеги и контрнабеги на маноры «врагов», захваты вотчин, лесов, скота, прудов, мельниц, грабежи и поджоги, массовые раздачи захваченных таким образом владений «своим» и «верным», трудно избежать впечатления, что для многих, очень многих участников событий в *обоих лагерях именно в этом заключался главный смысл всех «конституционных конфликтов» этого периода*¹⁶⁸. Но из этого следует, что принадлежность того или иного рыцаря к той или иной «партии» обуславливалась прежде всего не теми или иными «конституционными» воззрениями, а соображениями имущественной выгоды. Это часто зависело от того, к какому лагерю принадлежал его сосед, на владения которого он зарился, его должник, не возвращавший долга, или кредитор, которому он сам задолжал, его притеснитель-лорд и т. д. и т. п.

«Смутой» лорды пользовались по-разному. Приведем лишь некоторые иллюстрации этой стороны баронской войны XIII в. Иоанн de Bolemer, воспользовавшись «смутой», совершил набег на фьеф Маурика de Bolesham в вилле Wootton и увел оттуда трех лошадей стоимостью в 30 сол., четырех волов, стоивших 48 сол., 12 коров, стоивших 5 ф., трех бычков, стоивших 24 сол., 171 овцу стоимостью 24 марка и 5 сол. Всего он увез имущества приблизительно на 25 ф. (Pl. Abbr., p. 158). Гуго de Lassey, Ричард le Verrip и другие вторглись в манор Shefeud, принадлежавший Томасу de Furnival, сожгли все его строения и увезли с собой пайденное там имущество. Причиненный этим набегом убыток Томас исчисляет в 3 тыс. ф. (ibid., p. 156). Ричард de Button захватил у аббата Гластонберийского имущество стоимостью в 200 ф. (ibid., p. 152). Адам Gurdun захватил манор de Chyseburg, принадлежавший Томасу de Audeham, и свез оттуда имущество на сумму в 100 ф. (ibid., p. 161). Роберт Burdet схватил Генриха de Notingham и заключил его в замок Kenilworth и держал его до тех пор в темнице, пока тот не составил от своего имени грамоту о передаче принадлежавшего ему манора Симону де Монфору (ibid., p. 178). О том, что случаи таких «дарений» земель и рент в пользу победителей были массовым явлением в годы баронской войны, свидетельствует один из «закрытых» указов Генриха III. «Было постановлено, — писал король, — что все дарения земли и рент, которые имели место во время смуты, происходившей в королевстве нашем, и которые исторгнуты были силой и по принуждению, будут возвращены дарителям»¹⁶⁹.

О том, что с имущественной точки зрения баронская война была главным образом «соседской войной» — война замка против замка, манора против манора, свидетельствует и тот факт, что у владельцев земель в различных графствах захваты совершались различными людьми — их соседями в данном графстве. Так, например, земли и имущество Роберта Tateshale в Лейстершире были захвачены Ральфом Chamberleng (Pl. Abbr., p. 162), земли его в Эссексе подверглись нападению и захвату со стороны эссекского вотчинника Ричарда de Tony (ibid., p. 163, 178), владения его

¹⁶⁷ Close Rolls, II III (1264—1268), p. 128: «In rebus et personis enormes et intolerabiles injurios molestios dampna et gravamina inferant».

¹⁶⁸ Очень недвусмысленно разъяснено это обстоятельство в § 22 «Dictum de Kenilworth» (W. Stubbs. Select Charters, p. 423): «Quia Rex tenetur multis qui eum juverunt et ei fideliter affuerunt, quibus de terris non providet et quidam plus habent, quam habere debent provideat dominus Rex de redemptione capienda quod abundanter eos respiciat ne sit materia novae guerra».

¹⁶⁹ Close Rolls, II III (1264—1268), p. 190.

в Норфолке были ограблены людьми епископа Норичского (*ibid.*, p. 162), вотчина Wilton, находившаяся в Йоркшире, была захвачена Гальфом de Middleton и Ричардом, сыном Гильберта (*ibid.*, p. 169), манор Asted был поделен между Вальтером de la Hyde и Петром de Monteforti, однако, воспользовавшись смутой, Вальтер изгнал упомянутого Петра и его жену Иоанну из принадлежавшей им половины (*ibid.*, p. 162).

Подобных примеров в наших источниках бесчисленное множество. В одних случаях свозят имущество и сжигают то, чего нельзя свезти, в других захватывают землю, в третьих свозят чужих вилланов, рубят и свозят чужой лес и т. д. и т. п. (*ibid.*, p. 151-169). Таким образом, с началом очередной «смуты» в стране производилось перераспределение феодальной ренты между отдельными прослойками «корпорации феодалов».

Это перераспределение, как отмечено выше, было в известной мере закреплено Кенильвортским приговором и предусмотренным в нем порядком выкупа восставшими своих владений. Естественно, что подобного рода «умиротворения» оказывались каждый раз лишь временным перемирием, длившимся до следующего более или менее ярко выраженного нарушения фиксированного в нем равновесия борющихся сил. В этом смысле межфеодальная борьба за перераспределение земли и ренты внутри страны была такой же характерной чертой феодального способа производства в период, когда феодальное государство представляло собой более или менее слабо спаянный конгломерат фьефов, как и внешние захватнические и грабительские войны в период, следовавший за образованием централизованных феодальных монархий.

ФРИГОЛЬД СРЕДНЕАНГЛИЙСКИХ ГРАФСТВ в XII—XIII вв.

§ 1. Проблема и метод

Фригольд¹ как социальный институт английского средневековья, как один из важнейших факторов в эволюции экономической и правовой структуры английской феодальной вотчины впервые оказался в поле зрения историков в начале 80-х годов XIX в. Несмотря на то, что за истекшие десятилетия эта проблема неоднократно являлась предметом специальных и разносторонних исследований, составивших в совокупности уже значительную литературу, она вплоть до наших дней продолжает оставаться в центре внимания всех, кто интересуется социальной историей Англии. Причина этого столь длительного и живого интереса к фригольду заключается не только в том, что в нем склонны были видеть в известном смысле уникальный институт западноевропейского феодализма, обусловивший своеобразие социально-политической эволюции средневековой Англии, но и в том, что фригольд, как только он стал объектом собственно исторического исследования², оказался в центре острой научной полемики, которая отнюдь не может считаться и не считается законченной и в наши дни³.

Справедливо требует отметить, что только с выходом работы Сибома, посвященной английской сельской общине⁴, фригольд из абстрактно-юридического понятия февдистов превратился впервые в объект конкретно-исторического исследования со стороны историков. Однако в освещении Сибомом социальной природы и генезиса внутриманориального фригольда, естественно, сказались общие его воззрения на историю английской деревни в целом. Но именно потому, что вся концепция социальной эволюции Англии была у Сибома столь парадоксально ошибочной, именно потому, что он был столь последовательным в своих ошибках, и, наконец, потому, что совершенно надуманный и предвзятый тезис, сочетаясь с большим и

¹ Во избежание недоразумений следует с самого начала оговориться, что речь будет идти не о фригольде — держании вотчинного типа, а лишь о фригольде — держании крестьянского типа, которое встречается сплошь и рядом в манорах среднеанглийских графств (поскольку к ним можно отнести графства, описанные в RH 1279 г.) и которое мы для большей ясности впредь будем именовать «внутриманориальным фригольдом». Разумеется, выводы настоящего исследования не могут быть произвольно распространены на другие районы Англии.

² Хотя фригольд задолго до этого изучался историками права и так называемыми антикварами, их работы ни по методу, ни тем более по своей проблематике не могут рассматриваться в качестве исходных в данной области.

³ См., например, введение Р. Г. Дэвиса к изданию *Kalendar of Abbot Samson of Bury St. Edmunds*. London, 1954.

⁴ F. Seebohm. *The English Village Community*. London, 1883.

умело препарированным фактическим материалом, грозил приобрести доказательную силу конечного вывода объективного и скрупулезного исследования, труд Сибома сыграл в *конечном счете* весьма плодотворную роль в истории науки. Он не только обусловил появление ряда монографий, специально написанных для опровержения его концепции, но и надолго пробудил глубокий интерес к английской социальной истории вообще и к проблеме фригольда в частности. В данном случае нам нет необходимости подвергать анализу концепцию Сибома в целом. Вместо этого попытаемся выяснить, каковы его суждения о фригольде как о типе внутривотчинного держания.

Вообще говоря, фригольд занимает в построении Сибома очень мало места, и с точки зрения всей его концепции это было логично и закономерно. Фригольд, по мнению Сибома, появляется в английском маноре как величина сколько-нибудь заметная лишь в XIII в. Однако и тогда его удельный вес в манориальном землевладении столь незначителен, его роль в жизни сельской общины столь мала, что, описывая средневековую деревню Англии, его практически можно игнорировать. Фригольд, отмечает Сибом, никогда не был органическим элементом манориального мира; он представляет собой новообразование, не имевшее никаких корней в прошлом английской деревни. Доказательством этого, согласно Сибому, служит сама структура манора, который в сотнях экстенгов выступает постоянно разделенным на две части — домен и вилланские держания⁵. Таким же доказательством, по его мнению, служит и структура самого фригольда. Так как фригольд никогда не являлся органическим элементом сельской общины, то он и выступает в описях XIII в. не в виде симметрических общинных наделов — виргат и полувиргат, а лишь в виде разноликих, асимметрических держаний, которые возникают вне системы общинных полей⁶, на их периферии.

За счет какого же земельного фонда образовался фригольд, откуда взялась для него земля, если его появление почти не затрагивает систему общинных полей; более того, — откуда взялись держатели фригольда? Ответ на эти вопросы Сибом дает в форме, не оставляющей места для сомнений. Фригольд возник не за счет вилланской земли, так как свободные держания не являются компонентами виргатной системы⁷, а за счет сданных в держание частей домена, различных по величине и иррегулярных по отношению к системе открытых полей⁸. Фригольд мог также возникнуть на участках нови, на вовлеченной под обработку пустоши⁹. Что же касается контингента самих фригольдеров, то зачастую это те же вилланы, которым лорд согласился передать клочки домена на условиях свободного держания в дополнение к их вилланским наделам¹⁰. Но как же быть в таком случае со свидетельствами DB, требовавшими от сотенных жюри среди других и ответа на вопросы: *Quot liberi homines? Quot sochemanni?* Сибом, однако, и здесь не находит особых затруднений. Термину *liberi* он придает этнический смысл, толкуя их как *francigenae* ряда источников англо-нормандской эпохи¹¹, т. е. как «франков» — сподвижников Вильгельма Завоевателя, многие из которых жили при дворах лордов, но не владели землей.

Вопрос о сокменах решается Сибомом еще проще. Так как данный термин фигурирует в анкете, которая обнаружена в «Расследованиях Иллийского аббатства», владения которого находились главным образом в

⁵ Ibid., p. 35.

⁶ Ibid., p. 33.

⁷ Ibid., p. 29.

⁸ Ibid., p. 33, 54.

⁹ Ibid., p. 34.

¹⁰ Ibid., p. 33.

¹¹ Ibid., p. 49.

области «датского права», то наличие вопроса о сокменах, как и ответы на него, не имеют доказательной силы в применении ко всей Англии¹². Их свидетельство имеет чисто локальное значение — в графствах Восточной Англии действительно было много свободных держателей-сокменов, но все они «исключительно датского происхождения»¹³. В конечном итоге в концепции Сибоба не оказалось места для фригольда. Не удивительно, что он не столько решал проблему фригольда, сколько снимал ее, доказывая, что она не существует.

Но не прошло и четырех лет после появления работы Сибоба, как вопрос о фригольде, наряду со многими другими, был вновь подвергнут исследованию П. Г. Виноградовым сначала в докторской диссертации¹⁴, а затем в получившей широкую известность монографии, направленной против концепции Сибоба и посвященной английскому вилланству¹⁵. «Villainage in England» — труд научно-популярный. Все его части и рассматриваемые в нем вопросы подчинены опровержению построений Сибоба. Поэтому случилось так, что не только основные проблемы исследования, но и сама постановка их, точка зрения, с которой они рассматривались, не были для П. Г. Виноградова предметом свободного выбора, а были как бы заранее predeterminedы и продиктованы отправной работой его оппонента. Отсюда происходит — при всех достоинствах этого труда — его известная односторонность и ограниченность: в нем много новых решений, по сравнению с работой Сибоба, но по существу очень мало новых проблем. То же случилось и с вопросом о фригольде. Он привлек внимание П. Г. Виноградова не сам по себе, а лишь в той постановке, в которой мы находим его у Сибоба, а именно: каков был генезис внутриманориального фригольда, какое место он занимал в сельской общине? В центре внимания Виноградова в конечном счете оказался вопрос об аграрной структуре фригольда, об отношении его к системе общинных полей, так как именно это отношение и служило для него, как и для Сибоба, основным доказательством своей точки зрения на генезис вилланства.

Внешне, подчеркивает П. Г. Виноградов, фригольд в самом деле находился в резком контрасте с правильностью системы вилланских наделов. Его «капризная» и «беспорядочная» структура создает впечатление полной случайности его происхождения, произвольность размеров фригольда и столь же видимая произвольность связанных с ними рентных отношений только подчеркивает это впечатление¹⁶.

Но в отличие от Сибоба П. Г. Виноградов дает этому факту совершенно новое объяснение, и скажем заранее, объяснение, основанное на одних лишь формально-юридических особенностях свободного держания. Не удивительно, замечает он, что фригольд раздроблен на самые разновеликие участки, которые самым неожиданным образом разбросаны по общинным полям: в его структуре сказалась свободная отчуждаемость этого держания, и следовательно, последствия процессов дезинтеграции и аккумуляции¹⁷. Но это, по мнению П. Г. Виноградова, уже результат, являющийся вторичным, которое не должно заслонять от нас первичного отправного факта: позади внешней хаотичности фригольда лежит древняя симметрия общинных наделов — этой основы общинной системы, симметрия, в XIII в. уже нарушенная, поскольку это относится к свободным держаниям, но подчас

¹² F. Seebohm. The English Village Community, p. 34—35.

¹³ Ibid., p. 35.

¹⁴ П. Г. Виноградов. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

¹⁵ P. Vinogradoff. Villainage in England. Oxford, 1892. Во избежание повторений мы остановимся только на этом последнем исследовании, в котором точка зрения автора нашла наиболее развернутое и законченное выражение.

¹⁶ Ibid., p. 335.

¹⁷ Ibid., p. 336, 346.

легко реконструируемая¹⁸. К тому же немало случаев, когда фригольд и в XIII в. выступает как надельное держание, ничем не отличающееся в этом отношении от держания вилланского¹⁹.

Но каким же образом фригольд оказался составной частью надельной системы? Каковы вообще источники фригольда? П. Г. Виноградов ставит эти вопросы и решает их по-своему. Свободное надельное держание может быть, с одной стороны, признаком его вилланского прошлого, иначе говоря, результатом последующего «освобождения» вилланского надела²⁰, и, с другой стороны, явлением реликтовым, восходящим к ранее существовавшим поземельным отношениям и свидетельствующим о том, что свободное надельное землевладение издавна являлось органическим элементом сельской общины²¹. В отличие от Сибомы, П. Г. Виноградов придает субинфеодации домена гораздо меньшее значение в процессе образования фригольда, хотя и указывает на отдельные случаи наделения министерялов, а иногда и вилланов клочками доминиальной земли²². Что же касается иррегулярности фригольдерских рент, столь бросающейся в глаза на страницах источников, то Виноградов склонен видеть в ней отражение разновременности возникновения отдельных свободных держаний, являющихся в каждом отдельном случае результатом соглашений, условия которых остаются неизвестными²³.

В итоге рассмотрения суждений П. Г. Виноградова о фригольде совершенно очевидно, что и в его построении фригольд играет второстепенную, подчиненную роль. Исследование этой проблемы для него отнюдь не оправдано удельным весом фригольда в маноре XIII в., важностью фригольда в аграрной истории средневековой Англии, а продиктовано лишь возможностью получить дополнительный аргумент в пользу его концепции происхождения английского вилланства и, следовательно, играет лишь служебную роль с точки зрения построения в целом. Именно поэтому и для П. Г. Виноградова фригольд важен прежде всего как институт аграрного строя, как факт поземельного права, главное, как реликт прошлого и почти не привлекает его внимание как явление социальной действительности изучаемой эпохи. Целиком обращенное и устремленное к истокам аграрного строя феодальной Англии, исследование П. Г. Виноградова, по сути дела, не замечает фригольда в маноре «классической поры». Подмизирова с Сибомом по вопросу о структуре и генезисе фригольда, П. Г. Виноградов молчаливо соглашается с ним в вопросе об удельном весе фригольда в структуре английской феодальной вотчины. Как это ни парадоксально, но именно потому, что Виноградов столь настойчиво искал «свободные начала» манориального строя, он прошел мимо свободного держания манориальной Англии. В итоге и после исследования П. Г. Виноградова фригольд оставался скорее теоретически важным, чем практически существующим институтом, интересным с точки зрения ретроспективы аграрной эволюции, но малозначачим с точки зрения ее дальнейшего развития. И после П. Г. Виноградова фригольд предстояло еще открыть для науки.

Хотя в трудах Мэтланда справедливо усматривают отправной пункт нового, «критического» направления английской социальной историографии, мы не можем сказать чего-либо подобного по отношению к интересующему нас вопросу. Трактовка проблемы фригольда в «Истории английского права»²⁴ содержит, как всегда у Мэтланда, много ценных наблюдений, но в своих основных чертах она созвучна концепции П. Г. Виноградова.

¹⁸ Ibid., p. 337.

¹⁹ Ibid., p. 340.

²⁰ Ibid., p. 344.

²¹ Ibid., p. 340.

²² Ibid., p. 335.

²³ Ibid., p. 347.

²⁴ F. Pollock and F. W. Maitland, I. p. 337—339.

Песмотря на то, что много сделали для создания более дифференцированной картины аграрного строя средневековой Англии, и в частности для изучения интересующей нас проблемы, Стентон²⁵, Дуглас²⁶, Джоллиф²⁷, Бишоп²⁸ и др., значение их трудов оставалось все же локальным; безраздельно торжествовавшая до тех пор вотчинная теория должна была поступиться лишь частью английской территории («окраинными» графствами востока, северо-востока и севера). Здесь был вскрыт такой мощный слой свободных мелких держателей, который в корне менял традиционное представление о манориальной системе. Однако концепция «типического» манора была благодаря этим исследованиям лишь поколеблена, по отнюдь не подорвана — ее бастионом все еще оставалась основная территория страны, и в первую очередь среднеланглийские графства, аграрный строй которых все еще рисовался в соответствии с порядками, царившими в крупном (по преимуществу церковном) маноре.

Фригольд центральной Англии по существу открыл Е. А. Косминский. Только с выходом в свет его монографий²⁹ начался новый этап в изучении проблемы внутриманориального фригольда Англии. Фригольд интересовал Е. А. Косминского не сам по себе, не изолированно, а в тесной связи с более общим вопросом о вотчинной структуре английского феодального землевладения³⁰. Среди большого комплекса вопросов, которые были им подвергнуты проверке на материале RH 1279 г., немаловажную роль должны были сыграть и результаты проверки утверждения сторонников вотчинной теории на английской почве, считавших, что свободные держания были лишь «узкой каймой» вокруг «типического манора». Итоги тщательного статистического обследования RH по данному вопросу привели автора к выводу весьма отличному, а именно к тому, что свободные держания «составляют довольно широкую кайму вокруг домена и вилланской земли, занимаемая в общем 28% учтенной пашни». В ряде же районов они «преобладают над вилланской землей»³¹⁻³². Значение этого вывода для аграрной истории Англии заключается в том, что благодаря ему изменились представления о вотчинной структуре и открылись новые пути для исследования своеобразия социальной эволюции феодальной Англии. Не удивительно поэтому, что вывод этот стал одним из отправных пунктов всех сколько-нибудь значительных современных исследований в этой области.

Однако для ряда недавно появившихся в Англии работ по аграрной истории характерно то, что, восприняв новые выводы относительно значительного удельного веса фригольда в английском маноре, они при этом продолжают оставаться в плену традиционной, формально-юридической трактовки проблемы фригольда в целом. Типичным примером такой постановки вопроса может служить работа одного из крупных современных историков Англии, Мориса Поуика, написанная вскоре после появления на английском языке первых итогов исследования Е. А. Косминского. Подчеркнув, что после исследования Е. А. Косминского рушилось «последнее убежище» традиционной теории, что больше нельзя уже говорить об «исключительных условиях» того или иного района, так как даже в Центральной Англии, в самом сердце страны, «свободные держатели являлись

²⁵ F. M. Stenton. *Types of Manorial Structure in the Northern Danelaw*. Oxford 1910; *idem*. *The Free Peasantry of the Northern Danelaw*. — *Bulletin de la Société Royale des Lettres de Lund*, 1925—1926.

²⁶ D. C. Douglas. *Social Structure of Medieval East Anglia*. — *Oxford Studies*, IX, 1927.

²⁷ I. Jolliffe. *Northumbrian Institutions*. — *EMR*, XLI, 1926.

²⁸ T. Bishop. *The Distribution of Manorial Demesne in the Vale of Yorkshire*. — *FHR*, XLIX, 1934.

²⁹ Е. А. Косминский. *Английская деревня XIII в. М., 1935*; его же. *Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., 1947*.

³⁰ Е. А. Косминский. *Исследования...*, гл. III, стр. 121 и сл.

³¹⁻³² Там же, стр. 146.

наиболее важным элементом», были «столь же многочисленны, как и несвободные», Поуик предпринимает опыт характеристики фригольдеров. Указав на множество случаев, когда фригольдеры держат землю, свободную от каких-либо новинностей по отношению к лорду манора (не задаваясь, впрочем, вопросом о происхождении этой «свободы»), на многочисленнейшие факты, свидетельствующие о том, насколько независимо фригольдеры распоряжаются своим держанием, составляя от своего имени «дарственные грамоты» и скрепляя их собственными печатями, Поуик в традициях либеральной школы заключает: «Человек с собственной землей и именной печатью, как правило, имеет и собственный ум»³³.

С тех пор увлечение английской историографии внутриманориальным фригольдом стало чем-то вроде моды. Внимание исследователей было всецело поглощено выяснением соотношения «свободных и несвободных элементов» вотчины³⁴. Их интересует лишь численность фригольдеров. Вопрос же о том, что за этим числом скрывается, остается чаще всего вне поля зрения исследователей.

Приведем лишь один типический в этом отношении пример. Как бы желая лишний раз удостовериться в незыблемости установленных относительно фригольда фактов, Додвелл предприняло повторное обследование — RH³⁵. Главная цель его, однако, заключалась в уточнении районирования фригольдеров, т. е. в выяснении их сравнительной численности среди держателей, описанных в RH 1279 г. Поэтому все виллы подразделяются на группы в зависимости от процента фригольдеров в составе держателей³⁶. Таким образом, в центре внимания автора снова оказывается вопрос об удельном весе фригольдеров. Хотя Додвелл мимоходом и бросает замечание относительно сложности социального состава слоя фригольдеров, среди которых, наряду с мелкими крестьянами, легко обнаружить и крупных лордов³⁷, тем не менее она фактически проходит мимо этой стороны вопроса. Очевидно, однако, что такое направление дальнейшего исследования не только до крайности упрощает вопрос большой важности и сложности, сводя его лишь к формально-юридической классификации держательского состава вотчин, — оно проходит мимо самой важной научной проблемы, возникшей в связи с открытием фригольда: какова была социальная его природа?³⁸ Между тем уже в исследовании Е. А. Косминского содержится не только серьезные аргументы против такого скольжения по поверхности обнаружившихся фактов, но и сделаны значительные шаги с целью раскрыть их существо. Так, Е. А. Косминский подчеркивает, что далеко не все фригольдеры были крестьянами, что в число «свободных держаний» включаются и рыцарские держания, и держания на праве свободной милостыни, и сержантерия, и сокак, и бургаяк», что «фриголь-

³³ M. Powicke. Observations on the English Freeholder in the XIII c.— «Wirtschaft und Kultur. Festschrift zur 70. Geburtstag von Alfons Dopsch», Baden, 1938, S. 382.

³⁴ Более сложной проблема фригольда рисуется в работах: E. Miller. The Abbey and Bishopric of Ely. Cambridge, 1951; H. Finberg. Tavistock Abbey. A Study in the Social and Economic History of Devon. Cambridge, 1951.

³⁵ B. Dodwell. The Free Tenantry of the Hundred Rolls.— ECHR, XIV, № 2.

³⁶ Ibid., p. 165.

³⁷ Ibid., p. 164.

³⁸ Мимо этого вопроса прошел в своих исследованиях и Хилтон, заявивший в работе «The Economic Development of some Leicester Estates in the XIV and XV cc.» (Oxford, 1947) изучением описей двух лейстерширских сотен, не вошедших в печатное издание RH. Хилтон устанавливает факт довольно большого удельного веса фригольдеров среди держателей указанных сотен — 39% (ibid., p. 9). Ту же цель он преследовал при изучении неопубликованного фрагмента RH для Уорвиклира (см. «Social Structure of Rural Warwickshire in the Middle Ages», Oxford, 1950). Так, среди держателей в сотне Stoneleigh им обнаружено 52% фригольдеров, в сотне Kineton — 32% (см. ibid., p. 15—16). При этом бросается в глаза, что как в первом, так и во втором случае подсчитывается число фригольдеров, а не площадь фригольда. Естественно, что социальная природа фригольда остается при этом невыясненной.

дером являются и крупнейший барон, и держатель мельчайшего надела»³⁹. Не сомневаясь в том, что «среди свободных держаний доминируют держания крестьянского типа»⁴⁰, Е. А. Косминский предпринял специальное исследование расслоения свободных держателей в ряде сотен графств, описанных в РН 1279 г., а также среднего размера рент для различных по величине свободных держаний. По существу в этих частях его монографии содержится программа дальнейших исследований в данной области.

Интересы дальнейшего изучения особенностей эволюции английского средневекового манора, как и общества в целом, настоятельно требуют постановки и усиленного разрешения основного по своей важности вопроса о *социальной природе фригольда*. Актуальность этого исследования вытекает из того значения, которое приобрел фригольд во всех современных построениях не только социально-экономической, но и конституционной и политической истории Англии XI—XIII вв. Благодаря, с одной стороны, тому факту, что фригольд — это наиболее полное выражение феодального *dominium* в Англии — был с формально-юридической точки зрения лишен малейшего признака сословной ограниченности или «классовой принадлежности», и, с другой, — наличием в пору «классического феодализма» в этой стране значительных масс мелких свободных держателей, создаются исключительно благоприятные «предпосылки» для изображения социально-политической истории Англии XI—XIII вв. в терминах «надклассовых» в духе национально-либеральной школы Стеббса с обычной для него заменой понятия классов социально безликим термином «парод» и классовой борьбы борьбой «народных» и «феодальных» начал в государственном строе Англии⁴¹. Видимая «надклассовость» фригольда становится, таким образом, краеугольным камнем современных буржуазных построений истории феодальной Англии⁴².

Совершенно очевидно, что изучение социальной природы внутриманориального фригольда требует предварительного выяснения целого комплекса сложнейших вопросов, многие из которых гораздо легче ставить, чем решать. Наиболее важными среди них нам представляются следующие. Как выглядит внутриманориальный фригольд в свете общего права XIII в.? Что сообщают манориальные источники о генезисе фригольда в среднеанглийских графствах? Какие социальные прослойки выступают в качестве держателей внутриманориального фригольда, а главное, как распределяется между ними площадь фригольда? Наконец, установив, каков удельный вес среди фригольдеров среднеанглийских вотчин держателей крестьянского типа, мы должны будем заняться вопросом об особенностях имущественного расслоения фригольдеров крестьянского типа.

§ 2. Фригольд РН в свете общего права

Свободное держание было, как известно, в Англии XIII в. единственной юридически признанной формой земельного владения⁴³. Защите незыблемости этого держания, его укреплению, были посвящены знаменитые ассизы Генриха II⁴⁴. «Гражданский оборот» фригольда и связанные с ним

³⁹ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 255—256.

⁴⁰ Там же, стр. 256.

⁴¹ Известно, что Стеббс считал «взаимозаменяемыми» термины «фригольдеры», «рыцари», «ленники». Так, например, он пишет: «все фригольдеры принесли присягу Вильгельму I», вместо того чтобы сказать «ленники». Говоря о составе парламента, он отождествляет «фригольдеров» с «рыцарями графств». Наконец, «фригольдеры» служат для него синонимом «народа Англии» (см. «Constitutional History of England», I, 289, p. 173).

⁴² См., например, J. M. C. am. England before Elisabeth. London, 1950.

⁴³ F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 356—358.

⁴⁴ T. Plucknett. A Concise History of English Law, p. 16—19. Cp. N. Hurnard. Did Edward I Reverse Henry II's Policy of Seisin? — EHR, LXIX, N 273, 1954, p. 529 ff.

казусы составляли, несомненно, важнейшую часть повседневной практики коронных судов как в Вестминстере, так и на местах⁴⁵. Естественно, поэтому, что, предпринимая исследование социального статуса того слоя держателей, которые фиксируются в описях RH под титулом *libere tenentes*, мы задались прежде всего вопросами: как выглядел этот столь важный элемент английской феодальной вотчины с точки зрения общего права того времени, мог ли каждый из фиксированных в качестве фригольдеров держателей в реальной действительности претендовать на «фригольдерский интерес» в числившемся за ним паделе, были ли все «свободные держания» юридически признанным фригольдом?⁴⁶

Выше мы уже имели случай подчеркнуть неделимость и однозначность юридического титула фригольда в общем праве. Эта же черта его бросается в глаза и при попытке дифференцировать фригольдеров по сословному принципу. Эта своего рода «социальная отвлеченность» общего права XIII в., его видимое «безразличие» к сословным членениям в среде свободных составляет резкий контраст при сравнении его с современным континентальным правом. Последнее вполне отчетливо различало сословную принадлежность свободных земель, подразделяя их то на «сеньориальные» и «феодальные», как это имело место во Франции⁴⁷, то на лены «действительные» и «поминальные», «мнимые», как это имело место в Германии⁴⁸. Основой для этих различий служили то статус владельца, то характер повинностей. В Англии же природа связанных с фригольдом повинностей столь же мало свидетельствует о сословном облике его обладателя, сколь мало *liberum tenementum* XIII в. был по существу леном⁴⁹. Но так как фригольд представлял собой в этой стране универсальную форму юридически признанного феодального землевладения, свободные держания в Англии XIII в. различались лишь по признакам формальным: по длительности владельческого титула и по роду связанных с ним повинностей. В первом случае они делились на *пожизненные* и *вечнопоследственные*, во втором они подразделялись на: а) военно-рыцарское держание, которое с коммутацией рыцарской службы «щитовыми деньгами» было доступно не только рыцарям; б) свободный сокакж — держание за определенную, обычно денежную, ренту; в) держание служилое — сержантерия, которая в свою очередь делилась на «почетную» и «низкую» («большую» и «малую»); г) держание городское — бургаж, весьма близкое к свободному сокакжу, по регулировавшееся нормами городского права; д) держание церковное — на «свободной милостыне». За исключением таких специфических держаний, как церковное и почетная сержантерия, все остальные формы свободного держания настолько потеряли сословную определенность, что стали в изучаемое время просто держаниями свободных людей⁵⁰.

Попытаемся теперь с точки зрения этих исходных положений общего права XIII в. проанализировать списки *libere tenentes* в RH 1279 г. Прежде всего какова была протяженность этих держаний во времени, иначе говоря, какова длительность их «фригольд-интереса»? То, что среди них

⁴⁵ C. T. Flower. Introduction to the Curia Regis Rolls. London, 1944, p. 202 ff.

⁴⁶ Так, например, считает Сэ (H. Sée) в статье «L'évolution du régime agraire en Angleterre». — «Revue de Synthèse Historique», XXXVIII, 1924, p. 55.

⁴⁷ E. Glanville. Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre, t. III. Paris, 1882, p. 181: «Les nobles étaient soumis au droit féodal». Cp. A. Esmein. Cours élémentaire d'histoire du droit français. Paris, 1921, p. 260.

⁴⁸ R. Schöberl. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 5 Aufl. Leipzig, 1957, S. 407. Представителям «низших свободных» — крестьянам, министералам — здесь запрещалось приобретать Ritterlehn. Они считались Lehnsunfähige. Военные лены были доступны только «благородным».

⁴⁹ F. Pollock and F. M. Maitland, II, p. 356. Достаточно сказать, что термин *feodum* был в Англии полностью лишен «военного» значения, а означал лишь «протяженность держания» во времени (см. *ibid.*, I, p. 67).

⁵⁰ *Ibid.*, II, p. 6.

доляжны были быть не только наследственные, но и пожизненные владельцы, можно было предположить а priori. Но все дело в пропорциях. В тех же случаях, когда описи содержат какие-либо сведения по данному вопросу (а таких случаев, к сожалению, очень мало), среди фригольдеров обнаруживается неожиданно большой процент пожизненных держателей. Так, например, в маноре Wilcote (RH, II, 734) из 7 держателей свободных виргат (или их компонентов) 3 владеют на срок жизни; в маноре Minister Lovell (RH, II, 737) — из 3 держателей 2 относятся к категории пожизненных; в маноре Fullbros (RH, II, 745) — 3 из 6; в маноре Mollington (RH, II, 824) — 2 из 4; в маноре Leckford (RH, II, 773) — 6 из 16; в маноре Wassingale (RH, II, 635) — 5 из 12, в маноре Orton Watervill (RH, II, 637) — 7 из 8; в маноре Britwell (RH, II, 767) — 5 из 10 числятся с припиской «quoad vixerit». Но если столь значительным оказался удельный вес пожизненного фригольда в одних вотчинах, то по вправе ли мы предположить, что он должен был быть весьма распространенным явлением и в других вотчинах изучаемого района? Однако до сих пор речь шла о падельных фригольдерах. Особенно же высоким должен был быть процент пожизненных держаний среди неизвестных манориальным экстендам фригольдеров, испомещенных на домене, а также среди многочисленного слоя субдержателей, чей фригольд исчислялся в акрах. Имеется много свидетельств в пользу такого предположения⁵¹.

Естественно, что пожизненный «фригольд» мог возникнуть только на договорных началах. Ярким свидетельством этому может служить опись виллы Hanslope (Bucks). Наряду с *libere tenentes* здесь фиксирована обособленная группа держателей, названных попросту *tenentes per suctogarthum*, т. е. держатели по письменному соглашению (RH, II, 344). Их держания весьма пестры по величине, которая исчисляется преимущественно в акрах. Главное же заключается в том, что во всех этих случаях следует одна и та же оговорка: «*tenet... ad terminum vitae*». Подобную же категорию пожизненных держаний по договору мы встречаем и в ряде других вотчин Бекингемшира⁵². Несомненно, что пожизненные держатели по договору должны были быть частым явлением и во всех других графствах, с той только разницей, что там они в описях, как правило, не выделяются отдельно, а включены под общий титул *Libere tenentes* без дальнейших оговорок. Имеется, однако, много оснований усомниться в юридической правомерности такого смещения титулов, ибо держания по договору не всегда являлись фригольдом, даже если они были пожизненными⁵³. В реальной действительности такого рода держания представляли форму пожизненной аренды⁵⁴, которая сплошь и рядом могла быть передана не только свободному, но и виллану. Но если арендные по своему характеру держания *ad finem vitae* еще легко принять за фригольд, то уже абсолютно пользы с ним смешивать держания «на годы» или держания «на воле господина»⁵⁵. Тем не менее эти держания фиксированы в RH под тем же

⁵¹ См. Records of the Templars, p. 41: «Sciendum est quod omnes terre tenentes de Karditona preter virgatas et dimidias virgatas et preter quartas virgatarum post eorum decessus qui eas nunc tenent redibunt in manu nostram».

⁵² RH, II, 346; Little Linford; RH, II, 347; Lathbury.

⁵³ Bracton, f. 26a. «Utrunque (purrum et villanum socagium) tenere poterit per certa servitia et expressa ex conventionione tamen ad vitam vel in feodo...». Cp. f. 208 b: «...Unde si liber ejectus fuerit vel villanus manumissus... recuperare non poterunt ut liberum tenementum et cadit assisa vertitur tamen in juratam ad inquirendum de conventionione». Cp. F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 247.

⁵⁴ Сами описи подчас различают: «Tenet libere» и «tenet ad terminum vitae». См. RH, II, 344: «Tomas Bajun... tenet IX a. ad terminum vitae»; «Richardus Bajun... tenet libere». Cp. R. Hilton. Gloucester Abbey Leases.— «University of Birmingham Historical Journal», IV, N 1, 1953.

⁵⁵ Bracton, f. 207: «Item liberum dici non potest tenementum alicujus quod quis tenet ad voluntatem dominorum, precario, quod potest revocari sicut de anno in annum et de die in diem».

всеобъемлющим титулом *libere tenentes*. К тому же в большинстве случаев они фигурируют без всяких оговорок, и тогда приходится их «уламливать» при помощи всномогательных данных (таких, как слишком высокие ренты и т. п.). Трудно, естественно, сказать, какой процент «фригольдеров», фиксированных в RH, в действительности были арендаторами или прекарными держателями своих наделов — и следовательно, ничего общего с фригольдерами вообще не имели, — важно лишь помнить, что этот процент отнюдь не был столь ничтожным, чтобы его можно было игнорировать. В вилле Somerton, например, из 12 виргат фригольда 8 держались на воле лорда⁵⁶; в вилле Hanslope на 16 держателей *per suographum* приходится 15 держателей на воле лорда (RH, II, 344). Обычно же описи 1279 г. далеко не столь скрупулезны, как в данных случаях, и о числе фирмариев и прекарных держателей остается строить догадки.

Итак, совершенно очевидно, что под универсальным титулом *libere tenentes* в RH, наряду с «юридически признанными фригольдерами»⁵⁷, значилась и масса таких держателей, которые ничего общего с ними не имели, за исключением одного: *они, так же как и фригольдеры, не держали свои наделы на вилланском праве*⁵⁸.

Рассмотрим теперь списки *libere tenentes* в RH с точки зрения характера отбывавшихся ими повинностей. Наибольший интерес в этой связи представляет вопрос о соотношении основных видов фригольд-держаний: военно-рыцарского и свободного сожажа на общем праве. Из всех критериев, при помощи которых можно было бы выделить держания на рыцарском праве, описи 1279 г. более или менее систематически сообщают лишь об обязанностях тех или иных держателей вносить скутагий⁵⁹. Естественно, что наиболее желательной, с этой точки зрения, была бы такая форма описи, где было бы указано, какую долю феода составляет данное держание, и где скутагий был бы единственной фиксированной повинностью держателя на рыцарском праве. Однако в описях RH последняя зачастую сопровождается еще такими платежами, которые *крайне затрудняют попытку выделить рыцарские держания из среды сожажа*⁶⁰. К тому же имеется много оснований предположить, что «щитовые деньги» часто вообще опускаются, в то время как *redditus assisae*, имеющие наибольшую ценность для лорда, фиксируются с большей скрупулезностью⁶¹.

Для того чтобы полностью уяснить, сколь велики трудности, стоящие на пути к выделению держателей на рыцарском праве из общей массы фригольдеров, нужно учесть еще два обстоятельства. С одной стороны, стремление лордов не только переложить причитающиеся с них «щитовые деньги» на плечи держателей, но и превратить их в доходную статью вотчины приводило к тому, что ими облагались не только держатели на рыцарском праве, более того, не только свободные держатели, но сплошь и рядом и вилланы⁶². Следовательно, имеется реальная опасность принять за «рыцарские» такие держания, которые в действительности ничего общего с

⁵⁶ См. RH, II, 839 — категория держателей, близких к римским *precario possidens*.

⁵⁷ J. G u n d e r m a n n. *Englisches Privatrecht*. Tübingen, 1864, S. 142.

⁵⁸ B r a c t o n. f. 207: «Item dicitur liberum tenementum ad differentiam ejus quod est villenagium...». Cp. f. 24b: «Est enim longe aliud tenere libere et aliud per liberum servicium».

⁵⁹ B r a c t o n, f. 37. О том, что в качестве «доли» рыцарского феода могли фигурировать совершенно мелкие держания, свидетельствуют анализируемые описи 1279 г. См. RH, II, 679 (Great Stanton): 3 фригольдера, каждый из которых держит 10 акров в домене, числятся держателями $\frac{1}{6}$ рыцарского феода каждый.

⁶⁰ F. P o l l o c k and F. W. M a i t l a n d, I, p. 252.

⁶¹ Предостережением против этой опасности служат те описи, в которых скутагий фиксирован не вслед за рентой того или иного держания, а в конце описи. См., например, RH, II, 733 (Kingham). Только в конце списка «фригольдеров» мы читаем: «et omnes predicti tenentes dant scutagium pro suo portione [?] quando currit».

⁶² См. RH, II, p. 857 (Begbrooke), где вилланы «dant pro qualibet virgata terre ad scutagium 2 s. 6 d.». См. Curia Regis Rolls, II, p. 66: «...villanos... et sponte sua intraverunt scutagium». Cp. A. L. P o o l e. *Obligations of Society...*, p. 41.

ними не имели⁶³. С другой стороны, в многочисленных описях наряду с *redditus assisae* указан не *scutagium*, а фискальные повинности, именуемые в своей совокупности *servitium forinsecum*⁶⁴. Но всегда ли эти термины взаимозаменяемы? В одних случаях нет как будто сомнений, что *forinsecum* включает *scutagium* как составную свою часть или даже к нему сводится (RH, II, 508). В других же, наоборот, он означает все другие фискальные платежи, за исключением щитовых денег⁶⁵. Таким образом, очевидно, что всякие подсчеты по данному вопросу, основанные на терминологии описей 1279 г. и преследующие цель установить удельный вес держаний на «рыцарском праве» во внутриманориальном фригольде, могут иметь в лучшем случае лишь иллюстративное значение. Однако важность такого рода суждений не только о юридической природе мелкого свободного держания, но и о том, насколько фригольд обязан был своим распространением процессу дробления рыцарских феодалов, вынуждает нас предпринять такие подсчеты:

Графство, сотия	Число вотчин, в которых		
	фригольдеры отбывают военно-рыцарскую повинность	фригольд назван <i>scutagium</i> или квалификация отсутствует	фригольд смешанного типа
Бедфордшир	20 *	—	8
Бекингемшир	9	29	3
Кембриджшир **			
Chilford	11	8	5
Stow	14	6	11
Thriplow	3	9	—
Wetherley	15	19	5
Итого	43	42	21
Оксфордшир			
Banbury	11	3	—
Bullington	11	6	2
Bampton	7	9	3
Chadlington	8	12	9
Dorchester	8	1	1
Ewelme	18	3	—
Langtree	10	1	—
Lewknor	8	4	1
Pyrton	16	—	—
Thame	5	1	2
Ploughley	8	17	5
Wootton	17	11	1
Итого	127	68	24

* Везде указано лишь: «*forinsecum*».

** Подсчеты оказались сколько-нибудь оправданными лишь по данному созию.

⁶³ Впрочем, эту опасность удастся часто избежать, так как наряду со «щитовыми деньгами» в описях нередко приводятся и другие данные, позволяющие установить «рыцарский» облик держателя. См., например, RH, II, 630 (Ellington) — в конце списка «фригольдеров» значится: «*Abbas habet ibi custodiam, maritagium, relevium, escheatum*».

⁶⁴ Н. Bracton, f. 36: «*Forinsecum dici potest quia sit et capitur foris sive extra servitium quod sit domine capitali*».

⁶⁵ RH, II, 347: «*Omnes... predicti libere tenentes dant per annum forinsecum et scutagium*». С. Ram, III, p. 220: «*Franchelanos... per hidas alios milites adjuvant*».

Особенно показательными нам представляются результаты подсчетов по Оксфордширу, на долю которого приходится около $\frac{2}{3}$ обследованных для этого случая вотчин и где терминология описей наиболее устойчива. Из 219 оксфордширских вотчин, в которых фригольд так или иначе квалифицируется, более половины приходится на «рыцарский тип» свободного держания, «сокаж» же представлен только в $\frac{1}{3}$ учтенных здесь вотчин (31%).

Характерно, что картина, раскрывающаяся по данным Кембриджшира, значительно отличается от последней. Удельный вес «сокажа» (по числу вотчин, в которых он преобладал) оказался почти равным удельному весу рыцарского держания. Несомненно, что по графству в целом «сокаж» значительно превосходил последний; не исключено, что именно поэтому писцы вообще отказались от юридической квалификации фригольда в других сотнях графства. Наконец, данные по Bedfordshire и Buckinghamshire не позволяют сделать какие-либо выводы в виду незначительности числа представленных здесь вотчин.

В целом же мы надеемся, что не будем далеки от истины, если допустим, что «рыцарский тип» свободного держания был в гораздо большей степени распространен в графствах относительно более манорIALIZED, чем в графствах, прилегающих к области «датского права», и что, взятый в целом, его удельный вес оказался достаточно высоким, чтобы заставить нас серьезно задуматься над ролью дезинтеграции рыцарских феодалов в процессе возникновения внутриманориального фригольда. Возможность до бесконечности дробить рыцарский феодал, открывшаяся с коммутацией военно-рыцарской службы «щитовыми деньгами», была, как мы видим, равносильна сжатию с крупновотчинного землевладения того внешнего обруча, которым в известной степени обеспечивалась его целостность. Это обстоятельство нужно иметь в виду не только при объяснении факта распространения в манорах Средней Англии массы свободных держаний на «рыцарском праве», но и при попытке объяснить не менее важный факт *интенсивного распространения свободного сокажа* на общем праве. Мэтланд называет сокаж the great residuary tenure, т. е. держанием, остающимся за рамками *собственно феодального* землевладения, которое может быть охарактеризовано лишь негативно⁶⁶. Но почему же сокаж лишен юридической определенности, почему он не может быть определен положительно? Не потому ли, что он возник на границе двух социально противоположных и поэтому юридически наиболее четко очерченных держаний — рыцарского и вилланского? Не потому ли, что «сокаж», как форма феодального держания, по существу родился из разложения первого и постепенного возвышения второго? Именно купля и продажа земли, выкуп рассматривавшихся в качестве сословно определенных повиностей порождали держания, лишённые своих «изначальных» сословных черт и уже этим приближавшихся к сокажу. Это обстоятельство не противоречит тому хорошо известному факту, что в Англии издавна, уже в самом начале XII в., существовала масса держателей за денежную преимущественно ренту: сокмены и во многом родственные им censuarii, molnarii, drengarii и др.

Тем не менее самое любопытное заключается в том, что юридическая конструкция свободного сокажа такова, что мы ни в коем случае не можем рассматривать его как простую «легализацию» того рентного отношения, которое именуется в источниках «древним сокажем»⁶⁷. Систематическое изучение RH под этим углом зрения убеждает в том, что свободный сокаж

⁶⁶ F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 271, 275.

⁶⁷ Нам трудно согласиться с определением свободного сокажа как «the peasant's tenure» (см. «History of English Law», I, p. 275).

общего права «изначально», да еще и долгое время спустя *противопоставлялся своему «прообразу»* — именно поэтому он назван «свободным». О том, что между ними *нет прямой преемственности*, достаточно отчетливо свидетельствует хотя бы тот факт, что «древние сокмены» в начале XII в. не только не были отстранены от военной службы, но наоборот, во всех случаях, когда мы с ними сталкиваемся, военная повинность фигурирует как первейшая их обязанность королю⁶⁸. Сокак же общего права хотя и является держанием феодальным, рассматривался в качестве антипода военного держания. С другой стороны, сокак рассматривался учеными юристами XIII в. как «низкое держание земледельца»⁶⁹, в то время как свободный сокак по существу был привилегированной формой земельного держания⁷⁰, в котором нельзя усмотреть «крестьянское» по своему происхождению держание. Но зато эта форма вполне объяснима, если видеть в ней одну из модификаций феодальной собственности, совершенную в интересах господствующего класса. Об этом как нельзя лучше свидетельствует тот факт, что в описях в тех вотчинах, где еще сохранились «древние сокмены», они долгое время фиксируются обособленно от «свободных сокменов», не сливаясь с ними⁷¹, что объяснимо лишь в том случае, если допустить, что эти две формы сокажа были изначально в определенном смысле «правом» различных классов.

Это отнюдь не значит, что свободный сокак с течением времени не включил значительный (в особенности в области «датского права») слой держателей-крестьян, как сохранивших — по тем или иным причинам — так и вновь обретших статус, близкий сокажу общего права⁷². Но последнее только лишь раз подтверждает, что сокак общего права не являлся простой модификацией древнего «крестьянского права», как это изображается в историко-правовой литературе, а имел своим источником феодальное правотворчество, вызванное к жизни тем направлением в развитии феодального землевладения в Англии, которое было связано с коммуной военно-рыцарской службы и процессом сублифеодации, иными словами: крестьянский по типу сокак получил признание в общем праве в качестве свободного держания только постольку, поскольку он оказался в едином русле, переплетался с дворянской практикой земельного держания за денежную ренту. Итак, лишь с течением времени сокак общего права стал столь всеобъемлющим, что стал даже рассматриваться как преимущественно «крестьянское держание». Именно вследствие этой видимой бессословности сокажа из него чрезвычайно трудно выделить такие близкие к нему категории держаний, как малая сержантерия⁷³ (если только опись специально не квалифицирует их) и бургаж, если только речь идет о тех промежуточного типа поселениях, с точки зрения социально-экономической, которые находились на полпути между деревней и городом, а юридически еще не успели приобрести статус бурга.

⁶⁸ RH, II, 748: «Antecessores... solebant esse liberi quasi sokemanni et facere servitium domino Regi in guerre per XL dies».

⁶⁹ Bracton, f. 77b: «Sokemanni dici poterunt eo quod deputati sint... ad culturam».

⁷⁰ Характерно, что формула «Tenet in libero socagio» лишь изредка встречается в RH и употребляется чаще всего для характеристики землевладения лордов. См. RH, II, p. 508: «Hugonus Miles tenet manerium... et est totum de franco socagio».

⁷¹ См. RH, II, 751: в описи магора Bensington liberi sokemanni отделены от libere tenentes. Ср. Registrum Honoris de Richemond, appendix, p. 43: наряду с 22 libere tenentes значится: «ibidem sunt septem sokemanni» [?]

⁷² Именно таким образом среди фригольдеров появились такие категории держателей, которые фактически являлись полусвободными, а юридически никак не могут быть отнесены к фригольдерам, — hundredarii (см. P. Vinogradoff. Villainage..., p. 188, 441).

⁷³ RH, II, p. 336: «Robertus Giffard tenet... per serchancyam» [!]; RH, II, 620 (Spaldwick): «Walterus... tenet 1 vg terre... et faciet distrinctionem et summonicionem quando sibi preceptum fuerit». Ср. Cart. Glouc., III, p. 149; E. G. Kimball. Serjeanty Tenure in Medieval England. Yale u. p. 1936, p. 14, 185—187.

Все приведенные выше данные с достаточной убедительностью говорят о том, какой сложный конгломерат «интересов» и «прав» представляла собой та «кайма» вокруг манора, которая обычно именуется фригольдом, сколь нестрем, с юридической точки зрения, был состав держателей, фиксированных в RH под титулом *libere tenentes*. Однако описи 1279 г. позволяют продвинуться еще дальше в этом направлении, ибо они обнаруживают, что под тем же титулом сплошь и рядом значатся держатели, у которых не только не было фригольда (арендаторы, прекарные владельцы), но которые были лишены и личной свободы, попросту говоря — вилланы, временно коммутировавшие свои повинности, так называемые *сensualii, molmanni*⁷⁴, или получившие свои держания в пожизненную аренду. Между тем хорошо известно, что виллан, оставаясь в своем «вилланском гнезде», не мог считаться юридически свободным человеком (если исключить специфические случаи) без специального акта манумиссии. Так как, согласно букве общего права, характер держания не меняет личный статус держателя тем более его не меняет характер повинностей, связанных с этим держанием⁷⁵. Особенно неукоснительно этот принцип стал соблюдаться начиная со второй половины XIII в.⁷⁶

Но в описях RH легко обнаружить, что, вопреки этим максимам юридической теории, каждый не отягощенный барщиной держатель обычно причисляется к свободным, ибо они исходят при классификации из характера повинностей. Не удивительно поэтому, что немало лично свободных держателей вилланской земли числится в списках «вилланов», и наоборот, может быть, не меньшее число вилланов записано в списки свободных⁷⁷. Если даже отвлечься от тех случаев, когда «фригольдеры» легко идентифицируются по имени и прозвищу с держателями в вилланстве в тех же манорах или в манорах соседних — что само по себе весьма примечательно, — то остается много описей, в которых странным образом все фригольдеры держат одинаковые по размеру держания за одинаковые ренты. Так, например, в описи вотчины Eggesle мы находим группу фригольдеров со следующей припиской: «*Isli prescripti tenent in eadem consimile tenementa pro consimili servicio faciendо*»⁷⁸.

Такой симметрический по своей структуре фригольд в сочетании с такими же строго идентичными повинностями легко выдает свое вилланское обличье. Но если подобные случаи не обладают достаточной очевидностью, то нижеследующие примеры ставят нас перед неопровержимым фактом: в описи «фригольда» вотчины Scheppere значится: «*Dno villani videlicet Radulphus Charles et Alanus Isabel quorum opera et consuetudines valent per annum 14 s. 5 d. ad terminum vitae sue solvendo I d. per annum vel I par circotecar.*»⁷⁹. Точно так же о двух «фригольдерах» вотчины Gangsdown в описи сообщается: «*et post eorum decessus tenebitur in villenagio*»⁸⁰. Итак, не только очевидно, что эти держатели являются вилланами, но, что более важно, совершенно ясен мотив, которым руководствовались писцы, определив их как «свободных»: они выкупили на срок своей жизни свои «низ-

⁷⁴ Ср. RH, II, 425. Порядок описи здесь таков: «*Libere tenentes, custumarii, tenentes molmond, bondi*». Между тем во всех других описях «среднее звено» чаще всего оказывается среди «свободных».

⁷⁵ Curia Regis Rolls, II, p. 61, 219.

⁷⁶ См. RH, II, 668: «*Villani... eos consuetudines redacte sunt in redditus assisae ad voluntatem domini*».

⁷⁷ Приведем один из множества подобных примеров. RH, II, 864 (villani): «*Ricard[us] de Heyford tenet 1 vg. terre [redimet pucros suos]*»; RH, II, 863 (Stepelaston): «*Libere tenentes: Ricardus de Heyford tenet libere II virgatas terre*».

⁷⁸ RH, II, p. 701. Ср. RH, II, 748: *liberi tenentes*.

⁷⁹ RH, II, 561. Ср. RH, II, 771.

⁸⁰ RH, II, 770. Пожизненная аренда вилланами своих надельцов в XIII в. была весьма распространенным явлением. Ср. RH, II, 335—336; Cart. Glouc, III, p. 149 (Littleton): «*...13½ vg [terre in villenagio] quaelibet posita est ad firmam*».

кие» повинности, они приобрели для себя «пожизненную свободу», несмотря на то, что формально оставались «в виллапстве». Этот пример проливает значительный свет на те многочисленные случаи, когда ююри отказы-ваются юридически квалифицировать держателей, ограничиваясь более чем неопределенным *tenentes*⁸¹. В RH легко найти немало и таких примеров, когда вилланпы, только лишь коммутировавшие свои барщинные по-винности, оказываются среди фригольдеров⁸². После этого уже не приходи-дится удивляться, когда сталкиваешься с «фригольдерами», платящими меркет⁸³, — наиболее рабский из всех вилланских платежей.

В итоге юридического анализа описей фригольдеров 1279 г. мы вправе, нам думается, заключить, что фиксированные в них держания представ-ляют редкую иллюстрацию того, сколь многоликим, сложным и разно-характерным было понятие «свободы» в условиях феодальной Англии, сколь многообразны отношения поземельной зависимости, скрывающиеся под сословно безликим титулом *libere tenentes*, сколь условно поэтому само понятие фригольда в применении к мелким держателям за денежную ренду. Внутриманориальный фригольд XII—XIII вв. в значительной степе-ни представляет собой, образно выражаясь, «первозданную туманность», из которой лишь постепенно, а временами буквально на наших глазах кри-сталлизуется юридически признанный фригольд.

§ 3. Генезис внутриманориального фригольда в среднеанглийских графствах

Обнаружившаяся при изучении RH 1279 г. крайняя пестрота юриди-ческого статуса фригольдерских держаний подводит нас вплотную к одно-му из наиболее актуальных вопросов социальной истории средневековой Англии — к вопросу о генезисе фригольда. Вопрос о происхождении слоя свободных крестьян в западноевропейской вилле XII—XIII вв. — далеко не новый вопрос в социальной историографии средневековья. Он, как изве-стно, привлек к себе пристальное внимание еще в конце XIX в. Однако, несмотря на столь очевидную его давность, он в наши дни оказался науч-но еще более актуальным, а главное, значительно менее ясным по сравне-нию с тем, как он рисовался исследователям более полувека назад. Это «второе рождение» задачи, казалось, уже решенной ранее (явление, весьма обычное в истории науки), было в данном случае обусловлено но-выми представлениями о структуре средневековой виллы. Познавательное значение такого рода исследования очевидно, ибо в различных путях обра-зования свободного держания следует искать объяснения сложности этого института, вопреки его юридической однозначности.

Обнаружившееся повсеместное распространение свободного держания, и прежде всего фригольда, в среднеанглийском маноре XIII в. настойчиво потребовало нового исследования всей проблемы генезиса слоя свободных крестьян в восточне «классического» средневековья. Как известно, господ-ствующая в новейшей историографии точка зрения была с наибольшей отчетливостью выражена еще Зелигером на почве Германии⁸⁴. Крестьян-ская свобода времени «народного права», утверждал он, не погибла, не прекратилась, не иссякла с установлением вотчинного строя в Западной Европе, она сохранилась под покровом вотчины в ее недрах и в X, и в XI в. Следовательно, свободные крестьяне XII—XIII вв. являлись, по его мне-нию, не только правопреемниками, но и прямыми потомками класса старо-

⁸¹ RH, II, 751: «Abbas... habet tenentes qui tenent...».

⁸² RH, II, 843 (Ilbury): «...in liberis tenentibus qui tenent pro certo servicio».

⁸³ RH, II, 338 (Great Leckhamstead): «Libere tenentes: Iohannes Pollard tenet dimidiam virgatum terre... et facit merchet».

⁸⁴ G. Seeliger. Die sociale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. Leipzig, 1903, S. 178.

свободных землевладельцев каролингского времени. Таким образом, «преemptивность крестьянской свободы» выдвигалась в качестве объяснения генезиса свободного крестьянства XIII в., в то же время наличие слоя свободных крестьян в феодальной вилле рассматривалось в качестве доказательства тезиса о преemptивности крестьянской свободы. Эта точка зрения в применении к Англии стала общепринятой скорее всего под влиянием блестящего доказательства П. Г. Виноградовым свободного происхождения вилланства, ибо специального исследования генезиса фригольда для большей части страны до сих пор не предпринималось.

Хотя П. Г. Виноградов и признавал сложность проблемы английского фригольда⁸⁵, тем не менее он считал его, в массе своей, наследием англосаксонских времен⁸⁶. Новая концепция, выдвигнутая в последнее время рядом немецких историков во главе с Теодором Майером, еще больше подчеркнула, насколько актуально конкретно-историческое исследование этой проблемы, в особенности на почве Англии, располагающей для этой цели совершенно уникальными по своим познавательным возможностям источниками. Вкратце это — концепция «государственного происхождения» свободного крестьянства. Крестьянская свобода, как и свобода горожан, — результат политики германских императоров, и прежде всего Готтштауфенов. Freibauren встречаются главным образом на королевном домене, они — порождение XII—XIII вв., возникающее по воле суверена на вновь обработанных землях и распространяющееся под его влиянием во владениях других князей⁸⁷.

Трудность поставленной здесь задачи требует с самого начала полной определенности в ее формулировке и указания на возможные пути ее решения. В данном случае нас будет интересовать следующая сторона этой проблемы: в какой мере внутриманориальный фригольд, тот фригольд, который фиксирован в опсеях 1279 г. мелкими, не превышающими одну гайду держаниями, может рассматриваться как простой метаморфоз владения «старосвободного» англосаксонского общинника, иначе говоря, насколько во фригольде «олицетворялась» преemptивность и непрерывность донормандской «крестьянской свободы»? Насколько удельный вес фригольда в манорах того или иного графства может быть объяснен удельным весом свободного держания времени составления DB? Одним словом, какова предыстория этого фригольда?

Конечно, каждому, кто знаком с состоянием и спецификой английских источников по аграрной истории XI—XIII вв., очевидно, что в ответах на эти вопросы всегда останется более или менее значительный элемент гипотезы. Первым и самым главным препятствием на этом пути является абсолютная неясность юридического статуса держателей, названных в DB «вилланами»⁸⁸. Пока эта трудность не будет преодолена, мы будем

⁸⁵ P. G. Vinogradoff, *Villainage...*, II, p. 140—141.

⁸⁶ P. G. Vinogradoff, *The Growth...*, p. 297—299.

⁸⁷ K. Weller, *Die freien Bauern in Schwaben*. — «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt., Bd. 54, 1934; i d. e. m. *Bauern Freiheit im spätem Mittelalter*. — «Zeitschrift für Württemberg. Landesgeschichte», Bd. V, 1944. Cp. Th. Mayer, *Die Entstehung des „modernen“ Staates im Mittelalter und die freien Bauern*. — ZRG, Bd. 57, 1937; P. Bader, *Bauernrecht und Bauernfreiheit im spätem Mittelalter*. — «Historisches Jahrbuch», Bd. 61, 1941. Cp. B. Lyon, *Medieval Real Estate... and Freedom*. — AHR, v. LXII, (1957), p. 58 ff.

⁸⁸ Разумеется, что если бы у нас было достаточно оснований интерпретировать терминологию DB в соответствии с терминологией писцовых книг XIII в., то вся задача значительно упростилась бы. В самом деле, по подсчетам Эллиса, в 1086 г. численность терминологически подразделяемых в DB категорий держателей была следующей: в Оксфордшире на 6775 вилланов приходилось лишь 8 francigenae и 26 liberi homines; в Гентингдоншире на 2914 вилланов приходилось лишь 22 сокмена; в Кембриджшире на 5204 виллана приходилось 213 сокменов и 6 francigenae. Естественно, что в таких типично среднеанглийских графствах, как Оксфордшир и Бекингемшир, весь вопрос о генезисе фригольда погружен в «темноту», все еще окутывающую статус вилланов 1086 г. (см. ниже, гл. IV, § 2. Cp. H. Ellis, *A General Introduction to DB*, v. I, p. 32).

лишены основной предпосылки всякого сравнительно-исторического исследования — полной определенности его отправного пункта. К счастью, в данном случае это препятствие не оказалось столь роковым, ибо статус вилланов в среднеанглийских графствах не оказался столь безнадежно «темным», как это иногда предполагалось⁸⁹.

Вторым препятствием на пути предпринятого здесь исследования является отсутствие значительного числа хронологически промежуточных источников — между 1086 и 1279 г., которые помогли бы проследить отдельные этапы в развитии внутриманориального фригольда: от небытия в ДВ к его полному расцвету в РН. Этот круг источников особенно узок для изучаемого нами района, хотя за небольшим исключением, нам оказались доступными почти все имеющиеся в английских архивах писцовые книги XII в. Но если бы число промежуточных источников было и неизмеримо большим, то и в таком случае постановку проблемы о генезисе фригольда нельзя было бы считать вполне оправданной (коль скоро пришлось бы основываться лишь на результатах сопоставления разновременных описей отдельных маноров). Она была бы мало оправданной хотя бы потому, что по такому пути уже следовали до нас, а главное, потому, что этот путь все же не привел к цели⁹⁰.

Сопоставляя разновременные описи одних и тех же маноров и обнаруживая в более поздних из них прослойку свободных держателей, не указанных в предыдущих, исследователи, естественно, пытались выяснить, за счет каких частей манора образовались свободные держания. Такую попытку сделал в середине XIX в. Хейл⁹¹ и на пороге нашего века — Барринг⁹² и Раунд⁹³. Не трудно, однако, заметить слабые стороны этого метода. Во-первых, в основе всех статистических выкладок в этом случае оказывается терминология источника, т. е. критерий для 1086 г. все же весьма сомнительный, а для более позднего времени весьма неустойчивый и изменчивый. Во-вторых, указанные исследователи исходили из предположения, что пахотная площадь сопоставляемых вотчин оставалась на протяжении веков неизменной. Наконец, круг их сопоставлений и сравнений был крайне узок, выбор вотчин случаен, поэтому и результаты их могли иметь в лучшем случае лишь иллюстративное значение.

Не бóльшую доказательную силу имеют и результаты исследований тех историков, которые при изучении интересующей нас категории держаний шли путем так называемой исторической реконструкции, основанной на том или ином юридическом толковании терминологии источников. Уязвимым местом этого метода является отсутствие сколько-нибудь объективных критериев для оценки результатов такой реконструкции. К тому же этот метод полностью исключает количественную оценку исследуемых явлений.

Насколько позволяют имеющиеся у нас источники, мы воспользуемся элементами как одного, так и другого методов, однако лишь в качестве вспомогательных. Главная же наша цель — найти в самих РН, этой уникальной по богатству сокровищнице внутриманориального фригольда XIII в., критерии анализа содержащихся в них данных, которые позволили бы сделать хотя бы некоторые наблюдения общего характера по интересующему нас вопросу.

⁸⁹ P. Vinogradoff. *The Growth...*, p. 297—299; *idem*. *Villainage...*, p. 209 ff.

⁹⁰ Главная трудность заключается в том, что при этом остается неясным, была ли появившаяся в более поздних описях новая категория держателей действительно новой, или она существовала ранее под другим названием (см. J. Round. *The Burton Abbeys Surveys*.— EHR, XX, 1905, p. 286).

⁹¹ *Domesday of St. Paul's*, ed. W. H. Hale. Introduction, p. XVII; *idem* (ed.). *Reg. Wigorniensis*. Introduction, p. XVIII ff.

⁹² F. H. Barrington. *DB and Burton Cartulary*.— EHR, XI, № 41, 1896; *idem*. *DB and some XIII-th Century Surveys*.— EHR, XII, № 46, 1897.

⁹³ J. Round. *The Burton Abbeys Surveys*.— EHR, XX, p. 286 ff.

Прежде чем перейти к сопоставлению фиксированного в 1279 г. держательского состава вотчин с данными более ранних описей тех же вотчин, целесообразно выяснить, что сообщают сами RH по вопросу о времени возникновения тех или иных фригольд-держаний. К сожалению, ничего систематического и определенного. Если суммировать все возможные в этой связи наблюдения, то придется заключить, что манориальные экзепты, лежащие в основе расследования 1279 г., рассматривали весь внутриманориальный фригольд как следствие одновременных или ряда последовательных актов субинфеодации со стороны лорда манора⁹⁴, актов, дата которых может быть в каждом случае точно установлена, если бы это требовалось от комиссаров, ведших расследование, и, следовательно, от жюри, дававших ответы на их вопросы. К сожалению, столь желательные для нас данные их вовсе не интересовали. В общем же генезис внутриманориального фригольда изображается в RH как факт недавнего происхождения, как новообразование, возникшее по воле манориального лорда.

В рамках этой концепции современники XIII в. различали следующие категории фригольдерских держаний с точки зрения происхождения владельческого титула их держателей (1279 г.): держания *унаследованные*⁹⁵ и держания давно или недавно *приобретенные* данной фамилией⁹⁶. Относительно последних двух категорий свободных держаний нет никакого сомнения в том, что они имеют точно установленное (во времени) начало, иначе говоря, что оно засвидетельствовано грамотой. Более загадочными с этой точки зрения являются, однако, формулы: «tenet hereditarie», «de antiquitate», «de antiqua tenura», так как они полны неопределенности относительно их «происхождения» (т. е. времени возникновения). На первый взгляд может казаться, что именно в этих формулах должны скрываться следы свободных держаний глубокой древности, держаний с «незапамятной преемственностью» владельческих титулов. Однако это далеко не так. В тех редких случаях, когда жюри по какой-то необъяснимой прихоти начинает проследживать линию этой преемственности во времени, тогда обнаруживается обманчивость этого впечатления, ибо каждый раз остается только удивляться, как близко эта «линия» обрывается от 1279 г. Почти во всех этих случаях фригольд оказывается творением ближайших предшественников лорда 1279 г. Ввиду их исключительной познавательной ценности мы приведем (схематично) опись фригольда виллы Leckford (Оксф.). (RH, II, 773).

Henricus de Walcle tenet 1½ vg—Feofatus fuit per Alex. de Lecheford
 Willelmus de Bel tenet ½ vg—Petrus de Bel (pater ipsius) feofatus fuit
 Petrus filius Oliveri tenet 1 vg—de dono
 Johannes filius Philippi tenet 1 mes.—Phil. (Pater ipsius) feofatus fuit
 Willelmus de Bel tenet 1 vg 13½ a—(de ½ vg) feofatus fuit per Joh.
 Aylin; (de ½ vg) feofatus fuit per Will. le Marescal; (de 13½ a) feofatus fuit per Wil. Chepman.

Таким образом, весь фригольд в этой вотчине, в том числе и держания «унаследованные», был создан не далее как за 20—30 лет до расследования Эдуарда I. О возрасте фригольда в вотчинах Оксфордшира дает возможность судить и опись виллы Parva Rucot⁹⁷. Виргату фригольда,

⁹⁴ См. RH, II, 716—717. Cp. Liber Henrici de Soliaco. Introduction, p. XXVI.

⁹⁵ RH, II, 756 (Rycote): «Heribald tenet hereditarie I vg terre»; RH, II, 756 (Easingdon): «Johannes... tenet... de hereditate patris sui».

⁹⁶ Cp. Du-Cange, v. *Conquestum*. См. RH, II, 717 (Wodepire): «Robertus... tenet III vg terre de antiquo conquestu».

⁹⁷ RH, II, 756: «...Pater predicti Gileberti feoffatus [!] fuit per Gilebertum de Stanford avum predicti Ade»; «...de feoffamento [!] Henrici de Stanford».

фиксирующую за неким Гильбертом Herebald, оказывается, получил его отец от деда лорда манора 1279 г.; 1½ виргаты фригольда, принадлежавшие Роберту de Stock, получены им от здравствовавшего в 1279 г. Роберта de Cleor. Вильгельм Herein получил свою 1/2 виргаты фригольда от лорда манора 1279 г. От него же получил свою 1/2 виргаты и Осберт Bugestor. В итоге 5 из 7 фригольдеров имеют в этом маноре весьма краткую родословную, которая к тому же приводит нас к лорду манора как «творцу» фригольда. Точно так же не древнее первой половины XIII в. владельческий титул фригольдеров вотчины Newham (Оксф.), так как большинство из них получили его из рук предшественницы лорда 1279 г.⁹⁸ Итак, даже тогда, когда фригольд в 1279 г. «унаследован», оказывается, что линия наследования не выходила за пределы двух-трех поколений.

Нет сомнения в том, что в тех счастливых, но редких случаях, когда пасцы берутся за определение «возраста» фригольда, они это делают с завидной легкостью и точностью. Не трудно догадаться, что свою удивительную «память» они подкрепляют сведениями, почерпнутыми из грамот, фиксированных акты сублифеодации. Во всяком случае этих примеров достаточно, чтобы насторожить нас против впечатления о «беспредельности» и «преемственности» свободы, создаваемого формулами «tenet de hereditate», «hereditarie». А то обстоятельство, что даже мелкие фригольдеры сплошь и рядом не только обладали грамотами на свои держания, но и составляли грамоты от своего имени, — хорошо установленный факт⁹⁹. Он засвидетельствован огромным количеством примеров, которые при желании могут быть почерпнуты из RH¹⁰⁰. Однако нас в данном случае интересует не этот факт сам по себе, а то, какое значение он имеет при решении вопроса о генезисе фригольда.

Если общепризнано, что фригольд, восходящий к старосвободному держанию, мог быть квалифицирован лишь как «обычный»¹⁰¹, так как его обладатель мог в обоснование своего владельческого титула сослаться лишь на «незапамятную традицию», то столь же очевидно, что фригольдер, обладавший грамотой, как правило, не являлся звеном в непрерывной преемственности цепи держателей, ибо его грамота сама по себе свидетельствовала об имевшем место «перерыве», о феодальном происхождении его владельческого титула, о том, что его фригольд вновь создан, имеет начало, и начало феодальное. Правда, на это можно возразить, во-первых, что фригольдер 1279 г. мог держать по грамоте землю, ранее «старосвободную», но оказавшуюся затем в руках лорда, и, во-вторых, что в этих случаях могла иметь место лишь символическая сублифеодация, т. е. «дарение» того, что в действительности дарителю не принадлежало, другими словами, что в акте дарения проявилось лишь сеньориальное подчинение, «поздняя феодализация» старосвободного владения и, следовательно, что «начало» было здесь не фактическое, а лишь формально-юридическое¹⁰². Но первое возражение ничего, по существу, не меняет, ибо для нас важна лишь «генеалогия» фригольда 1279 г., а не фригольда вообще.

По поводу второго возражения можно сказать, что мы не исключаем возможности того, что отдельные сохранившиеся «обычные» фригольдеры могли предпочесть столь позднюю коммэндиацию угрозе обезземеления, однако мы должны полностью отвергнуть такого рода аргумент как объяснение происхождения мелкого фригольда «по грамоте» в целом, ибо

⁹⁸ RH, II, 722: «...Per feoffamentum Margerii de Ripariis».

⁹⁹ См. M a s s i n g b e a r d. The Lincolnshire Sokemen — EHR, XX (1905), p. 699 ff; M. P o w i c k e. Observations... — «Wirtschaft und Kultur», Baden, 1938, S. 382; F. M. S t e n t o n (ed.). Documents Illustrative..., № 396, 370.

¹⁰⁰ См., например, RH, II, 608: у всех сублифеодателей имеются грамоты.

¹⁰¹ F. P o l l o c k and F. M. M a i t l a n d, I, p. 394—397.

¹⁰² Такой точки зрения, в частности, придерживался П. Г. Виноградов (см. «Villainage», II, p. 349; F. M. S t e n t o n. Documents Illustrative..., Introduction, p. XC).

именно в тех случаях, когда можно больше всего надеяться столкнуться с фактом сеньориального подчинения старосвободных, мы не встречаем, как правило, у таких «фригольдеров» грамот. «Потомственные», «старосвободные» фригольдеры обычно грамот на свои держания не имеют¹⁰³. Искцы отчетливо различают «пришельцев», которые приобретали свои держания по грамоте, от держателей фригольда исстари, по мапориальному обычаю, с незапамятных времен (RH, II, 608). А так как фригольд по грамоте абсолютно преобладает в описях 1279 г.¹⁰⁴, то очевидно, что перед нами во всех этих случаях — новообразование. Свидетельством тому может служить опись гентингдонширской сотни Normancross (RH, 635—663). Значительный мелкий фригольд в этой сотне, разбросанный по двум десяткам вилл, оказывается почти целиком «держанием по грамоте». С этой точки зрения здесь нет различия между держателем гайды и держателем руды. Приведем в качестве иллюстрации опись фьсфа линконширского епископа в вилле Orton-Waterwill (RH, II, 637) и опись фригольда в вилле Sawtry-Beamis¹⁰⁵. В большинстве случаев в качестве правооснования значится: «tenet per cartam». Владельческая структура фригольда этих вилл:

Orton-Waterwill		Sawtry-Beamis	
Владельческая структура фригольда	Правовой титул	Владельческая структура фригольда	Правовой титул
4½ vg	per cartam	2 vg	per cartam
2 vg	»	18 a	»
12 a	»	9 a	»
2 a	»	1 vg	»
2½ a	»	1 vg	»
½ a	»	½ vg	»
½ a	»	1 vg	»
½ a	»	1 vg	»
2 vg	»	1½ a	»
3 a 1 r	»	3 r	»
16 a	ab term. vitae	½ a	»
1 a	per cartam	1 vg	»
2½ a	»	2 a	ad term. vitae
3 r	»	1½ a 1 r	per cartam
1 r	»	½ a	»
		2½ a	»
		1 mes 1½ a	»

Аналогичную картину можно наблюдать по всем другим вотчинам этой сотни. За пределами же сотни Normancross столь интересующие нас сведения о правоосновании фригольда слова становятся эпизодическими и малоубедительными. Таким образом, мы оказываемся перед альтернативой: либо мы должны предположить, что условия возникновения фригольда в сотне Normancross были исключительными, но для этого у нас нет никаких оснований, либо остается заключить, что «исключительность»

¹⁰³ F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 397.

¹⁰⁴ В случаях, когда нет прямого упоминания о грамоте, о ее наличии свидетельствует формула «pro omnibus servitiis». См. RH, II, 621: «Goselinus... tenet 1 vg terre libere reddendo V sol. pro omnibus serviciis sicut continetur in carta sua». Cp. RH, II, 623.

¹⁰⁵ RH, II, 660. Cp. The Register of St. Augustine's Abbey Canterbury, ed. I. J. Turner and H. E. Salter. London, 1915, part II, p. 440. Carta Basilie filie Everardi de quadam parte messuagii; ibid., p. 446; Carta Cristine filie Edwardi de III denariis redditus etc. Cp. C. Ram, III, p. 220: «praeter has habemus franchelenos... quorum servitium nominatum nescimus».

генезиса фригольда в сотне Normancross — результат неоднократно уже отмечавшегося неустойчивости писцов и лиц, дававших ответы на вопросы королевской анкеты 1279 г. Следовательно, мы более чем вправе распространить свидетельства описи сотни Normancross на близлежащий район, т. е. практически на большую часть материала RH. В итоге придется признать, что держание по грамоте абсолютно преобладало среди мелких фригольдеров среднеанглийских графств.

Но так как наличие грамоты само по себе служит свидетельством «феодального начала» фригольда, то мы вправе заключить, что каким бы значительным пи представлялся нам удельный вес «старосвободных» держателей в среднеанглийской деревне¹⁰⁶ к концу XI в., между ними и фригольдерами 1279 г. лежит глубокий водораздел, заключающийся в полном торжестве феодальной собственности на землю. *Истоки мелкого фригольда* средней Англии, как правило, лежат *по эту сторону водораздела* DV и, следовательно, должны уже хотя бы поэтому рассматриваться как феодальные по своей сущности. В самом деле, то обстоятельство, например, что в вилле Orton-Waterville (RH, II, 637), с одной стороны, нет вилланов, а с другой, — все фригольдеры держат по грамоте, заставляет серьезно задуматься над происхождением так называемых неманориализованных вилл. А так как таких «свободных» вилл в среднеанглийских графствах немало, то в каждой из них склонны были видеть драгоценные реликты «золотого» донормандского века¹⁰⁷. На самом же деле систематические указания «tenet per cartam» служат веским предостережением против такого соблазна. По счастливой случайности в описи фригольда этой «свободной» виллы имеется еще более отчетливое указание на источник этой свободы. Так, о вотчине некоей Авиции сообщается: «Rad[ulfus] [de Amundevill] et Avicia totam partem suam liberis hominibus dederunt et vendiderunt qui nunc tenent»¹⁰⁸.

Сопоставим это цепное сообщение с фактом наличия у свободных держателей этой вотчины грамот, и происхождение этой «свободы» станет более чем очевидным. В пользу позднего, феодального происхождения внутриманориального фригольда среднеанглийских графств свидетельствует и тот факт, что преобладающая часть мелких фригольдеров держали свои надельные отпходы не от лордов маноров, а от их держателей, следовательно, эти держания были уже результатом субинфеодации¹⁰⁹.

Но если в RH внутриманориальный фригольд предстает перед нами в его сравнительно поздней генерации, то при желании выяснить, каково было происхождение этого «первоначального» ядра фригольд-держаний, которое мы условно назовем фригольдом «первой генерации», естественно обратиться к более ранним описям. Но таковые, к сожалению, имеются лишь для отдельных маноров.

Обратимся прежде всего к серии описей рамзейских вотчин, датирующихся (правда, весьма приблизительно) второй половиной XII в.¹¹⁰. Для большинства из этих маноров имеются и описи первой половины XIII в. Таким образом, имеется возможность их сопоставить по трем хронологическим разрезам: XII в. — первая половина XIII в. — 1279 г.

¹⁰⁶ P. Vinogradoff. *Villainage...*, p. 178 ff.

¹⁰⁷ Ch. Hill. *The Norman Yoke*. — «Democracy and the labour Movement». *Essays in Honour of Dona Torr*, ed. by John Saville. London, 1954, p. 12.

¹⁰⁸ RH, II, 637. Cp. J. A. Raftis. *Estates of Ramsey Abbey*, p. 87.

¹⁰⁹ Несомненно, что таким образом возникший фригольд значительно затемняет всю проблему генезиса фригольда, ибо он затрудняет реконструкцию фригольд-держаний «первой генерации».

¹¹⁰ Они относятся к манорам Гентингдоншира: Hemmingford (C. Ram., II, 241, 275), Weston (p. 311), Warboys (p. 253), Elton (p. 257), Wistow (p. 274), Broughton (p. 273), Houghton (p. 278), Witton (p. 278), Holywell (p. 281); Кембриджшира: Ellington (p. 304), Stukley (p. 323), Elsworth (p. 248), Graveley (p. 277), Burwell (p. 308), Girtton (p. 313).

Результаты сравнительного изучения рамзейских описей по вопросу о генезисе фригольда суммированы в табл. 18.

Однако прежде чем мы перейдем к такому сопоставлению, необходимо охарактеризовать структуру держаний в XII в.

В вотчинах типа рамзейских, т. е. с рано завершенным процессом манориализации, во второй половине XII в. имелся более чем скромный по своему удельному весу фригольд. Насколько это может быть установлено на основании весьма неполных данных соответствующих описей, соотношение вилланской и свободной¹¹¹ земли было здесь в XII в. следующим:

Манор	Площадь вилланской земли	Площадь свободной земли	Источник
Ellsworth	21 vg	7 vg	Carl. Ram, III, p. 248
Warboys	36 $\frac{1}{2}$ vg	4 vg	» p. 253
Wistow	27 vg	6 $\frac{1}{2}$ vg	» p. 271
Upwood	26 $\frac{1}{2}$ vg	2 $\frac{1}{2}$ vg	» p. 270
Holywell	15 vg	8 vg	» p. 281
Elton	28 $\frac{1}{2}$ vg	15 $\frac{1}{2}$ vg	» p. 257
Girton	16 vg	4 vg	» p. 313
Weston	23 vg	2II1vg (= 9 vg)	» p. 311
Broughton	28 vg	10 $\frac{1}{2}$ vg	» p. 273
Houghton et Wittun . .	39 vg	9vg	» p. 278
Hemmingford	61 vg	11 $\frac{1}{2}$ vg	» p. 275
Итого	321 $\frac{1}{2}$ vg	90 vg	

Таким образом, соотношение вилланской и «свободной» земли в XII в. здесь приблизительно составляло 3,5 : 1. По своему происхождению этот «фригольд» отчетливо делится на две категории: одни держания обозначены «libere» (или «liberi feudati» (C. Ram., III, p. 271), другие сопровождаются приписками «fuit ad opus» (ibid., p. 277) или «de villenagio», «terra operaria», «ibi ad censum» (ibid., p. 281).

Ввиду того, что указанные обозначения встречаются далеко не во всех случаях, подсчеты по вопросу о соотношении этих категорий фригольда невозможны. Тем не менее мы не допустим ошибки, если отнесем большую часть из указанных фригольд-держаний к типу *коммутированных барщинных наделов* в одном случае и *специально созданных наделов министерялов* — в другом. Что касается первых, то они юридически отнюдь не сразу становятся «свободными». *Лишь с течением времени фактическое освобождение получает юридическую силу* (силу обычая). В описи виллы Upwood, например, сообщается: «28 vg fuerunt in tempore Henrici Regis ad opus» в XIII в. их насчитывается 26 $\frac{1}{2}$ (ibid., p. 270). Недостоящих 4 $\frac{1}{2}$ виргат уже нельзя узнать в описи фригольда этой виллы — *внешне они стали неразличимы*. Точно также в описи виллы Holywell сообщается: «23 vg fuerunt in tempore Henrici Regis omnes ad opus modo 15» (ibid., p. 281). Таким образом, за счет вилланской земли, сократившейся на $\frac{1}{3}$, здесь создано почти $\frac{4}{5}$ «фригольда», указанного в описи XII в. Указание fuit ad opus мы находим уже только у 5 vg 40 а, остальная в прошлом вилланская земля уже успела до неузнаваемости раствориться во фригольде. Большая или меньшая часть вилланских наделов была «использована» для создания

¹¹¹ Здесь учтен только фригольд крестьянского типа. Ср. J. A. Raftis. The Estates of Ramsey Abbey, p. 74, 92.

Площадь фригольда (в числителе) и составлявшие ее наделы (в знаменателе) по экстентам рамзейского картулярия * и Сотенным свиткам 1279 г. **

Манор	XII в.	1-я половина XIII в.	1279 г.
Warboys	$\frac{4 \text{ vg}}{1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg}}$	$\frac{10^{1/2} \text{ vg extra hydas}}{2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1^{1/2} \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ H} [10 \text{ a} - 10 \text{ a} - 10 \text{ a}]}$	$\frac{3/4 \text{ vg } 151 \text{ a} (?)}{20 \text{ a} - 40 \text{ a} - 24 \text{ a} - 30 \text{ a} - 1/2 \text{ vg} - 1/4 \text{ vg} - 10 \text{ a} - 7 \text{ a} - 10 \text{ a} - 10 \text{ a}}$
Ellsworth	$\frac{7 \text{ vg}}{1 - 2 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg}}$	$\frac{6 \text{ vg}}{4 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} (!)}$	$\frac{9 \text{ vg}}{1/4 \text{ vg} - 3/4 \text{ vg} - 1/4 \text{ vg} - 1/4 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 2 \text{ vg} [10 \text{ a} - 9 \text{ a} - 5 \text{ a} -] - 3/4 \text{ vg} - 1/4 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 2 \text{ a} - 16 \text{ a} - 2 \text{ vg} (8 \text{ tenem.})}$
Upwood	$\frac{2^{1/2} \text{ H } 2^{1/2} \text{ vg}}{1^{1/2} \text{ H} - 1 \text{ H } 1/2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg}}$	$\frac{1^{1/2} \text{ H } 2 \text{ vg}}{1 \text{ H} - 1/2 \text{ H} - 2 \text{ vg}}$?
Wistow	$\frac{6^{1/2} \text{ vg}}{1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg}}$	$\frac{7 \text{ vg}}{1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 1 \text{ vg}}$	$\frac{1 \text{ vg } 5^{1/2} \text{ a} (?)}{1 \text{ vg} - 4 \text{ a} - 1/2 \text{ a} - 1 \text{ a} \dots ?}$
Hollywell	$\frac{1/2 \text{ H } 9^{1/2} \text{ vg } 40 \text{ a}}{1/2 \text{ H} - 2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 40 \text{ a} - 1 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 1/2 \text{ a}}$	$\frac{1^{1/2} \text{ H } 10 \text{ vg}}{2 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1 \text{ H} - 1/2 \text{ H} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg}}$	$\frac{11 \text{ vg } 18 \text{ a}}{3^{1/2} \text{ vg} - 1^{1/2} \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 10 \text{ a} - 6 \text{ a} - 2 \text{ a} - 2 \text{ mes.}}$
Elton	$\frac{15^{1/2} \text{ vg}}{3 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 1^{1/2} \text{ vg} - 1^{1/2} \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ v} - 1^{1/2} \text{ vg}}$	$\frac{6 \text{ vg} (?)}{?}$	$\frac{15^{1/2} \text{ vg}}{1 \text{ H} [1^{1/2} \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg}] - 1^{1/2} \text{ vg} [14 \text{ a} - 4 \text{ a} - 2 \text{ a} - 1 \text{ a} - 1 \text{ a}] - 1/2 \text{ vg} [3 \text{ tenem.}] - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1^{1/2} \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} (3 \text{ tenem.}) - 1 \text{ vg} (4 \text{ tenem.})}$
Girton	$\frac{1 \text{ vg ad censum}}{2 \text{ H}}$	$\frac{1^{1/2} \text{ vg}}{2^{1/2} \text{ H } 1 \text{ vg } 28 \text{ a}}$	$\frac{1 \text{ vg } 19 \text{ a}}{10^{1/4} \text{ vg}}$
Weston	$\frac{2 \text{ H}}{1 \text{ H} - 1/2 \text{ H} - 1/2 \text{ H}}$	$\frac{1^{1/2} \text{ H} - 1/2 \text{ H} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 28 \text{ a}}$	$\frac{10^{1/4} \text{ vg}}{1 \text{ H} (2 \text{ vg} - 1/4 \text{ vg} - 2 \text{ vg} - 3 \text{ mes.}) - 1/2 \text{ H} - 38 \text{ a} - 1 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 1/2 \text{ vg} - 1 \text{ vg} - 16 \text{ mes}}$

Broughton	$\frac{10\frac{1}{2}vg}{vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{4}vg-1\frac{1}{4}vg-1vg-1vg}$	$\frac{12\frac{1}{4}vg}{2vg(5\text{ tenem.})-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{3}{4}vg-1vg(4\text{ tenem.})-1\frac{1}{4}vg-1\frac{1}{2}vg(9\text{ tenem.})}$	$\frac{11\frac{1}{4}vg}{1vg-1vg(2\text{ tenem.})10a-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-2vg(20a-1r.-1\frac{1}{2}vg)-1vg-2\frac{1}{2}vg(8a-2a-8a)}$
Stucley	$\frac{4\frac{1}{2}H\ 2vg}{2H\ 1vg-1\frac{1}{2}H-1H-1vg}$	$\frac{5H}{2H-2H-1H}$	$\frac{1c\ 4vg}{1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg}$
Houghton	$\frac{3\frac{1}{2}H}{6vg-2vg-2vg-2vg-1vg-2vg}$	$\frac{3\frac{1}{2}H}{6vg-2vg-1vg-2vg-1vg-1vg-2vg}$	$\frac{8vg}{2vg-1vg\ 5a-1vg-4a-4vg-2\text{ mcs.}}$
Hemmingford	$\frac{19\frac{1}{2}vg}{2vg-2vg-6vg-2vg-2vg-2vg-3\frac{1}{2}vg-2vg}$	$\frac{21\frac{1}{2}vg}{2\frac{1}{2}vg-2vg-1\frac{1}{2}vg-1vg-2vg-1\frac{1}{2}vg-2vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1vg}$	$\frac{5vg\ 163a}{2vg\ 41a-24a-1vg\ 30a-1vg-6a-6a-6a-10a-40a-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg}$
Knapwell	?	?	$\frac{1H\ 11a}{5vg}$
Graveley	$\frac{5vg}{2vg-2vg-1vg}$	$\frac{6vg}{2vg-2vg-2vg}$	$\frac{5vg}{3vg-2vg}$
Burwell	$\frac{2H\ 11\frac{1}{2}vg}{2vg-1vg-1vg-1\frac{1}{2}vg-2H-3vg?}$	$\frac{1H\ 10vg\ 70a}{1H-3vg-1vg-3vg-22a-3vg-24a-24a}$	$\frac{1H\ 477a}{1H-90a-80a-80a-90a-80a-9a-24a-24a}$
Ellington	$\frac{1\frac{1}{2}H\ 10\frac{1}{2}vg}{1\frac{1}{2}H-3vg-4vg-1H-1vg-1vg-1\frac{1}{2}vg}$?	$\frac{16\frac{1}{2}vg}{3vg-1vg-1vg-1vg-1\frac{1}{2}vg-6vg(?)}$
Ripton Abbots	?	$\frac{1H\ 3vg}{1H-1vg-1vg-1vg}$	$\frac{2c\ 1\frac{1}{2}vg-66a}{2c-1\frac{1}{2}vg-44a-22a}$
Slepe	$\frac{2vg}{1vg-1vg}$	$\frac{4H\ 15\frac{1}{2}vg}{2H-4vg-1H-2\frac{1}{2}vg-1H-2vg-1vg-1\frac{1}{2}vg-1vg-1vg-3vg-1\frac{1}{2}vg}$	$\frac{4c\ 14\frac{3}{4}vg}{1c-1c-1c-1c-1\frac{1}{2}vg-2\frac{1}{2}vg-2vg-1vg[4\text{ ten.}]-1vg-1vg-1\frac{1}{4}vg-1vg-1vg-1\frac{1}{2}vg-1\frac{1}{2}vg-1vg-2vg}$

* Описи развеейских маноров, относящиеся к XII в., указаны выше (примеч. 110). Описи тех же маноров в первой половине XIII в. см. Wardeboys — Cart. Rames., vol. I, p. 305; Ellesworth — ibid., p. 273; Upwode — ibid., p. 340; Wistow — ibid., p. 351; Hallywele — ibid., p. 293; Aethelingtune — ibid., p. 487; Grettun — ibid., p. 491; Westune — ibid., p. 268; Brocthune — ibid., r. 330; Stivecle — ibid., p. 392; Hoctune — ibid., p. 272; Hemingford — ibid., p. 380; Gravele — ibid., p. 273; Burwelle — ibid., p. 340; Ripton Abbatis — ibid., p. 397; Slepe — ibid., p. 271.

** Описи анализируемых в таблице маноров см.: Wardeboys — RH, II, 601; Ellesworth — ibid., p. 482; Wistow — ibid., p. 602; Hallywele — ibid., p. 603; Aethelingtune — ibid., p. 656; Grettun — ibid., p. 457; Westune — ibid., p. 629; Brocthune — ibid., p. 600; Stivecle — ibid., p. 598; Hoctune — ibid., p. 601; Hemingford — ibid., p. 680; Gravele — ibid., p. 471; Knapwell — ibid., p. 481; Burwelle — ibid., p. 499; Ellinton — ibid., p. 630; Ripton Abbatis — ibid., p. 600; Slepe — ibid., p. 608.

фригольда и во всех других вотчинах¹¹². Таким образом, не подлежит сомнению, что так называемой ранней коммутации XII в. и обязана своим появлением значительная часть «свободных» держаний в пределах барщинного крупного манора.

С этой точки зрения весьма показательным то место в описи XII в., которое гласит (Graveley): 26 $\frac{1}{2}$ vg «(fuerunt) ad opus vel ad censum si firmarius voluerit» (ibid., p. 246). Оно полностью идентично с соответствующими формулами конца XIII в. Однако последствия этих двух волн коммутации были различны¹¹³.

Обратимся теперь к той категории фригольдеров рамзейских вотчин XII в., которая обозначена в экстендах *liberi feudati*. При более близком рассмотрении в них легко различить военно-служилую прослойку, составлявшую в ряде вотчин, по существу, весь контингент фригольдеров. В вилле *Poluwel*, например, если оставить в стороне держателей в прошлом вилланской земли, то останутся в качестве *liberi feudati*: *Rob. Miles* с двумя держаниями в $\frac{1}{2}$ H и 2 vg и *Iohannes Miles* с $\frac{1}{2}$ vg¹¹⁴. В вилле *Stukley* весь фригольд находился в руках трех держателей-рыцарей: *Goselinus* с держанием (по существу вотчиной) в 2 H 1 vg, *Robertus Miles* и *Fulco Lisures* с 1 H (С. Ram., III, p. 274). В вилле *Urwood* весь фригольд состоял из держаний двух рыцарей: *Olivers Miles* — 1 $\frac{1}{2}$ H; *Rogerus de Urwoode* — 1 H $\frac{1}{2}$ (ibid., p. 270). В вилле *Elsworth* фригольд XII в. был представлен тремя держаниями военно-рыцарского типа: *Thomas filius Militis* с 4 vg, *Robertus filius Turkili* с 2 vg, *Iohannes filius Pagani* с $\frac{1}{3}$ vg¹¹⁵.

Совершенно очевидно, что держатели на рыцарском праве, если даже в их руках и оказывалась «старосвободная» земля (весьма, впрочем, редкая в вотчинах этого типа), обязаны были своим владением субинфеодации, т. е. феодально-правовому акту. Недаром источник именует их *liberi feudati*. Среди немногочисленных фригольдеров рамзейских вотчин XII в. легко различить также прослойку министерялов невоенного типа — держателей сержантерий. Монастырь наделял ими и новара, и пекаря, и посылного, и плотника, не говоря уже о министерялах, занимавших более почетные должности¹¹⁶.

Характерна в этом отношении опись виллы *Hemmingford* (ibid., p. 275—277). Если оставить в стороне некоего Томаса, именуемого *Miles*, то среди фригольдеров здесь фигурирует *Ralfus Serviens* с 2 виргатами вилланской земли, освобожденной, впрочем от барщины. Вальтер *Messenger* также с 2 виргатами «за службу», соответствующую, вероятно, его прозвищу. Однако держания этого рода очень трудно выделить. Описи XII в., сообщающие, как правило, одни лишь имена фригольдеров без прозвищ, опускают характер повинностей.

Итак, анализ рамзейских экстендов XII в. убеждает в том, что основной контингент фригольдеров «первой генерации» состоял из представителей

¹¹² В вилле *Elton* 6 $\frac{1}{2}$ виргат (см. С. Ram., III, p. 257); в вилле *Girton* весь фригольд состоял из одной виргаты в прошлом вилланской земли (см. С. Ram., III, p. 313).

¹¹³ Коммутация XII в. происходила в условиях еще не сформировавшегося окончательно вилланского права, поэтому она могла привести к фактическому, а с течением времени и юридическому освобождению держания; в середине XIII в. коммутация уже не затрагивала вилланский статус держания. Быстрее всего были коммутированы повинности тех держателей, которые лежали вдали от домена. Именно на далекой периферии манора появляются первые элементы «свободы». Ср. Seeliger. *Die sociale und politische Bedeutung...*, S. 191.

¹¹⁴ С. Ram., III, p. 281. Ср. J. A. Raftis. *The Estates of Ramsey Abbey*, p. 47—47. 50.

¹¹⁵ С. Ram., III, p. 248. Ср. ibid., p. 294. Принадлежность этих держателей к типу «рыцарей» устанавливается при помощи идентификации имен собственных фригольдеров всех рамзейских экстендов.

¹¹⁶ В описи манора *Broughton* внимание привлекает некий *Carpentarius* с виргатой *libere*, а в маноре *Wistow* некий *Cocus* также с виргатой *libere* (С. Ram., III, p. 271).

низшей военно-служилой прослойки феодальной баронии, с одной стороны, и мелких вотчинников — с другой; что фригольд в свою очередь состоял из двух частей: земель, изначально субинфеодированных в качестве «свободного держания», т. е. держания военно-служилого¹¹⁷, и в прошлом вилланской земли, превращенной по тем или иным соображениям в «пизшую» сержалтерию или в держание за денежный депз. «Фригольд» здесь порожден феодальными и хозяйственными потребностями аббатства. Только относительно генезиса считанных рамзейских фригольд-держаний XII в. нельзя сказать ничего определенного. По своим размерам они колеблются от гайды до полвиргаты; имена их держателей временами наводят на мысль об «исконности» их свободы — Ulric, Alfwinus (*ibid.*, p. 311), Ailricus (*ibid.*, p. 271), в противовес таким рамзейским фригольдерам, как Clervaux (*ibid.*, p. 246), Lisures (*ibid.*, p. 274), Vernon (*ibid.*, p. 304), но сама по себе единичность этих неопределенных случаев лучше всего свидетельствует в пользу сделанных выше наблюдений. Рамзейский фригольд XII в. в основной своей части, несомненно, сеньориального происхождения.

Сопоставим теперь площадь фригольда и составляющие его паделы по всем доступным нам экстентам рамзейских вотчин и сравним полученные данные с материалом RH (см. выше стр. 176—177). Из учтенных 18 вотчин к середине XIII в. сколько-нибудь заметное приращение фригольда обнаружено только в 7 случаях¹¹⁸, а к 1279 г. — только в одном¹¹⁹. Нам представляется, что на основе этих данных можно сделать то заключение, что площадь фригольда рано проявляет тенденцию к константе, а к середине XIII в. она окончательно застывает и достигает в тех условиях максимума. Более того, описи 1279 г. в ряде случаев обнаруживают сокращение этой площади по сравнению с первой половиной XIII в. и возврат к исходным данным XII в.¹²⁰ Таким образом, поскольку это относится к манорам Рамзейского монастыря, то не подлежит сомнению, что фригольд «крестьянского типа» образовался здесь в основном между правлением Генриха I и первой половиной правления Генриха III (началом XII в. и серединой XIII в.).

Еще более правомерным этот вывод представляется в отношении времени образования слоя мелких фригольдеров — с тем, правда, отличием, что его численность не только не застыла к середине XIII в., а продолжала множиться к 1279 г. за счет дробления «первоначальных» фригольд-держаний. Одним словом, «сословие фригольдеров» в рамзейских вотчинах —

¹¹⁷ К такому же выводу приводит изучение описей Шефтсберийского монастыря первой половины XII в. В абсолютном большинстве случаев свободные (за денежную ренту) держатели либо несли военно-рыцарскую службу (см. Shaftesbury Chartulary. Brit. Mus. Harl., 61, f. 39: «Edwardus habet unam hidam et ex ea facit finem nnius militis»), либо исполняли обязанности министериалов (см. *ibid.*, f. 41: «Ailwardus de dimidia hida ibit ad sciras at hundredum et in legacionem citra mare et ultra mare...»).

¹¹⁸ Warboys — с 4 vg — 10¹/₂ vg, Burwell — с 1 II 10¹/₂ vg — 1 H 12 vg, Holywell — с 1/2 II 9¹/₂ vg — 40¹/₂a — 1¹/₂ II 10 vg, Weston — с 2 H 1 vg — 2¹/₂ H 1 vg, Broughton — с 10¹/₂ vg — 12¹/₄ vg, Hemmingford — с 19¹/₂ vg — 21¹/₂ vg, Graveley — с 5 vg — 6 vg.

¹¹⁹ Elsworth — с 7 vg до 9 vg. Вообще следует подчеркнуть, что опись фригольда в RH оказывается зачастую более грубой, дефектной, чем описи его в монастырских экстентах.

¹²⁰ Нильсон (см. N. Neilson. Economic Condition on the Manors of Ramsey Abbey. Philadelphia, 1898, p. 28.) констатирует значительное увеличение числа баронных паделов: в Wistow с 27 vg до 30¹/₂ vg, в Broughton с 28 vg до 30 vg, в Ellington с 24 vg до 27¹/₂ vg. В экстенте этого манора (1218—19) мы читаем: «Omnes positi ad censum debent par annum pro virgata 8 solidos» (C. Ram., I, p. 488). В RH, II, 482 всего числится ad censum 2 vg. С другой стороны, если только в RH, II, 602 писцы не допустили ошибки, записав XVII вместо XXVII, то здесь произошло значительное сокращение площади вилланской виллы (в экстенте XII в. — 27 vg ad opus). В маноре Holywell площадь земли ad opus сократилась с 23 vg до 15 vg, а в маноре Warboys — с 4¹/₂ vg до 33¹/₃ vg. Cp. J. A. Raftis. The Estates of Ramsey Abbey, p. 116.

позднего происхождения. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить следующие данные:

Вотчина	Число фригольдеров крестьянского типа		
	XII в.	1-я половина XIII в.	1279 г.
Elsworth	4	3	21
Warboys	4	9	9
Wistow	9	7	?
Elton	11	?	27
Girton	1	1	6
Weston	4	5	32
Broughton	7	24	18 (?)
Stukley	1	3 (?)	13
Knapwell	2	?	27
Barwell	5	29	38
Graveley	3	3	8
Ellington	4	?	19
Slepe	2	12	29
Ripton Abbots	?	4	5
Hemmingford	6	11	11
Houghton et. Witton	6	5	8
Итого	69	116	271

Итак, если в рамзейских экстендах XII в. можно насчитать 69 держателей за денежную ренту, то в первой половине XIII в. их уже оказывается 113, а к 1279 г. — 271¹²¹. Таким образом, если исходить наиболее интенсивного образования мелкого фригольда приходится преимущественно на XII в., то время складывания прослойки фригольдеров падает на конец XII и главным образом на XIII в.

Сравнительное изучение рамзейских экстендов и RH позволяет отметить, что папльв новых держателей совершался при сравнительной устойчивости «первоначального» ядра фригольдеров. Сопоставление имен собственных по экстендам XII—XIII вв. не может быть осуществлено сколько-нибудь систематически из-за отсутствия у большинства фригольдеров «фамилий» (cognomina). Но тем ценнее те редкие свидетельства, которые удается обнаружить в источниках в пользу тезиса об удивительной «цепкости» изначальных фригольдерских родов, иначе говоря, о преемственности владельческих титулов в руках одних и тех же фамилий на протяжении столетий. Вот некоторые примеры, почерпнутые из указанных выше источников:

XII в.	1-я половина XIII в.	1279 г.
Hemmingford:		
Ric. Vernon — 3½ vg	Jordan Vernon — ½ vg	Rad. Vernon — 1 vg 30 a
Walt. Messenger — 2 vg	Ric. Messenger — 1½ vg	?
Rad. Heres — 2 vg	?	Joh. le Heir — 2 vg 41 a
?	Ric. Le Chive — 2½ vg	Agnes Le Cleeve — 6 a
Gaufr. Camerarii — 2 cot	Warin fil. Gaufr. — 2½ vg	?
Stukley:		
Rob. Miles — 1½ H	Walt. de Stivecle — 1½ H	Paulin de Stivecle — 1 c
Wistow:		
Fil. Rog. Gernun — ½ vg	Joh. Gernon — ½ vg	Walt. Gernon — 4 a

¹²¹ Этот рост был бы еще более значительным, если бы для ряда вотчин не отсутствовали сведения для XIII в. Кроме того, в число фригольдеров (в более поздних экстендах) не включены держатели мессуагиев за денежную ренту. Ср. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 182: (1215 г.) «...число горожан, мелких вассалов и небогатых фригольдеров (свободных крестьян) очень увеличилось».

В действительности же преемственность основных фригольдерских фамилий должна была быть еще более частой, чем это устанавливается при помощи идентификации имен собственных¹²².

Наблюдения, сделанные на основе рамзейских экстенгов, подтверждаются при изучении разновременных описей и других вотчин. Так, мы имеем возможность сопоставить имена держателей за денежную ренту в маноре Beauchamp (Эссекс) в 1181 и 1222 гг. В разделе экстенга 1181 г. «*isti tenent de dominio*» мы насчитали 22 держателя, держания которых варьировали от 1 а до 24 а. К 1222 г. 14 из этих держаний остались в руках тех же фамилий¹²³. В промежутке между 1181 и 1222 г. на поместьи возникло 13 новых мелких держаний, на которых появились фамилии, ранее здесь неизвестные. Такая же картина устойчивости основного ядра держателей фригольда при одновременном значительном росте общего числа держателей обнаруживается и в разделе, озаглавленном «*libere tenentes*». В 1181 г. здесь насчитывалось 16 таких держаний, к 1222 г. в руках тех же фамилий сохранилось 11 держаний¹²⁴. Вновь возникло 9 держаний, главным образом за счет дробления других¹²⁵.

Точно так же весьма незначительными оказались изменения в держательской структуре фригольда в вотчине тамиллеров в вилле Hensington между 1185 и 1279 гг. В одном случае на виргате вместо одного держания оказалось трое, в другом — вместо двух держаний (каждое по одной виргате) оказалось одно держание из двух виргат¹²⁶.

¹²² Сопоставим в качестве примера фригольдеров манора Slepe по описям XIII в. с материалами RU:

Первая половина XIII в.	1279 г.
Joh. Movy — 2 H	Joh. Movyn — 1 c
Ivon Hirst — 4 vg	Ivon de Hirst — 1 c
Bald. de Stowe — 2½ vg	Will. de Stowe — 2½ vg
Ric. Ulf — 2 vg	Will. Hulf — 2 vg
Will. Noreys — 1 vg	Rad. Noreys — 1 vg
Will. le Hcyr — ½ vg	Simon de Eyr — 1½ vg
Simon fil. Ad. — 1 H	Simon Osbricit — 1 c

Таким образом, из 12 «фамилий» фригольдеров середины XIII в. к 1279 г. можно проследить 7. Возможно, что у других «фамилий» изменились. Может быть, заслуживает быть отмеченным тот факт, что «фамилии» вновь появившихся фригольдеров свидетельствуют, что перед нами либо пришельцы из других вилл (например, Джон де Houton, Ричард де Alkmundebir, Вильям де Swafham), либо являются «ответвлениями» старых фамилий — так, например, фамилия Clervaux в XII в. встречается лишь в маноре Graveley (С. Ram., I, p. 246), в 1279 г. она встречается уже в трех виллах (RH, II, 499, 602, 603). То же с фамилиями Eyr, Gorman, Vernon etc.

¹²³ См. DB of St. Paul's. 1222, ed. W. H. Hale. London, 1858, p. 29, 114.

1181: Rog. fil. Eadwini — 1 a	1222: Ric. fil. Rog. — 1 a
Rob. Ruffus. — 1 a	Relicta Ruffi — 1 a
AJan. Pellipar — 1 a	Joh. Pellipar — 1 a
Herbert — 3 a	Rob. fil. Herberti — 1 a
Godwin Carpent — 1 a	Will Cappent — 1 a
Stonhard — 2 a	Rob. fil. Stonhard — 2 a
etc.	etc.

¹²⁴

1181: Hugo Maldon — 2 vg — 20 s	1222: Joh. le Mladon — 2 vg — 20 s
Ric. Archarius — 4 vg — 28 s	Thom. Archarius — 4 vg — 28 s
Wlwinus — 10 a — 32 d;	Gladew. fil. Wlwini — 10 a — 32 d —
7½ a. — 2 s.	7½ a — 2 s
Anschitillus — 1 vg	Ancetilus — 1 vg
Absalon — 5 a	Will. fil. Absalon — 5 a
Herberti — ½ vg	Ric. fil. Herberti — ½ vg
etc.	etc.

¹²⁵ См., например:

1181: Hugo Wind — 3 vg 5 a	1222: Will. Brun. — 2 vg 5 a	} [3 vg 5 a]
etc.	Basilia Widua — 1 vg	

¹²⁶ Records of the templars, p. 46—47.

Главное, что вытекает из анализа разновременных экстенгов, заключается, однако, в том, что в течение XIII в. лишь в очень незначительной степени увеличилась площадь фригольда, зато резко возросла численность фригольдеров (преимущественно на мелких и мельчайших держащих, возникших прежде всего в результате дробления «первоначальных» наделов). С конца XII в. в деревне все чаще появляются «пришельцы»¹²⁷, по крайней мере фактически свободные, которые ищут возможности в ней поселиться, а для этого пригоден любой клочок земли, уступленный им за плату. Немало было среди них и денежных людей, которые «шили себе лоскутное, но зато теплое одеяло» (выражение А. Н. Савина) из разноликих осколков домена и держательских наделов¹²⁸.

В поисках путей, которые позволили бы выйти за пределы церковной вотчины и распространить сделанные ранее наблюдения и на светский манор, мы обратились прежде всего к RH 1279 г. К какому выводу позволяют они прийти по вопросу о путях возникновения фригольда? Описям 1279 г. известны два пути его образования: *de dominio* и *de villenagio*¹²⁹. Если и был какой-либо третий путь, то о нем во всяком случае умалчивают писцы Эдуарда I. Несомненно, что нам было бы весьма интересно выяснить, какой из указанных двух путей был наиболее обычным в практике среднеанглийских вотчин. Чтобы ответить на этот вопрос, мы предприняли попытку сопоставить владельческую структуру одних и тех же вотчин по RH и DB. Познавательное значение такой параллели обусловлено тесной преемственной связью как терминологической, так и статистической, которая существует между этими источниками. Необходимо, однако, соблюдать одно условие: сопоставлять следует лишь те вотчины, которые в исходный и конечный момент обнаруживают неизменность не только внешних границ (т. е. пахотной площади), но и границ между отдельными частями манора. Несмотря на это ограничительное условие, число описей, пригодных для такого рода сопоставлений, оказалось достаточно большим¹³⁰. В зависимости от того, за счет какой части манора XI в. предположительно мог возникнуть фригольд 1279 г., все сопоставленные вотчины разделены на 4 группы: 1) вотчины, в которых фригольд, вероятнее всего, образовался за счет домена; 2) вотчины, фригольд которых образовался за счет земли вилланов; 3) вотчины промежуточного типа (т. е. в которых фригольд образовался как за счет домена, так и держаний вилланов); 4) вотчины, в которых появление фригольда не затронуло ни площади домена, ни вилланских держаний. Приведем примеры вотчин всех четырех групп (табл. 19).

Ввиду сложности вопроса и специфики данных, при помощи которых он здесь решается, целесообразно проанализировать ряд конкретных примеров с тем, чтобы было совершенно ясно, на чем основаны нижеследующие подсчеты. Случай образования фригольда за счет домена, может быть, наиболее распространенные в реальной действительности, обнаруживаются, однако, гораздо реже других. Причиной тому служит разнохарактерность земельной мер, в которых фиксируются различные части вотчин. Домен, как правило, обозначается в RH в карукалах (см. II, 782, *passim*), фригольд же чаще всего в виргатах и акрах. Следует, однако, учесть, что эленка домена может оставаться прежней и традиционной и после того,

¹²⁷ Термин *hospites* в малоприальных экстенгах не встречается. Однако это не означает, что здесь неизвестна была подобная категория держателей. Cp. *Pl. Abbr.*, p. 271: «*Multi eos [villanos] sunt adventicii quibus tenementa sua tradite fuerunt ad voluntatem domini*».

¹²⁸ См. ниже, § 4 и 5.

¹²⁹ RH, II, 771 (Berewyk): «*Joh[annes] Jordan tenet 1 vg. Libere fuit de villenagio. Ric[ardus] Bele tenet 1 vg terre que fuit de dominio*». Cp. Boldon Buke, ed. W. Grenville (Surtees Society, 1851, p. 32 (Langchester): все земли, сдававшиеся здесь на денежную ренту, значится: «*sunt de dominio*».

¹³⁰ Только для одного Оксфордшира, например, таких вотчин набралось 158.

Примеры сопоставления владельческой структуры вотчин по DB (1086 г.) и RH (1279 г.)

Тип вотчины	Манор	Источники	Площадь домена	Число вилла-нов	Всего земли у вилланов	Площадь фригольда
Вотчины I группы	Torrinton*	DB, I, 151b; RH, II, 352.	3 с. (1)**	12	5 с (1 с)	?
	Radeclive	DB, I, 151b; RH, II, 352	1 с	—***	12 vg	18 ³ / ₄ vg
	Hareworde	DB, I, 147b; RH, II, 336	3 с	6	3 с	?
	Foxecote	DB, I, 144b; RH, II, 339	3 vg	—	10 ¹ / ₂ vg	4 ¹ / ₂ vg
	Scaldiston	DB, I, 146a; RH, II, 340	4 с	8	5 с	?
			1 ¹ / ₂ H	—	2 II 2 ¹ / ₂ vg	9 vg
				1	2 с	?
				—	2 ¹ / ₂ II 1 ¹ / ₂ vg	5 1 ¹ / ₂ vg
				8	5 с (1 с)	?
				—	15 vg	12 vg
Вотчины II группы	Maddingle	DB, I, 201a; RH, II, 447	2 с	7	4 с (1 с)	?
	Bodekesham	DB, I, 196a; RH, II, 484	2 II	—	1 vg	450 а
	Wilburham	DB, I, 199b; RH, II, 491	6 с	25	14 с	?
	Magna	DB, I, 199b; RH, II, 491	400 с	—	180 а	13 vg 163 а
	Swafham-	DB, I, 190b; RH, II, 484	2 с	7	7 с	?
	Bolbec	DB, I, 190b; RH, II, 484	320 а	—	330 а	200 а (?),
Foxton	DB, I, 193a; RH, II, 547	3 с	12	8 с	?	
			300 а	—	6 ¹ / ₂ vg	7 ¹ / ₂ vg 328 а
			2 с	26	6 с	?
			300 а	—	359а	77 а
Вотчины III группы	Lulingtone	DB, I, 147; RH, II, 340	1 ¹ / ₂ (1 ¹ / ₂) с	6	2 (1) с	?
	Stradford	DB, I, 149b; RH, II, 342	1H	—	9 vg	5 ¹ / ₂ vg
	Gatehurst	DB, I, 145a; RH, II, 346	3 с	10	5 с	?
	Felmersham	DB, I, 317a; RH, II, 325	1 H	—	1 H 3 vg	1 ¹ / ₂ H 12 vg
	Wahul	DB, I, 211a; RH, II, 327	2 с	10	2 с	?
				4 vg	—	6 vg
			4 с	6	5(1) с	?
			6 vg	—	1 ¹ / ₂ vg	24 ¹ / ₂ vg
			2 H (2 с)	12	3 с	?
			180 а	—	4 ¹ / ₂ vg	13 ³ / ₄ vg
						100 а
Вотчины IV группы	Lechamsted	DB, I, 147b; RH, II, 338	2 с	?	1 ¹ / ₂ с	?
	Podintone	DB, I, 215b; RH, II, 328	2 II	—	7 vg.	5 ¹ / ₄ vg
	Triplaw	DB, I, 197a; RH, II, 542	3 с	7	2 ¹ / ₂ H	?
	Wodestun	DB, I, 205a; RH, II, 643	3 с	—	10 ³ / ₄ vg	14 ¹ / ₄ vg
	Haliwelle	DB, I, 204a; RH, II, 603	3 с	12	5 с (2 ¹ / ₂ H)	?
				360 а	—	360 а
			1 ¹ / ₂ II	16	4 с	?
			1 ¹ / ₂ H	—	15 ¹ / ₂ vg	14 ¹ / ₂ vg
			2 с	26	6 с	?
			2 с	—	32 vg	10 vg 5 а

* В данной таблице названия маноров приведены в транскрипции источника.

** В скобках приводится число так называемых «потенциальных карук», которые, по сведениям DB, «могли быть прибавлены» к «плугам», наличным в 1086 г.

*** Число вилланов для 1279 г. здесь и ниже опускается.

как на нем исполнено немало мелких фригольдеров¹³¹. Только массовая раздача домениальной земли приводит к сокращению традиционного числа

¹³¹ См. Book of Seals, N 114 (Cogges): «Ego Robertus de Arsic statui terram de meo dominico scilicet: Waltero de Wik — 2 а; Ricardo de Burton — 2 а; Johann. Molend — 1¹/₂ а Reginald' — 2 а» и далее идут 21 подобных держания. Очевидно, что на оценку домена в каруках эти держания не могут отразиться.

карук и, следовательно, отражается в описи. В вилле Westwell (Оксф.) DV фиксировала 5 карук в домене и 2 каруки у вилланов¹³²; RH обнаруживают полную сохранность вилланской земли (здесь 11½ vg). Откуда же взялись 14 виргат, которые пошли на создание фригольда? Ответ на этот вопрос мы находим при сопоставлении площади домена в 1086 и 1279 г.: в первом случае она составляла 5 карук, во втором — только 2; 14 виргат приблизительно и составляют площадь трех исчезнувших карук. Случаи появления фригольда за счет земли вилланов улавливаются в анализируемых описях гораздо чаще, так как разнохарактерность мер, в которых фиксирована вилланская земля в DV и RH, корректируется сплошь в рядом указанием на число вилланов.

Примером может служить вилла Bletsoe (Бедф.). За счет каких частей ее возник к 1279 г. фригольд в 15½ виргат? Сопоставление домена по DV и RH убеждает в том, что его площадь не только не сократилась, а увеличилась: вместо 2 карук в 1086 г. к 1279 г. здесь оказалось 4 каруки¹³³. Площадь же вилланских паделов значительно сократилась: в 1086 г. здесь насчитывалось 13 вилланов с 6 каруками, в 1279 г. фиксировано только 6 виргат вилланской земли. Естественно поэтому предположить, что недостающая площадь оказалась хотя бы частично в руках фригольдеров.

Однако наименее ясными и поэтому наиболее загадочными случаями представляются те из них, в которых источник фригольда остается как бы за пределами пахотной площади, фиксированной в описях 1086 г., иначе говоря, когда образование фригольда не затрагивает ни площадь домена, ни площадь вилланских держаний. Наглядным примером этому является опись рамзейской вотчины Holywell¹³⁴.

В DV домен этого манора оценивался в 2 каруки, причем он не входил в общую оценку манора; вилланы и бордарии имели 6 карук, оценивавшиеся в 8 гайд. Из описи 1279 г. мы узнаем, что в маноре 10 виргат фригольда. Между тем площадь домена не затронута (в нем те же 2 каруки), как не затронута и площадь вилланских держаний. На 8 гайд DV в RH фиксировано 32 виргаты. Таким образом, источник фригольда не может быть обнаружен в описанных частях этого манора, он находится вне описи. Но где же?

Хейл, сопоставляя таким же образом экстенды Вустерского монастыря 1240 г. с данными DV, также обнаружил extra-freehold, т. е. фригольд, укладываемый в площадь, фиксированную в том или ином случае в 1086 г. Эти факты служили в его глазах свидетельством существования других земель помимо тех, что находились в домене и у вилланов, земель, якобы находившихся и в 1086 г. в руках «фригольдеров», которые систематически — из манора в манор — опускались исследованием Вильгельма I¹³⁵. При этом не трудно заметить, что Хейл исходит из более чем рискованного предположения о том, что площадь манора в целом и его отдельных частей — постоянная величина. Поэтому, обнаруживая в 1247 г. «лишнюю» землю (сверх того, что фиксировано в DV), он каждый раз относит это расхождение за счет неполноты описи 1086 г. Но если бы дело обстояло таким образом, то почему лишняя земля обнаруживается в некоторых манорах, в то время как стоимость, в которой Хейл усматривает денежные платежи «опущенных» фригольдеров, приводится во всех без исключения манорах? Почему в большинстве случаев источник фригольда обнаруживается именно в тех частях маноров, которые описаны в 1086 г.?

Сопоставление земельных мер DV и RH дает, как нам кажется, достаточное основание отвергнуть теорию Хейла как надуманную. Как прави-

¹³² DV, I, 160a; RH, II, 697. Ср. RH, II, 652—653; «7 tenentes... tenent hidam de, dominico».

¹³³ DV, I, 213a; RH, II, 324.

¹³⁴ DV, I, 204a; RH, II, 602. Ср. C. Ram., III, p. 284.

¹³⁵ Reg. sive liber irrotularius. Introduction, p. XVI, XVIII.

до, в 1086 г. описывались все части маноров, и поэтому решение вопроса нужно искать, исходя не из предположения о неизменности границ манора, а наоборот, из их непостоянства и текучести¹³⁶. Это обстоятельство косвенно подтверждается в опыте Баринга. Сопоставляя экстенды вотчин церкви св. Павла, Глостерского и Рамзейского монастырей с DB (всего 22 манора), он только в двух из них (Sutton и Beauchamp) обнаружил держания, происхождение которых нельзя было объяснить исходя из площади, фиксированной в 1086 г. Его вывод сформулировал следующим образом: «В абсолютном большинстве маноров очевидно, что в 1086 г. не могло существовать еще каких-либо держателей, кроме тех, которые фиксированы в DB. Для них просто нет места»¹³⁷. В ряде случаев там, где в манорах имелась земля *extra hydas* (т. е. свободная от обложения, обычно доменальная), в 1086 г. действительно могли опускаться держатели, помещенные на ней¹³⁸. Однако, то, что является исключением, не может служить ключом для объяснения правила.

Немаловажным источником для появления «лишней земли» (на которой мы находим в XIII в. фригольдеров) должны были быть расчистка леса и вовлечения под обработку пустоши. Процесс «освоения» нови отмечается в Англии XII в., как и в других странах Западной Европы, хотя он не принял здесь столь значительных масштабов¹³⁹. И точно так же terra nova служила здесь, как и на континенте, рассадником «свободы», т. е. держаний за денежную ренту¹⁴⁰. Колонизация пустоши была первой реакцией крепостнической вотчины на развитие товарно-денежных отношений: сохраняя неприкосновенным до поры до времени традиционное крепостничество, лорд пытается создать источник дополнительной денежной ренты на «манориальной периферии». Факты возникновения фригольда за счет «освоенной» пустоши столь часты в RH, что пройти мимо них при объяснении «источников» «лишней земли» значило бы пройти мимо важной стороны всего вопроса¹⁴¹. Известную роль в возникновении «загадочной» площади фригольда в XIII в. должны были играть и случаи позднейших приобретений лордами соседних «свободных» земель. Сохранившиеся еще в 1086 г. в порох «манориальной ткани» свободные элементы к концу XII в. оказались уже «в рамках» тех или иных маноров — либо путем запоздалой коммендации, либо сгона исконных держателей соседними лордами, либо, наконец, путем «выкупа» этих земель¹⁴². Таким образом, очевидно, это объяснение источников фригольда в описях «загадочной» IV группы следует искать не столько в «упущениях» (мнимых и действительных) DB, сколько в последующих приращениях нахотной

¹³⁶ RH, II, 663: «...Due Hide de assarta». Cp. RH, II, 660 (Sawtry): «6½ vg cum assarta». Cp. DB of St. Paul's p. 4; [tenentes] de novis assartis»; p. 7: «tenentes de assartis veteris».

¹³⁷ F. Baring. DB and some XIII-th Century Surveys.— EHR, № 45, 1897, p. 285.

¹³⁸ C. Ram., I, p. 307 (Warboys): «...Sunt decem hydae terrae preter dominicum abbatis et decem virgatae et dimidia virgata terrae extra hydas quas... *liberi acermanni* et colarii tenent». Cp. RH, II, p. 634 (Wassingle): «...ad totam dictam villam... tam de assartis quam de aliis pertinent X hideae».

¹³⁹ The Cambridge Economic History of Europe, I. Cambridge, 1941, p. 77—78; R. (le) Grand et R. Delatouche. L'agriculture au moyen-âge. Paris, 1950, p. 86 sq.

¹⁴⁰ Cp. Calendar of Miscellaneous Chancery Inquisitions, v. I. London, 1916, p. 150, N 452: «*Liberi tenentes de vetero et de novo assarto*». Cp. RH, II, 663.

¹⁴¹ Cp. W. Stubbs. Select Charters, p. 383. Petition of the barons at the Parliament of Oxford, § 8: «Item petunt de essartis factis infra metas forestae de terris suis propriis et de tenementorum suorum de novo arentatis».

¹⁴² С характерным случаем такого позднего присоединения свободной земли мы встречаемся в DB of St. Paul's, p. 141: «Manerium de Sandona defendebat se tempore regis Henrici primi pro X hydys versus regem. Et preter X predictas hydas due hide sunt apud Luvchale [que reddunt vicecomiti] et sunt de manerio de Sandone». То обстоятельство, что две гайды «платят», т. е. не изъяты из обложения, и вместе с тем стоят обособленно от общей оценки манора, свидетельствует о том, что они лишь впоследствии были присоединены к этому манору.

площади соответствующих маноров. Приведем итоговые результаты этого исследования по всем пяти графствам:

Графство	I группа	II группа	III группа	IV группа	Вотчины, где фригольд XIII в. может быть объяснен «преемственностью свободы»
Оксфордшир . . .	5 (7,8%)	27 (42,1%)	8 (12,5%)	24 (32,8%)	3 (4,8%)
Бекингемшир . . .	4 (36,3%)	4 (36,3%)	2 (18,2%)	1 (9,2%)	—
Гентингдоншир	3 (7,7%)	19 (48,7%)	4 (10,2%)	11 (28,2%)	2 (5,2%)
Кембриджшир . . .	6 (15,7%)	14 (36,7%)	3 (7,9%)	13 (34,2%)	2 (5,5%)
Бедфордшир . . .	—	4 (66,6%)	—	2 (33,4%)	—
По всему материалу	18(11,3%)	68 (43%)	17 (10,0%)	48 (30,0%)	7 (5,7%)

Анализируя эти данные, не следует, конечно, забывать их выборочный характер. Однако, учитывая, что процент анализируемых здесь вотчин (к общему числу описанных в RH) довольно высок (около 20%), мы вправе видеть в них отражение, более или менее адекватное, путей генезиса фригольда в среднеанглийских графствах. Прежде всего заслуживает внимания тот факт, что процент случаев, когда фригольд XIII в. может с какой-либо степенью очевидности быть «выведен» из «свободных держаний» 1086 г., крайне незначителен (лишь 5,7% всех учтенных здесь вотчин). Зато почти в половине вотчин (43%) фригольд XIII в. образовался за счет земель, фиксированных в DB за вилланами. Следовательно, именно здесь следует видеть основной источник внутриманориального фригольда. Процесс коммутации, протекавший хотя и весьма неравномерно (как хронологически, так и географически), уже во второй половине XII в.¹⁴³ подготовил фактическое, а с течением времени и юридическое освобождение львиной доли тех земель, которые фигурируют в 1279 г. под титулом *libere*. Мы видим также, что немаловажную роль в «создании» площади фригольда 1279 г. играли и сдача за денежную ренту частей господского домена, и их последующее распыление по многим рукам. Однако, судя по удельному весу этих случаев (11,3%), роль этого фактора в изучаемую эпоху не должна преувеличиваться. Массовая сдача доменов в держание относится уже к другому этапу эволюции английской вотчины — к XIV—XV вв.¹⁴⁴

Наконец, обращает на себя внимание значительный процент случаев (около 1/3 всего числа), когда источники фригольда остаются из сопоставления описей 1086 и 1279 гг. неясными (IV группа вотчин). Как уже было отмечено, мы имеем основание в абсолютном большинстве таких случаев предположить, что фригольд образовался лишь в два века, следующие за DB, на земле, вновь вовлеченной под обработку. Итак, если свидетельства, почерпнутые из сравнительного изучения более 150 вотчин, рассмотренных по 5 графствам Средней Англии, могут в какой-то степени считаться убедительными, то остается признать *внутриманориальный фригольд этого района продуктом нормандской эпохи*, результатом тех социальных процессов, которые происходили в маноре XII—XIII вв.¹⁴⁵, и следовательно, что фригольд, как «пережиточная» форма свободного

¹⁴³ M. Postan. Chronology of Labour Services.— TrRHS, 4. ser., v. XX, 1937, p. 169 ff.

¹⁴⁴ Впрочем, этот процесс имел своим результатом не столько расширение площади фригольда, сколько площади аренды.

¹⁴⁵ Это заключение требует одной оговорки: ввиду того, что главная масса данных, обобщенных в табл. 19-а, почерпнута из Оксфордшира, все выводы приобретают соответствующую окраску — они относятся лишь к Средней Англии. В Восточной Англии — районе так называемого датского права — роль «изначальной» свободы в генезисе фригольда была, по-видимому, неизмеримо более значительной. Ср. F. M. Stenton (ed.). Documents Illustrative..., Introduction, p. LXXXVIII.

землевладения англосаксов, не может считаться сколько-нибудь значительным в изученных графствах.

До сих пор нас занимал вопрос, откуда взялась земля для нарезания фригельд-наделов 1279 г.? Попытаемся теперь выяснить другую сторону этой проблемы: каким путем пришли фригельдеры к своим наделам, в какой мере это были потомки исконных держателей этих земель, и в какой — новые пришельцы? Иначе говоря, в какой мере рента фригельдеров 1279 г. может считаться «традиционной», возникшей из незапамятного обычая? Что может дать изучение структуры фригельдерских рент для ответа на вопрос о генезисе фригельда? Нам представляется, что попытка решить эти вопросы на таком массовом материале описей, какой заключен в RH, может приблизить нас к разгадке «тайсы» фригельда. Уже П. Г. Виноградов в свое время обратил внимание на то, что фригельдерские ренты весьма различны по своему существу, хотя все они, как правило, выражены в деньгах. Объяснял он это тем, что отдельные держания возникали в разное время, что влекло за собой различие условий держания¹⁴⁶.

Е. А. Косминский также отметил пестроту фригельдерских рент¹⁴⁷. Однако его внимание было сосредоточено на вопросе о соотношении размеров фригельдерских и вилланских рент за одно и то же по размеру держание. Этот вопрос занимал его в связи с желанием выяснить сравнительную «тяжесть» эксплуатации вилланов и фригельдеров¹⁴⁸. Фригельдерские ренты привлекли наше внимание и в другой связи: допускают ли они, несмотря на всю их невообразимую пестроту и, казалось бы, необъяснимые колебания, какую-либо классификацию с точки зрения их генезиса, классификацию, которая позволила бы судить об исторических предпосылках возникновения «свободной каймы» в манорах Средней Англии?

Систематическое изучение фригельдерских рент при условии их сопоставления с рентами виллапов, с одной стороны, и рентой арендаторов — с другой, позволило разделить всю массу их на следующие группы.

1. Фригельдерская рента, представляющая собой не что иное, как *коммутированную* ренту вилланов данной вотчины, — по крайней мере, абсолютно совпадающая с ней по размеру¹⁴⁹. Приведем лишь один пример. При анализе фригельдерских рент в Бекингемширской вотчине Bromham (RH, II, 333) в глаза бросается необычайная их высота, с одной стороны, и отнюдь не свойственная им пропорциональность — с другой. Однако все становится само собой разумеющимся, как только составим эти ренты с рентой вилланов. Из описи последних мы узнаем, что одна виргата платит 20 сол. Остается ли загадкой происхождение фригельда, если его ренты имеют следующую структуру: $\frac{1}{2}$ виргаты — 10 сол.; $\frac{1}{2}$ вирг. — 10 сол.; $\frac{1}{2}$ вирг. — 10 сол.; $\frac{1}{2}$ вирг. — 10 сол.; $\frac{1}{4}$ вирг. — 5 сол.; $\frac{1}{4}$ вирг. — 5 сол. Генетическая связь между фригельдерской и вилланской рентой нам представляется в таких случаях вне всякого сомнения¹⁵⁰.

¹⁴⁶ P. Vinogradoff. Villainage..., p. 342 ff.

¹⁴⁷ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 304.

¹⁴⁸ См. там же, табл. 13.

¹⁴⁹ О том, что фригельд 1279 г. был сплошь и рядом в недалеком прошлом вилланским держанием, свидетельствует не только рента, но сама «конфигурация» его. Так, например, в вилле Tusingham (RH, II, 348) держания вилланов нарезаны по $12\frac{1}{2}$ акров и 6 акров 1 руде. Обратившись к описи фригельда, мы обнаружим: 6 а 4 г. — $12\frac{1}{2}$ а — 6 а 1 г 9 а $1\frac{1}{2}$ г — 6 а 1 г — 3 а — $3\frac{1}{2}$ а — $12\frac{1}{2}$ а. Не ясно ли, что все эти держания — вилланского происхождения? Составим «конфигурацию» вилланских и фригельдерских держаний в вотчине Hanslope (RH, II, 343): виллапы — 6 × 18 а — 28 × 9 а — 1 × 5 а; фригельдеры — 2 × 18 а — 11 × 9 а — 1 × 5 а. П. Г. Виноградов был склонен в таких случаях усматривать доказательство свободного происхождения вилланов, так как свободное происхождение фригельда у него не вызвало сомнения. Однако не правомерно ли усматривать в этих примерах обратное — вилланское происхождение фригельда? (Ср. «Villainage...», p. 209).

¹⁵⁰ Можно привести немало описей 1279 г., из которых совершенно очевидно, что весь фригельд образовался из вилланских в прошлом держаний. См., например, Walcot (RH, II, 737) и Little Minster (RH, II, 738).

II. Фригольдерская рента отсутствует (RH, II, 333) или представляет собой по существу лишь ренту *символическую* и являющуюся, как правило, *результатом покупки держания за «полную стоимость»*, выплаченную лорду тут же — наличными — в момент получения грамоты¹⁵¹. Как в RH, так и в грамотах, имеется множество свидетельств в пользу именно такого истолкования происхождения символических фригольдерских рент. Для того чтобы воочию убедиться, как в недрах феодальной вотчины появляется земля, отягощенная «платежом», состоящим лишь из «цветка розы», или «шары шпор», или нескольких денариев, мы приведем некоторые из этих свидетельств. Ричард le Mey платит за полвиргаты фригольда в вилле Wootton 4 ден. в год. Но результатом чего была эта по существу символическая рента? Об этом мы узнаем из расследования (RH, II, 867): «...Ricardus Le Mey tenet dimidiam virgatam terre... quam quidam... Ricardus... pater ipsius Ricardi emit a Iehanne le Brutun quondam senescallo domine Elyanore de Wytery... pro 100 s et dat domine Regis annuatim 4 d» (ср. RH, II, 606). Второй пример не менее убедителен (RH, II, 829): «...Robertus Pirie tenet nnam virgatam terre quam Philippus de Wappele emit... reddendo inde annuatim... obolum». Роберт de Wancy точно так же продал Ричарду de Walles одну виргату земли за 33 марки, резервируя ренту в 2 ден. в год «pro omnibus»¹⁵². Ричард Mallore продал за 100 сол. 2 виргаты и 5 акров земли (de dominio suo) за ренту — фунт перца в год¹⁵³. Таким образом, не подлежит сомнению, что фригольд с символической рентой — держание, выкупленное (как правило), т. е. держание, рента которого была выплачена (выкуплена) в виде его покупной цены.

Оба эти пути возникновения фригольда (коммутация вилланских повинностей и покупка держания за полную стоимость) вырисовываются вполне отчетливо при рассмотрении рент фригольдеров вотчины Kingham (RH, II, p. 73). Вот эти ренты:

Ренты первой группы *	Ренты второй группы
1 vg — 16 sol.	1 1/2 vg — 1 libram piperis
1/2 vg — 8 sol.	1 vg — 1 » »
1/3 vg — 5s 4 d	2 vg — Scutagium [quando currit]
	1 vg — 1 libram piperis
	1 vg — 8 den. etc.
	Всего 10 таких держаний

* Одна виргата вилланской земли платит 16 сол. в год.

Совершенно очевидно, что фригольд данной вотчины возник именно этими двумя путями. Следовательно, попытка классифицировать фригольдерские ренты по генетическому признаку не только правомерна, но представляется важным познавательным средством при решении интересующей нас проблемы. Приняв предложенное здесь истолкование сущности символических рент, мы без большого труда сможем установить и генезис фригольда в вотчине Vanbury (RH, II, 706), в которой 16 держаний платят следующие ренты: 1/2 vg — 1 rosam; 1 vg 5 a — rosam; 1/2 vg — 1 rosam; 6 a — 1 den.; 1/2 vg — 1 den.; 1/2 vg — 1 den. etc.

¹⁵¹ См. RH, II, p. 511. «Radulphus de Sauz [tenet] XX a ... nihil reddendo. Amicia Filia Lucie [tenet] XXX a... nihil reddendo»; RH, II, p. 712: «Rad. de Sanford tenet. [1/2 vg] terre [reddendo] dimidiam libram cimini». См. Feudal Documents, ed. D. Douglas, N 18: «Predecessor [Ulmerii] emit apud Crisetoft [terram et toftos]... reddendo VIII denarios pro omnibus».

¹⁵² Historical MSS Commission, Report on the MSS of the Late Reginald Rawden Hastings, Esq., ed. F. Bickley, v. I. London, 1928, p. 231.

¹⁵³ Ibid., p. 52. Ср. RIL, II, 606; Book of Seals, N 380.

П. Г. Виноградову в таких случаях рисовалась полная драматизма картина поглощения вотчиной ранне независимых мелких аллодистов¹⁵⁴. В действительности, как мы могли в этом убедиться, они представляли результат более прозаических событий, связанных с денежным обращением¹⁵⁵.

III. К третьей группе мы относим те случаи, когда фригольдерская рента, с одной стороны, значительно ниже вилланской, но, с другой, представляет значительный (далеко не символический) платеж для держателя. Примером таких *частично выкупленных* рент могут служить *redditus assisae* фригольдеров манора Shirburn (RH, II, 818):

Рента на уровне вилланских рент	Рента символическая	Рента частично выкупленная
1 vg — 20 s	2 vg — 2 libr. sim.	1 vg — 10 s
1 vg — 20 s	4 vg — [nihil]	1/2 vg — 5 s
1/2 vg — 10 s	1/2 vg — 1 den.	1 vg — 5 s
1 vg — 20 s	2 vg — [nihil]	1 vg — 9 s 8 d

Третья группа рент может характеризоваться известной пестротой, однако последняя обусловлена лишь различием условий отчуждения. Очень часто при изучении этих рент нельзя отрешиться от впечатления, что они возникли из тех же вилланских повинностей, с тем только отличием, что последние выкупались *частично*, а именно: в результате выкупа отработанных повинностей при сохранении денежных частей вилланских платежей.

Насколько можно судить по описи, именно с таким случаем мы сталкиваемся, например, в вилле Turvey (RH, II, 332): полвиргаты *de villa* платят здесь 5 сол. Среди фригольдеров этой вотчины выделяются 4 держания с симметрическими рентами, составляющими точно половину вилланских рент (1/2 vg — 2 s 6 d; 1/2 vg — 2 s 6 d; 1/2 vg — 2 s 6 d; 1/2 vg — 2 s 6 d). Однако у нас имеются более прямые доказательства в пользу именно такого пути образования третьей группы фригольдерских рент. Из описи вотчины Banbury (RH, II, 706) мы узнаем, что виргата вилланской земли платит 2 s «redditus», 3 s 10 d «pro oreга» [!]. Естественно, что «фригольдеры», платившие здесь 4 сол. за виргату, попросту выкупили барщинную повинность. Множество подобного рода примеров можно подчеркнуть в описях сотии Bampton, где «redditus» и стоимость барщины уравниваются отменно.

IV. К четвертой группе мы относим ренты, которые не находятся в видимой связи с вилланскими и которые вместе с тем, ввиду их пропорциональности, не являются рентами, установленными путем эпизодических актов субинфеодации. Эти особенности их вынуждают нас признать в них ренты «традиционные», восходящие к каким-то более древним отношениям, не укладывающимся ни в отношения вилланства XIII в., ни в отношения вновь образованного фригольда. Пример такого рода «традиционных» фригольдерских рент мы находим в описи манора Aston¹⁵⁶ — 1 виргата вилланской земли платит здесь 20 сол. В то же время среди фригольдеров этой вотчины мы находим 11 виргатариев, которые платят 6 сол. 1 ден.

¹⁵⁴ P. Vinogradoff. Villainage... p. 290, 347.

¹⁵⁵ См. RH, II, 721—722 (Newham). Весь фригольд этой вотчины платит символическую ренту.

¹⁵⁶ RH, II, 785. Другой пример «традиционных» фригольдерских рент мы встречает в маноре Schipton (RH, II, 735); они строго пропорциональны: 1 а — 6 d; 2 а — 12 d; 3 а — 18 d; 4 а — 24 d; 5 а — 30 d.

ренты за виргату и вдобавок отбывают небольшие отработочные повинности (каждый из них нашет акр под яровые, убирает урожай с 2 акров, доставляет 9 возов сена и т. д.). С гораздо большей уверенностью мы относим к этой группе рент все ренты держаний, названных в описях *antiqui socotanni* или просто *socotanni* и носящие на себе реликтовые черты древнего сокажа.

V. Наконец, к пятой группе были отнесены фригольдерские ренты, значительно превышающие по своим размерам (за соответствующие по величине держания) ренты вилланов в данной вотчине. Условно мы назвали эти ренты «рыночными». Влияние рыночных отношений на экономическую сущность фригольда проявляется в таких случаях с наибольшей очевидностью. Так, например, в вилле Westbury (RH, II, 342) одна виргата вилланской земли платит 16 сол. в год. Однако среди фригольд-держаний мы находим виргату, выплачивавшую в год 30 сол. Очевидно, что перед нами «рыночная» рента, не имеющая ничего общего с обычным правом, а установленная в результате договора, основанного на воле лорда, с одной стороны, и согласии держателя — с другой. В вилле Mursley (RH, II, 336) одна виргата вилланской земли платит 9 сол. в год. Среди фригольдеров же мы находим здесь одного полувиргатария, платившего 8 сол. и другого, платившего 10 сол., т. е. вдвое больше виллана.

VI. Кроме указанных пяти групп, на которые отчетливо подразделяются фригольдерские ренты по своему экономическому содержанию и предпосылкам их возникновения, мы выделили в отдельную рубрику («льготные» ренты) «служилые» держания (вотчинных министералов) и держания, рента которых обусловлена статусом держателей (родственные связи с лордом¹⁵⁷, церковь и т. д.). Опираясь на изложенные выше принципы классификации фригольдерских рент, мы подвергли статистическому анализу фригольдерские ренты, фиксированные в RH 1279 г., а именно: в 9 сотнях из 11 Оксфордшира, по всем описанным сотням Bedfordшира и Berkshireшира, в 2 сотнях (из 4)¹⁵⁸ Huntingdonшира и в 4 сотнях Cambridgeшира. Для каждой из указанных выше групп мы подсчитывали не только число держаний, но и земельную площадь, которая приходится на определенную рентную группу. Это дает возможность определить не только удельный вес каждой из этих групп во фригольде, но, что самое главное, важность того или иного пути в процессе генезиса фригольда. Данные мы свели в табл. 20.

Приступая к анализу данных табл. 20, нельзя упускать из виду, что материал различных графств представлен в ней далеко не равномерно. А так как наиболее полно представлен в них Оксфордшир, то особенности всех других графств, и в первую очередь Cambridgeшира, по-видимому, схвачены в гораздо меньшей степени в средних процентах общего итога. Одним словом, в таблице отчетливо отражена специфика генезиса фригольда в вотчинах Средней Англии. Но именно этого мы и доискивались.

Первое, что хотелось бы отметить, это крайне ничтожный процент фригольдерских рент, которые можно отнести к группе «традиционных рент», т. е. рент, восходящих к далекому прошлому и свидетельствующих о большой древности фригольда в данной вотчине. Их удалось установить лишь для 3% площади внутриманориального фригольда. Можно допустить, что в ряде случаев эти ренты остались неизвестными, — либо потому, что они с течением времени подверглись изменениям, придавшим им черты

¹⁵⁷ RH, II, 339: «Stephanus de la Haye est dominus Foxcote... Stephanus filius Stephani de La Haye tenet 3 vg terre et solvit per annum unum denarium».

¹⁵⁸ Выбор сотен для подсчета по данному вопросу отнюдь не был произвольным, а диктовался определенным условием: рентные повинности не должны быть затемнены многократными актами субинфеодации и большим удельным весом господских держаний.

Анализ фригольдерских рент 1279 г. (по Сотенным свиткам)

Графство, сотня	Виды рент											
	коммутированная		символическая (выкупленная)		частично выкупленная		«традиционная»		«рыночная»		льготная (министеральная и т. д.)	
	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты
Бедфордшир												
Stodden	22	8 ³ / ₄	28	20 ¹ / ₂	17	5	6	3 ¹ / ₂	1	¹ / ₂	5	3 ³ / ₄
Willey	48	26 ¹ / ₂	235	137 ¹ / ₂	102	66 ¹ / ₂	14	5 ¹ / ₂	31	13 ¹ / ₂	29	29 ¹ / ₂
Итого по графству . .	70	35 ¹ / ₄	263	158	119	71 ¹ / ₂	20	9	32	14	34	33 ¹ / ₄
В %*	13,3	12,6	52,1	54,8	23,6	24,3	3,9	3,5	6,8	4,8	—	—
Бекингемшир												
Mursley	25	16 ¹ / ₂	30	31	20	25 ¹ / ₄	2	1	6	3 ¹ / ₃	15	18 ³ / ₄
Stodfold	13	10	56	60 ³ / ₄	7	10 ¹ / ₂	2	1	5	5 ¹ / ₂	23	35 ¹ / ₂
Bunstow	29	12 ³ / ₄	55	33 ¹ / ₂	62	36 ³ / ₄	5	4	92	26 ³ / ₄	9	24 ³ / ₄
Muta	12	7 ¹ / ₄	71	48 ³ / ₄	22	18	3	4	3	1	9	14
Итого по графству . .	79	46 ¹ / ₂	212	174	111	90 ¹ / ₂	12	10	106	36 ¹ / ₂	56	93
В %	15,1	12,8	40,7	48,7	21,3	25,2	2,3	2,8	20,6	10,5	—	—
Гентингдоншир												
Normancross	2	1	81	64	12	12 ¹ / ₂	—	—	33	19 ³ / ₄	6	5 ¹ / ₂
Toseland	17	8 ³ / ₄	174	66 ¹ / ₂	82	50	2	1	53	13 ³ / ₄	13	10 ¹ / ₄
Итого по графству . .	19	9 ³ / ₄	255	130 ¹ / ₂	94	62 ¹ / ₂	2	1	86	33 ¹ / ₂	19	15 ³ / ₄
В %	4,2	4,2	56,1	55,7	20,7	26,2	—	—	18,4	13,9	—	—

* Здесь и ниже проценты исчисляются лишь из суммы цифр первых пяти рубрик, шестая опускается, так как в ней учтены держания, которые заведомо не могут быть отнесены к фригольду крестьян.

Таблица 20 (окончание)

Графство, сотня	Виды рента											
	коммутированная		символическая (выкупленная)		частично выкупленная		«традиционная»		«рыночная»		льготная (министерская и т. д.)	
	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты	число держаний	земельная площадь, виргаты
Кембриджшир												
Thriplow	14	6	32	11 ¹ / ₂	29	17	4	4	9	2	7	6 ¹ / ₂
Wetherley	51	17 ¹ / ₂	98	30	139	50	4	2	23	4	21	36 ¹ / ₂
Chesterton	1	¹ / ₂	17	8	19	7	2	² / ₃	13	2	—	—
Stow	50	17	382	46 ¹ / ₂	125	39	5	2 ¹ / ₂	77	20 ³ / ₄	16	28 ¹ / ₂
Итого по графству .	116	41	529	96	312	113	15	9 ¹ / ₆	122	28 ³ / ₄	44	71 ¹ / ₂
В %	20,3	14,3	48,6	34,6	29,4	39,3	1,2	3,1	11,5	87	—	—
Оксфордшир												
Bampton	54	45 ¹ / ₂	135	105 ¹ / ₂	139	121 ¹ / ₂	2	2	52	40	40	95
Chadlington	70	68 ¹ / ₂	81	81 ¹ / ₄	75	73 ³ / ₄	6	1 ¹ / ₂	123	39 ¹ / ₄	40	98
Evelme	66	46 ¹ / ₄	49	37 ¹ / ₄	21	17 ¹ / ₂	15	26 ¹ / ₂	23	13 ³ / ₄	17	29 ¹ / ₂
Lagtree	30	24 ³ / ₄	13	14	18	17	4	2 ¹ / ₂	21	8	15	36
Lewknor	13	11 ¹ / ₂	22	20 ¹ / ₂	35	39 ¹ / ₄	19	19 ¹ / ₂	8	6	13	38
Pyrton	14	11 ¹ / ₄	32	39 ¹ / ₂	41	37	—	—	27	13	4	11
Ploughley	64	59 ³ / ₄	38	46 ¹ / ₂	18	23	8	11 ¹ / ₂	35	37 ¹ / ₂	45	82 ¹ / ₄
Woolton	38	31 ³ / ₄	135	96 ¹ / ₂	54	55 ³ / ₄	10	12 ¹ / ₄	71	53 ¹ / ₄	28	50 ³ / ₄
Bullington	19	15	44	31 ¹ / ₂	17	22 ¹ / ₂	—	—	10	8 ¹ / ₄	10	17
Итого по графству .	368	314 ¹ / ₄	549	472 ¹ / ₂	418	407 ¹ / ₄	64	75 ³ / ₄	370	219	212	457 ¹ / ₂
В %	20,9	21,3	31,0	31,8	23,6	27,5	3,6	5,2	20,8	14,2	—	—
По всему материалу												
В %	13,0	13,0	45,5	45,0	23,6	28,4	2,3	3,0	15,6	10,6	—	—

«поздних рент», либо потому, что процесс дробления держаний «первой генерации» (а значит, и рент) затемнил их особенности. В этих случаях «традиционные» ренты могли оказаться в рубриках «символических рент» либо «рент, частично выкупленных». Однако процент подобных ошибок все же не может быть столь значительным, чтобы указанные рубрики таблицы потеряли свое познавательное значение¹⁵⁹. Так или иначе, но вывод, напрашивающийся из анализа генезиса фригольдерских рент, полностью подтверждает вывод, сделанный из сопоставления DV и RH. *Процент фригольдерских держаний 1279 г., которые могут рассматриваться как «феодалная трансформация» старосвободных наделов, сохранившихся еще к концу XI в., столь незначителен, что «преемственность свободы», как объяснение удельного веса фригольда XIII в., почти полностью исключается. Не менее значительным итогом анализа рент является неожиданно большой удельный вес во фригольде «символических», т. е. полностью выкупленных рент. Около половины всех фригольдерских держаний (точнее — 45,5%) и такая же доля площади фригольда (45%) оказались вновь приобретенными, результатом сделок купли-продажи¹⁶⁰. Этот факт с достаточной очевидностью указывает не только на степень интенсивности пропихновения товарно-денежных отношений в феодальную вотчину, но и на значение этих отношений как фактора (пожалуй, наиболее значительного) в генезисе мелкого фригольда XIII в. Если же учесть, что определенная часть таких же по существу случаев оказалась в рубрике третьей (рента, частично выкупленная), то не будет преувеличением предположить, что не менее двух третей тех фригольдеров, которые фигурируют в списках 1279 г., в той или иной форме приобрели свои держания. Они, либо их предки, оказались фригольдерами потому, что располагали денежными средствами для приобретения соответствующих наделов. После сказанного мы уже не будем удивляться тому, что встречается множество вотчин, в которых все фригольдеры держат в 1279 г. *по грамоте*.*

Различными путями мы приходим к одному и тому же выводу: мелкий фригольд Средней Англии в своей массе — новообразование, продукт феодальной эпохи и ни в коем случае не может рассматриваться как результат «консервации» отношений доormanндской эпохи. По этому мало. Мы получили возможность воочию увидеть пути, которыми фригольдеры пришли к своим держаниям. Любопытно отметить, что наряду с фригольдом, так или иначе выкупленным, в составе фригольдерских рент значительную долю составляли коммутированные вилланские ренты, с одной стороны, и ренты экономические, или, если угодно, «рыночные» — с другой. Характерно, что удельный вес коммутированных вилланских рент оказался наибольшим в Оксфордшире, где на их долю приходилась $\frac{1}{5}$ всех фригольдерских рент, и наименьшая — в Гентингдоншире (4,2%), что объясняется, по-видимому, преобладанием светских владений (и большим прогрессом коммутации) в первом случае и церковных владений — во втором¹⁶¹.

¹⁵⁹ Предположение о возможности позднейшего преобразования традиционных рент ничего по сути не меняет, так как, во-первых (имея в виду обнаружившуюся устойчивость первоначального ядра фригольдеров), такие преобразования не могли быть сколько-нибудь массовыми. Во-вторых, и самое главное, преобразование ренты само по себе означает «перерыв» в поземельных отношениях, а следовательно, исключает возможность говорить о «преемственности» владельческого титула.

¹⁶⁰ В действительности процент вновь приобретенных фригольд-держаний должен был быть еще более высоким, так как значительная часть таких случаев оказалась среди «частично выкупленных рент».

¹⁶¹ Данные табл. 20 дают возможность проверить убедительность этих выводов. Например, в Гентингдоншире, этой цитадели церковного землевладения роль коммутации вилланских повинностей в образовании фригольда почти сведена к нулю (4% всех держаний). Зато роль сделок купли-продажи в образовании фригольда здесь была выше, чем в среднем по всему району (на символическую ренту здесь приходится 56% всех держаний, по всему же району — 45%).

Это различие значительно стирается, когда мы обратимся к удельному весу экономических (рышочных) рент. В Оксфордшире и в Гентингдоншире он почти одинаков (соответственно 20,8% всех держакпий и 18,4%). Церковь, точно так же как и светские лорды, не прочь была бы сдать оказавшиеся в их руках выморочные держакпий или клочки домена за «рышочные» ренты, приспособившие наибольший доход и не затрагивавшие владельческого титула лорда.

В целом же по всему материалу подсчетов эти наиболее твердо устанавливающиеся виды рент в своей совокупности составляли более $\frac{1}{5}$ среди рент мелких фригольдеров, что в сумме с указанными $\frac{2}{3}$ выкупленного фригольда дает весьма наглядное представление о путях образования мелкого фригольда Средней Англии. Нам представляется, что анализ экономической сущности фригольдерских рент, фиксированных в RH 1279 г., раскрывает более красноречивую и вместе с тем более достоверную историю мелкого фригольда, чем все другие источники, вместе взятые. Насколько рисуется из этих данных, старосвободные элементы — крестьяне, пережившие нормандское завоевание и «дожившие» до распада феодальных отношений, были, по-видимому, столь редким явлением в вотчинах Средней Англии, что их правомерно рассматривать как своего рода «социальные окаменелости», реликты, в общественном строе нормандской эпохи. К тому же, поскольку они сохранили свои полные родовые паделы — гайды, они оказывались в новых условиях высоко вознесенными над вилланами и экономически достаточно обеспеченными, чтобы быть включенными в качестве нижней ступеньки в феодальную иерархию. Это из их среды чаще всего вербовались младшие министериалы крупных феодальных вотчин — селешалы, лесничие, посыльные, оруженосцы, бейлифы и т. д., одним словом, все те *liberi feudati*, которые фигурируют в эхстентах XII в. В целом роль этих «старосвободных» элементов в генезисе фригольда, по-видимому, весьма значительная на Востоке Англии, по мере продвижения на Запад сходит на нет. Материал Оксфордшира и Бекингемшира весьма характерен с этой точки зрения.

Но признавая фригольд в своей основе новообразованием (преимущественно XII в.), мы тем самым вынуждены видеть в нем результаты процесса постепенного расплывания крупновотчинного землевладения, с одной стороны, и постепенной и частичной коммутации виллаческих повинностей — с другой. И то и другое находится в прямой и непосредственной связи с процессом развития товарно-денежных отношений. Точно так же, как превращение в далеком прошлом владельцев гайд в виргатариев имело своим результатом феодальное подчинение крестьянства и возникновение виллачества; распад домениальных гайд и виргат на разновеликие фрагменты в XII—XIII вв. имел своим результатом возникновение внутри вотчины слоя держателей за денежную ренту. Свобода, некогда исчезнувшая вследствие постепенного разрушения изначального падельного строя англосаксонской общины, возрождалась теперь на новой основе по мере разрушения падельного и хозяйственного строя крепостнической барщинной вотчины¹⁶² и, следовательно, была свободой принципиально иной, «свободой» феодального происхождения¹⁶³.

И в том и в другом случае фригольд стоит в непосредственной связи с эволюцией феодальной вотчины в условиях все более интенсивных товарно-денежных отношений.

¹⁶² Фригольдер мог составить себе из разновеликих клочков 15 или 30 акров, но это уже не будет ни полувиргатой, ни виргатой, хотя по размеру им соответствует, ибо существо последних — пропорциональное распределение полос по конам общинных полей — полностью этим нарушается. См. RH, II, 435 (Impington). Вот структура 30-акрового падела Роджера Wendut: $13 a + 2 a + 3 a + 1 a + 2 a + \frac{1}{2} a + \frac{1}{2} a + 1 \frac{1}{2} a + 5 a + \frac{1}{2} a + 1 r + 3 r$.

¹⁶³ Ср. A. Dopsch, *Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters*, S. 64; ср. B. Lyon, *Medieval Real Estate and Freedom*.— AHR, v. LXIII (1957), p. 58 ff.

§ 4. Сословная принадлежность внутриманориального фригольда в 1279 г.

Как уже отмечалось, одна из особенностей английского общего права в изучаемое время заключалась в том, что под универсальным титулом «фригольдеры» могли скрываться представители самых различных сословных групп — крупнейший барон и мельчайший коттер. Иными словами, общее право полностью игнорировало сословную принадлежность фригольда. Естественно, что наиболее загадочным в этом отношении является фригольд «крестьянского типа», т. е. такое фригольд-держание, которое по своим размерам в каждой данной вотчине не превышает условно принятой нормы в настоящем исследовании прави для хозяйственно самостоятельного и вместе с тем трудового в своей основе крестьянского двора¹⁶⁴.

Вся задача заключается здесь в том, чтобы попытаться выяснить, в какой мере фригольд «крестьянского типа» был собственно крестьянским держанием, иными словами, в какой мере по размерам фригольда «крестьянского типа» в той или иной вотчине можно судить о размерах землевладения свободных земледельцев-крестьян.

С одной стороны, особенности генезиса внутриманориального фригольда в графствах Средней Англии заставляют серьезно усомниться в возможности механически переносить на него сословные особенности фригольда в графствах Восточной и Северо-Восточной Англии, и, с другой стороны, рядом исследователей была уже отмечена социальная многоликость фригольдеров, найденных в описях 1279 г.¹⁶⁵

Уже из того факта, что львиная доля фригольда в графствах Средней Англии является новообразованием, из того факта, что доступ к фригольду не претерпел практически ни юридических, ни сословных препоны, вытекает столь неограниченная и интенсивная «общественная обратимость» свободного держания, которая дает возможность предположить, что сословная принадлежность фригольда должна была отличаться такой же многозначностью и нестрогой, какой отличались социальные прослойки, вовлеченные в сферу товарного обращения. Все это, вместе взятое, не только свидетельствует о первостепенной важности стоящей перед нами задачи, но и вместе с тем об исключительной трудности ее решения. Какими же данными вооружает нас основной в данном случае источник — RH 1279 г.? Конечно, наиболее желательным типом данных с этой точки зрения были бы указания на сословную принадлежность каждого из фиксированных в описях фригольдеров. Однако только мелкие держания церкви могут быть установлены по этому принципу¹⁶⁶. Что же касается светских фригольдеров, то указания на их сословную принадлежность — редкое исключение¹⁶⁷. Более того, стоит только вотчиннику появиться среди мелких фригольдеров манора, как шисцы, как будто нарочито, опускают обычный для них титул *dominus*, который был бы неопределенным подспорьем при определении их сословной принадлежности, если бы он фиксировался в описях сколько-нибудь систематически¹⁶⁸. Очень редко, и лишь в виде

¹⁶⁴ Эта грань принята в 1 гайду, а для Кембриджшира — 1/2 гайды. Подробное обоснование этого отступления см. выше, гл. I.

¹⁶⁵ См. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 269; B. Dodwell. The Free Tenantry of RH. ECHR, XIV, 1945, p. 164.

¹⁶⁶ См. RH, II, 494 (Swaffham Bolbeck): «Isti sunt liberi tenentes... Thomas Capellanus tenet VI acras [terre]»; RH, II, 828 (Bicester): «De liberis... Prior Burnecestrie tenet de predicta villa unam hydam terre».

¹⁶⁷ RH, II, 751 (Woodcote): «Liberi... Ricardus de la Hyde Miles tenet... unum mesuagium»; RH, II, 858 (Tackley): «Liberi... Dominus Walterus de Wychull tenet duas virgatas terre».

¹⁶⁸ RH, II, 495 (Coye): «Dominus Walterus de Trayli tenet de domino Episcopo Eliensis feodum unius militis»; ср. RH, II, 330 (Karleton): «Libere tenentes... Walterus Trayli tenet IV a pro VIII d»; RH, II, 622 (Swyneheved): «Libere tenentes... Walt[er]us Trayli tenet ibidem XX a terre».

исключения, в нашем источнике встречаются и указания на социальные функции данного фригольдера, которые позволяют с большей или меньшей уверенностью судить о его сословной принадлежности. Таковы *senescallus* (РН, II, 36), *ballivus* (РН, II, 431), *attornatus* (РН, II, 348), *armigerus* (РН, II, 707—708), *forestarius* (РН, II, 723), *juratus* (РН, II, 38), etc.

Таким образом, нам не остается ничего другого, как отправиться по единственному, весьма извилистому и многотрудному пути, который к тому же не всегда приводит к цели, — по пути идентификации имен собственных фригольдеров, имея при этом в виду указания на размеры принадлежащего им фригольда в той или иной вотчине, иными словами, у нас остается единственный критерий для сословной характеристики фригольдеров — критерий имущественный, владельческий. В данном случае отнесение того или иного фригольдера к тому или иному «сословию» (в конечном счете вотчинников или земледельцев) будет зависеть от совокупного размера фиксированных за ними держаний не в одной какой-либо вотчине, а по всем вотчинам, в которых будет (предположительно) обнаружена принадлежащая ему пахота. Неблагодарность такого метода исследования оттолкнула в свое время И. Граната, который, чтобы избежать кропотливого труда, избрал более легкие способы для определения имущественного положения фригольдеров; она отталкивает и некоторых современных зарубежных исследователей, которые по сути дела отказываются от решения этой задачи¹⁶⁹. Но, как уже подчеркивалось, при данном состоянии источников у нас нет иного ни более легкого, ни более верного пути, чем путь сличения имен собственных фригольдеров, а их в материале РН тысячи¹⁷⁰.

Первым этот метод подсчетов применил Е. А. Косминский, который идентифицировал имена фригольдеров в ряде сотен графств, описанных в РН 1279 г.¹⁷¹ Нам по необходимости пришлось сличить списки фригольдеров всех сотен, описанных в опубликованном расследовании 1279 г. Тем самым мы вынуждены были при подсчете «сложных владений» выйти за пределы отдельно взятой сотни, т. е. идентифицировать имя каждого фригольдера в пределах всего района, освещенного РН 1279 г. В этом заключается основная особенность примененного здесь метода идентификации. Но именно потому, что такой выход за пределы отдельно взятой виллы и сотни неизбежно грозит осложнениями и создает возможность новых ошибок, необходимо хотя бы вкратце изложить основные принципы, которым мы следовали при сличении имен фригольдеров.

Прежде всего очевидно, что степень точности такого рода исследования зависит в первую очередь от степени стабильности собственных имен в изучаемую эпоху вообще и степени точности передачи этих имен в дошедших до нас описях. К сожалению, приходится констатировать, что эта степень чрезвычайно низка. Прозвище (*cognomen*), наша основная опора при сличении имен, даже в конце XIII в. оказывается очень шаткой, изменчивой, а зачастую отсутствует вовсе¹⁷². Начать с того, что для значительного процента фригольд-держателей прозвище вообще не приводится, вместо него в описи значится: «Иоанн, сын Иоанна», и т. п., что почти совершенно исключает возможность сличения такого рода держателей с держателями, фиксированными в других вотчинах. В равной мере возможность идентификации держателей исключается во множестве тех случаев, когда прозвище указывает на род занятий, в особенности ремесло: ведь никуда нельзя сказать, что *Petrus Faber, Pistor, Taylor* и т. д.¹⁷³ в вотчинах *A* и *B* — одно и то же лицо, а не разные лица. Столь же мало поддаются идентификации имена держателей женского рода, фиксированные следующим образом:

¹⁶⁹ В. D o d w e l l. The Free Tenantry.— *EcHR*, XIV, 1945, p. 164 ff.

¹⁷⁰ См. РН, II, 937—1101 (Index nominum).

¹⁷¹ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 278—279.

¹⁷² См. РН, II, 937—1101 (Index nominum).

¹⁷³ *Ibidem*.

Margeria relicta, Cristina uxor, soror (RH, II, 937—1101) и т. д. Но самое важное — имена собственные XIII в. вовсе еще не устоялись: отец и сын, родные братья сплошь и рядом носят различные «фамилии»¹⁷⁴. Далее, ряд лиц может иметь не одно, а два прозвища. Так, на одной странице описей может значиться Вильям Scriptor, а на следующей — Вильям Cancellarius¹⁷⁵. Если же эти вариации останутся незамеченными, то они, естественно, «раздвоятся» в наших подсчетах. Также вполне естественно, что в реальной действительности легко было найти немало лиц с одинаковым именем и прозвищем, которых легко принять за одно лицо¹⁷⁶, если только не изучить самым подробным образом «окружение» каждого из этих имен в описях. К тому же количество возможных ошибок увеличивается еще по небрежности писцов. В написании одних и тех же собственных имен они допускают массу самых неожиданных вариаций, и требуется пристально следить за каждым из них, чтобы избежать хотя бы некоторых из множества подстерегающих нас ошибок. Так, например, Филипп Mimesan может значиться Minsan и Minesan (RH, II, 720); Иоанн Flexleye может фигурировать как Flexneye (RH, II, 703); Ранульф Clervaus может писаться через несколько строк Clarevall (RH, II, 600); Роберт Fremap — и Fiman и Frankelin (RH, II, 709). Примерами такого рода непостоянства писцов в написании имен собственных можно было бы заполнить многие десятки страниц.

Следует, однако, заметить, что расширение территориальных рамок наблюдений не только увеличивает возможность ошибок, но во многих случаях содействует тому, чтобы их избежать. В этом мы убедились, когда мы не только вышли за пределы отдельно взятой сотни и графства, но привлекли в качестве вспомогательного материала индексы имен собственных, встречающиеся в RH 1274—1275 гг. (и более ранних, поскольку они вошли в двухтомное издание Архивной комиссии). Чтобы это стало очевидным, приведем ряд характерных примеров. Социальный статус Вильяма Wyrtop — фригольдера одноименной виллы — легко было бы принять за «крестьянский»: у него числятся два держания по $\frac{1}{2}$ виргаты каждое¹⁷⁷. Но у нас определенно возникнет на этот счет сомнение, когда мы в расследовании 4 Ed. I обнаружим то же имя-прозвище в ряде описей и к тому же прочтем: Wil. de Wyrtop ballivus comitis Warren¹⁷⁸. Ричард de Lodelawe, если судить по размерам его фригольда в вилле Fifield (Оксф.) — «мелкий землевладелец»: он держит там 1 виргату земли (RH, II, 732), в расследованиях 39 Н III он значится: Ричард Canonicus de Lodelowe (RH, II, 69). К какому «сословию» следует отнести Иоанна le Vernon, фигурирующего в качестве держателя 22 акров фригольда в вотчине Ripton Abbots? (RH, II, 600). Если мы не можем решить этого вопроса при помощи данных расследования 1279 г. (больше он не встречается там), то расследование 39 Н III позволяет во всяком случае усомниться в том, что перед нами «крестьянин», — Johannes de Verpoc quondam viccomes (RH, II, 264). Точно так же Вильям Passelewe, «скромный» фригольдер в Кембриджшире и Оксфордшире (RH, II, 472), предстает в новом свете, если только идентифицировать его с вотчинником Вильямом Passelewe в Бекингемшире (RH, II, 750) и лицом, пазванным в расследовании 3 Ed. I по Норсемптонширу Вильямом Passelew (!) senescallus comitis Gloucestrie (RH, II, 12).

¹⁷⁴ См. RH, II, 708: Отец — Роберт de Wilham, сын его — Роберт de Swalective.

¹⁷⁵ RH, II, 870—871. Cp. Calendar of Miscellaneous Inquisitions, London, 1916, p. 183: «The said Roger called himself sometimes de Cantebryg and sometimes Roger de Derby so that he had two surnames.»

¹⁷⁶ RH, II, 670—671: есть, оказывается, Стефан de Croxton (knyght) и Стефан de Croxton (capellanus); RH, II, 675; Willelmus Launcelin [de Herdwik] and W. Launcelin [de Weston].

¹⁷⁷ RH, II, 695, 698 (последнее — в качестве mesne tenant).

¹⁷⁸ RH, II, 29. Cp. RH, II, 28, где тот же Вильям уже значится de Burton.

Сличение имен собственных держателей фригольда только лишь в пределах Оксфордшира привело бы к тому, что Вильям de Roigne был бы отнесен к держателям «крестьянского типа», так как он владел лишь виргатой и 5 акрами в вилле Certeden (RH, II, 730), но в описи Кембриджшира он встречается в более определенном контексте: *Willelmus Roigny' Ballivus Honoris de Richemundie* (RH, II, 431). Только сплошным обследованием материала описей 1279 г. удается установить, что Иоанн de la Penne, владевший вполне «крестьянским» по размеру фригольдом в вилле Clanfield (21 акр) (RH, II, 692), в действительности являлся сененалом магната Роджера de Mortuomari (RH, II, 103), что Филипп Mimesan, держатель 2 виргат фригольда в вилле Garsington (RH, II, 721), в действительности является главным лесничим королевского заповедного леса (RH, II, 723). Мы полагаем, что эти примеры свидетельствуют не только о желательности, но и о настоятельной необходимости проводить сопоставление имен фригольдеров на возможно более широком и сплошном, в территориальном отношении, материале описей.

В итоге сличения имен собственных всех фригольдеров RH 1279 г. были выработаны некоторые общие принципы¹⁷⁹, положенные в основу настоящего исследования. Они сводятся к следующему.

1. Чем более распространено (общеупотребительно) данное прозвище, тем уже район, в пределах которого оно может считаться принадлежащим одному лицу (если, конечно, отсутствуют другие, более определенные данные). Вильям Russel, к примеру, встречается в описях 3 графств 1279 г. в общей сложности более чем в 10 населенных пунктах¹⁸⁰, но какие имеются у нас основания сказать, сколько лиц скрывается под этим прозвищем? Точно так же обстоит дело с «фамилиями» Parker¹⁸¹, Page¹⁸², Scot (RH, II, 1074) и др. И, наоборот, чем реже, «своеобразнее» данное прозвище, тем правомернее считать одним и тем же лицом его носителей (при идентичности имени) в пунктах, даже сравнительно отдаленных друг от друга. Таким образом, именно потому, что мы вышли за пределы отдельной сотни, мы вынуждены были отказаться от идентификации многих имен, не вызывающих сомнений, пока мы остаемся в пределах отдельной взятой сотни.

2. Прозвище, представляющее собой производное от наименования населенного пункта и фигурирующее в списках различных сотен и графств, может даже предположительно считаться принадлежащим одному и тому же лицу (при идентичности имени) лишь при том непременном условии, если название данного населенного пункта не повторяется хотя бы в пределах изучаемого материала или если прозвище сопровождается каким-либо дополнительным признаком (одним и тем же «отчеством» или, скажем, указанием: Junior, Senior и т. д.).

3. Прозвище, производное от профессии, не даст оснований (без дополнительных данных) выходить за пределы данной вотчины.

4. Наконец, прозвище может считаться принадлежащим одному и тому же лицу, если в различных описях оно фигурирует в сопровождении одних и тех же соседей, субдержателей, или одноименных членов семьи (uxor, filius, soror, filia etc.).

Приведем характерный пример. Ральфа Passelewe, держателя рыцарского феода в вилле Biddenham (RH, II, 327), мы идентифицировали с «однофамильцем» (при одинаковом имени) — мелким держателем в вилле Stevington (RH, II, 331) только на том основании, что в обоих случаях его «сопровождает» в описи одно и то же лицо — Николай Passelewe. Тем самым мы избежали грубой ошибки в определении его сословного статуса. Из

¹⁷⁹ Следует ли оговаривать, что действие подобного рода принципов сплошь и рядом зависит от степени осмотрительности, — если угодно, от скептицизма исследователя, применяющего их.

¹⁸⁰ RH, II, 424, 508, 579, 621, 639, 682, 727, 733, 739, 789, 828, 861.

¹⁸¹ См., например, Вильям de Parker (RH, II, Index nominum, p. 1049).

¹⁸² См., например, Вальтер Page (RH, II, 438, 439, 443—444, 446, 596, 608, 785).

всех перечисленных оснований идентификации имен мы склонны в последнем усматривать наиболее безошибочное¹⁸³.

Итак, нас интересует сословная принадлежность только тех фригольддержаний, которые (судя по их совокупным размерам) могут быть приняты за фригольд «крестьянского типа». RH 1279 г. позволяют выделить следующие сословные категории держателей фригольда: дворяне, церковь, торгово-ремесленные элементы и, наконец, собственно фригольдеры крестьянского типа. Отнесение того или иного держателя «крестьянского типа» к «дворянству» основано либо на общей величине (суммарной площади) держаний, которые числятся за ним в различных вотчинах, либо на идентификации его с лицом, являвшимся заведомым вотчинником в изучаемом районе или за его пределами, либо, наконец, на наличии среди его держателей виллагов. Основанием для причисления данного фригольдера к «торгово-ремесленным элементам» служило прежде всего прозвище от подобного рода понятий: *faber*¹⁸⁴, *sutor*, *mercator* и т. д. или идентификация его с лицом, владевшим «городским держанием» (*burgagium*) в одном из бургов или в городе. Что же касается фригольдеров собственно «крестьянского типа», то к ним были отнесены все те держатели, землевладение которых после идентификации не превышало принятой в настоящее исследование грани «крестьянского двора», а их прозвище не свидетельствовало о неземледельческих занятиях. Выделение церковных держаний на фригольде не встречает таких трудностей, чтобы их специально оговаривать.

Нам очевидно, что все указанные выше «принципы» «сословной» классификации лежат на себе в известной мере печать условности: крупный (в совокупности всех держаний) фригольдер с пехарактерной фамилией может в действительности оказаться купцом, а в наших данных он будет фигурировать среди дворян (если отсутствовали дополнительные данные); точно так же нет никакой гарантии, что и среди фригольдеров «собственно крестьянского типа» не могут оказаться и дворяне (которых не удалось идентифицировать в пределах изучаемого района) и купцы (если ни прозвище, ни другие данные не свидетельствовали об этом)¹⁸⁵. Одним словом, известная степень условности принятых нами критериев анализа данных совершенно неизбежна из-за указанной специфики их.

Однако в ходе сличения имен фригольдеров по RH мы убедились, что эти принципы являются единственно возможными при попытке классифицировать фригольд RH по его сословной принадлежности. Вместе с тем они гарантируют (при последовательном их применении) получение в общем приближенной к действительности картины — по крайней мере, поскольку речь идет о выделении неземледельческих элементов из общей массы мелких фригольдеров. Более того, если эта картина и нуждается в уточнении, то лишь потому, что не все «неземледельческие» элементы могут быть выделены.

Прежде чем перейти к изложению общих выводов наших подсчетов по вопросу о сословном распределении внутриманориального фригольда, мы считаем целесообразным на некоторых примерах проиллюстрировать методику применения изложенных выше принципов сословного анализа данных Сотенных Свитков. Перед нами — опись фригольда в вилле

¹⁸³ Ср. «пару» Николай Fernhull и Иоанн Fernhull; RH, II, 690, 695, 255, 256, 333. В описи 1279 г. подобных «пар» множество.

¹⁸⁴ См. R. Kötzschke. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters. Jena, 1929, S. 381. Конечно, не все лица с прозвищами ремесленников были таковыми, но еще большее число ремесленников остались «неузнанными» ввиду отсутствия у них характерных «фамилий». В общем прозвища поразительно близки роду занятий. См. RH, II, 600: Николай le Fermer держит 6 а, за 11 сол.—это ли не арендатор? Ср. W. Klunz. Die altenglische Handwerkeramen sachlich und sprachlich erläutert. Heidelberg, 1903.

¹⁸⁵ Например, Вильям Chaupremey в вилле Eleford (RH, II, 698) отнесен к горожанам потому, что он идентифицирован с держателем в городе Оксфорд (см. RH, II, 807).

Walcot (RH, II, 737). Проверим сословную принадлежность фригольдеров «крестьянского типа». Иоанн de Lutlington держит 1 гайду земли, в которой мы вряд ли признаем «типичное» крестьянское держание. Хотя это прозвище больше не встречается в RH, мы не сомневаемся, что этим обязаны только их фрагментарности. Привилегированный тип держания — фактическое отсутствие ренты (6 ден. за гайду) — служит для нас свидетельством привилегированности самого держателя. Николай Taillard держит здесь 1 виргату за 18 ден. — держание по размеру типично крестьянское. Но он, кроме того, владеет фригольдом в двух других виллах (Thirp-low и Charlbury), принадлежавших к двум различным графствам (RH, II, 545, 709). Нам удалось установить у него более гайды фригольда, но зато мы обнаружили Николая Taillard в составе жюри сотни Banbury (RH, II, 705). Вильгельм Wase держит в вилле Walcot 2 акра фригольда за 12 ден. в год. Но этот держатель типа коттера в действительности является вотчинником в вилле Little Haseley (RH, II, 764), где он назван dominus Willelmus Wase. Ричард de Budiford держит мессуагий и 2 акра фригольда за ренту в 13 ден., но в вилле Stoke Marmion (RH, II, 779) у него вотчина в 4 виргаты, которую держит от него его брат Николай; естественно, что Ричард также не может быть отнесен к фригольдерам «собственно крестьянского типа»¹⁸⁶. Вильгельм Crispus держит в вилле Walcot 1 виргату фригольда и, кроме того, у него виргата пахоты совместно с Давидом le Brid в вилле Bensington (RH, II, 753). Известным вотчинником в изучаемом районе был Роберт de Stokes, владевший здесь 1 виргатой фригольда (RH, II, 331, 354, 417, 642, 653). К этой же категории относится и держатель 1/2 виргаты Иоанн Lovel (RH, II, 688, 691—697, 700, 756 и др.). Агнесса le Paumer числится в описи виллы Walcot полувиргатарием, однако это имя часто фигурирует в описях ряда кембриджширских вотчин (RH, II, 455, 491, 492). Трудно сказать, случайное ли это совпадение, как и трудно причислить ее к какому-нибудь «сословию». Остается Вильгельм Cubbel с 1/2 виргатой и Стефан Bulle с виргатой, которых мы не решились идентифицировать с «однофамильцами» в других манорах (RH, II, 411, 437, 452, 737, 868).

Таким образом, абсолютно преобладающая часть фригольда «крестьянского типа» в вилле Walcot при ближайшем рассмотрении оказалась в руках держателей-вотчинников, и вся идиллия «крестьянской свободы» в этой вилле исчезла, как мираж. В вотчине Роберта Danvers в вилле Swalcliffe (RH, II, 709) насчитывалось 19 виргат фригольда «крестьянского типа», но кто держал эту землю? 2 виргаты находилось в руках Петропиллы Danvers, матери лорда данного манора (RH, II, 709). 2 виргатами владел Иоанн de Parco, но это лорд соседнего манора (RH, II, 709). 2 виргаты числились у некоего Роберта Fiman (в действительности Friman). Но он же владел 2 виргатами в соседней вотчине, а если руководствоваться индексом, то пришлось бы с целью локализации его владений последовать не только за пределы данной виллы, но и сотни, и графства (RH, II, 378, 631, 643, 707, 709 и др.). 2 виргаты в руках аббатства de Bruere и одну виргату держал приор de Chauncey (RH, II, 709). Таким образом, хотя держательская структура фригольда данной вотчины типично «крестьянская», однако ни в одном из его обладателей мы не можем усмотреть свободного земледельца, все они — феодальные вотчинники¹⁸⁷. Эти примеры, как нам представляется, убеждают, что метод идентификации фригольдеров в пределах симолиного района является *единственно эффективным познаватель-*

¹⁸⁶ Всех сыновей, дочерей, братьев титулованных лиц, безотносительно к размерам их фригольда, мы относили к дворянам. Мы должны считаться с тем, что «слошные» описи 1279 г. весьма фрагментарны. Поэтому «собрать» все, чем владел тот или иной фригольдер, практически невозможно.

¹⁸⁷ Ср. описи вотчин Mongewell (RH, II, 774—775), Bampton Doyly (RH, II, 691), Claydon (RH, II, 707).

ным средством при решении вопроса о социальной природе фригольда на основе RH 188.

Итак, каков удельный вес некрестьянских элементов во фригольде крестьянского типа, описанного в RH 1279 г.? Е. А. Косминский на материале ряда сотен пришел к следующему выводу: «Нам удалось обнаружить лишь очень *незначительный процент* мелких держаний в руках светских лордов. Но можно думать, что на самом деле он был больше»¹⁸⁹. В другом месте своего исследования он, еще раз возвращаясь к этому вопросу, пишет: «По моим наблюдениям, неточность которых я признаю, такие владения (т. е. некрестьянского характера.— М. В.) были все же в сумме невелики. Но во всяком случае не менее 20%... всей территории свободных держаний»¹⁹⁰. Прежде всего следует подчеркнуть, что в оценке общей площади внутриманориального фригольда результаты наших подсчетов столь приближаются к тем, которые в свое время были получены Е. А. Косминским, что могут практически считаться идентичными.

Графство *	Площади внутриманориального фригольда	
	Результаты подсчетов Е. А. Косминского	Результаты наших подсчетов
Оксфордшир	2125 виргат	2140 виргат
Гентингдоншир	18 220 акров или считая 30 акров на виргату, около 600 виргат	579 »
Бекингемшир	12 126 акров, или около 404 виргат	434 »
Бедфордшир	8856 акров, или около 295 виргат	329 »
Итого	3424 виргаты	3482 виргаты

* Кембриджшир исключен из сопоставления потому, что территориальные рамки соответствующих подсчетов различны.

Расхождение в 58 виргат, составляющее 1½% к подсчитанной площади, возникло главным образом при переводе акров в виргаты. В общем эти итоговые данные могут считаться идеальным случаем совпадения подсчетов такого рода специфики и трудности. Это совпадение, однако, отнюдь не счастливая случайность, а результат того, что в основу наших подсчетов фригольда и его классификации (по основному социальному признаку) были положены те же принципы, которые были в свое время приняты в исследовании Е. А. Косминского. Но тем интереснее становятся в этом случае результаты проделанных подсчетов по вопросу о сословной принадлежности фригольда, которые сделаны не по выборочным сотням, а по всему материалу RH 1279 г. Они суммированы в табл. 21.

Критерии, которыми мы руководствовались в этих подсчетах, позволяют нам смотреть на данные табл. 21 как на самые минимальные, во многих случаях явно заниженные по сравнению с действительным положением вещей. Абсолютно по всем графствам имеются основания значительно

¹⁸⁸ Только таким путем удастся установить, что некий Вильям Sterne, в каждом отдельном случае вполне подходящих под «крестьянскую мерку», в действительности владел 6 держаниями (25 а + 35 а + 1½ а + 17½ а + 8 а + 1 г) общей площадью 87 а 1 г, т. е. фригольдом, отнюдь не «крестьянского типа» для Кембриджшира (см. RH, II, 554, 556—558). Только при помощи этого метода можно установить, что некая Миллисет de Leicester, владеющая в каждом отдельном случае вполне «крестьянскими» по размеру держаниями, не являлась держательницей «крестьянского типа», ибо у нее оказывается 9 держаний общей площадью 83½ а + 2½ руды — владение, которое никак нельзя признать ни по структуре, ни по размерам «крестьянским держанием» (см. RH, II, 433—435). Вспомним, что это Кембриджшир!

¹⁸⁹ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 172.

¹⁹⁰ Там же, стр. 261.

Сословное распределение фригольда крестьянского типа по данным RH 1279 г.

Графство, сотня	Учено фригольда, виргаты	В том числе во владении некрестьян		Из них					
				у светских лордов		у церкви		у торгово-ремес- ленных элементов	
		виргат	%	виргат	%	виргат	%	виргат	%
Бекингемшир									
Bunslow . . .	137,3	60,3	43,7	20,5	33,9	23,8	39,6	16,0	26,5
Muta	50,7	22,0	43,3	5,5	25,0	11,5	52,3	5,0	22,7
Mursley	114,2	66,8	58,4	32,3	48,4	24,0	35,9	10,5	15,7
Stodfold . . .	131,8	70,8	53,4	31,0	44,2	32,3	45,3	7,5	10,5
Всего	434,0	219,9	50,6	89,3	40,6	91,6	41,6	39,0	17,8
Кембриджшир*									
Whittlesford . .	80,8	31,8	39,3	10,5	33,0	18,0	56,9	3,3	10,1
Wetherley . . .	158,0	39,4	24,9	23,0	58,4	11,0	27,9	5,4	13,7
Longstow . . .	152,0	41,0	26,9	19,1	46,7	8,6	20,9	13,3	32,7
Thriplow	76,6	37,8	49,3	23,3	61,6	6,0	15,8	8,5	22,6
Chifford	140,4	35,7	25,0	20,0	56,1	9,7	57,1	6,0	16,8
Papworth	96,5	22,0	22,9	11,0	50,1	10,0	45,4	1,0	4,5
Flendish	60,4	7,0	11,5	6,5	92,8	0,5	7,2	—	—
Stow	74,3	11,5	15,4	9,0	78,2	2,5	21,8	—	—
Staine	69,0	24,5	35,5	12,5	51,1	10,0	40,8	2,0	8,1
Staploe	96,0	33,3	34,6	20,0	60,2	7,3	21,9	6,0	17,9
Всего	1004,0	284,0	28,2	154,9	54,5	83,6	29,5	45,5	16,0
Оксфордшир									
Wootton	284,5	196,4	69,0	112,6	57,3	57,0	29,1	26,8	13,6
Chadlington . .	317,7	186,7	58,8	120,7	64,7	37,0	19,8	29,0	15,5
Bandury	150,0	98,6	65,6	59,0	60,0	32,6	33,0	7,0	7,0
Bullington . . .	174,0	112,5	64,6	66,5	59,2	33,3	29,6	12,7	11,2
Langtree	116,0	84,0	72,4	46,0	54,8	23,0	27,3	15,0	17,9
Lewknor	122,5	60,5	49,1	44,0	72,8	6,0	9,9	10,5	17,3
Pyrton	144,5	51,3	35,4	32,7	63,9	10,3	20,0	8,3	16,1
Thame	61,0	29,5	48,3	23,5	79,8	5,0	16,9	1,0	3,3
Ploughley . . .	279,5	121,1	43,3	58,0	47,8	52,5	43,4	10,6	8,8
Dorchester . . .	85,2	53,0	62,3	36,0	67,9	15,0	28,2	2,0	3,9
Bampton	236,5	112,0	47,2	91,5	81,7	10,5	9,4	10,0	8,9
Ewelme	169,3	81,4	48,0	42,3	5,9	30,4	37,5	8,7	10,6
Всего	2140,7	1187,0	55,4	732,8	61,7	312,6	26,2	141,6	12,1
Бедфордшир									
Stodden	44,5	15,7	35,0	10,0	63,8	3,7	23,5	2,0	12,7
Willey	285,0	107,0	37,5	62,0	57,9	32,9	30,7	12,1	11,4
Всего	329,5	122,7	37,0	72,0	59,0	36,6	29,6	14,1	11,4

* Сотню Chesterton, как пригородную (к Кембриджу) и не типическую, мы не включили в таблицу.

Таблица 21 (окончание)

Графство, сотня	Учтено фригольда, виргаты	В том числе во владении некрестьян		И з н и х					
		виргат	%	у светских лордов		у церкви		у торгово-ремес- ленных элементов	
				виргат	%	виргат	%	виргат	%
Гентингдоншир									
Toseland . . .	150,0	69,0	46,0	28,7	41,5	36,3	52,8	4,0	5,7
Normancross . .	186,0	86,7	46,6	42,3	48,7	34,7	40,2	9,7	11,1
Hirstingdon . .	64,5	55,5	85,9	46,3	83,3	7,0	12,6	2,2	4,1
Leihgtonstone .	178,5	107,5	60,1	69,5	64,6	26,0	24,0	12,0	11,4
Всего	579,0	318,7	55,0	186,8	58,4	104,0	32,7	27,9	8,9

повысить процент некрестьянских элементов во фригольде «крестьянского типа». Но даже полученные цифры обнаруживают, что в центральных графствах этим элементам принадлежало около половины площади фригольда «крестьянского типа». В гентингдонширской сотне Hirstingdon, например, это относится к $\frac{4}{5}$ площади мелкого фригольда. В оксфордширской сотне Langtree около $\frac{3}{4}$ этой площади также не принадлежало крестьянам. Ближе к этому проценту подходит и другая сотня этого графства — Wootton. По всему материалу подсчетов этот процент оказался лишь немногим меньше половины площади внутриманориального фригольда. Вообще в анализируемой таблице раскрывается важнейшая закономерность в сословном распределении фригольда: чем больше манориализована данная сотня, графство, тем больше мелких фригольд не имеет ничего общего с собственно крестьянским владением, тем более обманчив «крестьянский тип» держания. Процент некрестьянских элементов во фригольде крестьянского типа возрастает в прямой пропорции к степени отдаленности данного района от области «датского права», т. е. по мере продвижения на запад.

Интересна сословная классификация этих некрестьянских элементов. Львиная доля фригольда, сосредоточенного в их руках, принадлежала светским лордам. Эта доля колебалась между $\frac{2}{3}$ мелкого фригольда в руках некрестьянских элементов Оксфордшира и $\frac{2}{5}$ в Бекингемшире. Если же задать вопрос, какая доля внутриманориального фригольда в целом сосредоточена в руках светских лордов, то окажется следующее: по Оксфордширу, где фригольд «крестьянского типа» составляет около половины всего описанного в РП 1279 г. фригольда (2140 виргат из 4487), светским вотчинникам принадлежит 34,2% учтенной площади. Приблизительно к такому же проценту (32,4) приближался удельный вес светских лордов во фригольде «крестьянского типа» в Гентингдоншире. Значительно меньшим он оказался в Бедфордшире (около 20%) и Кембриджшире (около 15%). По всему же материалу его можно, по самому осторожному варианту подсчетов, считать близким к 30% всего описанного в РП фригольда «крестьянского типа» и к 55% по отношению к доле в этом фригольде всех некрестьянских сословных групп¹⁹¹.

Значительный удельный вес церкви во внутриманориальном фригольде уже подчеркивался нами. Заметим лишь, что речь идет не только о владениях монастырей или церковных корпораций, но и о значительном пространстве на этом фригольде каноников, клериков, капелланов, приходских священников, которые владеют фригольдом от своего имени, и при

¹⁹¹ Вопрос о том, какими путями крупные лорды становились держателями мелкого фригольда в манорах других лордов, требует специального исследования. Можно думать, что немалую роль при этом играл переход в их руки наделов некогда коммендированных к ним свободных в качестве выморочных либо путем выкупа.

Распределение вотчин по удельному весу «некрестьянского» фригольда

Графство, согня	Всего учтено вотчин	Число вотчин							где весь фри- гольд нахо- дится в руках крестьян
		где в руках крестьян находится фригольда						где весь фри- гольд нахо- дится в руках крестьян	
		более 80 %	80— 60 %	60—50%	50—30%	30— 20 %	менее 20 %		
Оксфордшир									
Wootton . .	47	15	2	13	2	3	1	1	10
Chadlington	42	4	4	9	8	5	2	—	10
Banbury . .	17	5	2	3	2	2	2	—	1
Bullington	29	8	4	3	2	6	2	—	4
Langtree . .	14	2	2	5	3	—	1	—	1
Lewknor . .	16	2	1	4	1	2	1	—	5
Pyrton . . .	15	1	—	2	5	2	2	2	1
Thame . . .	10	1	—	4	2	—	2	—	1
Ploughley	41	10	1	5	11	5	2	4	3
Bampton . .	48	7	8	6	3	9	3	3	9
Dorchester	7	3	—	—	2	—	—	1	1
Ewelme . .	30	5	2	5	4	2	2	3	7
Итого	316	63 (20,0%)	26 (8,2%)	59 (18,6%)	45 (14,2%)	36 (11,4%)	20 (6,3%)	14 (4,4%)	53 (16,9%)
Бедфордшир									
Stodden . .	12	3	—	1	1	2	2	—	3
Willey . .	58	9	1	5	12	10	4	6	11
Итого	70	12 (17,1%)	1 (1,4%)	6 (8,5%)	13 (18,5%)	12 (17,1%)	6 (8,5%)	6 (8,5%)	14 (20,4%)
Гентинг- доншир									
Toseland	30	6	2	9	1	—	2	3	7
Normancross	31	9	4	4	—	4	2	2	6
Hirtingdon	12	5	3	1	1	1	1	—	—
Leightonstone	25	10	1	8	2	3	—	1	—
Итого	98	30 (30,5%)	10 (10,2%)	22 (22,4%)	4 (4,0%)	8 (8,0%)	5 (5,1%)	6 (6,1%)	13 (13,7%)
Бекингем- шир . .									
Bunslow . .	12	—	—	5	2	3	—	—	2
Muta . . .	8	1	1	1	1	1	—	1	2
Mursley . .	22	6	3	3	4	2	1	1	2
Stodfold . .	19	6	3	—	1	4	—	2	3
Итого	61	13 (21,3%)	7 (11,4%)	9 (14,7%)	8 (13,1%)	10 (16,4%)	1 (1,6%)	4 (6,8%)	9 (14,7%)
По всему материалу	545	118 (21,6%)	44 (8,6%)	96 (17,8%)	70 (12,8%)	66 (11,7%)	32 (5,8%)	30 (5,5%)	89 (16,2%)

том отнюдь не на праве «свободной милостыни», а на основаниях, неотличимых от светских владельцев. Землевладение этого типа очень трудно обнаружить среди мелких фригольдеров, если писцы не предупреждают нас терминологически, что перед нами представитель белого или черного духовенства. Наконец, обращает на себя внимание, что до сих пор незаслуженно пренебрегали наличием большого числа городских элементов среди фригольдеров. Следует подчеркнуть, что этот процент в наших подсчетах намного ниже действительного, ибо имеющиеся у нас средства для выявления этих элементов среди *libere tenentes* вотчин весьма несовершенны, в результате многие из них остаются неустановленными. Тем не менее и полученные данные убедительно свидетельствуют, насколько широко представлены торгово-ремесленные элементы в рядах фригольдеров крестьянского типа. В Оксфордшире у них, по самым осторожным подсчетам, оказалось 12% фригольда некрестьянских элементов, или $\frac{1}{15}$ всей площади мелкого фригольда. В Бекингемшире, Bedfordshire и Гентингдоншире — около $\frac{1}{20}$. Центр тяжести этого интереснейшего социального факта английского средневековья оказывается не только во внедрении в деревню торгово-ремесленных элементов извне, из соседних крупных городов¹⁹², сколько в процессе «кристаллизации» этих элементов внутри сельской общины, в недрах виллы и вотчины. Но об этом ниже, здесь же достаточно заметить, что мелкий фригольд крестьянского типа и был наиболее благоприятной сферой, в которой происходило формирование основной массы свободных сельских ремесленников и мелких торговцев в рамках средневекового общественного строя Англии.

Итак, как бы критически мы ни относились к возможности при помощи данных статистики RH решить стоящую перед нами проблему, тем не менее тот факт, что в полученных результатах, вопреки всем возможным и несомненно допущенным ошибкам, наружу пробилась строгая закономерность в распределении вотчинных элементов на внутриманориальном фригольде в различных по типу манорализации графствах свидетельствует в пользу примененного нами метода.

Рассмотрим теперь результаты наших подсчетов по вопросу о сословной принадлежности фригольда крестьянского типа с несколько иной стороны. Как будет выглядеть внутриманориальный фригольд, если расположить все вотчины, в которых он обнаружен, по убывающей шкале удельного веса в нем некрестьянских элементов? (см. табл. 22). В эту таблицу не включен Кембриджшир ввиду того, что междуманориальные связи фригольдеров здесь столь тесны и запутаны, что членение соответствующих данных по отдельным вотчинам становится (статистически) мало надежным. Из 545 вотчин, учтенных по 4 графствам, в 118, или около $\frac{1}{5}$ их числа, весь фригольд «крестьянского типа» оказался не в крестьянских руках, а если учесть количество вотчин, в которых доля некрестьянских сословных групп в мелком фригольде превышает 50%, то их окажется 318, или немногим меньше $\frac{2}{3}$ всех учтенных в табл. 22 вотчин. С другой стороны, число вотчин, в которых собственно крестьянский фригольд резко преобладал (достигая $\frac{3}{4}$ площади этих держаний) составляло лишь 27,6% всех учтенных вотчин (151 вотчину).

В табл. 22 вновь проявляется уже отмеченный ранее факт, что чем выше уровень манорализации данного района, тем меньше вероятности обнаружить среди мелких фригольдеров свободных земледельцев, тем выше удельный вес некрестьянских элементов в мелком фригольде. Так, в Гентингдоншире процент вотчин, в которых весь мелкий фригольд находился в руках держателей некрестьянского типа, достигал максимума — 30,5%. И наоборот, процент вотчин, где весь фригольд находился полностью в руках

¹⁹² W. Hoskins and H. Finberg. *Devonshire Studies*. London, 1952, p. 112: «Already in the 12 c. succesfull merchants... had begun to buy lands in the surrounding country side».

мелких фригольдеров, снижается до минимума (13,7%). В Бедфордшире, напротив, удельный вес такого рода вотчин достигал максимума (20,4%). Эти колебания окажутся весьма многозначительными, если иметь в виду особенности графств Бедфордшира и Гентингдоншира с точки зрения завершенности процесса манориализации деревни. Прделанный выше анализ материала RH по вопросу о сословном распределении фригольда позволяет сделать вывод, что ни в коем случае неправомерно (в районах с более или менее оформившейся манориальной системой, а тем более в районах ранней манориализации) даже отдаленно проводить знак равенства между численностью мелких фригольдеров-крестьян и численностью мелких землевладельцев-фригольдеров «крестьянского типа», что чем более манориализована данная вотчина, тем меньше вероятности — даже в случае наличия в ней значительного по площади мелкого фригольда — обнаружить среди ее фригольдеров свободных земельныхщцев-крестьян.

Мелкий фригольд, являясь в таких случаях продуктом разложения старовотчинного землевладения, был в то же время «строительным материалом» для вотчин нового типа — вотчин распыленных, разнохарактерных по своей владельческой и даже экономической структуре, более мобильных и легко изменчивых по внешним очертаниям и поэтому трудно уловимых в писцовых книгах даже типа RH.

Следует полностью отдать себе отчет в том, что те же RH, которые сослужили столь неоценимую службу в преодолении традиционных представлений о структуре английской феодальной вотчины, настоятельно требуют продолжения этого труда, ибо каждая манориальная опись, в которой мы встречаем фригольдеров, ставит перед исследователем один и тот же вопрос: в какой мере фиксированный в них фригольд был держанием земледельца? Естественно, что прежде чем этот вопрос будет окончательно решен, потребуются еще много труда над источниками, освещающими другие районы Англии (хотя, по-видимому, RH для них уже не найти).

Однако, поскольку это относится к обследованным здесь графствам, мелкий фригольд представляет собой чаще всего метаморфоз манориальной системы, и чем больше мелкого фригольда в типичном маноре, тем дальше продвинулась перестройка последнего.

Установленный выше факт, что более половины площади мелкого фригольда, описанного в RH 1279 г., находилось во владении крестьянского типа держателей, требует от нас ответа на очень важный, но столь же трудный вопрос: каким образом эти землевладельческие, по отнюдь не земледельческие сословные элементы хозяйственно использовали этот распыленный на виргаты и акры, разбросанный по многим вотчинам и виллам фригольд? ¹⁹³ Трудность ответа на этот вопрос обусловлена тем обстоятельством, что нам неизвестна структура множества вотчин, в особенности мелких, описанных в RH. Поэтому те держания, которые выступают в фискальных описях единичными и изолированными, могли в действительности являться составной частью вотчинного и взаимосвязанного владельческого комплекса, разбросанного по нескольким соседним селениям. Однако реконструкция таких комплексов далеко не всегда возможна даже с помощью описей сплошного и территориально значительного района. Тем не менее не подлежит сомнению, что ни светские лорды, ни монастыри, ни городские элементы сами не хозяйничали на этих разбросанных по множеству вила акрах и виргатах, что это делали за них другие лица, платившие им земельную ренту за право хозяйственно использовать их фригольд.

Таким образом, в той части, в какой мелкий фригольд является держанием неземледельческих сословных элементов, описи сообщают нам не

¹⁹³ Например, «горожанин» Оксфорда Вальтер de Cruxford имел 2 виргаты фригольда в вилле Bletchingdon (RH, II, 830), 1½ виргаты в вилле Kirtlington (RH, II, 822), 8 а пахоты и 5 а луга в вилле Islip (RH, II, 831) и 3 держания в ½ II, 1 виргату и 1½ виргаты в вилле Hampton (RH, II, 831).

имена непосредственных держателей земли, не ее возделывателей, а верхушечного слоя посителей фригольд-титула и получателей феодальной ренты. Подтверждением этого является прежде всего то, что фригольд в этих случаях описан по преимуществу в круглых виргатах (или их комбинентах), что выглядит весьма искусственно на фоне тех описей, в которых фиксирована не владельческая, а хозяйственная структура мелкого фригольда. Вот как, к примеру, описан мелкий фригольд в вилле Mongewell (Оксф.) (RH, II, 774—775):

Galfridus Engleys	1 виргата (вотчинник) ¹⁹⁴	
Johannes de la Denne	1 » »	(RH, II, 774—777, 814)
Walterus de Esthall	1 » »	(RH, II, 721, 725)
Johannes Burwefeld	2 1/2 » »	(RH, II, 775—781)
Rector Ecclesie	2 виргаты	
Thomas de Wyk	1 каруката (горожанин Оксфорда?)	(RH, II, 804)

Еще ярче искусственность подобного рода описей фригольда раскрывается в вилле Idbury (RH, II, 733—734). Элиас le Botiller держит 3 1/3 виргаты Ричард la Banus — 3 1/3 виргаты, Элиас de la Bolde — 3 1/3 виргаты и Иоанн de la Bolde — 2 1/2 виргаты.

Можно ли сомневаться в том, что за каждым из этих по виду фригольдеров «крестьянского типа», а в действительности вотчинников скрываются многие подлинные земледельцы-крестьяне? Но в таком случае было бы очень важно выяснить, каковы были между ними поземельные (рентные) отношения: на каком праве держали они свои наделы, кто они по своему статусу? Насколько можно судить по тем редким случаям, когда опись проливает свет на эти по виду междудержательские, а в действительности феодально-крестьянские отношения, обладатели фригольда либо реализовали свою феодальную собственность одновременно и полностью (что проявилось в актах отчуждения владельческих прав на те или иные части своего фригольда, в результате которых они превращались лишь в номинальных верховных собственников их), либо сдавали их субдержателям на правах далеко не фригольдерских, гарантируя себе таким образом получение ежегодной и значительной по размерам ренты при условии сохранения за собой прав реального собственника земли. В общем же фригольдеры очень неохотно расставались со своим титулом как выражением феодальной собственности.

Наиболее часто вотчинники — обладатели мелкого фригольда сдавали его на вилланском праве либо на праве аренды, т. е. на наиболее выгодных экономически условиях, которые вместе с тем менее всего ущемляли их фригольдерский титул. Но в первом случае, который, по нашим наблюдениям, отнюдь не был редкостью, внутриманориальный фригольд с точки зрения производственных отношений, господствовавших на нем, — такое же орудие эксплуатации, как и крупная вотчина, так как за ним скрывалось то же вилланское держание, то же крепостничество, что и на вилланском массиве манора. Иначе говоря, то, что являлось фригольдом для некрестьянских сословных элементов, оказывалось вилланским держанием для крестьян в собственном смысле слова. Но в таком случае по численности мелких фригольдеров нельзя судить о распространенности «крестьянской свободы» не только потому, что мелкие фригольдеры сплошь и рядом оказываются некрестьянами, но и потому, что мелкий фригольд служит таким же орудием эксплуатации зависимых земледельцев, как и крупный, разве только с тем отличием, что здесь власть земельного собственника проявляется чаще всего чисто экономическим путем. Типичный пример этому мы находим в вилле Little Paxton (Гентинг.)¹⁹⁵. За каждым

¹⁹⁴ RH, II, 760: «Galfridus de Engleys tenet terciam partem feodi».

¹⁹⁵ RH, II, 673. Ср. RH, II, 708. «Michael de Huchend tenet libere unam hidam terre... et ista hida tenetur de dicto Michael... in villenagio».

«мелким» фригольдером этого манора оказывается держатель-виллан, который один лишь пашет и сеет, чтобы произвести ренту для своего господина. Приведем схематично эту опись ввиду ее особого познавательного интереса:

Prior de Bissemede	держит 10 а фригольда
У него 2 виллана с 10 а	— in villenagio
Caterina Fin	держит 7 а фригольда
У нее 1 виллан с 7 а	— in villenagio
Willelmus le Parkere	держит 7 а фригольда
У него 1 виллан с 7 а	— in villenagio
Robertus de Bedeford	держит 7 а фригольда
У него 1 виллан с 7 а	— in villenagio
Ricardus de Alkmundebir	держит 10 а фригольда
У него 1 виллан с 10 а	— in villenagio

Примеров подобного рода в RH немало¹⁹⁶. В этих случаях польза соизвещается в том, что речь идет об одной и той же земле, которая для вотчинника является фригольдом, а для его возделывателя вилланским держанием. Выгода такой формы реализации феодальной собственности для фригольдера заключалась в том, что в ней получение ренты сочеталось с неприкосновенностью владельческого титула.

Другой формой «междудержательских отношений», скрывавшихся за мелким фригольдом, была, как уже отмечалось, сдача земли в аренду. Наиболее классической формой в ту эпоху являлось держание по воле лорда. Так, Гуго де Брок, держатель 2 виргат фригольда в вилле Somerton (Оксф.) (RH, II, 839) сдает их 3 держателям (Willelmus Rucote, Hugonus de Finemere, Hugonus filius prepositi ad voluntatem).

Так или иначе, но за мелким фригольдом зачастую скрывались правоотношения, ничего общего с ним не имеющие, а так как в таких случаях именно в них выражалась социальная природа фригольдерского титула, то в них в значительной мере и следует искать решение всей проблемы распространения мелкого фригольда в районах с рано сложившейся манориальной системой.

Из всего этого, однако, не следует (как это может казаться в первый момент), что внутриманориальный фригольд, как важный элемент среднеанглийской вотчины, «исчез». Наоборот, он остался неизбывным и с «честью» выдержал проверку которого уже по числу счетчика. Все дело лишь в том, что в той части, в какой мелкий фригольд оказался некрестьянским держанием, обнаружилась иная его социальная окраска, чем обычно предполагалось, видоизменилась его социальная функция в крестьянской деревне.

§ 5. Особенности дифференциации фригольдеров «крестьянского типа»

Обратимся теперь к тому слою фригольдеров, в котором, судя по данным расследования 1279 г., олицетворялось собственно «свободное» крестьянство среднеанглийских графств. Естественно, что эти «крестьяне» являются в такой же мере условными, в какой условным является и выделенный выше слой «вотчинников». Удельный вес землевладения свободного крестьянства в общей площади внутриманориального фригольда: в Гентингдоншире — 45,0%, в Оксфордшире — 44,6%, в Бекингемшире — 49,4%, в Бедфордшире — 63,0%, в Кембриджшире — 71,8%. И в данном

¹⁹⁶ RH, II, 709: «Petronilla de la Le habet... 4 vg terre... et dictas quatuor virgatas terre tenentur de eadem Petronilla in villenagio».

случае нельзя не обратить внимания на определенно проявляющуюся закономерность в распределении — по отдельным графствам — свободных элементов крестьянства, которая оказалась сильнее всех препятствий и усложнений средневековой социальной статистики.

Хотя удельный вес землевладения «свободного» крестьянства в среднеанглийском маноре оказался значительно меньшим, чем он рисовался на основе традиционных представлений о мелком фригольде, выяснение его роли в эволюции среднеанглийского манора, определение его исторических судеб представляет одну из важнейших задач предпринятого нами исследования. Ее сущность может быть раскрыта лишь при условии установления имущественного облика этой фригольдерской части крестьян.

Вопрос об имущественном расслоении английского крестьянства приходится решать в двух аспектах в соответствии с двумя основными правовыми категориями непосредственных производителей — свободных и виллагов. Невозможность совокупно рассмотреть социальную эволюцию крестьянства в целом как класса объясняется, конечно, не столько особенностями формально-юридического статуса каждой из указанных категорий держателей, сколько вытекавшими из них различиями в течении самого процесса их имущественного расслоения¹⁹⁷. В самом деле, в то время как в среде свободных держателей дифференциация была уже главным образом результатом «свободной игры» экономических сил, развязанных развитием товарного производства, расслоение в среде виллагов, связанного в своей хозяйственной деятельности крепостничеством, происходило до поры до времени подспудно¹⁹⁸. Поскольку же это касалось изменений в величии виллаговского надела, то преобладающую роль в этом процессе, как мы покажем ниже, играла вотчинная администрация, соизмерявшая эту величину с интересами и потребностями барского хозяйства. Различные предпосылки процесса дифференциации обуславливали не только различную степень ее интенсивности, но и принципиальное различие в конкретных формах ее проявления.

Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно для обоснования раздельного рассмотрения дифференциации указанных выше юридических категорий держателей крестьян. Но, помимо него, имеется немало и других соображений в пользу такого рассмотрения. Если (поскольку речь идет о явлениях) у нас нет почти никаких сомнений, что перед нами крестьяне-землепашцы, то этого, как мы видели, нельзя сказать относительно мелких фригольдеров. О них, имея в виду юридическую природу фригольда, гораздо благоразумнее говорить (в пределах изучаемого района) как о держателях крестьянского типа, т. е. условно. Во-первых, у нас нет никакой уверенности, что землю, которая числится за ними в экстендах, они сами хозяйственно используют, а не сдают ее субдержателям, до которых нет дела маюриальным описям. Во-вторых, у нас никогда нет уверенности в том, что земледелие является их основным источником существования, т. е., что они крестьяне в собственном смысле слова. И, наконец, в-третьих, несмотря на всю кропотливую работу по идентификации имен, по сравнению с отдельными клочками того или иного владельческого комплекса, у нас никогда нет уверенности в том, что полученные данные включают все, чем владел данный фригольдер. Хотя кое-какие из этих опасений не исключены и при анализе имущественного положения виллагов, они никогда не затрагивают основы их социально-имущественного облика, а лишь второстепенные черты его. Выяснение особенностей имущественной дифференциации свободного крестьянства — задача большой трудности. И тем не менее мимо этого вопроса пройти невозможно ввиду настоятельной

¹⁹⁷ Это лишний раз подтверждает тесную связь между феодальным правом и эволюцией социальных отношений. Средневековое право активно воздействовало на социальную эволюцию феодального общества.

¹⁹⁸ См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1953, стр. 805—807.

необходимости установить, каким был имущественный облик той крестьянской прослойки, которая в Англии была формально-юридически включена в феодальную иерархию в качестве последней ее ступеньки и по этой причине потеряла свою сословную определенность.

Буржуазная историография почти полностью игнорирует эту важнейшую и далеко еще не до конца решенную научную проблему, оперируя абстрактным, в социальном смысле выходящим термином «фригольдер» как чем-то полностью очевидным и однозначным. Не удивительно поэтому, что проблема имущественного расслоения фригольдеров крестьянского типа впервые была поставлена на подлинно научные основы лишь в советской историографии. Опираясь на теоретический фундамент марксизма-ленинизма, Е. А. Косминский подверг тщательному анализу не только выводы буржуазной историографии по данному вопросу, но, что самое важное, ее приемы исследования. Им была разработана — применительно к особенностям основных источников по аграрной истории средневековой Англии — методика статистической обработки содержащихся в них сведений о распространении земли среди фригольдеров крестьянского типа¹⁹⁹.

Как известно, в своем стремлении «опровергнуть» марксистскую концепцию аграрной революции в Англии И. Гранат предпринял подсчеты с целью выяснить имущественный облик английского крестьянина по DB, RN 1279 г. и писцовым книгам ряда монастырей²⁰⁰. В итоге он пришел к выводу о том, что «громадный безземельный пролетариат» является, так сказать, органическим, если не извечным, фактом английской социальной действительности; наиболее далеко зашла дифференциация фригольдеров. Если объединить в одну рубрику держателей типа «коттеров» (менее 6 акров) и «ферделей» (от 6 до 9 акров), то число «безнадельных» и «малонадельных» в 1279 г. составляло, по подсчетам Граната, 66,6% от общего числа свободных дворов²⁰¹. Как уже справедливо отмечал Е. А. Косминский, из схемы Граната, видевшего в английской деревне XIII в. лишь «крешкие» пашенные дворы на одном полюсе и коттеров — на другом, совершенно выпало среднее крестьянство, живущее трудом на своей земле²⁰². Вместе с тем в результате своеобразного статистического «приема» подсчитывать вотчины с «пропусками» Гранат значительно преуменьшил удельный вес фригольдерской верхушки. «Теоретический фундамент» исследования Граната, его истолкование социальных явлений оказалось искусственным, надуманным, мистифицированным. Е. А. Косминскому потребовались буквально считанные страницы, чтобы убедительно доказать его полную несостоятельность²⁰³.

К сожалению, иначе сложилась судьба «статистики» Граната. Несмотря на совершенно иную методику подсчетов и на весь кропотливый труд по сличению имен фригольдеров, Е. А. Косминский заключил: «Цифры мои не очень разошлись с цифрами Граната. Как и следовало ожидать, у него оказалась недооцененной верхушка «свободного крестьянства»²⁰⁴. И далее: «Мы наблюдаем резкую дифференциацию «свободного крестьянства». Поражает огромный процент малоземельных в восточных графствах... В общем едва ли мы можем очень снизить полученную нами общую цифру — 47% мелких держаний, с ферделями — 59%»²⁰⁵ (у Граната — 66,6%).

Справедливо предупреждая против истолкования этой дифференциации как «капиталистического перерождения деревни», Е. А. Косминский отмечает: «Наши выкладки оставляют еще немало нерешенных вопросов... Мы почти ничего не знаем о соотношении скотоводческого и земледельче-

¹⁹⁹ Е. А. Косминский. Исследования..., тл. 5.

²⁰⁰ И. Гранат. К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии. М., 1908.

²⁰¹ Там же, стр. 5.

²⁰² Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 268.

²⁰³ Там же, стр. 265.

²⁰⁴ Там же, стр. 278.

²⁰⁵ Там же, стр. 280.

ского хозяйства..., нам неизвестна роль неземледельческих промыслов деревни» (там же, стр. 287). Решение этих вопросов в значительной мере осветило бы многие особенности дифференциации мелких фригольдеров в пределах района, охваченного RH 1279 г. Однако нас интересует прежде всего более общий вопрос, исходный для такого исследования: являются ли данные Граната статистически и, следовательно, объективно неопровержимыми? Должны ли мы, отвергая «теоретическое» обоснование этих цифр, тем не менее признать самый факт резкого преобладания среди свободных крестьян «наемных рабочих» XIII в.? А если так, то каким образом появилась эта громадная масса «почти что пролетариев» (по мнению Граната) в феодальной Англии XIII в.?

После того как около половины площади фригольда «крестьянского типа» (по размерам держания), фиксированного в RH 1279 г., оказалась владением некрестьянских сословных групп — дворян, церкви, горожан, следовало, естественно, ожидать, что вся картина имущественного расслоения свободного крестьянства окажется значительно смещенной. Прежде всего это сказалось в сокращении числа фригольдеров, в которых можно усматривать крестьян в собственном смысле слова. Во-вторых, и это гораздо важнее, уменьшился удельный вес средних прослоек фригольдеров «крестьянского типа» — держателей виргат и полувиргат и соответственно возрос удельный вес полярных имущественных прослоек. Следовательно, задача заключается в том, чтобы ответить на вопрос: чем были обусловлены эти особенности «имущественной дифференциации мелких и мельчайших держателей» фригольда в Англии XIII в.?

Как известно, в статистическом исследовании конечные результаты зависят не только от исходных данных, но и от приемов их обработки, иначе говоря, от их группировки. Проверка результатов такого исследования сводится в конечном счете к выяснению того, как «оставлен опыт», что подсчитывалось. Для того чтобы выяснить, изменился ли сколько-нибудь существенно результат, если варьировать методику подсчетов — при сохранении традиционной группировки интересующих нас данных RH, мы попытались идти двумя путями. Сперва из среды фригольдеров крестьянского типа были выделены те, кто обладал землей лишь в пределах одной отдельно взятой вотчины. Это сделано с целью избежать неминуемых ошибок, связанных со сравнением имен собственных фригольдеров, владевших землей в различных вотчинах. В этом случае (это было очевидно уже заранее) несколько уменьшится удельный вес верхушечной прослойки «свободного крестьянства», но численность низших имущественных слоев этим почти не затронется, а ведь именно эти слои — конечная цель наших поисков. Во втором опыте была сделана попытка выяснить имущественный облик «свободной» части крестьянства путем сплошных подсчетов на основе идентификации имен собственных в рамках всех RH. Результаты этих подсчетов суммированы в табл. 23-А и 23-Б. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

В табл. 23 использованы описи 4 графств. Если для большей наглядности свести данные этой таблицы в три рубрики: «крестьяне»-фригольдеры «шадельные» (включая наделы в полвиргаты), «фердели» и «мелкие» держатели типа коттеров, то в процентном выражении по графствам итог будет соответственно следующий:

Оксфордшир	50,9	9,1	40,0
Бедфордшир	33,1	14,3	52,6
Бекингемшир	54,7	14,9	30,4
Гентингдоншир	36,6	9,3	54,1
По всему материалу	43,8	11,9	44,3

Обратимся теперь к итоговым результатам второго варианта подсчетов, т. е. подсчетов сплошных, охватывающих весь материал RH и всех фиксированных в них фригольдеров «крестьянского типа»²⁰⁸⁻²⁰⁹. Удельный вес трех основных имущественных прослоек в процентах теперь окажется:

	Надельные	Ферделы	Коттеры
Оксфордшир	55,8	9,3	34,9
Ведфордшир	40,2	16,8	43,0
Бекиягемшир	59,2	14,2	26,6
Гентингдоншир	47,6	7,4	45,0
Кембриджшир	26,9	14,5	58,6
По всему материалу	38,7	12,6	48,7

Сопоставляя оба варианта подсчетов, легко обнаружить, что удельный вес надельной прослойки мелких фригольдеров в первом случае оказался несколько заниженным и соответственно — относительно завышено процентное отношение слоя мелких и мельчайших держателей к общему числу последних²¹⁰. Однако, к нашему удивлению, отказ от подсчетов сложных фригольд-держаний не привел к сколько-нибудь значительному искажению картины имущественного расслоения «свободных крестьян». Сличение имен собственных мелких фригольдеров не меняет основные черты ее, а лишь уточняет полярные части. Чтобы воочию убедиться в этом, приведем результаты всех практиковавшихся до сих пор вариантов подсчетов «расслоения фригольдеров крестьянского типа». Ввиду различия в объеме использованных в каждом случае данных сопоставление абсолютных чисел заменено сопоставлением процентного отношения между отдельными имущественными прослойками.

Подсчеты Гранача по «выборочному» методу, с целью избежать необходимости сличения имен:

Держания размером					общий процент
более 1 виргаты	в 1 виргату	в 1/2 виргаты	в 1/4 виргаты (фердели)	в 5 акров и менее	
6,4	10,6	16,4	13,2	53,4	100

Подсчеты Е. А. Косминского, основанные на сличении имен собственных фригольдеров в пределах отдельных сотен:

8,0	15,0	48,0	12,0	47,0	100
-----	------	------	------	------	-----

Наши подсчеты:

вариант первый					
7,7	16,0	19,3	12,0	45,0	100
вариант второй					
10,5	12,9	15,3	12,6	48,7	100

²⁰⁸⁻²⁰⁹ Разбирая данные табл. 23-А и 23-Б, мы хотели бы проиллюстрировать трудности на пути к их составлению следующим примером: к какой имущественной категории следует отнести такого держателя, как Milonus West, за которым числится только 1 котатий и 3 акра земли, если в то же время от него держатся (т. е. он числится лордом) четыре свободных держания? (RH, II, 669).

²¹⁰ При сопоставлении данных по отдельным графствам. Общие же данные как будто свидетельствуют об обратном. Это произошло в результате включения данных по Кембриджширу (опущенных в первом случае), обнаружившему наибольшую дробность владельческой структуры фригольда.

Увеличение удельного веса мелких и мельчайших держателей в последнем случае (вместо ожидаемого как будто его сокращения) по сравнению с первым вариантом, как уже отмечалось, является результатом сплошных подсчетов, охватывающих и Кембриджшир. Если же удалить из этих итогов данные, относящиеся к этому графству, то они будут выглядеть несколько иначе: процент держаний более 1 виргаты увеличится до 17, таким же приблизительно окажется и процент виргатариев, зато процент мелких и мельчайших держателей снизится до 40. Это, однако,

Таблица 23-А

Расслоение фригольдеров «крестьянского типа»

Графство, сотня	Число «свободных» крестьян, имевших в держании										менее 5 акров
	4 виргаты	4-3 виргаты	3 виргаты	3-2 виргаты	2 виргаты	2-1 виргаты	1 виргаты	1-1/2 виргаты	1/2 виргаты	1/4 виргаты	
Оксфордшир											
Chadlington . . .	5	2	4	1	6	4	54	1	18	30	126
Thame	—	—	—	—	1	2	8	1	16	1	64
Banbury	—	1	3	—	4	—	14	—	8	5	3
Lewknor	4	—	2	—	7	1	19	1	8	6	16
Ploughley	4	—	—	2	16	2	29	2	25	7	25
Bullington	1	—	—	—	1	—	13	3	15	3	67
Wootton	1	—	—	—	10	6	44	8	38	19	107
Langtree	—	—	—	—	1	1	5	—	14	—	5
Pyrton	—	—	2	1	4	3	29	2	13	7	21
Bampton	1	—	1	1	5	4	43	5	46	30	40
Dorchester	2	1	2	—	4	1	14	—	6	3	8
Ewelme	—	1	—	4	2	2	16	—	31	11	40
Итого	18	5	11	9	61	26	288	23	238	122	522
Бедфордшир											
Wiley	1	1	2	—	5	10	38	20	80	70	258
Stodden	—	—	—	—	—	5	5	3	8	7	25
Итого	1	1	2	—	5	15	43	23	88	77	283
Бекингемшир											
Bunston	—	—	—	1	5	3	16	9	32	43	69
Muta	—	—	—	1	3	2	13	—	7	—	9
Mursley	—	—	2	1	2	1	10	2	19	4	5
Stodfold	—	—	1	2	7	4	19	1	9	—	13
Итого	—	—	3	5	17	10	58	12	67	47	96
Гентингдоншир											
Toseland	1	—	—	1	1	5	23	—	43	22	138
Normancross	1	—	—	1	9	7	26	2	47	19	90
Hirstingdon	—	—	—	—	3	—	2	1	15	4	51
Leightonstone	—	—	—	3	4	5	13	5	43	22	109
Итого	2	—	—	5	17	17	64	8	148	67	388

Расслоение фригольда «крестьянского типа» (по размерам пахотного надела)

Графство	Всего учтено фригольдеров	Из них													
		надельных										ферделей	мелких		
		имеющих держания (в виргатах)											всего	имеющих в держании (в акрах)	
		всего	4	4—3	4	3—2	2	2—1	1	1—1/2	1/2			3—5	менее 3
Оксфордшир . . .	1582	880	31	16	42	34	100	71	302	38	246	149	553	123	430
Бедфордшир . . .	658	264	5	2	12	7	17	36	88	21	76	111	283	138	145
Бскингемшир . . .	386	228	6	1	11	10	32	25	61	15	67	55	103	39	64
Гентингдоншир . .	898	427	18	6	12	22	44	76	81	20	148	67	404	98	306
Кембриджшир * . .	3525	946	—	—	—	—	117	—	285	—	544	512	2067	—	2067
По всем графствам . . .	7049	2745	753					911			1081	894	3410	3410	

* Для Кембриджшира держания более 60 а относились нами к землевладению «феодалного типа»

частность. Основной вывод, который напрашивается из продуманных подсчетов по вопросу о расслоении мелких фригольдеров, заключается в том, что результаты их лишь в самой незначительной степени зависят от методики подсчетов, если только сохраняется одна и та же группировка данных. Почти совершенно безразлично для окончательного результата, идти ли путем сплошных или выборочных подсчетов.

Сопоставленные выше итоговые данные четырех различных вариантов подсчетов вочью убеждают, как нам кажется, в этом. Но, может быть, один частный пример сделает этот вывод еще более наглядным. Е. А. Косминский идентифицировал имена фригольдеров по 4 кембриджширским сотням (не выходя при этом за рамки отдельно взятой сотни)²¹¹. Вот его данные:

надельные	ферделы	мелкие держатели
21,0%	12,0%	68,0%

Мы шли путем сплошной идентификации имен, выходя за рамки сотни и графства. Вот наши данные по тем же 4 сотням:

22,3%		11,5%		66,2%
-------	--	-------	--	-------

Разве можно было бы ожидать большого совпадения результатов подсчетов такой трудности даже в том случае, если бы счетчики шли одним и тем же путем?

Статистическая картина расслоения мелких фригольдеров, нарисованная Гранатом, какой бы легковесной ни выглядела его «тсория», остается

²¹¹ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 286.

в основных чертах своих «незыблемой», если только исходить из предположения, что описи мелкого фригольда в RH могут служить основанием для такого рода подсчетов, т. е., что они содержат однородные по своему характеру данные, пригодные для построения *обобщающей* статистической картины имущественного расслоения фригольдеров крестьянского типа. В действительности же эта «статистика» не выдерживает критики, так как она основана на совершенно некритическом отношении к источнику, откуда почерпнуты ее данные.

Изучение описей фригольда в RH в процессе неоднократных подсчетов приводит к выводу, что данные их о мелком фригольде дефектны ввиду их отрывочности, а также потому, что они неоднородны по существу. Для построения универсальных, генерализующих таблиц по этому вопросу, таблиц, игнорирующих характер данных, локальные особенности их и основанные на «средних» цифрах и «средних» процентах для крупного района, эти данные определенно непригодны. Начать с того, что в отдельных графствах мелкий фригольд описан с различных точек зрения, что имеет своим результатом различную его владельческую структуру. Если в ряде сотен Кембриджшира фригольд, как правило, описан с точки зрения реального владения фригольд-держанием, ибо писцы фиксируют не только непосредственных держателей от лорда манора, но и субдержателей их зачастую весьма отдаленных степеней, то в таких графствах, как Оксфордшир, Бекингемшир, Bedfordshire, внутриманориальный фригольд описан не с реально-владельческой точки зрения, а с сеньориальной, т. е. фиксируется лишь распределение его между держателями первой руки и опускаются все те, кто в действительности хозяйничал на этом фригольде²¹². Не удивительно поэтому, что фригольд Кембриджшира выступает крайне распыленным, в то время как фригольд Оксфордшира, например, описан совершенно персальными, с точки зрения хозяйственного их использования, держателями, измеряющимися лишь в круглых виргатах²¹³. Естественно, что степень дифференциации фригольдеров здесь совершенно различна. Мелкие (до 5 акров) держатели в Оксфордшире составляют не более 30% всего числа фригольдеров крестьянского типа, в то время как в Кембриджшире они составляют 60%; падельные же фригольдеры, наоборот, в Оксфордшире составляют более 55%, а в Кембриджшире — 25%. О том же, что перед нами зачастую не действительная, а только иллюзорная, созданная в значительной мере разнохарактерностью описей противоположность, свидетельствует и тот факт, что в тех случаях, когда писцы по каким-то соображениям стремятся выявить не номинальных, а фактических держателей фригольда, то в том же Оксфордшире картина резко меняется и фригольд по своей структуре как две капли воды напоминает структуру фригольда Кембриджшира. Так, в описях маноров «старинного дома», где фикс особенно заинтересован в выявлении действительных держателей фригольда, а также в описях сержантерий, которые держались непосредственно от короны, мир фригольдеров и в границах Оксфордшира резко отличен от обычного его изображения в других «частновладельческих» вотчинах этого графства²¹⁴.

²¹² RH, II, 332 (Turvey): «Liberi: Adam filius Roberti [tenet]... 1¼ vg... et ipse Adam plures habet inde parvos tenentes [?] pro parvis serviciis annualibus».

²¹³ RH, I, 783, Chenore (Oxf.). Вот схема описи фригольда в этом маноре: 5 vg — 3 vg — 4 vg — 5 vg — 1 vg — 1 vg — ½ vg — 6 vg — 2 vg — 1 vg. О какой вообще «дифференциации» фригольдеров может идти речь при такой, скажем, форме описи (RH, II, 826) (Cesterton): «Tenentur etiam in Magna Cesterton octo virgatas terre de predicto comite libere...» Характерно, что в ряде описей вместо «tenet» мы находим «defendit» (см. RH, II, 509). Иногда после указания размера держания писцы находили нелишним делать оговорку: «et tenet in dominico» (RH, II, 516). Ср. D. Douglas I a s. The Social Structure of Medieval East Anglia, Oxford, 1927, p. 64, 66.

²¹⁴ Этот факт легко обнаруживается в оксфордширских манорах Wampton (RH, II, 689), Bensington (RH, II, 751), Schipton (RH, II, 734) и др.

О том, насколько пропуск субдержателей (о чем нас систематически предупреждают сами описи — см., например, Бедфордшир) извращает всю картину владельческой структуры фригольда «крестьянского типа», может дать представление следующий пример: в маноре Weston на 10 свободных держателей первой руки приходится, по крайней мере, 20 держателей, не связанных с манориальной курией и тем не менее владевших здесь фригольдом. Учет этой наиболее многочисленной категории мелких свободных держателей не только резко умножает прослойку фригольдеров крестьянского типа, но совершенно меняет наше представление об имущественном ее облике.

Вот, например, как выглядело бы их «расслоение», если бы субдержатели были опущены ²¹⁵:

владельческих 7(70%)	ферделей —	безнадельных 3(30%)
-------------------------	---------------	------------------------

Таким оно выглядило бы с учетом субдержателей:

11(37%)	3(10%)	16(53%)
---------	--------	---------

О том, как радикально меняется картина дифференциации фригольдеров в зависимости от характера описи, легко убедиться на примере вотчины Hanslope (Бекинг.). Если опустить категорию субдержателей, то держателей 5 и менее акров пахоты здесь окажется 24 или 26% к общему числу фригольдеров крестьянского типа; с учетом же субдержателей их окажется 47, или без малого $\frac{2}{3}$ всего числа мелких фригольдеров (Оксф.).

Совершенно очевидно, что удельный вес мелких и мельчайших прослоек фригольдеров крестьянского типа находится в прямой и непосредственной связи с характером описей фригольда. Именно этому обстоятельству мы обязаны тем, что в вилле Schipton описано более 40 мелких держателей, что вилла Britwell также описана на «кембриджширский манер». Наблюдая, как, скажем, держание, числящееся за неким Генрихом Vikering дробится в действительности между 6 субдержателями ($10\frac{1}{2}a - 6a - 1a - 1\frac{1}{2}a - 1a - 1a$ 1r) или же как виргата Ричарда Sumilerio «обросла» 8 другими «дворами» ($6a - 1a - 3a - 3a - 3a - 1a - 2\frac{1}{2}a - 1a$), наконец, как виргата Ричарда Pimerole расплывается между держателями следующим образом: $3\frac{1}{2}a - 3a - 1\frac{1}{2}a - 1r - 3a - 2a - \frac{1}{2}a - 1a - 1\frac{1}{2}r - 1\frac{1}{2}r - \frac{1}{2}a - 1r - 1r - 1\frac{1}{2}r - 1r - 1r - 1\frac{1}{2}r - 1r - 1cot. - 1cot. - 1cot.$ (т. е. всего на 21 держание) (RH, II, 436, 765), действительно трудно удержаться от заключения, что владельческая структура фригольда (действительная, конечно, а не искусственно созданная манориальной описью) была совершенно идентичной по всему изучаемому району. Это и вытекает из феодально-правового регулирования фригольда. Свободная виргата — это, как правило, лишь проминальное единство, продукт «традиционности» манориальных порядков. Фактически же она расплывлена на самые причудливые по своей конфигурации держания ²¹⁶, сложность переплетающихся в ней интересов и прав подчас трудно вообразима. Хозяйственная целостность свободной виргаты — редкое явление в английской деревне XIII в., в особенности в изучаемом нами районе и в интересующих нас слоях держателей.

²¹⁵ RH сплошь и рядом опускают мелких держателей даже первой руки. Ср., например, опись манора (Wistow C. Ram., I, p. 351 и RH, II, 602). В последней не найти libere tenentes extra hydus. В описи манора Warboys 1279 г. не найти 11 держателей crofts. (C. Ram., I, p. 306; RH, II, 601). Ср. B. Dodwell. The Free Tenantry, p. 166.

²¹⁶ N. Neilson (ed.). A terrier of Flect, Lincolnshire. London, 1920, p. 59—60: «As a rule the (free) tenement was divided among many small tenants».

Таким образом, резкие переходы описей РН, от фригольд-держаний, измеряемых акрами и рудами, к малоподвижным комплексам, измеряемым виргатами, являются лучшим свидетельством разнохарактерности этих описей и, следовательно, непригодности их для построения обобщенных схем расслоения мелкого фригольда.

До сих пор нас занимал вопрос о форме описей фригольда в РН. Присмотримся теперь поближе к тому, что в них описано. О неопределенности социального статуса значительной части наделных фригольдеров уже достаточно трактовалось в другой связи. Сосредоточим теперь свое внимание на слое мелких и мельчайших фригольдеров. Гранат отнес их к «безнаделным» и «безземельным» слоям крестьянства и на этой основе построил свою концепцию об исконности «громздного пролетариата» на английской почве, так как «безземельные слои» составляли около $\frac{2}{3}$, или 66,6%, крестьян-фригольдеров. Между тем анализ данных РН 1279 г. свидетельствует о том, что если исходить из предположения, что все мелкие фригольдеры — «земельные» по основному источнику их существования, то эта цифра нуждается в коррективе в сторону увеличения. Учитывая изложенные выше особенности описей фригольда, помещенных в РН (главная из них — систематическое игнорирование субдержателей), можно не сомневаться, что процент безземельных и малоземельных дворов среди фригольдеров крестьянского типа был фактически значительно выше, чем это устанавливается подсчетами описей 1279 г.

С другой стороны, если рассматривать обладателей этих мелких и мельчайших фригольд-держаний с точки зрения «источника наемного труда» в английской деревне XIII в., то столь же несомненно, что процент их сократится в несколько раз по сравнению с выкладками Граната. Прежде чем привести статистические свидетельства в пользу этого тезиса, мы должны еще раз взглянуть на описи РН 1279 г. Единственным основанием для отнесения обладателей «безземельных и малоземельных дворов» к «пролетариату» XIII в. служит размер их надела. Но поскольку это касается свободных²¹⁷, этот размер, как хорошо известно, сплошь и рядом не может быть полностью установлен ввиду неполноты и отрывочности средневековых описей. Всем, кто соприкасается с РН, хорошо известно также, что в значительной части описей коттеров имена собственные не приводятся, и писцы ограничиваются указанием на их число.

Таким образом, систематическое сличение имен, поскольку это касается интересующего нас слоя держателей, становится невозможным. Следовательно, нет никаких гарантий, что под титулом *cottarii* не фигурируют держатели наделов, которые в дополнение к своим виргатам и полувиргатам владеют еще коттерскими держаниями. А о том, что это было массовым явлением в английской деревне XIII в., сами РН свидетельствуют как нельзя лучше²¹⁸.

²¹⁷ Юридический статус «коттеров» во многих описях оставляет большие сомнения. Титул *liberi cottarii* встречается в РН гораздо реже, чем просто *cottarii*. В таких случаях остается «определить» статус по характеру повинностей, но денежная рента не всегда *eo ipso* означает «свободу» (см. § 3).

²¹⁸ О том, что далеко не каждый *cottarius* являлся коттером, легко убедиться на следующих примерах: в вилле Standlake (РН, II, 703) 4 вотчины. В описи одной из них Вильгельм Miles числится фригольдером, за ним фиксировано $\frac{4}{12}$ виргаты; в вотчине Иоанна Mauduit у него такое же количество земли, но уже под титулом *servus*; в двух же остальных вотчинах такие же по размеру держания числятся за ним уже под титулом *cottarius*. В Crowmarsh (РН, II, 774) по списку 11 коттеров, но под этим титулом мы находим Вильяма Gerard'a, который значится также и под титулом *socotanni* с держанием в 1 виргату; Вильгельм de Wyk, у которого 2 мельницы; Ричарда Simeon, у которого виргата под титулом *libere tenentes*; Вильгельма Marescallus и Томаса Marescallus, у которых ряд владений на правах фригольда в соседних вотчинах. Milonius West, если верить описи, — типичный коттер: за ним числится 1 кот., который он держит от лорда манора за 3 ден. Однако, благодаря тому, что в этой же

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Что представляет собой в каждом случае «надел коттера»? Какова его величина? На эти вопросы не всегда можно ответить. Во всяком случае RH дают подчас самые разноречивые ответы ²¹⁹.

В манориальных описях размер коттерского держания колеблется от нескольких перчей до полувиргаты, а иногда приближается и к виргате. От одного манора к другому градации могут быть самые неожиданные ²²⁰. Но позволительно спросить: учитывается ли эта градация в наших обобщающих статистику RH таблицах? Е. А. Косминский в свое время уже отметил, что мы не знаем соотношения между различными угодьями крестьянских хозяйств ²²¹. К этому можно прибавить, что такие сведения для изучаемого нами времени крайне необходимы в связи с распадом старых общинных наделов с их строгой пропорцией между различными угодьями. К концу XIII в. держатель может владеть лишь коттерским держанием и вместе с тем лугом или пастбищем, ранее принадлежавшим несколько виргатам, а то и гайдам. Как, спрашивается, такая комбинация угодий может быть выражена в генерализующей статистической таблице? ²²² Наконец, в таких таблицах мы полностью абстрагируемся от возможности описать владельческий комплекс семьи, составленный из ряда разнохарактерных владений отдельных членов, образующих ее.

В самом деле, присматриваясь к спискам мелких держателей фригольда, в том числе и коттеров (там, где они приводятся), не трудно заметить, что процент женщин среди них необычайно велик ²²³. По чем это объясняется? Кто эти женщины, самосостоятельно фигурирующие в манориальной описи? Наши таблицы на этот вопрос отвечают просто: это самостоятельные «малоземельные крестьянские дворы». Но всегда ли это так? Необычно высокий процент женщин среди мелких и мельчайших держателей, конечно, объясняется системой наследования. Вступивший в наследство сын выделяет матери или сестре коттагий или акр-другой земли; такой же надел может быть дан дочери, выходящей замуж, может быть унаследован и т. д. Естественно, что у нас нет никаких оснований считать всех этих женщин самостоятельными хозяйствующими единицами. Не верное ли будет предположить, что эти мелкие держания, как правило, входят в более крупные хозяйственные комплексы семьи, которые, к сожалению, не могут быть восстановлены по нашим источникам. За примером недалеко ходить. В описи манора Glatton (RH, II, 650) мы находим следующую запись: «Alicia Cham-

описи частично раскрыты междудержательские связи, мы узнаем, что у этого «коттера» 4 субдержателя, которые держат от него 8 а 1½ r + 8 а 1 r + 1 мессуагий + + 6 а 1 кот. (см. RH, II, 669). Ср. Records of Templars, Introduction, p. CXIII: «The distinction between the acreplot holders and the virgaters appears to be legal rather than economic... Frequently, indeed, the holders of acreplots were also halfvirgaters». Ср. N. Neilson. Economic Conditions..., p. 26: «Crofts held by virgaters». Ср. Z. M u s s e t. La seigneurie Normande.— «Revue historique de droit Francais et étranger», 1954, № 1, p. 161.

²¹⁹ RH, II, 629—630. I котланд-24 а и тут же I котланд-3 а. Ср. котланд в 34 а (RH, II, 629).

²²⁰ Boldon Buke, p. 4: «...Cotmanni, quorum unusquisque tenet XII а»; ibidem: «...Duodecim cotemanni [!] tenent in eadem villa toftos et croftos et XII а in campis». Ср. C. Ram., II, p... (Girton): 5 котландов по 40 акров; Fines (3 John), p. 32: «...Jordanus filius Anketili [tenet] unum cotlandum sive duodecim acras»; ibid., p. 32: «...dimidium cotlandum sive sex acris»; Records of Templars, p. CLXXVI.

²²¹ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 287—288.

²²² RH, II, 648. Нелегко определить имущественный облик Аспелина Le Fleming, который держит 1 котланд + ½ руды + 3 руды + 3 руды луга + 1 мессуагий и крофт.

²²³ Примеров множество: RH, II, 761 (Ewelme) — 4 свободных коттера, и все женщины (Constancia, Cristina, Anselota, Edelota); RH, II, 765 (Britwell): из 14 мелких держателей 7 женщин (Isabella, Avicia, Agnes, Matilda, Wentlina, Mariota, Claricia).

berleyn tenet I virgatum terre...». «...Alicia filia Aliciae Chamberleyn tenet de dicta virgata terre II а». Или еще: Роджипальд Suffin владеет в вилле Jakele полутора виргатами земли, а Алина и Фелиция, его дочери, держат только один мессуагий (RH, II, 640).

К какому же имущественному разряду следует причислить указанных дочерей «типа коттеров»? На этот вопрос ответить нелегко, но это не значит, что его надо игнорировать, как будто он малозначителен. Знаем ли мы, как используют они свои мелкие наделы, ушли ли они из отцовского двора, с кем они живут, каков имущественный облик их близких, которые не числятся в описи?

Приведем еще один пример: некий Ричард le Neuman держит виргату в маноре Washingley и владеет, кроме того, землей еще в ряде соседних маноров (RH, II, 635). В описи же вотчины Orton-Waterwille мы читаем: «Eda uxor quondam Ricardi le Neuman tenet tres acras terre», но в RH имеются указания, позволяющие причислить эту держательницу, несмотря на ее скромные 3 акра, к надельным держателям (RH, II, 637, 638). Но в таких случаях мы этого сделать не можем, ибо источник не дает для этого никаких оснований.

До сих пор мы анализировали данные о мелких и мельчайших фригольдерах, оставаясь на «традиционной» точке зрения, т. е. усматривая в них не только деревенское, но и земледельческое население, иначе говоря, видя в земледелии их единственный источник существования. Но в RH достаточно свидетельств против такой точки зрения, но крайней мере по отношению к значительной части этого слоя держателей фригольдеров «крестьянского типа». Мы уже имели случай отметить значительный процент ремесленных и торговых фамилий среди имен собственных фригольдеров²²⁴. Теперь же важно подчеркнуть, что в абсолютно преобладающей части своей такие фамилии встречаются именно в списках мелких свободных субдержателей и коттеров²²⁵.

Однако наиболее многозначительным является тот факт, что в ряде описей коттеры фигурируют бок о бок с держателями бургажа. В описи манора Kimbolton мы находим рубрику, озаглавленную: «Burgenses et cottarii de Kynboltone» (RH, II, 621). В составе манора Glatton описан Holm Hamelletta, в котором мы находим бок о бок тех и других. Все они (42 чел.) держат cottagium cumcroft' (RH, II, 652). В ряде случаев burgenses полностью вытесняют коттеров, точнее, «поглощают» их. В маноре Jakley (RH, II, 640) 29 человек держат «cotagium cum hulmo» в 1 руду и 30 человек «cot. cumcroft'». Об источниках существования этого слоя фригольдеров можно было бы строить догадки, если бы не было очевидно, что перед нами фактически опись ремесленного населения²²⁶. В описи манора Middleton (RH, II, 833) мы находим на господском домене 14 держателей на праве бургажа. Зато в этой описи мы не находим рубрики «cotarii». Их следует,

²²⁴ См. § 4. Ср. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 287—288.

²²⁵ RH, II, 616—617: в вилле Leyton владельцы крофт носили преимущественно торгово-ремесленные прозвища: Mercator, Tixtor, Faber, Molendinarius и т. п.; RH, II, 615: из 5 свободных коттеров манора Spaldwick 4 значилось под прозвищами: Carpentarius, Tineker, Carectarius; из 60 коттеров манора Kimbolton 28 носят ремесленные прозвища: Pistor, Faber, Cissor, Carnifex, Sutor, Tixtor, Tanur, Tyneker (RH, II, 621—622). Ср. аналогичные наблюдения Е. Miller. The Abbey and Bishopic of Ely, p. 135, № 1—2.

²²⁶ Достаточно привести ряд «фамилий» этих держателей: Molendinarius, Pistor, Carectarius, Mercator, Forestarius, Faber и др. Галлам (H. E. Hallam. Some Thirteenth Century Censuses.— ECHR, 2 ser., v. X, № 3, 1958, p. 349) отмечает особенно широкое распространение «ремесленных и торговых» прозвищ среди держателей типа коттеров: «Some 80 people bore the names of 40 trades, crafts and professions» и заключает, что «торговые и промышленные факторы», а вовсе не наследование, определяли социальную структуру держательского населения в таких местах, где коттеры составляли значительную часть населения.

без сомнения искать среди упомянутых держателей бургажа. Условия этих держаний (отличных по названию от обычных), как и экономическое лицо их обладателей, совершенно идентичны с коттерскими. Следовательно, грани между ними были весьма подвижными. Точно такой же образец кристаллизации городского сословия в недрах сельского манора мы находим и в кембриджширской вотчине Linton²²⁷, где описаны 44 держателя рыночных лавок. Подобного рода примеры говорят сами за себя.

Гораздо труднее раскрыть то же экономическое существо мелких фригольд-держаний, когда они еще не приобрели правового титула бургажа, но фактически играли ту же роль в маноре²²⁸.

Е. А. Косминский высказал ряд в высшей степени интересных соображений об особенностях эволюции английского города²²⁹. Однако они, к сожалению, совершенно не учитываются, когда он рисует картину имущественной дифференциации свободных (и не только свободных) держателей английской деревни.

Если внутриманориальный фригольд в пределах изучаемого нами района в целом является, как это показано выше, продуктом «взаимодействия» товарно-денежных отношений и института феодальной собственности на землю, то еще в большей мере этому взаимодействию обязан своим появлением и особенно своим быстрым ростом мелкий и мельчайший фригольд.

Мельчайший фригольд XIII в. является не столько свидетельством имущественного расслоения свободной деревни (он «рождается» крайне дифференцированным), сколько ее *хозяйственной* дифференциации, *свидетельством образования в недрах манора прослойки оторванного уже от земледелия неземледельческого населения, связанного с манором лишь внешне, так сказать, территориально, но все больше отдалявшегося от него экономически*. выделяясь из среды крестьян совершенно отличными от них источниками своего существования²³⁰. Манориальные описи, естественно, оставляют эту наиболее важную для нас сторону экономического быта мелких фригольдеров в тени, они подчеркивают лишь формальные держательские связи.

Но задача исследователя заключается именно в том, чтобы за последними не просмотреть первое.

О том, что в лице мелких и мельчайших фригольдеров выступают кристаллизирующиеся в недрах манора «городские элементы», свидетельствуют не только их имена, не только их легкое превращение при наличии благоприятных обстоятельств в держателей бургажа, но, что самое важное, их *совершенно неравномерное распределение* между отдельными виллами, сотнями. Мы пока отвлекаемся от вопроса, почему неча один вилл оказывается особенно привлекательной для мелких держателей фригольда по сравнению с другими. Нам важно прежде всего установить сам по себе этот факт. Для того чтобы убедиться в том, насколько «средние цифры» не раскрывают, а *затемняют сущность вопроса* о дифференциации свободных держателей крестьянского типа, достаточно взглянуть на результаты подсчетов по этому вопросу, произведенных по принципу «типизации вилл».

Нижеследующие подсчеты суммируют данные RH не по вотчинам, а по виллам (в случае, если они многовотчинные), ибо хорошо известно и

²²⁷ RH, II, 417. В двух описях манора Atherstone середины XIII в. (?) и 1294 г., принадлежавшего аббатству of Bec, коттеры названы в ранней описи «tenentes nomine burgagii», а в поздней просто «libere tenentes». См. M. Morgan. The English Lands of the Abbey of Bec. London, 1946, p. 94.

²²⁸ J. Tait. The Medieval English Borough. Manchester, 1936, p. 206—207.

²²⁹ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 393—394.

²³⁰ Ср. E. F. Jenner. Les différents types de formation de villes européennes.—«Le Moyen-âge», t. LXII, 1956, p. 397 sq. (в особенности p. 475).

давно доказано, что не вотчина, а вилла была центром не только администрации, но и хозяйственной жизни средневековой Англии:

Графство, вилла	Число фригольдеров		
	наделных (включая держате- лей ½ зиргаты)	ферделей	держате- лей менее 5 акров
Бекингемшир			
Hanslope	20	23	47
Little Linford	—	1	1
Gayhurst	6	—	—
Lathbury	6	2	—
Stock-Goldington	6	5	9
Tyringham	9	—	—
Ravenstone	1	9	—
Lavenden	1	5	4
Weston	14	1	8
Итого	63	46	69

Обобщающая таблица передала бы этот итог следующим образом: наделных — 35,2%, ферделей — 25,7%, безнадельных — 39,1%.

Сопоставим этот итог с данными по отдельным виллам, и его бессодержательность станет совершенно очевидной. Во-первых, в нем скрыто столь важное обстоятельство, что в 4 виллах из 9 безнадельных фригольдеров вообще не было; во-вторых, что в 3 виллах практически не было и наделных фригольдеров. Наконец, и это самое главное, что без малого 70% всех учтенных в этой сотне безнадельных фригольдеров были сосредоточены в одной-единственной вилле²³¹. Следовательно, обобщающая таблица скрывает от нас самое существенное в вопросе о дифференциации свободных держателей крестьянского типа, а именно, что безнадельные держатели совершенно неравномерно расселялись по отдельным манорам, концентрируясь лишь в определенных населенных пунктах. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы найти причины этого многозначительного факта, тогда станет ясным имущественный облик исследуемого нами столь загадочного слоя английского деревенского населения. Но прежде чем перейти к суммированию этих данных, мы должны предвосхитить и заранее отвести одно возможное возражение: неравномерное распределение мелких, и прежде всего коттерских, держаний в среднеанглийских графствах может рассматриваться как следствие неоднородных описей. Мы как будто сами привели немало доказательств в пользу такого возражения. С целью избежать этой опасности мы почерпнули свои иллюстрации

²³¹ В работе Галлама (H. E. Hallam. Some Thirteenth Century Censuses, p. 340), недавно опубликованной, мы находим аналогичные наблюдения, сделанные на материале других районов Англии. Галлам приводит таблицу дифференциации держателей в 5 селениях Линкольншира, из которой следует тот же вывод, что коттеры «селились гнездами». Так, в вилле Pinchbeek держатели менее 5 акров составляли 57,0%, в вилле Weston — 28,0%, в вилле Moulton 32,9%, в вилле Spalding — 71,8%. В объяснение этого факта Галлам подчеркивает значение «коммерческого и промышленного фактора» (см. p. 348). Cp. I. B. Parley, Population Trends and Agricultural Development from the Warwickshire III.—ECHR, 2 ser., v. XI, № 1, 1958, p. 17 (автор подчеркивает для соты Stoneleigh, в отличие от соты Kineton, «alternative means of livelihood» в сочетании с распространением «свободы» и мелких держателей).

из таких частей RH 1279 г., которые абсолютно однородны по своему характеру и способу изображения фригольда. Прежде всего мы остановились на описях Бедфордшира и Бекингемшира, где мелкие субдержания систематически опускаются, о чем то и дело предупреждают сами писцы. Чтобы совершенно неравномерная концентрация мелких держателей в указанных графствах стала очевидной, мы решили, как было сказано, подсчитать их число не по вотчинам, а по виллам (там, где опи многовотчинные) в тех сотнях, описи которых в RH однородны.

Если распределить сотни указанных двух графств по соотношению в них наделных (включая держателей полуvirгат) и мелких (5 акров и менее) фригольдеров, то картина получается следующая (см. табл. 24).

Таблица 24

Графство, сотня	Всего учтено вилл с крестьянским фригольдом	Число вилл							
		где мелкие держатели не указаны	где мелкие держатели составили по отношению к наделным				где мелкие держатели преобладали по числу наделных		
			25%	50%	75%	100%	в 2 раза	в 3 раза	
Бекингемшир									
Mula	4	2	1	1	—	—	—	—	—
Bunstow	9	6	—	—	—	1	1	1	1
Mursley	8	6	2	—	—	—	—	—	—
Stodfold	11	8	—	—	1	1	1	1	—
Всего по графству	32 (100%)	22 (70%)	3 (9%)	1 (3%)	1 (3%)	2 (6%)	2 (6%)	1 (3%)	
Бедфордшир									
Willey, Stodden	18 (100%)	3 (17%)	1 (6%)	2 (11%)	4 (22%)	4 (22%)	3 (16%)	1 (6%)	

Итак, в Бекингемшире поражает количество вилл, где совсем нет мелких свободных держателей при наличии, однако, значительного фригольда «крестьянского типа». Такие виллы составляют здесь 70% всего числа их, описанных в RH 1279 г. Точно также в Бедфордшире наблюдается крайне непропорциональное распределение мелких держателей по отдельным виллам. Так, например, из 158 коттеров, подсчитанных нами для сотни Willey, более половины (58%) приходится на 2 виллы (Odell и Sharnbrook). Если при обобщающих подсчетах соотношение между наделными и мелкими фригольдерами равнялось здесь 1:2, то при условии исключения указанных двух вилл из подсчетов мы получим 3:1 в пользу наделных держаний. В этом раскрывается существо предлагаемой здесь методики дифференцированных подсчетов мелких фригольдеров «крестьянского типа».

Несколько примеров будет достаточно для ее иллюстрации. В сотне Chadlington из 24 вилл в 16 безнаделных свободных полностью отсутствуют. Из 139 безнаделных 107 сосредоточены в описях 3 вилл. Если мы опустим последние, то удельный вес безнаделных в сотне сократится более чем в 3 раза. Точно так же в сотне Ewelme 136 из 161 учетных безнаделных сосредоточены в 4 виллах, на остальные же 10 вилл приходилось всего 25 безнаделных, т. е. практически они здесь отсутствовали. Не ясно ли, во-первых, что следует говорить о высоком проценте мелких и мельчайших фригольдеров не вообще, а в отношении отдельных вилл и, может быть, районов; во-вторых, что высоким удельным весом безнаделных фригольдеров эти селения были обязаны каким-то специфиче-

ским условиям, отсутствовавшим в других. Характер этих условий вскрывается, в частности, публикацией документов для манора Wheatwell²³². Опись 1279 г. фиксировала в этом маноре 18 виргатариев и 21 безнадельных фригольдеров наряду с 15 сервилльными коттерами. Что же привлекло сюда этих мелких свободных? Оказывается, манор стоял на одной из 5 главных дорог, ведущих из Лондона, — на дороге в Уэльс. Кроме того, в маноре имелись карьеры, где добывался ценный строительный камень, шедший на строительство в Оксфорд. Свободные коттеры при ближайшем рассмотрении оказываются либо посредниками-торговцами камнем, либо подрядчиками, мастерами-камперезами и строителями. Так, например, по RH некий Томас Прат — держатель 3½ а земли за 2 ден. ренты в год. Зато в архивах Мертонского колледжа этот «коттер» фигурирует как строитель-подрядчик, получавший крупные суммы. Точно так же и благополучие таких «коттеров», как Джон Пегг, Николай Геральд, Уильям и многие другие, было связано с добычей и торговлей камнем, содержанием постоянных дворов и лавок. Уже этого более чем достаточно, чтобы не связывать механически безнадельных свободных с земледелием как основным источником их существования, определявшим их имущественный облик. Однако продолжим иллюстрацию этого метода и его результатов.

Для этих подсчетов мы умышленно избрали наиболее «свободные» сотни Кембриджшира (см. табл. 25). Описи в этих сотнях отличаются

Таблица 25

Графство, сотня	Всего учтено вилл с крестьян- ским фригольдом	Число вилл								
		где мелкие держатели не указаны	где мелкие держатели со- ставляли до отношению к надельным				где мелкие держате- ли превосходили по числу надельных			где надель- ные отсутст- вуют
			25 %	50 %	75 %	100 %	в 2 раза	в 3—4 раза	в 5 раз и более	
Кембридж- шир										
Stow	10	1	1	—	—	1	1	4	2	—
Thriplow	8	—	—	—	—	2	2	2	2	—
Papworth	10	—	—	—	—	1	2	3	3	1
Longstow	12	—	1	—	—	2	4	3	1	1
Staploe	9	—	—	—	—	4	—	1	2	2
Wetherley	11	1	2	4	—	1	1	1	1	—
Staine	5	—	—	—	—	—	1	2	2	—
Chilford	12	—	—	—	—	3	2	3	2	2
Итого	77	2	4	4	—	14	13	19	15	6
	(100%)	(2,6%)	(5,2%)	(5,2%)	—	(18,2%)	(16,9%)	(24,7%)	(19,5%)	(7,7%)

большой полнотой и однородностью, и тем не менее непропорциональное распределение мелких и мельчайших фригольдеров по этим виллам совершенно очевидно. Как явствует из табл. 25, и здесь мелкие фригольдеры распределены «гнездами», т. е. концентрируются в определенных виллах. Так, например, при этих подсчетах устанавливается, что в 3 виллах из 10 в сотне Stow было сосредоточено 70% всех мелких фригольдеров, тогда как на остальные 7 вилл приходится только 30% таких держателей. В 4 виллах сотни Chilford сконцентрировано более 60% мелких

²³² Wheatley Records (956—1956), ed. W. O. Hassal. Banbury, 1956, Introduction.

фригольдеров, тогда как в 8 других оказалось немногим более $\frac{1}{3}$ мелких держателей. Наконец, в 4 виллах сотни Parworth сконцентрировано 75% мелких держателей-фригольдеров, а в 6 остальных — только 25% их числа. Итак, по всем без исключения сотням неравномерность распределения фригольдеров по изучаемой территории являлась правилом. Наблюдая эти факты, позволительно спросить: не приводят ли средние цифры наших обобщающих таблиц к затемнению всего процесса о социальной природе фригольда крестьянского типа, не уведут ли они нас на ложный путь толкования вотчинной статистики, которая сама по себе не отражает интересующих нас явлений? Совершенно естественно, что на этом пути нельзя искать ответа на вопрос, в чем причина столь большого удельного веса мелких и мельчайших фригольдеров в английской деревне XIII в. В поисках средних процентов по всему интересующему нас району мы невольно стираем ту неравномерность в распределении интересующего нас слоя держателей между отдельными виллами, неравномерность, в которой мы склонны усматривать сокровенную сущность вопроса о «расслоении фригольда крестьянского типа», единственный имеющийся у нас ключ для его решения.

В поисках объяснения обнаружившейся неравномерности в распределении мелких и мельчайших фригольдеров по отдельным виллам мы имеем возможность убедиться в том, что далеко не всегда (точнее, лишь в редких случаях) большая концентрация свободных коттеров (и подобных им слоев держателей) обусловлена особенностями сельского хозяйства (большая роль пастбищного хозяйства и т. п.). Очень редко также устанавливается какая-либо взаимосвязь между удельным весом господского домена и удельным весом свободных держателей «без земли». Если эта взаимосвязь еще кое-где устанавливается в отношении коттеров-вилланов, то этого уже отнюдь нельзя сказать в отношении мелких свободных держателей. В самом деле, в вилле Retcolte²³³ в домене числится только одна карука. Естественно, что не потребностью господского хозяйства в рабочей силе объясняется наличие в этой вилле 34 коттеров, ибо данный манор более чем достаточно заселен падельными виллами. Не правомернее ли будет искать разгадку столь необычной концентрации коттеров в данной вотчине наличием в ней рынка с еженедельным базаром и годичной ярмаркой?²³⁴ Другим примером может служить вилла Catworth (Magna) в Гентингдоншире (RH, II, 624). В 1279 г. она поистине могла быть названа свободной виллой, так как на 73 свободных держателя здесь приходится всего лишь 4 виллана. Фригольд в этой вилле распределен следующим образом: надельных держателей — 8, ферделей — 10, мелких и мельчайших — 55. Совершенно очевидно, что перед нами уже в своей массе неземледельческое население, точно так же как манором здесь названа вилла, по существу своему являвшаяся уже подобием торгового местечка (RH, II, 625 - 627). В маноре Buckworth в домене числится 3 каруки, здесь фиксировано 52 вилланских падела, обязанных отбывать еженедельную барщину, в страдную пору — ежедневную. Почему же нашли для себя благоприятной почву этого манора около 30 коттеров, повинности которых лорду манора ограничивались только двумя прекариями в год? Об источниках существования этой категории держателей можно было бы строить догадки, так или иначе склоняющие нас видеть в них «наемную рабочую силу». Но, к счастью, источник направляет наши поиски по другому и вполне определенному пути, замечая, что «Bucksworth villa mercatoria... habet mercatum quolibet die Martis... per annum»

²³³ RH, II, 699. Cp. N. Neilson, *Economic Conditions...*, p. 217.

²³⁴ Рынки и ярмарки имелись и во многих других оксфордширских манорах XIII в.— Bampton, Banbury, Witney, Standlake, Charlbury, Woodstock, Chipping-Norton, Deddington. Cp. VCH of Oxford, II, p. 174.

(RH, II, 618). Точно так же разъясняется, почему в вилле Cowley (RH, II, 723) на 1 гайду домениальной земли, при наличии 8 виргат вилланских держаний, мы обнаруживаем около 60 коттерских усадеб. Количество примеров подобного рода можно было бы много увеличить²³⁵.

Сопоставление данных XII и XIII вв. свидетельствует с очевидностью, что слой свободных мелких держателей меньше всего обязан своей численностью его роли в барском хозяйстве XIII в.²³⁶ Мелкие и мельчайшие фригольдеры сплошь и рядом появляются на господском домене, однако мало связаны с домениальным хозяйством. Это пестрый по своему социальному облику люд; многие (по-видимому большинство) из них — пришельцы из других вилл (нередко беглые вилланы), где они не могли найти применения своему труду (но какому?); другие — местные уроженцы, не унаследовавшие земли, вынужденные искать занятий не в земледелии. За местом для жилья, за клочком для усадьбы они обращаются не только к лорду, но и к держателям (нередко и к вилланам). Свои клочки они держат зачастую за высокую ренту, свидетельствующую о том, как выгодно (а может быть, как важно) было для них обзавестись местом для жилья именно в данной вилле; нередко они покупали свои разноразличные паделы за полную стоимость, уплачивая в дальнейшем лишь recognitionszins. Особенно увеличилось число такого рода держаний с конца XIII в., как это обнаруживается при сопоставлении писцовых книг этого времени и описей XIII в.

Мелкий и мельчайший фригольд — новообразование, он вызван к жизни интенсивным развитием товарного производства. *О нем следовало бы говорить не столько как о продукте расслоения свободных держателей, сколько — отслоения от землевладельческого населения элементов, вытесненных из земледелия ходом развития общественного разделения труда — населения неземледельческих занятий*²³⁷. Конечно, земельная теснота, характерная для английской деревни XIII в., была могущественным фактором, содействовавшим этому отслоению; однако важнейшей предпосылкой ее самой было развитие товарно-денежных отношений. *Мелкий фригольд рождается крайне дифференцированным по своей владельческой структуре.* В этом наиболее подвижном элементе вотчины отражается с наибольшей рельефностью не столько социальный быт земледельцев, сколько более широкие экономические сдвиги, происходившие в английском обществе (сельском хозяйстве в целом). Поэтому он дает возможность судить о тех слоях, которые в недрах манора падают и поднимаются над земледелием, специализируются в большей или меньшей степени на обслуживании его потребностей (общественных, публично-правовых и лишь отчасти производственных).

Все высказанное выше ни в какой мере не значит, как это может казаться, что известная часть свободных людей, населявших маноры, не выступала в качестве носителя наемного труда в английской деревне (не только на домене лорда, но и на наделах его держателей). Это, несомненно, имело место, однако пужно отчетливо помнить, что не мелкие фригольдеры были основными носителями этой функции. Помимо них, в английском маноре имелся другой социальный слой свободных людей, лишенных не только своей земли, но и своих дворов, живших в качестве захребетников на усадьбах надельных держателей²³⁸ и являвшихся истинными батраками «по профессии» в английской деревне XIII в.²³⁹ Этот слой трудно определить количественно, так как он

²³⁵ См. RH, II, 650; 42 tenentes cot. cumcroft. Рядом с ними опись Burgenses.

²³⁶ N. Neilson. Economic Conditions..., p. 28.

²³⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. I.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 657.

²³⁸ P. Vinogradoff. Villainage..., p. 213.

²³⁹ Ср. J.-C. Homans. English Villages..., p. 36—37, 21.

совершенно игнорируется манориальными описями, о нем лишь иногда говорят протоколы манориальной курии и записи обычного права²⁴⁰. Однако, в том, что он был весьма значительным, нет никакого сомнения²⁴¹. Без учета этого деревенского слоя вопрос о свободных посетителях наемного труда в английской вотчине не может быть окончательно разрешен.

Итак, в условиях XII—XIII вв. в дифференциации фригольд-держаний проявился, как нам представляется, не столько процесс разложения фригольда «крестьянского типа», сколько процесс его становления, процесс общественного разделения труда, в первую очередь отделение ремесла от земледелия. Развитие города в Англии совершалось не только, а может быть, не столько путем возникновения территориально обособленных городских центров, сколько путем отслоения, кристаллизации городских элементов в среде деревенского населения в недрах манора²⁴². Раннее развитие товарно-денежных отношений дало возможность безземельным и малоземельным элементам (в значительной степени) сохранить свою свободу (или вновь ее обрести), ибо они получали источник существования вне земледелия, оказались экономически почти независимыми от власти сеньории, хотя и оставались в ее территориальных рамках. Этим же обстоятельством в немалой мере был обусловлен и несомненный процесс увеличения числа фригольдеров за счет вилланов, отмечавшийся нами в другой связи. Одним словом, в той же мере, в какой мелкий фригольд оставался держанием собственно крестьянским, т. е. держанием землепашца, он, бесспорно, дифференцировался — именно в силу развития товарного хозяйства. Однако такого фригольда гораздо меньше, чем другого, идентичного с ним по названию, но совершенно отличного от него по своему существу. Это фригольд-держание неземледельческих, в основном, слоев свободных людей. Именно последний тип держателя и преобладает среди мелких и мельчайших фригольдеров крестьянского типа.

* * *

Наши выводы по вопросу о социальной природе внутриманориального фригольда сводятся к следующему.

Фригольд — категория юридическая, следовательно, когда историк оперирует ею, она должна быть социально определена, квалифицирована. Размер фригольд-держания в каждом отдельно взятом маноре, как правило, еще не говорит об имущественном и сословном положении его обладателя (по крайней мере, в значительном числе случаев), оно должно быть еще установлено. Так как для других районов Англии у нас нет источников, подобных RH 1279 г. (и они весьма несовершенны), задача идентификации имен мелких фригольдеров еще более усложнена, ибо каждое имя требует специальных разысканий.

Поскольку речь идет о районе, освещенном RH 1279 г., то внутриманориальный фригольд «крестьянского типа» оказался в значительной части отнюдь не держанием крестьян, а разновидностью вотчины. В той же мере, в какой данная земля оказалась в хозяйственном использовании крестьян, она была для них чем угодно, только не фригольдом (главным образом виллапским держанием и срочной арендой). Следовательно,

²⁴⁰ См. M. M. Postan. The Famulus. The Estate labourer in the XII—XIII cc.—ECHR. Supplement (N 2), Cambridge, 1954, p. 36.

²⁴¹ Registrum Honoris de Richmond, appendix I, p. 37. Swafham (Norf.): «Chevagium commorantium in manerio qui non terram tenent, nec domicillium». Cp. Calendar of Miscellaneous Inquisitions, v. I, № 981: «Unusquisque anylepimen reddit chevagium»; Court Baron (ed. F. W. Maitland and W. P. Baildon. Selden Society. London, 1891), p. 146; «[Jurati] presentant] quod extranei adventicii qui mansiones suas conductant et nihil tenent de domino... et illi vocantur undersetles».

²⁴² Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 393.

мелкий фригольд в условиях Средней Англии XIII в. был зачастую орудием эксплуатации земледельца, «свободная кайма» вокруг манора с этой социально-экономической точки зрения оказалась почти для половины площади мелкого фригольда «кайма» некрестьянской свободы.

Когда мы рассматриваем тех мелких фригольдеров, в лице которых есть хотя бы некоторые основания видеть собственно крестьян, их имущественный облик имеет следующее отличие: средняя (по размеру держания) прослойка ($1/2$ -1 виргата) среди них по своему удельному весу весьма незначительна. Следовательно, фригольдер крестьянского типа обычно либо крупный держатель, либо безнадельный. Подсчеты по вопросу об имущественной дифференциации свободных крестьян по РН не могут, по нашему мнению, строиться по принципу средних цифр обобщающих таблиц из-за крайне неравномерного распределения слоя мелких и мельчайших фригольдеров по изучаемой территории. В том факте, что малоземельные фригольдеры концентрировались «гнездами» в отдельных населенных пунктах — отнюдь не в зависимости от величины дома или числа наделных дворов — мы должны усматривать ключ к разгадке имущественного облика и источника существования этого наиболее многочисленного слоя фригольдеров.

Поскольку это явствует из РН, мелкие и мельчайшие фригольдеры представляли в массе своей *порвавшие с земледелием*, но не порвавшие с манором ремесленные и купеческие элементы, оставшиеся в «шорах» материального мира и обслуживавшие его потребности в «городских» профессиях. В образовании этого слоя проявляется в XII—XIII вв. настолько «раскрестьянивание» свободных элементов, сколько процесс разделения общественного труда — отделение ремесла от земледелия в условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений и вытеснение из вилланской деревни «излишков» рабочей силы в сферу ремесла и торговли. Не исключено, что именно благодаря значительному удельному весу этих оторванных в столь раннюю эпоху от земли и ищущих приложения своего труда вне земледелия слоев (свободных элементов деревни) следует искать одну из причин относительно быстрой социально-экономической эволюции средневековой Англии.

ВИЛЛАНСТВО АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕГО ПРАВА

§ 1. Постановка проблемы

Вилланы — абсолютно преобладающая часть крестьянства средневековой Англии, основной производящий и эксплуатируемый класс ее населения. В институте вилланства воплотились самые существенные особенности феодального способа производства в этой стране в пору его высшего расцвета. В эволюции этого института наиболее адекватно отразились как заложенные в нем возможности общественного прогресса, так и коренящиеся в нем социальные противоречия, которые не только ограничивали их, но и обусловили в конечном счете кризис и разложение всей манориальной системы. Таким образом, очевидно, что в судьбах вилланства заключается поистине *центральная проблема* социальной истории Англии на протяжении более чем трехвекового периода — от нормандского завоевания до восстания Уота Тайлера¹.

В буржуазной историографии конца XIX и первых десятилетий XX в. интенсивнее всего разрабатывались два аспекта этой проблемы: 1) генезис вилланства и 2) характер правоотношений, вытекавших из вилланского статуса. И хотя научный вклад таких корифеев в данной области, как Виноградов и Мэтланд, без преувеличения, огромен, мы не можем все же полностью присоединиться к заключению А. Н. Савина, который еще в начале нашего века писал: «Вилланское право XIII в. установлено в работах Виноградова и Мэтланда. Бесплезно говорить те же самые вещи во второй раз; трудно сказать их лучше, и едва ли кто-нибудь сумеет существенно изменить их выводы»². Что и говорить, вердикт, произнесенный столь авторитетным судьей, явился бы для нас более чем достаточным предупреждением, если бы только мы были уверены в том, что все, что касается английского вилланства, «уже сказано в первый раз». А что это далеко не так, легко убедиться на примере современного состояния научной разработки лишь некоторых сторон этой проблемы. Вряд ли требуются сколько-нибудь пространные доказательства, что направление, в котором велись исследования генезиса вилланства в последние 50 лет, было почти полностью обусловлено той постановкой этого вопроса, которую мы находим в трудах П. Г. Виноградова.

Хорошо известно, что пафос исследований П. Г. Виноградова, посвященных английскому вилланству, был прежде всего направлен на принципиально отличное от построенной Сибомой истолкование «исконных» аграрных распорядков, господствовавших в английской деревне XII—XIII вв.

¹ См. нашу статью «Нормандское завоевание и генезис английского вилланства». — «Вопросы истории», 1958, № 8.

² А. Н. Савин. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903, стр. 23.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что главное свое внимание он сосредоточил не на тех сторонах действительности, в которых раскрывалась сущность социальной эволюции вилланства, а на тех фактах и явлениях, которые в процессе его развития теряли свою жизненную силу и значение, превращаясь в социальный анахронизм, «окаменелость», ибо именно эти факты особенно важны при «ретроспективном», целиком обращенном в прошлое, построении истории вилланства. Истолкование П. Г. Виноградовым социальной терминологии DB эволюционировало и в конечном итоге оказалось крайне неясным и внутренне противоречивым³, тем не менее очевидно, что центр тяжести процесса формирования вилланства, как и всей манориальной системы, рисовался ему в англонормандской эпохе⁴. Хотя П. Г. Виноградов был в общем более осторожен в своих выводах, чем Мэтланд, и поэтому прямо не называл, как это делал последний, нормандское завоевание «катастрофой» в истории английского крестьянства⁵, однако и вся его концепция, по существу, зиждется на аналогичном тезисе. Одним словом, и в глазах П. Г. Виноградова английское вилланство — продукт нормандского завоевания. Последнее свело все разнообразие социальных связей, существовавших в англосаксонской вилле, к универсальному подчинению (subjectio) манору, а столь же градуированную и многоликую по своему положению массу лично свободных керлов — к универсальному статусу виллана феодальной вотчины. Именно завоевание, подчеркивает П. Г. Виноградов, слило свободных и несвободных жителей виллы в общую массу вилланства. Следы этого недавнего смешения различных категорий сельского населения в «реторте манора» отчетливо видны в DB, держательская терминология которой, за исключением разве термина servus, полностью лишена какого-либо «технического» значения⁶. Между вилланом DB и вилланом XIII в. нет ничего общего, кроме названия.

Но что же было решающим в этом столь моментальном и всеобщем процессе принижения крестьянства в XII в., какие факторы лежали в его основе? П. Г. Виноградов видит их в политических и юридических последствиях завоевания. Наиболее важную роль в этом важнейшем социальном процессе он приписывает юристам. Норманны создали «общее право» и королевские суды. Для того чтобы унифицировать условия крестьянского подчинения, юристы воспользовались римским правом с его «враждебными крестьянской свободе» тенденциями, а также нормандским правом с его особой приверженностью к процессуальным формам и, наконец, развитой королевской юрисдикцией. Репнакорн и наиболее трагичным для судеб крестьянства актом был отказ королевских судов рассматривать по существу иски вилланов. «Отказ в юридической защите, — заключает П. Г. Виноградов, — можно считать центральным фактом в пользу крепостничества»⁷.

Таким образом, концепция П. Г. Виноградова построена, во-первых, на фактическом признании перерыва в социальной эволюции английской деревни (если угодно, катастрофы), нового поворота в ее исторических судьбах, случившегося в 1066 г. Во-вторых, — на формально-юридическом истолковании самого понятия «свободы» в памятниках XI—начала

³ P. Vinogradoff. Villainage in England. Oxford, 1892, p. 145; idem. Growth of the Manor. London, 1905, p. 291; idem. English Society. Oxford, 1908, p. 453—455.

⁴ P. Vinogradoff. Growth of the Manor, p. 291. Наступление «манориальной эры» датируется «нормандским завоеванием Англии».

⁵ F. W. Maitland. DB and Beyond. Cambridge, 1897, p. 60.

⁶ Для П. Г. Виноградова и его школы villanus DB — это всего лишь простой перевод англосаксонского «tunman». См. F. M. Stenton. Anglo-Saxon England. Oxford, 1943, p. 470: «The word villanus as used in DB cannot have been in any real sense a technical term». Ср. VCH of Wiltshire, II, p. 54: «The word villager is preferable»; «Mirror of Justices», ed. W. J. Whittaker. L., 1895, p. 79: «car de vile est dit villein...».

⁷ P. Vinogradoff. Villainage..., p. 131.

XII в., чем было обусловлено совершенно ошибочное, «перевернутое» изображение взаимосвязи между эволюцией права и социальной действительности. К тому же весь процесс становления вилланства в XI—XII вв. не столько исследуется, сколько постулируется исходя из традиционных либерально-вигских представлений об «исключительности» общественной эволюции в англосаксонскую эпоху⁸. Будучи целиком устремленной к предыстории вилланства, концепция П. Г. Виноградова по существу *прошла мимо его истории*; увлеченная розысками в английском крепостничестве «реликтов» «былой свободы земледельца», она оставила пераскрытым *действительный процесс его порабощения*.

Поскольку это относится к англосаксонской эпохе, то взгляды П. Г. Виноградова в последнее время подверглись значительному пересмотру в советской историографии⁹. Манор с очевидностью предстал донормандским институтом, хотя еще трудно сказать, в какой период англосаксонской истории он стал определять собой социальную структуру общества. Так или иначе, но назрела настоятельная необходимость установить связь между новыми представлениями о социальных порядках в англосаксонской деревне первой половины XI в. и их изображением в DB и ближайших к ней памятниках конца XI — начала XII в. Тогда в новом свете предстанет не только роль нормандского завоевания в процессе становления вилланства, но и существо этого процесса в англонормандскую эпоху. Настала, как нам кажется, пора попытаться преодолеть очевидное противоречие в нашем представлении о завершенности (к концу XI в.) феодальной структуры господствующего класса Англии, ее ленной системы, с одной стороны, и в то же время как будто бы совершенно неустоявшейся и разнolikoй формой производственных отношений в этой стране, рисующихся «классической теорией» в значительной мере как дофеодальные или, в лучшем случае, как раннефеодальные — с другой. Пусть состояние источников таково, что мы лишены возможности проследить этот процесс во всех его деталях, — юридические компиляции начала XII в. все еще держат нас в атмосфере традиционного «англосаксонского права», а Гленвилл сразу же (после полувекowego «провала») переносит нас в атмосферу развитого феодального «общего права»¹⁰, однако это не может служить оправданием полной неопределенности в самых исходных вопросах данной проблемы. Каков статус держателей-«вилланов» DB? Может ли он быть определен альтернативно? Каковы «социальные компоненты» вилланства общего права? Каковы были важнейшие факторы в формировании этого класса? Что досталось в этом процессе на долю нормандских завоевателей? Какие вообще особенности отличают английский «вариант» этого процесса? Наконец, каковы основные принципы «конструкции» вилланского статуса в общем праве? Очевидно, что пока мы оставляем эти вопросы без ответа или не придаем им должного значения, не ставим их в качестве актуальных задач исследования, мы не можем считать проблему генезиса вилланства решенной.

Обратимся теперь ко второму аспекту проблемы английского вилланства, наиболее интенсивно разрабатывавшемуся в буржуазной историо-

⁸ Ch. Hill. The Norman Yoke.— «Democracy and Labour movement. Essays in Honour of Dona Torr». London, 1954, p. 11 ff.

⁹ См. А. Я. Гуревич, Крестьянство юго-западной Англии в донормандский период (канд. дисс.). М., 1950; его же. Английское крестьянство в X — начале XII в.— Сб. «Средние века», вып. IX, 1957, стр. 79 и сл. Пересмотр взглядов П. Г. Виноградова и его школы, начатый в последние годы рядом английских историков, ведется не только по линии пересмотра хронологии «манориальной эры», но и с целью утвердить «манор» в качестве изначального института англосаксов. См. T. H. Aston. The Origins of the Manor in England.— TrRHS, 5 ser. v. 8, 1958, p. 59 ff.; E. J. H. Maitland. Land Tenure in Early England, 1960.

¹⁰ F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 24 ff. Bracton's Note Book. London, 1887. Introduction, p. LXIX; W. S. Holdsworth. Sources and Literature of English Law. Oxford, 1925, p. 24.

графии, а именно к социально-правовой характеристике вилланства XIII в. Как уже подчеркивалось, с переходом к фактам XIII в. ученые споры в ней явно стихали. Если и велась еще какая-либо полемика, то это была полемика скорее в сфере вспомогательных дисциплин (текстологии и т. д.), чем собственно научно-историческая. Но вопросу о существовании института вилланства в XIII в. в буржуазной историографии царит удивительно единодушье. Характерно, однако, что именно здесь сказались с наибольшей наглядностью формально-юридическая трактовка этой проблемы вилланства в целом. В самом деле, институт вилланства сначала был расчленен исследователями на отдельные «сферы»: «сферу общего права» и «сферу права обычного» (манориального). Первую из них в свою очередь подразделяли на юридическую теорию, с одной стороны, и практику судов общего права — с другой. В юридической теории (главным образом по трактату Брактона) были скрупулезно выделены не только все заимствования из римского права, но почти с арифметической точностью установлено, в какой мере это было сделано непосредственно из *Corpus Iuris Civilis* и в какой мере через его средневековых глоссаторов, через право каноническое и т. д. Завязалась горячая и многолетняя дискуссия по вопросу о том, насколько Брактон был подготовлен для понимания своих источников, в какой мере произведенный им отбор тех или иных понятий римского права, перенесенных им в свой трактат, был сознательным или случайным, в какой мере система общего права оказалась в конечном счете под влиянием идей римского права и в каком отношении она находилась к юридической практике Англии XIII в. и т. д. и т. п.¹¹

Совершенно очевидно, что при несомненном научном интересе всех этих вопросов такой подход (в плане «чистой филиации» юридических идей) к апализму правовой доктрины вилланства XIII в. все же не вскрывает существо интересующей нас проблемы вилланства, ибо при этом почти полностью игнорируется внутренняя связь между доктриной Брактона и социальной действительностью Англии XIII в. Труды Виноградова и Мэтланда прежде всего было с достаточной ясностью установлено *формальное* содержание вилланской доктрины общего права, но на этом буржуазная наука и остановилась. В ней до сих пор по существу не была предпринята даже попытка социально-исторически истолковать это содержание. Отсюда тот роковой разрыв, который существует в ее построениях между историко-правовыми исследованиями вилланства, с одной стороны, и исследованиями «повседневной жизни» вилланов — с другой. Этот разрыв вовсе не преодолевается ни выяснением числа судебных казусов, которые цитируются Брактоном, ни тем более попытками согласовать учение Брактона с социальной действительностью Англии XIII в. либо путем подведения этой действительности «под Брактона», либо путем обратным. Признание в доктрине Брактона изложение «действующего права» XIII в. и вместе с тем ставить вопрос, в каком отношении находится эта доктрина к действительности, значит признавать некий изначальный параллелизм права и общества, «самостоятельность эволюции» того и другого.

¹¹ См., например, C. G. U l t e r b o c k. Henricus de Bracton und Sein Verhältniss zum Römischen Rechte. Ein Beitrag zur Geschichte der Römischen Rechts in Mittelalter. Berlin, 1862; Bracton and Azo, ed. F. W. Maitland. (Selden Society), v. III. London, 1895; P. V i n o g r a d o f f. Roman Law in Medieval Europe. Oxford, 1909; i d e m. The Roman Elements in Bracton's Treatise.— Collected Papers, v. I, p. 238; Prof. G o o d y. Two Ancient Brocards.— Essays on Legal History, ed. by P. V i n o g r a d o f f, p. 223; H. K a n t o r o w i c z. Bractonian Problems. Glasgow, 1941; A. S c h u l z. Critical Studies in Bracton's Treatise.— «Law Quarterly Review», v. LIX, 1943; i d e m. A New Approach to Bracton.— «Seminar», v. II, 1944; A. R i c h a r d s o n. Tancred, Raymond and Bracton.— EHR, LX, 1945; cp. T. F. T. P l u c n e t t. Early English Legal Literature. Cambridge, 1958.

На самом деле вопрос может стоять лишь следующим образом: какими фактами социальной действительности Англии XIII в. была обусловлена римско-правовая интерпретация института вилланства, на какие запросы она отвечала, навстречу каким устремлениям она шла, какую роль эта интерпретация сыграла, поскольку ею руководствовались в своей повседневной практике суды общего права, в исторических судьбах английского крестьянства? Совершенно очевидно, что речь идет вовсе не о «повторном изложении» содержания трактата Брактона, действительно бесполезном, а о выяснении социально-исторической значимости этого содержания¹². Если для историков права трактат Брактона — лишь явление юриспруденции, в лучшем случае — критерий для оценки ее состояния, то для исследователей социальной действительности трактат этот — важный источник для познания ее ведущих тенденций. Ибо нет ни малейшего сомнения в том, что даже в тех случаях, когда Брактон прибегает к римско-правовой терминологии, он видит перед собой, «обобщает» современную ему английскую действительность, которую он знал и осмысливал гораздо глубже, чем многие социальные историки наших дней¹³. Для историка аграрных отношений трактат Брактона, как и трактаты других феудистов, содержит не только изложение «действующего права» в современном его смысле — в нем, если угодно, содержатся в сущности основы политической экономики феодальной эпохи. Недаром же Флета включил в свое изложение Брактона и раздел об управлении поместьем¹⁴. *Путь к познанию социальных отношений феодализма лежит через правовую доктрину этой эпохи.*

§ 2. К вопросу о генезисе вилланства общего права

Итак, главное внимание исследователей генезиса английского вилланства было направлено на выяснение личного статуса *предшественников* того слоя держателей мапора, которые фигурируют в экстаптах XIII в. под названием *servi, villani, customarii, consuetudinarii nativi* или *bondi* (безразлично) и которые в совокупности составляли юридически единый класс крепостных крестьян — вилланов. Задача же настоящего исследования принципиально иная. Вилланство привлекло наше внимание как отчетливо обрисованный в праве социальный институт, в котором олицетворялось *основное производственное отношение* эпохи и, следовательно, заключалось ее *основное социальное противоречие*. С этой точки зрения теория вилланства может рассматриваться как «юридическая концепция» класса феодалов о господствовавшем в стране способе производства. Так как феодальное производственное отношение неизбежно принимает форму отношений личной зависимости¹⁵, то оно, в отличие от буржуазных отношений производства, выступающих прежде всего как отношения вещные, должно уже на ранней стадии своего развития быть закреплено, т. е. сформулировано, как правоотношение, как статус.

Марксистское понимание права как отражения данного способа производства, как перевода его отношений в правовые принципы¹⁶ необходимо предполагает известное «запаздывание» права, его «отстава-

¹² Ср. С. Д. Сказкин. Феудист Эрве и его учение о цензиве.— Сб. «Средние века», вып. I, 1942, стр. 190—191.

¹³ Там же, стр. 190—191.

¹⁴ Fleta, seu commentarius juris Anglicani. London, 1647, lib. II, cap. 71.

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. I.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 87—88: «Общественные отношения лиц в их труде проявляются во всяком случае здесь именно как их собственные, личные отношения...».

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 428 (Энгельс — К. Шмидту, 27. X 1890 г.).

ние» от хода социально-экономической эволюции. Следовательно, а priori очевидно, что возникновение отношений «вилланства» в реальной действительности и их «обобщение» в правосознании, их перевод в юридические максимы, их фиксация в качестве «положительного закона» — процессы разновременные. В рамках данного исследования мы усматриваем свою задачу в том, чтобы проследить, когда, на какой стадии своего развития новая социальная действительность пробилась себе «доступ» в традиционное правосознание с тем, чтобы, *отразившись в нем, сначала в качестве противоречия с господствовавшими до тех пор юридическими принципами, стать затем отправным пунктом ломки этих принципов и «пересоздания» права на новой социальной основе.*

Итак, когда и как вилланство в Англии стало институтом общего права, каким был процесс «перевода» реального отношения вилланства в юридические максимы, процесс его фиксации в качестве «политического закона»? Параллельное изучение англосаксонских правд и картулярного материала приводит к неизбежному заключению, что англосаксонский период завершился поразительным *противоречием между* интересующими нас двумя «началами» — между господствовавшим в стране королевским правом и социально-экономической действительностью, реализовавшейся этим правом. В самом деле, «Законы Канута» продолжают видеть в стране тот же в основном водораздел между «свободой и несвободой», который был фиксирован в законах Этельберта¹⁷⁻¹⁸ за четыре века до них. Иными словами, как в начале, так и в конце этого периода — если верить букве права этот водораздел проходил между «простым свободным» (*gemein-freie*) — кёрлом (*ceorl*), с одной стороны, и рабом (*theow*) — с другой. Если отвлечься от различных модификаций свободы, которые привносились в нее принципом знатности, а впоследствии и имущественными (владельческими) различиями, то англосаксонское общество — в изображении памятников англосаксонского права¹⁹ — даже в канун нормандского завоевания предстанет перед нами как общество исключительно аморфное и малоподвижное, в котором феодальные отношения еще крайне незначительно затронули общину свободных земледельцев — кёрлов. *Между тем в сотнях грамот этого же периода именно эта община выступает не как субъект права, а как объект королевских пожалований, как сфера «частного права» — бокленд, расчлененная между различными носителями этого права, одним словом, как община, находившаяся в феодальной (по своему существу) зависимости*²⁰. Если же мы обратимся к тому уникальному памятнику обычного права XI в., который известен под названием *Rectitudines singularum personarum*²¹, то перед нами открывается типическая феодальная вотчина, которой совершенно неизвестен независимый свободный земледелец древнего права²². Хотя в *Rectitudines*

¹⁷⁻¹⁸ *Aethelbert*: Свободный — *frigman* (с. 4), *frigne mannan* (с. 6), *frigman* (с. 9) противопоставляется рабу — *theow* (с. 11). Cp. II Cnut., с. 45, 1 — *freoman*, с. 45, 2 — *theowman*; F. Liebermann. *Die Gesetze der Angelsachsen*, Bd. I. Halle, 1903.

¹⁹ За исключением кентских лэтов и *leisingmen*’ов области датского права, право англосаксов не знало в пикале вергельдов промежуточного слоя, аналогичного полусвободным (либертинам) (см. T. Aston. *The origins of the Manor*, p. 69—70). В своем переводе Орозия Алфред передал *libertinus* термином *ceorl* (см. *King Alfred's Orosius*, ed. H. Sweet, London, 1883, p. 162).

²⁰ *Anglo-Saxon Charters*, ed. A. Robertson. Cambridge, 1939, p. 206, N CX: «*Her synd gewriten tha gerihtha thae the ceorlas...*» [!] Cp. I. M. Kemble. *Codex diplomaticus Aevi Saxonici*, № MCCLXXXII.

²¹ *Gesetze*, Bd. I, S. 444. Cp. H. Leo. *Rectitudines Singularum Personarum nebst einer einleitenden Abhangung*. Halle, 1842.

²² См. *Gesetze*, I, p. 444. В англосаксонских источниках мы находим уже всю основную манориальную терминологию: *hame* — двор (см. *Anglo-Saxon Charters*, № LV). *Inland* — домен (№ CIX) *gesettland* — оброчные держания (№ CIX). Это же деление земли манора может быть выражено так: *thegenthland* — *geneatland* (*ibid.*, p. 240. *Record of the Dues Rendered to the Church at Lambourn*). Cp. *Cart. Saxonicum*,

и ряде близких к ним по характеру памятниках этого времени гениты и гебуры не только различаются, но и противопоставляются²³, однако свидетельства тех же источников не оставляют сомнения в том, что *к керлам генетически восходят не только гениты, но и гебуры*, по крайней мере в своей значительной части²⁴. Если *geneatland* является обобщенным определением обычной тяглой земли (*gafolland*), то гебуры — только разновидность держателей, сидевших на этой земле²⁵. Во всяком случае в памятниках XI в. гебур выступает как человек лично свободный, противопоставляемый рабу²⁶. В то же время столь же очевидно, что к этому времени генит с социально-экономической точки зрения потерял реальный базис «свободы» керла — поземельную независимость от лорда²⁷.

Если дошедшие до нас англосаксонские памятники не могут служить основанием для ответа на вопрос, в какой мере отношения, вырисовывающиеся из *Rectitudines*, были уже типичны к 1066 г. для английской деревни в целом²⁸, то вместе с тем они не оставляют сомнений в том, что эти отношения были уже задолго до 1066 г. обычной практикой в пределах Уэссекса и частично Мерсии. Но тем самым несомненным становится факт «отставания» англосаксонского королевского права, продолжавшего цепляться за лишённую уже реального содержания «племенную» концепцию «полноправия» и свободы. Только имея в виду этот факт, можно полностью оценить историческое значение ДВ. Самым поразительным в ней является не новая терминология, при помощи которой комиссары Вильгельма I описывали социальную структуру сельского населения — хотя она сама по себе означала переворот в традиционном правосознании страны, — а то, каким *верным ключом она оказалась для истолкования английской действительности конца XI в., как легко и моментально она привилась на этой почве*. Положив в основу юридической классификации сельского населения принцип феодальный, и прежде всего отношения поземельной собственности, комиссары Вильгельма I, может быть, сами того не сознавая, впервые ввели терминологию сеньориального права в

ed. W. G. Birch, II, London, 1887, p. 594: *Geneatland* синоним *gafolland* и антитеза *thegeatland*. Ср. *Yokshire Surveys (1023—1064)* (ENR, XXVII, 1912, p. 16), где эта же антитеза передана так: *ogenland — weorcland*. Астон (T. Aston. *The Origins of the Manor...*, p. 66) возводит эту дихотомию вотчины ко времени *Ine* (с. 63—66), где термин *gesettes-landes* употреблен в связи с желанием *gesithcundman* оставить свое держание. Однако в этих главах *Ine* ничего не слышно о домене. Скорее всего речь идет о земле, приносящей *gafol*, т. е. натуральный оброк, вовсе не связанный с манориальной системой как таковой. Ср. II Edgar, с. 1. I.

²³ *Gesetze*, I, S. 445. Ср. *Anglo-Saxon Charters*, p. 240: «*aelk geneat... aelk gebur*».

²⁴ *Gesetze*, II, S. 297. Леннард («*Rural England*», Oxford, p. 367), справедливо отметил близость повинностей *керлов* описи середины XI в. — *Hurstbourne*. (*Anglo-Saxon Charters*, CIX) и *гебуров* описи *Tidenham* (*ibidem*), с одной стороны, и гебуров *Rectitudines* — с другой. Керл платил 40 ден. за гайду в *Hurstbourne*. Соответственно гебур *Rectitudines* платил 10 ден. за четверть гайды (*виргату*). Обязанность керла вспахивать 3 акра земли в первом случае находит свой коррелятив в пахотной повинности гебура — во втором и т. д. Примечательно, что гебуры *Tidenham* изъятия из большинства «недельных работ», т. е. регулярной барщины, что подтверждает оговорку, сделанную в *Rectitudines* относительно того, что «обычаи гебуров» варьировют (см. *Gesetze*, I, S. 446).

²⁵ *Alfred-Garthum Treaty*: «*The ceorls who dwells on gafolland*; *Anglo-Saxon Wills*, ed. D. Whitelock, № III: «*thare gebura the on tham gafollande sittath*».

²⁶ См. *Rectitudines* 3,4 (*Gesetze*, I, S. 445), *Wills*, № III; «*Thare gebura... there teowra manna*». Вместе с тем гебуры (вернее, их повинности) закупаются. Т. Астон («*The Origins of the Manor in England*», p. 70) допускает явное противоречие, когда он, с одной стороны, предполагает рабское происхождение гебуров, а с другой стороны, совершенно верно отмечает, что гебуры — это одна из составных частей целого — керлов. Впрочем, с точки зрения его концепции, может быть, это логично, так как сами керлы тракуются им в преобладающей части как *либертины*.

²⁷ *Gesetze*, I, 445. Ср. *Anglo-Saxon Charters*, p. 204: «*The geneat sceal wyrcean swa on lande swa of lande, swa hweder swa him man hyt*».

²⁸ *Rectitudines*, с. 4. Ср. *Anglo-Saxon Charters*, CIX.

национальный кадастр, ставший одним из отправных пунктов в развитии концепции вилланства английского общего права²⁹.

Так как очевидно, что всякая ломка устаревших и не соответствующих уже новым условиям юридических принципов может совершаться только «сверху» (т. е. только путем проявления осознанной или неосознанной воли господствующего класса), властью, осуществляющей «правотворчество», то сама *Великая опись 1086 г. должна рассматриваться как первый огромного значения шаг по пути к преодолению указанного противоречия англосаксонской эпохи*³⁰. Лишь имея в виду Англию в целом, можно признать этот процесс двусторонним, заключающим в себе, с одной стороны, приведение реальной действительности в соответствие с «концепцией права» завоевателей³¹, и, с другой, — нововведение в области самого права.

Однако в пределах прежде всего Уэссекса, как это очевидно из DB, первая задача во всяком случае уже отступала на задний план перед второй, так как к моменту составления DB манориальная система феодальной эксплуатации — барщинная вотчина типа *Gutsherrschaft* — была уже глубоко укоренившейся и повсеместно распространенной³², что предполагает историю, которая отнюдь не исчерпывается двумя десятилетиями, отделявшими DB от битвы при Гастингсе. Что должно было здесь поразить завоевателей, так это отнюдь не факты реальной действительности — она вряд ли отличалась многим от порядков их прежней родины, а совершенно неадекватное отражение их в праве³³.

Характерно, однако, что интересующая нас ломка «традиционного права» должна была совершаться завоевателями под прикрытием вынужденного обещания сохранить «законы короля Эдуарда»³⁴. Этим была обусловлена важная особенность этого процесса: он не мог быть моментальным, а должен был вылиться в постепенный процесс пересоздания права покоренной страны на новой основе — на основе права манориального. Именно в этом смысле (и, пожалуй, только в этом смысле) можно усматривать в DB совершенно новый отправной пункт эволюции английского средневекового права³⁵. Прежде всего, как мы убедились, он сказался в новой держательской терминологии DB. Как по волшебному мановению, комисса-

²⁹ Замечание о том, что эта терминология применялась недостаточно последовательно, что одним и тем же термином покрывались различные по своему характеру отношения, ничего не меняет, так как самой терминологии придавалось универсальное значение (см. P. Vinogradoff. English Society, p. 340 ff. Ср. F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 41 ff.).

³⁰ Этот процесс рано или поздно совершился бы «естественным путем», завоевание лишь ускорило его. См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 23. Ср. F. M. Stenton. Anglo-Saxon England, p. 676—677.

³¹ См. P. Vinogradoff. Villainage..., p. 209. Ср. F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 41. Несомненно, что под термином villani в DB скрываются не только гебуры, но и гениты Rectitudines. Опись Tidenham середины XI в., как мы видели, перечисляет генитов и гебуров в числе ее тиглых держателей (Anglo-Saxon Charters, CIX). DB (I, 164a) указывает в этой вотчине только вилланов и бордариев, см. F. M. Stenton. Anglo-Saxon England, p. 471. Ср. R. Lennard. Rural England, p. 366.

³² Достигнутое еще в англосаксонскую эпоху равенство наделов гебуров (1 vg), с одной стороны, и котсетов (5 a) — с другой, по крайней мере, свидетельствует о сеньориальной политике, пасчитывавшей не одно десятилетие. См. Rectitudines, с. 4, Gebures gerichte; F. M. Stenton. Anglo-Saxon England, p. 309—310.

³³ См. сведения о барщине вилланов в DR, I, 479b: «...in dominio sunt III carucae et XXXVI villani et X bordarii cum XL carucis, hi villani arant et seminant de proprio semine». Ср. DB, I, 186a: 12 бордариев должны работать один день в неделю; DB, I, 174b: вилланы должны вспахать и засеять своими семенами 125 акров.

³⁴ Gebetze, I, S. 488, Willelmi Articuli, с. 7: «Precipio et volo ut omnes habeant et teneant legem Eadwardi Regis in terris et in omnibus rebus...».

³⁵ F. Pollock and F. W. Maitland. History of English Law. Cambridge, 1895. I, p. 69, 79.

ры Вильгельма I «изменили лик» Англии: вместо традиционных керлов, гебуров³⁶, генитов³⁷ они увидели в деревне *жителей двух юридических разрядов*: вилланов и свободных. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно проследить, каким образом расшифровывается в анкете 1086 г. вопрос: *quot hominum? quot villani, quot colarii, quot servi, quot liberi homines, quot sochemanni?*³⁸ Уже сама последовательность этого перечня недвусмысленно свидетельствует о том, что комиссары 1086 г. положили в основу юридической классификации сельского населения Англии новый, чисто феодальный критерий «свободы», ибо лишь в таком случае правомерно, что первый из двух указанных разрядов держателей³⁹ начинается с «вилланов», а второй — со «свободных людей», и как бы для того, чтобы наметить, где проходит водораздел между этими разрядами, перед *liberi homines* помещены *servi*. Очевидно, что мы совершили бы грубую ошибку, если бы усмотрели в этой аптитезе традиционное членение людей по королевскому праву. Уже одно то обстоятельство, что за одну скобку вместе с сервами вынесены не только коттарии и бордарии, представлявшие в значительной мере ипомещенных на землю рабов⁴⁰, но и вилланы — лично свободные люди⁴¹, позволяет вскрыть не только принципиальное отличие классификации статуса сельского населения по DB от классификации его по «народному праву», но и основание для этого различия. Им служил характер производственного — рентного — отношения между сельскими жителями и манором⁴². В глазах завоевателей манор являлся центром, своего рода *фокусом общественного строя*. Сквозь него они и глядели на окружающий мир — на пахотные поля, луга, пастбища и леса, а также на людей, трудившихся на них; все это рассматривалось так или иначе как его «принадлежность»⁴³.

Выше уже было отмечено, что в основу классификации людей в DB был положен феодальный принцип. Теперь же это положение может быть развито: *в DB понятие «свободы» поставлено в тесную связь с общественной функцией ее носителя, иначе говоря, с функцией его в процессе феодального производства*, т. е. «разделением труда», характерным для последнего⁴⁴. Дело не только в том, что феодальное общество не знает «неза-

³⁶ Зато в DB появились *coliberti (buri)*, являвшиеся, по-видимому, одной из модификаций гебуров. См. DB, I, 68a: *coliberti*, а также I, 163, 174a. Cp. P. Vinogradoff. English Society, p. 340. Cp. прт. в: M. Bloch. Les «Coliberti». Etude sur la formation de la classe servile.— «Revue historique», v. 150, № 3, 1928, p. 13: «...dixi quod meus colibertus erat et poteram eum vendere... et terram suam quicumque vellum dare tanquam terram coliberti mei».

³⁷ П. Г. Виноградов видит их пресмычков в *radmanni (radchenistri DB)* (English Society, p. 69—72).

³⁸ ICC, p. 191.

³⁹ F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 24.

⁴⁰ См. ниже, стр. 242. Cp. T. Aston. The Origins of the Manor in England, p. 72 ff.
⁴¹ *Leges Henrici I* (далее — Hn I), c. 70: «*twyhindi, id est villani*». Cp. *Instituta Cruti I*, 15, 1: «*villani... quem angli vocant ceorlman*».

⁴² В этом смысле и следует понимать термин *rusticus* конца XI в. См. EHR, XL № 176, 1929, p. 624: «*In Sandford tenent villani VIII hidas*». Cp. *ibid.* *Hannacia*: «*ex his tenent rustici VI hidas*». Cp. DB, I, 73b: «*Vluric tenuit sicut rusticus*».

⁴³ Для того чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно изучить анкету расследования 1086 г. Начинается она вопросом, *quomodo vocatur mansio*. Заметим: не вилла, а манор. А дальше следуют вопросы, обнаруживающие, что в центре DB — интересы лорда манора: *quot carruce in dominio, quot hominum* (последнее тоже с точки зрения этих интересов. См. ниже, гл. 5, § 2), *quantum silve, quantum prati, quot rasciogum* и, наконец, следует уже известная нам классификация держателей манора. Может ли быть сомнение в том, что она имеет своим основанием характер их «связей» с манором (см. ICC, p. 191).

⁴⁴ Это с очевидностью явствует не только из наличия в описи самого решающего, с этой точки зрения, представления с «низких повинностей» (см. DB, I, 172b: «*et reddebat inde omnes consuetudines... excerpto rustico orege*»), но прежде всего из факта систематической классификации держателей манора по этому принципу. Стентон установил, что основное различие между сокменом и свободным, с одной сто-

висящей» личности (в современном смысле этого слова)⁴⁵, но и в том, что именно ввиду этого феодальное правосознание различает по существу не «свободу» и «независимость», а *сословный характер «зависимости»*, проводит водораздел *внутри* последней, признавая одну форму зависимости «свободой», а другую — «несвободой»⁴⁶. Правда, в DB, как мы увидим ниже, феодальная концепция «свободы» еще сталкивается с традиционной концепцией «народного права». Однако соотношение этих тенденций таково, что не трудно уже предположить, на чьей стороне будет конечная победа. *Заменяя градуированную «свободу» англосаксонских законов градуированной зависимостью, характерной для феодального общества, и расчленив эту зависимость исходя из отношения держателя к доменiallyму производству*, классификация DB стала исходным пунктом концепции вилланства общего права⁴⁷. Иными словами, критерием для определения личного статуса земледельца в 1086 г. были не отношения ренты вообще, а единственно та форма ренты, которая была уже господствующей в типичном маноре, — барщина. Конечно, имея в виду Англию в целом, комиссарам Вильгельма I надлежало подчас применять этот принцип в условиях не только большого разнообразия форм ренты, но и далеко еще не завершенной манориализации деревни вообще, усматривая «манор» там, где находился всего лишь центр юрисдикции или администрации, а «феодальную» ренту в повинностях далеко не феодальных по своему изначальному существу⁴⁸. Тем не менее удивительно не то, что такая унификация имела место, сама она с многообразной действительности под одним и тем же углом зрения не могла не означать схематизации и «упрощения» ее. Более поразительно то, насколько социальный строй деревни на значительной части территории страны укладывается уже в формы правосознания завоевателей, насколько господствовавшие здесь отношения уже были подготовлены для применения чисто феодального принципа юридической классификации сельского населения.

Стоит лишь вдуматься в то, что комиссары в 1086 г. могли от селения к селению указать точное число наделов вилланов, бордариев, коттеров, и перед нами с полной отчетливостью вырисовуется *барщинная система* с характерной для нее градацией крестьянских наделов *по типу тягла*: «наделы с пахущими волами» — вилланы и «наделы», отбывающие только «ручную барщину», — коттеры⁴⁹. Но если это так, то мы

роны, и вилланом — с другой, заключается в том, что первые считались «собственниками своей земли», в то время как землей последнего владел его лорд (см. «Types of Manorial Structure», Oxford, 1910, p. 4—14; *idem*. Anglo-Saxon England, p. 645. Ср. F. W. Maitland. *DB and Beyond*, p. 24). Однако, не *меняется ли* в глазах комиссаров Вильгельма I *титул собственности* и, следовательно, *носитель собственности* в зависимости от характера повинностей держателя манора?

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 87.

⁴⁶ Следует заметить, что содержание определения *liber homo* в DB — феодальное, резко отличное от значения его в «традиционном праве» англосаксов. Ср. DB, II, 1: (Benflet): «...In hoc manerio erat quidam liber homo... qui modo effectus est unus de villanis»; P. Vinogradoff. English Society, p. 24. В то же время сервы противопоставляются в DB всему остальному населению манора на почве «традиционного права», согласно которому все по отношению к сервам являются свободными людьми.

⁴⁷ Это с очевидностью явствует не только из наличия в DB представления о «низких повинностях» (см. DB, I, 172b, ср. 175a: «Vluric... serviebat ut alii liberi homines»), но прежде всего это вытекает из факта систематической классификации держателей манора.

⁴⁸ P. Vinogradoff. English Society, p. 316; R. Lennard. Rural England, p. 25 f.

⁴⁹ Как известно, в описи графства Мидльсекс приводятся размеры вилланских наделов в акрах. В результате этой описи поражает строгая симметрия этих наделов. См. DB, I, 127 a, 128 b, 129 a, 129 b, 130 a и др. Ср. Inquisitio Eliensis, ed. N. Hamilton. London, 1876, p. 115 (Wittleseya): «Octo villani quisque de XII acris». См. Some Early Surveys from the Abbey of Abingdon, ed. D. Douglas.—EHR, v. XLIV: «...In Merham rustici abbatis [tenent] VI hidas et cotsetli III hidas V acras minus».

получаем наглядное свидетельство тому, что именно характер ренты — связи данного держания с манором — служил основой в ДВ для отнесения его обладателя к вилланам, коттерам, сокменам и т. д. Таким образом, очевидно, что *общественный строй англосаксов преобразило не нормандское завоевание, а появление «манора» задолго до этого*⁵⁰. На долю же завоевателей осталось лишь *завершение* этого строя, и то главным образом в области *надстройки*, в частности *в праве*. Этот кардинальной важности факт полностью подтверждается данными одной из ближайших к ДВ описей — описи владения Питерборского аббатства пачала XII в. (1125—1128 гг.), явившейся как бы более поздней и более пространной версией ДВ. Указав, сколько в маноре гайд, и распределив, по образцу ДВ, «каруки» между доменом и людьми манора, писцы приводят затем число «полных вилланов» (pleni villani), «полвилланов» (semivillani), бордари-ев или коттеров (cotseti). Следовательно, вся система наделов здесь градуирована по роду и количеству повинностей, причитавшихся манору. Однако, несмотря на то, что вилланы оказались по характеру общественной функции в одном ряду с рабами (servi), они в ДВ еще не слились юридически в один класс. В то время как статус первых уже определялся феодальным правом, статус рабов определялся еще принципами старого королевского права⁵¹ (именно поэтому они отделены в ДВ от всех других прослоек сельского населения). Этим объясняется, почему вилланы в ДВ, с одной стороны, противопоставляются «свободным», хотя они сами «свободны» по «народному праву», а с другой, — сервам, хотя по феодальному праву сами рассматриваются как «песвободные»⁵².

Таким образом, в ДВ отражен любопытнейший этап в формировании английского вилланства: твердо установив состав этого класса и очертив его внешние рамки (на манориальной основе), комиссары Вильгельма I еще оставили его внутренне расчлененным по принципу англосаксонского права⁵³. *Противоречие заключалось не только в том, что отнесение одних к «вилланам», а других к «сервам» совершалось на основе в корне различных принципов, но и в том, что статус самих вилланов в изображении ДВ отличался бросающейся в глаза двойственностью*. В зависимости от той или иной точки зрения они могли быть то причислены к «свободным», то противопоставлены им. Если мы решительно не можем принять толкование термина villanus в ДВ как лишенного какого-либо технического содержания, как простой перевод англосаксонского tinesman, — толкование, полностью игнорирующее *переворот в правосознании, начало которому положено завоеванием*, то вместе с тем нельзя не видеть, что в ползении тех, кого комиссары 1086 г. именуют «вилланам» (несколько речь идет о различных районах страны), имелись значительные различия⁵⁴. Конечно, в ДВ еще нет никаких признаков той позднейшей точки зрения, которая позволит увидеть в статусе виллана все юридические черты раба. Однако нельзя отрицать и тот факт, что предпосылки для такой точки зрения были заложены именно в ДВ⁵⁵.

⁵⁰ Заслуживает внимания следующая параллель между Instituta Cnuti I (1027—1034) и версий так называемых «That ic bebeode eallum minan gerefan (!) that hig on minon agenan rihtlice tilian» — «Precipio omnibus propositis meis (!) ut in propriis villis meis bene et pleniter arent et seminent et culturas optime colant...».

⁵¹ ДВ, I, 167b: «...ibi erant XII servi quos Willhelmus liberos fecit».

⁵² В юридических компиляциях начала XII в. виллан, как мы видели, все еще олицетворяет простого свободного (gemeinfreie), подобно тому как его олицетворял керб в англосаксонскую эпоху. Ср. Northumbrian Priest Law, с. 50, 53, 59.

⁵³ W. Stubbs. Select Charters. Oxford, 1878, p. 84.

⁵⁴ P. Vinogradoff. Villainage, p. 209; F. W. Stenton. Anglo-Saxon England, p. 471; R. Lennard. Rural England, p. 340.

⁵⁵ Естественно, что в зависимости от точки зрения — публичноправовой или манориальной — свободные предстают в памятниках конца XI — начала XII в. то как основная масса сельского населения, то как крайне немногочисленная его прослойка. Очевидно, что в первом случае вилланы 1086 г. юридически еще противопоставлены

«Виллан» DB, конечно, не может рассматриваться как «технический термин» общего права того времени, но это уже определенно термин права сеньориального — образец трансформации статуса земледельца, рассматриваемого сквозь манориальные очки⁵⁶. Это было естественно, так как феодальное правосознание в процессе своего становления проявляется прежде всего в качестве манориального обычая, и уже от условий места и времени будет зависеть, когда и насколько последнее пробьет себе дорогу в сферу правосознания. В частности, те же специфические условия Англии, которые сделали возможным появление DB, впоследствии привели к «рецепции» принципов манориального права⁵⁷ в систему общего права. Ими был обусловлен и тот факт, что эта рецепция совершалась здесь весьма быстро и с поразительной полнотой. Итак, DB фиксировала ту стадию формирования английского феодального права, когда возникло явное несоответствие между завершённой (на значительной части территории Англии) манориальной системой эксплуатации и совершенно неадекватной юридической формулировкой (обобщением) оснований этой эксплуатации — с другой⁵⁸. Подтверждением этого основополагающего для нас тезиса могут прежде всего служить результаты сравнительного анализа данных DB и RH 1279 г. по вопросу о вилланском составе вотчин. Естественно, что два века, разделяющие наши источники, слишком большой срок даже для малоподвижных социальных институтов феодализма, чтобы такое сопоставление оказалось возможным по всем фиксированным в 1086 г. вотчинам. Но тем ценнее свидетельство тех описей, по которым сопоставление привело к убедительным результатам (см. стр. 240).

Виноградов, а вслед за ним и Стентон не допускали и мысли о том, что под термином «виллан» в DB скрывается определенное «техническое» содержание. Один из аргументов против такого допущения они увидели в том, что число вилланов в этой описи фиксирует вообще не «людей», а «держания». Но для нашей цели это оказалось безразличным, ибо если вилланы DB — это «держания», то их статус, следовательно, был уже столь устоявшимся в манориальном праве, что он сохранился на протяжении столетий. Более того, это был именно тот статус, который лег в основу статуса виллана XIII в., иначе почему число вилланов в 1086 г. точно совпадает с числом вилланов в 1279 г.? Так или иначе, по тот факт, что в случаях, когда общие размеры манора (как и соотношение его частей) между 1086 и 1279 гг. не изменились, в сопоставляемых источниках обнаруживается точное совпадение числа вилланов или вилланских наделов, что свидетельствует не только о преемственности экономического строя манора, но прежде всего о том, что в той же мере, в какой «надельная система» 1279 г. восходит к DB (в действительности она, как мы видели, была гораздо древнее ее), вилланы 1279 г. восходят прямо и непосредственно к вилла-

сервам. Но при этом нельзя не заметить нового качества этой «свободы». Это была уже свобода остаточная, лишенная реального основания.

⁵⁶ Предвестниками будущей судьбы вилланов 1086 г. следует считать те многочисленные случаи, когда писцы считали возможным отнести рабов к другим разрядам держателей. Иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что рабы фактически опущены в списки Гентингдоншира. Кроме того, сервы фигурируют в DB в качестве боварней и бордариев (см. DB, I, 172, 176a). В так называемом Exon Domesday servi нередко называются вилланами (см. F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 34).

⁵⁷ Под «сеньориальной стадией» феодального правосознания мы разумеем эмпирически возникающий обычай, варьирующий от места к месту, а не обобщенный «перевод» сложившихся отношений производства на язык права законодателем.

⁵⁸ Но из этого вовсе не следует, что отношения эти были еще столь неустоявшимися, что их даже нельзя было формулировать. Насколько можно судить по DB, господствующий класс и его представители — комиссары 1086 г. — имели вполне устоявшиеся и определенные представления об основном принципе «разделения труда» в «устраиваемом» ими обществе. *Liberi homines*, с одной стороны, и *rustici-servi* — с другой, вполне отвечали этим принципам.

Графство, манор	Источник (ДВ, I)	Число виллагов	Источник (РН, II)	Число виллагов или вил- ланских паделов
Оксфордшир				
Cassington	156 a	4	854	4 виллана
Kiddington	161 a	3	877	3 »
Weld near Bampton	160 b	3	688	3 »
Asthall	158 b	24	694	12 виллагов (сведения для одной половины манора)
Great Milton	155 a	24	820	24 виллана
Mcreton	160 a	19	821	19 виргат вилланской земли
Emmington	157 b	20	784	20 » » »
Fringford	155 b	18	829	19 вилланов
Northbrook	158b,159a	9	832	9 »
Holton	158 b	10	716	10 виргат вилланской земли
Waterperry	158 b	18	725	19 вилланов
Chesterton	159 b	22	729	21 виллан
Chadlington	158 a	32	736	16 вилланов (сведения для одной половины манора)
Little Rollright	155 a	12	744	12 виргат вилланской земли
Rofford	160 b	7	755	7 » » »
Draycot	159 b	5	757	5 » » »
Britwell	155 b	5	765	5 вилланов
Бекингемшир				
Radclive	151 b	6	342	6 виргат вилланской земли
Haversham	148 a	16	346	32 виллана (на полнаделах)
Hanslope	152 a	36	343	52 » »
Гентингдоншир				
Haddon	205 a	18	644	18 ^{1/2} виргат вилланской земли
Woodstone	205 a	16	643	15 ^{1/2} » » »
Alwalton	205 a	20	638	20 ^{1/2} » » »
Caldecote	206 a	10	636	10 ^{1/2} » » »
Holywell	204 a	26	602	26 » » »
Somersham	204 a	32	605	64 виллана (на полнаделах)
Upton	205 b	14	618	28 вилланов »
Leighton	203 b	33	616	33 виргаты вилланской зем- ли
Spaldwick	204 a	50	615	56 ^{1/2} виргат вилланской земли
Ellington	204 b	26	630	26 ^{1/2} » » »
Кембриджшир				
Eversden	200 a	5	510	10 вилланов (на полнаделах)
Isleham	190 b	11	504	11 »
Thriplow	191 a	12	542	24 » (на полнаделах)
Camps	199 b	17	424	17 » »
Knapwell	192 b	8	511	16 » »

нам 1086 г. Юридическая трактовка статуса тех и других, конечно, отличалась, но лишь постольку, поскольку мы будем доискиваться ее в сфере «общего права». В сфере же манориального обычая она, несомненно, была уже идентичной, во всяком случае по своему реальному содержанию. Но далее, тот факт, что «надельная система», иначе говоря, «система ренты» 1279 г., была уже налицо в 1086 г., дает твердое основание заключить, что «виллан» 1086 г. как держатель «падела» рассматривался в обычаях манора XI в. как человек, крепкий земле. Об этом свидетельствуют «дар-

ственные грамоты» конца XI — начала XII в., которые вместе с землей передают сидящих на ней вилланов⁵⁹. Не подчеркнув крепостное состояние массы сельских производителей, фиксированных в ДВ, мы невольно отрицаем очевидное распространение к тому времени барщинного манора, хозяйственная система которого не могла быть приведена в действие без личной крепости вилланов, бордариев и коттеров. Наконец, точное совпадение числа вилланов в 1086 и 1279 гг. свидетельствует о том, что *строить догадки о сколько-нибудь значительном числе «свободных», будто бы скрытых за этим «юридически неопределенным» термином, в пределах Средней Англии значит искать «прибежище свободы» там, где ее уже давно не было*⁶⁰. В итоге не остается ни малейшей возможности в пределах изучаемой нами территории усматривать в вилланах ДВ обобщенное обозначение разноликой массы «поселян», «жителей деревни» и т. д. На самом же деле вилланы ДВ — это *terminus technicus* манориального права. Им обозначаются держатели с идентичной «производственной функцией» в маноре, естественно, *идентичной по своей сословной природе* (а не по объему повинностей). Это, образно выражаясь, «манориальный слепок», по которому позднее отлилась концепция вилланства «общего права».

О том, что линией «вилланы — бордарии — рабы» в ДВ были намечены внешние контуры вилланства XIII в., точнее, был установлен его *социальный принцип*, свидетельствует и последующая судьба бордариев⁶¹. «Бордарии» ДВ в абсолютном большинстве случаев оказываются в XIII в. определенным имущественным разрядом класса вилланов, как правило, ферделями, реже полувиригатариями. Этот многозначительный факт устанавливается во всех тех случаях, когда возможно сопоставить описи 1086 и 1279 гг.⁶² Там же, где коттеры в ДВ отдельно не фиксированы, их также надо искать среди «бордариев». Таким образом, и судьбы «бордариев» ДВ в XII—XIII вв. подтверждают предположение о том, что в ДВ уже определены внешние контуры вилланства XIII в., ибо в ней уже четко разработаны основы надельной системы, отвечавшей потребностям барщинного хозяйства.

Однако изучение вопроса о «бордариях» приводит к заключению, что видимо, не всегда в одних «имущественных различиях» следует усматривать линию водораздела, отделившего их от вилланов. Не исключено, что в иных случаях именно они представляли преемников «гебуров» Rectitudines, получавших от лорда манора не только надел и рабочий инвентарь, но и «усадыбу»⁶³, а временами также и «испомещенных» на землю

⁵⁹ См., например, дарственную грамоту 1087 г.: «Concedo eciam... in Essexia ecclesiam de Fordham... et unum villanum; in Erleiga similiter decimam et unum villanum» (см. ERH, v. XL, № 157, 1925, p. 74). Ср. *ibid.*: Milo Crispin дарит в 1110 г. аббатству de Bec «unam virgatam terre cum uno rustico apud Voitesdunam». Idem unam virgatam terre cum uno rustico apud Eathropum». Ср. Book of Seals, № 423.

⁶⁰ F. M. Stenton. Anglo-Saxon England, p. 469 ff; R. Lennard. Rural England, p. 340 ff.

⁶¹ См. нашу статью «Кто такие „бордарии“ Книги Страшного суда?» — Сб. «Средние века», вып. IV, стр. 134 и сл.

⁶² Приведем некоторые из этих свидетельств:

Gransdem	DB, I, 191 b — 3 бордария	RH, II, 535 — 3 виллана × 10 а
Whittlesford	» 202 a — 15 »	» 539 — 15 » × 9 а
Abington	» 199 b — 5 »	» 423 — 5 » × 8 а
Long Stanton	» 195 a — 12 »	» 460 — 12 » × 5 а
Kennett	» 196 b — 5 »	» 504 — 5 » × 15 а
Caxton	» 198 b — 8 »	» 540 — 8 » × 10 а
Peversden	» 200 a — 2 »	» 510 — 2 » × 10 а

⁶³ Такая возможность подсказана одной примечательной описью манора Winewic (RH, II, 628), где мы находим: «Octo villani... quorum quilibet tenet I dim. virg. terre sine messuagio... Sunt etiam quatuor villani quorum quilibet tenet I dim. virg. terre cum messuagio». Всего в этой вилле 11 вилланов sine messuagio и 10 вилланов cum messuagio. Ср. DB, I, 206a: фиксированы одни вилланы.

рабов⁶⁴. Во всяком случае в быстром и полном слиянии статуса «вилланов» и «бордариев» в рамках общего права мы получаем лишнее свидетельство того, какую определяющую роль играла «манориальная функция» этих разрядов держателей в процессе формирования юридической концепции вилланства. Однако, может быть, наиболее примечательной с этой точки зрения была дальнейшая судьба сервов описи 1086 г.

Выше уже было указано на то, что несмотря на различие правового статуса «сервов» и «виллапов» 1086 г. в сфере традиционного англосаксонского права, они уже объединены в описи в один разряд — *homines manerii*, по феодальному шриптицу. *Преодоление этого противоречия составляет по существу основное содержание социального и правового развития английского общества в XII в.* К сожалению, состояние источников таково, что проследить этот процесс можно лишь в самых общих чертах. Ближайшие к DB писцовые книги обнаруживают с полной очевидностью то, о чем можно было лишь догадываться, изучая DB. Во-первых, что основой манориальной системы уже в конце XI в. был барщинный труд виллапов, а не труд рабов.

Виллапы Питербороского монастыря отбывают в начале XII в. (это, несомненно, имело место и в конце XI в.) ежепедельную барщину: в одних случаях — двухдневную, в других — трехдневную, коттеры (и в тех случаях, когда они названы бордариями) — однодневную барщину⁶⁵. Из той же писцовой книги видно, во-вторых, что хотя среди повинностей «наделных держателей» манора значительное место занимали и натуральные оброки⁶⁶, наряду с которыми в практику начинают входить платежи деньгами, тем не менее господствующей формой ренты для них являлась уже рента отработочная. Но отсюда следует, что с утверждением барщинной системы рабы — поскольку они оставались «дворовыми» — выполняли функции *famuli*, которые, в случае отсутствия последних, перекладывались на плечи «свободных» виллапов. Не удивительно поэтому, что в описях начала XII в. мы уже не обнаруживаем (терминологически) сервов «древнего права», противопоставленных другим категориям держателей манора.

В рамках манориального обычая начала XII в. сервы исчезли, «растворились», слились с теми, кто выполнял аналогичную с ними производственную функцию в маноре⁶⁷. Итак, в факте исчезновения рабов из манориальных описей начала XII в. следует видеть первый реальный результат

⁶⁴ См. *Leis Willelmi*, с. 17, где «*bordier*» фигурирует как один из разрядов дворовых слуг. Ср. DB, I, 174 b: «*et plures bordarios et servos cum VII carucis*».

⁶⁵ Chr. Petroburgense, ed Th. Stapleton, London, 1849, f. IX: «*In Scotere... plenarii villani operantur II diebus in ebdomada, dimidii villani — quantum illis contigit et bordarii per I diem in ebdomada*»; *ibid.*, f. 1 (Kateringes): «*et VIII cotsetes... operantur semel in ebdomada*». Ср. Shaftesbury Chart. (Brit. Mus., Parl. 61), f.—39: «*I virgata reddit VIII d. et opus III diem (in ebdomada)*».

⁶⁶ Chr. Petroburgense, f. X (Waltona): «*...Dant harictes et VIII ulnas de linco panno et X gallinas et X discos et C ova et CC panes*».

⁶⁷ На вопрос о том, когда произошло истощение сервов на землю, можно только ответить: в основном, до 1086 г., по-видимому, даже до 1066 г., частично после 1086 г. Уже в англосаксонских источниках «рабы» многим напоминают континентальных *servi casati*. Именно таким нам представляется смысл терминов *cot-settles*, *cot-setti*, а частично и *bordier*. Раб Rectitudines (см. с. 9). Achtemann, т. е. *Leibeigenmann* (ср. Пп I, с. 63, 1; с. 76, 2). Раб может работать в воскресенье «по своей собственной воле», то есть на себя (ср. П, Сп. с. 45; 2: «*theowman gyf he wurce...*», *ibid.*, с. 45, 3: «*gyf hlaford his theowan ...nude to weorce*»). У раба имелось имущество, приобретенное им для себя в свободное от господской работы время (см. жалобы Вульфстана на «новые времена»: «*Thraelas ne moton habban thact (was agon) [!] on agenan hwilan mid carfethen gewunnen*» (Sermons.—Gesetze, II, S. 696). Наконец, имеются свидетельства, что раб зачастую имел (задолго до 1066 г.) свое хозяйство, т. е. был помещен на землю. См. Anglo-Saxon Wills, p. 68, № XXIV: «*...alle mine men fre and ilc hadde his toft and his metecu and his metecorn*». Ср. W. G. Birch. Cart. Saxoni cum, № 1020; DB, I, 105b: «*VII servi cum I caruca*».

тех феодальноправовых нововведений, которые осуществлены были завоевателями между 1066 и 1086 гг.⁶⁸

Как известно, в ДВ «остаточные» сервы описаны таким образом, что легко устанавливается тесная связь с «домениальными плугами»⁶⁹. Это дворовые слуги, холопы, принадлежавшие в той же степени к «инвентарю» домена, как и волю, к которым они бывали приставлены⁷⁰. Следовательно, интересы самого барщинного поместья, распространившегося и укрепившегося с нормандским завоеванием, требовали прикрепления раба как неотъемлемой принадлежности не к личности господина, а к земле манора, к домену. Если же это так, то становится очевидным, что законодательный запрет работорговли (в особенности за пределы королевства) был обусловлен в первую очередь интересами самого класса вотчинников⁷¹. Но в таком случае возникает вопрос: среди какой категории держателей манора XII в. следует искать преемников «производственной функции» рабов ДВ? Ответить на этот вопрос помогают параллели между ДВ и более поздними описями. Из них следует, что поскольку сервы были еще обособлены (к 1086 г.) от других «людей манора», их преемников следует искать преимущественно среди вилланов-коттеров манориальных описей следующих веков. Однако этим отнюдь не исчерпано, что они могли оказаться и среди всех других категорий несвободных держателей, в том числе и среди «полнонадельных» вилланов. Первая из указанных последующих «трансформаций» сервов и, по-видимому, наиболее типичная форма ее легко устанавливается (при сопоставлении ДВ и RH) в тех случаях, когда число *сервов* в маноре 1086 г. и число *сервильных коттеров* в 1279 г. с поразительной точностью совпадают. Вот некоторые примеры:

Ambrosden	157 b	3 серва	716	3 коттера
Fritwell	155 b, 161a	3 »	824	3 »
Casington	156 a	1 »	854	1 »
Glimpton	221 a	6 »	876	6 »
Chirnor	160 a	4 »	783	4 »
Northbrook	158 a	1 »	832	1 »
Hanslope	152 a	8 »	343	8 »

Более того, сами описи XII—XIII вв. нередко пытаются выделить генетически рабский элемент в институте вилластва. Особый интерес представляет сопоставление описей виллы Chekendon (ДВ, I, 160a; RH, II, 779) 8 вилланам, 3 бордариям и 4 сервам в 1086 г. соответствуют 8 *servi* и 7 *cottarii* в 1279 г.

Что же касается других форм позднейших превращений рабов «народного права» 1086 г., то прежде всего их легко установить по специфике «служб», отражавшейся в самом названии их позднейших носителей⁷². Так, в описи питерборского манора Scotere мы читаем: «II bovarii qui tenent X acras et uxores eorum ventant bladum curiae quando dominus eis

⁶⁸ Нет ни малейшего сомнения в том, что столь «моментальное» исчезновение сервов в описях начала XII в. было обусловлено тем, что ДВ сохранила ряд принципов «древнего права», в частности в вопросе о рабах; описи начала XII в., «сенъерильные», полностью основывались уже на «манориальном праве», не видевшем фактических различий среди «людей», обрабатывавших господский домен.

⁶⁹ F. W. Maitland. *ДВ and Beyond*, p. 34, № 1. Ср. M. Postan. *The Feudalism...*, p.

⁷⁰ J. Round.—*VCH of Buckinghamshire*, I. p. 59. Ср. P. Vinogradoff. *English Society*, p. 463—464.

⁷¹ Ср. *Villelmus I Articuli* (с. 1110—1135), с. 9: «Ego prohibeo ut nullus vendat hominem extra patriam super plenam forisfacturam meam...».

⁷² Ср. также RH, II, 720.

⁷³ В нефтеберийской описи начала XII в. мы находим: «Edwin' tenet III acras terre et custodit oves. Godwin' [tenet] III acras terre [et] custodit porcos» и т. д. (Shafesbury Chart., f. 40).

praecipit»⁷⁴. Очевидно, что эти боварии даже с точки зрения традиционного права начала XII в. — сервы. Однако манориальная запись обозначает их уже по производственной функции — *bovarii* (они приставлены к «пашущим волам» домена); рабынями (юридически), по-видимому, являются их жены (*ancillae*), связь которых с усадьбой основана еще не столько на «обычае», сколько «на воле господина»⁷⁵. О том, что под «бовариями» (нередко они именуются *bubulci*)⁷⁶ в таких случаях выступают сервы DB, говорит и сохранившаяся пропорция между числом «домениальных упряжек» и числом «бовариев» — она та же, что и в DB: два «бовария» на одну каруку⁷⁷. Боварии и их жены стоят даже в XII в. вне системы обычных вилланских рент. В этом все еще сказывается их сервильное происхождение⁷⁸. Преемников сервов 1086 г. следует искать в экстентах XIII в. и под названием *saucarii*⁷⁹. Это — вариация тех же бовариев. Однако не всегда они именованы на коттерских наделах, нередко у них фердели и полувиргаты, но в этом случае они освобождаются от барщинных повинностей, причитающихся с вилланов соответствующих разрядов⁸⁰. Однако, может быть, наиболее яркое подтверждение того, что преемников сервов DB можно встретить и среди держателей «вилланских наделов», мы находим в той же писцовой книге Питербороского монастыря. В описи манора Aldwincle после фиксации числа вилланов, священника и двух коттеров (*cotsetti*) составитель продолжает: «et illi III *bubulci* quorum tres manent in terra villanorum»⁸¹. Очевидно, что это было отступлением от правила, ибо правило требовало, чтобы они жили на земле домена. Так, в экстентах XIII в. обращает на себя внимание категория вилланов-держателей, именуемых *tenentes akermannelondes*. О том, что последние являлись наделами сервов уже в 1086 г., свидетельствует следующий факт. Известно, что в описи Гентингдоншира 1086 г. сервы отсутствуют. Выше высказывалось предположение, что их следует искать, по-видимому, среди других разрядов «людей манора», так как, оказавшись «испомещенными» на земле, они слились с ними в описях терминологически. Сопоставляя описи манора Warboys в 1086 и 1279 гг., мы обнаружили любопытное совпадение. RH сообщает: «Item sunt in eadem villata de Wardeboys VI dim. virg. terre que vocantur akermannelondes»⁸². В DB указано, что в домене этого манора 3 каруки⁸³. Таким образом, мы получаем типичную пропорцию сервов и «плугов» домена 2:1. Не вправе ли мы заключить, что сервы — держатели этих наделов были уже в 1086 г. причислены к «вилланам» этого манора? (Так или иначе, но исчезновение сервов из описей XII в. еще не означало, что они eo ipso растворились юридически среди других категорий держа-

⁷⁴ Chr. Petroburgense, f. IX.

⁷⁵ Ср. *ibid.*, XI. (Easton): «...Et uxores eorum ventant bladum curiae per totum annum».

⁷⁶ Shaftesbury Chart., § 40. «XI *bubulci*... [quilibet eos] tenet carucam et de ipsa arat suam terram».

⁷⁷ Chr. Petroburgense, f. XI. (Aldewincla): «...in dominio II carucae et IV *bubulci*»; *ibidem* (Irtlingburch): «...in curia II carucae et IV *bubulci*». Ср. P. Vinogradoff. English Society, p. 464.

⁷⁸ См. схему описи в Chr. Petroburgense, VIII: «In Castre... villani et bordarii... et ibi... *bovarii*».

⁷⁹ Ср. DB, I, 155a (Newton): «V *servi*»; RH, II, 764: «V *cottarii*... tenent carucas domini».

⁸⁰ См. *Registrum sive liber irrotularius*, p. XXIV: «*servi-akermannanni*». Точно так же, как не все держатели *terrae villanorum* были в прошлом лично свободными людьми, нельзя всех бовариев считать юридически обязательно сервами; боварии могли «рекрутироваться» и из рядов свободных. Ср. Leis Willelmi, c. 17, De *denariis Sancti Petri*: «Le seigneur pur [un] den. que il douad, si erunt quites ses bordiers et ses boverz et ses serjanz»; c. 17, 4: «Que li sire durrad, si erent quile cil ki meidrunt en sun demeine». Ср. Chr. Petroburgense, VIII: «In Castre — VIII *bovarii*... et unusquisque *bovarius* dat unum denarium pro capite suo, si liber est, et si servus est, nihil dat».

⁸¹ Chr. Petroburgense, XI.

⁸² RH, II, 602.

⁸³ DB, I, 204 b.

телей манора. Хотя такой процесс уже происходил и был, по-видимому, даже весьма интенсивным, однако он был еще далеко не завершен.

Итак, поскольку *homines manerii* рассматривались с точки зрения «манориального права», то вилланы, коттеры и т. д. были уже к началу XII в. *держателями одного порядка*, независимо от того и вопреки тому, числились ли они «свободного» или «сервильного» статуса с точки зрения древнего королевского права⁸⁴. Последнее же в свою очередь все еще продолжало игнорировать манориальный обычай, признавая лишь традиционную антитезу *servi — liberi*⁸⁵. Поэтому неудивительно, что в правосознании Англии Вильгельма II и Генриха I царит истинная сумятица, трудно вообразимое смешение и путаница понятий и категорий. Отсюда всеми отмечаемая «сложность», «темнота» и «косноязычие» юридических компиляций конца XI — начала XII в.⁸⁶ Для того чтобы стало очевидным, насколько к этому времени усложнилась юридическая градация держателей, достаточно учесть установленный выше факт, что с точки зрения манориального права противопоставление *servi — villani* по образцу DB уже не выдерживало критики. Вилланы (в смысле «лично свободные люди») оказываются на сервильных наделах домена, точно так же как и «сервы» оказываются на земле «вилланов». «Свобода» и «серваж» переплелись в сложный клубок, меняющий свою юридическую окраску в зависимости от точки зрения, с которой его рассматривают. В этом смысле картулярии начала XII в. являются *следующим за DB шагом по пути к преодолению унаследованного от англосаксов противоречия между публичноправовой градацией населения виллы и градацией его в соответствии с господствовавшими в последней производственными отношениями*. Они полностью и окончательно отбросили традиционную публичноправовую градацию «людей манора» и воспроизвели лишь градацию «держательскую», основанную на характере рентного отношения, его роли в манориальной системе. В результате вместо антитезы *servi — villani* в них решающей становится антитеза *villani — liberi*⁸⁷. Теперь уже осталось сделать последний и завершающий шаг — превратить эту антитезу (т. е. в конечном счете характер производственного отношения, царившего в маноре) в иринцию «общего права» страны. Попытаемся проследить этот последний и заключительный этап в генезисе виллапства по памятникам права конца XI — первой половины XII в.

Наиболее важными для нашей цели являются два сборника «действующего права» начала XII в. — так называемые «Законы Вильгельма» и «Законы Генриха I». «Законы Вильгельма», написанные вначале на французском языке и датированные Либерманом «одним поколением после 1066 г.», представляют собой компиляцию главным образом из законов Альфреда, Кнута, вперемешку с рядом положений римского права⁸⁸. Вместе с тем они содержат и некоторые нормы действующего права конца XI в., названные Либерманом «истинным законодательством» (*echte Gesetz*) и «живым правом» (*lebendige Recht*)⁸⁹. Естественно, что наибольший интерес для нас представляют статьи, посвященные крестьянству. Прежде всего привлекает

⁸⁴ Chr. Petroburgense, VIII: «Homines [!] qui serviunt extra domos patrum suorum dant [domino] pro capite suo unusquisque 1 denarium». Позже этот платеж под названием chevagium будет рассматриваться как знак рабства. Ср. Bracton, f. 6h; «Idem si [nativi] vagantes fuerint certis temporibus chevagium solverint, quod dicitur recognitio in signum subjectionis». Ср. Ph. Dollinger. L'évolution des classes rurales en Bavière. Paris, 1949 p. 245.

⁸⁵ Leis Willelmi, c. 7: «Si hom ocist auter... il delive faire les amendes durrad de sa manbote al seinur [!] pur le franch hume X sol. et pur le serf XX sol.». Однако заметим, что и тот и другой — уже люди «сеньории».

⁸⁶ F. Pollock and F. W. Maitland. History of English Law, I, p. 37.

⁸⁷ Shaftesbury Chart., f. 39; «Rogerus Capellanus habet decimam omnium hominum de Tisseheria tam liberos quam villanos». В этих описях одни еще не отделены от других, а приводятся вперемешку, и различимы разве лишь по характеру ренты.

⁸⁸ Gesetze, III, S. 284, 285.

⁸⁹ Gesetze, III, S. 284. «Аграрное законодательство» Вильгельма I представляется Либерману столь значительным, что он даже именуется «Вауернорполитик».

внимание то, что «вилланы» фигурируют здесь среди формально свободных людей. Более того, они рисуются как люди, «владеющие землей». Это следует из того, что «свободному человеку» здесь противопоставлены не юридически признанные «сервы», а экономически обозначенная категория держателей, лишенных своей земли, так называемые *bordarii*, *bubulci*, *servientes*, сидящие на земле господина (домена)⁹⁰. Гериот виллана (платеж, ставший после сервильным) еще назван почетно — «рельефом» — яряду с рельефом графа, барона и вассала⁹¹. Именно в качестве «свободных людей» вилланы входят в «десятки свободного поручительства»⁹². Однако в тех же «Законах Вильгельма» мы находим раздел, трактующий о «людях манора» с совершенно иных позиций. 29—31-я статья этого раздела⁹³ проливают значительный свет на те пути, которыми преодолевалось противоречие между правом общим и манориальным. Ст. 29—29,1 регулируют положение категорий держателей, именуемых *cultivurs* (*coloni*). С них запрещается требовать повиновения сверх причитающихся сеньору; последнему запрещается лишать их держаний до тех пор, пока они исправно отбывают свои повинности. Ст. 30, 1—31 касаются держателей именуемых *naifs* (*navi*). Здесь этот термин в источниках англо-нормандского периода встречается впервые⁹⁴. Текст этих статей весьма запутан, ясен лишь его общий смысл: «нативам» запрещается покидать свои наделы и искать себе господина в другом месте. Бежавшего же натива никто не должен принимать, ни задерживать у себя, а его самого с принадлежащим ему имуществом необходимо вернуть прежнему (оставленному им) господину, в противном случае это сделают королевские судьи. В заключение раздела — совершенно оригинального и уже поэтому весьма многозначительного — запрещается кому-либо отрицать причитающиеся с него господину повинности.

Наиболее важным во всех этих статьях, содержащих первое после 1066 г. законодательное регулирование рентных и поземельных отношений внутри манора (по крайней мере, следы такого регулирования) в конце XI в. нам представляется сопоставление терминов *cultivurs* и *naifs*. Вопрос стоит следующим образом: означают ли эти термины две юридически различные категории держателей наподобие аггитезы «*liberi — servi*» традиционного права?⁹⁵ В этом случае нет сомнений в том, что в лице первых должны выступать «вилланы» ДВ, а в лице вторых — «сервы» той же «опси»⁹⁶; либо в анализируемых терминах «Законов Вильгельма» *отразилась сеньериальная градация держателей*, но в таком случае нам *лишь предстоит* выяснить, в каком отношении находятся эти термины между собой и терминами ДВ? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь после анализа смыслового значения интересующих нас терминов в тексте самих законов. Термин *colonus* на английской почве не привился. Он не стал «техническим» термином манориального права⁹⁷. И в данном контексте этот термин, очевидно, лишен был здесь какого-либо определенного юридического содержания⁹⁸, а употреблялся только в смысле *rustici*, *cultores* и

⁹⁰ *Leis Willelmi*, c. 17: «De denariis sancti Petri. Liber homo qui habet possessionem campestram ad valenciam XXX denar. dabit denarium sancti Petri. Dominus autem pro uno denario adquietabit bordarios suos et bubulcos et servientes». Cp. *ibid.*, c. 17, 1: «Domini adquietabuntur omnes qui in dominio illius manent».

⁹¹ *Ibid.*, c. 20: De relief a cunte; 20, 1: De relief a barun; 20, 3: De relief al villain.

⁹² *Ibid.*, c. 20. 3a: «E puis soient tuz les vilains en franc plege». Cp. *Willelmi I articuli*, c. 8: «Omnis homo qui voluerit se tenere pro libero sit in plegio»; *Leis Willelme*, c. 52: «Ut dominus in Francplegio habeat suos (corr.—servos)». Cp. II, *Cnut.*, c. 20.

⁹³ *Gesetze*, I, S. 512—513.

⁹⁴ Человек, находящийся под чужой властью не по «собственному выбору», а по рождению. Cp. M. Bloch. *Les «Coliberti»*.—*Revue historique*, v. 158, 1928, p. 12.

⁹⁵ Очень заманчиво видеть в этих терминах именно такое противопоставление, тем более что в одном случае источник как будто дает для этого прямой повод (см. *Leis Willelme*, c. 20, 4, где рельеф «колона» противопоставляется рельефу вилланов).

⁹⁶ К этой параллели склоняется П. Г. Виноградов (см. «*Villainage*», p. 135, 144).

⁹⁷ Cp. L. Verriest. *Institutions medievales*, Paris, 1946, p. 193.

⁹⁸ Cp. A. Luchaire. *Manuel des institutions française*, Paris, 1892, p. 298.

т. д.⁹⁹ Чтобы в этом наглядно убедиться, достаточно сопоставить содержимые ст. 29; 30,1 и 31 анализируемых «Законов Вильгельма» во французской и латинской версиях:

Французский текст

- c. 29: Cil qui cu[ll]ti[v]ent la terre ne deit l'un travailler, de lour droit cense noun.
c. 30,1: Li naifs qui departet de sa terre, d'unt il est nez, e vent a autri terre nuls ne retenget, ne li ne se[s] chateis, enz le facet venir arere a fair souu servise, tel cum a li apend.
c. 31: Si les seignurages ne facent altri gainurs venir a lour terre, la justice le facet.

Латинский текст

- De colonis terre. Coloni et terrarum exercitores non vexentur ultra debitum et statutum.
Si autem aliquis [!] discessit, nullus eum recepet vel catella sua, nec retineat, sed faciat ad dominum proprium cum omnibus suis redire.
De terra colenda. Si domini terrarum non procurent idoneos[?] cultores ad terras suas[?] colendas iusticiarii hoc faciant.

Отвлечемся пока от совершенно ошибочного латинского перевода ст. 31. Из данного сопоставления очевидно, во-первых, что ст. 30,1 и 31 тесно связаны по своему содержанию. Ст. 31 является прямым продолжением предыдущей: лорды, на чьей земле появились беглые *naivi*, обязаны вернуть их с принадлежащим им имуществом (ст. 30,1); если же они этого не делают, то об этом позаботится правосудие (ст. 31). Но если это так, то нельзя пройти мимо того очевидного факта, что юридически вполне определенный термин *naifs* ст. 30,1 передается в ст. 31 уже не с юридической точки зрения, а с точки зрения их сословной принадлежности, их «социальной функции» — *gainurs* (в латинском варианте «cultores... terras colendas»). Но далее, если во французском тексте между ст. 29 и 30,1 нет видимого перехода, а образуется логический «перерыв», то латинский текст устанавливает такой переход выражением «*si autem aliquis*», т. е. кто-либо из вышеупомянутых *coloni*. Но в таком случае *naifs* оказываются лишь представителями тех же «колонов». Во французском же тексте легко устанавливается, что в ст. 29 и 31 речь идет об одних и тех же держателях¹⁰⁰. Таким образом, по самому осторожному варианту толкования мы вправе усмотреть в термине *naifs* если не простую вариацию тех же *coloni*, то во всяком случае категорию держателей, включающуюся в число последних как составную часть их, как родовое включает видовое, общее — частное¹⁰¹.

Naifs — это уже крепостная часть *cultores* (*Leibeigene*). Они крепки земле, на которой родились, их статус передается по рождению. Если *coloni* в целом *не должны сгоняться с земли*, пока они исправно отправляют свои повинности (29, 1), то *naifs уже не могут уйти с земли господина* — они рассматриваются как ее принадлежность. Если принять, повторяем, этот самый осторожный вариант толкования «держательской терминологии» анализируемых статей, то не трудно будет уже определить соотношение ее с терминологией ДВ. Прежде всего нельзя не отметить тот факт, что «Законы Вильгельма» в данном разделе не знают рабов — *servi*. Это, конечно, не значит, что рабы не имели отношения к людям, обрабатывавшим землю (*exercitores terrarum*). Напротив они рассматриваются как одни из *gainurs*, *coloni*. Не требуется, на наш взгляд, особых доказательств, что их следует

⁹⁹ Cp. *Dialogus de Scaccario*, ed. Ch. Johnson. London, 1950, p. 53: «...Colonos per quos agricultura posset exerceri».

¹⁰⁰ Cp. *The Mirror of Justices*, ed. M. G. Whittaker. London, 1895, p. 79: «Villeins sunt cotivours de feu», p. 80: «Villeins sont leur gaigneries».

¹⁰¹ Робертсон склонен *противопоставлять* эти категории держателей («The Laws of the Kings of England», Cambridge, 1925, p. 369—370). Либерманн гораздо осторожнее: *cultivours* для него «bauern», «naifs», «die hörigen Eingeborenen» (*Gesetze*, I, S. 512). Т. Астон считает и «колонов» несвободными, усматривая в них гебуров *Rectitudines* (см. «The Origines of the Manor», p. 72).

искать среди *naifs* (ст. 30, 1). Гораздо труднее решить вопрос о месте (в этих статьях) вилланов, описанных в *DB*, поскольку, как это было показано выше, они не просто *coloni, rustici*, но и определены более узко: они не только *cultivurs de lur terre*, но и *altri gainurs*. Соотношение этих двух сторон термина *villanus* в *DB* во многом соответствует соотношению терминов *cultivurs* и *naifs* в «Законах Вильгельма».

Нам представляется, что «Законы Вильгельма» в данном разделе различают не виллана и серва (в том смысле, как это делает *DB*), а (по крайней мере) проводят «демаркационную линию», если она вообще проводится в данных статьях, в среде самих вилланов. Этот вопрос столь важен для всей последующей истории вилланства, что на нем следует остановиться подробнее. *DB* везде уже находит «класс» вилланов — по характеру рентных отпощений, но не все они, как это вытекает из всего сказанного выше, имели одинаковый личный статус (с точки зрения публичного права)¹⁰². В этой связи заслуживают внимания те исторические экскурсы по вопросу о вилланстве, которые мы находим в «Диалоге о казначействе» и в трактате Брактона¹⁰³. Как известно, второй экскурс (Брактона) посвящен характеристике состава вилланов старинного домена, но, поскольку она относится не к статусу этих вилланов в XIII в., а к их происхождению, его содержание гораздо шире. Брактон указывает: 1) на вилланов сервильного происхождения; 2) вилланов, лично свободных и не могущих быть согнанными с земли, пока они исправно отбывают повинности, почему он и называет их *glebae ascripticii*. Однако они свободны покинуть землю, когда этого захотят; 3) свободных, паномипающих вилланов лишь по роду повинностей, взятых на себя «по договору».

Близость приведенных выше текстов не может не обратить на себя внимания. Если Брактон сформулировал этот раздел независимо от «Диалога», то это лишь подтверждает историческое зерно последнего. Иными словами, если для XIII в. *villani* и *nativi* — термины, юридически неразличимые, то это уже *результат* последующей эволюции. Можно даже допустить, что они не различались уже в правосознании второй четверти XII в., т. е. ко времени, когда был сделан латинский перевод этих статей. Однако они еще не покрывали друг друга в конце XI в.¹⁰⁴ Поэтому, на наш взгляд, нельзя сомневаться в том, что если, с одной стороны, к *naifs* в «Законах Вильгельма» отнесены не только сервы, но и *значительная часть тех держателей, которые там фиксированы как villani, bordarii, cotarii*, то в то же время другая часть этих держателей не могла еще быть отнесена к ним, если только предположить *малейшую юридическую определенность этого термина*. Столь совпадающие по смыслу сообщения автора «Диалога» и Брактона об изгнании изначально свободных земледельцев из своих наделов (после завоевания) и о припуждении их войти в соглашение с лордами, допускаящими изгнанных лишь на вилланских повинностях к их земле, свидетельствуют о том, что часть вилланов могла быть названа *altri gainurs*, но не могла еще быть названа в «Законах Вильгельма» *naifs*. И тем не менее

¹⁰² M. Bloch. *Liberté et servitude personnelle au moyen-âge.*— «Anuario de Historia del derecho Español», X, 1933, p. 83.

¹⁰³ *Dialogus de Scaccario*, p. 52: «Succedente vero tempore (т. е. после 1066 г.) cum dominis suis odiosi passim a possessionibus pellerentur, nec esset qui oblata restitueret... Omnibus exosi et rebus spoliati quod a dominis suis exigentibus meritis, interveniente pacione legitima, potuerant optinere... Bracton, f. 7—7b: «In dominio domini Regis plura sunt genera hominum: sunt enim ibi servi sive nativi ante conquestum, in conquestu et post et tenent villenagia et per villana servitia... Fuerunt etiam in conquestu liberi homines, qui libere tenuerunt tenementa sua per libera servitia... et cum per potentiores ejecti essent post modum reversi receperunt eadem tenementa sua tenenda in villenagia... qui quidem dicuntur glebae ascriptii et nihilominus liberi... Est enim aliud genus hominum... et tenent de dominio et per easdem consuetudines et servitia villana... sed per quandam conventionem quam cum dominis fecerunt» (Ср. «Villainage», p. 124).

¹⁰⁴ Gesetze, III, S. 284.

существо последующей истории вилланства заключается не в том, что свободные землевладельцы стали со временем крепостными, — эта сторона особенно важна при изучении судеб того значительного слоя сокменов, которые были в конце XI в. фиксированы прежде всего в области «датского права»¹⁰⁵, а в том, что вилланы DV в течение XII в. превратились в сервов общего права. Естественно, что этот процесс мог быть только двухсторонним, т. е. протекать как социальное «возвышение» сервов, с одной стороны, и социальное принижение статуса вилланов — с другой. Серв «Законов Генриха I» (юридической компиляции 1114—1118 гг.) уже рассматривается в качестве разновидности скота (*fioh*), как это делают, например, законы Инэ¹⁰⁶. Став держателем в маноре, он «слился» юридически с держателем его как принадлежность, поэтому резко снизилась, а со временем вовсе прекратилась его личная мобильность. Это проявляется в том, что наряду с запретом продавать раба за пределы королевства¹⁰⁷ все более сокращается практика отчуждения сервов без земли и внутри страны¹⁰⁸. Только получив «двор» серв мог завести юридически признанную семью. В результате серв получил *parentes* и, следовательно, вергельд¹⁰⁹. Правда, вергельд этот был скорее, номинальным, чем реальным, даже по сравнению с вергельдом виллана, однако важен сам факт его появления. Господин теперь получает возмещение за убийство раба не в качестве «цены» его или возмещения материального ущерба, а на том же основании, что и за убийство находившегося под его «защитой» свободного¹¹⁰.

Постепенное исчезновение грапей между «свободным» и «сервильным» держателем манора в реальной действительности отразилось в росте числа смешанных браков. Они стали, по-видимому, столь распространенным явлением, что законы Генриха I в ряде статей регулируют казусы, возникшие при определении статуса детей от таких браков. В связи с появлением у раба семьи вступило в силу *новое правило*. Статус ребенка определялся по отцу¹¹¹. Только в случае, если отец был свободным, а мать рабыней, «законы» еще колеблются¹¹² и допускают еще вмешательство «воли господина»¹¹³. Наконец, значительный интерес представляет и тот раздел «Законов Генриха I», в котором регулируется освобождение раба и порабощение свободного. В перечне — в духе римского права — состава рабов¹¹⁴ наше внимание привлекает категория *sui dacione*, т. е. людей, «добровольно» поработивших себя. И здесь перемены по сравнению с «традиционным» правом англосаксов весьма поучительны. Оказывается, переход в «серваж»

¹⁰⁵ Многие (вероятно большинство) сокменов уже в 1086 г. не могли «уходить с наделом» от данного господина, что скрывается за формулой (см. ICC, p. 117): «*II sochemanni qui habent unam virgatam et dimidium non possunt neque potuerunt dare vel vendere sine licentia abbatis*».

¹⁰⁶ За «сокрытие» (*Anefang*) краденого раба платили так же, как и за задержанную лошадь (см. Inc, 25, 1; с. 53, 75). Позднее мы уже не встречаем серва в перечне «задержанного скота» при трактовке платежа «*Anefang*» (см. Leis Willelme, с. 5). Точно так же цена раба не включается в счет возмещения за убийство (*ibid.*, с. 9, 1; ср. Inc, с. 74).

¹⁰⁷ *Ibid.*, с. 41.

¹⁰⁸ F. Pollock and F. W. Maitland. *History of English Law*, I, p. 35—36. Ср. *Documents Illustrative...*, Introduction, p. CIX.

¹⁰⁹ Hn I, с. 70, 4: «*Si liber servum occidat, reddat parentibus XL den. et II mufflas et unum pullum mutilatum*». Ср. Hn I, с. 68: 76, 2; Hn I, с. 70, 1: «*Villani werra est III libras*».

¹¹⁰ Leis Willelme, с. 7: «*Si hom ocist auter... durrad de sa manbote al seinur pur le franc hune X sol. et pur le serf XX sol.*».

¹¹¹ Hn I, с. 77, 1: «*Si quis de servo patre natus sit et matre libera pro servo reddatur... quia semper a patre, non a matre generacionis ordo textitur*».

¹¹² Hn I, с. 77, 2: «*Si pater sit liber et mater ancilla, pro libero...*».

¹¹³ Ибо в действие может вступить древнее правило, согласно которому «теленок принадлежит короле». См. Hn I, с. 77, 2a: «*Aliquando autem erit sicut dominus voluerit*»; «*Uitulus autem matris est...*».

¹¹⁴ Hn I, с. 76, 3: «*Servi alii natura alii facti et alii empeione et alii redempcione, alii sui vel alterius dacione servi*».

(«самопорабощение») возможен не только в публичном («присутственном») месте, но и в собрании манориальной курии (*halimot*). Тот же, кто принимает к себе раба, именуется *possessor*¹¹⁵. Следовательно, юридическое оформление серважа связано с землевладением. Очевидно, что статус серва к началу XII в. уже в значительной мере «феодализировался»¹¹⁶. Правотношения, из него вытекающие, стоят фактически в одном ряду с другими формами эксплуатации поземельно зависимых «разрядов» держателей крестьян^{116а}. Косвенное свидетельство этого мы получаем в том факте, что юридический статус жителя деревни был временами настолько неясен даже для его ближайшего окружения¹¹⁷, что одного и того же человека можно было выдать по желанию господина то за раба, то за свободного¹¹⁸.

Но в такой же степени, в какой социальные последствия нормандского завоевания содействовали возвышению статуса сервов, они с неизбежностью все более низводили вилланов по социальной лестнице навстречу сервам, или — что то же самое — в той мере, в какой сервы становились частью класса «вилланов», статус последних стал терять одну за другой черты «свободы». Этот процесс и прослеживается даже по путаным юридическим компиляциям конца XI — начала XII в., вопреки их внешней «верности» англосаксонской традиции. Виллапы все еще признаются в них «свободными», но они уже потеряли значительную часть бывшего «полноправия». Так, согласно «Законам Генриха I», вилланы больше — не являются, употребляя позднейшую формулу, *liberi et legales homines* — они стали к тому времени слишком «бедными и ничтожными» людьми, вследствие чего «потеряли способность» судить, *quod est rectum*, т. е. одну из важнейших черт полноправия «старосвободного» ксерла¹¹⁹. И как результат — в начале XII в. виллапы были исключены из числа *judices regis*¹²⁰.

Образование к этому времени мощного слоя феодалов-субдержателей, лордов разрозненных маноров или крупных свободных держателей внутри последних в корне изменило социальное содержание понятия «свободы». Оно стало чисто сословным, феодальным¹²¹. Недаром *liber homo* в юридических компиляциях этого времени все чаще идентифицируется с держателем на рыцарском праве¹²². *Twyhundi* же оказываются в сравнении с ними лишь «бедными» и «малозначачими» людьми¹²³, *smalemanni*¹²⁴, как они названы в Свитках казначейства Генриха I, «мелкими людьми», само имущественное положение которых более не соответствует статусу свободного (хотя формально-юридически они все еще «свободны»!)¹²⁵. Об этом

¹¹⁵ Hn I, c. 78, 2: «Si quis in seruum transeat sicut possessor est in halimoto vel hundreto vel vicino...».

¹¹⁶ Для феодальной трактовки серважа характерна «символика» этой формы зависимости (Hn I, c. 78, 2. *Servitutuis arma* «*billum vel stumbum*»). В XIII в. с помощью этой символики характеризовался вилланский статус (см. *Curia Regis Rolls*, I, p. 22, 313).

^{116а} Cp. *Ibid.*, c. 57,8: господин созывает *hallnoot* для своих вилланов.

¹¹⁷ Hn I, c. 78, 2a: «Et de singulis discrete sciatur cuius condicionis estimandi sunt, libere scilicet [and] servillis».

¹¹⁸ Hn I, c. 78, 2b: «Quia multi potentes volunt... homines suos modo pro seruo modo pro libero». Cp. II., c. 20, 1.

¹¹⁹ Hn I, c. 29, 1: «Regis Judices sint barones comitatus, qui liberos [!] in eis terras habent per quos debent cause singulorum... tractari».

¹²⁰ Hn I, c. 29, 1: «villani vero vel cotseti vel ferdingi vel qui sunt hujusmodi uiles et inopes persone non sunt inter legum justices numerandi». Cp. *Leges Edwardi Confessoris*, c. 9: «Justicia Regis cum legalibus hominibus prouincie illius...». Между тем еще в *Leis Willelme*, c. 25 вилланы названы *legali et iusticiabili*.

¹²¹ *Feudal Documents...*, ed. D. Douglas, London, 1932, Introduction, p. Cl: «Even in 1100 England was not in any sense divided up into classes...».

¹²² Hn I, c. 27. Cp. *Willelmi I articuli*, 15, 1. *Liber homo* постепенно сливается с *liberius homo*. См. *Pseudo-Cnut de Foresta*, c. 15.

¹²³ *Bonda* в передаче т. н. *Instituta Cnuti*; *pauperi homines* (*Gesetze*, I, S. 313).

¹²⁴ *Magnus Rotulus de Scaccario*, 31 H I, ed. J. Hunter, London, 1833, p. 71.

¹²⁵ *Assisa de Clarendon*, § 20. (*W. Stubbs. Select Charters*, p. 145): «Prohibet etiam dominus rex ne monachi vel canonici vel aliqua domus religionum recipiant autem de populo minuto»

же свидетельствует и состав собраний сотни и графства в начале XII в. Их единственными полноправными участниками являлись представители господствующего сословия феодалов: епископы, графы, бароны, вассалы и им подобные «земельные собственники» (*et ceteri terrarum domini*) либо их министериалы.

Следовательно, «пародные собрания» стали теперь (а фактически и намного раньше) *собраниями феодальными*; их отличительная особенность — территориальный принцип — с социальной точки зрения ничего по сути не меняет¹²⁶. Если же в присутствии указанных магнатов или их агентов нет необходимости, тогда только появляется на сцене *communitas villae* в лице священника, старосты и четырех «лучших», т. е. более зажиточных вилланов¹²⁷. Причем очевидно, что они, во-первых, представляют уже не столько односельчан, сколько отвечающего за них господина-лорда¹²⁸, во-вторых, что они выступают лишь в роли «ответчиков», а отнюдь не полноправных участников собрания.

Однако, может быть, самая далеко идущая перемена в положении «свободного» заключалась в том, что в XII в. его стали рассматривать как подданного (*subditus*) манориального лорда не только в том случае, когда речь шла о фискальных платежах, связанных с землевладением, но и с точки зрения юрисдикции¹²⁹. Если из «Законов Вильгельма» возможность предъявления держателем иска против нарушившего «договор» лорда вырисовывается еще как обычная практика¹³⁰, то в «Законах Генриха I», такая практика совершенно уже исключена¹³¹. Более того, лорд уже выступает как судья в своем собственном деле (в тяжбе со своим человеком), как судья, у которого имеются значительные возможности для произвола¹³². Но тем самым мы становимся свидетелями столь быстрого приращения былой свободы и полноправия вилланов в сфере публичного права, столь очевидного ущемления их «гражданской» правоспособности в сфере права «частного», что раскрывается существо генезиса вилланства. Давно уже установившаяся *крепостная зависимость виллана* и развившаяся, особенно после завоевания, *манориальная юрисдикция* оказались теми двумя факторами, которые больше всего содействовали приведению публичноправового, личного статуса виллана в соответствие с его социально-экономическим, сословным, классовым статусом.

Как уже было отмечено, в повседневном обиходе виллан в юридических компиляциях первой половины XII в. выступает как подданный вотчины и лишь в относительно узкой области, прежде всего уголовного права, он еще оставался подданным короля. В этих компиляциях виллан рисуется крепостным манора, он не может искать другого лорда под угрозой насильственного водворения на прежний надел¹³³, он отбывает барщину в

¹²⁶ Пп I, с. 7, 2.

¹²⁷ Пп I, с. 7, 7b: «Si uterque necessario desit prepositus et sacerdos et III de melioribus uille assint pro omnibus qui nominatum non erunt...». Либерман толкует *melioribus*, с одной стороны, как «persönlich freie» (Gesetze, II, S. 533) и, с другой, — как «полнонадежных» (*folkbauern*) (*ibid.*, Bd. II, H. 2, S. 288). Но если экономический облик уже градуирует свободу, то это «свобода» ущербная, гибнущая.

¹²⁸ F. Pollock and F. W. Maitland. History of English Law, I, p. 545 ff

¹²⁹ Пп I, с. 20, 1a, 2a; 27, 64, 9

¹³⁰ Leis Willelme, с. 23: «Si hom volt derehdner cuvenant de terre vers sur seinur...».

¹³¹ Пп I, с. 20—20,3. Leges Edw. Confessoris определяют круг вотчинной юрисдикции (с. 28, 1): «Videlicet de pascuis, de pratis, de messibus, et de multis hujusmodi».

¹³² Пп I, с. 59, 2: Cp. Leges Edw. Confessoris, с. 9, 1.

¹³³ Пп I, с. 43, 2. Cp. Dialogus de Scaccario (Ed. Ch. Johnson), p. 56: «Qui enim *ascriptitii* de regni jure... licite venduntur». Указ (breve) «de nativo habendo», который испрашивали лорды для возвращения беглых вилланов, известен уже при Генрихе I. Cp. Placita anglo-normannica, p. 63. Указ Генриха: «Facias habere abbati omnes homines suos qui de terra sua exierunt». (цит. по П. Г. Виноградову, «Villainage...», p. 82). Cp. в отношении вассала с. 55. Впрочем, еще в начале XII в. виллан мог «выкупиться» на свободу ценой передачи лорду своей земли. См. Abstracts of the Contents of the Burton Chart., p. 37; «Terram quae fuit Gamel de Aretona quam tenuit et quam reli-

противовес тем, кто выплачивает только денежный пенз¹³⁴. Над вилланами бесчинствует бейлиф манора, пожаловаться же на него можно только его господину — лорду манора¹³⁵. Имуществу виллана может быть нанесен ущерб фирмарием¹³⁶, лорду манора он выплачивает штраф за мелкие уголовные преступления (*blodvitam*) и «прелюбодейную деньгу» (*leirwítam*)¹³⁷. Не удивительно, что в так называемых «Законах Эдуарда Исповедника» (1115—1150) виллан уже *противопоставляется свободному*¹³⁸ (рядом с сокменом). Штраф, уплачиваемый лорду в случае убийства виллана, здесь *предусмотрен такой же, как и в случае убийства раба* в «Законах Генриха I»¹³⁹. Более поздняя редакция «Законов Вильгельма» нашла виллана уже недостойным получить штраф, защищающий жизнь свободного, и вместо него в тексте появился «сокмен»¹⁴⁰.

Последнюю ступень в падении социального и, следовательно, юридического статуса виллана можно проследить в так называемых «Лесных законах» (*Pseudo-Cnut de Foresta*), составленных, вероятнее всего, во второй половине XII в.¹⁴¹ Вилланы, как и в Казначейских свитках 1130 г., названы *minuti homines*¹⁴², — терминология, с какой-то точки зрения отражавшая скорее прошлое, чем настоящее. Среди них можно различить и «свободных» и «сервов»¹⁴³. Но это уже совершенно малозначащее в реальной действительности различие (как и в праве). Последняя хорошо уже усвоила основное классовое деление общества феодальной эпохи. Человек может быть феодальным собственником, тогда он — *liberalis homo*, в другом случае он держатель за «крестьянские», «низкие» повинности, но в этом случае уже *неважно*, каков юридический статус этого человека с точки зрения «древнего права». Для правосознания Англии второй половины XII в. он «серв». Так, в «Лесных законах» появилась знаменательная антитеза: *liberalis et illiberalis — domini et servi*. Вилланы и сервы, наконец, слились в общем праве в единую, с феодальной точки зрения, неразличимую массу *rustici*, само сословное положение которых стало в королевском законодательстве синонимом несвободы. Таким образом, процесс, начало которого в известной мере положила ДВ, наконец, завершился. Социально-экономическая эволюция английской деревни в середине XII в. подготовила почву для юридической стратификации ее населения, в которой «личный статус» отступил на задний план перед «статусом держания». Последний же определялся его ролью, точнее ролью его обладателя, в маноральной системе, его «производственной функцией»¹⁴⁴.

quid [!] in manu abbatis. Id est V bovatas... et ipse Gamel pro redemptione suo et suo- rum exivit et recessit de abbacia... et iret quocunque vellet.

¹³⁴ Leis Willelme, c. 20, 4: «Cil qui tenent lur terre a cense soijt lur dreit relief a tant cum la cense est de an». Cp. *ibid.*, c. 20, 3: «Villani... le meillur avcir».

¹³⁵ Hn I, c. 56, 4: «Si quis de preposito conqueratur quod ei per injuriam aliquid abstulerit, in ipso manerio uel in curia domini sui audiatur».

¹³⁶ Hn I, c. 56, 3: «querendum est... si deterioratum sit manerium in dominio uel [in] hominibus». Cp. Hn I, c. 56, 4.

¹³⁷ Hn I, c. 81, 3: «...villani et qui sunt ejusmodi minori forisfacture emerunt a dominis suis». Cp. Gesetze, III, S. 328; DB, I, 204a.

¹³⁸ Leges Edw. Confessoris, c. 12, 4: «Manbote in Denelaga de villano et sokeman XII oras de liberis hominibus — III marcas».

¹³⁹ Hn I, c. 70, 2, 7.

¹⁴⁰ Leis Willelme, c. 16: «...E li villain [averad] XL den de forfeiture». Cp. Pseudo-Ingulf (c. 1230): «E li sochemann... [averad] XL den».

¹⁴¹ Gesetze, III, S. 336.

¹⁴² Pseudo-Cnut de Foresta, c. 4: «Sint duo minorum hominum quos tunman Angli dicunt».

¹⁴³ *Ibid.*, c. 5: «Si talis minutus servus [fuit]»; *ibid.*, c. 24, Ricoh. de Monte (A. D. 1159): «Rex igitur Henricus iturus in expeditionem nolens vexare agrarios milites nec burgenses nec rusticorum multitudinem» (Gesetze, II, H. 2, S. 693).

¹⁴⁴ Об этом как нельзя лучше свидетельствуют вопросы анкеты XII в., в которых значится: «Si aliqua terra fuerit facta libera... *que debuit operare*». Cp. Liber Henrici de Soliaco, p. 21; Pseudo-Cnut de Foresta, c. 15: «Si liberalis sit amittat libertatem, si villanus — abscondatur dextra».

Историческое значение реформ Генриха II в том и заключается, что они окончательно преодолели унаследованное от англосаксонской эпохи противоречие, обусловленное отставанием «общего права» страны от эволюции социально-экономической действительности. Они покончили с дуализмом в правовой характеристике вилланства и тем самым завершили систему феодального права в наиболее важном его разделе — разделе, регулировавшем основное производственное отношение в стране. Связав судебную защиту гражданских прав с феодальным критерием «свободы», реформы Генриха II исключили виллана из «публичной» (королевской) системы правосудия. Но тем самым виллан из подданного короля превратился в юридически признанного «подданного» лорда манэра. Однако, как мы могли в этом убедиться, анализируя «Законы Генриха I», реформы Генриха II ничего не создавали нового, а возвели лишь в государственный принцип общего права положение вещей, сложившееся в Англии уже в начале XII в.; иначе говоря, они превратили давно утвердившуюся практику в положительный закон, нерушимость которого охранялась феодальной государственностью.

В результате отношения между антагонистическими классами стали в праве столь же завершенными и универсальными, как и отношения внутри иерархии феодальных собственников. Так окончательно оформилась юридическая теория английского вилланства, которая стала важным фактором дальнейшей эволюции социальной действительности страны¹⁴⁵. Особенности юридической концепции английского вилланства объясняются, на наш взгляд, тремя обстоятельствами: 1) длительным сохранением обособленности «древнего рабства» — серважа англосаксонской эпохи, являвшегося в Англии «живым» и актуальным институтом действующего права даже в начале XII в., т. е. в пору полного торжества феодального поместья и характерного для него способа эксплуатации; 2) бесспорным влиянием нормандского завоевания на концепцию феодальной собственности в Англии. Без этого нельзя объяснить универсальность принципа, проведенного по всей стране в 1086 г. и гласившего: земля виллана — земля лорда манэра; наконец, 3) наличием централизованной феодальной государственности, осуществлявшей законодательство в «национальном масштабе» и регулировавшей социальные отношения в духе «универсальных принципов» права вопреки всем локальным особенностям и отклонениям. Только учитывая это, можно вскрыть подлинную роль реформ Генриха II в оформлении юридической концепции института вилланства¹⁴⁶.

Являясь олицетворением типично феодального правосознания, законодательство Генриха II положило в основу всей системы правоотношений в стране принцип «свободного держания», т. е. феодальной собственности на землю. Этот водораздел предопределил течение всей социальной жизни последующей эпохи. Катастрофичность этого принципа для основной массы крестьянства — вилланов — заключалась не в том, что они не были признаны обладателями «свободного держания» (такими их уже не признала и ДВ), а том, что им было отказано в судебной защите их держаний на основе их сословной принадлежности; последняя была признана несовместимой с положением правоспособного¹⁴⁷. Точно так же, как рефор-

¹⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма (Энгельс — К. Шмидту, 27. X 1890 г.), стр. 428: «Таким образом, ход «правового развития» состоит по большей части только в том, что ...пытаются устроить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему» (курсив наш. — М. Б.).

¹⁴⁶ Cp. M. Bloch. La société féodale; formation des liens de dépendance. Paris, 1939, p. 414—416; W. Buckland and A. Mc. Nair. Roman Law and Common Law. Cambridge, 1952, p. 23.

¹⁴⁷ Вспомним, что еще в *Leis Willelme*, с. 23 значится: «Si quis contra dominum suum terram petat per pares suos de eodem tenemento disrationabit». Cp. RH, II, 78: «Dicunt quod idem Walterus de Bathom removit villanos de Sepwase... Item dicunt quod Robertus Cnoyol removit villanos suos assimili modo».

мы Генриха II не обезземелили вилланов, а лишь закрепили феодальную монополию на землю, они не закрепостили вилланов, являвшихся, как мы видели, в массе своей крепостными уже задолго до них¹⁴⁸, а лишь узаконили параллель villanus — servus. Сделали это они уже тем, что возвели «манориальную» классификацию держаний в основу классификации личного статуса держателей¹⁴⁹. Личный же статус сервов еще в значительной мере регулировался в соответствии с «дожившим» до XII в. «древним правом», которое осталось незатронутым реформами¹⁵⁰. Так «виллан» превратился в род имущества, в «собственность» лорда, неизбежность которой защищалась так же, как неизбежность его земельной собственности. Наконец, реформы Генриха II, создавшие не только юридические принципы, но и превратившие королевскую юстицию в орудие для осуществления этих принципов в национальном масштабе, обусловили ту важнейшую особенность английского вилланства, что его условия с течением времени максимально унифицировались в рамках всей страны¹⁵¹.

В результате *нигде на континенте отношения господства и подчинения не были столь «односложными», столь идентичными в их юридическом выражении и вместе с тем столь максимально обнаженными, как это имело место в «общем праве» Англии*¹⁵². Но именно поэтому в реформах Генриха II следует видеть пример не только феодального правотворчества, преследовавшего цель преодолеть отставание права, но и активного вмешательства феодального государства в социальную действительность с целью привести ее в соответствие с потребностями господствующего класса, поскольку эта действительность еще им не соответствовала, — пример, подобно которому не найти в истории Западной Европы в пору «классического средневековья». Что же удивительного в том, что принцип *exemptio villenagii* столь быстро распространился в стране, став основным гарантом неизбежности власти лорда над личностью и имуществом виллана? С той же целью виллана лишили «права ношения оружия» — его исключили из военной системы¹⁵³. Реформы Генриха II принесли с собой *Questio status* как отправной пункт общего права, ставший с тех пор подлинным фокусом социальных отношений феодальной эпохи.

§ 3. Юридическая теория вилланства как фактор социальной эволюции

Вопрос о том, каковы были для английского крестьянства социальные последствия применения концепции вилланства общего права в повседневной практике королевской юстиции, как и феодальных и манориальных курий, по существу не ставился в литературе. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, так как изучение теории вилланства велось, как уже отмечалось, скорее в плане изложения юридической догмы, чем с точки зрения анализа ее социально-исторического содержания. Господствующая в буржуазной литературе точка зрения с предельной ясностью и вместе с тем сжатостью сформулирована была еще П. Г. Виноградовым.

¹⁴⁸ DB, II, 1: «... Liber homo modo effectus est unus de villanis». Cp. *Leis Willelme*, с. 30—31; Hn I, т. 43, 4: «Si quis a domino suo sine licentia descendit...»; *Assise of Clarendon*, с. 16: «Filij rusticorum non debent ordinari absque assensu domini de cujus terra nati».

¹⁴⁹ Cp. Hn I, с. 76, 2. Ведь формально они регулировали лишь сейзину фригольда.

¹⁵⁰ *Dialogus de Scaccario*, ed. Ch. Johnson, p. 53: *adscriptitii qui villani dicuntur*.

¹⁵¹ Cp. С. Д. Сказкин. Феодист Эрве и его учение о цензиве. — Сб. «Средние века», вып. I, 1942, стр. 114: «Феодальному праву, как таковому, чуждо сознание единообразия и стремление к единообразию».

¹⁵² Cp. *Beaumanoir*, ed. A. Salmon. *Coutumes de Beauvaisis*. Paris, 1853, § 7: «Les coutumes sont si diverses que l'on ne pourroit pas trouver ou royaume de France deus chasteleries qui de tous cas usassent d'une meisme coutume».

¹⁵³ W. Stubbs. *Select Charters*, p. 156, *Assisa de Arnis*, § 12: «Et praecipit rex quod nullus reciperet ad sacramentum armorum nisi liber homo».

В известной статье о критериях вилланского статуса, которыми руководствовались суды общего права, он приходит к выводу: «И в самом деле, вилланские повинности лежали на вилланских держаниях, вилланские же держания, как правило, были держаниями вилланов...»¹⁵⁴.

Из этого положения может следовать двойного рода вывод: во-первых, что, приняв «низкие», барщинные повинности за основной критерий при определении вилланского статуса, суды общего права стали на самый безошибочный путь определения этого статуса и, во-вторых, что последний был чужд какой-либо динамике, так же как и повинности, свойственные ему. Но с такими заключениями вряд ли можно было бы согласиться, так как в свете предыдущего исследования процесса формирования вилланства общего права взаимосвязь между принципами последнего и социальной эволюцией крестьянства представляется нам совершенно иной.

Выше мы имели возможность убедиться в том, что процесс становления вилланства, в сущности, заключаясь в том, что личный статус основной массы английских земледельцев постепенно приводился в соответствие с «социальной природой» или, что то же, с «общественной функцией» вилланского держания, что институт вилланства появился в результате слияния этих начал, без чего феодалный способ производства не мог считаться полностью сложившимся и завершённым. Теперь же следует отметить, что отражение этого исторического процесса в юридической теории получилось обратным¹⁵⁵. Исходным пунктом, центром тяжести всего института вилланства в ней оказался личный статус держателя. С этой точки зрения чрезвычайно важно отметить, что термин *villanagium* в трактате Гленвиля означает прежде всего правоотношение, вытекающее из личного статуса, — единственного и универсального — для всего класса держателей, рассматриваемых в праве как *аурипод* классу феодалов. В этом смысле «вилланство» и противопоставляется у него «свободе»¹⁵⁶. Таковы полярные определения личного статуса в общем праве последней трети XII в. У Гленвиля мы еще не найдем параллельных им понятий в сфере «вещного права», *liberum tenementum* не имеет еще своей противоположности. Ему противостоит нерасчлененное еще понятие *villanagium*, однако, как уже отмечалось, последнее раскрывается не столько как статус держания, сколько держателя, сидевшего на нем¹⁵⁷. Вопрос о статусе ставится Гленвилем по существу лишь в отношении к держателю. Только личный статус последнего рассматривается им как основание для отвода в суде общего права иска виллана (*excepcio villanagii*), равно как и право «искать» в судах короны рассматривалось в качестве привилегия «свободного человека». В этом мы получаем красноречивое свидетельство, насколько слитным, нерасчлененным мыслился еще в конце XII в. статус держания и статус его возделывателя, насколько одно покрывало другое¹⁵⁸. Насколько же «перевёрнутым» оказалось в общем праве действительное положение вещей, если статус не держания, а держателя оказался определяющим началом в концепции вилланства Гленвиля. Таким предстает перед нами отправной пункт в эволюции вилланства как института общего права. Но если «вилланство» у Гленвиля — антитеза «свободы», то носителем ее выступает «серв» и его антипод — «свободный человек»¹⁵⁹. Следовательно,

¹⁵⁴ P. Vinogradoff. *Agricultural Services*. — «Collected Papers», I, p. 124.

¹⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма (Энгельс — К. Шмидту, 27. X 1890 г.), стр. 428: «Отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно так же необходимо ставит эти отношения на голову. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего...».

¹⁵⁶ Glanvill, lib. V, cap. I, § 2: «...quando aliquis trahit alium a libertate in villanagium...»; ibidem: «Et si villanagium suum coram vicecomite in comitatu non contradicatur...».

¹⁵⁷ Glanvill, lib. V, c. 5, § 5.

¹⁵⁸ Glanvill, lib. V, c. 5.

¹⁵⁹ Glanvill, lib. V, c. 4: «per consanguineos liberos vel servos probatur».

знаменитая классификация подданных английского короля у Брактона: «все люди суть свободные или сервы»¹⁶⁰ вовсе не была каким-то нововведением, а являлась лишь *феодальной модификацией «исконного» принципа англосаксонского древнего права*, с которой мы сталкиваемся уже у Гленвилля¹⁶¹. Правда, со времени П. Г. Виноградова хорошо известно, насколько это деление было искусственным в новых условиях, какое многообразие отношений скрывалось за этими градациями, как неслы подчас грани, незаметны переходы между ними¹⁶². Но это уже другой вопрос. В данном же случае важно лишь отметить, что в поисках римскоправовых влияний на концепцию английского вилланства мы зачастую проходим мимо «правотворческой» роли «национальной традиции». Между тем ко времени Гленвилля в Англии была еще слишком жива традиция серважа «древнего права», чтобы полностью пренебречь ею в пользу традиции римской¹⁶³.

Как уже отмечалось, здесь случилось так, что *когда возникла необходимость «юридического обобщения» феодальных производственных отношений, к услугам юристов была не только воспринята в юридических компиляциях начала XII в. концепция серважа англосаксонского права, но и сам институт, далеко еще не изжитый полностью*. Но так как фактические отношения, обобщаемые при его помощи, были сплошь и рядом весьма отличными, то с самого начала возникло то противоречие между «правом» и «действительностью», которое являлось движущим началом всей дальнейшей эволюции института вилланства. Отсюда уже легко объяснить, почему исходным пунктом концепции вилланства Гленвилля является личный статус держателя. *Nativus* по существу единственный синоним серва, известный Гленвиллю. Термин «виллан» законов Генриха I временно исчез, уступив ему свое место. Иначе говоря, все вилланы рассматривались в праве как сервы по рождению, «по крови»¹⁶⁴. Такова была глубина переворота, происшедшего в правосознании к середине XII в. И трактат Гленвилля именно тем и знаменателен, что обнаруживает, насколько «обратным», «опрокинутым» оказалось «отображение» реальной действительности в общем праве. В этом, однако, сказывается не безжизненность юридической теории, а ее *творческая*, историческая роль в формировании вилланства как социального института. *Nativus* — виллан трактата Гленвилля — собственность господина¹⁶⁵, потомство виллана, согласно букве излагаемой им доктрины, — приплод господина¹⁶⁶. Недаром в случае браков сервов различных лордов Гленвилль предусматривает делаж детей между последними¹⁶⁷. *Nativus* мыслится как объект имущественных сделок лорда¹⁶⁸. Но удивительно поэтому, что за ним не признается какая-либо собственность. Все его имущество — собственность его господина¹⁶⁹. Отсюда невозможность выкупиться самому из неволи — у него нет своих денег¹⁷⁰.

¹⁶⁰ Bracton, f. 4b.

¹⁶¹ В этом мы усматриваем не только пример «наполнения» старых понятий «свободы» и «рабства» новым содержанием, но и активной преобразующей действительность роли права. См. ниже, стр. 258.

¹⁶² P. Vinogradoff, Villainage..., p. 77 ff.

¹⁶³ P. Vinogradoff, The Roman Element in Bracton's Treatise.— «Collected Papers», I, p. 237 ff.

¹⁶⁴ Glanvill, lib. V, c. 4, § 3: «[Si quis] dirationetur tanquam nativus».

¹⁶⁵ Glanvill, lib. V, c. 4, § 2: Scilicet, quod illis homines... nativi sui sunt».

¹⁶⁶ Cp. Hn I, c. 72, 3a.

¹⁶⁷ Glanvill, lib. V, c. 4, § 3.

¹⁶⁸ Glanvill, lib. V, c. 5, § 3: «Cum quis enim nativum suum extranee vendiderit». Cp. ibid. § 1: «Alieni domaverit vel vendiderit».

¹⁶⁹ Glanvill, lib. V, c. 4, § 3.

¹⁷⁰ Glanvill, lib. V, c. 5, § 2: «Quia omnia catalla nativi ita intelliguntur esse in potestate domini sui quod propriis denariis versus dominum a villenagio redimere se non potest». Вспомним, что ребур, согласно Rectitudines, мог иметь свое имущество, на которое не распространялось право его господина (см. с. 5, 5: «...thaes he Laefe. bute hwet friges sy»).

Фактически Гленвиль отрицает возможность для серва выкупить себя; его могут выкупить лишь другие, но тогда он по существу *куплен*, отношение, прерванное в одном случае, возобновляется в другом¹⁷¹. Гленвиль вообще настаивает на том, что господин может освободить серва только по отношению к себе и своим наследникам. Но «манумиссия» не делает освобожденного серва равным с другими *legales homines*. По отношению к ним он остается неполноправным, так как он не получает всех привилегий свободного: «*Sed non omnino habebit privilegia liberi hominis*»¹⁷². Наконец, и старинное правило об освобождении серва, прожившего год и один день в бурге, Гленвиль толкует таким образом, что оно в абсолютном большинстве случаев становится более чем проблематичным: он требует *не только проживания в городе, но и членства в городской гильдии*, т. е. юридического статуса горожанина в течение этого срока¹⁷³.

Следовательно, многие черты серважа начала XII в. не только были восприняты общим правом второй половины XII в., но *были усугублены в нем в применении к классу вилланов*. В этом нельзя не видеть результат переворота в правосознании, переворота, слишком глубокого и всеобъемлющего, чтобы не усмотреть в нем одно из важнейших проявлений унифицирующей и нивелирующей роли феодальной монархии в этой стране¹⁷⁴. Вместе с тем трактат Гленвиля обнаруживает и такие черты правосознания, которые свидетельствуют о том, что вилланство еще может рассматриваться не только как личный статус, но и как *правоотношение, вытекающее из сословного положения держателя*, из особого рода повинностей (*jugum servitutis*), т. е. противоречие, в котором раскрывается *новизна* всей концепции вилланства.

Это весьма определенно выражено в формулах: «*nativitas ad villenagium*»¹⁷⁵, «*in villenagium positus*»¹⁷⁶, «*ad villenagium revocari*»¹⁷⁷. Но, может быть, наиболее ярко это отразилось в разделе, трактующем о браке свободного с вилланкой. В таком случае свободный теряет «правоспособность» до тех пор, пока остается «обязанным к вилланским повинностям» (*obligatus villenagio*)¹⁷⁸.

Эти же черты новизны доктрины вилланства столь же отчетливо обнаруживаются и в трактовке Гленвилем характера власти лорда над личностью виллана — она оказывается опосредствованной властью лорда над землей, на которой живет виллан, специфическим характером его держания.

Так, в излагасмом им указе «о розыске беглых вилланов» речь идет не о бегстве виллана от такого-то господина, а из пределов его владений — с земли лорда¹⁷⁹.

Иными словами, несвобода трактуется не столько как личное состояние, сколько предельное отношение. Так или иначе, но доктрина вилланства, отразившаяся в трактате Гленвиля, *настолько опередила реальную действительность*, что (по крайней мере, в ряде районов страны) *была*

¹⁷¹ Glanvill, lib. V, c. 5, § 2: «Si quis vero extraneus cum ad libertatem emerit suis nummis posset quidem perpetuo versus dominum suum, qui eum vendiderit se in statu libertatis fieri». Но остается неизвестным второе — отношение к выкупившему его.

¹⁷² Glanvill, lib. V, c. 5, § 4: «Notandum etiam, quod potest quis nativum suum, quantum ad sui ipsius vel heredum suorum personas, liberum facere non quantum ad alios».

¹⁷³ Glanvill, lib. V, c. 5, § 5: «Si quis nativus quiete per unum annum et unum diem in aliqua villa privilegiata manserit, ita quod in eorum communem gyldam tanquam civis receptus fuerit».

¹⁷⁴ T. F. T. Plucknett. Early English Legal Literature, p. 19 ff.

¹⁷⁵ Glanvill, lib. V, c. 5, § 4

¹⁷⁶ Glanvill, lib. V, c. 4, § 4.

¹⁷⁷ Glanvill, lib. V, c. 5, § 2

¹⁷⁸ Glanvill, lib. V, c. 6, § 2.

¹⁷⁹ Glanvill, lib. XII, c. 11.

создан громадный простор для преобразования последней по пути приближения ее к социальному идеалу господствующего класса¹⁸⁰.

Вторая половина XII в. и первые десятилетия XIII в. были той критической эпохой в истории английского крестьянства, когда особенно ярко сказывалось «обратное» влияние юридической теории в формировании социальных отношений, когда повсеместная практика королевских судов становилась фактором крутой ломки действительности для значительной части сохранивших свою свободу непосредственных производителей. Если характерной чертой предыдущей эпохи было становление вилланства «снизу», в социальной практике, то отличительной чертой интересующей нас эпохи было оформление вилланства «сверху», путем узаконенного правом или, по крайней мере, не наказуемого правом насилия. К сожалению, эта сторона процесса до сих пор остается почти полностью неизученной, а без этого не может быть вскрыта историческая сущность доктрины вилланства. Сохранившиеся «свитки» коронных судов для этих десятилетий рисуют картину феодального юридически оформленного подчинения массы мелких свободных и полусвободных владельцев там, где они еще сохранялись, путем низведения их до положения беззащитных в королевских судах вилланов. Достаточно было лорду в ответ на предъявленный ему иск заявить, что истец — его виллан, чтобы разбор дела по существу прекратился, и тяжба переходила в плоскость выяснения личного статуса истца. Кенон de Holbeach изгнал Аильрика, сына Агге, из свободного держания в Holbeach. В суде он привел единственное доказательство: «dicit villanus suus est» — и иск остался без последствий¹⁸¹. Вальтер, сын Гунильды, «ищет» в суде виргату земли, которой владел его дядя Гильберт de la Horn, но суд даже не входит в разбор иска — его отводят по мотиву: «terra illa est villenagium»¹⁸². Вильгельм de Stodham отказался принять омаж от Германа, сына Ральфа, т. е. попросту отнял у него свободное держание, а на суде все дело закончилось заявлением Вильгельма, что тот — его виллан¹⁸³. Давид de Cudinton жадуется на то, что его изгнали из свободного держания без всякого на то основания. Однако достаточно было жюри заявить, что истец — «виллан и держал в вилланстве», чтобы его иск был оставлен без последствий¹⁸⁴. А что стоило «свидетельство» жюри и какова была зачастую степень их «объективности», хорошо изобличает заявление некоего Гальфрида, названного ими «вилланом». Он заявил, что члены жюри (secutores) вынесли ложный вердикт (falsum fecerunt iudicium) и извратили запись процесса (et falso recordaverunt loquellam), так как все, что приводилось в его пользу, они скрыли (quod bonum suum subtrahunt), а то, что говорилось во вред ему, записали (et malum suum recordantur)¹⁸⁵.

Убедившись в полной безнаказанности своего произвола по отношению к «подданным манора», лорды стали изощряться в средствах с целью выжить свободных мелких людей с принадлежавших им наделов. Епископ сольсберийский велел схватить некоего Ричарда de Widihoc и держал его

¹⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 429: [Опередившее действительность право] «... в свою очередь оказывает обратное действие на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить». О том, каким был этот простор для унификации, видно хотя бы из описи манора Pakenham, датированной 1182 г. См. Kalendar of abbot Samson, p. 168: «In Pakenham sunt II carrucatas de socagio de quibus diversi diversis modis tenent. Quidam enim illorum reddunt de tenementis suis domino abbati et hydagium et foddecorn et averpenni et warpenni et falcant pratum... et faciunt stagnum. Quidam illorum reddunt hydagium et foddecorn... et scottant ad communem auxilium... et dant gersumam pro filibus et releva... et auxilia et ova et gallinas... Quidam illorum dant hydagium tantum... dant filias sine gersuma».

¹⁸¹ Curia Regis Rolls, I, p. 187.

¹⁸² Ibid., VI, p. 288.

¹⁸³ Ibid., IV, p. 259: «Willelmus de Stodham summonitus ad capiendum homagium Hermannii filii Radulphi Fabri de libero tenemento suo quod de eo tenet in Stodham. [Willelmus] venit et dicit quod non debet homagium suum capere quia ipse villanus est».

¹⁸⁴ Ibid., VI, p. 383: «Juratores dicunt... quod villanus fuit et villenagium tenet».

¹⁸⁵ Assise Rolls. North. (53 H III), p. 160.

в заключении до тех пор, пока тот не согласился уступить ему 2 виргаты земли¹⁸⁶. В другом случае лорд, чтобы получить повод захватить землю, принадлежавшую некоему Вильгельму, велел подбросить к нему во двор тушу крадепой коровы. Жюри признало: «Вильгельм — свободный человек и не повинен в краже этой коровы..., а сделано это для того, чтобы лишить его наследственного [свободного] держания»¹⁸⁷. О некоем Ричарде de Sterpelton сказано, что когда он «почувствовал себя угнетенным» жестоким властью Ричарда de Maulore, он явился к нему и «вернул ему землю», которую держал от него¹⁸⁸. Сестры Матильда и Алиция жалуются в суде на то, что лорд Роджер de Graft забрал у них имущество стоимостью в 20 марок. Но лорд, явившись в суд, заявил, что не должен отвечать по данному иску, ибо его истинцы — вилланки. Тогда сестры поведали суду историю их семьи: отец их некогда жил на земле Роджера, но тот его до того изводил, что он не смог вынести этого больше, он явился к лорду и испросил разрешение податься в другое место¹⁸⁹. Точно так же о сокмене Leising сообщается, что лорд такое творил против него (*tantum fecit versus eum*), что он не выдержал и сдал ему землю¹⁹⁰. Нет сомнения, что до коронных судов доходили лишь единичные случаи господского произвола. Но именно поэтому они позволяют нам представить себе подлинный дух времени¹⁹¹.

Поглощение всеми правдами и неправдами «остаточных» мелких свободных держаний, сохранившихся на периферии манора (а па востоке Англии в большой массе), шло непрерывно, начиная с нормандского завоевания. Однако со времени Генриха II этот процесс был значительно облегчен, поскольку само сословное положение крестьян стало юридическим основанием их «гражданской» бесправности. Для значительной части «реликтовых» свободных земледельцев сложилась такая обстановка, когда признать себя вилланом какого-нибудь лорда было единственным способом сохранить за собой отцовский надел, что означало поставить его под «юридическую защиту» лорда ценой отказа от личной свободы, владельческих прав и, следовательно, согласия нести неизмеримо более тяжелые повинности в его пользу. «Судебные свитки» содержат много свидетельств такого рода «признаний». Некая Алиция, дочь Роберта, признала себя вилланкой графа de Vernon в тяжбе из-за 18 акров земли против Мартина, сына Летварда¹⁹², Роберт, сын Террика, заявил в суде по поводу держания в Stiblee¹⁹³, что он является вилланом епископа лондонского. Алдвин и Вальтер признали себя в суде вилланами некоего Матвея по поводу 16 акров земли и т. д.¹⁹⁴

Если в таких случаях мотив «признания» вилланского статуса ясен (желание отвести от себя иск), то в еще большем числе случаев он остается скрытым. Конец XII — начало XIII в. — это время, когда многие дер-

¹⁸⁶ Curia Regis Rolls, I, p. 193.

¹⁸⁷ Rolls of the Justices in Eyre for Glouc, Warwik and Stafford (1221—1222) № 1450: «Juratores dicunt... quod Willelmus legalis homo est et quod non est culpabilis de vacca illa... set posita fuit ad exheredationem ejus pro quadam terra sua...».

¹⁸⁸ Ibid., № 1456.

¹⁸⁹ Curia Regis Rolls, I, p. 121: «Et dicunt quod aliquando pater eorum mansit in terra Rogeri et Rogerus tantum vexavit illum quod non potuit diutius ibidem manere et pacem fecit versus eundem Rogerum et alibi conversatus est».

¹⁹⁰ Pl. Abbr., p. 66.

¹⁹¹ Так, например, жюри в Беркшире в середине XIII в. сохранили в памяти случай спора с землей 8 сокменов и превращения ее в домен. См. RII, I, 19: «Job (annes) de sca. Elena tenent unam carucam terre... quam antiqui sokemanni regis tenere solebant et Alanus de Fernham aliquando vicecomes... dictos sokemannes de dicta terra expulsit».

¹⁹² Curia Regis Rolls, I, p. 92: «Martinus cognoscit se esse villanum comitis de Vernon et tenere terram illam in villenagio». Cp. ibid., I, p. 98.

¹⁹³ Ibid., I, p. 194: «Robertus filius Terrici venit et recognovit se esse villanum episcopi... de terra de Stiblee».

¹⁹⁴ Ibid., I, p. 98: «Aldwinus et Walterus recognoscunt se villanos Matheum de XVI acris terrae».

жатели специально являются в заседание коронных судов (нередко группами), чтобы «засвидетельствовать» свой вилланский статус. Независимо от побудительного мотива этих «признаний», они дорого обходились сделавшим их и их потомкам — это были акты, создававшие «легальную почву» для обращения их в «сервов по рождению»¹⁹⁵. Чья «воля» управляла этими людьми, не оставалось тайной для тех, кто фиксировал эти акты, именно поэтому они находили пужным прибавлять, что данное «признание» не было вынуждено «ни силой», «ни страхом», а сделано «по собственной воле»¹⁹⁶. Так, Роберт, сын Тургера, явился в заседание суда и заявил, что он является вилланом Тамплиеров¹⁹⁷. Точно так же Томас Le Vere по «собственной воле» признал себя вилланом некоей Изабеллы¹⁹⁸. Что в действительности скрывалось за такого рода «признаниями», хорошо иллюстрирует судебная запись, в которой сообщается, что Ральф de Chiltun «сложил» с себя свободные службы и «взял на себя» повинности виллана¹⁹⁹. Особого внимания заслуживают те случаи, когда с целью «признания себя вилланом» в суд являются не одиночки, а целые группы держателей, может быть, *целые общины* (или их части). Так, в заседание коронного суда явились 12 держателей и заявили себя вилланами Иоанна de Bovill²⁰⁰. Нередко этим «признаниям» предшествуют судебные иски, когда лорды затевали тяжбы против заведомо свободных держателей, требуя их как своих «вилланов»²⁰¹.

Очевидно, что наступление феодалов на «свободный статус» не закрепощенных еще прослоек крестьянства имело ближайшей целью лишить их «свободного держания» — мапориализация земли шла рука об руку с распространением крепостничества²⁰². Формулы судебных вердиктов конца XII — начала XIII в. в процессах, решавших *questio status*, рельефно раскрывают, какой простор для «прямого насилия» лордов обеспечивался фактом превращения сословной принадлежности земледельца, его «манориальной функции» в критерий «личного холопства». Как известно, современных исследователей поражает, а юристов изучаемой эпохи нередко ставила в тупик неопределенность этих критериев. Но, во-первых, ничего другого нельзя было ожидать в результате такого прямого «перевода» экономического отношения в «юридический принцип», а во-вторых, именно этой *пестротой и неопределенностью критериев вилланского статуса обеспечивалась возможность низвести до положения сервов все те «переходные состояния» земледельцев, которые находились на сословной границе (между свободой и крепостничеством), проведенной в английском обществе доктриной общего права.*

Судебная практика конца XII — начала XIII в. полна колебаний²⁰³, в то время как юридическая доктрина Гленвиля не видит никаких затруд-

¹⁹⁵ Bracton of. 421: «Si quis in curia domini regis semel cognoverit se esse villanum, licet liber sit, semper obstabit et exceptio villenagii». Cp. Curia Regis, Rolls VIII, p. 11: «Inventum est in rotulo... quod cognovit se esse villanum».

¹⁹⁶ Feudal Documents, ed. D. Douglas. Introduction, p. CXXI. Cp. Curia Regis Rolls, IV, p. 37.

¹⁹⁷ Pl. Abbr., p. 52.

¹⁹⁸ Ibid., p. 125.

¹⁹⁹ Curia Regis Rolls, VI, p. 111: «Radulphus de Chiltun... deposuit se de libero servicio terre sue... et posuit se in servicio villenagii».

²⁰⁰ Ibid., VIII, p. 8: «Homines Johannis de Bovill — Gilibertus de Grafton, Johannes de Grafton, Godvinus de Grafton... [etc] cognoscunt se esse villanos... set tenent quoddam pratum in communi». Cp. Pl. Abbr., p. 81: «Quidam villani veniunt in Curia et se fatentur esse villanos». Cp. *ibid.*, p. 125, 265.

²⁰¹ О свободных, оказавшихся по той или иной причине среди вилланов, свидетельствуют случаи, когда «вилланы» отчуждаются («cum homagium suum»), последний же приносится свободными держателями. См. Documents illustrative, № 39, 87 и др.

²⁰² Year Books 20—21 Edw. I. Цит. по кн.: P. Vinogradoff. Villainage..., p. 165.

²⁰³ Curia Regis Rolls, II, p. 122: «Sed nesciunt utrum sit liberum... nec ne»; Pl. Abbr., p. 90: «Jurati dicunt quod nesciunt si sit liberum tenementum vel non».

нений в определении вилланского статуса. Гленвилль в соответствии с его концепцией вилланства как личного состояния знает одно средство его доказательств — привод в суд сервов «одного с ним корня», т. е. его родственников²⁰⁴. Это вполне соответствовало концепции общего права того времени, видевшей в каждом виллане «серва по крови» (*nativus*). Однако, наблюдая, с какой «легкостью» масса свободных людей «признавала» себя вилланами, естественно заключить, что привод чьих-либо родственников-вилланов для доказательства сервильного статуса данного лица в ряде случаев мог означать лишь оправдание насилия сегодняшнего дня насильем вчерашнего. За примером недалеко ходить. В иске против некоей Матильды лорд Вильгельм de Alto Ripa требует ее как свою вилланку «как со стороны отца, так и со стороны матери». В «доказательство» он привел родственников Матильды — «сервов». Однако та в ответ заявила, что все приведенные лица лишь подставные «родственники», за исключением некоего Вильгельма, признавшего себя вилланом «по доброй воле», так как его отец был «свободным человеком» и не был рожден на земле Вильгельма. Ложность всего этого иска легко обнаруживается «любезным согласием» лорда признать ее навсегда свободной всего лишь за полмарки²⁰⁵.

В то «переходное время» лорды, по-видимому, нередко затевали иски против заведомо свободных людей, наугад, надеясь либо на подобранное жюри, либо на формализм процесса²⁰⁶. Для достижения цели их порой не останавливал даже самый грубый подлог²⁰⁷. Исползование правила *de uno stipite* в условиях Англии конца XII — начала XIII в. может служить ярким свидетельством того, к каким социальным последствиям приводит применение установленного «сверху» универсально-юридического принципа к действительности, в социальном отношении весьма еще пестрой и неоднородной, — меняется не юридическая норма, ее опередившая, а действительность в соответствии с ней.

Аббат Изземский по судебному иску требует некоего Роджера, сына Губерта, как своего виллана, и в «доказательство» привел трех его братьев, заявивших себя вилланами Губерта. Но Роджер продолжал настаивать на том, что он «свободный человек», и в качестве такового «принес присягу» согласно «ассизе о вооружении». Что же касается «свидетельства» указанных братьев, то оно ничего не доказывает, так как двое из них стали вилланами «по собственной воле» (*grati sui*), третий же брат был принужден к этому силой, так как указанный аббат схватил его и «держал в колодках», пока тот не согласился засвидетельствовать свое вилланское состояние²⁰⁸. После подобного рода повести не приходится удивляться в тех многочисленных случаях, когда требуемые судом «вилланы» не отрицают свое родство со «свидетелями», а отрицают свой статус виллана вопреки этому родству²⁰⁹. И как отчаяние мелкого свободного перед непреодолимой силой сложившихся для него обстоятельств звучит следующая судебная запись: «Он признал, что не может отстоять свою сво-

²⁰⁴ Glanvill, lib. V, c. 4, § 2.

²⁰⁵ Curia Regis Rolls, IV, p. 234: «... Nisi Willelmus filius Aslurni ... qui se recognoscit villanum sponte sua... quod pater ejus liber fuit et non fuit natus in terra Willelmi vel predecessorum ejus». Cp. Rolls of the Justices in Eyre for Glouc., Warwick and Stafford (1221—1222), London, 1940, № 1044.

²⁰⁶ Assise Rolls (North), p. 160: «Willelmus de Fenrother tulit breve de nativitate versus... Willelmus venit et retraxit se...». Cp. *ibid.*, p. 173, 177.

²⁰⁷ Cp. Curia Regis Rolls, II, p. 187: лорд представил «progenie» для доказательства сервильного статуса некоего Амльрика, но тот в ответ заявил: «non sunt ejus consanguinei sicut dicunt...». И несмотря на то, что он представил свободных родственников «таких же степеней», суд все же решил тяжбу в пользу лорда.

²⁰⁸ Curia Regis Rolls, I, p. 45. Cp. Pl. Abbr., p. 81: «[dominus dicit] quod Milo villanus est et inde producit sufficientem sectam... tres fratres suos cognatos ipsius Miloni qui se fatentur esse villanos ipsius».

²⁰⁹ Curia Regis Rolls, I, p. 212: «Robertus non defendit stipitem set defendit villenagium».

боду, так как все его родственники находятся на земле и во власти епископа»²¹⁰.

Столь же классово обусловленным по своему существу было доказательство вилланского статуса, «основанное» на *характере* повинностей держателя. Именно в последнем раскрывалась истинная социальная подоплека доктрины вилланства общего права, ее внутренняя противоречивость, так как (на первый взгляд) исходный принцип общего права, «статус по рождению», определялся в действительности на основе «статуса состояния»²¹¹. В таких случаях очевидно, что вердикт «est villanus» мог в равной мере означать и свободного, «держателя в вилланстве», и холопа по происхождению. Это смешение понятий приводило к тому, что феодально-сословное толкование характера повинностей, отбываемых с того или иного держания, стало в конце XII — начале XIII в. распространенным средством в *процессе изведения* в серваж значительных прослоек лично свободных держателей (особенно на востоке и северо-востоке страны)²¹². Позднее, когда территориальные и демографические рамки вилланства в основном уже устоялись (приблизительно к середине XIII в.), судей коронных судов уже не смущала «низость» повинностей держателя, которые рассматривались как вполне совместимые с его личной свободой²¹³. Иначе было в изучаемый нами период, когда вилланство лишь «стремилось к пределу», тогда *questio status* превращался в скрупулезный анализ характера повинностей, их совместимости с «состоянием свободы». «Сословная щепетильность» судей доходила зачастую до того, что достаточно было заявления лорда о том, что такой-то — «его крестьянин (*fuit rusticus suus*), чтобы признать в нем виллана²¹⁴. В другом случае, не менее характерном, «вилланский статус» держателя установлен на основании «подобия» его повинностей с теми, которые отбываются вилланами в данной вилле²¹⁵. Нередко очевидно, что за «вилланские повинности» лорды (в начале XIII в.) выдают не регулярную недельную барщину, а эпизодические работы, прекарии (*auxilia*), которые еще в конце XI в. отбывались сплошь и рядом «сокменами», в личной свободе которых не приходится сомневаться²¹⁶.

Однако в период ранней коммутации барщины ссылка на *opera servilia* не всегда была убедительной, ибо и «прирожденные» вилланы сплошь и рядом платили лишь денежную ренту вместо недельной барщины²¹⁷. Поэтому лорды, «искавшие» вилланов в судах, стремились дополнить картину «сервильного статуса» чертами личного холопства. Лишь изредка

²¹⁰ Rolls of the Justices in Eyre for Glouc ... № 1524: «quia omnes parentes sui sunt in terra et in potestate episcopi et ideo non potest».

²¹¹ Curia Regis Rolls, IV, p. 297. Можно не сомневаться в том, что «давность» отношений вилланства превращала лично свободного в виллана *ex nativitate*. Противоречащее этому учение Брактона сложилось слишком поздно, чтобы помешать судам свершить требуемое от них лордами. См. ниже, стр. 264 сл. Ср. P. Vinogradoff. Villainage, p. 45 ff.

²¹² Хотя Брактон (f. 7.) подчеркивает: «licet faciant opera servilia... nihilominus liberi», однако манориальная опись не знает таких тонкостей, она знает лишь одну рубрику («servi — nativi») для всех категорий «вилланов».

²¹³ P. Vinogradoff. Agricultural Services.— Collected Papers, I, p. 124 ff.

²¹⁴ Curia Regis Rolls, IV, p. 297. Ср. *ibid.*, I, p. 46: «Sicut rusticorum suorum qui debent opera servilia»; I, p. 67: крестьянин Норсемптоншира защищал в 1198 г. свою свободу, утверждая, что «non est rusticus nec servus nec villanus nec natus in villenagio».

²¹⁵ NB, № 1005: «Et quia idem Willelmus cognoscit quod omnes homines ejusdem ville sunt villani [!] — excepto uno et cognoscit quod communicat cum eis in omnibus predictis operacionibus faciendis».

²¹⁶ Rotuli Curiae Regis, II, p. 22: «...assisa... inde non debet fieri... terram illam tenuerunt... per serviciam metendi bladum suum III diebus... et carandi fenum suum per I diem etc.» Ср. *ibid.*, II, p. 25. Вот как здесь определены признаки вилланства: «messiones et araturas et pasnagia, presencias et cetera servilia»; Pd. Abbr., 95; NB, № 1167; «...sicut alii villani...».

²¹⁷ M. Postan. Chronology of Labour Services.— TRHS, 4 ser., v. XX, 1937, p. 187.

мы находим ссылки на то, что такой-то «куплен»²¹⁸, иногда даже с указанием покупной цены²¹⁹, или, что родичи «искомого» были «куплены» или «проданы» лордом²²⁰. Если даже отвлечься от фактов прямого личесвидетельства²²¹, очевидно, что ссылки подобного рода могли быть сколько-нибудь убедительны лишь в случае, когда речь шла о купле или продаже виллана без земли. Однако изучение как «судебных свитков», так и материала грамот XII—XIII вв. убеждает в том, что подобные сделки были весьма редкими в общей массе отчуждения вилланов с наделом²²². Но последнее могло иметь место и в отношении свободного держателя, «сидящего» на вилланской земле, и, следовательно, было столь же произвольным критерием личного холопства, как и перечисленные выше.

Не больше в реальной действительности означали и такие «доказательства» вилланского состояния, как уплата произвольной талы²²³, или меркста при выдаче замуж дочери²²⁴, или право лорда произвольно облагать держателя²²⁵. Позже мы еще будем иметь возможность убедиться в том, что все эти «вилланские платежи» распространялись в изучаемый период на широкие слои держателей, ранее не знавшие их, и, следовательно, что их наличие могло сплошь и рядом свидетельствовать лишь об усилении эксплуатации лично свободных земледельцев²²⁶. Вилланское состояние так же мало подтверждалось этими повинностями, как и всеми другими. Однако оно неотступно следовало за ними как их юридическое обобщение и санкция. О том, какие слои крестьянства подводились подчас под вилланское состояние, красноречиво свидетельствует следующий перечень характерных для виллана повинностей в одной тижбе. Виллан должен 3 дня косовицы, вспахать 4 акра, привезти 2 воза сена и внести 12 деп. за выпас скота. Когда дочь выходит замуж, он даст лорду копье (*quoddam lancea*) и, наконец, он и сын его не могут уйти с земли, не предупредив об этом лорда²²⁷. Столетием раньше это была бы классическая характеристика статуса сокмена, т. е. заведомо лично свободного человека.

В итоге нашего анализа ранней стадии вилланства «общего права» мы можем заключить, что ее содержанием было распространение отношений серважа на значительные слои ранее лично свободных земледельцев. В той мере, в какой расширилась сфера королевской юрисдикции, принципы общего права превращались в могущественный фактор преобразования социальных отношений в стране в соответствии с этими принципами. Дело не только в том, что практика коронных судов постепенно нивелировала положение основной массы крестьянства²²⁸, но и в том, что нивелиром при этом служило правоотношение, наиболее невыгодное для крестьянства — статус личного холопства. Должно быть совершенно очевидным, что систе-

²¹⁸ См. *Curia Regis Rolls*, III, p. 263: «*Ipsi villani sunt ita quod vicarius suus emit eos — unum scilicet illorum de Waltero Warland, et alterum de Waltero Crimested*». Ср. *ibid.*, III, p. 324: «...*predictus Johannes est villanus... ut ille quem abbas Walterus emit de Ricardo filio Aucheris*».

²¹⁹ *Ibid.*, IV, p. 37: «...*quod villanus est ita, quod Walterus predecessor emit eum.. pro XL sol.*». Ср. *ibid.*, VI, p. 383: «*villane vendite et empte*».

²²⁰ *Pl. Abbr.*, p. 57: «*Radulfus Semper fecit villenagium... ita quod ipse Willelmus [dominus] vendidit quandam sororem suam pro III sol.*».

²²¹ *Curia Regis Rolls*, III, p. 264.

²²² *Documents Illustrative...*, ed. F. M. Stenton. London, 1920, Introduction, p. LXXXI ff., 26, 56—57, 73, 113, 207—209, 223 и др.

²²³ *Pl. Abbr.*, p. 25.

²²⁴ *Pl. Abbr.*, p. 95.

²²⁵ *Pl. Abbr.*, p. 95.

²²⁶ См. *Curia Regis Rolls*, III, p. 143. Ничего не значило, с этой точки зрения, отрицание за вилланом права распоряжаться землей («*non potest... terras suas dare sine licencia*»). В DB это право зачастую не признается и за сокменом. См. DB, I, f. 192, 190a. Ср. *Curia Regis Rolls*, IV, p. 266; F. M. Stenton (ed.). *Documents Illustrative...*, p. LXXXVI.

²²⁷ *Rotuli Curiae Regis*, II, p. 22.

²²⁸ T. F. T. P l u c k n e t t. *A Concise History of the Common Law*, p. 275.

матическое применение критериев вилланства общего права в масштабах целой страны — критериев, позволявших, по существу, усматривать «прирожденного серва» в каждом виллане (т. е. держателя, чьи рента в какой-то мере была отмечена «низкими» крестьянскими чертами), приводило не только к поглощению крепостничеством всех тех промежуточных слоев крестьянства, юридический статус которых совершенно не укладывался в альтернативу «aut servus aut liber». Оно — и это самое важное — означало *громадное приближение статуса основной массы «исконных» вилланов* (потомков вилланов 1086 г.), которые юридически были чем угодно, только не сервами. Именно в этом мы усматриваем наиболее далеко идущие последствия этого переворота в английском праве, который связывается с реформами Генриха II.

§ 4. Некоторые особенности теории вилланства Брактона

После исследований трактата Брактона «De legibus et consuetudinibus Angliae» Виноградовым и Мэтландом формальное содержание теории вилланства этого знаменитого юриста XIII в. стало ясным не только в ее главных чертах, но даже в мельчайших деталях.

Однако нельзя пройти и мимо того факта, что в указанных исследованиях мы не находим ответа на ряд самых элементарных и вместе с тем весьма важных вопросов, без выяснения которых мы не можем считать должным образом раскрытой проблему в целом. В самом деле, в чем заключался для английских юристов XIII в. смысл трактовать статус виллана в терминах серважа римского права, если в реальной действительности производственные отношения в английском маноре коренным образом отличались от порядков, царивших в римской вилле? Значит ли это, что Брактон и его единомышленники среди английских лордов стремились возродить эти порядки или приблизить к ним строй английского манора? Или же мы должны, вслед за Мэтландом, признать, что римская терминология это всего лишь словесное украшение трактата Брактона, мало затронувшее концепцию общего права по существу?

На наш взгляд, нет необходимости задаваться вопросом, насколько учение Брактона о вилланстве «отвечало английской действительности», если а priori очевидно, что основная максима этого учения «виллан — серв римского права», неприменима к ней. Однако Брактон — не просто комментатор права, а юрист-практик. Свой трактат он рассматривал в качестве руководства для тех, кому надлежит прежде всего знать действующее право страны — королевских судей²²⁹, и надо отдать ему должное в том, что он сам был великолепным знатоком именно этого права²³⁰. Но если это так, если мы имели все основания усмотреть в трактате Брактона лишь попытку систематизировать действующее английское общее право первой половины XIII в.²³¹, то как же следует тогда истолковать его учение о вилланстве? Таким образом, мы оказываемся в заколдованном круге по одному из важнейших пунктов этого учения — о статусе виллана.

Но далее, в трудах Виноградова и Мэтланда мы также не найдем, по существу, ответа и на другой столь же элементарный, сколь и важный вопрос: чем объяснить само появление на английской почве учения о виллане как рабе римского права? Самое большее, что они могут нам сказать по этому поводу, сводится к ссылке на «возрождение» римского права, на интенсивное проникновение его идей в Англию как через право канони-

²²⁹ Bracton, f. 1b: «Intentio autem autoris... instruere et docere omnes qui edoceri desiderant».

²³⁰ NB, Introduction, p. 10—11.

²³¹ F. Pollock and F. W. Maitland. History of English Law, I, p. 206—210.

ческое, так и через глоссаторов римского права²³², их влияние на трактат Брактона очевидно. Однако то, что было в той или иной мере общеевропейским явлением, не может, естественно, объяснить специфику одной страны. Бомануар был почитан в римском праве, по-видимому, не меньше (если не больше) Брактона²³³, во всяком случае влияние этого права прослеживается в трактате Бомануара с такой же очевидностью, как и в трактате Брактона, тем не менее мы не встретим у него попытки подвести под римскую терминологию не только институт французского вилланства, но и институт серважа, который сохраняет в его избрании вполне средневековый (феодальный) облик²³⁴. И, наконец, в-третьих, до сих пор остается невыясненным, какое место занимает теория Брактона в развитии феодального правосознания Англии, иначе говоря, какой этап в эволюции английского феодализма, как общественно-экономической формации, знаменовал собой трактат Брактона.

С первого взгляда может казаться, что все эти вопросы затрагивают не содержание трактата Брактона, а обстоятельства, «внешние» по отношению к нему. Но такая точка зрения была бы более чем ошибочна. На самом деле указанные вопросы, которые вполне правомерно не замечать при формально-юридическом (догматическом) истолковании учения Брактона, являются отправными и определяющими при попытке истолковать ее с точки зрения социально-исторической, т. е. в тесной взаимосвязи с конкретной действительностью, которую она не только отражала, но стремилась регулировать и направлять. После того как формальное содержание трактата Брактона не вызывает уже сомнений, представляется правомерным попытаться поставить это содержание во взаимосвязь с социальной действительностью, так или иначе отразившейся в нем²³⁵. Исследованиями Е. А. Косминского, М. Поста и других хорошо выяснена специфика XIII в. в истории английского манора. Независимо от того, что понимать под «феодальной реакцией» — возврат ли к уже пройденным, казавшимся изжитыми формами феодальной ренты, или усугубление степени феодальной эксплуатации *на основе данной, существующей ее формы*, или, наконец, стремление феодального класса достичь ту же цель при помощи новых, ранее неизвестных экономических или внеэкономических рычагов²³⁶, этот век может быть назван периодом «феодальной реакции» в Англии²³⁷. Это положение останется незыблемым, несмотря на выявившееся многообразие форм феодальной ренты. Оно не должно заслонить от нас основного факта социально-экономической истории этого времени. Наиболее передовые с экономической точки зрения районы страны стали в XIII в. на путь интенсификации барщинной системы феодального хозяйства. В этом и заключалась специфика Англии, основная черта ее эволюции, отличавшая ее от путей аграрного развития других стран к западу от Эльбы, где ведущая тенденция была в это время обратной. Любопытнее всего, что это отличие английской действительности не было, так сказать, исклю-

²³² Ibidem. Cp. P. Vinogradoff. Roman Law in the Medieval Europe. Oxford, 1909, p. 100—101; H. Potter. An Historical Introduction to English Law and Institutions. London, 1943, p. 556 ff.

²³³ P. Vinogradoff. The Roman Element in Bracton's treatise. Collected papers, I, p. 238. A. Esmein. Cours élémentaire d'histoire du droit français. Paris, 1921, p. 694—695.

²³⁴ Beaumanoir. Coutumes de Beauvaisis, ed. Salmon, ch. XV, № 35; C. E. Chénop. Histoire générale du droit français, t. I. Paris, 1926, p. 490.

²³⁵ Естественно, что в рамках данного исследования эта взаимосвязь может быть лишь намечена. Подробное изучение ее потребовало бы специальной монографии.

²³⁶ В литературе встречаются в той или иной модификации все эти точки зрения. См. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 425, 438, 440, 457 и сл. Cp. Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, стр. 342; M. Postan. Chronology of Labour Services.—TRHS, 4 ser., v. XX, 1937, p. 187 ff; J. Boussard. La vie en Anjou aux XI et XII siècles, «Le Moyen-Age», t. LXI, № 1-2, 1950, p. 27.

²³⁷ См. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 425.

ным. Первая реакция английской феодальной вотчины на развитие городского хозяйства ²³⁸ была весьма близкой с реакцией на него поместья французского ²³⁹, или саксонского ²⁴⁰. XII век принес с собой и в Англию первую массовую волну коммутации барщинных (как и многих натуральных) повинностей денежной ренты ²⁴¹; распространилась практика сдачи лордами поместий в аренду фирмариам за фиксированную сумму ежегодного денежного оброка ²⁴², быстро увеличивалось число вновь образованных держаний (на домене, пустоши и т. д.), сдававшихся за денежную ренту. В результате «свободные» формы земельного держания весьма распространились в ущерб держанию вилланскому, сервилльному ²⁴³. Резкий поворот наступил здесь приблизительно в последние десятилетия XII в. В то время как в других странах Западной Европы только что указанный процесс разложения барщинной системы хозяйства не только продолжался, но становился все более отчетливо выраженным, имея своим следствием исчезновение древнего серважа, отмирание крепостничества, освобождение личности земледельца, фиксирование крестьянских повинностей преимущественно в денежной форме ²⁴⁴, в указанных районах Англии отмечается рекоммутация, усиление крепостничества, ввиду не только возврата поместья к барщинной системе там, где она ранее господствовала, но и попыток ее территориального расширения и интенсификации по сравнению с предыдущим веком. Естественно, что в данном случае мы вынуждены ограничиться лишь указанием на самые важные причины этой реакции. В специальных исследованиях подчеркивается, что «рыночная конъюнктура» в это время стала особенно благоприятной для массового сбыта продуктов сельского хозяйства ²⁴⁵, иначе говоря, что цены на эти продукты возросли настолько, чтобы сделать для лордов заманчивым производство (в первую очередь хлеба) для продажи ²⁴⁶. Движение цен в Англии XII—XIII вв. еще недостаточно изучено ²⁴⁷, чтобы иметь возможность судить об этой конъюнктуре как в пределах дробных хронологических отрезков, так и в пределах всей Англии. Но если даже не быть склонным привлекать такие современные понятия, как «бум», для объяснения экономических явлений XIII в., все же останется несомненным факт роста цен на сельскохозяйственные продукты и перехода домениального хозяйства в первую очередь на рельсы товарного производства, т. е. производства для сбыта на внутреннем и частично внешнем рынке ²⁴⁸.

Несмотря на то, что из Англии в ту пору хлеб в значительном количестве вывозился ²⁴⁹, нет ни малейшего сомнения в том, что главная масса

²³⁸ The Cambridge Economic History of Europe, I, p. 290 ff.

²³⁹ H. Sée. Les classes rurales et le régime domanial en France. Moyen-Age. Paris, 1901, p. 159; N. Bloch. Les caracteres originaux..., p. 95.

²⁴⁰ W. N. Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwest Deutschland. Leipzig, 1896, S. 59.

²⁴¹ M. Postan. The Chronology of Labour Services. — TRHS, 4 ser, v. XX, p. 167.

²⁴² Ibid., p. 181.

²⁴³ См. выше, гл. III, § 3. Cp. J. Miller. The Abbey and Bishopric of Ely, p. 132.

²⁴⁴ The Cambridge Economic History, I, p. 303 ff.

²⁴⁵ M. Postan. Chronology of Labor Services, p. 181. Cp. idem. The Rise of Money Economy. — ECHR, v. XIV, № 2, 1944, p. 133 ff.

²⁴⁶ T. Rogers. History of Agriculture and Prices in England, v. I. Oxford, 1866, p. 225; N. S. B. Gras. The Evolution of the English Corn Market. Cambridge, 1915, p. 35, 59; R. Hilton. Economic Development..., p. 12 ff.

²⁴⁷ W. Beveridge. The Yield and Price of Corn in the Middle Ages. Suppl. to «Econ. Journal», № 2, 1927—1929.

²⁴⁸ Разве сам по себе факт появления в XIII в. трактатов о сельском хозяйстве, вотчинных инструкций для управляющих не свидетельствует достаточно отчетливо о том, что стремление интенсифицировать барщинную систему являлось своего рода «знаменем времени»? См. H. Walter Henley's Husbandry, together with an Anonymous Husbandry, Seneschaucie and Robert Grosseteste's Rules, ed. E. Lamond, Introduction by W. Cunningham. London, 1890, Cp. D. Oshinsky. Medieval Treatises on Farming. — ECHR, 2 ser., v. VIII, № 3, 1956, p. 296.

²⁴⁹ L. Naude. Getreide Handelspolitik der Europäischen Staates vom 15 bis 18 Jh. Berlin, 1901, S. 31 ff. N. S. B. Gras. The evolution of the English Corn Market, p. 16,

произведенных манором для продажи продуктов поглощалась внутренним рынком²⁵⁰. Емкость же внутреннего рынка на продукты сельского хозяйства была в Англии уже весьма значительной²⁵¹. Объяснение этого перестроенной важности факта следует видеть как в специфике процесса кристаллизации городских, т. е. оторванных от земледелия, элементов в Англии, так и в удельном весе этих элементов в стране. Оставаясь в значительной степени в пораз манора, где они возникли, эти элементы создавали спрос на сельскохозяйственную продукцию не только в городе, но и в деревне почти в каждом маноре²⁵². Достаточно проследить за распространением «ассизы пива и хлеба», с одной стороны, и за размещением конечных пунктов «извозных повинностей» (cariagia) вилланов — с другой, чтобы воочию убедиться в том, какая густая сеть хлебных рынков покрывала страну в XIII в.²⁵³

Таким образом, Англия достигла новой, по сравнению с XII в. более высокой ступени развития товарного производства, когда речь шла уже не просто о приспособлении манора к новой хозяйственной конъюнктуре — пассивном использовании ее путем перевода вилланов на денежную ренту, а об активной перестройке «потребительского хозяйства» манора в хозяйство товарное, производящее в значительной мере с целью продажи. С учетом специфики места и времени можно с полным основанием констатировать, что в Англии XIII в. создались экономические условия, предвосхищавшие те, которые позднее привели ко «второму изданию» крепостничества к востоку от Эльбы. И если эти условия в Англии оказались сравнительно кратковременными (к концу XIII в. они оказались практически исчерпанными) и более преходящими, то именно потому, что товарные возможности были здесь еще ограниченными, поскольку решающее значение имел внутренний рынок аграрной страны и поскольку хозяйству на домине приходилось сталкиваться на этом рынке с конкуренцией товарной продукции крестьянства и мелковотчинных элементов. Учитывая английскую действительность XIII в., уже не трудно объяснить, почему основное производственное отношение — отношение вилланства — трактуется у Брактона в терминах, гораздо более напоминающих трактат немецкого юриста конца XVI в. Гусануса²⁵⁴, чем современный ему трактат Бомануара, почему терминология римского права потребовалась для характеристики этого отношения в первых двух случаях и оказалась ненужной в последнем. Правда, в Англии не потребовалось «второе издание» крепостничества — оно было к тому времени еще живым

22, 77 ff. Cp. W. Abel. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa in XIII—XVIII Jh. Berlin, 1935, S. 3. E. Miller. The Abbey and bishopric of Ely, p. 85, 94; H. Finberg. Tavistock Abbey, p. 92, 155—158.

²⁵⁰ N. G. R. S. The Evolution..., p. 16; North. Assise Rolls, p. 81: «Dicunt quod homines prioris dunelmensis fundaverunt quamdam magnam villam...»; *ibid.*, p. 352: «Burgenses de Bamburghe capiunt in mercato de omnibus qui ibidem biada vendiderunt... obolum». Cp. N. Morgan. The English Lands of Abbey of Bec. Oxford, 1946, p. 77: «Corn could be sold in almost any little country town». Данные по отдельным манорам см. *ibid.*, p. 50—52.

²⁵¹ Cm. N. S. B. G. R. S. The Evolution of the English Corn Market, p. 369 ff.

²⁵² См. выше, глава III, § 5. Хорошей иллюстрацией к этому положению могут служить те описи, в которых «манор» одновременно фигурирует и как *villata*. RH, II, 600: «Abbas de Rameseia tenet manerium et villatam de Brouton»; RH, II, p. 602: «Manerium et villatam de Wardeboys» и т. д.

²⁵³ Так, Рамзейский монастырь снабжает лондонский рынок, он доставляет зерно в Линн — крупный порт хлебного экспорта того времени. См. S. Ram., II, p. 17. Cp. *ibid.*, v. III, p. 121. Cp. RH, II, 657 (Ellington): [villani] «...cariabit bladum ad vendendum quodcumque foros dominus voluerit infra comitatum»; RH, II, 761 (Newington): [villani] «Item debet averiare dimidium quarterii bladi domini ad mercatum infra comitatum Oxon» и т. д. Cp. M. Morgan. The English Lands of Abbey of Bec, p. 45: из манора Lessingham хлеб возили на рынок в Норич, Ярмуз, из манора Deverile — в Шефтебери, из манора Ruislip — в Лондон и т. д.

²⁵⁴ Fr. H. S. N. S. Tractatus de servis seu hominibus propriis. Colonia, MDLXXXVI.

социальным институтом «в первом издании». Поэтому *специфика эволюции общего права в XIII в. заключалась здесь в привнесении элементов этого «нового» крепостничества в существующие типичные для средневековья отношения феодальной эксплуатации.*

Обращение к римскому праву — в поисках юридической формы выражения классового отношения — в этих случаях объясняется не только тем чисто внешним по отношению к социальному процессу обстоятельством, что к этому времени оно широко распространилось по странам Западной Европы, но и тем, что в условиях «второго закрепощения» это отношение по своему существу, по своей *внутренней тенденции гораздо более сходно рабовладельческой вилле, чем феодальному поместью как таковому. Парадокс заключается в том, что в то время как серваж раннего средневековья, при юридической близости к древнему рабству, радикально отличался от него по существу, крепостничество XVI—XVIII вв., при сохранении средневековых форм эксплуатации, приближается к нему по экономической тенденции этого отношения.* Как только феодальное поместье ставит своей целью производство для продажи, оно приходит в противоречие со своей собственной сущностью²⁵⁵: *надел крепостного из предпосылки феодального способа производства превращается в поместь «расширенного воспроизводства» на домениальной земле; «жажда» прибавочного рабочего времени приходит в противоречие с разделением необходимого и прибавочного труда «в пространстве и времени».*

Только в свете обрисованных выше социально-экономических тенденций в английской деревне XIII в. может быть раскрыто историческое содержание юридического трактата Брактона. Трактаты Гленвиля и Брактона знаменуют две стадии в эволюции вилланства: первый — стадию юридического оформления этого института, опираясь главным образом на правовую форму (лишь незначительно видоизмененного) древнего серважа; стадию, когда цель господствующего класса заключалась в распространении этого института *вширь*; второй — стадию высшего расцвета этого института, когда речь шла об *интенсификации* олицетворяющегося в нем экономического отношения. Отсюда принципиально иная целенаправленность указанных трактатов (в данном вопросе). Если в эпоху Гленвиля задача класса феодалов заключалась в юридической *нивелировке* многоголовой массы вилланства на основе серважа, благодаря чему на первый план выдвигался вопрос о личном статусе (*questio status*), то для эпохи Брактона задача его заключалась главным образом в *разработке самого правоотношения*, вытекавшего из вилланского статуса, в *материализации всех заложенных в нем возможностей феодального присвоения*. Отсюда одна из наиболее важных отличительных черт теории вилланства Брактона — допущение возможности разрыва между юридическим статусом держания и статусом держателя. С этой точки зрения *divisio personarum* в теории Брактона не только совпадает с *divisio rerum* (статусом держания), но зачастую перекрещивается, оставаясь при этом неизменным²⁵⁶. Принцип «держание не меняет статуса» является у Брактона исходным, в то время как в XI—XII вв. ведущим является обратный принцип: «tenemen-

²⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184: «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу... было уже предвестником распада старого режима».

²⁵⁶ Bracton, I. 4b: «Et qui liber est, villenagium vel servitium nihil detrahit libertatis»; *ibid.*, f. 7: «... qui licet faciunt opera servilia... non faciunt ea ratione personarum, sed ratione tenementorum». С другой стороны, *ibid.*, f. 236: «Liberum servitium non facit villanum liberum... non magis quam villenagium facit liberum hominem villanum». Ср. Pl. Abbr., p. 243: «Tenura in villenagio non facit liberum hominem villanum»; RH, II, p. 832: в списке вилланов (Laggeton hamlet) значится Galfridus dominus de Mudelington со всеми атрибутами вилланства, в том числе «redimet pueros suos ad voluntatem».

tum mutat statum», иными словами, сословный характер держания рассматривается в качестве критерия при определении личного статуса.

В этом, несомненно, проявлялась зрелость института вилланства: не только в смысле достижения определенных внешних границ, но и в смысле самого существа его — достижения новой ступени правосознания. Второе очевидное различие между доктринами вилланства Брактона и Гленвиля заключается в том, что если для Гленвиля сущность вилланства заключалась *в роде повинностей* — именно на этом основании виллан для него идентичен с сервом²⁵⁷, для Брактона центр тяжести вопроса передвинулся в другую плоскость — род повинностей уже недостаточен для отношений вилланства. Фокусом их становится их объем — *количественная их неопределенность*, что как нельзя лучше отвечало запросам манора XIII в.²⁵⁸ В этом заключается подлинная сущность вилланской доктрины Брактона.

Хорошо известно, что учение Брактона о «статусе» при попытке его истолкования, основываясь на юридической практике Англии XIII в., сразу же теряло значительную часть своей внутренней последовательности и видимой простоты.

Нам нет нужды приводить здесь все случаи непоследовательности в рассуждениях Брактона, его многократные отступления от указанного принципа, все это выяснено уже давно и с исчерпывающей полнотой²⁵⁹. Необходимо лишь заметить, что главное заключается не в этих противоречиях доктрины, а в том, что в экономическом положении английского вилланства XIII в. наметились *тенденции, которые для своего обозначения в праве потребовали заимствования ряда понятий и норм рабовладельческого кодекса*. Т. о., с помощью идей римского права изображение получилось настолько «перевернутым» и «отдаленным» от английской действительности XIII в., что лишилось всех признаков феодальной сословности, оказалось оторванным от всех предиадных связей и превратилось, на первый взгляд, в категорию вневременную, лишенную конкретно-исторического содержания. Однако главное отнюдь не в этой формально-юридической абстракции, а в сущности, выраженной в ней. Последняя же заключалась *в самой необходимости такого изображения конкретной действительности*, весьма отличного от реально сущего института, в самой *возможности* такого изображения, в чем нельзя не видеть свидетельства не только характера заложенных в отношениях вилланства социальных связей, но и того русла, по которому пытались направить их дальнейшую эволюцию²⁶⁰.

Внешне новая ступень в развитии института вилланства общего права проявилась у Брактона в возрождении термина *villanus*, которого мы не находим у Гленвиля и который является теперь уже синонимом термина

²⁵⁷ Glanvill, XIV, c. 1.

²⁵⁸ См. M. Postan and J. Titow. *Heriots and Prices on Winchester Manors.*— *EcHR*, 2 ser., v. XI, № 3, 1959, p. 409 ff.

²⁵⁹ P. Vinogradoff. *Villainage*, ch. I—II.

²⁶⁰ Совершенно очевидно, что вопрос о степени и характере «рецепции» римского права в данной стране и в данную эпоху не может быть решен в субъективном плане. В условиях, когда реянтное отношение сводится к «чисто договорному» отношению (оброшника, арендатора), рецепируются максимы «вещного права», т. е. регулирующие поземельное отношение (см. С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве.— *Сб. «Средние века»*, вып. I, 1942, стр. 190—191. Cp. E. Caillemet. *Les idées coutumières et la renaissance de droit romain dans le Sud-Est de la France.*— *Essays in legal history*», ed. by P. Vinogradoff. Oxford, 1912, p. 175); в условиях же господства и усиления барщинной системы, когда на первый план выдвигаются отношения внешнеэкономического принуждения, рецепируются максимы *de diviso personarum* (см. G. Aubin. *Der Einfluss der Rezeption des Römischen Rechts auf den deutschen Bauernstand.*— *Jahrbücher für national Ökonomie und Statistik*», III folge, Bd. 44, 1912. Cp. G. von Below. *Die Ursachen der Rezeption des Römischen Rechts in Deutschland.* München, 1905, S. 115).

servus, nativus²⁶¹. С другой стороны, хотя термин villenagium все еще мог означать и личный статус²⁶² (как у Гленвиля), им стали все чаще пользоваться для характеристики сервилльного держания²⁶³ в противоположность держанию свободному. Все эти изменения в терминологии общего права были следствием уже отмеченной выше формальной необходимости различать между статусом держания и статусом держателя. Но именно потому, что юридический статус вилланов все более принижался, общее право, пренебрегая всеми другими различиями между отдельными прослойками класса вилланов²⁶⁴, должно было допустить, что он состоит из двух различных (по юридическому статусу) категорий держателей: лично свободных и вилланов (сервов). Следовательно, единственное, что объединяло эти два разряда держателей в рамках вилланства, заключалось в идентичном статусе их держаний, т. е. рентного отношения к тому, кому принадлежал фригольд этих держаний²⁶⁵. Но из этого очевидно, что формула tenet in villenagio могла в равной степени означать «личного холопа», держащего в вилланстве, и свободного, согласившегося взять вилланское держание, т. е. на вилланских повинностях²⁶⁶. Эта широта и неопределенность граней института вилланства затемнила в конечном счете и границу личного серважа в социальной практике XIII в. *В самой этой возможности смешивать понятия в реальной действительности*, вопреки их различию в теории, должно усматривать одно из доказательств реально-исторического значения теории вилланства Брактона. И только до тех пор, пока сохранялась эта возможность (и, добавим, необходимость), эта теория являлась живой и действительной²⁶⁷.

В чем же, согласно Брактону, заключается стержень этого института, его социально-исторический смысл? В поисках ответа на этот вопрос мы должны следовать по пути, обратному тому, который предложен самим трактатом Брактона, — начать не с характеристики «вилланства» личного, а с анализа правоотношения, вытекающего из вилланского держания в целом, безотносительно к личному статусу его держателя. У Брактона содержание термина villenagium раскрывается кратко: это означало держание на вилланских повинностях, отбывая (за держание) сервилльные службы²⁶⁸. Допустим на минуту, что по его трактату мы легко установим, какие это именно службы, точнее, какими они должны быть (по характеру, природе), чтобы считаться таковыми²⁶⁹. Для нашей цели важен сам по себе исходный факт: любое вилланское держание, независимо от личного

²⁶¹ Bracton, f. 4: «... Si villanus ingrediatur ad liberam».

²⁶² Bracton, f. 193: «... ille cui villenagium opponitur».

²⁶³ Bracton, f. 7b: «... tenementum est villenagium».

²⁶⁴ Bracton, f. 5: «Item servorum una est conditio substantialis; quicumque enim servus est, ita est servus sicut alius, nec plus nec minus...». Cp. Beaumanoir, § 1452: «... sont plusieurs condicions de servitude».

²⁶⁵ Bracton, f. 7. Однако в писцовых книгах XII—XIII вв. (экстенгах) этого различия не пайти, ибо в основу описи маноров положен статус держания, а не статус держателя: libere tenentes — для фригольда, ему противопоставлено villenagium; за свободным в «вилланстве» точно так же отрицалось какое-либо владельческое право на землю, как и за «широжденным сервом». См. Magna Carta, 1215, c. 39: «Nullus liber homo... dissaisietur...»; 1217, c. 35: «Nullus liber homo... dissaisietur de libero tenemento suo...» (W. Stubbs, Select Charters, p. 301, 346). Cp. RH, II, 833 (Ardu): «Robertus le Frankelanus tenet I virgatum terre... pro V solidos et opera et consuetudines ut villenagios domino pertinet». Очевидно, что Роберт — человек лично свободный.

²⁶⁶ Лишь изредка судебные памятники различают эти состояния. См. Curia Regis Rolls, VI, p. 83: «villanus fuit et villenagium tenet». Cp. Pl. Abbr., p. 188: «Sunt nativi pro terris suis tenentis»; Bracton, f. 189b: «Nisi utrumque probet scilicet quod villanus sit et tenet in villenagio».

²⁶⁷ Мелкому свободному, оказавшемуся на вилланской земле, фактически грозило личное порабощение (вопреки юридической теории) в начале XIV в.: считалось, что для этого необходим срок в пять поколений (см. P. Vinogradoff, Villainage, p. 61—64).

²⁶⁸ Bracton, f. 7: «Per villana servitia faciendo inde opera servilia».

²⁶⁹ Bracton, f. 26: «Villenagia... praestatur servicium indeterminate...».

статуса держателя, было обременено сервилными повинностями, которые в правосознании эпохи связывались с сервилным статусом человека, отбывающего их (именно таков смысл формулы *opera servilia*). Следовательно, истинным «правооснованием» для конституирования такого рода повинностей был статус держания, а вовсе не статус держателя, как это можно было бы заключить, следуя логике трактата Брактона²⁷⁰.

Правда, Брактон подчеркивает, что в одних случаях вилланские повинности не определены (когда держатель, отходя на сон грядущий, находится в полном неведении, на какую работу его утром пошлет господин)²⁷¹, в других же случаях они определены как во времени, так и по роду служб (и тем не менее остаются по характеру сервилными)²⁷². Однако у нас нет никаких оснований связывать это различие с различием личного статуса держателя в «вилланстве». Во-первых, реальная действительность не знала подразделений: в каждом маноре было известно, что означает здесь «*opera et consuetudines ut ad villanos pertinent*»²⁷³. Обычай же манора были, как правило, универсальными по отношению ко всей общине вилланов. Во-вторых, лорд мог определить и повинности личного серва, но за этим еще *eo ipso* не следовало его юридическое освобождение²⁷⁴.

С другой стороны, даже свободный держатель в «вилланстве» должен был отбывать лорду и такие специфические повинности и службы, которые рассматривались в праве как признак личного серважа. Таковы, как известно, произвольная талья²⁷⁵, меркет при выдаче замуж дочери²⁷⁶, пошлины при продаже скота, прежде всего рабочего²⁷⁷, плата за выпас свиней и др. Итак, очевидно, что реальным основанием и всех этих «рабских» платежей — платежей, наличие которых (в случае тяжб «о статусе» в судах общего права) предопределяло сплошь и рядом вердикт в пользу личного холопства их платившего²⁷⁸, служил также статус держания, а не личный статус держателя. Об этом красноречиво свидетельствует и оговорка Брактона о том, что свободный человек делает это «по поводу держания»²⁷⁹.

Паконец, к тому же выводу мы придем и при анализе основания судебных штрафов, налагаемых на вилланов в собраниях манориальных курий, и платежей за баналитеты, пользование которыми было также обязательно для вилланов манора²⁸⁰.

Таким образом, очевидно, что, поскольку речь идет о природе и характере рентного отношения держателя *in villenagio*, т. е. в конечном счете самого важного для лорда (материального выражения его «права»), для него в реальной действительности почти не было повода задумываться, кем является по личному статусу тот или иной из держателей его *villanagia* —

²⁷⁰ Вспомним «обратный характер» изображения реального отношения в праве.

²⁷¹ Bracton, f. 26.

²⁷² Bracton, f. 20. Судья Роберт Lexington вынес однажды вердикт в пользу свободы держания, несмотря на сервилные повинности, на том лишь основании, что они определены (см. NB, № 281).

²⁷³ Bracton, f. 20.

²⁷⁴ Pl. Abbr., p. 197. Напрасно свободные держатели «*in villenagio clamant aliquam certum statum*». Даже в маноре старинного домена им гарантировался лишь *statum cognatum*.

²⁷⁵ См. Bracton, f. 208b: «*Purum autem villenagium est quod sic tenetur, quod ille qui tenet in villenagio sive liber sive servus (!) faciet de villenagio quicquid ei preceptum fuerit... taliare autem potest ad vo untatem domini ad plus vel minus*».

²⁷⁶ Bracton, f. 208b.

²⁷⁷ См. RH, II, 628 (Wolley): «*Si abeat (!) equum, pullum, bovem, vaccam ad vendendum dominus propinquior erit omnibus aliis*».

²⁷⁸ Select Pleas in Manorial Courts, p. 94: «*Reginald filius Benedicthi... [allegavit] libertatem, desicut Felicia soror, ejus fecit finem... pro se maritanda...*».

²⁷⁹ Bracton, f. 208: «*Ita tamen quod si liber homo sit hoc faciat nomine villenagii*». О том, что меркет сплошь и рядом платили свободные держатели, см. Registrum Wigorniensis, p. 77.

²⁸⁰ См. RH, II, 627.

свободным или сервом, ибо в любом случае они *вилланы по роду и объему ренты*. Чтобы лишний раз убедиться в этом, посмотрим теперь, что оставалось в институте вилланства такого, что не покрывалось свойствами самого вилланского держания и могло быть дополнительно реализовано лордом в виде ренты. Для этого мы должны в общем праве XIII в. найти рубеж, который позволил бы нам, хотя бы в плане теоретическом, выделить самую «органическую», «нормальную» составную часть класса вилланов — вилланов по личному статусу. О том же, что такой рубеж должен был существовать, свидетельствует тот факт, что личный серваж с течением времени не только не растворился в серваже держания, но все более определенно отличался от него, по крайней мере, в теории права²⁸¹. Как и следовало ожидать, этим рубежом оказалась такая абстрактная (в экономических условиях середины XIII в.) юридическая категория, как право лорда распоряжаться личностью «серва по рождению». Серв не только лично «несвободен»²⁸², не только не может по своему желанию порвать отношение вилланства, как это «может» лично свободный виллан²⁸³, — это отношение для него теоретически оставалось перушимым и после того, как он оставлял надел²⁸⁴. Таким образом, «серв по рождению» рассматривался (со всем своим потомством — *sequella*) как род собственности, имущества лорда, которым тот может воспользоваться по своему усмотрению. Как и из других видов собственности, лорд извлекает из личного серва доход (*capiat expletia*), владеет им, т. е. обладает сейзмой по праву наследства, купли или дарения²⁸⁵, и сам может соответствующим образом распоряжаться его личностью²⁸⁶. Недаром весь процесс о возврате беллого или спорного виллана ведется в терминах *vindicatio rei*.

Однако, каким бы всеобъемлющим в теории ни было это право собственности лорда на личность серва *ex nativitate*, оно, если рассматривать его в отрыве от земельного держания, оказывается в плане материальном (т. е. ренты) лишь большей или меньшей фикцией. В самом деле, виллан, оторванный от надела и отпущенный на время лордом за пределы манор-

²⁸¹ «Ценность» личного серважа для манориального бюджета возрастала по мере падения ценности служб, связанных с вилланским держанием.

²⁸² Вопрос о том, принадлежал ли виллан лично господину, или «земле его манора», может служить примером схоластики — в реальной действительности он не имел никакого значения. См. RH, II, 536 (*Stowe cum Hattelle*): «Et ipse Elyas et III socii sui... pertinent hereditat[em] dicti Willelmi [de Stowa]. Et habet duos custumarios pertinentes terre perquisite».

²⁸³ NB, N 70: «Noc non erit villanus (т. е. личный холоп) quia potest relinquere tenementum». Следовало бы иметь в виду, что «личная свобода» — категория не только юридическая, но и историческая. Феодальная эпоха предоставляет даже «свободному» земледельцу слишком мало средств для ее утверждения (см. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 40). В этом смысле следует понимать слова Маркса о том, что древние общественно-экономические формации покоятся на «незрелости индивидуального человека».

²⁸⁴ Лишь формальная манумиссия или проживание в бурге год и день являлись юридически признанными свидетельствами прекращения состояния личного серважа. См. Cart. Glouc., v. II, p. 265: «Nos manumississe... Henricum Bitele nativum nostrum... libere possit ingredi et egredi terram nostram absque aliquo impedimento». В знак манумиссии составлялась грамота. См. Assize Rolls North., p. 196: «Quia Galfridus nihil ostendit de manumissio nisi simplex dictum».

²⁸⁵ См. Assize Rolls North., p. 274: «Radulphus de Lamplok petit... Thomam Bouman ut nativum... capiendo inde [!] expletia».

²⁸⁶ Мы уже имели случай указывать (см. тл. IV, § 2) на то, с какой осторожностью следует толковать те случаи, когда формула источника как будто свидетельствует об отчуждении виллана «без земли». «Dono nativum meum» может в равной мере означать (в XII—XIII вв.), что он передается с наделом, который хотя и не указан, но подразумевается. См. Documents Illustrative..., ed. F. M. Stenton, № 273: Вильям Вернер продает за 20 сол. виллана (*rusticus*) Эдрика с детьми. Ср. Curia Regis Rolls, IV, p. 37: аббат de Waltham купил виллана за 2 ф. ст. Ср. Book of Seals, № 323: отчуждается «octo virg. terre et omnes villanos predictas virg. tenentes»: *ibid.*, № 154, 269.

ра²⁸⁷, не приносил лорду почти никакого дохода, ибо нельзя же считать таковым головной платеж (*chevagium*), выражавшийся во взносе сжегод-по нескольких денариев или двух каплунов в знак признания своего сеньорильного статуса²⁸⁸. Трудно сказать, насколько сказывалось в приходной части манориального бюджета пребывание такого лишенного держания сеньора в пределах мапора. Бесспорно, что тогда появлялись меркет, файпы, наконец, гериот после смерти виллана. Но во всех этих случаях возникает один и тот же вопрос: из какого имущества могли выплачиваться все эти платежи?²⁸⁹

Итак, анализ материального выражения «права собственности» лорда на личность «исконного сеньора» — сеньора, оторванного от земельного держания и рассматриваемого безотносительно к нему, убеждает в том, что это «право», за редким исключением, не могло, или почти не могло, материализоваться в условиях феодального способа производства. И если можно себе представить английский вариант сеньора без земли, то лишь как «социальную окаменелость» прошлого или как предвестника разложения вилланства как такового. Во всяком случае для XIII в. он не может быть признан сколько-нибудь важной социально-экономической категорией. Тот факт, что «виллан по рождению», оторванный от надела, по существу не мог подвергаться эксплуатации²⁹⁰, несмотря на то, что общее право, казалось бы, открывало именно такой эксплуатации широкую дорогу, лучше всего свидетельствует об исторической обусловленности института вилланства, о феодальной его природе, вопреки «рабовладельческой» терминологии Брактона.

Надельная система содержания вилланов — в качестве рабочих домена — не была в Англии XIII в. в сколько-нибудь ощутимой пропорции заменена «дворовой месячиной», крестьянская деревня не была заменена дворовой казармой²⁹¹. В этом, конечно, нельзя не видеть предостережения против слишком прямых параллелей между Англией XIII в. и странами Восточной Европы XVII—XVIII вв. Но, повторяем, различие заключается не в различии явлений аграрной действительности, а в различии стадий в развитии одного и того же явления, обусловленных различием в уровне развития товарного производства²⁹² и глубиной перерождения фео-

²⁸⁷ Select Pleas of Manorial Courts, p. 175: «Ad istam curiam venit Iohannes de Bolter et in plena curia recognovit se esse nativum domini abbatis de Bello et dat domino suo duas marcas argenti, ut libere possit recedere a libertate ejusdem».

²⁸⁸ Ср. F. M. Page. The Estates of Crowland Abbey. Cambridge, 1934, p. 136—137.

²⁸⁹ В этом коренное отличие английского вилланства от французского сеньора. Во Франции сеньор, оказавшийся вне пределов сеньории, обязан был сеньору произвольной тальей, посмертным побором, подлежал его юрисдикции. Это имело место потому, что французский сеньор допускал расчленение повиностей на «личные» и «реальные». Сеньор, оказавшийся на земле другой сеньории, должен был платить «две тальи, два менморта и т. д.». Английское вилланство зиждилось на нерасчлененности этих повинностей. Очевидно, что сеньор во Франции был прежде всего состоянием, в то время как вилланство в Англии — отношением Ср. Beaumont, § 1430; A. I. Evett. Studies in Manorial History. Oxford, 1938, p. 21.

²⁹⁰ См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Полнотиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 37. Что означало на деле «право» лорда распоряжаться сеньором как родом имущества в условиях Англии XIII в., видно из записи Curia Regis Rolls, III, p. 299—300: «Magister Thomas de Sancto Edmundo... versus Willelmum Hensted de placito quare non reddat ei Rogerum filium Fabri et Willelmum filium Burny — nativos suos cum tenementis eorum [!] quos ei invadiavit».

²⁹¹ M. Postan. The Famulus, p. 23.

²⁹² В английском праве XIII в. мы обнаруживаем даже зародыш печально знаменитого в XVII—XVIII вв. права юнкеров превращатьладельного крестьянина в дворового слугу. Правда, в Англии такой доменальный слуга «выбирался» на год, сохраняя надел, и служил в счет барщинных повинностей. См. Select Pleas in Manorial Courts, p. 168: «Johannes dictus lord... domino necessarius ad custodiendum oves... Johannes filius Johanni... necessarius ad custodiendum multones... Thomas Bagge necessarius est ad tenendum carucam». Ср. RH, II, 712: «Dominus potest eligere ex eis pro voluntate sua carucarios, bercarios et messoros si forte dominus voluerit».

дальней вотчины под его влиянием. Все это заставляет нас видеть подлинную сущность личного вилланства только в соединении его с вилланским паделом. Именно в силу этой экономической бесполезности виллана, оказавшегося вне пределов манора, *лорды в реальной действительности столь же настойчиво осуществляли принцип неразрывной связи виллана с паделом, сколь систематически юридическая теория отрицала эту связь*²⁹³.

Обнаруживающееся в ходе анализа института личного вилланства очевидное противоречие между юридической трактовкой его сущности и реальным его содержанием являлось лишь отражением противоречия между экономической тенденцией манориального хозяйства, перестраивавшегося для производства на рынок, и барщинной системой, на которой зиждется это хозяйство. Не знаменательно ли, что именно *продолжительностью этой тенденции измеряется продолжительность «действенности» и исторической актуальности теории вилланства Брактона?* Английское вилланство избежало многих ужасов «второго издания» крепостничества прежде всего благодаря узости хлебного рынка XIII в. и сравнительной незначительности территории, на которой можно было организовать массовое производство хлеба, пользуясь трудом крепостных. Таким образом, было бы более чем ошибочно из указания на противоречие между принципами юридической теории вилланства и действительным отношением, вытекавшим из этого института, сделать вывод о «нежизненности» теории, о том, что она ли в коем случае «не может служить критерием» для суждения об этой действительности, одним словом, что она лишена была реально-исторического значения. В действительности же истина заключается в противоположном суждении.

Прежде всего содержание феодальной реакции в Англии XIII в. — именно благодаря различному уровню манориализации отдельных частей страки — была намного шире и не исчерпывается рекоммутацией начала XIII в. и усилением барщинной эксплуатации вилланства. В то время как последнее было характерно главным образом для отдельных районов страны, усиление феодальной эксплуатации было фактом, засвидетельствованным в XIII в. по всей стране безотносительно к формам вотчины и рентных отношений²⁹⁴. Если стремление феодалов к денежному богатству в барщинном маноре порождало прежде всего стремление к неограниченному распоряжению трудом крепостного в его непосредственной, так сказать, натуральной форме²⁹⁵, то в вотчинах, где преобладали денежные формы рента, ту же цель пытались достичь *путем увеличения прибавочного продукта, превращенного в денежную форму самим крестьянином*. Для достижения этой цели использовались все имевшиеся у феодала рычаги экономического и внешнеэкономического давления на крестьянство. Итак, *под феодальной реакцией XIII в. правоммерно понимать интенсификацию феодальной эксплуатации во всех ее формах, обусловленную развитием товарно-денежных отношений и осуществляемую прежде всего средствами внешнеэкономического принуждения*.

Этот кардинальный факт социальной истории английской деревни XIII в. как нельзя лучше объясняет тот живой интерес к праву, который пробудился в это время в среде манориальных лордов²⁹⁶, интерес, вызвавший к жизни юридические трактаты Брактона, Бриттона и Флеты²⁹⁷. В ус-

²⁹³ Bracton, f. 75b: «...Villanagia quae dici possunt dominica». Ср. ibid., f. 98: «[villanagium] quod est quasi dominica».

²⁹⁴ M. Postan and J. Titow. *Heriots and Prices on Winchester Manors*. — *EcHR*, 2 ser., v. XI, № 3, 1959, p. 410 ff.

²⁹⁵ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 30.

²⁹⁶ Pl. Abbr., p. 230: «Plurima recitantur capita legis tangentes villanos et modus seisinæ corpora eos et terras et bona sua».

²⁹⁷ Сохранилось 40 копий трактата Брактона, датированных первой половиной XIV в., не говоря уже о сокращенных переработках Бриттона и Флеты

ловиях обострившейся на почве феодальной реакции классовой борьбы теория вилланства общего права приобретала характер обоснования именем закона все возраставших материальных притязаний класса феодалов и значение *орудия* в борьбе с усиливавшимся сопротивлением крестьянства²⁹⁸. Таким образом, историческое значение теории вилланства Брактона может быть раскрыто только в связи с социальной действительностью, только на ее основе. Разлагая в ходе анализа институт вилланства на составные элементы, мы убедились в том, что центр тяжести вытекавшего из него рентного отношения заключался в *вилланском держании* безотносительно к личному статусу его держателя. Теперь же пора заметить, что если для статистики этого отношения вовсе не требуется предположения, что «виллан» юридически равнозначен «серву», то без такого предположения нельзя себе абсолютно представить ту *динамику этого отношения*, которая наблюдается в Англии XIII в.

Если исторически вполне доказана возможность феодального производственного отношения без крепостничества, т. е. личного серважа земледельца, то столь же очевидно, что без «сервильного элемента» в юридическом статусе последнего это отношение (в сеньориальной его форме) не может достигнуть *полного расцвета*, не могут быть реализованы *все заложенные в нем возможности* феодальной эксплуатации²⁹⁹. И чем больше подчеркнут этот элемент личного серважа в феодальном правоотношении, тем большими являются реальные возможности роста и усиления этой эксплуатации. Так правовая теория английского вилланства XIII в., будучи вызвана к жизни условиями «феодальной реакции», в свою очередь открывала для нее максимально возможный в тех условиях простор. Последний и воплотился в параллели Брактона: виллан — серв римского права. Если очевидно, что только в той мере, в какой большая или меньшая власть над личностью держателя опосредствовала рентное отношение, последнее становилось из возможного действительным³⁰⁰, то тем очевиднее, что *фактор внеэкономического принуждения выдвигался на первый план в периоды феодальной реакции, когда степень эксплуатации земледельца резко усиливается*. В результате то, что кажется юридической фикцией в пору «социальной гармонии», превращается в осязаемую реальность в пору обострения социальных противоречий. Так раскрывается подлинно историческое содержание рабовладельческого элемента в вилланской теории Брактона: «*Servus sub potestate constitutus*», «*Liberi sub potestate dominorum constituti ut servi*»³⁰¹ — формулы, выражающие практически одно и то же: простор для развития рентного отношения, власти лорда над личностью держателя. Именно на ней основывалось то царство феодального принуждения, каким являлся манор, принуждение до поры до времени скрытое и невидимое, но проявлявшееся моментально, как только «воле лорда», закрепленной в господствующем манориальном обычае, противопоставлялась враждебная ей «воля виллана».

Хотя общее право, как уже указывалось, дифференцировало личный статус держателей в вилланстве, принуждение, основывавшееся на этом праве, было в реальной действительности универсальным. Нельзя представлять себе дело таким образом, что свободный держатель в вилланстве был в одно и то же время и свободным, и вилланом, что он пользовался какими-либо привилегиями свободного, пока держал вилланское держание.

²⁹⁸ Pl. Abbr., passim.

²⁹⁹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803: «Во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения».

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Bracton, f. 25.

Брактон решительно отрицает такое предположение: все держатели в вилланстве «sive liber sit, sive servus» — держатели одного и того же статуса³⁰². Он говорит о том, что свободный, вступивший в брак с вилланкой, перешедший в «ее вилланское гнездо» (т. е. в пределы манора ее госпожи), хотя и не становится вилланом, но тем не менее определенно «затемняет свой статус» самим фактом вступления в «вилланское держание». В одном случае он даже допускает противоречащее всей его концепции вилланства суждение, говоря, что свободный, оказавшись на положении серва, не может порвать свою связь с держанием без помощи судебного решения, которым была бы засвидетельствована его личная свобода³⁰³. В целом же судьба свободного, долго засидевшегося на вилланской земле, очевидна. Он становился со временем личным холопом³⁰⁴.

Яркой иллюстрацией судьбы свободного человека, оказавшегося на вилланском держании, может служить процесс, слушавшийся в суде «королевской скамьи» в начале XIV в. Речь шла о личном статусе некоего Роджера. Лорд Вильгельм утверждал, что он его виллан, жюри же сообщало следующее: Мартин, дед Роджера, был пришельцем (adventicius) в маноре данного лорда, но женился здесь на вилланке. Его сын Роберт, рожденный, следовательно, от свободного отца, жил, по-видимому, вне манора; так как он часто приезжал к матери-вилланке, то лорд каждый год требовал от него chevagium в 1 день. Но землю он всегда держал как свободный, т. е. в соответствии с условиями, фиксированными в грамотах (semper tenuit iuxta formam cartarum). Однажды сенешал Вильгельма созвал всех держателей манора в курию и потребовал, чтобы в случае, если кто-либо приобрел землю по грамоте, сдать грамоты лорду (cartas suas eidem redderent). Сдал свои грамоты и Роберт. Однако затем они были ему возвращены за файн в полмарки. Роберт женился на свободной. Затем члены жюри были спрошены, отбывал ли Роберт какие-либо сервильные повинности, на что те ответили отрицательно: он отбывал лишь те повинности, которые значились в грамотах (solummodo servicia in cartas suis), и, кроме того, платил лишь ежегодный chevagium в 1 ден. Лорд же, когда потомок Роберта Роджер отказался признать себя его сервом, захватил всю его движимость как имущество «своего виллана», а самого заключил под стражу до тех пор, пока он не покорится власти лорда³⁰⁵.

Таким образом, в реальной действительности положение свободного в вилланстве, по-видимому, мало отличалось от положения серва по рождению. В то же время столь же очевидно, что *только неразрывное единство обоих элементов института вилланства — личного серважа и сервильного держания* — наполняло жизнью весь институт вилланства. Именно из «личного серважа» вытекала основная максима общего права, гласившая, что у виллана нет никакой собственности, что все, чем он обладает, он владеет *nomine alieni*, что все, что он приобретает, он покупает на средства лорда и лишь для лорда. По отношению к земельному держанию это означало отрицание за вилланом каких-либо прав распоряжаться землей без ведома лорда³⁰⁶, невозможность приобрести землю на стороне, т. е. невозможность

³⁰² Bracton, f. 194.

³⁰³ Ibidem.

³⁰⁴ См. Pl. Abbr., p. 121 (28 H III): «Dicit quod assisa non debet fieri quia predictus Thomas villanus est et Osmund. pater ejus villanus fuit. Jurati dicunt quod predictus Osmund. liber homo fuit». Нет никакого сомнения в том, что свободных в «вилланстве» дарили, продавали вместе с держанием, как и личных сервов (см. Documents illustrative... ed. F. M. Stendon, № 3, 7, 143, 274, 275, 374).

³⁰⁵ Select Cases in the King's Bench under Edw. I, ed. G. O. Sayles, v. III. London, 1939, p. 47—48: «...Usque idem Rogerus se judiciari permisit». Выше мы могли убедиться, что максима общего права «nulla prescriptio longe temporis potest liberum sanguinem in servitutem reducere» была весьма слабой гарантией свободы виллана по поводу держания.

³⁰⁶ Bracton, f. 26b. Cp. Pl. Abbr., p. 150.

держатъ отъ несколькихъ лордовъ³⁰⁷, отсутствие у виллана юридически признанныхъ наследниковъ, за исключениемъ лорда³⁰⁸, постоянную угрозу (правда, в значительной мере теоретическую) со стороны лорда стога виллана с держания, ибо принципъ *exsertio villenagii* делалъ держание виллана юридически беззащитнымъ передъ волей лорда³⁰⁹.

Если беззащитность, необеспеченность вилланского держания, являясь обратной стороной основной предпосылки феодальной ренты — фактического наделения виллана землей, «аппropriации» его наделу, — еще можетъ быть выведена изъ статуса самого держания, то отрицание за вилланомъ права на движимое имущество (*catalla*)³¹⁰ с очевидностью обуславливалось его личнымъ сервилльнымъ статусомъ³¹¹. Об этомъ свидетельствуетъ и тотъ фактъ, что эта движимость связывается не с держаниемъ, а сличностью виллана. Разыскивая беглого виллана за пределами манора, его требуютъ с имуществомъ³¹². Найдя виллана, лордъ захватываетъ его движимость какъ «свое имущество»³¹³. Судить о томъ, насколько важна была для лорда эта сторона гражданской неправоиспособности виллана (вытекавшая изъ презумпции о личномъ серваже), можно лишь при условии, если иметь в виду, что в условияхъ развитыхъ товарно-денежныхъ отношений для виллана часто создавалась возможность приобретения и умножения движимости, помимо «доходовъ с держания» в занятияхъ, отнюдь не земледельческихъ³¹⁴. Изъ отрицания за вилланомъ права на движимое имущество вытекали юридические послѣдствія, усугублявшие условия и земельного держания. Главное изъ нихъ заключалось в правѣ лорда требовать отъ виллана произвольные платежи (талью и др.) и неопределенную по роду и объему работъ барщину. Выше уже отмечалось, что право лорда требовать неопределенные повинности стало в конечномъ счетѣ основнымъ критеріемъ определения личного статуса земледельца в королевскихъ судахъ, душой всего института вилланства³¹⁵. Легко представить себѣ, насколько эта беззащитность виллана

³⁰⁷ См. *Domesday of St. Paul's*, p. 157: «*Articuli visitacionis ...An aliquis natus terras aut possessiones aliquas perquisierit infra manerium vel extra ab hominibus liberis*».

³⁰⁸ *Pl. Abbr.*, p. 148; *Select Pleas of the Crown*, v. I, London, 1888, p. 9, № 23.

³⁰⁹ Эта доктрина с предельной ясностью отразилась в RH 1279 г. Бекингемшира, где вилланская земля фиксирована какъ доменъ лорда. См. RH, II, 346 (*Gayhurst*): «*Dictus dominus... habet ibi in dominio duas hidatas terre et dimid... unde in villenagio...*». Cp. *Rolls of the Justices in Eyre Stafford*, № 1458: «*Terra illa est dominicum suum et villenagium suum*»; *Curia Regis Rolls*, VII, p. 40: «*...in villenagio. Item quod dominus terram illam potest capere in manum suam quando ei placuerit*»; *Pl. Abbr.*, p. 104: «*Robertus nihil proprius habuit cum esset villanus*».

³¹⁰ С этой точки зрѣнія англійскій вилланъ стоитъ гораздо ниже французскаго серва, за которымъ нередко признавалось право на часть движимости. Cp. *Veau et n oir*, § 1458: «*Encore par nostre coustume puet li sers perdre ou gaignier par marcheandise et si puet vivre de ce qu'il a largement a sa volenté...*».

³¹¹ Не совсемъ ясна принадлежность движимости свободнаго в вилланствѣ. Насколько можно судить по одной судебной записи, и такого рода держателямъ даже формально ничего не гарантировалось, кроме личного статуса (*salvo statu corporum eor.*) (См. *Pl. Abbr.*, p. 271).

³¹² *Glanvill*, lib. V, c. 4, § 3: «*Si vero in probatione libertatem defecerit... domino suo adjudicabitur cum catallis suis quecunque habet*». Cp. *North. Assize Rolls*, p. 196: «*Fuit seiscitus ut de villanis suis et de ipsis catallis*»; *Documents illustrative*, p. 374: дается вилланъ «*et totam progeniem suam cum omnibus catallis suis*»; *ibid.*, N 87: «*Cum omnisequella sua et omnibus catallis*».

³¹³ Брактон (f. 6) допускаетъ возможность иска противъ лорда, разорившаго виллана. После исследования П. Г. Виноградова («*Villainage*», p. 74) хорошо известна позднейшая интерполляция, ограничивающая эту привилегію стариннымъ доменомъ и дающая право лорду «*auffere a villano wainagium suum et omnia bona*». Вспомним редакцію ст. 20. Великой Хартии в изданіи 1217 г., где вместо «*villanus — salvo wainagio suo*» значится «*villanus alterius quam noster*».

³¹⁴ *Select Pleas in Manorial Courts*, p. 26: «*Baldevinus filius Sutoris... propter moram suam [in] Londonie... nullam libertatem... vendicabit et quocienscumque dominus voluerit ad ipsum veniet*».

³¹⁵ Cp. *P. Vinogradoff. Agricultural Services.— «Collected Papers*», I, p. 120 ff.

(в отношении уровня ренты) облегчала лордам всю задачу интенсификации эксплуатации вилланов при любой форме феодальной ренты. Не трудно заметить, что вопреки максима́м юридической теории историческая истина была обратной: рабские черты появились у держания виллана лишь в результате того, что оно было конструировано в праве как держание личного холопа — серва, следовательно, отправным пунктом всей этой юридически громадной власти лорда над вилланом была презумпция: «вилланское держание» — держание серва. Но, может быть, наиболее отчетливо социально-историческое значение доктрины Брактона проявляется в тех случаях, когда держатель в вилланстве делает попытку прервать и ослабить рентное отношение (сохранив при этом землю). «Санкции» лорда в таких случаях не различают ни серва, ни свободного в вилланстве³¹⁶. Реальность сервильного элемента вилланской доктрины общего права, выступающая лишь в таких случаях с предельной очевидностью, была в действительности органическим, постоянно действующим фактором нормального функционирования манориальной системы. *Именно в силу того, что вилланская доктрина Брактона конструировала рентное отношение как основанное целиком и полностью «на воле лорда», оно могло нормально функционировать на основе манориального обычая; более того, этот обычай смог приобрести окраску «справедливости» в глазах самих вилланов, если лорд нарушал его в своих интересах.*

Далее, именно в силу того, что виллан рассматривался в праве в качестве серва, феодальная монополия на землю оказалась в Англии столь ясно выраженной, что вилланы в массе своей на протяжении столетий *не смогли закрепить за собой надел в качестве наследственного владения*. Одним словом, английское общее право, копитуируя институт вилланства по аналогии с отношениями «рабства», лишь обеспечивало возможность для его *действенности на почве феодального рентного отношения*. Эта особенность вилланства не прошла даром для преобладающей части земледельцев Англии: они даже после исчезновения личной крепости остались лишь держателями на «обычае манора», который к тому же сложился в эпоху господства «воли» лорда. Сервильный элемент в юридической конструкции вилланства был в полном смысле слова движущим началом манориальной системы в XI—XIII вв.; он оказался гарантией земельной монополии лендлордов и тогда, когда личный серваж стал отмирать как социальный институт этой страны.

³¹⁶ См. ниже, гл. V, § 5.

АНГЛИЙСКОЕ ВИЛЛАНСТВО XII—XIII вв. КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЙТЕВИТЕЛЬНОСТЬ

§ 1. Постановка проблемы

Всем ходом предыдущего исследования доктрины вилланства общего права мы подведены к важнейшей и вместе с тем наиболее трудной для изучения стороне данной проблемы в целом: какова была социальная практика отношений вилланства, иначе говоря, в чем заключено существо этих отношений, если рассматривать их с *экономической точки зрения*? Может ли быть обнаружена какая-либо динамика их во времени? Одним словом, как рисуется вилланство в свете манориальных источников XII—XIII вв.? Выше уже было отмечено, что школа П. Г. Виноградова рассматривает эти две стороны проблемы, т. е. «вилланство юридической доктрины» и «вилланство манориального обычая», не только как полностью обособленные и мало соприкасавшиеся в реальной действительности, но и как «институты», не имевшие между собой ничего общего. Но расчлняя то, что в процессе социальной эволюции было теснейшим образом *связано и взаимообусловлено*, эта историография, с одной стороны, выхолащивает действительное начало доктрины вилланства и, с другой, — лишает реально-исторический институт вилланства какой-либо динамики. В итоге приходится недоумевать: что это за действующее право, которое совсем не отражает реальную действительность? С другой стороны, как долго могла существовать такая действительность, которая находилась в столь очевидном противоречии с общим правом страны?

Точка зрения на социальную практику английского вилланства как не имевшую ничего общего с юридической доктриной своего времени, или во всяком случае как весьма далеко от нее отстоявшую, наиболее ярко выражена П. Г. Виноградовым в «Вилланстве в Англии». В гл. III этого исследования мы читаем: «Брактон определяет вилланство как положение людей, не знающих вечером, какую работу и в каком объеме им придется выполнять (на господина) в следующее утро... Однако этой основоположной максиме юридической доктрины в повседневной действительности противостояло всеобъемлющее царство манориального обычая»¹. Повсеместно возникающие обычаи, заключает он, надежно защищают вилланов от произвольных вымогательств со стороны лорда и его стюарда². Естественно, что при таком подходе к изучению вилланства не только остается в тени антагонистический характер отношений вилланства, но совершенно снимается вопрос даже о самой возможности *динамики этого отношения*.

¹ P. Vinogradoff. Villainage..., p. 212—213.

² Ibid., p. 174.

С этой точки зрения вся история вилланства сводится почти исключительно к истории *вилланского права*; в социальной же действительности однажды сложившиеся отношения под влиянием «малоподвижной» экономики манора имеют тенденцию к «застыванию» на длительные отрезки времени³. Так сложилась господствующая в основном и по сей день в буржуазной историографии концепция о *самодовлеющей* и неизменной сущности однажды сложившегося манориального обычая, который в пределах манора в такой же степени является «законом», регулирующим социальную практику вилланства, в какой им являлось «общее право» по отношению к практике фригольда⁴. Манориальный обычай связывает не только держателя, но и «волю лорда». Возникая в условиях господства этой «воли», обычай тем не менее становится гарантией нерушимости «держательского договора» — рентных отношений, надежно ограждая виллана от проявления власти лорда. Иными словами, вилланство, как экономическое отношение, фактически не имеет истории.

Если П. Г. Виноградов может быть назван творцом этой концепции, то в исследовании Д. М. Петрушевского мы находим яркий образец конкретно-исторического ее применения. Рисуя картину манориального строя, Д. М. Петрушевский исходит из тезиса, согласно которому хозяйственные интересы сеньора и интересы вилланов находились в «гармонии»⁵. До тех пор, пока господствовала барщинная система, сеньор был заинтересован в хозяйственном «благополучии» крестьянского двора, «чтобы он имел достаточное количество земли, соответствующий инвентарь, достаточную долю в общинном пастбище»⁶. Когда Д. М. Петрушевский ставит и исследует вопрос о размерах и характере «хозяйственной эксплуатации населения поместья» со стороны лорда манора, он исходит из безусловной «нерушимости» манориального обычая. Виллан эксплуатируется, по его мнению, лишь через посредство своего держания и «пропорционально размерам своего держания»⁷. Свою мысль он иллюстрирует следующим примером: полуvirгатарий должен был отдавать сеньору «приблизительно вдвое меньше дней, держатель четверти virгаты — вчетверо меньше дней», нежели virгатарий⁸, и т. д. Поэтому дробление вилланских наделов было, по его мнению, лишь проявлением умножения крестьянского населения — «раздела прежних дворов»⁹. Повинности же при этом в сумме своей оставались прежними, хотя и отбывались большим числом держателей. Эта «гармония интересов», царившая внутри сельского мира, нарушилась только с коммутацией барщины и с переходом к денежной форме ренты. Но это означало уже конец манориальной системы. Таким образом, подчеркивает Д. М. Петрушевский, вопреки правовой теории, учившей, что вилланское хозяйство не что иное, как собственность лорда, что все имущественные отношения в маноре, поскольку это касается вилланов, регулируются исключительно «волею лорда», реальная действительность привела к возникновению и утверждению манориального права, в рамках которого виллан был в такой же мере «обеспечен», в какой фригольдер в рамках общего права и королевской юстиции¹⁰. В результате, и в исследовании Д. М. Петрушевского мы не только не обнаружим динамики феодальной ренты в рамках манориальной системы, но и *самую возможность* такой динамики. Очевидно, что такая трактовка существа и исторической роли манориального обычая может привести лишь к изо-

³ P. Vinogradoff. Growth..., p. 348—349.

⁴ Select Pleas in Manorial Courts, ed. F. W. Maitland. London, 1889, Introduction, p. III ff.

⁵ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, стр. 130.

⁶ Там же, стр. 131.

⁷ Там же, стр. 131—132.

⁸ Там же, стр. 132.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 139 и сл.

бражению совершенно статической картины рентных отношений, вытекавших из института вилланства. Если нам и рисует целая серия исследований, посвященных английскому средневековому манору¹¹.

Последним словом в развитии этой концепции, несомненно, является труд Хоманса «Английские крестьяне в XIII в.»¹². Роль манориального обычая в регулировании социальной практики вилланства здесь настолько идеализирована¹³, что автор считает возможным, по существу, *игнорировать юридическую классификацию держателей манора* (что и отразилось в самом названии этого труда). Что же удивительного в том, что, по мнению Хоманса, деление сельских жителей ни по юридическому статусу, ни в соответствии с их ролью в манориальном производстве «не покажется социальному исследователю столь же важными», как деление их на «классы в соответствии с их «сообществом в деревне»¹⁴. Отношения вилланства, согласно Хомансу, вообще не могут быть истолкованы в экономических терминах. Поскольку же они содержали «экономический элемент», они были отношениями, основанными на «взаимных услугах» лорда и держателя¹⁵. Правда, как и некоторые его предшественники¹⁶, Хоманс вынужден признать, что в «отдельных манорах» в середине XIII в. наметилась тенденция к увеличению повинностей вилланов. Но эти исключения еще более рельефно оттеняли общее правило: повинности вилланов оставались обычными, т. е. в пределах значительных отрезков времени неподвижными. Крайняя односторонность такого рода истолкования социальной практики английского вилланства, отсутствие в ней даже возможности эволюции ренты давно уже бросались в глаза отдельным буржуазным исследователям. В 1937 г. была опубликована хотя и небольшая, но весьма ценная, с этой точки зрения, работа М. Поста на «Хронология барщинных повинностей». Привлечение большого круга описей XII и первой половины XIII в. дало ему возможность в новом свете увидеть не только хронологию процесса «коммутации» барщинных повинностей, но, что гораздо важнее для нашей цели, позволило обнаружить вместо окостеневшей манориальной рутины весьма подвижное манориальное хозяйство, *чутко реагировавшее на новые тенденции* экономической жизни страны и в соответствии с ними изменявшее не только форму, но и уровень вилланских рент¹⁷.

По-новому подошла к истолкованию социальной практики вилланства марксистская историография. Центр тяжести всей проблемы оказался для нее в иной плоскости: в какой мере манориальный обычай определял уровень вилланских рент, что означал «обычай манора» в условиях прямого господства лорда над держателями-вилланами, какова вообще была его социальная функция в маноре? Все эти вопросы, и в особенности последний, были поставлены в исследованиях Е. А. Косминского¹⁸. Вслед за Мэтландом¹⁹ и Савиным²⁰ он отмечает неблагоприятный характер обычая для вилланов, обусловленный тем, что он складывался под непосредственным воздействием экономической и внеэкономической власти лорда. В результате обычное право оставляло достаточно простора для проявления воли лорда без очевидного его нарушения. Кроме того, лорд при желании легко мог обойти обычай, т. е. найти новые, не предусмотренные

¹¹ H. S. Bennet. *Life on the English Manor*. Cambridge., 1938.

¹² G. C. Homans. *English Villagers of the thirteenth century*. Camb. Mass., 1942.

¹³ *Ibid.*, p. 271.

¹⁴ *Ibid.*, p. 241.

¹⁵ *Ibid.*, p. 256.

¹⁶ F. W. Maitland. *History of a Cambridgeshire Manor*.—EHR, IX, p. 417 ff.
Ср. H. S. Bennet. *Life on the English Manor*, p. 105.

¹⁷ M. Postan. *The Chronology of the Labour Services*.—TrRHS, 4 ser., v. XX.
Ср. M. Postan and J. Titow. *Heriots and Prices on Winchester Manors*.—EHR, 2 ser., v. XI, № 3, 1959, p. 402 ff.

¹⁸ Е. А. Косминский. *Исследования...*, стр. 403—406.

¹⁹ F. W. Maitland. *History of Cambridgeshire Manor*.—EHR, IX, p. 417 ff.

²⁰ А. Н. Савин. *Английская деревня в эпоху Тюдоров*, стр. 207.

традицией пути для усиления эксплуатации вилланства. Одним словом, манориальный обычай был далек от того, чтобы стать для лорда связывающей его нормой права, когда он находит выгодным для себя нарушать его²¹. Общий вывод Е. А. Косминского заключается в том, что «обычай» лишь «до известной степени» мог служить гарантией против попыток усилить эксплуатацию вилланов, в то же время он не создавал «непреодолимых препятствий для роста феодальной эксплуатации». В исследованиях самого Е. А. Косминского приведено немало примеров усиления последней. Однако ряд важнейших, с этой точки зрения, вопросов английской манориальной истории до сих пор еще остается неизученным. Подчеркивая наличие и борьбу двух тенденций в эволюции английского манора XIII в. — тенденцию феодальной реакции и тенденцию коммутации барщины и распространения денежной ренты, Е. А. Косминский фактически связывает первую из них только лишь с усилением отработочных повинностей вилланов и противопоставляет ей вторую как противоположную ей по своим социально-экономическим последствиям. Таким образом, вопрос о влиянии коммутации на уровень вилланских рент не был еще предметом специального рассмотрения и остается неясным. Точно так же остается неясным, какая же из указанных двух тенденций являлась ведущей в течение большей части XIII в., по крайней мере, в пределах среднеанглийских графств.

Состояние интересующей нас проблемы в историографии, с одной стороны, и круг доступных нам источников — с другой, диктуют нам необходимость сосредоточить свое внимание на следующих вопросах: 1) каким было соотношение площади домена и крестьянских держаний в начале и в конце изучаемого здесь периода; 2) в каком направлении эволюционировало в указанный период вилланское держание (по величине) и в чем заключалось социально-экономическое существо изменений размеров вилланского надела; 3) какова была динамика вилланских рент, поскольку ее отразили имеющиеся в нашем распоряжении источники; 4) в какой мере был действенным институт старинного домена, когда речь шла о защите «традиционного уровня» вилланских рент; 5) какова была *повседневная* социальная жизнь манора, как разрешались в ней основные классовые противоречия феодального общества? Естественно, что не все из указанных вопросов могут быть изучены с должной полнотой. Но, сознавая это, мы вместе с тем не забываем и то, что лишь источники по аграрной истории Англии позволяют ставить и решать данные вопросы в сравнительно-историческом плане на материале данных, поддающихся статистической обработке.

§ 2. Господский домен и земля держателей в XI—XIII вв.

Теперь уже может считаться общепризнанным, что та или иная структура феодальной вотчины необходимо предполагает определенный способ присоединения прибавочного труда непосредственного производителя, т. е. определенную форму феодальной ренты. Но из этого следует, что удельный вес домениальной земли в вотчине во многом преддрешает характер и форму тех отношений «господства и подчинения», которые должны были складываться в ней в каждом случае, т. е. в конечном счете конкретно-историческую форму феодального производства²². Если под манориализацией деревни понимать процесс становления барщинного поместья, т. е. господского хозяйства, основанного на барщинном труде прикрепленных к земле крестьян²³, то у нас нет лучшего критерия для суждения об интен-

²¹ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 406. Ср. И. Звавич. Классовая природа манориальной юстиции.— Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. III, М., 1929.

²² См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803 сл.

²³ Е. А. Косминский. Английская деревня..., стр. 9, 84.

сивности этого процесса, чем данные о соотношении доменальной и держательской земли в начальный и конечный моменты интересующей нас эпохи. Возникновение домена в лоне крестьянской общины может быть признано поистине *критическим моментом* в ее исторических судьбах²⁴. Но именно поэтому вопрос о соотношении домена и крестьянских держаний приобретает первостепенную важность для выяснения как направления феодальной эволюции деревни, так и правового и социального положения феодально зависимых крестьян.

К счастью, писцовые книги, неизмеримо более близкие к реальной действительности и в силу этого более непосредственно ее отражающие, чем современные им правовые теории, систематически изображают феодальную вотчину разделенной на домен (*terra dominica*) и держания (*terra in tenentibus*)²⁵. Более того, как будто оставаясь глухими к наставлениям ученых юристов²⁶, писцы, как правило, отмечают каждую виргату не только свободной, но и вилланской земли, которая была присоединена к домену, как бы предупреждая тем самым *смешение земель различных юридических титулов*²⁷. Такова была сила реального производственного отношения. Для того чтобы земледелец стал объектом феодальной эксплуатации, его следовало *обеспечить* «держанием» (т. е. прежде всего земельным наделом)²⁸. Однако данные о доменальной и держательской земле в наших источниках хотя и приводятся более или менее систематически, отличаются столь значительной разнохарактерностью, что результаты их сопоставления и сравнения нередко теряют познавательное значение. В самом деле, в ДВ эти данные, как известно, фиксированы в так называемых каруках («пахущих плугах»), являвшихся, как известно, скорее показателем численности рабочего скота в соответствующих частях вотчины, чем реальной протяженности обрабатываемой ими земельной площади (пахоты)²⁹. Но если даже, вслед за П. Г. Виноградовым, допустить, что в «каруках» в ДВ фиксируется более или менее стабильная площадь пахоты³⁰, то и тогда эти данные еще не будут идентичными. В самом деле, уже давно было отмечено, что «доменальные плуги» отнюдь не исчерпывали всю культивируемую площадь домена, значительная часть которого могла обрабатываться при помощи «пахотной барщины» держательских плугов³¹, иначе говоря, что площадь домена была значительно большей по сравнению с фиксированным на нем числом «карук». Это обстоятельство стано-

²⁴ P. Vinogradoff. English Society, p. 353 ff.

²⁵ Термин *dominicum* в наших источниках употребляется в нескольких значениях. Он может означать: а) вотчину, находившуюся в руках данного феодала, в отличие от той, которая субинфеодирована им вассалу (см. *Inquisitio Eliensis*, ed. N. Hamilton, p. 124: «*Abbas Elyensis in Grantebriggescirc in dominico habet IV maucra*»); б) вотчину в целом — в смысле всей территории непосредственного господства, т. е. включая и собственно домен и землю держателей (см. НН, II, 348: «*Iohannes... tenet dominium in Filegrave... unde tenet...*»); в, наконец, в) часть вотчины, находившуюся в непосредственном (хозяйственном) пользовании лорда (ср. *Dialogus de Scaccario*, ed. Ch. Johnson, p. 39: «*Dominica quae propriis sumptibus excoluntur*»).

²⁶ См. выше, стр. 274.

²⁷ Хорошо известны случаи, когда лорд держит землю от своих же «свободных» держателей. Но гораздо более интересны те случаи, когда к домену присоединяются вилланские держатели. См. С. Ram., III, p. 248 (*Graveley*): «...*quinque dimidia virgatas terre de villenagio (!) sunt in manu domini abbatis, tanquam in dominico*». Ср. RH, II, 654 (*Chesterton*): «*Idem Willelmus habet in manu sua [1½] vg terre de villenagio*».

²⁸ См. В. И. Л с п и н. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

²⁹ Весьма отчетливо вскрывается это в ранних описях монастыря Питерборо (начало XII в.). См. *Chr. Petroburgense*, p. 157 (*Kateringes*): «*In dominio curiae sunt III carucae de XXXII bobus*». Ср. H. Leonard. *The Demesne of Glastonbury Abbey*. — *EHR*, 2 ser., v. VI; *idem*. *Domesday Plough-Team*. — *EHR*, v. LX, 1945; p. 217 ff. H. G. Richardson. *The Medieval Plough-Team*. — «*History*», v. XXVI.

³⁰ P. Vinogradoff. English Society, p. 157 ff.

³¹ A. Ballard. *Domesday Inquest*, p. 36. Ср. A. H. Inman. *Domesday and Fendal Statistics*, London, 1900, p. 80.

вится полностью очевидным в экстенгах XII—XIII вв., в которых то и дело встречается формула: «столько-то домениальных плугов совместно с пахотной барщиной виллы достаточны для обработки домена»³². А так как «барщинная повинность» держателей обычно оценивается в тех же плугах, то домен равен числу домениальных плугов плюс рабочее время держательских плугов, затрачиваемое ими на барщине. Итак, читая «*quinque carucis [una] cum consuetudinibus villae possunt lucrari [dominium]. Consuetudo etiam villae aestimatur ad valentiam II carucarum*», мы вправе заключить, что пахоты в домене не на 5, а на 7 плугов³³. С другой стороны, так как держательские плуги заняты значительную часть своего рабочего времени на обработке земли домена, то пахота, выраженная в них («земля держаний»), должна была быть соответственно меньшей по сравнению с пахотной площадью домениальных карук³⁴.

Следовательно, для того чтобы на основе данных DB судить о реальном распределении пахотной площади вотчины между доменом и держателями, необходимо в статистику DB внести значительный корректив в пользу домена³⁵. Само собой разумеется, что величина этого «поправочного коэффициента» в каждом случае должна была бы определяться удельным весом пахотных повинностей держателей в обработке домена. Но последнее остается (для XI в.) полностью неизвестным, поэтому правомернее иметь их в виду, чем пытаться определить количественно³⁶. Естественно, что нас прежде всего интересует эволюция этого соотношения ко времени Эдуарда I. Опись 1279 г. фиксирует домен в каруках или карукатах (что для этого времени уже безразлично), в гайдах и, наконец, в акрах. В первом и втором случаях данные RH могут без всяких оговорок сопоставляться с данными DB, так как они совершенно однородны³⁷. Гораздо труднее решить вопрос о сопоставимости интересующих нас данных, когда домен обозначен в гайдах или акрах. Как было показано выше, во многих случаях гайды XIII в. являются лишь «переводом» карук XI в.³⁸ Однако очень часто в них следует усматривать новую «оценку» домена в других, не совпадающих с карукой «мерах». В этих случаях нас, естественно, преж-

³² См., например, С. Ram., III, p. 282, 293, 305, 320, 330.

³³ Приведем еще один пример; в маноре Sleppe экстенг XIII в. указывает: «*Dominium colivi possunt sufficienter cum tribus carucis propriis et consuetudine carrucarum villae... quae consuetudo ad valentiam trium carucarum aestimatur*». См. С. Ram., III, p. 282. Следовательно, домен здесь равен 6 карукам. Но экстенг этого манора XII в. указывает в домене только 3 каруки и опускает *consuetudo villae*, тем самым сокращая домен на соответствующую величину. Обычно экстенгты указывают лишь собственные каруки вотчинника, скрывая от нас ту часть домена, которая обрабатывалась держателями.

³⁴ Этот факт отчетливо раскрывается при сопоставлении этих величин, если они могут быть переведены в «землемерные единицы». В описи 1086 г. в Colworth значится в домене 2 каруки и у виллагов 2 каруки (DB, I, 211a); в 1279 г. опись указывает здесь в домене 300 акров и у держателей 4 виргаты. Таким образом, «домениальная карука» равнялась 150, а «держательская» — 60 акров (RH, II, 324). Вот еще более поучительный пример: опись манора Dokeworth в 1086 г. указывает: D-1 с (2 с), t—2с, т. е. соотношение домениальных и держательских плугов 3:2. RH фиксирует это соотношение 4:2 в пользу домена. При этом, однако, держательская земля осталась незатронутой (DBI, 196a; RH, II, 580).

³⁵ Инман («*Domesday and Feudal Statistics*», p. 86), например, предлагает поправку в пользу домена в 10% от числа домениальных карук. Нам же эта поправка представляется для изучаемого района явно недостаточной. Ср. I. Miller. *The Addey and Bishopric of Ely*, p.

³⁶ С. Ram., III, p. 241: «*quinque hidae sunt in dominio et due carucaae*».

³⁷ См. Введение. В таких случаях оценка домена 1279 г. не только в точности совпадает с оценкой его в DB, но и специально оговаривается, что эта земля никогда не облагалась, т. е. не была оценена в гайдах: «*nec est, nec fuit hidata*» (RH, II, passim).

³⁸ См. Введение. О том, что такие «гайды» и в XIII в. ничего общего не имеют с «мерой» того же названия, свидетельствует обычное замечание писца: «*in dominio I hida]... hesciunt quot virgatas continet illa hyda neque quot acras virgata*» (С. Ram., III, p. 47).

де всего интересует, отражают ли эти расхождения в оценке домена действительные изменения его площади, происшедшие между 1086 и 1279 гг., или только создают видимость таковых (благодаря разнородности оценок).

Возьмем для примера сравнительные данные для виллы Great Abington. Согласно DB (I, 199 b) в домене насчитывалось 3 каруки и у держателей — 5 карук. Таким образом, соотношение интересующих нас здесь категорий земель выражается для 1086 г. как 3 : 5. RH (II, 422) фиксируют в домене 500 акров земли и у держателей — 427. Итак, перед нами новое отношение указанных величин, приблизительно выражающееся: 5 : 4. Однако трудно было бы настаивать на одном из двух возможных объяснений³⁹. Точно так же в маноре Sawston фиксировано в 1086 г. 1 карука в домене и 2 — у держателей DB (I, 193a), т. е. их отношение выражалось как 1 : 2. RH (II, 575) обнаруживают — в домене этой вотчины 160 акров, и 172 — у держателей. Новое соотношение этих величин выражается уже как 1 : 1. Наконец, в вотчине Camps в 1086 г. было фиксировано 11 плугов: 4 — в домене и 7 — у держателей DB (I, 199 b). В 1279 г. в домене этой вотчины числилось 740 акров, а у держателей может быть подсчитано 520 акров RH (II, 424). Следовательно, соотношение этих величин почти обратное тому, которое вырисовывается из данных DB. Однако и в этих случаях трудно сказать, что скрывается за этим новым соотношением. Наконец, наши данные обнаруживают, что реальная «протяженность», «пахотная способность» каруки доменальной и держательской весьма варьировала. Приведем примеры:

Вилла	Домен ⁴⁰		Держательская земля	
	1086 г.	1279 г.	1086 г.	1279 г.
Cottenham	1 с (1 с)	2 Н	6 с	389 а
»	1 с (1 с)	2 Н	6 с	2 Н
Childerley	1 с	3 vg 12 а	4 с	3 II 24 а
Westwick	1,5 с	4,5 vg	1,5 с	3 vg
Rampton	2 с (1 с)	2,5 Н	3 с	3 Н
Hokinton	2 с	Не указано	6 с	600 а
Stanton	2 с	240 а	3 с	308 а
Croxton	1 с	116 а	3,5 с	52 а
Kingston	2 с	280 а	5,5 с	670 а
Burwell	2 с	Не указано	3 с	357 а
Kennett	5 с	620 а	5 с	459 а
Whittlesford	2 с	2 II 57 а	9 с	9 Н 16 а
Thriplow	3 с	360 а	5 с	640 а
Fowlmere	2,5 с	360 а	8,5 с	870 а
Hauxston	4 с	400 а	8 с	546 а

Мы же исходили при переводах одних «мер» в другие из фискального стандарта карукаты (1 с = 8 b × 15 а = 120 а), который может быть признан лишь близким к средней величине. Следует подчеркнуть, что если случаи разнородности «оценок» домена в DB и RH составляют в нашем материале совершенно незначительный процент (в сумме использованных

³⁹ Т. е. имело ли здесь место действительное перераспределение земли между доменом и держателями, или же сказалась всего лишь разнохарактерность данных сопоставляемых источников.

⁴⁰ Легко убедиться, что «протяженность» каруки варьировала не только между доменом и вилланскими держаниями, но и от домена к домену. Так, в вилле Clapham доменальная карука «содержит» 120 а (RH, II, 321), в вилле Milton Ernest — 160 а (RH, II, 322), в вилле La Leye — 100 а (RH, II, 325), в вилле Podington — всего 60 а (RH, II, 328).

данных), то при сопоставлении площади держаний по описям 1086 и 1279 г. такие случаи уже абсолютно преобладают. Именно поэтому приходится сопоставлять удельный вес исследуемых частей манора не в абсолютных числах, а в процентном отношении соответствующих величин в рамках каждого хронологического «разреза». К тому же мы также не можем игнорировать и вопрос о том, насколько стабильной была в той или иной вотчине пахотная площадь, поскольку позднейшие расписки пови обычно не всегда оговариваются в описях, а просто включаются в опись наряду с «изначальной» площадью вотчины⁴¹.

До сих пор речь шла о трудностях, возникающих при сопоставлении землемерных единиц наших источников. Но, кроме этого, имеются трудности, преодолевающиеся либо еще более обходными путями, либо остающиеся непреодоленными. Так, в DB мелкие вотчины описываются зачастую таким образом, что вопрос о соотношении домена и держаний остается без ответа. Вместо раздельного перечня числа домениальных и держательских карук мы в этих случаях находим формулу: *A carucac, et ibi sunt B villani et C bordariis*. С другой стороны, в RH данные о величине домена зачастую отсутствуют не только для отдельных вотчин, но и для целых сотен⁴². Но далее, в RH не всегда легко решить, какая земля в том или ином маноре является доменом и какая — держаниями. Если в виллах с *устоявшейся* манориальной структурой домен успел приобрести столь нерушимые юридически границы, что он изображается как величина постоянная на протяжении веков, более того, писцы 1279 г. видят в нем *единственную часть* манориальной площади, к которой вообще применим термин *terra dominica*, то в виллах с незавершенным к 1086 г. процессом манориализации, где домены возникли сравнительно поздно и к тому же сплошь и рядом незначительны по своим размерам, писцы 1279 г. вовсе не обнаруживают доменов, и вся земля в их изображении оказывается поделенной только на держания. Не трудно, однако, заметить, что такая чисто юридическая интерпретация термина *dominicum*, принятая в описях 1279 г., находится в очевидном противоречии с реальной действительностью, ибо она игнорирует все последствия позднейшей социальной эволюции виллы; в ней совершенно не отражается социально-экономическое существо множества владельческих комплексов поздней формации. В самом деле, если стать на юридическую точку зрения, описи 1279 г. принимают довольно стройный вид и, за небольшими исключениями, могут быть приняты за позднейшие версии DB. В итоге окажется, что двухвековой период, разделяющий источники, прошел совершенно бесследно для манориальной структуры — она как бы навсегда застыла в однажды отлившейся форме.

Для того чтобы сделать эту опасность очевидной, приведем ряд примеров, почерпнутых из описей Оксфордшира (см. стр. 287).

Таким образом, в $\frac{2}{3}$ всех учтенных здесь случаев площадь домена, рассматриваемого «с традиционно-манориальной» точки зрения, осталась без изменений и лишь в третьей части их наблюдаются изменения в сторону увеличения или уменьшения домена, впрочем, весьма незначительные, чтобы сколько-нибудь серьезно нарушить схему, восходящую к DB. Следовательно, в этом случае нам не оставалось ничего другого, как признать, что структура вотчин между 1086 и 1279 г. осталась без существенных изменений. Иными словами: пока мы опираемся в нашем анализе соотношения домена и держаний на терминологию RH, мы не в состоянии вскрыть какие-либо существенные сдвиги в структуре вотчин. И если в этой традиционности и устойчивости внутривотчинных поземельных отношений мы получаем несомненное свидетельство, с одной стороны, тому,

⁴¹ Ср. In m a n. Domesday and Feudal Statistics, p. 51.

⁴² Так, например, мы не найдем их в 5 кембриджширских сотнях: Flendish, Staine, Stow, Wetherley, Staploe.

Сотня	Домен остался без изменений			Домен увеличился			Домен сократился		
	Вилла	1086 г.	1279 г.	Вилла	1086 г.	1279 г.	Вилла	1086 г.	1279 г.
Bullington	Stanton	3 c	3 c	Codesdon	4 c	6 c	Hedington	6 c	4 c
	Ambrosden . . .	2 c	2 c	Elsfield	3 c	4 c			
	Beckley	2 c	2 c	Waterperry	1 c	2 c			
	Combe	2 c	2 c						
	Halveton	2 c	2 c						
	Cowley	2 c	2 H						
	Waterperry . . .	3 c	(2c—4 vg)						
Chadlington	Rollright	2 c	2 H	Suncbroc	1 c	2 c	Spelshurye	4 c	3 c
	Chesterton	2 c	2 c						
	Kingham	4 c	4 c						
	Chadlington . . .	3 c	(1 c—2 c)						
	Minster	3 c	3 c						
	Chadlington . . .	2 c	2 H						
	Lyneham	4 c	(2 H — 2 H)						
	Haythrop	2 c	8 vg						
	Churchill	3 c	3						
Wootton	Handborough . .	2 c	2 c	Alwoldesbe- rie Bampton	1 c	2 c	Westwelle	5 c	2 c
	Cogges	2 c	2 c	Norton	2 c	3 c	Ylford	2 c	1 c
	Aston North . . .	3 c	3 c		5 c	(2c—2c— 2 c)			
	Jackley	4 c	(2 c—2 c)						
	Cassington	2 c	2 c						
Ploughley	Fritwell	2 c	2 c	Weston	4 c	5 c	Hampt n	3 c	2 c
	Heyford Warren	3 c	(1 c—2 c)	Hegford	3 c	4 c			
	Fringford	2 c	(1H—1 H)	Islip	3 c	4 c			
	Bletchington . .	2 c	2 c						
	Great Milton . .	3 c	3 c						
	Hethe	2 c	2 c						
Finemere	3 c	3 c							
	28 вилл (65,1%)			10 вилл (23,2%)			5 вилл (11,7%)		

что вотчинная структура XIII в. уже была предвосхищена в XI в., а с другой,— тому, что радикальные перемены в структуре английского манора были к концу XIII в. лишь делом далекого будущего, лежали еще впереди, то вместе с тем они служат для нас достаточным предупреждением против формально-юридического подхода к анализу структуры вотчины, принимающего явление за сущность,

На самом деле под покровом этих традиционных поземельных отношений и освящавшего их манориального обычая уже в конце XII в. и в особенности в XIII в. не трудно обнаружить факты, находящиеся с ними в вопиющем противоречии. Наиболее ярким среди них была борьба между лордами и их крепостными и свободными держателями за общинные земли и сервитуты — так называемые ранние огораживания общинных

земель⁴³. Но отвлечемся от общинных угодий и перенесем свое внимание на пахотные земли. Разве здесь в течение XII—XIII вв. все оставалось нерушимо? Достаточно вспомнить, сколь интенсивным и массовым было внедрение вотчинников на землю внутриманориального фригольда⁴⁴, а также превращение в домен «земли вилланов», чтобы отбросить навеянные экстендами иллюзии о неподвижности манориального мира. XIII век был, по единодушному мнению всех исследователей, веком *высшего расцвета доменiallyного хозяйства* в Англии. Усилия «хозяйственных лордов» были направлены на расширение доменiallyной запашки⁴⁵. К тому же вотчинники, как известно, могли появляться в деревне не только извне, но и изнутри, из среды крупных фригольдеров, выступавших активными покушниками на земельном рынке. Господские «домены» множатся как за счет распашки нови, так и за счет позднейшей «манорIALIZации» земли держателей⁴⁶. Но самое главное, в чем выражен дух этого времени, это образование множества мелких «доменов» снизу, из тех владений, которые в предыдущую эпоху являлись по своему социально-экономическому существу «держаниями»⁴⁷. Именно домены, образовавшиеся под скромной оболочкой держаний и под видом частных лесов, парков и пастбищ, труднее всего выявить и учесть.

Попробуем представить все эти процессы в виде следующей схемы:

Chesterton	DB, I, 206 a D = 1 c+2 c	RH, II, 554	D = 1 H 1 1/2 vg* D = 1 H 1 1/2 vg 21 a D = 1 1/2 H 2 1/2 vg D = 1 H 1 vg 5 a	
Hemingford	DB, I, 206 b D = 1 c	RH, II, 679	D = 252 a D = 7 vg D = 55 1/2 a	D = 55 a D = 55 a D = 120 a
Thornbury	DB, I, 152 a D = 3 c	RH, II, 350	D = 3H D = 1 c	D = 7 vg D = 6 H
Handborough	DB, I, 159 b D = 2 c	RH, II, 871	D = 2 c D = 2 H 1/2 vg D = 1 H	
Milton	DB, I, 156 b D = 5 c	RH, II, 820	D = 3 c D = 3 c D = ?	D = 3 vg D = 6 vg D = 6 vg
Aston North	DB, I, 156 a D = 3 c	RH, II, 785	D = ? D = 3 H D = 1 H D = 6 vg	D = 1 c

* Так как значительное число из этих «доменов» в RH фигурирует в качестве держаний, то у нас нет никакой уверенности в том, что их владельцы держат всю эту землю в своих руках, а не сдают всю или часть ее в третьи руки.

Подобного рода примеры, которых в нашем материале множество⁴⁸, свидетельствуют о значительных сдвигах в соотношении интересующих нас величин. Тем не менее большинство из них проходит совершенно бесследно для составителей описей 1279 г., а зачастую и для современных исследователей их, — «домениальные» образования сплошь и рядом продолжают фигурировать у них в рубрике «держаний».

Итак, если мы желаем увидеть не мнимую, а действительную картину манориальной эволюции, то это возможно лишь при условии, если мы бу-

⁴³ См. выше, гл. I, § 2.

⁴⁴ См. выше, гл. III, § 3.

⁴⁵ Ср. M. Postan and J. Titow. *Heriots and Prices on Winchester Manors.*—*ESHR*, 2 ser., v. XI, N 3, 1959, p. 409.

⁴⁶ См. *Records of the Templars*, p. 120: *Ex empcione fratrum*.

⁴⁷ См. выше, гл. I, § 3.

⁴⁸ См. там же.

дем понимать под доменом землю, находившуюся в непосредственном обладании вотчинника, независимо от ее размеров и юридического титула. Чтобы убедиться в этом, мы вели подсчеты двумя путями — традиционным и только что указанным. Как уже отмечалось, данные DB преуменьшают реальную площадь домена и преувеличивают удельный вес держаний. Однако мы не стали вносить поправок, так как в RH домен во многих описях не указывается, что должно до известной степени уравновесить пропорции. С другой стороны, в RH многие держания, фиксированные за вотчинниками и поэтому отнесенные к домену, в действительности должны были находиться в руках субдержателей. Это обстоятельство должно было привести к преувеличению удельного веса домена для 1279 г., в особенности в мелких вотчинах. Но и в этом случае пропорции уравновешиваются тем, что и в DB много таких описей, в которых игнорируются держатели и вся земля фиксируется как «домен». Результаты всех этих подсчетов суммированы в табл. 26 и 27. Мы далеки от того, чтобы в какой-либо степени абсолютизировать эти данные, ибо выше было приведено более чем достаточно аргументов против такого подхода к ним. Тем не менее подобного рода данные невозможно добыть из источников других стран западноевропейского средневековья, поэтому, несмотря на все возможные оговорки, они представляются нам поучительными.

Проанализируем каждую из этих таблиц в отдельности. В табл. 26 соотношение между доменом и держаниями дано отдельно для 1086 и 1279 г., причем для 1279 г. приведены два варианта подсчетов. В первом из них (вариант А) в основу подсчетов положена главным образом терминология самого источника, иначе говоря, доменом в этом случае считалась земля, которая обозначена в качестве таковой в RH⁴⁹. Во втором варианте подсчетов (вариант В) к домену, кроме того, относились еще те фригольд-держания, которые фиксированы за держателями-вотчинниками (безразлично, церковными или светскими) и в то же время не указано, что они сдаются в третьи руки. Прежде всего остановим свое внимание на удельном весе «домена» в вотчинах изучаемого нами района в 1086 г. Самое примечательное свидетельство этой рубрики табл. 26 заключается в том, что уже в момент DB, когда, по мнению школы П. Г. Виноградова, «манориальная эра лишь начиналась», домен достиг своего классического для западноевропейского средневековья размера⁵⁰, занимая в среднем одну треть пахотной площади вотчины. Оговорки требуют лишь данные для Гентингдоншира и Бедфордшира. В первом случае этот процент значительно ниже (20,2), во втором — значительно выше (42,7) среднего процента для всех графств. Объясняется это просто: в обследованных 4 сотнях Гентингдоншира расположены крупные комплексы церковных владений (Рамзейского, Питерборокского, Торнейского и других монастырей), в которых ввиду значительных пахотных повинностей вилланов *расхождение* между числом «собственных», доменных карук и реальной протяженностью доменной пахоты было *на много большим*, чем где бы то ни было. Поэтому поправочный коэффициент в пользу домена должен был быть именно здесь особенно большим. С другой стороны, высокий удельный вес домена в Бедфордширском фрагменте RH объясняется тем, что в нем преобладают мелкие и мельчайшие вотчины, которые обычно не подразделяются в описи на домен и держания, а фиксируются либо за вотчинником, либо под неопределенной формулой: «terra... carucae... et ibi est».

Сопоставим теперь данные 1086 г. с вариантом А 1279 г. Как уже отмечалось, сравнивать абсолютные числа 1086 и 1279 гг. не представляется возможным ввиду значительной разнородности землемерных единиц,

⁴⁹ Из этого варианта подсчетов нами исключен Кембриджшир, где сведения о домене являются наименее систематическими.

⁵⁰ M. Bloch. La société féodale, p. 367.

Графство, сотня	1086 г.			
	Домен в каруках	%	Держания в каруках	%
Бедфордшир	69	42,7	95	57,3
Бекингемшир				
Mursley	39	37,8	64 ¹ / ₂	62,2
Stodfold	38	39,5	58 ³ / ₂	60,5
Bunstow	33	36,2	58 ¹ / ₂	63,8
Muta	13	25,4	38	74,6
По графству	—	34,7	—	65,3
Оксфордшир				
Chadlington	96	25,2	212 ¹ / ₂	74,8
Thame	34	33,0	69	67,0
Banbury	35	25,1	100	74,9
Lewknor	30	24,7	91	75,3
Ploughley	104	34,2	200	65,8
Bullington	60	29,5	143	70,5
Bampton	69	33,1	139 ¹ / ₂	66,9
Wootton	130 ¹ / ₂	37,2	219 ¹ / ₂	62,8
Langtree	23	29,1	56 ¹ / ₂	70,9
Pyrton	14 ¹ / ₂	24,1	44	75,9
Dorchester	14	35,0	26 ¹ / ₂	65,0
Ewelme	46	31,9	98 ¹ / ₂	68,1
По графству	—	30,3	—	69,7
Гентингдоншир				
Normancross	46	21,3	169 ¹ / ₂	78,7
Toseland	55	26,6	150 ³ / ₄	73,4
Hirstingdon	21 ¹ / ₂	16,9	108	83,1
Leightonstone	60	24,5	184	75,5
По графству	—	20,2	—	79,8
Кембриджшир				
Longstow	39 ¹ / ₂	34,3	75	65,7
Whittlesford	21	30,4	48	69,6
Chesterton	27 ¹ / ₂	42,7	37	57,3
Chilford	40	37,8	75 ⁴ / ₅	62,2
Thriplow	29 ¹ / ₂	31,5	63 ¹ / ₂	68,5
Papworth	25	26,0	71 ¹ / ₂	74,0
По графству	—	33,6	—	66,4
По всему материалу	—	32,3	—	67,7

жательской земли в XI—XIII вв.

1279 г.

Вариант А				Вариант Б			
Домен, учтенный в картах (гайдах)	%	Держания в гайдах	%	Домен фактический в гайдах	%	Держания в гайдах	%
74 ³ / ₄	37,3	124 ¹ / ₂	62,7	99	49,7	100 ¹ / ₄	50,3
27 ¹ / ₂	27,5	71	72,5	44	44,8	54 ¹ / ₂	55,2
31 ¹ / ₄	34,7	60 ¹ / ₄	65,3	49 ¹ / ₄	53,2	42 ³ / ₄	46,8
23 ³ / ₄	33,3	47 ¹ / ₂	66,7	30	42,3	41 ¹ / ₄	57,7
21	44,2	26 ¹ / ₂	55,8	22	46,9	25	53,1
—	34,8	—	65,2	—	46,7	—	53,3
113 ¹ / ₂	34,0	218 ² / ₂	66,0	156	46,9	176	53,1
26 ¹ / ₂	33,6	52	66,4	35 ¹ / ₂	44,8	43	55,2
47 ¹ / ₂	31,8	103	68,2	65 ¹ / ₂	43,3	85	56,7
51 ¹ / ₂	46,9	78 ³ / ₄	53,1	64 ¹ / ₂	49,0	65 ³ / ₄	51,0
100 ³ / ₄	28,5	250 ³ / ₄	71,5	131 ¹ / ₄	37,3	220 ¹ / ₄	62,7
85 ³ / ₄	36,9	144	63,1	111 ¹ / ₂	48,2	118 ¹ / ₄	51,8
80	34,3	153 ¹ / ₄	65,7	92 ¹ / ₂	39,4	140 ³ / ₄	60,6
101 ³ / ₄	28,0	257 ¹ / ₄	72,0	142 ³ / ₄	39,8	216 ¹ / ₄	60,2
28 ¹ / ₄	36,3	49 ¹ / ₄	63,7	47 ¹ / ₄	61,0	30 ¹ / ₄	39,0
30	35,2	55	64,8	40 ¹ / ₄	47,0	44 ³ / ₄	53,0
5	21,0	19 ¹ / ₂	79,0	14 ¹ / ₄	58,3	10	41,7
36 ¹ / ₂	30,0	83 ³ / ₄	70,0	55 ¹ / ₄	45,8	65	54,2
—	33,0	—	67,0	—	46,6	—	53,4
52	30,4	118 ¹ / ₂	69,6	59 ³ / ₄	34,7	110 ³ / ₄	65,3
58 ³ / ₄	40,0	86	60,0	63 ³ / ₄	43,4	81	56,6
52	31,3	114 ¹ / ₄	68,7	65 ³ / ₄	38,4	100 ¹ / ₂	61,6
73 ¹ / ₂	31,0	161 ¹ / ₂	69,0	84 ¹ / ₄	35,7	150 ³ / ₄	64,3
—	33,2	—	65,8	—	38,0	—	62,0
—	—	—	—	8827	53,6	7646	46,4
—	—	—	—	4173	51,4	3961	48,6
—	—	—	—	1615	27,2	4342	72,8
—	—	—	—	8054	58,5	5742	41,5
—	—	—	—	4937	52,5	4483	47,5
—	—	—	—	3109	33,1	6281	66,9
—	—	—	—	—	44,0	—	56,0
—	34,5	—	65,5	—	44,8	—	55,2

в которых выражена земельная площадь в сопоставляемых источниках. Следовательно, единственно возможный путь — сопоставление относительного удельного веса интересующих нас частей вотчин в процентном выражении. Так как вариант *A* подсчетов для 1279 г. основан главным образом на той интерпретации термина «домен», которая принята в самом источнике, то мы заранее должны были ожидать картину почти полной неподвижности в структуре сопоставляемых вотчин. При всех трудностях и туниках средневековой статистики оказалось, что RH удивительно точно копируют DB. Так, удельный вес домена в вотчинах Бекингемшира за два века изменился *лишь на 0,1%* (34,7—34,8), в 12 сотнях Оксфордшира — только на 2,7% (30,3—33,0). Несколько более заметные сдвиги в Бедфордшире и Гентингдоншире (в первом случае в пользу уменьшения удельного веса домена, во втором — в сторону его увеличения) обусловлены стеченной уже ранее специфической вотчин, описанных в этих графствах.

Итак, на массовом материале сложных подсчетов мы получили новое подтверждение того факта, что с юридической точки зрения соотношение основных частей вотчины с конца XI в. по концy XIII в. не претерпело сколько-нибудь заметных сдвигов.

Обратимся теперь к варианту подсчетов *B* и попытаемся выяснить, что нового он дает по сравнению с предыдущим вариантом. Основной вывод, который напрашивается из сопоставления итоговых данных варианта *B* с данными подсчетов по *DB*, заключается в том, что абсолютно во всех графствах удельный вес домена (в социально-экономическом понимании этого термина) значительно увеличился. По Оксфордширу, наиболее полно представленному в наших подсчетах, и Гентингдонширу он увеличился в полтора раза, по Бекингемширу и Кембриджширу — на одну треть по сравнению с 1086 г. В итоге во всех без исключения графствах на домен в 1279 г. приходилось лишь немногим меньше половины площади вотчины. Такого по величине домена и на столь обширной территории в конце XIII в. не знала ни одна другая страна Западной Европы⁵¹. Тем не менее, хотя в отдельных вотчинах, поскольку это явствует из сопоставления наших источников, площадь крестьянской запашки значительно сократилась⁵², в целом же мы не будем далеки от истины, если предположим, что абсолютно подавляющая часть крестьянской земли, фиксированной за «вилланами» в 1086 г., еще находилась в руках крестьян-держателей в 1279 г. Бросающиеся в глаза случаи резкого сокращения крестьянского землевладения в одних вотчинах еще до известной степени уравновешивались: а) случаями обратного характера — значительного сокращения площади доменальной запашки и увеличения за ее счет площади держаний и б) вовлечением под обработку пастбищ, лесов, пустошей и т. д.

Таким образом, данные RH, и тем более DB, представляют собой сплешком неблагоприятный материал, чтобы обращаться к ним в поисках спресов, подобных тем, которые имели место в конце XV и в XVI в. Однако за средними процентами, на которых были основаны предыдущие выводы, не трудно обнаружить значительные колебания в удельном весе домена по отдельным графствам и сотням. Так, например, в Кембриджшире при среднем удельном весе домена в 44% в сотне Chesterion он в 1279 г. составлял только 27,2%, в сотне Papworth — 33,1%, в то же время в сотне Whittlesford он достигал 51,4%, а в сотне Chilford — 58,5%. Такие же колебания в удельном весе домена (вариант подсчетов *B*) отмечаются во всех, без исключения, графствах. Для того чтобы найти объяснение им, мы

⁵¹ The Cambridge Economic History, I, p. 228—229, 267—268, 293—295.

⁵² См. DB, I, 206b (Sawtry): 27 вилланов держали 10 карук. В RH, II, 663 в этой вотчине имелись один лишь коттеры и ни одного надельного крестьянина. Ср. DB, I, 206 a: в Cuddesdon 24 виллана и 12 бордариев держали в 1086 г. 18 карук. В 1279 г. у держателей имелось всего 3 гаиды и 17 виргат земли. Зато домен увеличился более чем в 2½ раза по сравнению с 1086 г.— 10½ Н вместо 4 Н (RH, II, 718).

должны обратиться к табл. 27, где данные источников сгруппированы в зависимости от величины вотчины. Согласно принятой в настоящей работе классификации все изученные вотчины были разделены на 1) крупные (более 1000 а), 2) средние (от 1000 до 500 а) и 3) мелкие (менее 500 а). Для 1279 г. в графе «домен» приводятся две цифры: первая, означающая площадь домена с точки зрения источника, вторая — площадь держаний, отнесенных нами в каждой сотне к домену. Это сделано для того, чтобы удельный вес домена при желании мог быть вычислен в обоих вариантах и чтобы было очевидно, как отражается на статистике принятое нами толкование свидетельств источника. Как и в табл. 26, виргаты и дробные доли карукат XIII в. переводились в гайды (фискального стандарта), за исключением Кембриджшира. Таблица эта представляется нам показательной во многих отношениях. Прежде всего в ней с предельной очевидностью раскрывается определенная функциональная зависимость, существовавшая между удельным весом домена и площадью вотчины в целом, причем *эта зависимость обратно пропорциональная*. Иначе говоря, удельный вес домена увеличивается с уменьшением общей площади вотчины и обратно — уменьшается с ее увеличением. Проиллюстрируем этот факт сначала при помощи данных 1086 г.

	Удельный вес домена (в %)		
	в крупной вотчине	в средней вотчине	в мелкой вотчине
Бедфордшир	20,5	35,7	60,6
Бекингемшир	28,7	31,7	50,1
Оксфордшир	25,2	33,8	54,8
Гентингдоншир	19,2	28,9	51,1
Кембриджшир	26,5	34,4	41,5
Средний %	24,0	32,9	51,6

Таким образом, несомненно, что тот или иной удельный вес домена может уже и для 1086 г. рассматриваться в качестве структурной особенности вотчин определенной величины. Столь же отчетливо этот факт устанавливается и на основе данных 1279 г.

	в крупной вотчине	в средней вотчине	в мелкой вотчине
Бедфордшир	26,3	51,2	50,7
Бекингемшир	42,4	43,6	55,9
Оксфордшир	34,5	43,5	56,8
Гентингдоншир	30,9	43,5	63,9
Кембриджшир	28,5	42,7	51,8
Средний %	32,5	44,9	55,8

Но если в 1086 г. уже проявляется та же закономерность, которая определяет одну из важнейших структурных особенностей вотчин XIII в.⁵³, то позволительно спросить, не следует ли тем самым допустить, что, по крайней мере, многие из тех факторов, функцией которых в конечном счете являлась вотчинная структура, были уже палицо в 1086 г. А так как важнейшим среди них был удельный вес барщинных повинностей в обработке домена, то не правомерно ли будет предположить, что *распределение барщинных повинностей* между вотчинами различной величины было в 1086 г. в принципе тем же, что и в 1086 г., иначе говоря, что

⁵³ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 153 и сл.

Сравнительный учетный вес домена в крушках

Графство, сопри- домен в	Крупная почта				Средняя					
	1086 г.		1278 г.		1086 г.					
	домен в крушках	%	домен в гайдах	%	домен в крушках	%	домен в крушках	%		
Бедфордшир	7	20,5	(2 + 1/2)	26,3	7 1/4	73,7	25	35,7	45	64,3
Бекингем- шир	11	37,2	(10 + 3 1/2)	45,0	16 1/2	55,0	18	32,3	37 1/2	67,7
Munsley . . .	4	33,3	(4 + 1)	40,0	7 1/2	60,0	20	37,0	34	63,0
Stodfold . . .	5	21,7	(2 1/2 + 4 1/2)	43,2	9 1/2	56,8	8	26,6	22	73,4
Bunslow . . .	8	22,8	(4 + 1)	41,6	6 3/4	58,4	5	31,2	11	68,8
Muta	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
По графству	—	28,7	—	42,4	—	57,6	—	34,7	—	68,3
Оксфордшир	56	25,1	(36 1/2 + 25)	32,5	103 1/2	67,5	20	37,0	34	63,0
Chaddington	30	34,0	(10 + 4 1/2)	39,8	21 1/2	59,8	7	38,8	11	61,2
Thame	29	25,4	(14 + 4 1/2)	26,0	5 1/2	74,0	6	28,5	15	71,5
Banbury	11	14,1	(13 + 4 1/2)	35,0	32 1/2	65,0	5	25,0	15	75,0
Lewknor	45	27,7	(37 + 6 3/4)	30,1	102 1/2	69,9	29	31,3	63 1/2	68,7
Ploughley . . .	19	20,2	(18 + 4 3/4)	35,4	42 1/2	64,6	27	33,3	54	66,7
Bullington . .	37	27,4	(14 + 1 1/4)	25,8	42 3/4	74,2	19	37,2	31 1/2	62,8
Woolton	45	36,1	(35 1/2 + 8 1/2)	32,8	90	67,2	40	38,4	64	61,6
Lanctove	10	21,7	(7 + 2)	42,8	11 3/4	57,2	7	38,8	11	61,2
Pyrlton	8	32,4	(10 + 2 1/2)	46,3	14 1/2	53,7	4	29,4	9 1/2	70,6
Dorchester . . .	12	20,5	—	46,3	—	—	—	—	—	—
Ewelme	21	25,9	(8 1/2 + 4 1/2)	33,3	26	66,7	16	34,4	30 1/2	65,6
По графству	—	25,2	—	34,5	—	65,5	—	33,8	—	66,2
Гетингфорд- шир	17	15,1	(12 1/2 + 4)	25,3	48 1/2	74,7	21	25,9	60	74,1
Normancross	29 1/2	20,9	(5 + 2 1/2)	36,8	12	63,2	9	26,4	25	73,6
Toseland	22	19,4	(24 + 10)	30,4	77 1/2	69,6	9 1/2	35,4	17	64,6
Hinsington	41	21,8	(38 + 8 1/2)	31,2	102 1/2	68,8	11	28,2	28	71,8
Leightonstone	—	19,2	—	30,9	—	69,1	—	28,9	—	71,1
По графству	—	19,2	—	30,9	—	69,1	—	28,9	—	71,1
Кембридж- шир	31,6	68,4	—	26,5	73,5	—	31,4	—	68,6	
Longslow	17,4	82,6	—	25,5	74,5	—	45,4	—	54,6	
Whitlesford	23,0	77,0	—	14,7	85,3	—	26,1	—	73,9	
Chesleton	34,5	65,5	—	49,6	50,4	—	36,0	—	64,0	
Chilford	28,9	71,1	—	34,2	65,8	—	40,0	—	60,0	
Thriplow	23,7	76,3	—	20,7	79,3	—	27,6	—	72,4	
Рарворث	—	73,5	—	28,5	71,5	—	34,4	—	65,6	
По графству	—	73,5	—	28,5	71,5	—	34,4	—	65,6	
По всему материалу	24,0	76,0	—	32,5	67,5	—	32,9	—	67,1	

Ютчины		1086 г					Мелкие ютчины				
1279 г.		1086 г					1279 г.				
Домен в гайдах	%	Держания в гайдах	%	Домен в каруках	%	Держания в каруках	%	Домен в гайдах	%	Держания в гайдах	%
(14 + 7 ¹ / ₂)	51,2	20 ¹ / ₄	48,8	37	60,6	24	39,4	(58 ³ / ₄ + 16)	50,7	72 ³ / ₄	49,3
(5 ¹ / ₂ + 3)	47,2	10	52,8	10	52,6	9	47,4	(12 + 10)	44,0	28	56,0
(6 ¹ / ₂ + 5)	30,0	17 ¹ / ₂	70,0	14	45,9	18 ¹ / ₂	54,1	(21 ¹ / ₄ + 10 ¹ / ₂)	64,0	18 ⁹ / ₄	36,0
(6 ¹ / ₂ + 3)	52,9	8	47,1	20	51,9	18 ¹ / ₂	48,1	(15 + 8)	60,2	14 ¹ / ₂	39,8
(7 ¹ / ₄ + 1 ¹ / ₂)	44,4	10	55,6	—	—	—	—	(9 ¹ / ₄ + 1 ¹ / ₂)	55,5	7 ⁹ / ₄	44,5
—	43,6	—	56,4	—	50,1	—	49,9	—	55,9	—	44,1
(25 ¹ / ₂ + 4)	39,1	45	60,9	20	65,5	10 ¹ / ₂	34,5	(51 ¹ / ₂ + 9 ¹ / ₂)	65,9	31 ¹ / ₂	34,1
(12 ¹ / ₂ —)	50,0	12 ¹ / ₂	50,0	—	—	—	—	(4 + 4 ¹ / ₂)	45,9	10	54,1
(7 + 2 ¹ / ₂)	44,1	12 ¹ / ₄	55,9	—	—	—	—	(26 ¹ / ₂ + 11 ¹ / ₄)	64,4	21 ¹ / ₄	35,6
(14 + 1 ¹ / ₂)	39,4	23	60,6	14	60,8	9	39,2	(24 ¹ / ₂ + 4 ¹ / ₂)	69,0	12 ⁹ / ₄	31,0
(31 ¹ / ₂ + 12)	38,4	69 ¹ / ₄	61,6	30	50,0	20	50,0	(32 ¹ / ₄ + 11 ⁹ / ₄)	47,3	48 ¹ / ₄	52,7
(19 ¹ / ₂ + 7 ¹ / ₂)	40,3	37 ¹ / ₄	59,7	14	50,0	14	50,0	(48 ¹ / ₄ + 10 ¹ / ₂)	58,7	41 ⁵ / ₄	41,3
(27 + 9 ¹ / ₂)	47,7	43 ¹ / ₂	52,3	13	56,5	10	43,5	(39 + 10)	51,5	46 ¹ / ₄	48,5
(32 ¹ / ₄ + 16)	43,2	63	56,8	45	61,2	28 ¹ / ₂	38,8	(36 ¹ / ₂ + 13 ¹ / ₂)	41,6	70 ¹ / ₄	58,4
(8 ⁹ / ₄ + 9)	56,6	14 ¹ / ₂	43,4	6	38,7	9 ¹ / ₂	61,3	(12 ¹ / ₂ + 3)	63,2	9	37,8
(12 ⁹ / ₄ + 5)	49,0	18 ⁹ / ₄	51,0	2 ¹ / ₂	43,6	3 ¹ / ₂	56,4	(7 ¹ / ₄ + 2 ¹ / ₄)	46,5	11 ¹ / ₂	53,5
—	—	—	—	2	57,1	1 ¹ / ₂	42,9	—	—	—	—
(12 + 1 ¹ / ₂)	30,6	20 ¹ / ₄	69,4	11	37,8	8	42,2	(16 + 9 ¹ / ₄)	54,5	21 ⁹ / ₄	45,5
—	43,5	—	56,5	—	54,8	—	45,2	—	56,8	—	43,2
(24 + 8 ¹ / ₂)	45,7	37 ³ / ₄	54,3	8	35,5	14 ¹ / ₂	64,5	(15 ¹ / ₂ + 5 ¹ / ₂)	59,1	14 ¹ / ₂	40,9
(14 ³ / ₄ + 2 ³ / ₄)	40,6	24 ¹ / ₂	59,4	16 ¹ / ₂	51,4	14 ³ / ₄	48,6	(39 + 7 ¹ / ₄)	63,0	37	37,0
(10 + 2 ¹ / ₂)	45,4	15	54,6	—	—	—	—	(18 + 1 ¹ / ₄)	70,3	8	29,7
(12 + 2)	42,4	19	57,6	18	66,6	9	33,4	(23 ¹ / ₂ + 10 ¹ / ₄)	63,2	19 ¹ / ₂	36,8
—	43,5	—	56,5	—	51,1	—	48,9	—	63,9	—	36,1
—	44,7	—	55,3	—	43,1	—	56,9	—	56,3	—	43,7
—	48,1	—	51,9	—	37,6	—	62,4	—	53,8	—	46,2
—	32,0	—	68,0	—	57,0	—	43,0	—	34,3	—	65,7
—	55,1	—	44,9	—	47,6	—	52,4	—	64,4	—	35,6
—	33,4	—	66,6	—	41,6	—	58,4	—	57,6	—	42,4
—	33,0	—	67,0	—	22,1	—	77,9	—	44,4	—	55,6
—	42,7	—	57,3	—	41,5	—	58,5	—	51,8	—	48,2
—	44,9	—	55,1	—	51,6	—	48,4	—	55,8	—	44,2

уже в 1086 г. крупная вотчина была гораздо более обеспечена барщинным трудом, чем мелкая?

Имея в виду это обстоятельство, уже не трудно будет объяснить те значительные колебания в удельном весе домена по отдельным сотням, которые отмечены были при анализе табл. 27. Очевидно, что они обуславливались в каждом случае удельным весом вотчин различной величины. Так, на основе одних лишь данных об удельном весе домена можно, не боясь ошибиться, утверждать, что в сотнях Papworth и Chesterton в Кембриджшире удельный вес крупного барщинного манора был сравнительно выше, чем в сотнях Chilford или Longstow того же графства; что в описанном в свитках фрагменте графства Гентингдоншир удельный вес крупной вотчины был в целом значительно выше, чем в Кембриджшире и Бедфордшире, а внутри Гентингдоншира удельный вес крупного барщинного манора в сотне Normancross был выше, чем в сотне Toseland и т. д.

Но продолжим наш анализ табл. 27. Выясним, как же в вотчинах различной величины удельный вес домена в 1279 г. относится к удельному весу его в 1086 г., в каком направлении происходили перемены, с этой точки зрения, в вотчинах крупных, средних и мелких. Ответить на этот вопрос так, чтобы не осталась скрытой вся сложность действительности, можно лишь в виде сопоставления разницы в удельном весе домена в пахотной площади манора по отдельным сотням (см. табл. 27-а).

Несмотря на многочисленные отклонения, в которых сказались как локальная специфика, так и степень пригодности соответствующих описей для статистической обработки, ведущая тенденция эволюции все же пробивается наружу, и с тем большей силой, чем большим было число слабеющих, а значит, и степень нейтрализации антициклических и противоречивых случаев. Факты сокращения, как и увеличения удельного веса домена между 1086 и 1279 гг. могут быть отмечены во всех типах вотчин. Тем не менее очевидно, что, вопреки такого рода колебаниям, *удельный вес домена возрос к 1279 г. по всем трем типам сотен*. В этом находит свое статистическое подтверждение тот факт, что XIII век был временем высшего расцвета доменального хозяйства в среднеанглийских графствах и, следовательно, что интенсификация барщинной системы была для вотчинников наиболее острой проблемой манориального хозяйства. Второе по своей важности наблюдение, которое может быть сделано на основе сопоставления данных табл. 27, заключается в том, что *удельный вес домена увеличился наиболее интенсивно в мелких и средних вотчинах* и оказался более стабильным в крупных вотчинах. В самом деле, при среднем проценте роста удельного веса домена в 12,5% (к прежней площади), крупные вотчины обнаруживают в Бедфордшире рост домена на 5,8%, средние же вотчины — на 15,5%; в Бекингемшире удельный вес домена в крупной вотчине возрос на 13,7%, в мелкой же вотчине — на 18,3%; в Гентингдоншире соответственно на 11,7 и на 25,6% и т. д. Достаточно сказать, что в целом ряде сотен домен в мелкой вотчине, как и сама эта вотчина, является новообразованием XII—XIII вв. (ср. сотни Thame и Vanbury в Оксфордшире, Mula в Бекингемшире, Hirstingdon в Гентингдоншире).

Поскольку же мелкая и средняя вотчина по преимуществу — светские владения, а крупная вотчина была (изначально) преобладающей формой церковного землевладения, то только что выявленные различия в эволюции домена в крупных и мелких вотчинах могут быть выражены и другим образом: удельный вес «домена» увеличивался гораздо интенсивнее на светской земле, чем в церковных владениях. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать результаты соответствующих подсчетов по Кембриджширу (см. табл. 27-б).

Итоговые данные табл. 27-б не очень рельефно оттеняют интересующую нас специфику. Однако, несмотря на ряд затемняющих картину моментов, эти данные обнаруживают указанные выше различия в удельном

Сдвиги в сторону увеличения (+) или уменьшения (-) в %

Графство, сотня	Крупная вотчина	Средняя вотчина	Мелкая вотчина
Бедфордшир	+5,8	+15,5	-9,9
Бекингемшир			
Mursley	+7,2	+14,9	-8,6
Stodfold	+6,7	-7,0	+8,1
Bunstow	+21,5	+26,3	+8,3
Mula	+18,8	+13,2	+100,0
По графству	+13,7	+11,9	+18,3
Оксфордшир			
Chadlington	+7,4	+2,1	+0,4
Thame	+6,2	+12,8	+100,0
Banbury	+0,6	+15,6	+100,0
Lewknor	+15,9	+14,4	+9,0
Ploughley	+2,4	+7,1	-12,7
Bullington	+15,2	+7,0	+8,7
Bampton	-1,6	+10,5	-5,0
Wootton	-3,3	+4,8	-20,4
Langtree	+21,1	+17,8	+1,9
Pyrtton	+25,8	+19,6	+2,9
Ewelme	+7,4	-3,8	-3,3
По графству	+9,3	+9,7	+11,0
Гентингдоншир			
Normancross	+10,2	+19,8	+23,6
Toseland	+15,9	+14,2	+11,6
Leightonstone	+9,4	-3,0	-3,4
Hirstingdon	+11,0	+5,0	+100,0
По графству	+11,7	+14,6	+25,6
Кембриджшир			
Longstow	-4,9	+13,3	+13,2
Whittlesford	+8,1	+2,7	+5,6
Chesterton	-8,3	+5,9	-22,7
Chilford	+15,1	+19,1	+16,8
Thriplow	+5,3	-6,6	+16,0
Parworth	-3,0	-15,4	+22,3
По графству	+2,0	+8,3	+10,3
По всему материалу	+8,5	+12,0	+11,2

весе на светской и церковной земле, в особенности для 1086 г. Так, например, в сотне Chesterton, где последняя абсолютно преобладала, домен составлял только 24% пахотной площади церковных вотчин вместо 40% на светской земле. Не менее характерны данные по сотне Parworth, являвшейся гнездом кембриджширских владений Рамзейского монастыря: на церковной земле домен составлял только $\frac{1}{5}$ пахоты вместо $\frac{1}{3}$ в светских

**Соотношение домена и держательской земли в светских и церковных вотчинах
Кембриджшира по ДВ и РН**

Сотня	1086 г.				1279 г.			
	Площадь домена, каруки	%	Площадь держаний, каруки	%	Площадь домена, акры	%	Площадь держаний, акры	%
А. Светское землевладение								
Longstow	33,5	34,0	64	66,0	4429	40,3	6547	59,7
Whittlesford	20	30,3	46	69,7	2093	45,5	2500	54,5
Chilford	7,5	40,0	11	60,0	867	32,7	1777	67,3
Thriplow	36	38,4	57,6	61,6	6886	56,9	5215	43,4
Papworth	15,5	31,0	34,5	59,0	2783	50,7	2745	49,3
По графству		31,0		69,0		35,0		65,0
Б. Церковное землевладение								
Longstow	5	33,3	10	66,7	3225	60,0	2230	40,0
Whittlesford	1	33,3	2	66,7	1868	52,8	1673	47,2
Chesterton	7	24,1	22	75,2	748	22,7	2535	77,3
Ghilford	4	33,3	8	68,7	1168	70,0	497	30,0
Thriplow	12	30,8	27	69,2	1700	43,6	2100	56,4
Papworth	10	21,0	37,5	79,0	1284	30,1	2995	69,2
По графству		29,3		70,7		46,5		53,5

владениях. Данные 1086 г. свидетельствуют о том, что удельный вес домена на церковной земле был в общем несколько ниже, чем на светской. Эти структурные особенности церковного землевладения определенным образом сглажены в средних процентах для 1279 г. Дело в том, что для этого года необходимо различать собственно церковные земли и такие, в которые церковь внедрилась лишь после составления ДВ (в результате перехода в ее руки значительной части ранее светских владений). Само собой разумеется, что только первые из них могут свидетельствовать о структурных особенностях церковной вотчины. Так, в сотне Papworth удельный вес церковного домена оказался в 1279 г. выше, чем удельный вес светской. То же мы наблюдаем и в остальных сотнях с высоким процентом церковной земли (Thriplow и Chesterton). Но так как собственно церковному землевладению более всего присущи были черты типического манора и, следовательно, преобладание вилланских держаний в общей площади землевладения крестьян, то мы вправе заключить, что удельный вес площади держания в той или иной вотчине находился в функциональной зависимости от удельного веса в ней вилланских держаний. Чем меньше было в деревне крестьянской «свободы», тем больше у крестьян земли, тем менее вероятно превращение крестьянских наделов в домен. *Вилланство являлось в тех условиях наиболее верной гарантией нерушимой связи земледельца с землей.* Намного отличной оказывается картина в остальных трех сотнях, в которых церковное землевладение возникло сравнительно поздно, за счет владений короны и светских лордов. Естественно, что обнаруживающийся здесь более высокий удельный вес церковного домена вовсе не обусловлен спецификой церковного манора. Иными словами, в росте домена здесь отразился в первую очередь факт расширения церковного землевладения.

Попытаемся подытожить результаты сравнительного анализа данных DV и RH по вопросу о соотношении между площадью домена и землей держаний. В результате двухвековой эволюции феодальной вотчины удельный вес домена возрос настолько, что он приблизился к половине общей площади учтенной пахоты. Интенсивность его роста находилась в обратной пропорции к величине вотчин. Градь между доменальной и держательской землей оказалась наиболее устойчивой в крупном типическом маноре, т. е. в маноре с наиболее развитой барщинной системой, в виллах «первичной», или, что то же, «ранней манориализации». Само крепостничество оказывалось «гарантией» нерушимости известных пропорций между доменом и держателями⁵⁴. С другой стороны, рост свободных элементов в маноре, увеличение площади внутриманориального фригольда и его удельного веса в структуре вотчины приводили к резким сдвигам в соотношении основных ее частей, к сдвигам, сплошь и рядом в ущерб крестьянскому землевладению и в пользу «доменов» новой формации.

§ 3. Эволюция вилланского надела в XI—XIII вв.

Вопрос о вилланском наделе, наряду с вопросом о ренте виллана, является важнейшей проблемой в изучении социальной истории английской деревни. В английской историографии, посвященной ему, как и в большой литературе, посвященной «мансу» («гуфе»)⁵⁵, внимание исследователей было приковано почти исключительно либо к юридической характеристике его, либо к его хозяйственной, или точнее, аграрной (в узком смысле слова) структуре, либо, наконец, к его реальным размерам (в землемерных единицах). Но вопросы, связанные с «наделом» земледельца в XI—XIII вв., изучались, как правило, в полном отрыве от феодального способа производства, от отношений эксплуатации. Характерной особенностью этой литературы является склонность к изображению статических картин. Так, например, вопрос о вилланском «наделе» решался хотя и на разновременных источниках, но совершенно исторически. Держание изображали малоодвижным, а схему держаний совершенно идентичной в разновременных описях. «Виргата» — таково было типическое держание виллана в 1086 г., таким оно осталось и к моменту расследования Эдуарда I в 1279 г. Каждой виргате принадлежит определенная доля в обычных сервитутах. Столь же пропорциональны и повинности, лежащие на этих наделах⁵⁶. Нам представляется, что такое изображение сущности «надела» непосредственного производителя феодального общества в действительности почти полностью обходит ее, ибо «надел» рассматривается вне основного социального отношения эпохи. Проблема «надела» средневекового земледельца может быть разрешена только в том случае, если его рассматривать как историческую категорию, т. е. как факт определенной социально-экономической действительности, только с точки зрения эволюции и обусловивших ее причин. Поэтому нас будет интересовать прежде всего не статика вилланского «надела», а его динамика: как он изменялся на протяжении веков, могут ли быть вскрыты общие основания этих перемен и в чем они заключаются, каковы конечные результаты эволюции вилланского «надела» ко времени условного рубежа в эволюции манориальной системы в Англии — к 1279 г.?

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 248: «Наши рыцари менщанства хотят именно сохранения „связи“ крестьянина с землей, но не хотят крепостного права, которое одно только обеспечивало эту связь...».

⁵⁵ Подробную библиографию см.: G. von Below. Probleme der Wirtschaftsge-schichte. Berlin, 1932; F. Lutge. Hufe und Mansus.— VSWG, XXX, 1937; H. Klein. Hof, Hufe, Vierteläcker.— MÖIG, t. 34, 1952. Ср. Д. Сервайтский. Феодальное землевладение в юго-восточных районах Франции. Канд. дисс. М., 1955.

⁵⁶ P. Vinogradoff. Villainage..., Essay III.

Теоретически вопрос о месте и роли крестьянского «надела» в средние века может быть трактован с двойкой точки зрения: 1) надел как мерило поступательного развития производительности общественного труда и 2) как мерило степени интенсивности феодальной эксплуатации. Так как в наиболее чистом виде роль крестьянского «надела» в эту эпоху вырисовывается лишь в условиях господства отработочной ренты, то и в нашем дальнейшем анализе мы будем исходить из ее особенностей. Это тем более правомерно, что изучаемый нами отрезок времени, несмотря на временные отклонения, был в Англии периодом высшего расцвета именно этой формы ренты.

Тесная взаимосвязь только что указанных аспектов интересующего нас вопроса вполне очевидна. Исторически появлению ренты должна была предшествовать такая ступень в развитии производительности общественного труда, при которой у земледельца проявляется прибавочное время и, следовательно, возможность производить прибавочный продукт, который и присваивается в качестве ренты феодалом⁵⁷. Это бесспорно. Однако с момента появления феодального способа производства и, следовательно, феодальной эксплуатации взаимосвязь между производительностью труда и степенью этой эксплуатации не столь проста и односложна, как это может казаться с первого взгляда. Рост производительности труда и усиление феодальной эксплуатации вовсе не два параллельно идущих процесса, а процессы, тесно переплетающиеся и в известном смысле взаимоопределяющиеся. С наибольшей очевидностью это проявляется в глубокой противоречивости той роли, которую играет в феодальном обществе крепостной «надел». Исходным пунктом в характеристике «надела» средневекового земледельца должна служить его функция в феодальном производственном отношении. С этой точки зрения назначение «надела» — служить полем приложения необходимого труда, источником самостоятельно добываемых производителем жизненных средств, с тем, однако, непременным условием, что «надел» существует лишь для того, чтобы обладатель отдавал (был в состоянии отдавать) «прибавочное время» для дарового труда на феодала, был способен производить феодальную ренту. Обеспечение регулярного производства ее, а не обеспечение жизненных средств земледельца — таково в конечном счете основное предназначение «надела»⁵⁸. Последнее играет служебную роль, полностью подчиненную этой главной цели феодального производства. «Надел» крестьянина — придаток барского двора — по своей производственной функции есть составная часть домена, с юридической точки зрения; органический элемент его — с точки зрения хозяйства; по существу — его маховое колесо. Не надо только забывать, что оно приводится в движение лишь феодальным принуждением. Итак, производительные ресурсы крестьянского двора поставлены на службу домену — они для этого (точнее, поэтому) и существуют. Пределом феодального присвоения этих ресурсов была лишь способность крестьянского двора более или менее регулярно воспроизводить их. Хищнически потребления — в момент наивысшего расцвета манориальной системы — не только прибавочный продукт крестьянского труда, но нередко и часть необходимого труда, в который включаются затраты, предназначенные для воспроизводства хозяйства земледельца, феодальная система подрывает свою собственную базу, ставит предел своему дальнейшему развитию. Если несомненно, что всякая форма феодальной эксплуатации является в известном смысле функцией данной ступени развития производительности труда, то столь же верно и обратное, а именно то, что эта форма эксплуатации оказывает свое активное влияние на развитие производительных сил общества, толкая их до поры до времени вперед вплоть до того уровня, который станет ее собственным отрицанием.

⁵⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803.

⁵⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

Стремление феодалов — с развитием товарно-денежных отношений — к увеличению прибавочного продукта служит в определенное время мощным фактором в процессе возрастания производительности крестьянского хозяйства, этой основы феодального производства. Если рассматривать феодальные отношения с экономической точки зрения, то придется заключить, что чем сильнее (в известных пределах) нажим феодала на земледельца, тем больше напрягается производительность его труда *в течение необходимого рабочего времени*. Крестьянин постоянно стремится не только воспроизвести свою рабочую силу, условия производства, но и элементы его расширения. Этим в конечном итоге и определяется исторически прогрессивный характер феодальной системы. Но *сама возможность* этого напряженного «соревнования» между уровнем «феодальной ренты» и интенсивностью «необходимого труда» земледельца *создана наличием крестьянского «надела»*, делающего *осязательным* необходимым труд, освобождением у все еще лично поработанного труженика «необходимого рабочего времени». Если при рабовладении даже производством рабом собственных жизненных средств, «работа на себя», внешне необходимо принимала форму «прибавочного труда», «работы на господина» (благодаря чему раб в одинаковой мере нерадив на протяжении всего рабочего времени, производительность всех частей его труда — величина неизменная), то при феодализме благодаря наделению земледельца средствами производства, и прежде всего «наделом», эти два вида труда разделены в пространстве и во времени⁵⁹.

При условии, что прибавочный труд количественно *определен* в форме «обычных повинностей», необходимый труд, совершаемый самостоятельно в собственном — во всяком случае фактически — хозяйстве земледельца, ввиду того, что он освобожден от прямого принуждения, оказывается качественно величиной *переменной*. Его производительность возрастает, так как даже видимость работы на себя поощряет земледельца к усиленному напряжению своей рабочей силы. Так образуется разрыв между производительностью труда земледельца, затрачиваемого на феодала, и необходимого труда. Именно в этом последнем и сказывается уровень развития общественного труда, главным образом через него оно и совершается. Вот почему крестьянское хозяйство оказывается в конечном счете носителем прогресса феодальной эпохи, а феодальная рента до поры до времени — его движущей силой. Экономически этот разрыв реализуется в появлении в рамках необходимого рабочего времени так называемого *избыточного* времени, в течение которого производится избыточный продукт — эмбриональная прибыль, не улавливаемая прежним уровнем феодальной ренты и, следовательно, присваиваемая самим земледельцем⁶⁰. Так появляются «закиточные» крепостные.

Следует только помнить, что этот разрыв создается обычно не надолго и, что самое важное, *далеко не во всех имущественных слоях крепостных*. С течением времени степень феодальной эксплуатации не только приводится в соответствие с новым уровнем производительности труда, но зачастую его опережает. *К тому же феодальная рента отнюдь не пропорциональна величине держания: чем ниже имущественная категория вилланов, тем относительно выше норма ренты на единицу держания*⁶¹. Вследствие этого мы наблюдаем не только расцвет, но и в еще большей степени *упадок* средних и в особенности малоземельных прослоек крепостных, *разорение*

⁵⁹ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803—805.

⁶⁰ Там же, стр. 805: «...Всецело от относительных размеров прибавочного или барщинного труда зависят, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшить свое положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования... Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда».

⁶¹ См. ниже, стр. 325, 333.

крестьянских хозяйств. Юридическим положением класса вилланов, в котором фиксировано основное производственное отношение феодализма, объясняются и особенности дифференциации вилланов. Вилланы, во всяком случае пока господствует барщинная система, «отгорожены» (в значительной мере) самим крепостничеством от воздействия стихии развивающегося товарного производства. Очевидно, что основным регулятором их «благополучия» является *интенсивность феодальной эксплуатации*. Дифференциация вилланских «наделов» оказывается прямым результатом целенаправленной сеньориальной политики. Число «полнонаделных», «полунаделных» и т. д. в каждой вотчине определяется в первую очередь хозяйственными потребностями домена, т. е. характером требуемых с них повинностей. Соотношение этих категорий держателей может, следовательно, служить свидетельством характера манориальной экономики, направления ее развития. Если в «исходный» момент в развитии барщинной системы «надел» виллана был в известной мере мерилом производительной силы его необходимого рабочего времени, то с развитием этой системы размер надела все более свидетельствует уже о степени феодальной эксплуатации, причем в обратной пропорции. Так как прибавочный труд крепостного — труд подневольный, то его производительность не может быть сколько-нибудь повышена даже самыми суровыми средствами принуждения. Следовательно, для увеличения степени этой эксплуатации открыт лишь единственный путь — воспользоваться ростом производительности необходимого труда крепостного, присваивая образовавшийся в крестьянском хозяйстве избыточный продукт, производимый в рамках необходимого рабочего времени. Но ввиду того, что величина ренты фиксируется в обычае, ломка которого встречает каждый раз сопротивление крепостных, важнейшим средством увеличения феодальной ренты являлось сокращение вилланского надела: чем меньше надел, тем пропорционально выше совокупная масса ренты. Эта цель была тем более легко достижима, что величина надела фиксировалась в единицах скорее номинальных, чем реальных. Как будет показано ниже, «полный надел», «половинный надел» и т. д. выражали не какую-либо реальную величину (в землемерных единицах), а лишь сеньориальное мерило повинностей, являвшихся величиной переменной. Рост феодальной эксплуатации совершался прежде всего путем периодических переделов «изначальных» дворов с целью увеличения числа держаний и, следовательно, общей суммы ренты. Но если это так, то дифференциация вилланства в каждый данный момент должна быть признана в значительной мере лишь функцией этого отношения и вместе с тем лучшим критерием для суждения о его динамике.

* * *

Приступая к исследованию тех сдвигов, которые произошли в распределении земли в среде вилланов между 1086 и 1279 гг., мы должны полностью отдать себе отчет в неоднократно уже отмечавшейся разнохарактерности терминологии и статистики наших источников. Начать с того, что в ДВ земля вилланов исчисляется в каруках, в то время как в РН она фиксирована в виргатах и акрах. Следовательно, возникает необходимость установить *отношение* одних «мер» к другим. Выше уже было отмечено (см. стр. 285), что держательская карука, как правило, меньше по своей реальной протяженности домениальной каруки. Теперь же необходимо установить, допустимо ли вообще, поскольку речь идет о держательской каруке, руководствоваться фискальным стандартом: 1 карука = 4 виргатам = 120 акрам⁶². Естественно, что ответ на этот вопрос могут дать

⁶² См. Inq. Eliensis (ed. N. Hamilton), p. 112 (Wivelingham): «Tenet unus socher [annus]... unam virgatum, duobus bodus ibi est terra».

только те описи XIII в., в которых общая оценка земли манора и его отдельных частей не изменилась по сравнению с XI в. Вот результат некоторых параллелей (табл. 28).

Таблица 28

Величина держательской каруки 1086 г. в гайдах 1279 г.

Графство, манор*	Домен в каруках, гайдах и ее компонентах	Держания в каруках, гайдах и ее компонентах	Соотношение между «держательской» карукой и гайдой
Кембриджшир Cilderlay (Minor)	DB: 1 с	1 с (1/2)	1 с — 1 Н
	RH: 1 Н	1 1/2 Н	
Cotenham	DB: 1 с (1 с)	6 с	1 с — 1/2 Н
	RH: 2 Н	3 Н	
Triplaw	DB: 3 с	5 с	1 с — 72 а
	RH: 3 Н	360 а	
Wittlesford	DB: 2 с	9 с	1 с — 1 Н
	RH: 2 Н	9 Н	
Гентингдоншир Broctun	DB: 4 с	10 с	1 с — 4 vg
	RH: 4 с	40 vg	
Wardebusc	DB: 3 с	16 с	1 с — 3 vg
	RH: 3 с	48 vg	
Buchesword	DB: 2 с	10 с	1 с — 3,2 vg
	RH: 2 с	32 vg	
Alwaltun	DB: 2 с	7 с	1 с — 3 vg
	RH: 2 Н	21 vg	
Hemingsford	DB: 2 с	8 с	1 с — 4 vg
	RH: 240 а	32 vg	
Бекингемшир Hocheston	DB: 2 с	8 с	1 с — 3,5 vg
	RH: 2 Н	7 Н	
Landport	DB: 1 с	1 с (1 с)	1 с — 4 vg
	RH: 4 vg	8 vg	
Оксфордшир Cercelle	DB: 3 с	9 с	1 с — 3 vg
	RH: 3 с	27 vg	
Blechesham	DB: 2 с	3 с	1 с — 3 vg
	RH: 2 с	9 vg	
Cestreton	DB: 2 с	10 с	1 с — 3,6 vg
	RH: 2 с	36 vg	
Caningeham	DB: 4 с	12 с	1 с — 3 vg
	RH: 4 с	36 vg	
Midelton	DB: 3 с	13 с	1 с — 2,7 vg
	RH: 3 Н	36 vg	
Esthale	DB: 4 с	9 с	1 с — 2,2 vg
	RH: 4 с	20 vg	

* В таблице названия маноров даны в транскрипции источника.

Таким образом, очевидно, что «протяженность» держательской каруки могла варьировать от 2 до 4 виргат. Мы же во всех подсчетах, касающихся вилланской земли, исходили из фискального стандарта — 4 виргаты, что должно было иметь своим результатом несомненное преувеличение земельной обеспеченности вилланов DB. Но это преувеличение было более чем скорректировано при решении вопроса о том, как распределялась в 1086 г. держательская земля между отдельными категориями держателей. Глав-

лая трудность здесь заключается в том, что, как правило, число держателей карук фиксируется в DB не для какой-либо отдельной категории держателей, а суммарно, для всех держателей данного манора вместе ⁶³. Поэтому мы не только остаемся в неведении относительно того, как распределялись «папущие плуги», а следовательно, и пахота среди вилланов той или иной вотчины, но сплошь и рядом мы даже не знаем, сколько плугов приходилось собственно на «вилланов», так как наряду с ними, за редким исключением, в каждом маноре значатся еще бордарии, иногда же коттеры ⁶⁴, сокмены ⁶⁵ и свободные (DB, I, 204 a). Эти трудности столь велики, что английский исследователь имущественного положения вилланов в 1086 г. Р. Леннард отказался от подсчетов по такого рода комбинированным описям, справедливо отдав предпочтение тем описям, в которых фигурирует лишь один разряд держателей ⁶⁶. И хотя его подсчеты оказались выборочными, они охватили большинство графств. У нас же нет выбора — пределы изучаемого района диктуют нам необходимость обработки всех данных DB, абсолютное большинство которых фиксировано в виде комбинированных описей.

Таким образом, решение вопроса об имущественном расслоении держателей во время составления DB зависит от того, будем ли мы считать бордариев — этот второй (после вилланов) по своей численности «класс» держателей времени DB — всегда идентичными коттерам ⁶⁷, исключая их тем самым из числа совладельцев плуговых упряжек ⁶⁸, или же мы будем усматривать в них, хотя и отличную от вилланов, категорию держателей пахотных наделов. В последнем случае мы оказываемся перед очередным неизвестным: какой пахотный надел можно считать типическим для бордарии изучаемого района, иначе говоря, на какую долю следует уменьшить в каждой «комбинированной описи» число держательских карук, чтобы получить число собственно вилланских карук?

Специальное исследование вопроса ⁶⁹ показало, что бордарии по своему имущественному облику были весьма пестрой массой, что их держания по своему размеру могли широко варьировать между коттерской усадьбой на одном полюсе и полувирагой — на другом ⁷⁰. Обычно же — это держание, приближающееся к фердею в 8—10 акров. На этой основе мы каждого бордария «наделяли» $\frac{1}{8}$ каруки — «землей одного вола». Соответственно число «вилланских карук» в каждом маноре равняется числу держательских карук минус число волов, определяющееся числом бордариев, фиксированных (в 1086 г.) в вотчине. Но так как среди бордариев существовала и прослойка типа коттеров, не державших пахотных наделов, то папи подсчеты должны в конечном счете преуменьшить «площадь» вилланской земли, фиксированной в данных DB. Но тем более поучительными должны быть поэтому результаты сопоставления среднего размера вилланских наделов в 1086 и 1279 гг. Таким образом, поскольку это относится к XI в., мы в лучшем случае сможем обнаружить среднее число «волово», которое

⁶³ Обычная опись составлена по формуле «X villani et Y bordarii cum Z carucis».

⁶⁴ Особенно в Кембриджшире. См. DB, I, 194 a: «In Basingburne... VIII villani XI bordarii et X cotarii cum XI carucis».

⁶⁵ DB, I, 199 a: «...Ibi VI sochemanni et VIII villani et III bordarii et III servi [cum VIII carucis]».

⁶⁶ См. R. Lennard. The Economic Position of Domesday Villani.— «Econ. Journal», v. LVI; idem. Rural England, p. 351.

⁶⁷ Cp. P. W. Maitland. DB and Beyond, p. 4; P. Vinogradoff. English Society, p. 458.

⁶⁸ И. Гранат. К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии, стр. 18. Cp. ICC, p. 61: «XI caruce villanis. VIII villani X bordarii et X cotarii cum suis ortis».

⁶⁹ См. нашу статью «Кто такие „бордарии“? Книга Страшного Суда?» — Сб. «Средние века», вып. IV. Cp. R. Lennard. Rural England, p. 345.

⁷⁰ См. Inq. Eliensis, p. 103: «In Horningseye... XIII bordarii de suis otis»; DB, I, 205 a — RH, II, 647: Neweton: 1086—16v—5B—5c; 1279—16v—1vg; 5v— $\frac{1}{2}$ vg, cp. DB, I, 191 a.

в том или ином маноре приходится на одного виллана, а не действительное их распределение между последними.

Трудно сказать, насколько такая статистика средних величин затемняет действительную картину деревни XI в. В одних случаях, особенно в вотчинах «ранней манориализации», вилланские наделы уже в DB выступают как равновеликие⁷¹. Этот факт наглядно проявляется также и в тех описях, в которых число карук (опуская бордарисв) делится без остатка на число вилланов. Приведем в качестве примера ряд маноров.

Stukley	6 «пругов»	× 8 «волово»	= 48 : 16 «вилланов»	= 3 «вола»
Broughton	10 »	× 8 »	= 80 : 20 »	= 4 »
Spaldwick	25 »	× 8 »	= 200 : 50 »	= 4 »
Buckworth	10 »	× 8 »	= 80 : 16 »	= 5 »
Sibeston	1 »	× 8 »	= 8 : 4 »	= 2 »
Connington	13 »	× 8 »	= 104 : 26 »	= 4 »
Woodstone	4 »	× 8 »	= 32 : 16 »	= 2 »
Stanground	8 »	× 8 »	= 64 : 16 »	= 4 »
Hemmingford	3 »	× 8 »	= 24 : 8 »	= 3 »
Stodfold	5 »	× 8 »	= 40 : 10 »	= 4 »

Даже в тех случаях, когда вилланы выступают дифференцированно (по размеру держания), дифференциация эта типично крепостническая — различаются имущественные *разряды вилланов*, но не отдельные вилланы⁷². Нам представляется, что, поскольку речь идет об изучаемых здесь графствах, правомерно заключить, что данные о *средних размерах вилланских держаний* в преобладающем большинстве вотчин приблизительно отражают *действительное распределение держательской земли* и, следовательно, имеют бесспорную познавательную ценность.

Конечно, данные RH о распределении среди держателей вилланской земли отличаются неизмеримо большей определенностью. Здесь нет необходимости исходить из средних размеров вилланского держания ввиду того, что имеется полная возможность учесть имущественные различия отдельных групп вилланов внутри каждой вотчины. В общем на основе данных RH может быть нарисована неизмеримо более дифференцированная картина держательской структуры вилланской земли, чем это — после всех манипуляций — позволяют делать данные DB. Однако нельзя думать, что при обработке данных 1279 г. по вопросу о динамике вилланского надела мы не встречаемся ни с какими трудностями. Начать с того, что в ряде вотчин, и даже в целой сотне Dorchester, фиксирована только площадь вилланской земли, но отсутствуют данные о числе вилланов и, следовательно, о том, как эта земля распределялась между ними⁷³. В результате какое-либо сравнение с DB делается в таких случаях невозможным. Далее, наблюдения над RH приводят к убеждению, что не только полезно, но крайне необходимо при выяснении имущественного облика вилланов сопоставить их

⁷¹ См., например:

Fulbrook (DB, I, 158 b) = 22 v — 12 b — 12 c
 (RH, II, 744) = 22 × 1 vg; 5 v × 1/2 vg; 7 v × 6 a
 Crowmarsh (DB, I, 157 a) = 4 v — 7 b — 2 c
 (RH, II, 774) = 4 v × 1 vg; 5 v × 1/2 vg
 Nawton (DB, I, 205a) = 16 v — 5 b — 5 c
 (RH, II, 647) = 16 v × 1 vg; 5 v × 1/2 vg

⁷² Inq. Eliensis (ed. N. Hamilton), p. 116 (Littleport):... XIII villani quisque de novem acre et II villani quisque de XII acre» ibid., p. 117 (Stratham) «...XIII villani quisque de X acre et XI villani de una hida».

⁷³ См. RH, II, 705 (Cropredy): «In villenagio XVII et dimidia virgata terre». Cp. RH, II, 705 (Hardwick); RH, II, 706 (Burton Mayor, Burton Minor).

имена собственные, по крайней мере по описям одной и той же вотчины, а также ряда близлежащих маноров ⁷⁴.

Вилланы часто держат по два надела от одного и того же лорда, а иногда — свободные или вилланские наделы в различных вотчинах. Нам не должны при этом смущать такого рода указания писцов, как «alii villani» или «isti sunt servi», «isti sunt cotarii», так как один и тот же держатель (по крайней мере, судя по имени и прозвищу) может фигурировать в одно и то же время под всеми этими титулами ⁷⁵.

Сопоставление имен коттеров оказывается иногда столь же полезным для выяснения их имущественного облика, как и сопоставление в аналогичных случаях имен вилланов ⁷⁶. Однако во многих описях XIII в. вилланы, и в особенности коттеры, фиксируются лишь в числе, а не поименно ⁷⁷. Поэтому можно допустить, что в этих случаях мы некоторых держателей считаем по несколько раз. Отнюдь не исключено также, что то же «умножение» держателей (по вине источника) должно было иметь место и в подсчетах по DB, которая вообще не содержит поименного перечня держателей манора. А так как нам нужна в первую очередь максимальная точность параллели (по крайней мере, насколько это зависит от счетчика), то и в подсчетах по RH не учитывались случаи повторения в описях одноименных держателей. Наконец, не следует забывать, что и меры, которыми обозначены в RH вилланские наделы, сплошь и рядом лишь их фискальные или сеньориальные оценки, что виргаты и их компоненты (вплоть до акров) — лишь симметрическая «масштабная сетка», наложенная на землю фиском и манориальной администрацией в целях раскладки вилланских повинностей ⁷⁸.

Обратимся теперь к результатам подсчетов, обобщенных в ряде таблиц. Сравнительное изучение держательской структуры вилланской земли мы считаем целесообразным начать не со сплошных подсчетов, а с выборочных, в которые включались только те вотчины, где, ввиду устойчивости их внешних границ, наиболее рельефно обнаруживаются внутриманориальные процессы. С этой целью обратимся к данным табл. 29, которые по числу учтенных в них вотчин могут быть с полным основанием отнесены к массовым подсчетам ⁷⁹. В них суммированы сравнительные данные о величине «средних» вилланских наделов в XI и XIII вв. Обнаруживающиеся из сопоставления этих данных перемены поистине поразительны. В 1086 г. 36,4% вилланов в сопоставленных вотчинах держали еще по половине плуга и более. Даже виллан с карукой не был в те времена редкостью в средне-

⁷⁴ См. RH, II, 824 (Fritwell): в списке «de servis» мы находим: «Margaret Vidua tenet I virgatum terre»; ее же мы обнаруживаем и в списке «de servis» в вотчине Heyford Warin (р. 834) с виргатой вилланской земли. Матильда Vidua держит виргату вилланской земли в маноре Wylaston (RH, II, 824), вторично это же имя и прозвище встречаются нам среди сервов-виргатариев в вотчине Heyford (р. 834) и в третий раз среди сервов-виргатариев вотчины Tursmore (р. 825). Немало таких случаев, когда виллан держал от одного и того же лорда два вилланских надела (см. RH, II, 866, Wootton): Willelmus de London' дважды числится в списке полувиргатариев. В маноре Heche дважды числится в списке виргатариев Hug[onus] Bacheler (RH, II, 837).

⁷⁵ Так, например, в описи манора Scelford Magna мы встречаем Николая Neuton дважды: среди полувиргатариев и среди ферделей (см. RH, II, 544). Вальтер, сын Уильяма, числится в вилле Magna Abington дважды — среди ферделей и среди коттеров (р. 422—423).

⁷⁶ RH, II, 832 (Northbrook): «Rob[ertus] le Frankelayn tenet libere... unam virg. terre et dat scutagium». Ср. RH, II, 833 (Ardul): «Rob[ertus] Le Frankelayn tenet unam virg. [de nativis]»; RH, II, 834 (Godingdon): «Will. Coleman tenet dimidium virg. terre [libere]»; RH, II, 834: «Will. Coleman tenet dim. virg. terre in villenagio».

⁷⁷ RH, II, 668 (Offord Daneys): «Idem Iohannes et Isabelle habent alios [?] XVII villanos... iisdem habent alios IV villanos».

⁷⁸ См. ниже, § 4.

⁷⁹ Так, например, по Оксфордширу в нее включено 144 вотчины, рассеянные по 9 сотням, по Гентингдонширу — 36 вотчин, относящиеся к 3 сотням, и по Бекингемширу — 46 вотчин.

Сравнительное расщепление вилланов по DB и RH (выборочные данные)

Графство, манор	Источник	Число вилланов — держателей наделов размером												
		6 и более «волов»	5—6 «волов»	5 «волов»	4—5 «волов»	4 «вола»	3—4 «вола»	3 «вола»	3—2 «вола»	2 «вола»	1—2 «вола»	1 «вола»	менее 1 «вола»	
Оксфордшир	Bullington	DB	28	20	—	10	33	64	81	19	19	13	—	—
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	240	35	150	—
	Thame	DB	—	—	—	—	24	—	10	—	14	—	—	—
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	48	—	6	—
	Lewknor	DB	26	30	—	—	14	15	16	26	14	—	5	—
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	71	132	4	—
	Wootton	DB	18	—	6	—	102	—	83	20	150	—	32	—
		RH	—	—	—	—	—	—	—	46	105	264	156	—
	Bampton	DB	—	—	—	—	27	52	31	9	32	3	—	—
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	48	53	68	2
	Langtree	DB	6	—	—	—	57	20	13	6	12	—	—	—
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	7	11	78	—
	Ploughley	DB	11	—	15	28	127	39	36	74	19	19	8	—
		RH	—	—	—	—	—	—	—	7	292	259	124	13
Ewelme	DB	13	—	22	—	—	—	50	10	8	12	—	—	
	RH	—	—	—	—	—	—	—	1	101	46	25	—	
Chadlington	DB	51	—	13	—	75	68	147	—	2	14	32	6	
	RH	—	—	—	—	—	—	—	—	278	153	34	2	
Итого	DB	153	50	56	38	459	258	467	164	270	61	77	6	
	RH	—	—	—	—	—	—	—	54	1190	953	645	17	
		14,4%				22,2%	43,2%			13,1%	7,1%			
							1,8%			41,6%	56,6%			
Гептингдоншир	Hirstingdon	DB	—	—	—	—	59	61	16	119	—	26	—	
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	289	73	66	
	Normancross	DB	—	—	—	24	30	26	100	34	20	—	—	
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	15	239	127	
	Toseland	DB	52	—	16	—	11	—	23	26	27	6	8	
		RH	—	—	—	—	—	—	—	—	19	—	190	
Итого	DB	52	—	16	24	150	87	139	179	47	32	8	—	
	RH	—	—	—	—	—	—	—	—	323	312	383	—	
		12,5%				20,4%	56,5%			6,4%	4,2%			
										31,7%	68,3%			
Бекингемшир	DB	7	—	26	—	40	—	26	—	28	16	—	—	
	RH	—	—	—	—	—	—	—	—	53	19	151	8 ^a	
		23,0%				28,0%	26,1%			19,5%	3,4%			
										17,0%	83,0%			

английских графствах (в Оксфордшире, например, 15,0% вилланов имели свыше 4 «волов»), 45% вилланов были держателями наделов в 2—4 «вола». Более $\frac{1}{5}$ всех учтенных в данной таблице наделов превышали землю «двух волов» и только 7,0% этого числа были меньше ее.

Таково было расстояние между «полным» некогда наделом англосаксонского керла в одну гайду и наделом феодално зависимого виллана

1086 г. Прошло еще 200 лет, и это расстояние еще больше увеличилось, так как труд вилланов был уже к этому времени полностью подчинен целям производства феодальной ренты. Это обстоятельство нашло свое отражение в эволюции «типичного» вилланского надела к 1279 г. Только 1,5% общего числа вилланских держаний XIII в. (учтенных в табл. 29) превышали одну виргату, только 37,3% этого числа в среднем равнялись виргате. Зато около $\frac{2}{3}$ вилланских держаний XIII в. были по своим размерам меньше виргаты. Таковы средние цифры по всему материалу. По отдельным же графствам вариации были весьма значительны: в учтенных здесь же гентиндонпирских и бекингемпирских вотчинах не оказалось вилланских держаний больше виргаты. В то же время в Бскингемпире, например, $\frac{4}{5}$ вилланских держаний состояли в 1279 г. из полувиргат и ферделей, тогда как в 1086 г. этого рода держания составляли здесь лишь 3,4% от общего числа.

Обозревая табл. 29 в целом, мы вправе заключить, что *типический надел виллана между 1086 и 1279 гг. сократился без малого в 3 раза*: в 1086 г. он находился на грани «земли 4 волов», а в 1279 г. — на грани полувиргаты. Нужно ли более ясное свидетельство всей глубины падения вилланского статуса, случившегося между 1086 и 1279 гг., более очевидное доказательство успехов процесса манориализации, т. е. в конечном счете степени усиления эксплуатации виллана? Но тем самым тезис о наблюдающейся будто бы на протяжении веков стабильности вотчинных «стандартов» вилланского «надела» опровергается всей массой собранных данных. *Теоретически «застывшее» и «неподвижное» вилланское держание в действительности очень подвижно отражало все повороты в развитии феодальной системы хозяйства.* Случаи устойчивости наделной системы 1086 г. являются в нашем материале буквально единичными. Передвижка земель между вилланскими дворами различных имущественных групп оказывается подчас не менее интенсивной, чем это наблюдается в сфере фригольда, с той только разницей, что она не была результатом игры случая, а плодом целенаправленной сеньориальной политики и хозяйственного расчета манориальной администрации. Способы сокращения вилланского «надела», т. е. изъятия ставших на данной ступени производительности земледельческого труда «излишними» его частей с целью превращения их в новые самостоятельные тяглые единицы, весьма многообразны и не укладываются в какую-либо схему. По-видимому, наиболее часто производился полный или частичный передел вилланской земли между значительно большим числом держателей. Естественно, что результатом этого могло быть только соответствующее сокращение площади «изначальных наделов» виллана в данной вотчине. Однако наиболее примечательным при этом является то, что в таких случаях менялось само представление о «полном наделе» виллана в данной вотчине. Проиллюстрируем этот поистине кардинальный факт социальной истории вилланства данными, сведенными в табл. 30.

При сопоставлении числа держательских карук в 1086 г. и держательских виргат в 1279 г. легко установить, что перед нами вотчины, в которых «вилланская земля» в РН «исчерпывает» пахотную площадь вилланских карук, фиксированных в DB, и следовательно, в которых общая площадь вилланской земли осталась нерушимой. Но тем ярче вырисовывается существо происшедших здесь перемен в структуре держания. Они сводятся к тому, что с целью создания большего числа тяглых единиц в одних случаях создаются значительно урезанные «полные» и «половинные» наделы с тем, чтобы из изъятых «излишков» земли нарезать новые, дополнительные наделы, в других же случаях предпринимается сплошной передел земли вилланов, когда заново создаются на основе уменьшенного эталона единообразные симметрические наделы вилланов. Последние случаи представляют для нас наибольшую ценность, так как именно в них с предельной очевидностью раскрывается существо изучаемого процесса.

Манор*	DB			RH		
	число вилланов	число бор- дариев	площадь их держа- ний, кару- ки	число вилланов	средний размер держаний	площадь, виргаты
Sanford	7	4	3 1/2	12 × 1 vg 5 × 1/2 vg 17		14 1/2
Chingeston	4	1	2	5 × 1 vg 6 × 1/2 vg 11		8
Ypesden	6	5	3	2 × 1 vg 14 × 1/2 vg 16		9
Celgrave	23	10	9	12 × 1 vg 27 × 1/2 vg 39		25 1/2
Mereton	19	6	5	16 × 1 vg 6 × 1/2 vg 22		19
Eminton	10	4	5	18 × 1 vg 4 × 1/2 vg 22		20
Wodeston	16	—	4	9 1/2 × 1 vg 13 × 1/2 vg 22		15 1/2
Copmaneford	14	2	3	21 × 1/2 vg		10 1/2
Ideberie	13	5	6	24 × 1 vg		24
Tyythrop	4	—	1	3 × 1 vg 2 × 1/2 vg 5		4
Sevewelle	4	—	2	8 × 1 vg		8
Niveton	3	2	1	9 × 1/2 vg		4 1/2
Lan(d)port	2	2	2	8 × 1 vg		8
Giveteley	14	6	6	36 × 1/2 vg		18

* В таблице названий маноров даны в транскрипции источника.

Нормы сокращения первоначальных паделов варьируют, по-видимому, в зависимости от того, какого типа держания желали в каждом случае создать: держание, способное отбивать пахотную барщину или только ручную барщину, и т. д. В одних вотчинах новой «нормой» оказывалась *половина* «первоначального» надела (см. Sevewelle), в других — одна треть такого надела (см. Niveton) и даже четвертая часть его (см. Landport). В отдельных случаях виллашские наделы как таковые были уличтожены и «перекрестны» в держании коттеров, составлявших в 1279 г. основную категорию виллапов в таких вотчинах. Наглядным примером может служить манор Sawtry. В DB (I, 206 b) в нем значится 27 виллапов с 10 каруками, в RH (II, 663) мы вместо наделных виллапов находим одних сервилльных коттеров, причем их в 4 раза больше (95 коттеров и 8 держателей крофтов).

Новая действительность не проходила бесследно для экономических (и агрономических) оценок той единицы площади, которая рисовалась в качестве самого «эталона» полнонадельного крестьянского двора. Так как ко времени DB последний уже оценивался в одну виргату (см. выше, стр. 240), то в течение изучаемых двух веков успело измениться реальное

содержание самого понятия полного надела — виргаты. В самом деле, в вилле Somersham DB (I, 207 a) значилось 32 виллапа с 8 гайдами. В RH (II, 605) здесь фиксировано 64 виллана, из которых каждый имеет по «виргате». Совершенно очевидно, что если мы примем эту «виргату» за фискальный стандарт, то должны будем предположить, что пахотная площадь виллапских держаний в этой вотчине увеличилась в 2 раза. Но так как для этого у нас нет никаких оснований (общая площадь этой вотчины, в том числе и площадь домена, осталась неизменной), то мы оказываемся перед необходимостью признать, что реальное содержание «виргаты» 1279 г. в данной вотчине составляло лишь половину «надела» того же названия в 1086 г. На самом деле, поскольку в 1086 г. виллап владел здесь лишь виргатой, что следует из оценки в DB виллапской земли в 8 гайд⁸⁰, то очевидно, что то держание, которое называлось в этой вотчине «виргатой», в 1279 г. было в 2 раза меньше по своему размеру по сравнению с аналогичным держанием (по названию) 1086 г. Если допустить, что в 1086 г. виргаты в этой вилле содержали 40 акров (мы вправе это сделать на основе отношения 32 : 64 виллана и указания RH на то, что виргата здесь содержит 20 а), то получим $8 \text{ H} \times 4 \text{ vg} \times 40 \text{ а} : 64 \text{ виллапа} = 20 \text{ а}$, что полностью подтверждает сделанное выше наблюдение.

В вилле Leyton общая площадь вотчины в изучаемое время осталась также нерушимой. И в 1086 и 1279 г. она равнялась 15 гайдам. Нерушимым остался и домен (6 карук). Каким же образом могло получиться, что вместо 33 виллапов с 10 каруками в DB (I, 203 b) здесь оказалось, если верить RH (II, 616), 66 виллапов каждый с виргатой? Таким образом, мы и здесь вынуждены предположить в соответствии с отношением 33 : 66, что «виргатой» в 1279 г. названа половина того надела, который именовался здесь «виргатой» в 1086 г. В вилле Weston в 1086 г. значилось 20 виллапов с 7 каруками (DB, I, 206 b). Согласно RH (II, 629), здесь находилось в 1279 г. 8 виллапов-виргатариев, 72 виллапа-полувиригатария и 6 виллапов-ферделей. Кроме того, 10 виргат оказалось у свободных держателей. Но какие же это «виргаты», если на каждую каруку DB их приходилось по 8? Очевидно, что и здесь «виргатой» в 1279 г. названа прежняя полувиригата.

Наконец, в вилле Slepe в DB (I, 204) фиксировано 5 виллапов (количество плугов опущено). В RH⁸¹ в этой вотчине значится 20 виллапов, т. е. в 4 раза больше. У каждого из них указано $\frac{1}{2}$ виргаты, причем в описи оговаривается, что виргата равна здесь 15 акрам. Значит, в полувиригате только $7\frac{1}{2}$ акров, т. е. четверть фискальной виргаты. Если мы 20 умножим на $7\frac{1}{2}$, то получим 150 акров, т. е. 5 фискальных виргат, т. е. всю землю виллапов DB, предполагая у каждого из виллапов по одной виргате. Следовательно, и здесь реальная протяженность виргаты сократилась вдвое, хотя новые «полные наделы» продолжали именоваться «виргатами». Таким образом, перед нами, как представляется, разгадка того, как зачастую возникают виргаты, значительно отклоняющиеся от фискальных стандартов. Можно считать несомненным, что отклонения размеров так называемых локальных виргат и их компонентов являются нередко результатом изменившейся, т. е. возросшей нормы феодальной эксплуатации, результатом перераспределения «тягла» с целью его увеличения. С этой точки зрения «локальные» виргаты — это такие же масштабные сетки мапориальных повинностей. Естественно, что они меняются вместе с последними.

Другим способом увеличения суммы феодальной ренты, приносимой виллапскими наделами вотчины, было изъятие части прежних виллапских земель с целью, например, превращения их в свободные держания за де-

⁸⁰ Следовательно, $8 \times 4 : 32 = 1 \text{ vg}$.

⁸¹ RH, II, 603. Ср. p. 815 (Watlington): в гайде — 8 виргат, в виргате — 15 акров.

нежную ренту или в еще более выгодные держания (ad voluntatem); число вилланских держаний при этом оставалось прежним или даже немного увеличивалось. Следовательно, и в этих случаях манориальная администрация стремилась прежнюю или даже увеличенную сумму ренты выжать с держателей значительно сокращенной площади вилланских наделов. Проиллюстрируем этот способ в действии (см. табл. 31).

Таблица 31

Манор*	DV			RH			
	число вилланов	число бордари-ев	площадь их держаний, ка-рун	число вилланов	средний размер держаний	площадь фригольда	общая площадь держаний, виргаты
Stivecle	16	2	6	$33 \times \frac{1}{2} \text{ vg} + 6 \text{ vg}$			22 $\frac{1}{2}$
Broctun	20	—	10	$31 \times 1 \text{ vg} + 7 \text{vg} 60 \text{ a}$			40
Wardbusc	34	13	16	$\left\{ \begin{array}{l} 36 \times 1 \text{ vg} + \\ 14 \times \frac{1}{2} \text{ vg} + \end{array} \right\} 17 \text{ vg}$			60
Bouchesworth	16	—	10	$27 \times 1 \text{ vg} + 5 \text{ vg}$			32
Spaldewic	50	10	25	$\left\{ \begin{array}{l} 10 \times 1 \text{ vg} \\ 96 \times \frac{1}{2} \text{ vg} + 1 \text{H} 7\frac{1}{4} \text{ vg} \\ (18 \times \frac{1}{3} \text{ vg}) \end{array} \right\}$			75 $\frac{1}{4}$
Elintone	26	—	12	106 $26 \times 1 \text{ vg} + 14 \text{ vg}$			40
Milton	24	31	19	$24 \times 1 \text{ vg}$			24
Crovelle	15	5	7	$\left\{ \begin{array}{l} 14 \times 1 \text{ vg} \\ 2 \times \frac{1}{2} \text{ vg} \\ 5 \times \frac{1}{4} \end{array} \right\}$			16 $\frac{1}{4}$
Alwaldesberie	5	6	3	$13 \times \frac{1}{2} \text{ vg} + 4 \text{ vg}$			10 $\frac{1}{2}$
Cestreton	22	10	10	$\left\{ \begin{array}{l} 8 \times 1 \text{ vg} \\ 12 \times 1 \text{ vg} \\ (1 \times \frac{1}{2} \text{ vg}) \end{array} \right\}$			20 $\frac{1}{2}$
Caningeham	19	10	12	21 $\left\{ \begin{array}{l} 21 \times 1 \text{ vg} \\ (2 \times \frac{1}{4} \text{ vg}) \end{array} \right\}$			21 $\frac{1}{2}$
Minstre	17	10	7	21 $30 \times \frac{1}{2} \text{ vg}$			15
Rollendr	12	3	6	$\left\{ \begin{array}{l} 12 \times 1 \text{ vg} \\ 2 \times \frac{1}{2} \text{ vg} \end{array} \right\}$			13
Hemingeford	26	5	8	14 $40 \times \frac{1}{2} \text{ vg}$			20
Conington	26	—	13	$24 \times \frac{1}{2} \text{ vg} + 14 \text{ vg}$			36
Kenet	7	5	5	$21 \times \frac{1}{2} \text{ vg} + 5\frac{1}{4} \text{ vg}$			15 $\frac{3}{4}$

* В таблице названия маноров даны в транскрипции источника.

Общим для всех приведенных выше параллелей является сокращение «первоначальной» площади вилланской земли 1086 г. при одновременном увеличении или сохранении прежнего числа вилланских держаний. Существование этих перемен совершенно очевидно. За счет вилланской земли увеличивается домен или создается новый тип держаний, которые должны служить прежде всего источником денежных поступлений. Таким образом манор, оставаясь в своей основе крепостническим, приспосабливается к новому уровню развития товарно-денежных отношений, открывает новое русло для притока денежных рент. При этом, однако, не только сохраняется

незыблемой барщинная система, по увеличивается также общая сумма вилланских повинностей, по крайней мере, в соответствии с увеличением числа держаний и новым стандартом «полного» надела виллана.

Особенно важно заметить, что даже тогда, когда общее число вилланов в 1086 и 1279 г. точно совпадает, мы отнюдь еще не гарантированы в том, что совпадает размер их держаний. В этих случаях обнаруживается только поверхностная устойчивость манориальных порядков, держания и у этих вилланов нередко оказываются либо половинными, либо во всяком случае значительно меньшими по сравнению с наделами 1086 г.⁸²

До сих пор нас занимали вотчины, в которых число вилланских наделов возросло за изучаемый отрезок времени или оставалось стабильным при стабильной или сокращенной площади вилланской земли. Но ими отнюдь не исчерпывается многообразие эволюции структуры вилланских держаний. В нашем материале немало случаев последующего расширения площади вилланской земли по сравнению с 1086 г., иначе говоря, последующего ипомещения вилланов на земле, либо ранее принадлежавшей свободным, либо пустовавшей в момент составления DB (своего рода *man-si non vestiti*), либо, наконец, на земле, ранее находившейся в домене. Приведем некоторые из них:

	1086 г.		1279 г.
Headington . . .	20 V — 24B — 14 c	41 V × 1 vg } 7 V × 1/2 vg }	48 V — 44 1/2 vg
Wolvercot	13 V — 7 B — 4 c (1 c)	8 V × 1 vg } 24 V × 1/2 vg }	32 V — 20 vg
Gransden	8 V — 3 B — 6 c	14 V × 1 vg } 24 V × 1/2 vg } 3 V × 1/3 vg }	41 V — 27 vg
Tiddington . . .	1 B — D — 2 c	18 V × 1 vg —	18 vg
Aston	3 B — D — 2 c	11 V × 1 vg —	11 vg
Mixbury	18 V — 11 B — 6 c (8 c)	37 V × 1 vg } 16 V × 1 vg } 2 V × 1/2 vg }	55 V — 54 vg
Nether Heyford	11 V — 12 B — 5 c	30 V × 1 vg —	30 vg
Islip	10 V — 5 B — 3 c (9 c)	65 V × 1/2 vg —	32 1/2 vg
Langport	2 V — 2 B — 1 c (1 c)	3 V × 1 vg } 10 V × 1/2 vg }	13 V — 8 vg

Самое интересное в этих примерах заключается в том, что они позволяют воочию увидеть не только само расширение площади вилланской земли, но и проследить, откуда эта новая земля бралась. На этих примерах можно также убедиться в том, что в значительном числе случаев — даже в среднеанглийских графствах — образование типических вотчин (с вилланским «тяглом») произошло лишь после 1086 г. (см. Tiddington, Langport и др.).

Наконец, в нашем материале встречается немало случаев сокращения не только площади вилланской земли в данной вотчине, но и числа вилланских наделов⁸³ вплоть до полного исчезновения вилланских (по юриди-

⁸² См. выше, гл. IV, табл. на стр. 240. Лорды не пренебрегали малейшей возможностью урезать вилланский надел хотя бы на несколько акров, — ведь акры могли стать коттерскими наделами, являвшимися экономически, может быть, наиболее выгодными для манора держаниями.

⁸³ См., например:

Asthall	DB, I, 158 b: 24 V — 11 B — 9c	RH, II, 694: 12 V × 1 vg = 12 vg
Broadwell . . .	» 160 a: 52 V — 8 B — 24c	» 685: 35 V × 1 vg = 35 vg
Chinnor	» 160 b: 26 V — 2 B — 8c	» 783: 1 V × 1 1/2 vg } 13 V × 1 vg } 4 V × 1/2 vg }

ческому статусу) держаний⁸⁴. Многообразие изменений структуры вилланского держания, вырисовывающиеся из этих предварительных данных, не должно, однако, затемнить самого важного для нас факта — *территориального распространения и умножения вилланского держания при одновременном резком сокращении площади вилланского надела*, что было лишь оборотной стороной роста и усиления эксплуатации вилланов феодальной вотчиной. Чтобы этот вывод стал абсолютно очевидным, достаточно сопоставить распределение вотчин в зависимости от степени дробления вилланских наделов (см. табл. 32).

Таблица 32

Эволюция вилланского держания между DB и RH

Графство, манор	Средний надел виллана уменьшился на (в %)	Число держаний вилланов увеличилось	
		в абсолютных числах	в %
Гентингдошир			
Normancross	61	с 284 до 381	на 34
Toseland	71	с 169 до 209	» 23
Hirstingdon	44	с 281 до 428	» 52
По графству	67	с 734 до 1018	» 38
Бекингемшир	73	с 143 до 312	» 118
Оксфордшир			
Chadlington	50	с 406 до 467	» 15
Ploughley	53	с 376 до 695	» 84
Bullington	67	с 287 до 425	» 48
Ewelme	58	с 121 до 172	» 42
Bampton	54	с 153 до 171	» 11
Wootton	49	с 411 до 571	» 39
Lewknor	62	с 146 до 207	» 41
Thame	33	с 53 до 54	» —
Langtree	70	Число держаний вилланов уменьшилось с 114 до 96	» 16
По графству	55	с 2067 до 2858	» 38
По всему материалу	64	с 2944 до 4188	» 42

Итак, из табл. 32 видно, что хотя нельзя установить полного соответствия между интенсивностью процесса дробления вилланских наделов и процесса образования новых вилланских дворов, тем не менее не подлежит сомнению, что главной целью дробления «первоначальных» наделов было умножение числа наделов того же статуса.

Перейдем теперь от свидетельств выборочных подсчетов к сплошным подсчетам данных RH и соответствующих им разделов DB. Они должны не только подтвердить либо опровергнуть ранее сделанные выводы, но и значительно расширить круг наших наблюдений. Прежде всего не забудем,

⁸⁴ См., например:

Newnham DB, I, 159 b: 13 V — 10 V — 5 c RH, II, 777 : вилланов нет

Характерно, что в ряде вотчин, где вилланов не было в 1086 г., их не найти и в 1279 г. См., например, Dodford (DB, I, 153 a, RH, II, 340).

Сравнительное расчленение держателей

1086 г.

Графство, сотни	Держатели наделов размером									
	более 1 каруки	7—8 «волов»	5—6 «волов»	4 «вола»	3 «вола»	2—3 «вола»	2 «вола»	1—2 «вола»	дробных долей «вола»	размер держаний не указан
Бедфордшир	—	6	16	46	3	16	46*	15**	—	42
Виллей	—	18	—	—	—	—	8	—	—	8
Шоддон	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	24	16	49	3	16	54	15	—	50
В %	—	10,7	7,1	21,8	1,3	7,1	24,1	6,6	—	23,2
Бекингемшир	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мурслей	—	—	28	38***	—	11	17	—	—	5
Стодфорд	1	4	18	17	—	16*	10*	18	—	4
Банслоу	—	—	26	21****	—	37	28*	28**	—	—
Мута	—	—	—	24	—	62	—	—	—	—
Итого	1	4	72	100	—	126	55	46	—	9
В %	0,9	0,9	17,4	24,2	—	31,1	13,3	11,3	—	1,8
Оксфордшир	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вамптон	—	—	25	132	—	26*	14	3	—	4
Рутон	—	—	—	64	—	32	2	—	—	8
Лангтрие	—	6	20	47	—	22	14	4	—	1
Вултон	1	—	37	120	—	155	148	14	—	8
Дорчестер	—	—	26	9	—	19	8	—	—	—
Евелме	—	—	62	10	—	45	31	16*	—	5
Чаддингтон	—	—	110	96	—	199	12	38	—	—
Трамэ	—	—	67	—	—	—	19	—	—	—
Вандури	—	—	—	159	—	20	13	—	—	2
Левкор	—	27	30	36	—	42	21	—	—	—
Плогблей	—	—	42	127	—	158	76	—	—	3
Баллингтон	—	—	64	65	—	115	36	27	—	3
Итого	1	48	483	865	—	833	394	115	—	26
В %	—	1,3	17,2	30,8	—	29,4	14,0	4,1	—	0,9
Гентингдоншир	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нирстингдон	—	—	—	129	—	169	86	4	—	—
Лейтонстоун	—	24	34	57	—	129	91	17	—	—
Норманкросс	—	—	31	110	—	130	91	22	—	—
Роселанд	—	—	64	92	—	65	61	33	—	—
Итого	—	24	129	388	—	493	329	76	—	—
В %	—	4,6	8,9	26,9	—	34,2	22,7	5,2	—	—

* В т. ч. 4 бордари.

** В т. ч. 8 бордарив.

*** В т. ч. 6 бордарив.

**** В т. ч. 7 сотеннов.

× В т. ч. 3 бордари.

×× В т. ч. 2 бордари.

××× Все бордари.

148	84	3	2	206	4	250	71	17	48
23	21	9	1	66	1	14	2	—	16
58	43	3	—	14	4	122	11	—	35
269	125	41	12	469	—	367	7	9	183
10	4	20	—	73	—	15	3	1	2
109	50	1	—	98	—	89	59	—	88
138	102	1	—	453	9	78	16	5	92
84	15	—	9	110	—	12	—	—	51
73	48	вилланы не дифференцированы							
59	47	9	1	124	—	75	4	3	21
244	75	—	1	532	5	332	54	—	108
154	66	—	—	158	3	144	15	8	131
1369	680	87	26	2303	26	1498	242	43	775
		0,7	0,2	46,0	0,2	13,0	4,9	16,0	
72	—	—	—	230	—	176	47	21	189
81	—	3	—	102	50	489	93	—	158
49	—	—	—	175	—	285	4	1	530
81	—	1	—	19	5	367	29	3	203
283	—	4	—	526	55	1317	173	25	1080
				16,5	1,7	41,4	5,0	34,7	

именуемых «villani» в 1086 и 1279 гг.

	1086 г.		1279 г.						
	держатели наделов размером							ферделы	держатели менее 5 акров
бордари	сервы-коттеры	2 и более виргат	1—2 виргаты	1 виргата	1/2—1 виргата	1/2 виргаты			
188 35	63 11	—	—	18 —	—	195 42	117 21	45 —	79 20
223	74	—	—	18 3,5	—	237 46,7	138 27,2	15 22,4	99
51 50 88 25	40 31 46 15	1	2	139 60 6 35	7 — — —	66 114 77 18	32 — 129 —	9 — 7 —	76 151 10 86
214	132	1	2	240 24,3	7 0,2	275 26,8	161 15,7	16 33,0	323

Графство, сотни	1086 г.								
	держатели наделов размером								
	более 1 ка- руки	7—8 «волов»	5—6 «волов»	4 «вола»	3—4 «вола»	2—3 «вола»	1—2 «вола»	дробных до- лей «вола»	размер дер- жания не указан
Кембриджшир									
Papworth	—	1	16	16	32	7	25	—	
Stow	5	—	11	7	7	30	13	—	
Thriplow	—	5	6	16	91	—	3	—	
Flemditeh	—	12	—	8	60	—	26	—	
Chilford	—	2	4	10	96	6	5	—	
Staploe	—	12	53	—	73	—	12	—	
Longstow	—	14	41	38	24	—	21	—	
Wittlesford	—	7	13	30	18	11	—	—	
Wetherley	—	13	10	—	15	15	16	—	
Staine	3	2	20	33	5	—	—	—	
Chesterton	—	—	1	—	46	—	—	—	
Итого	8	68	175	158	467	69	121	—	
%	0,7	6,3	16,4	14,8	43,7	6,4	11,3	—	

* В этой графе для Кембриджшира подсчитаны только коттеры.

что до сих пор мы занимались только лишь теми держателями, которые в DB именуются вилланами. Это нужно было для того, чтобы выяснить сдвиги коренного характера, т. е. в размере «полного» надела виллана. Но тем самым мы оставили вне поля зрения такие категории держателей, как бордарии, коттеры, сервы, которых — независимо даже от степени их близости к вилланам 1086 г. — мы обязаны рассмотреть вместе с ними по той причине, что абсолютное большинство их потомков оказалось органической частью вилланства 1279 г. Если сервов и коттеров DB можно с полным основанием сопоставить с коттерами RH⁸⁵, то бордариев следовало бы для этой цели разделить на три имущественные прослойки: держателей по меньшей мере полувиргаты, держателей ферделей и держателей типа коттеров. Но так как нам неизвестен удельный вес каждой из этих групп в составе бордариев DB, то мы, в соответствии с наиболее типическим держанием последних в 1086 г., отнесли их к тому же слою, к которому в 1279 г. принадлежали фердели.

Но прежде чем перейти к анализу данных табл. 33, мы должны не упускать из виду, что 1) реальное протяжение «держательской каруки» сплошь и рядом отклоняется от фискальной, и притом в сторону уменьшения; 2) сопоставляя эти каруки с «виргатами» по стандарту 1 с = 4 vg, мы в ряде случаев преувеличиваем обеспеченность вилланов землей (в 1086 г.), т. е. величину их надела; 3) наделение каждого бордария «землей одного вола» не только уравнивает картину, но и приводит в конечном итоге к занижению степени обеспеченности «вилланов» 1086 г. землей; 4) ввиду единственной возможности вычислить для 1086 г. лишь среднее число «волов», приходившееся на каждого виллана (для этого года), таб-

⁸⁵ См. выше, гл. IV, § 2.

Таблица 33 (продолжение)

1086 г.		1279 г.								
бордари	сервы-коттеры	держатели наделов размером					ферделы	держатели менее 5 акров	коттеры	
		2 и более виргата	1—2 виргаты	1 виргата	1/2—1 виргата	1/2 виргаты				
73	21*	—	—	4	—	135	48	151		
86	78	—	—	4	—	129	116	125		
76	25	—	—	5	—	172	92	225		
73	18	—	—	5	—	96	43	232		
64	—	—	—	16	—	61	38	80		
76	—	—	1	29	—	208	61	298		
90	58	—	—	45	—	230	32	143		
57	9	—	—	7	—	112	53	149		
135	82	—	—	36	—	142	112	162		
43	—	—	—	17	—	74	56	91		
31	14	—	—	—	—	90	29	64		
804	305	—	1	168	—	1449	680	1720		
				4,2		36,5	15,2	43,6		

лица получается усеченной на полюсах, так как группы зажиточных и малоимущих вилланов растворяются в средних рубриках таблицы⁸⁶. Наконец, нужно помнить всю условность тех «виргата» и их компонентов, которыми измеряются вилланские наделы в XIII в., и следовательно, необходимость корректировать данные RH в сторону определенного уменьшения величин против их фискального стандарта. Только имея в виду все эти условия, делающие возможным сплошное сопоставление данных наших источников, можно извлечь познавательное зерно из нижеследующих подсчетов.

Табл. 33 обнаруживает тот основной факт, что сущность перемен, происшедших на вилланской земле, следует усматривать прежде всего в пивелировке разнородных и разновеликих «вилланских держаний» 1086 г. (наследие различных путей манориализации общины) по уровню тех наделов, которые в 1279 г. считались, по-видимому, минимумом земельного обеспечения определенного типа «тяглого двора». Иначе говоря — *в превращении многообразия размеров крестьянского надела периода становления феодальной вотчины в единообразие их периода ее завершенности*. Этот факт легко устанавливается при сопоставлении числа «наделных» вилланских держаний (исключая «землю одного вола» в 1086 г. и «ферделей» в 1279 г.). В среднем по всему материалу подсчетов оно сократилось (по удельному весу) без малого в 3 раза (с 57,6% до 21,0%). Если же отвлечься от средних цифр, то мы столкнемся с переменами еще более разительными. В Гентингдоншире оно сократилось более чем в 4 раза, в Кембриджшире — более чем в 5 раз, в Бедфордшире — почти в 15 раз. Обра-

⁸⁶ Далеко не всегда и описи XIII в. дают действительное распределение вилланской земли, а не схему вилланских тяглых наделов безотносительно к их хозяйственному использованию. Во всяком случае некоторые описи 1279 г. предупреждают нас об этом, указывая в заглавии «virgalarium», а в перечне держаний на каждой виргате указывают по 2—3 держателя (см. RH, II, 645).

тимся теперь к Оксфордширу, т. е. к тому графству, где перемены были как будто не столь значительны. С первого взгляда группа интересующих нас держаний по своему удельному весу сократилась лишь на 10% (с 57,7% до 48,8%). В действительности же и здесь перемены были столь же коренного характера: если в 1086 г. держания, превышавшие землю «двух волов», составляли 82% всего числа вилланских держаний, то в 1279 г. они составляли только 4,6%. Таким образом, и в Оксфордшире все многообразие держаний ДВ сведено к единообразному сеньориальному стандарту, хотя стандарт и оказался несколько более высоким, чем в других изученных нами графствах.

Второй вывод, напрашивающийся из табл. 33, заключается в том, что основная масса наделов вилланов 1279 г. оказалась ниже той экономической грани (если такая грань вообще существовала), которая разделяла вилланов и бордариев в 1086 г. Так, если держатели земли «менее двух волов» составляли по своему удельному весу 42,0% всего числа держателей 1086 г., то в 1279 г. они составляли уже 79,2%, иначе говоря, их удельный вес увеличился приблизительно в 2 раза. Неизмеримо же важнее то, что $\frac{4}{5}$ вилланов 1279 г. оказались обладателями наделов, которые по своим размерам 1086 г. по существу относились к разряду бордариев.

В 1086 г. типичным вилланским наделом в изученных нами графствах, как это явствует из табл. 33, было держание в 3,7 «вола», т. е. почти в полкаруки; в 1279 г. типичным вилланским наделом было 0,6 *virgates*, т. е. приблизительно в 3 раза меньший надел. Таким образом, сплошные подсчеты подтверждают результаты выборочных подсчетов.

Нам трудно сказать, насколько этот факт был обусловлен ростом производительной силы труда за изучаемый двухвековой период, но несомненно, что перед нами яркое свидетельство роста степени эксплуатации вилланского хозяйства вотчиной. Мы привыкли судить о статусе земледельца по эволюции тех или иных правовых норм, которыми этот статус регулировался. Но представляется, что о нем можно (и, может быть, наиболее безошибочно) судить по направлению эволюции его падела. В изменении размера последнего отражается изменение его социальной сущности, его общественной функции. Если размер крестьянского держания на каждой данной стадии эволюции сеньории является мерилем степени подчинения крестьянства феодальной эксплуатации, то перемены, происшедшие между XI—XIII вв., поистине многозначительны. Данные табл. 33 не позволяют также сказать, насколько к 1279 г. увеличился удельный вес коттеров по сравнению с 1086 г. (ибо нам неизвестно, сколько коттеров скрывается в ДВ под титулом «бордарии»). Тем не менее мы не можем пройти мимо исключительно высокого удельного веса коттеров в манорах XIII в. (в Гентингдоншире, например, они составляют 73,0%, в Кембриджшире — более 40,0% всех вилланских держаний). С одной стороны, в них следует, несомненно, видеть доказательство усиления феодального нажима на крестьянство (мелкие держания платят пропорционально больше ренты по сравнению с крупными). Вместе с тем в них также находит свое выражение начало кризиса манориального строя, ибо хозяйство коттерского типа самой своей экономической сутью уже не укладывается полностью в вотчинные отношения, поскольку вотчина не обеспечивает коттеру всего необходимого продукта, постольку она не в состоянии присваивать (феодальными средствами) себе весь прибавочный продукт его труда. Последнее находит выражение не только в том, что коттер является резервом наемных слуг в вотчине⁸⁷, но и в том, что он чаще всего олицетворяет собой процесс кристаллизации в маноре неземледельческих элементов, хотя этот процесс до поры до времени протекает под покровом крепостничества.

⁸⁷ См. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 351. Ср. M. Postan. The Famulus. Cambridge, 1954, p. 18.

Наконец, мы задались вопросом, нельзя ли установить какие-либо особенности в дифференциации вилланских наделов в различных по типу вотчин. С этой целью были составлены табл. 34—35, в которых эволюция вилланского «надела» рассмотрена с точки зрения того или иного типа вотчины. Согласно принятым в настоящем исследовании условным размерам все изученные вотчины разделены на три группы: крупные, средние и мелкие вотчины. Это сделано как для 1086, так и для 1279 г. Обратимся к данным этой таблицы. Группировка данных DV (при всей их относительности) в зависимости от размеров вотчины позволяет вскрыть тот весьма знаменательный факт, что основные особенности структуры держаний, вскрытые в вотчинах различного типа в XIII в.⁸⁸, прослеживаются с достаточной отчетливостью уже на материале XI в. В самом деле, если в крупных вотчинах вилланские держания, превышавшие «землю двух волов», составляли 52,0% от общего их числа, то в средних вотчинах на их долю приходилось уже только 38,8%, а в мелких вотчинах — лишь 18,6% (т. е. здесь удельный вес этих держаний был в 3 раза меньше таковых в крупных вотчинах и в 2 раза меньше, чем в средних). И обратно: удельный вес бордариев, коттеров и сервов составлял в крупных вотчинах 36,4%, в средних вотчинах — 43,0% и в мелких вотчинах — 45,6%, не считая категорию вилланов, которая приближалась к ним по размерам своих держаний. Если же причислить к ним и последних, то удельный вес этой группы в мелких вотчинах в 1086 г. возрастет до 57,6%. Таковы средние цифры по всему материалу подсчетов. Из них, несомненно, следует, что обеспеченность вилланов землей стояла уже в 1086 г. в тесной связи с типом вотчины: в крупных вотчинах она была гораздо выше, чем в средних и мелких. Если же попытаться проанализировать данные по отдельным графствам, то в глаза бросается одно любопытное явление, которого нам уже не найти в XIII в.

Манорам более древней «генерации» было присуще более равномерное распределение земли среди вилланов, чем в манорах более поздней «генерации». Весьма любопытно, с этой точки зрения, сопоставить данные по Гентингдонширу и Кембриджширу. В первом случае, где удельный вес церковного, а значит, и более древнего манора более высок, удельный вес держателей типа бордариев наиболее низок, не превышает даже в мелкой вотчине 17,0% общего числа держателей. Во втором случае удельный вес этой группы держателей исключительно высок, что находится в тесной связи со сравнительно поздней манориализацией этого графства: даже в крупных вотчинах «всеполнонадельные» и «безнадельные» составляли 47,0%, а в мелкой вотчине — 70,0% всего числа держателей.

Следовательно, если ранняя манориализация (что обычно приводило к складыванию крупной вотчины) захватывала сельскую общину на относительно ранней ступени дифференциации общинных наделов и, затормозив этот процесс до поры до времени, сохраняла в качестве сеньориального эталона старые довольно крупные вилланские надель, то поздняя манориализация заставляла общину уже на ярко выраженной ступени разложения аллода и глубокой имущественной дифференциации общинников. Лорды должны были с самого начала учитывать в своей сеньориальной политике наличие массы мелких и мельчайших держаний, и соответственно строить формы их эксплуатации. Многие черты «надельной политики» вотчин XIII в. отнюдь не были делом свободного выбора их лордов, а были предопределены «изначальными» генетическими особенностями соответствующих вотчин.

Мы подчеркиваем многие черты, но не все. Это станет полностью очевидным при анализе данных XIII в. С одной стороны, отмеченные в XI в. особенности в расчленении вилланских наделов в различных по размеру вотчинах в равной мере характерны и для XIII в. Держатели типа коттеров

⁸⁸ Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 351, сл.

Сравнительная дифференциация вилланских

Графство, сотня	Крушая вогципа											Средняя			
	болсе 1 «пуга»	7-8 «волов»	5-6 «волов»	4 «вола»	3 «вола»	2-3 «вола»	1-2 «вола»	дробные доли «вола»	размер не указан	бордари	сервы	болсе 1 «пуга»	7-8 «волов»	5-6 «волов»	4 «вола»
Бедфордшир															
Wiley	—	4	—	22	—	3	—	—	1	40	8	—	—	—	—
Stodden	—	18	—	—	—	15	—	—	—	15	8	—	—	6	14
Итого	—	22	4	22	—	18	—	—	—	55	16	—	—	6	14
%	—	17,3	3,1	17,3	—	14,1	—	—	—	35,4	12,5	—	—	3,5	8,2
Бскингемшир															
Mursley	—	—	12	8	—	14	—	—	—	26	17	—	—	14	23
Stodfold	—	—	—	—	—	—	18	—	—	6	2	—	—	18	14
Bunslow	—	—	26	—	16	—	10	—	—	13	15	—	—	21	21
Muta	—	—	—	14	62	—	—	—	—	16	13	—	—	—	10
Итого	—	—	38	22	78	14	28	—	—	66	47	—	—	32	68
%	—	—	12,9	7,4	26,9	4,4	9,5	—	—	22,5	6,2	—	—	12,4	26,3
Оксфордшир															
Wootton	—	—	24	91	67	99	—	32	2	154	66	—	—	13	16
Bampton	—	—	—	54	65	—	19	—	—	60	40	—	—	16	26
Thame	—	—	67	—	—	—	—	—	—	94	15	—	—	—	—
Lewknor	—	26	30	—	42	—	—	—	—	36	21	—	—	—	36
Dorchester	—	—	26	—	19	—	—	—	—	10	4	—	—	—	9
Pyrton	—	—	—	64	—	—	—	—	—	7	12	—	—	—	—
Langtree	—	6	—	67	13	—	—	—	—	39	32	—	—	—	—
Plougley	—	—	8	95	122	18	—	—	—	127	24	—	—	31	29
Bullington	—	—	44	24	53	—	—	—	—	51	13	—	—	20	27
Chadlington	—	—	90	35	177	—	32	—	—	175	51	—	—	20	61
Bwelme	—	15	54	—	23	—	—	—	—	62	24	—	—	8	10
Итого	—	47	343	430	581	136	32	32	2	815	302	—	—	108	214
%	—	17,2	12,5	15,8	21,3	5,0	1,1	1,1	0,17	29,9	11,1	—	—	8,8	17,4
Гентингдоншир															
Toseland	—	—	64	76	19	46	—	—	—	51	—	—	—	—	11
Normancross	—	—	28	84	45	—	—	—	—	10	—	—	—	—	16
Hirstingdon	—	—	—	120	150	76	—	—	—	54	—	—	—	—	—
Leightonstone	—	24	34	50	70	59	—	—	—	62	—	—	—	—	—
Итого	—	24	126	330	284	181	—	—	—	187	—	—	—	—	27
%	—	2,1	11,1	29,1	25,0	15,9	—	—	—	16,5	—	—	—	—	8,4
Кембриджшир*															
Chilford	—	—	—	—	33	—	—	—	—	3	(6)	—	—	4	17
Thriplow	—	—	—	16	20	22	—	—	—	22	15 (14)	—	—	—	18
Stow	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	(—)	—	—	—	18
Staploe	—	—	53	—	—	42	—	—	—	26	(18)	—	—	4	8
Staine	—	—	28	25	—	—	—	—	—	26	(30)	—	—	—	8
Whittlesford	—	—	13	30	—	—	—	—	—	25	(8)	—	—	3	—
Longtow	—	5	15	55	7	—	—	—	—	39	29 (13)	4	9	7	7
Wetherley	—	—	—	—	20	—	—	—	—	7	3 (2)	—	—	9	19
Papworth	—	—	29	—	14	—	—	—	—	38	8 (14)	1	—	—	18
Flendish	—	8	—	—	57	—	—	—	—	65	(19)	—	—	—	—
Chesterton	—	—	—	18	—	—	—	—	—	18	4 (4)	—	—	—	12
Итого	—	13	144	144	151	64	—	—	—	276	59 (128)	—	5	29	125
%	—	1,3	14,7	14,7	15,4	6,5	—	—	—	28,1	6,0 (13,0)	—	0,6	3,5	15,4
По всему мате- риалу, %															
	—	7,8	10,8	14,8	18,7	9,2	2,1	0,2	—	26,9	9,5	—	0,1	5,6	15,1

* Для Кембриджшира в графе «сервы» в скобках указано число коттеров.

208	156	—	—	3	330	206	2	12	37	77	120	83	—	28	256	132
16,9	12,7	—	—	0,2	26,9	16,8	0,2	1,6	4,9	10,3	16,1	11,1	—	3,8	35,6	17,6
23	—	17	—	—	14	—	—	—	5	33	15	16	—	—	16	—
50	81	—	—	—	25	—	—	3	10	35	10	22	—	—	14	—
13	—	—	—	—	5	—	—	—	9	8	10	4	—	—	13	—
46	10	—	—	—	7	—	—	—	7	13	32	17	—	—	12	—
132	91	17	—	—	51	—	—	3	31	87	67	59	—	—	55	—
41,5	28,6	5,3	—	—	16,0	—	—	0,9	9,6	27,1	20,9	18,4	—	—	17,0	—
19	28	2	—	—	38	— (22)	—	2	3	—	7	43	—	—	22	— (6)
12	9	—	16	—	63	— (6)	—	—	5	—	3	13	—	—	14	9 (4)
14	22	—	—	—	34	29 (8)	—	—	2	—	28	—	—	3	38	21 (—)
—	—	—	—	—	6	— (4)	—	2	—	—	17	3	—	5	21	— (4)
—	—	—	—	—	—	— (—)	—	5	3	—	5	—	—	—	10	— (4)
—	11	4	—	—	21	— (—)	—	1	—	2	12	—	—	—	13	— (3)
12	9	—	—	—	15	13 (6)	—	—	8	2	—	—	—	12	9	24 (1)
—	—	—	—	—	37	40 (5)	—	—	2	—	15	—	19	10	65	29 (5)
—	—	—	—	—	13	— (6)	—	—	5	—	11	—	—	11	29	14 (12)
16	—	—	—	—	16	4 (29)	—	—	—	—	5	—	—	2	19	— (1)
16	—	10	—	—	8	29 (—)	—	—	7	—	2	—	—	1	6	9 (3)
89	79	16	16	—	251	115 (86)	10	5	32	4	105	59	19	44	256	103 (43)
10,9	9,7	1,9	1,9	—	30,8	14,1 (10,6)	1,4	0,7	4,6	0,5	15,3	8,6	2,7	6,4	37,4	15,5 (6,2)
18,0	15,3	1,4	0,4	1,0	27,0	16,0	1,1	1,4	6,1	10,0	15,8	11,5	0,5	6,6	32,5	13,1

Вотчина				Мелкая вотчина												
3 «вола»	2—3 «вола»	1—2 «вола»	дробные доли «вола»	размер не указан	бордари	сервы	6—8 «волов»	5—6 «волов»	4 «вола»	3 «вола»	2—3 «вола»	1—2 «вола»	дробные доли «вола»	размер не указан	бордари	сервы
16	40	—	—	2	48	31	1	6	10	—	15	19	—	39	100	24
—	—	—	—	5	7	—	—	—	3	—	8	—	—	2	6	3
16	40	—	—	2	48	31	1	6	10	—	15	19	—	39	100	24
9,4	23,5	—	—	4,7	32,3	18,2	0,4	2,5	5,5	—	9,7	8,0	—	17,3	44,9	11,4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	6	—	—	—	23	18	5	2	7	2	3	—	—	5	9	5
10	—	—	—	—	25	18	—	—	3	6	4	—	—	4	14	8
10	—	—	—	—	15	13	—	—	—	11	21	18	—	—	25	14
—	—	—	—	—	9	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
29	6	—	—	—	72	51	5	2	10	19	28	18	—	9	48	24
11,2	2,3	—	—	—	27,9	19,7	3,6	1,2	6,1	11,6	17,1	14,4	—	5,5	29,4	14,7
63	55	—	—	3	68	33	1	—	13	25	14	14	—	3	47	26
—	17	—	—	—	34	28	—	9	—	4	8	3	—	5	34	16
10	—	—	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
—	—	—	—	—	11	16	1	—	—	—	21	—	—	—	12	—
25	—	—	—	—	4	4	—	—	—	7	8	—	—	—	9	5
3	8	—	—	—	10	9	—	—	—	6	6	4	—	8	6	2
31	46	—	—	—	10	9	—	—	10	5	6	—	—	1	37	14
41	30	—	—	—	80	37	—	3	14	18	12	13	—	3	30	20
47	—	—	—	—	41	33	—	—	—	5	6	6	—	—	22	16
47	—	—	—	—	8	3	—	—	—	7	12	16	—	5	39	23

Сравнительная дифференциация вылазок

	Крупная выцана						Средняя выцана				
	2 виргаты и более	1—2 виргаты	1 виргата	1/2—1 виргата	1/2 виргаты	фердели	менее 5 акров	коттеры	2 виргаты и более	1—2 виргаты	1 виргата
Бедфордшир	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Уилль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Stoddan	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7,2
Беклингемшир											
Милсек	1	—	50	—	8	22	9	18	—	—	31
Stoddold	—	—	16	—	1	30	7	7	—	—	27
Bunslow	—	—	25	—	6	—	—	18	—	—	2
Mila	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	1	—	91	—	15	52	16	43	—	—	61
%	0,4	—	41,7	—	6,8	24,0	7,3	19,8	—	—	31,7
Оксфордшир											
Уолтон	34	37	163	—	175	—	9	82	—	—	85
Валрион	—	—	99	—	30	4	—	6	—	—	110
Тхаме	—	—	75	—	—	—	—	38	—	—	—
Левинор	9	—	59	—	32	4	—	—	—	—	9
Dorchester	18	—	38	—	3	—	—	—	—	—	41
Purton	9	—	44	—	1	—	—	4	—	—	2
Langley	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	27
Plougave	—	—	265	—	—	24	—	18	—	—	8
Bullington	—	—	84	—	42	7	8	9	—	—	157
Spridlington	—	—	273	3	53	11	—	7	—	—	76
Беминге	1	—	46	9	23	34	2	4	—	—	96
Итого	71	37	1176	13	460	84	19	206	3	11	559
%	3,2	4,8	57,2	0,6	22,3	4,0	0,9	10,0	0,2	0,7	38,8
Гентингдоншир											
Toseland	—	—	11	—	12	—	—	30	—	—	—
Normanross	—	—	118	—	56	1	—	172	—	—	18
Hirshington	—	—	265	—	99	44	—	119	—	—	48
Leightonstone	—	—	67	44	276	47	—	77	—	—	30
Итого	—	—	403	44	442	92	—	398	—	—	96
%	—	—	20,1	3,1	32,0	6,6	—	28,9	—	—	9,9
Комбриджшир											
Childford	—	—	4	—	11	—	1	4	—	—	6
Thriplow	—	—	1	—	67	18	—	16	—	—	4
Show	—	—	—	—	16	44	—	44	—	—	—
Slaploe	—	—	15	—	23	12	15	32	—	—	12
Staine	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Whitnesford	—	—	—	—	28	24	4	8	—	—	14
Longton	—	—	14	—	43	3	—	14	—	—	25
Walterley	—	—	17	—	15	13	2	55	—	—	1
Farvorfh	—	—	—	—	117	13	—	—	—	—	33
Pleandish	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Chesterton	—	—	—	—	80	8	26	33	—	—	—
Итого	—	—	57	—	400	122	48	162	—	—	95
%	—	—	7,2	—	50,6	15,4	6,0	20,5	—	—	7,4
По всему мате- риалу, %	1,8	0,9	33,6	1,7	28,1	12,0	5,3	16,0	—	0,3	19,0

5	591	47	10	218	11	12	575	9	479	110	16	393
0,5	40,0	3,2	0,6	15,0	0,6	0,7	35,8	0,5	29,8	6,8	0,9	24,4
—	170	—	—	37	1	—	8	5	185	29	3	136
—	163	2	1	240	—	—	9	—	66	1	—	118
—	54	—	1	33	—	—	7	—	23	3	20	37
6	405	28	—	41	3	—	5	—	409	18	—	40
6	492	30	2	351	4	—	29	5	383	51	23	331
0,6	50,3	3,0	0,2	38,0	0,4	—	3,5	0,5	46,5	6,1	2,7	40,3
—	47	14	—	28	—	—	—	—	13	12	8	9
—	72	37	3	110	—	—	—	—	22	22	33	45
—	101	11	—	24	—	—	2	—	45	59	26	26
—	55	6	—	70	—	—	6	—	44	41	12	146
—	49	—	—	27	—	—	6	—	42	4	6	48
—	27	—	—	—	—	—	4	—	49	25	10	21
—	89	9	—	—	—	—	6	—	70	16	—	30
—	14	—	—	25	—	—	2	—	58	76	45	63+1
—	23	30	—	21	—	—	22	—	17	11	—	12
—	63	9	3	44	—	—	2	—	22	38	5	50
—	52	8	—	88	—	—	—	—	59	18	26	19
—	27	7	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—
2	681	145	6	412	—	—	42	—	441	322	171	470
0,2	40,0	10,9	0,4	31,1	—	—	2,9	—	30,4	22,2	11,8	32,4
0,2	48,0	6,3	0,2	26,0	0,2	0,2	11,0	2,4	36,6	14,4	4,2	31,0

Наделов в основных типах вогуни в 1279 г.

Средняя вогунина					Мелкая вогунина							
1/2—1 виргата	1/2 виргаты	фердели	менее 5 акров	коттеры	2 виргаты и более	1—2 виргаты	1 виргата	1/2—1 виргата	1/2 виргаты	фердели	менее 5 акров	коттеры
—	49	2	—	13	—	—	12	—	145 21	93	19	74 20
—	49	2	—	13	—	—	12	—	106	93	18	94
—	41,0	2,8	—	18,8	—	—	2,8	9,8	38,9	21,8	4,0	22,9
—	2	—	—	22	—	1	15	7	55	10	—	36
—	28	—	—	23	—	—	17	—	85	73	—	121
—	21	25	—	8	—	—	4	—	51	—	—	45
—	—	—	—	—	—	—	20	—	18	—	—	—
—	51	26	—	53	—	1	56	7	209	83	10	202
—	26,5	13,5	—	27,5	—	0,2	9,8	1,2	36,7	14,5	—	35,5
—	93	—	—	79	7	9	191	—	99	7	—	52
—	100	—	—	13	3	2	47	3	101	44	13	29
—	25	—	—	4	—	—	35	—	12	—	—	9
—	34	2	—	6	—	—	24	—	18	—	3	15
—	5	—	—	1	—	—	—	—	19	—	—	2
—	90	5	—	21	—	—	25	—	8	2	—	3
—	113	8	—	32	—	—	6	—	32	6	—	14
—	25	8	—	45	—	1	80	—	127	22	—	58
—	17	—	—	4	—	—	48	—	26	—	—	79
—	28	1	—	8	—	—	84	—	8	5	—	44
—	—	—	—	—	—	—	35	—	38	24	—	75

составляли в крупной вотчине 21,3% общего числа вилланских надделов, в средней вотчине — 26,2%, а в мелкой вотчине — 35,4% этого числа, а если прибавить к ним ферделей, то получится соответственно: 33,3% — 32,5% — 49,6%. И в этом факте следует усматривать безусловный результат преемственности. В то же время очевидно, что различия с этой точки зрения между отдельными типами вотчин в значительной степени сгладились по сравнению с 1086 г. В самом деле, сопоставим итоговые данные табл. 34 в следующем виде:

Год	Удельный вес малоземельных и безнадельных вилланов		
	крупная вотчина	средняя вотчина	мелкая вотчина
1086	36,4 %	43,4 %	57,6 %
1279	33,3 %	32,5 %	49,6 %

Чтобы существо перемены, происшедшей к 1279 г., стало более очевидным, мы подставим для этого года итоговые цифры, относящиеся только к трем графствам — Гептиндонширу, Оксфордширу и Бекингемширу, в которых отношения крепостничества оказались в 1279 г. наиболее устойчивыми: 35,7% — 34,0% — 36,0%. Поразительный характер обнаружившихся сдвигов в распределении мелких надделов по различным (по типу) вотчинам может быть объяснен лишь тем, что мелкие держания не только унаследовались вотчиной, но и создавались ею в течение XI—XIII вв., причем наиболее интенсивно именно в крупных вотчинах. Но тем самым мы вправе заключить, что *величина вотчины не является в XII—XIII вв. решающей или во всяком случае единственной предпосылкой роста числа мелких и мельчайших вилланских держаний*, что их умножение обуславливалось в первую очередь экономической выгодой и хозяйственными нуждами манора.

Весьма любопытны и результаты сопоставления «надельного землевладения» вилланов. В 1086 г. средний падел виллана был равен в крупной вотчине 3,7 «вола», в средней — 3,3 «вола» и, наконец, в мелкой — 2,5 «вола». В 1279 г. средний падел соответственно равнялся: 0,8—0,6 и 0,6 виргаты. Таким образом, интенсивнее всего сокращался падел виллана в крупной и средней вотчине. И это естественно: здесь оказались для этого большие резервы. В 1086 г. 52,4% всех паделов превышало здесь «землю двух волов». В 1279 г. паделы размером более виргаты составляли в крупных вотчинах только 2,7%, т. е. их удельный вес сократился почти в 20 раз. В средних вотчинах удельный вес таких (по размеру) паделов сократился с 38,8% до 0,3%, а в мелкой вотчине — с 17,5% до 0,4%.

Если в крупной вотчине в результате дробления «изначальных» паделов резко увеличилось число виргатных паделов, составлявших в ней в 1279 г. треть всего числа вилланских дворов, то в средней и мелкой вотчине соответственно больше всего умножились полувиргатные паделы и фердели. В этом сказывалась разница в изначальной величине падела. В средней вотчине виргатные паделы в 1279 г. составляли 19,0%, а в мелкой вотчине — лишь 11,0%, зато полувиргаты в крупной вотчине составляли 28%, в средней — 48,0%, а в мелкой — 36,3%. Зато в последней значительно большим, чем в средних вотчинах, был удельный вес ферделей — 14,4% (по сравнению с 6,3%). Таковы основные особенности в эволюции вилланского падела в различных по типу вотчинах.

Однако эволюция вилланского (крепостного) падела имела и вторую сторону — имущественную дифференциацию вилланов как мелких самостоятельных товаропроизводителей. Хотя совершенно очевидно, что она в социальной действительности XIII в. играла второстепенную и подчинен-

ную роль по сравнению с рассмотренной выше (взаимодействием между ростом производительности земледельческого труда и нормой эксплуатации вилланов), тем не менее было бы более чем опрометчиво ее игнорировать. Сколь малым ни был бы элемент хозяйственной самостоятельности виллана, уже одно то, что виллан ведет свое хозяйство на свой страх и риск, означало в условиях развитых товарно-денежных отношений неизбежность различий в степени преуспеяния различных имущественных прослоек вилланов⁸⁹.

К сожалению, эта сторона проблемы дифференциации вилланства остается почти полностью скрытой в описях XII—XIII вв. Для манориальной администрации она как бы не существует, так как она учитывает лишь «единицы» держаний, а не единицы хозяйства⁹⁰, в то время как протоколы манориальных курий и инструкции вотчинной администрации отчетливо свидетельствуют о том, что действительная картина хозяйственного использования земель внутри общины вилланов значительно отличалась от той, которая рисуется описями и рентальями. В среде вилланства уже очень рано обнаруживается существование оживленного, преимущественно скрытого, «поземельного рынка». Во всяком случае к концу XIII в. вилланы уже открыто через манориальную курию сдают в аренду, а порой и вовсе отчуждают части своих держаний — обычно на срок жизни или «на годы». Одним словом, перед нами вырисовывается типичная картина обогащения одних вилланов и постепенной пауперизации других. Так, в инструкции агентам, совершавшим объезды маноров капитула Св. Павла, значится: «Приобрел ли кто-либо из вилланов землю или какое-либо владение внутри манора, либо за его пределами, от свободных людей»; и далее: «Продали ли кто-либо из вилланов, подарил или сдал в аренду сервилльную землю по грамоте или без таковой своим конвилланам без ведома и согласия (лорда) не в манориальной курии»⁹¹. Запреты вилланам совершать поземельные сделки без ведома курии мы встречаем и в инструкции вотчинной администрации Глостерского монастыря⁹². В протоколах курии Деремского приорства конца XIII в. содержится много записей поземельных сделок вилланов. Уолтер Fristeling получил разрешение в течение двух лет «пахать землю» Роберта, сына Роджера, исполу (pro dimidia duarum vesturarum)⁹³. Тот же Уолтер Fristeling получил разрешение пахать землю Конана исполу (ad medietatem)⁹⁴. Томас Староста и Ральф de Roynlon получили разрешение обрабатывать в течение года землю вдовы Hewis⁹⁵. Земля Ad'Sonne взята в руки господина, так как обнаружилось, что ее обрабатывал Иоанн, сын Михаила (без ведома курии)⁹⁶. По той же причине отобрана земля Марджори Channeeler⁹⁷ и земля Адама, сына Алиции⁹⁸. Число подобного рода примеров очень велико и в протоколах курии Уэйкфильдского манора⁹⁹. Все они свидетельствуют о том, что вилланы, как хозяйственно самостоятельные мелкие производители, были в какой-то мере подвержены «стихийной» имущественной диф-

⁸⁹ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 807. Однако не только объем избыточного продукта, но и сама возможность его появления не только зависела от высоты земельной ренты, но и от типа крепостного хозяйства, от категории надела.

⁹⁰ См. RH, II, 830 (Weston): на 8 вирагах исполнено уже по 2 держателя на каждой. Cp. Registrum Wigorniensis, p. 41a (Grimelege): «...in villenagio sunt XXVIII dimidia virgatae (terre) quarum... caeterae autem divisae».

⁹¹ Domesday of St. Paul's, p. 157.

⁹² Cart. Glouc, v. III, p. 213—216.

⁹³ Halmota prioratus Dunelmensis. Ed. Surtees Society, 1889, p. 3.

⁹⁴ Ibid., p. 3.

⁹⁵ Ibid., p. 4.

⁹⁶ Ibid., p. 5.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Cp. H. S. Bennett. Life on the English Manor, p. 50: «Holdings of villans, consisting of groups from 2 to 7 holders».

ференциации. Среди них выделялись хозяйственно крепкие дворы, приобретающие земли под различными титулами, прибегавшие к аренде с целью наживы, и масса других, которые, оскудев, теряли способность самостоятельно вести хозяйство. И тем не менее, если несомненно, что возможность учесть результаты этих процессов значительно изменила бы картину имущественной дифференциации вилланов по сравнению с той, которая вырисовывается из данных экстенгов, то вместе с тем столь же очевидно, что до тех пор, пока существовал институт вилланства, стихия товарного хозяйства в лучшем случае лишь модифицировала то, что определялось закономерностями феодальной ренты.

В итоге данного исследования несомненным представляется во всяком случае одно: существо процесса имущественной дифференциации в среде вилланов в XII—XIII вв. качественно отлично от внешне аналогичных процессов в среде фригольдеров. Столь же различны были и движущие факторы этих процессов.

§ 4. Манориальный обычай и рента вилланов

Как бы ни трактовался вопрос о «каруке» ДВ, сколь малой мы ни считали бы пахотную площадь, скрывающуюся за ее статистикой «сагисае villanogum», факт резкого сокращения средних размеров вилланского надела в обследованных здесь манорах между 1086 и 1279 гг. неопровержим. Но взятый сам по себе этот факт может быть истолкован двояким образом: демографически и социально-экономически. В первом случае в нем можно усмотреть лишь следствие роста народонаселения, обусловившего последовательное дробление «изначальных» наделов — дворов — между все большим числом членов сельской общины. В этом случае манориальные лорды выступают лишь в роли контролирующей процесс инстанции. Их забота сводится лишь к гарантии неизблемости традиционного рентного отношения, иначе говоря, сй безразлично дробление надела, если обеспечена целостность единицы причитавшихся с него повинностей...¹⁰⁰

Во втором случае тот же факт (сокращение средних размеров вилланских наделов) может быть истолкован как выражение усиления степени эксплуатации феодально зависимого крестьянства вообще и класса вилланов в особенности. В этом случае манориальная курия из свидетеля процесса, из фактора, в лучшем случае тормозящего его течение, превращается в инициатора периодических переделов вилланских дворов, предпринимаемых с целью увеличения ренты. Но для того чтобы остановиться на последнем толковании процесса дробления вилланских наделов, необходимо еще, помимо доказательства сокращения с течением времени самого «эталона» «полного», «половинного» и т. д. надела, привести достаточные доказательства того, что это сокращение, по крайней мере, не сопровождалось соответствующим снижением лежащих на данных наделах повинностей, иначе говоря, что новообразованные уменьшенные наделы приносили лорду ренту если не равную по размеру, то приближавшуюся к той, которая получалась им прежде от обладателей неурезанных наделов соответствующего типа.

Итак, какова была степень устойчивости уровня вилланских повинностей в рамках одной и той же (господствующей) формы феодальной ренты; насколько нерушимым был однажды возникший манориальный обычай; какими путями пользовалась манориальная администрация для увеличения вилланских повинностей? Одним словом, какова была динамика вилланских рент в рамках изучаемого нами периода?

¹⁰⁰ Ср. Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, стр. 131.

Выше мы уже имели случай убедиться в том, что в RH виргатой нередко именуется паделы, которые в действительности являлись лишь половиной или даже четвертой частью надела, считавшегося виргатой в 1086 г.

По тем самым мы вправе заключить, что в манориальных описях XII—XIII вв., терминология которых так или иначе отразилась в RH, «виргата» и ее компоненты по существу означали не столько определенную площадь (в акрах), сколько единицу исчисления вилланских повинностей, определенную меру их. А так как эта «мера» варьировала от манора к манору, то нет ничего удивительного в том, что мы обнаруживаем «виргаты» самой различной величины¹⁰¹. Один пример будет достаточным для того, чтобы сделать наглядным сущность «виргаты» манориальных экстенгов. В описи манора Swyncombe, принадлежавшего аббатству Вес, которую мы находим в RH (II, 857), в качестве образцового «виллана» для перечисления «полного тягла» указан держатель 8 акров земли. Имея в виду размеры фискальной (стандартной) виргаты, мы готовы считать «модель» вилланского держания в маноре Swyncombe лишь $\frac{1}{4}$ (фердель) соответствующего надела (т. е. «виргаты»). Тем не менее, обратившись к описи этого манора (почти одновременной с RH) в писцовой книге аббатства, мы обнаруживаем, что «моделью» для раскладки повинностей вилланов здесь служит падел, именуемый «виргатой»¹⁰². Но так как число 8-акровых наделов в RH и число вилланских «виргат» в писцовой книге аббатства полностью совпадает, то очевидно, что «виргатой», т. е. «полным» наделом (*plena terra*), здесь назван падел в 8 акров. Но если комиссары, осуществлявшие расследование 1279 г., не смогли назвать вилланские наделы Swyncombe «виргатами», так как они исходили, как правило, из фискального стандарта, то для целей сеньориальных, т. е. для исчисления нормы вилланских повинностей, манориальная администрация могла считать виргатой любую дробную долю этого стандарта. В величине этого отклонения мы склонны усматривать не только наиболее верный критерий для суждения о том, как возникают разноликие «локальные» виргаты, но и о том, для чего они создаются теми, кто ведет учет манориальной площади¹⁰³. После этого не придется уже удивляться не только тому, как широко варьирует от манора к манору содержание виргаты в акрах¹⁰⁴, но и тому, что во многих манорах, судя по RH, основные барщинные повинности (в том числе пахота, подводная барщина и т. д.) лежали на держателях ферделей и даже шестой части стандартной виргаты¹⁰⁵. Естественно, что с уменьшением реального содержания «полных» наделов причитавшиеся

¹⁰¹ Inq. maneriorum Eliensis. British Mus. (Cott. Tib. II (1222). f. 135 (Hardwick): «Una plena terra scilicet triginta duas acras»; f. 108 (Dunham): «Una plena terra que continet quatuordecim acras»; f. 77 (Wilburton): «XII acrae de wara faciunt unam plenam terram».

¹⁰² Documents of the English Lands of the Abbey of Bec (ed. M. Chibnal), p. 87.

¹⁰³ Ср. Ibid., p. 87. Мы отнюдь не отрицаем роль таких факторов, как специфика почв, соотношение различных сельских угодий, системы ротаций (двухполье или трехполье) в определении «изначальных» различий в величине того владельческого комплекса, который был известен как plena terra, но с возникновением манора эволюция величины этого комплекса (как и соотношения отдельных компонентов в нем) — результат отнюдь не стихийного процесса, а вполне целенаправленных действий манориальной администрации. Ср. Raftis. Op. cit. p. 68—69.

¹⁰⁴ См., например, размеры виргат по ряду маноров Гентингдоншира (RH, II, 602):

Wistow	— 1 vg = 20 a	Dirlington	— 1 vg = 16 a
Holywell	— 1 vg = 16 a	Little Paxton	— 1 vg = 20 a
Ellington	— 1 vg = 24 a	Stanton	— 1 vg = 16 a
Broughton	— 1 vg = 30 a	Folkworth	— 1 vg = 25 a
Slepe	— 1 vg = 15 a	Walton	— 1 vg = 20 a

¹⁰⁵ См. RH, II, 453 (Landbeach): «Johannes... tenet V acras terre cum prato et faciet IV^{xx} VIII opera que valent in anno X s V d».

с них повинности постепенно переносились на держателя дробных долей прежней виргаты¹⁰⁶.

Таким образом, при сравнительном изучении размеров вилланских паделов по DB и RH поражает не столько то, что первоначальные «полные наделы» с течением времени дробятся на «половинные», «четвертные» и т. д., сколько то, что последние продолжают в новых условиях считаться *полными наделами*, ибо на них переносились повинности, ранее лежавшие на наделах, вдвое, вчетверо превосходивших их по размеру¹⁰⁷. В таких случаях очевидно, что *plena terra* более поздних описей означает то, что фактически дробная доля такового обязана рентой, причитавшейся ранее с целой единицы, иными словами, что одна «виргата» 1086 г. в рентном выражении оказывалась к 1279 г. двумя, тремя, а то и четырьмя «виргатами», и следовательно, приносила вдвое, втрое или вчетверо больше ренты маюриальному лорду. Именно этот факт подтверждается маюриальной записью Гластонберийского маюра Critemeleford (1189 г.), в которой сообщается следующее: «Адам, сын Гузви (Guthwi), держит одну виргату... На этой виргате в прошлом находилось два двора и считалась она за две виргаты; но так как два держателя не могли существовать на них, то эти две виргаты были превращены (сведены) в одну и, как они (жюри) слышали, за нее прежде платили 7 сол., теперь же — 4 сол.»¹⁰⁸. Оставим в стороне неудачу этой попытки лорда — сущность ее предельно ясна: за один и тот же надел — «виргату» — он хотел получить в 2 раза больше ренты, выкроив из него два «полных» падела. Можно ли сомневаться в том, что виргата в данном контексте означает лишь меру «полных» повинностей, по отнюдь не меру земли?

Если в свете этого сообщения рассмотреть приведенные выше (см. § 3) статистические данные о соотношении средних размеров вилланских паделов в 1086 и 1279 гг., то движущие причины этих перемен перестанут быть загадкой. Но у нас имеются и более прямые доказательства того, что дробление вилланского падела влекло за собой для его обладателя не пропорциональное уменьшение, а пропорциональное увеличение доли прибавочного продукта, присвоенного лордом. Прежде всего обращают на себя внимание те случаи, когда размер ренты за разновеликие виргаты в пределах одной и той же вотчины одинаков. Приведем некоторые из этих примеров. В маюре Somersham, принадлежавшем епископу илийскому, мы находим виргаты в 24, в 30, в 16 акров. Вилланские же повинности исчислены здесь безотносительно к этой градации, а за «виргату» (независимо от ее величины) как «единицу» держания¹⁰⁹. То же наблюдается и в франзейских маюрах: Slepe, где размер виргаты варьирует между 15—30 акрами¹¹⁰, и Weston, где фиксированы виргаты в 28 и 48 акров (RH, II, 629) и где повинности «полного падела» исчислены безотносительно к этим вариациям.

Однако, если интересующая нас тенденция к усилению степени эксплуатации вилланов скрывается в этих случаях за неясностью хозяйственной ценности таких разновеликих виргат, то она уже выступает с полной

¹⁰⁶ Это очень хорошо иллюстрируется теми случаями, когда из стандартной фискальной гайды «нарезается» не 4, а большее число «виргат». См. RH, II, 637 (Orton Waterwill): 1 II = 8 vg; 1 vg = 15 a.

¹⁰⁷ См. ниже, стр.

¹⁰⁸ Liber Henrici de Soliaco, p. 143; «Adam filius Guthwi tenet unam virgatam pro quinque solidis. Super hanc virgatam terre fuerunt olim duo domus et pro duabus virgatis computata fuit terra illa. Sed quia non potuerunt duo homines ibi vivere redacte ille due virgate ad unam et sicut audierunt dicere VII sol. redabantur modo — IV sol.»

¹⁰⁹ См. RH, II, 605. Это выражено в формуле «quilibet tenens unam virgatam integram (!?) debet». В писевой книге епископа илийского вместо этого значится: «Et faciet in omnibus omnes easdem opera et consuetudines...» (Brit. Mus., Cott. Claud., c. IX, f. 98).

¹¹⁰ RH, II, 603. Cp. A. E. Levet t. Studies in Manorial History, p. 200 ff.

очевидностью в тех описях, где указаны размеры ренты для отдельных частей одной и той же «универсальной» виргаты. Так, например:

В маноре Harlton (RH, II, 551)	держатель 15 акров выплачивает 8 сол., держатель 9 акров выплачивает 7 сол. 10 ден., т. е. всего лишь на 2 ден. меньше.
В маноре Foxton (RH, II, 547)	за 18 акров лорд требовал с виллана 13 сол., а за половину этого надела, т. е. за 9 акров — 9 сол. 8 ден.
В маноре Chilford (RH, II, 436—437)	за полную виргату в 32 акра виллан вы- плачивал 14 сол., а за половину этого паде- ла, т. е. за 16 акров — 10 сол.
В маноре Wampton ¹¹¹ (RH, II, 688)	с вилланской виргаты лорд требовал в год 11 сол. 7 ден., а за половину такого наде- ла — 9 сол. 4 ден.

Такого рода примеры неопровержимо свидетельствуют о том, что дробление «первоначальных» наделов вилланов было прежде всего выражением усиления степени эксплуатации их обладателей. Они не оставляют сомнения в том, что «полувиригаты» в этих манорах рассматривались не как компоненты какой-либо универсальной единицы держания, а как держания особого рода, с *новым, специально для них установленным* обычаем. Не удивительно, что полувиригаты часто именуются в описях *aliter tenentes* (RH, II, 688—689).

Каким же образом достигалось то, что повинности полувиригаты в сумме своей приближались к повинностям виригаты? Изучение манориальных описей XII—XIII вв. обнаруживает весьма любопытный в этой связи факт: манориальная администрация только *redditus assise* (т. е. денежную часть годичной ренты) полного надела делила более или менее пропорционально между его компонентами (в случае его дробления); что же касается барщинных повинностей, то они у последних оставались либо на уровне повинностей «полного надела», либо приближались к нему¹¹². Следовательно, если денежные платежи вилланов приходилось так или иначе соразмерять с товарными возможностями их хозяйства, то при раскладе барщинных повинностей, основывавшихся на натуральных ресурсах вилланского хозяйства, манориальная администрация часто не делала различия между «вириготой» и полувириготой, так как в новых условиях последняя оказалась достаточной для самостоятельного (тяглового) двора¹¹³.

¹¹¹ Конечно, в манориальных источниках можно при желании найти примеры строгой пропорции между размерами держания и величиной ренты [см. RH, II, 693 (Brize Norton): 1 vg 9 s 4 d; 1/2 vg — 4 s 10 d]. Однако, во-первых, они далеко не являются правилом, во вторых, даже в этом случае *два полувиригаты приносили лорду больше ренты, чем один вириготой* (см. ниже).

¹¹² Существо этой практики хорошо раскрывается в следующих примерах. Согласно описи манора Wampton 1279 г. (RH, II, 688—689), вилланская виргата выплачивала *redditus 5 s, 6 d, et pro opere et servicio 5 s 10 d*, полувиригата *4 s et pro opere et servicio 5 s 10 d*

1 vg (aliter)	— 5 s 6 d et pro opere 2 s 7 d tallagium
1/2 vg (aliter)	— 4 s 10 d » » » 2 s 7 d »
1/2 vg (aliter)	— 3 s 10 d » » » 2 s 6 d »

¹¹³ Недаром лорды считали более выгодным коммутировать барщины полупадедельных и оставлять на барщине полупадедельных и ферделей. См. Inq. Eliensis (Cott. Tib. II. f. 219): *Thriplow; Rentalia et custumaria abbatum Glastoniae*, p. 61, 72:

Манор Winterbourne	1 vg reddit de gabulo 6 s de dono—12 d et facit opera 1/2 vg reddit de gabulo 3 s de dono—12 d et opera sicut predictus virvatarus.
Манор Weington	1 vg reddit de gabulo 5 s de dono—20 d et opera (?) 1/2 vg reddit de gabulo 3 s de dono—6 d et facit eadem servicia.

К сожалению, сопоставления размеров ренты, выплачивавшейся полнадельными и неполнадельными вилланами, возможны лишь для незначительного числа маноров¹¹⁴. Но и те данные, которые обнаруживаются в отдельных описях, с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что шкала ренты и шкала держаний (по размеру) устремлялись в противоположных направлениях, т. е. что *уровень ренты находился в обратной пропорции к величине держаний* — и, следовательно, что статистически констатируемый процесс дробления вилланских держаний между 1086 и 1279 гг. выражал не что иное, как *увеличение степени эксплуатации класса вилланов*. Остается непреложным тот факт, что чем подвижнее, дробнее являются размеры вилланских держаний, тем более подвижными, дифференцированными являются феодальные повинности. Феодальная эксплуатация отнюдь не равномерно ощущается отдельными имущественными прослойками вилланов. Ее степень усиливается в направлении от более обеспеченных земель прослоек к менее обеспеченным, к малоземельным держателям. В этом проявляется подлинная сущность феодального способа производства — степень эксплуатации оказывается в конечном итоге *функцией степени экономической зависимости держателя*.

Этот кардинальный факт социальной истории английской деревни XII—XIII вв. засвидетельствован в самых различных (по типу) источниках этого времени: в судебных протоколах, в манориальных описях и ренталях и т. д. При этом речь идет отнюдь не только о том, что лорды добивались лишь увеличения барщичных повинностей¹¹⁵, а, как мы увидим, о стремлении их всеми доступными им путями и средствами добиться увеличения ренталя вообще. В тех жалобах вилланов, которые в виде исключения отразились в Свитках коронных судов, время правления Генриха II наиболее часто упоминается как своего рода рубеж, после которого наступило повсеместное увеличение повинностей¹¹⁶. Оформление института вилланства в общем праве при Генрихе II не в малой мере содействовало усилению феодального нажима на крестьянство в целом¹¹⁷.

Если оставить в стороне факт урезывания и дробления вилланских наделов, то стремление вотчинников к увеличению вилланских рент реализовывалось в одних случаях путем превращения прекарной и сезонной барщины в барщину регулярную, еженедельную, в других же, где недельная барщина уже ранее существовала, — увеличением числа барщичных дней, в третьих, — умножением прекарий, «помочей», причем нередко они увеличивались настолько, что превращались в произвольную барщину. Наконец, вводились (там, где их не было) или увеличивались сервилльные платежи — талья, панаций, меркет, всякого рода пошлины; платежи опре-

¹¹⁴ Результаты подобной практики отражаются в манориальных ренталях следующим образом:

Comberton	(RH, II, 554)	15 a tenementum valet 9 sol.
		9 a » » 9 sol.
Haslingfield	(556—557)	20 a » » 6 sol. 6 den.
		5 a » » 4 sol. 4 den.
		10 a » » 8 sol. 6 den.
		5 a » » 5 sol. 4 den.
Schepere	(561)	18 a » » 13 sol. 4 den.
		9 a » » 9 sol. 0 den.
		15a opera et servicia valent 8 sol.
Harlton	(562)	9 a tenementum valet 7 sol. 10 den.

¹¹⁵ Cp. M. Postan. Chronology of Labour Services, p. 187; G. C. Poms. English Villagers..., p. 244; Bennett. Life on the English Manor, p. 105.

¹¹⁶ Pl. Abbr., p. 292: «Quod exigerunt ab eo et aliis tenentibus alias consuetudines et servicia quam facere et solvere consueverunt temporibus regum Henrici (II) et Ricardi Primi... fecerunt istas districtiones... tempore regis Iohannis; ibid., p. 118: «Henricus rex avus Henrici qui nunc est» (i. e. Henrici II).

¹¹⁷ См. выше, гл. IV, § 3.

деленные превращались в неопределенные «на воле лорда» и т. д. и т. п. Очевидно, что во всех этих случаях само увеличение численности держателей на вилланском праве означало (безотносительно к размеру их паделов) увеличение материального ренталя¹¹⁸.

Естественно, что наиболее верным путем для выявления подробностей этого процесса явилась бы возможность сопоставить разновременные экстенсты и рентали одних и тех же маноров. Доступные нам источники лишь в отдельных случаях открывают такую возможность. При этом следует иметь в виду, что такое сопоставление требует большой осмотрительности, ибо сплошь и рядом легко принять за нововведение такие повинности, которые отбывались уже вилланами и в дни более ранней описи и которые не нашли отражения в ней лишь по причине крайней суммарности и неопределенности формул. В особенности это относится к описям XII в. Писцовая книга Питерборооского монастыря и RH дают возможность сопоставить повинности вилланов в маноре Alwalton (Гент.) в начале XII в. (1125—1128 гг.) и в 1279 г.:

Liber Niger¹¹⁹: I vg [debet de reddito 6 ⁶/₁₀ d] unde operantur

semel in ebdomada per annum et praeter hoc arant IX acras et faciunt VI praecaciones...[et]predicti villani reddunt de consuetudine III seppas et III bussellos frumenti et I XX gallinas et CL ova. Et isti villani reddunt V arietes et X ulnas de Fanno et X discos et CC pannas.

RH, II, 638: I vg debet de reddito III sol. I den. ...operatur per

totum annum ... qualibet septimana per tres dies qualibet die cum uno homine et in autumpno — qualibet die cum uno homine ... Item dat I busselunfrumenti ad bensed et XVII garbas avenae ad fodercorn, III gallinas et 1 gallum et V ova ... Item facit averagium pro voluntate donini.

Даже имея в виду сделанные выше оговорки, нельзя отрицать познавательный интерес этой параллели. Из нее очевидно, что условия вилланского держания в этом маноре за истекшие между описями полтора века ухудшились, стали более тяжелыми. Причем это случилось даже в таком консервативном маноре, каким обычно был монастырский манор, и в районе ранней манориализации, как Гентингдоншир. Прежде всего следует отметить увеличение почти в 6 раз суммы денежного оброка. Мы не можем сказать (ввиду суммарности описи XII в.), в какой мере это являлось результатом коммутации натуральных повинностей (среди повинностей вилланов XIII в. мы уже не находим сыров и хлебов, не упоминаются и сукно и бараны). Тем не менее вряд ли одной коммутацией этих повинностей можно объяснить столь резкое увеличение redditus. Еще более ярко выраженным был здесь рост барщинных повинностей. Количество барщинных дней (регулярной недельной барщины) увеличилось в 3 раза: вместо одного дня в неделю в начале XII в. виллан-виргатарий в 1279 г. работал на лорда уже три дня в неделю. Осенью же барщина фактически превращалась в шестидневную (3 дня с 2 работниками). Правда, из RH исчезла пахота (может быть, она просто олуцела?), но зато появились averagia pro voluntate, с лихвой покрывавшие исчезнувшую пахоту. Таким был здесь рост феодальной ренты в течение XII—XIII вв. при условии неизменности размера держания и консервативности монастырского

¹¹⁸ Ср. DB, I, 205a (Fletton): 14 вилланов на 3½ гайдах; RH, II, 639: 26 вилланов на 13 виргатах; DB, I 205a (Lacheslei): 38 вилланов с 13 каруками; RH, II, 640: 48 вилланов на 11 гайдах.

¹¹⁹ См. Chr. Petroburgense, p. 160. Ср. результаты сопоставления вилланских повинностей по экстенстам Илийского епископства и аббатства. F. W. Maitland. History of a Cambridgeshire Manor.—EHR, v. IX; Ср. N. Neilson. Economic Conditions on the Manors of Ramsey Abbey. Philadelphia, 1908, p. 49—50. (Ср. A. Levett. Studies in Manorial History, p. 192 ff.

хозяйства. Не менее поучительна и вторая параллель между писцовой книгой Питерборокского монастыря и RH, относящаяся к манору Fletton:

*Liber Niger*¹²⁰: I vg terre debet de reddito [$1\frac{1}{2}$ d.] a festo Sancti Michaelis usque ad Pascha in quaque ebdomada I die operantur et praeter hoc arant VI a et dim et seminant IV acras de proprio semine et praeter hoc arant VI diebus in estate et faciunt operationes ad caritatem Sancti Petri [et] reddunt IV arietes et V ulnas panni et X discos et 200 panes et X gallinas.

RH, II, 639: [$1\frac{1}{2}$ vg terre] debet per annum II s, I d... Item facit arruras... a festo Sci Michaelis usque Pascha qualibet die Veneris... Operatur qualibet septimana die Mercur' cum uno homine... Item herciabit cum una hercia post prandium qualibet die quae arabit... Item operatur a Pascha usque ad gullam Augusti... per duobus dies in una septimana cum uno homine et per diem cum uno homine in alia septimana... Item operatur a gulla Augusti usque ad festum Sci. Mich[aelis] in una septimana per duos dies cum uno homine et in alia septimana per I diem cum I homine. Idem faciet II bedreapas...

Сопоставление вилланских повинностей, фиксированных в этих двух описях (как и в предыдущих), весьма затруднено: в писцовой книге аббатства многие повинности даны суммарно для всех вилланов (а их было 6 виргатариев и 10 полувиргатариев), в RH повинности перечислены для отдельно взятого держания. Тем не менее основные сдвиги, происшедшие в повинностях вилланов этого манора, совершенно очевидны. В начале XII в. «единицей» для раскладки повинностей служила еще виргата, в 1279 г. ею оказалась уже полувиргата, что само по себе весьма замечательно. Но далее, от михайлова дня до пасхи виллан должен был лорду в начале XII в. один день барщины в неделю, к 1279 г. эта барщина увеличилась, по крайней мере, в 2 раза, ибо от него уже требовали два дня каждую неделю. Если же учесть, что за это время вдвое сократилась единица держания, то рост барщинных повинностей окажется вдвое большим. В описи 1125 г. мы не найдем упоминания относительно размера барщины в страдную пору года. Но допустим, что в этом оказалась лишь суммарность ее и что барщина составляла один день в неделю, — и в этом случае станет очевидным ее значительное увеличение к 1279 г. (по крайней мере, каждую вторую неделю она была уже двухдневной). Если же при этом учесть сокращение единицы держания, то и рост повинностей окажется вдвое большим. К сожалению, сопоставление пахотной повинности, как и некоторых работ, невозможно из-за разнородности данных сравниваемых описей. Но зато очевидно, что депрессивный оброк виллана возрос более чем в 4 раза, что снова-таки вряд ли может быть объяснено одной лишь мутацией натуральных повинностей. В итоге и этой параллели интенсивный рост феодальной эксплуатации вилланства в XII—XIII вв. оказывается твердо установленным фактом. Поэтому можно себе представить, насколько более интенсивным был этот процесс в манорах светских лордов, познавших все превратности процесса субинфеодации и связанную с этим многократную смену владельцев, дававшую более чем достаточно поводов и возможностей для коренной ломки традиционных рентных отношений в пользу лордов. Не удивительно, что прежде всего в этих манорах мы сталкиваемся с еще более резкими скачками вилланских рент.

В социальную атмосферу, царившую в такого рода вотчинах, нас вводит жалоба держателей манора Westone (Бодф.), которую мы находим в первом томе RH. Манор этот, как заявили королевским комиссарам жюри, был передан Иоанном Безземельным Вильяму de Bocland, который тотчас же по вступлении во владение им пренебрег старинным обычаем и стал увеличивать повинности держателей. В дни Генриха II держатели этого манора были обязаны лорду лишь тремя днями барщины на жатве (messe),

¹²⁰ Chr. Petroburgense, p. 165.

получая от него за это харчи. Вильям de Boeland пачал с того, что прибавил еще один день жатвы (*augmentat dictum servicium per unam diem messi*) и, кроме того, потребовал, чтобы держатели уплачивали за выпас скота (*garsaneses*). На некоторое время этот «обычай» утвердился и оставался без изменений (*non augendo, neque mimendo*). Но вот малор оказался в руках нового лорда — Иоанна Tregoz, и он довел указанную барщину до 10 дней, и при этом на собственных харчах держателей. Кроме того, он потребовал еще один день прекарной барщины. Наконец, он заменил определенные судебные штрафы сокменов неопределенными штрафами вилланов. Через некоторое время снова сменился лорд, и малор оказался в руках некоего Хамо Crevceuer. Последний заменил определенные фэйны сокменов при наследовании наделов фэйнами вилланов на полную волю лорда (*ad plenam voluntatem domini*). Кроме того, он ввел подводную барщину, которую держатели раньше совершенно не знали (*nullum penitus facere consueverunt* (РН, I, 6)). Перед нами яркий пример того, насколько смена лордов маноров облегчала каждый раз ломку обычая с целью увеличения повинностей. В нем, как в каше воды, отразились и многообразие исследуемого процесса (речь идет не только об увеличении барщины, а всех повинностей крестьян), и иллюзорность «защитной силы» обычая, в качестве которого утверждалась в конечном счете воля лорда. И если в приведенной жалобе бросается в глаза «постепенность» процесса, то объяснением этому служит специфика условий, царивших в этом маноре, принадлежавшем к «старинному домену» короны. Насколько же произвольнее могли обращаться с обычаем лорды, которые с этой точки зрения не находились под контролем фиска.

О том, что усиление феодальной эксплуатации крестьянства в XII—XIII вв. заключалось не только в увеличении барщины, но и всех других повинностей, в том числе и денежных платежей, свидетельствует жалоба держателей манора Рамзейского аббатства. Аббат Роберт Трапвел (1180—1200 гг.), утверждаят они, полностью нарушив старинный обычай (который они ведут со времени короля Канута), стал припуждать держателей к новым повинностям: вместо твердо установленного реллефа в 2 сол. 6 ден. он потребовал при наследовании держаний произвольные фэйны; кроме того, он ввел ежегодную талью также «на воле лорда», припуждил уплачивать «рабский платеж» — меркет при выдаче замуж дочерей и, наконец, стал требовать барщину во время пахоты и уборки хлеба, «как и другие, ранее неизвестные повинности». Но самое любопытное мы узнаем в конце жалобы. Оказывается, что все произвольно установленные указанным аббатом повинности утвердились с тех пор, (т. е. со времени правления Генриха II) как «обычные» и стали требоваться всеми последующими аббатами монастыря¹²¹. Однако в данном случае, как и в предыдущем, речь шла о переводе держателей, находившихся ранее на положении «сокменов», в разряд вилланов, что влекло за собой замену определенных повинностей произвольным введением целого ряда специфических рабских платежей. Было бы поэтому крайне важно выяснить, как добивались лорды более или менее значительного увеличения повинностей в манорах, где держатели уже давно находились на положении вилланов и, следовательно, где простор для «нововведений» был значительно меньшим.

Сопоставление манориальных экстенгов XII—XIII вв. позволяет вскрыть тесную взаимосвязь между увеличением вилланских рент, и процессом «ранней коммутации» барщины (во второй половине XII в.) и рекоммутации ее в первые десятилетия XIII в. «Ранняя коммутация» XII—XIII вв. трактовалась главным образом с точки зрения формы ренты¹²².

¹²¹ *Select Pleas in Manorial Courts* (ed. F. W. Maitland), p. 99. Cp. N. Neilson. *Economic Conditions...*, p. 46—50.

¹²² М. Роста. *The Chronology of Labour Services*, p. 167 ff. Cp. Е. А. Косминский. *Исследования...*, стр. 227 и сл.

Однако, может быть, наиболее важное ее значение заключалось в том, что она в конечном счете привела к резкому взлету кривой виллапских рент. Естественно, что идеальной формой коммутации являлось определение «цены» всех виллапских повинностей, т. е. сведение всех видов барщинных и натуральных повинностей к их денежному эквиваленту: Отсюда альтернатива, решаемая лордом: «Aut redditus... aut opera»¹²³.

Однако такие случаи были не частыми. Гораздо чаще коммутировалась лишь часть барщины¹²⁴, обычно week-work, и оставались в натуре сезонные повинности (сенокос, жатва и т. д.) и прекарии. Со временем же лорды настолько «растягивали» эти частичные повинности, что ими по существу замещалась основная часть потребностей домена в рабочей силе. В то же время резко увеличивалась сумма денежной ренты, так как в нее включалась стоимость «коммутированной барщины»¹²⁵. В тех случаях, когда «коммутировались» все виллапские повинности (включая барщину, талью, меркет и т. д.)¹²⁶ и все виллапские платежи были фиксированы в денежном оброке, тот же результат достигался при рекоммутации, когда восстанавливался «прежний обычай» и лорды при этом «забывали» отменить redditus либо сократить их на соответствующую сумму¹²⁷. Проиллюстрируем эту практику на примере маноров Гластонберийского монастыря:

Sharwick,
1189 г.¹²⁸: I vg
reddit V set debet
arare ad Natale
bis et bis in tre-
meis et metere
tres acras
et cariare bladum
domini et fenum.

1236 г.¹²⁹: I vg reddit IV s, et de dono XVII d et II arura (1/2 a)
et herciare eandem et arare [ad semen quadragesime] dim. a.
et de warecto—dim. a., herciare—I diem, metere—III acras, ca-
riare bladum per I diem, cariare fenum—1 diem, levare fenum
donec fuit levatum et item cariare apud Glastonie vel alibi—
sarclare bladum—per II dies et per I diem summariare cum
villata, claudere IV perticat, fodere in vinea per II dies.

Butleigh,
1189 г.¹³⁰: I vg
pro V sol. [set]
antecessores ej-
us solebant dare
XXX denarios
ad censum et
arare a festo
Sci. Michaelis
unaquaque eb-
domada usque
ad Natale et
unum opus.

1236 г.¹³¹: I vg reddit V sol. et ad lardarium XII den. ob., et
debet venire per tres dies ad precarias dni et preces avene per
I diem et in estate per I diem vectare, debet falcare donec
totum fuerit falcatum et cariare inde fenum donec totum fuerit
cariatum, debet falcare I diem cum uno falce et fenum levare
per I diem et cariare ad curiam. Et sarclare bladum per III dies
et fodere per III dies in vinea claudere in parco per III dies,
buscam cariare et metere III a et cariare bladum ad grangiam.

Примеры маноров Butleigh и Sharwick могут считаться типичными для той категории маноров, в которых ранняя коммутация XIII в. привела лишь

¹²³ RH, II, 70 (Charlburg): «...Tenet I vg. terre et reddit per annum VI sol, si non operatur et si operatur nullum dat redditum». Cp. RH, II, 867: «I vg terre reddit V sol. vel opera (ad valenciam)».

¹²⁴ RH, II, 720 (Garsington): «I vg, solvit usque ad festum Sci. Iohanni... III sol. IX den. et pretea operatur inter festum Sci. Michaelis...».

¹²⁵ Liber Henrici de Soliaco, p. 53 (Sharwick): «I vg (reddit) V sol. et debet arare ad Natale' bis et bis ad tremeis et metere III a et cariare bladum domini et fenum». Cp. ibid., p. 43. Только таким образом могла появиться у кембриджского полувиргатария рента в 13 сол. 5 ден. и вдобавок еще 67 работ стоимостью в 6 сол. 5 ден. (см. RH, II, 452, Midelton).

¹²⁶ См. Boldon Buke, p. 39: «Sciendum quod... ipsi et heredes sui quieti sint de cariagio victualium ... quieti etiam erunt de mercheto et auxilio... et quieti erunt de secta multurae et pro hac concessione... dabunt...».

¹²⁷ См. Rotuli Curiae Regis, II, p. 198: «An ipsi debent prescriptum servitium et pretea (?) bis metere et arare (?) per annum».

¹²⁸ Liber Henrici de Soliaco, p. 53.

¹²⁹ Rentalia et custumaria Glastoniae, p. 148.

¹³⁰ Liber Henrici de Soliaco, p. 43.

¹³¹ Rentalia et custumaria Glastoniae, p. 9.

в конечном счете к значительному увеличению феодальной ренты. Установив *redditus* в размере стоимости коммутированных барщинных повинностей (в примере *Butleigh*), удвоив денежный оброк ее против прежней суммы — 60 ден. против 30 ден., монастырь постарался затем растянуть прекарии настолько, что они оказались в свою очередь новой барщиной. Благодаря этому изменилась сама природа барщинных повинностей. Из эпизодических они превратились в регулярные. В этой связи интересно отметить формулу «*debet falcare donec totum fuit falcatum*», иначе говоря, прекарная повинность теряет свою определенность и принимает характер барщины на воле господина¹³². При этом, однако, лорд и не думает вернуться к старым нормам *redditus*¹³³.

Следует также иметь в виду, что и восстановленная барщина не была простым возвратом к прежним ее нормам. Барщинная повинность в XIII в. интенсифицируется путем перехода к урочной системе. Экстенты XIII в. содержат количественный перечень работ (*pro una operatione*) не только для регулярной барщины, но и для прекарных повинностей.

Общий рост виллажных рент в конце XII — начале XIII в. станет еще более очевидным, если вспомнить, что именно в это время распространилась практика перекладывания на плечи виллагов всех феодальных и публичных платежей, которые причитались с лордов: *scutagium*, *auxilium vicomiti*, *hidagium* и т. д. Некоторые лорды не останавливались перед тем, чтобы требовать от виллагов, кроме обычной талли, еще специальных «помочей» при посвящении в рыцари старшего сына, при выдаче замуж старшей дочери и т. д.¹³⁴. Тем самым все формы феодальных платежей в конечном счете были переложены на виллагов. Если же иметь в виду, что начало XIII в. было также временем всеобщего распространения произвольной талли (вместо договорной и прекарной), меркета, панагния, брачной пошлины, произвольных *файнов*, то рост повинностей, наложенных на виллагов, получает осязательную силу экономических фактов.

XIII век принес с собой дальнейший рост барщинных повинностей не только в вотчинах сравнительно «поздней манорализации», но и в давно сложившихся крепостнических манорах. В этом легко убедиться при сопоставлении описаний илийского аббатства 1222, 1251 и 1279 гг.¹³⁵. Например:

M. Thriplow¹³⁶: *Dim. vg debet a festo Sci. Michaelis usque ad gullam augusti II operationes et a gulla augusti usque ad festum Sci. Michaelis III operationes.*

M. Thriplow¹³⁷: *Dim. vg faciet per annum qualibet septimana III operationes.*

¹³² См. RH, II, 605 (*Somersham*): «...Et faciet averagia, precarias et lovebones ad voluntatem domini». Cp. RH, II, 766: «Serclabit blada domini... donec serclatur, metere... dum bladum domini fuerit metendum et caribit... si dominus voluerit».

¹³³ Эволюция ренты в маноре *Navestock* может служить примером того, что происходило в тех вотчинах, в которых недельная барщина была в начале XIII в. полностью восстановлена. Денежная рента в описи 1189 г. (*Liber Henrici de Soliaco*, p. 46) указывается в размере 34 ден. за *virgatu*, в рентале же 1236 г. (*Rentalia et Customaria... Glastonic*, p. 169), при сохранении той же нормы недельной барщины она равна 41 ден. + 15 ден. (*de dono*), т. е. увеличилась на 2/3. К тому же в последней рентале появились новые виды барщинных работ, которых не найти в рентале XII в. (*debet summiare per turnum suum, debet claudere in parco*).

¹³⁴ Судебные записи сохранили свидетельства превращения первоначально эпизодических и прекарных платежей в регулярную феодальную ренту. См. Pl. Abbr., p. 90: «Dicunt etiam quod antiquitus solebat dominus eos petere auxilium et ei auxiliabantur»; *ibid.*, p. 95: «(Villani) sponte sua intraverunt scutagium solvendo hac vice XX sol. et aliis vicibus sicut finire poterunt»; *Cart. Glouc. v. III*, p. 89, среди повинностей виллагов значится: «Et ad omnes contributions ad opus... domini regis... et alias debet contribuere».

¹³⁵ Здесь принята датировка этого расследования, предложенная Миллером («*Abbey and Bishopric of Ely*», p. 29).

¹³⁶ *Inq. Maneriorum Eliensis* (*Brit. Mus. Cott. Tib.*, V. II, f. III).

¹³⁷ RH, II, 543, Cp. F. W. Ma i t l a n d. *History of a Cambridgeshire Manor.* — EHR, IX, p. 417 ff.

M. Wilburton¹³⁸: [Una plena terra debet] qualibet ebdomada a festo Sci. Mich. usque ad Hokeday II operaciones et arabit per I diem.

M. Dunham¹⁴⁰: [Una plena terra] debet a festo Sci. Mich. usque ad Hokeday qualibet ebdomada II operaciones.

Если в течение нескольких десятилетий можно было прибавить по одному дню еженедельной барщины в манорах с давно сложившейся рутинной и с неизменным лордом, то легко себе представить, насколько более податливым перед «волей лорда» был обычай в светских манорах, владельческие судьбы которых были полны превратностей феодального века¹⁴².

Начавшаяся в конце XIII в. новая волна коммутации виллапских повинностей открывала в Англии новую полосу резкого повышения виллапских рент путем замены традиционных условий вилланского держания повыми, договорными, условиями. С этой точки зрения коммутация конца XIII в. имела еще более далеко идущие последствия по сравнению с франшей коммутацией XII в. Лорды сплошь и рядом использовали введение «нового обычая» для приближения виллапских рент к рентам рыночным (поскольку таковые уже успели сложиться на «земельном рынке» того времени). Именно в силу этого зачастую невозможно в денежной ренте, установленной в результате коммутации, усматривать лишь денежный эквивалент коммутированной барщины; гораздо вернее будет видеть в ней воплощение новой нормы ренты, определявшейся «годовой ценой» соответствующей земельной площади¹⁴³. Конечно, этот идеал «прогрессивных лордов» достигался далеко не везде и не всеми. Однако для нас важна экономическая тенденция, пронизывавшая коммутацию конца XIII — начала XIV в. Для того чтобы убедиться в наличии этой тенденции, достаточно привести некоторые жалобы самих вилланов. Повинности виллана-виргатора в маноре Rycote (Оксф.) были после коммутации барщины установлены в 16 сол. Однако, как заявили члены жюри комиссарам 1279 г., вилланы этого манора утверждают, что в прошлом они держали на других условиях: за каждую виргату они платили по 5 сол. и отбывали эпизодические прекарны (один день пололи, косили и т. д.) и между праздниками Петра в веригах и св. Михаила через день жали (RH, II, 757). Т. о., всего здесь наберется не более 40 дней барщины; если оценить их, вслед за экстендами XIII в., в среднем по 1 ден., то и тогда ее «стоимость» немногим превышает 3 сол. Итак, если бы коммутация была лишь простым переводом одних единиц повинностей в другие, то рента не должна была бы превышать здесь 8 сол. за виргату. В действительности же новая рента в 2 раза превышала стоимость прежней, что и воспринято было вилланами как «нарушение обычая».

¹³⁸ Inq. Maneriorum Eliensis, f. 219.

¹³⁹ Ibid., f. 77.

¹⁴⁰ Ibid., f. 41.

¹⁴¹ Ibid., f. 36.

¹⁴² RH, I, 104: «Dicunt quod Ricardus Rex Alemanie postquam dominus Henricus rex dederit ei dictas villas levavit multa incosuetu et indebita servicia». Cp. RH, I, 31; Pl. Abbr., p. 161: «Dominus rex nuper comisserit Petro de Nevill manerium suum... Et predictus Petrus distringit (tenentes) pro consuetudinibus et serviciis que nec antecessores eos nec ipsi facere consueverunt»; ibid., p. 268: «Henricus dimissit Philippo Marmyun... Custodiam manerii de Tameworth... (et idem Philippus) exigebat alia servicia»; ibid., p. 149: «Homines (de Wytemore) dicunt quod quilibet eos debet reddere, pro una vg terre IV sol. pro omni servicia sed predictus Willelmus exiget et extorquet ab eis de qualibet virg. terre XII sol. et tallagia, mercetum, herietum et omnes alias villanas consuetudines».

¹⁴³ Маркс подчеркивает, что при переходе к денежной ренте возделыватель земли фактически становится «простым» арендатором. См. «Капитал», т. III, стр. 811.

Во всяком случае очевидно, что основанием для новой, «договорной» денежной ренты служил не размер «традиционной» ренты. Тот же вывод напрашивается и в результате анализа содержания жалобы вилланов манора *Draycot* (Оксф.) тем же комиссарам 1279 г. В результате коммутации барщинных повинностей в этом маноре рента виргатария, узнаем мы из нее, была установлена в размере 12 сол. в год, в то время как прежде они платили лишь 8 сол. и отбывали 6 дней барщины на косовице стоимостью в 6 ден. Денежный оброк, жалуются вилланы, был несправедливо увеличен господином Иоанном de Тува (RH, II, 757). Точно так же вилланы манора *Woodcote* платили до коммутации за виргату 5 сол. 9 ден. *redditus* и выполняли сезонную барщину максимум на 2 сол. (RH, II, 750). Теперь же, продолжают они, их повинности переведены на деньги (*modo eos servicia convertuntur in denariis*). Таким образом, от них требуют уже 13 сол. 4 ден., т. е. марку. Сама по себе округленность этой суммы красноречиво свидетельствует, что и здесь лорд (как и в предшествующем случае) исходит из чего угодно, только не из реальной стоимости «старых обычаев». Наконец, в маноре *Newington* (RH, II, 848) вилланы до коммутации платили 3 сол. денежного оброка и отбывали (судя по описи) барщину максимум на 5 сол. Однако в результате того, что старинный обычай изменен (*transmutata*) 12 лет тому назад (т. е. в 1267 г.), виргатарий обязан был платить 12 сол. в год. В заключение нашего анализа экономических последствий (для вилланства) коммутации приведем запись комиссаров 1279 г., относящуюся к манору *Kingham*: «по договору, заключенному между господином и держателями (виргатарий) платит теперь 16 сол. в год, что намного превышает стоимость их барщины и обычаев» (*quod redditus in multi se extendit ultra opera et consuetudines sua*) (RH, II, 733).

Перейдем теперь от изолированных примеров к более массовым наблюдениям. Вот как выглядят ренты вилланов в манорах сотни *Witley* (Бедф.) в результате коммутации барщинных повинностей:

Источник (RH, II)	Манор	Лорд манора	Redditus за виргату
324	Scharnbrook	Ioh. Druel	20 сол.
		Ioh. Pateshulle	20 »
325	La Leye	Reg. Grey	20 »
		Wilde la Leye	20 »
		Ric. de la Leye	20 »
325	Felmersham	Almar Laundes	13 сол. 4 ден.
326	Radwell	Rob. de Radewelle	8 »
326	Stagsden	Will. de Casino	13 » 4 »
		Ioh. Burdeley	10 »
327	Biddenham	Rad. Passelewe	25 »
327	Suldrope	Hospital. Jerusalem	13 » 4 »
323	Odell	Joh. de Wahule	20 »
328	L. Odell	Joh. de Wahule	20 »
328	Podington	Reginald le Grey	13 » 4 »
		Wil. Botevilein	13 » 4 »
		Joh. Pabenham	13 » 4 »
		Nich. Cruse	13 » 4 »
		Joh. le Grey	13 » 4 »
329	Harewold	Templar. Jerusalem	13 » 4 »
		Rad. Morin	13 » 4 »
333	Bromham	Will. Mabherbe	20 »
		Rad. Passelewe	20 »
331	Ghellington	Walt. Trayli	20 »
330	Charlton	Rad. Perot	13 » 4 »
		Joh. Pabeham	13 » 4 »

Итак, в 10 манорах рента (в результате коммутации) оказалась равной 1 фунту (20 сол. за виргату), в 12 манорах она равна марке за виргату (13 сол. 4 ден.) и только в 3 случаях рента сохранила видимость каких-то местных «обычаев» и индивидуальных черт (в Radwell 1 виргата платит 8 сол., в Stagsden — 10 сол. и в Biddenham — 25 сол.).

Всякому, кто хоть мало-мальски знаком с бесконечными вариантами и пестротой манориальных обычаев от манора к манору, такая утилизация рент в десятках маноров в пределах сотни, такое сведение их к какому-то условному, общепринятому в данном районе уровню не может не броситься в глаза. Однако именно в этом стирании местных традиций и особенностей, сведении их к универсальной «целостной» категории и сказывалось *нивелирующее* влияние на держательский договор поземельного рынка. И хотя денежная рента, рассматриваемая как производственное отношение, как это отметил К. Маркс¹⁴⁴, есть только простое превращение предшествующей формы ренты, с ее утверждением претерпевает изменение экономическая сущность ренты — она из *традиционного, регулируемого* обычаям отношения превращается в чисто денежное отношение, регулируемое зарождающейся категорией стоимости. Именно поэтому утверждение денежной формы феодальной ренты и есть не только начало ее разложения, но и форма *усиления эксплуатации феодально зависимого крестьянства*. Для малоимущих крестьянских хозяйств, располагавших незначительными товарными возможностями, коммутация сама по себе, если даже она не сопровождалась увеличением ренты, означала усиление бремени в связи с тем, что она толкала их во власть рынка¹⁴⁵. Очевидно, что такого рода коммутация на время весьма приближает «обычного держателя» к держателю «на воле лорда», по крайней мере до тех пор, пока новый уровень ренты, став фиксированным и неподвижным, приобретает для виллана характер традиционной ренты по сравнению с рентой арендатора, остающейся всегда «на воле лорда», т. е. *постоянно подвижной*. Так или иначе, в дашных RH о вилланских рентах мы имеем все основания усмотреть критический пункт в их эволюции — в них мы находим, с одной стороны, своеобразный итог роста вилланских рент в рамках барщинной системы хозяйства и, с другой, — перспективу их развития в эпоху развитого товарного хозяйства и обусловленной им коммутации барщинных повинностей. Но именно поэтому более чем оправданной представляется попытка проанализировать сравнительный уровень вилланских рент в манорах, описанных в этом источнике. Однако наблюдения по данному вопросу не могут быть сплошными. С целью совершенно элиминировать элемент гипотетичности, обусловленной необходимостью «перевода» одних повинностей в другие, мы вынуждены были для данного случая отобрать лишь те описи, в которых такой перевод сделан самими писцами 1279 г.

В конечном итоге мы получили возможность судить об уровне вилланских рент почти в 350 манорах, разбросанных по всем пяти изучаемым здесь графствам, что, надеемся, может служить достаточным основанием для выводов общего характера.

Содержащиеся в RH сведения о ренте виллапов в их денежной «оценке» могут быть разделены на две категории. 1) Вотчины, в которых (наподобие вышеприведенных рент сотни Willey) новые денежные ренты представляют из себя «суммарную» всех регулярных вилланских повинностей (включая нередко и такие специфические платежи, как талья, меркет, панпагий и т. д.). Обычно этого рода ренты обозначены формулой: «*reddit pro omnibus*» или «*reddit et operabit ad valenciam*»¹⁴⁶. 2) Вотчины, где *redditus*

¹⁴⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 809.

¹⁴⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 168.

¹⁴⁶ RH, II, 788 (Wheatfield): «*virgata terre reddit XXII Sol. per annum pro omnibus rebus*».

фиксируется отдельно и наряду с денежной оценкой коммутирующей барщины и только что указанными специфическими платежами. Ренты этой категории обозначены формулой: «*debet de reddito assiso... et pro operibus... et tallagium, merchelum etc*» (последние платежи обычно опускаются (RH, II, 731 etc). Естественно, что уровень рент первого и второго типа может сопоставляться лишь при условии, если в последнем случае возможно установить общую сумму денежных платежей виллана за ту же единицу держания.

Однако в рамках каждого из указанных типов вилланских рент, фиксированных в RH, уровень их за одну и ту же единицу держания чрезвычайно варьирует.

В этом легко убедиться на примере сотни Chadlington (Оксф.). Вилланские ренты, фиксированные в манорах этой сотни, принадлежат преимущественно к рентам второго типа, и следовательно, здесь еще не стерты разнообразие и нестрога локальных обычаев. Сопоставим некоторые из этих рент:

<i>Una virgata terre reddit et operabit ad valenciam</i>		
Enstone (739) *	Chesterton (729)	Idbury, (734)
5 s 3 d	13 s 3½ d	15 s 1½
Hook Norton (726)	Certeden (729)	Taynton (742)
9 s 10 d	22 s 5 d	7 s 8 d
Salford (728)	Ascot (730)	
10 s 5½ d	10 s 6 d	

* В скобках даны ссылки на RH, II

Резкие различия в уровне вилланских рент в пределах одной и той же сотни — факт несомненный. И поскольку в этих рентах, как уже отмечалось выше, мы вправе усматривать общеправовую их градацию, то оказываемся перед неизбежным вопросом: чем обусловлены были эти различия? Естественно, что для того чтобы сколько-нибудь исчерпывающе ответить на него, следовало бы знать историю рентных отношений в каждом из этих маноров. Сотенные же свитки фиксируют лишь результат длительного процесса складывания вилланских рент. Но если на основе этих данных мы не можем положительно ответить на этот вопрос, то они во всяком случае достаточны для того, чтобы отклонить ряд возможных (предположительных) ответов. Прежде всего мы попытаемся установить, находится ли уровень вилланских рент в какой-либо связи с феодальной принадлежностью того или иного манора (т. е. с принадлежностью его к той или иной баронии, в рамках которой складывалась его «феодальная история»). С этой целью мы сопоставим ренты ряда вотчин, входивших в состав баронии D'OuLy:

Сотня	Манор	Redditus за 1 виргату	
Bampton	Kencott (699)*	9 сол.	9 ден.
	Ducklington (700)	12 »	6 »
	Bampton Doyl (691)	7 »	9 »
Ploughley	Bloxham (830)	8 »	+opera
	Weston (830)	5 »	+opera
	Hardwick (838)	4 »	+opera
Wootton	Norton (854)	9 »	9 »
	Cudlington (873)	2 »	6 »
	Showell (875)	5 »	

*В скобках даны ссылки на RH, II.

Ср. еще несколько принципов:

Барония	Манор	Redditus за 1 виргату	
Odell (330—332)	Odell	2 сол.	
	Podington	13 »	4 ден.
	Wymington	14 »	
	Stevington	17 »	
Clifford (335—336)	Swanbourne	6 сол.	
	Whaddon	5 »	6 »
	Great Horwood	1 »	
	Akeley	3 »	8 »
	Langport	4 »	6 »

Эти данные говорят сами за себя. Однако не исключено, что при более массовых наблюдениях влияние фьефной принадлежности манора на уровень вилланских рент обнаружилось бы более определенным образом. Этого следует ожидать хотя бы в силу бывшей связи субинфеодированных владений с обычаем баронии. Поэтому было бы более чем опрометчиво не учитывать влияние на уровень ренты вилланов многих факторов подобного рода, действие которых обычно скрыто от взора современного исследователя. Так, например, было бы крайне важно выяснить, в какой связи находится уровень ренты с «хозяйственной политикой» того или иного лорда, иначе говоря, каким был этот уровень в различных вотчинах одного и того же лорда в одно и то же время. Однако ответить на этот вопрос оказалось довольно трудно. В одних случаях RH как будто не оставляют сомнений в том, что унифицирующее действие «воли лорда» сказывалось в различных его вотчинах. Так, например, в двух вотчинах Иоанна Passelewе — Mursley (RH, II, 335) и Drayton (RH, II, 337) — мы находим одну и ту же ренту за вилланскую виргату — 12 сол. Точно так же идентичной оказалась вилланская рента и в двух вотчинах аббата de Woburn — Swanbourne и Drayton — 6 сол. за виргату (RH, II, 335). Одну и ту же ренту платили виллы Иоанна de Sancto Johanne в трех различных виллах (Great Barton, Sandford Ludwell) (RH, II, 843—844).

Однако при желании можно было бы привести еще большее число случаев, когда в вотчинах одного и того же лорда рента вилланов за одну и ту же (номинально) единицу держания весьма варьировала. Так, рента за виргату в трех вотчинах Изабеллы Grey в 1279 г. составляла: в маноре Standlake (RH, II, 702) — 20 сол. 8 ден., в маноре Cogges (RH, II, 867) — 5 сол. и, наконец, в маноре Wilcote (RH, II, 868) — 2 сол. [?]. В четырех вотчинах Изземского аббатства:

Chesterton (RH, II, 729)	— одна виргата платила	13 сол. 3 ден.
Little Rollright (RH, II, 744)	— » » »	12 сол.
Sibford (RH, II, 704)	— » » »	14 сол. 8 ден.
Bampton (RH, II, 689)	— » » »	8 сол. 4 ден.

С другой стороны, рента зачастую оказывается идентичной в вотчинах, принадлежавших различным лордам, если они находились в пределах одной и той же виллы. Так, в вилле Newington (RH, II, 848):

Feodum	Arsik	1 виргата	— 3 сол. + opera
»	comitis de Insula	1 »	— 3 » + opera
»	domini Regis	1 »	— 3 » + opera
»	de Clere	Нет вилланов	
»	de Kaysneto	1 виргата	— 3 » + opera

Точно также в вилле Podington (РН, II, 328):

Feodum	de Wahul . . .	1	виргата ³	— 13 сол. 4 ден.
»	de Bello Campo . . .	1	»	— 13 » 4 »
»	Honor Gloucestric . . .	1	»	— 13 » 4 »

В итоге нам представляется, что в противоречивости всех этих случаев следует видеть отражение того факта, что уровень ренты в каждом из них определяется сложным переплетением ряда причин. Очевидно, что их разгадка прежде всего кроется во владельческой истории того или иного манора или вотчинного комплекса. Иначе говоря, для того чтобы ответить на вопрос, почему тот или иной лорд взимает ту или иную ренту в 1279 г., нужно было бы знать не только его личную рентную политику, но и (а может быть, и прежде всего) каким образом манор оказался в его руках, кто были его предшественники и какова была их рентная политика. Феодальное рентное отношение, поскольку оно оставалось обычным, складывалось постепенно, но именно поэтому следует учитывать известную силу традиции (инерции).

Даже в том случае, если эти «традиции» являлись исторически не чем иным, как «серией его нарушений», для того чтобы она совершенно «обновилась», нужно было время. Следовательно, связь между уровнем вилланских рент и владельческой историей феодальной вотчины представляется несомненной. Но далее, хотя данные РН не дают твердых оснований для подсчетов по вопросу о характере взаимосвязи между уровнем вилланских рент и типом вотчины, тем не менее тот факт, что вилланские ренты в кембриджширских виллах с характерной для них мелко вотчинной структурой землевладения зачастую поразительно высоки (см. табл. 36), свидетельствует о том, что в мелкой вотчине вилланские ренты были менее связаны обычаем и наиболее подвижными и дифференцированными. Наконец, если бы имелась возможность выйти за пределы узкого района и обозреть вилланские ренты на более или менее обширной территории, то, несомненно, сказались бы и самый решающий фактор — экономическая ценность данной единицы держания, иначе говоря, *сказались бы элементы дифференциальной ренты*, поскольку лично зависимый держатель все более втягивался в рыночные связи. Даже в пределах изучаемого нами района рента значительно варьировала как в пределах сотни, так и между отдельными сотнями и графствами.

Источник. (РН, II)	Сотня	Вилла	Число маноров	Рента за 1 vg
347	Bunslow	Lathbury	2	16 сол.
348		Ravenstone	3	18 »
350	Muta	Thornborough	3	10 »
875	Wootton	Parva Tywa	3	3 »
846		Barford	3	12 »
867		Cogges	1	5 »
695	Bampton	Broadwell	3	9 »
702		Standlake	4	2 4 ден.

Как показывают приведенные нами примеры, границей определенного уровня ренты является не манор, а вилла, несмотря на то, что в ней не одна, а несколько вотчил. В этом и заключается интерес этих и подобных им примеров. Конечно, в таких виллах, как, например, Standlak, этот факт объясняется просто: все маноры представляют собой осколки некогда единой вотчины. Не удивительно, что и ренты в них оказались идентичными. Однако во многих других случаях такое объяснение уже невозможно.

Более того, иногда рентной границей выступает не вилла, а сотня, что уже вовсе исключает самую возможность предположить общность произе-

хозяйдения вотчин с идентичными рентами. Приведем в качестве иллюстрации часть описи сотни Woolton в RH 1279 г.

Вилла	Лорд	От кого держит	
Cassington (RH, II, 854)	Ela de Warewyk	От графа Личкольного	} Рента за 1 vg 5 sol. + opera
Begbrooke (RH, II, 857)	Edmund Padi abb. de Godestowe	От баронии св. Валерика	
Rolesham (RH, II, 863)	Episc. Gestric Will. Foliot	» От баронии Уоллингфорд	
Barton Ede (RH, II, 864)	Will. Foliot (Serjeanteria)	» » » »	
Derneford (RH, II, 865)	Rob. Mauduit	От графа de Insula	

Очевидно, что в случаях, когда в манорах, находившихся в различных виллах, в руках различных лордов и входивших в состав различных бароний, рента тем не менее была идентичной, мы вынуждены допустить наличие какого-то нивелирующего рентные отношения фактора, которым во всяком случае не могли быть ни «воля лорда», ни степень сопричастления общины вилланов. Скорее всего его следует усматривать в «цене» держания в том или ином районе. Для того чтобы установить, прослеживается ли сколько-нибудь отчетливо выраженная связь между спецификой данного района и уровнем вилланских рент, мы предприняли попытку сравнительного анализа последних по всем графствам, описанным в RH. Однако ввиду того, что данные о вилланских рентах в этом источнике весьма разнородны, мы решили, как уже указывалось, воспользоваться лишь теми из них, которые фиксированы в денежной форме. Этим удается избежать многих ошибок, связанных с необходимостью переводить одни ренты в другие, хотя во много раз сокращается число возможных наблюдений. Рассмотрим табл. 36.

Обратимся сначала к данным трех последних колонок таблицы. Из них с очевидностью следует, что общий уровень рент весьма варьировал по отдельным графствам. Выше всего он оказался в Кембриджшире, ниже всего — в Оксфордшире. Гентингдоншир примыкает к первому графству, Бекингемшир — к последнему. Средний уровень вилланской ренты в Кембриджшире более чем в 2 раза превышает соответствующие данные по Оксфордширу, почти в 2 раза — данные по Бекингемширу и в 1,5 раза — данные по Бедфордширу. Если же не ограничиваться средними цифрами, а попытаться нарисовать более дифференцированную картину рент, то и в этом случае связь между их уровнем и локальными особенностями хозяйства и земледелия окажется столь же очевидной. Ренты ниже 10 сол. за виргату обнаружены в Кембриджшире — 3,6% учтенных вотчин, в Гентингдоншире — 11,1% вотчин, в Бекингемшире — 26,5% вотчин и, наконец, в Оксфордшире — 37,4%. Ренты от 10 до 20 сол. за виргату обнаружены: в Кембриджшире — 33,9% учтенных вотчин, в Гентингдоншире — 55,5% вотчин, в Бекингемшире — 54,9% вотчин, в Бедфордшире — 49,9% вотчин и в Оксфордшире — 56,4% вотчин. И наконец, ренты выше 20 сол. за виргату, лишь эпизодически встречающиеся в Бедфордшире и Оксфордшире, в Кембриджшире абсолютно преобладали — они обнаружены в 62,2% всех учтенных вотчин, а в Гентингдоншире — в 33,3% всех учтенных вотчин. Различия весьма знаменатель-

ные, если иметь в виду хорошо известные особенности процесса маноризации этих графств и особенности их вотчинной структуры. А так как в данных анализируемой таблицы отражены главным образом условия вилланского держания в светских вотчинах, уже твердо ступивших на путь коммутации барщины (это было заранее обусловлено характером данных и принципом их отбора), то мы имеем все основания усмотреть в них полное подтверждение тех наблюдений, которые сделаны ранее на другом материале. *Уровень вилланской ренты в 1279 г. находился в прямой пропорции к степени распространения практики коммутации и в обратной пропорции к размеру вилланского держания и размеру феодальной вотчины.* Именно поэтому мелкозотчинный и мелкодержательский Кембриджшир оказался средоточием исключительно высоких рент, а крупновотчинный Оксфордшир обнаружил как наименьшую амплитуду их колебаний, так и наибольшую близость их к нижней границе.

После того как было выяснено, под влиянием каких факторов складывался в каждом отдельном случае уровень вилланских рент, естественно задаться вопросами: каков был общий итог их эволюции в рамках барщинной системы, какова была их динамика, как соотносились между собой ренты за одни и те же держания в начале и конце изучаемого периода?

Хорошо известно, что в DB ренты «держателей» не приводятся. Вместо них в каждой вотчине фиксирована более чем загадочная денежная сумма, которая обозначена термином *valet*. В литературе вопроса высказывались различные суждения относительно его содержания. Так, например, Хейл видел в нем обозначение денежных повинностей свободных держателей, которые хотя и не указаны в самой описи, но обнаруживают таким образом свое присутствие в маноре¹⁴⁸. П. Г. Виноградов, отвергая такую точку зрения, предложил толковать термин *valet* в его прямом смысле — годовой стоимости манора¹⁴⁹. Аналогичную точку зрения высказали Мэтланд¹⁵⁰, Баллард¹⁵¹ и другие исследователи¹⁵². Однако если в отношении содержания *valet* DB еще можно строить более или менее правдоподобные догадки, то у нас имеется возможность установить вполне определенно, что понимали под этим термином в XIII в. Для того чтобы установить *valet manerii*, предпринимали его экстенс, т. е. выяснение годовой стоимости, своего рода «инвентарную опись» отдельных частей и связанных с ними сеньориальных «прав» в их денежном выражении¹⁵³. Таким образом, экстенс включал и связанные с вилланским статусом платежи, и стоимость манориальной курии, иммунитетных привилегий, баналитетов¹⁵⁴.

Можно усомниться, что *valet* DB представляет собой точную параллель такого рода экстенса. Во-первых, очевидно, что в 1086 г. пекоторых из этих статей дохода еще не существовало, по крайней мере во многих манорах. Однако их сылошь и рядом не включал и экстенс XIII в.¹⁵⁵ О том,

¹⁴⁸ W. H. Hale. Domesday of St. Paul's, Introduction, p. XVIII ff.

¹⁴⁹ P. Vinogradoff. English Society, p. 381; «Estimate of economic capability».

¹⁵⁰ F. W. Maitland. DB and Beyond, p. 463 ff.

¹⁵¹ A. Ballard. The Domesday Inquest, p. 221 f.

¹⁵² Р. Ленард показал, что *valet* фиксирует подчас годичную ренту, выплачиваемую верховному лорду с данного манора, а не «стоимость» последнего для его непосредственного держателя (см. Rural England, p. 108). Ср. Raftis. Op. cit., p. 79.

¹⁵³ R. Lenard. What is the Manorial Extent.—EHR, XLIV, № 174, 1929, p. 256. Ср. Rotuli finium, I, p. 346: «Mandatus est vicecomiti... quod capiat in manu regis omnes terras, que fuerunt Johannis le Daneys et eos extendi facias quantum valeant in dominicis, redditibus, villenagiis et omnibus aliis exitibus terre».

¹⁵⁴ Reg. Malmesburicense, I, p. 201: «Summa totius redditus abbatis per annum; summa totius auxilii; summa duorum turnorum etc.».

¹⁵⁵ Возьмем в качестве примера схему экстенса манора Kentewell, относящегося к середине XIII в. (Cal. of Miscellaneous Inquisitions, v. I, p. 37, № 113). Он включает «стоимость» дома (пахота + дуг + пастбище), «стоимость» рент — и только. В то же время экстенс манора Dertford (1253) г. может указать и стоимость таких статей дохода, как «попщины», судебные штрафы, рельеф (см. *ibid.*, p. 61). В экстенсе манора Staunford (1267 г.) учтена и стоимость *chevagiun'a* (*ibid.*, p. 117, № 349) и т. д.

Анализ villanских рент по данным RH 1279 г.

Графство, сотня	Учтено вотчин	Рента villанов за virgаты									Нижняя грань ф. ш. п.	Верхняя грань ф. ш. п.	Средняя грань ф. ш. п.
		менее 5 ден.	5—7 ден.	8—9 ден.	10—12 ден.	13—15 ден.	16—20 ден.	21—25 ден.	26—30 ден.	более 30 ден.			
Бекингемшир													
Mursley	20	1	4	—	12	3	—	—	—	—	0.4.7.	0.15.6	0.9.5.
Stodfold	17	3	4	1	3	—	6	—	—	—	0.3.8.	0.16.0.	0.9.3
Muta	7	—	2	1	4	—	—	—	—	—	0.7.0.	0.10.0	0.8.2
Bunstown	16	—	—	—	1	—	4	—	1	10	(0.10.4)	6.10.0	1.12.9)
Итого	60	4	10	2	20	3	10	—	1	10			0.14.11
В %	100	6,6	16,6	3,3	33,3	5,0	16,6		1,6	16,6			
Бедфордшир													
Stodden	8	—	—	—	—	—	4	4	—	—	0.16.0	1.0.0.	0.18.0.
Wiley	34	—	2	1	4	13	—	13	1	—	0. 5.0	1.5.0.	0.14.10
Итого	42	—	2	1	4	13	4	17	1	—			(0.16.5)
В %	100	—	4,7	2,3	9,5	30,9	9,5	40,4	2,3				
Оксфордшир													
Bampton	53	—	2	11	15	12	5	6	1	1	0.6.0.	0.35.4	0.13.1
Banbury	15	—	7	7	—	—	1	—	—	—	0.5.0.	0.16.4.	0.7.4.
Bullington	8	—	5	—	1	2	—	—	—	—	0.5.0.	0.15.0.	0.8.6.
Langtree	10	1	1	—	1	1	4	1	1	1	0.4.0.	1.16.8.	0.15.5
Thame	9	—	3	3	2	—	1	—	—	—	0.7.0.	0.16.0.	0.9.0

Ewelme	7	—	—	—	3	1	3	—	—	—	0.10.0.	0.16.0	0.14.5
Wootton	15	3	3	—	4	3	2	—	—	—	0.2.0.	0.16.8.	0.9.7.
Ploughley	9	—	3	1	2	3	—	—	—	—	0.5.0.	0.13.4.	0.10.6.
Chadlington	34	—	5	6	17	4	1	1	—	—	0.5.3.	0.22.7.	0.10.6
Итого . .	150	4	29	28	45	26	17	8	2	1			(0.10.8.)
В % . .	100	2,5	18,1	16,8	30,6	15,6	10,2	5,0	1,2	0,6			
Гентингдоншир													
Leightonstone	12	—	1	—	2	1	3	3	1	1	0.6.0.	0.40.0	0.19.5
Normancross	9	—	1	—	—	—	5	3	—	—	0.6.6.	0.24.0.	0.18.10.
Toseland	6	—	—	1	—	3	1	1	—	—	0.7.10	0.22.0	0.14.8.
Итого . .	27	—	2	1	2	4	9	7	1	1			(0.17.7)
В % . .	100		7,4	3,7	7,4	14,8	33,3	25,9	3,7	3,7			
Рембриджшир													
Chesterton	9	—	1	—	2	1	—	2	3	—	0.5.10.	0.27.10.	0.18.8.
Stow	7	—	—	—	1	1	—	—	2	2	0.11.6.	0.41.8.	0.26.7.
Thriplow	16	—	—	—	1	1	6	3	2	3	0.12.0.	0.41.0.	0.22.6.
Wetherley	21	—	—	1	1	3	1	1	7	7	0.7.6.	0.44.0.	0.26.0.
Итого . .	53	—	1	1	5	6	7	7	14	12			(1.3.5)
В % . .	100		1,8	1,8	9,4	11,3	13,2	13,2	26,4	22,6			

Сравнительная годовая «стоимость» маноров в 1086 и 1279 гг.

1086 г.					1279 г.					% -ное отношение
источник (ДВ, I)	манор	площадь в плу- гах		годовая стои- мость, ф. ш. п.	источник (РН, II)	манор	площадь в плурах, гайдах		годовая стои- мость, ф. ш. п.	
		в до- мене	у держа- телей				в до- мене	у держателей		
f. 158a	Hoehenartone	5	30	30.0.0	p. 795	Hokenorton	2 с	10 Н 1½ vg	42.17.2	143,3
f. 161a	Surford	3	6	5.0.0.	p. 727	Swereford	1 с	11½ Н	22.7.6	140,0
f. 156b	Salword	3	3,5	6.0.0 }	p. 728	Salford	3 с	7 Н1 vg	31.16.7	355,5
f. 161a	»	2	0,5	4.0.0 }						
f. 159b	Cestretone	2	10	10.0.0	p. 729	Cestretton	2 с	9 Н	16.17.2	170,0
f. 157b	Dene et Celford	5	8	9.0.0	p. 729	Certeden	2 с	7 Н1 ½ vg	18.3.0	200,0
f. 156b	Estcote	2	2	12.0.0 }	p. 730	Estcot	4 с	8 Н	31.14.8	262,5
f. 158b	»	3	3	8.0.0 }						
f. 156a	Widelicote	1	?	0.40.0 }	p. 731	Podelicot	2 с	6 Н½ vg	12.15.8	325,0
f. 159a	»	2	?	?						
f. 157b	Fifhide	2	5	5.0.0.	p. 732	Fifide	2 с	6 Н 1 vg	9.7.8	190,0
f. 159b	Caningeham	4	12	15.0.0.	p. 733	Keingham	4 с	10 Н 1 vg	37.4.2	246,6
f. 159a	Ideberie	5	6	12.0.0.	p. 733	Idebir	4 с	9 Н 2½ vg	30.2.0	250,0
f. 160b	Suinbroc	3	1	3.0.0.	p. 737	Swynesbroc	2 с	2,5 Н	?	
f. 157b	Minstre	6	7	7.0.0. }	p. 739	Ministr Lovel	3 с	6 Н (?)	34.14.7	508,0
f. 160b	»	1	2 (?)	2.0.0. }	p. 739	Parva Ministr	1,5 с	6½ vg	8.0.0.	400,0
f. 160b	Cedellnton	2		4.0.0. }	p. 739	Chedelinton	2 с	?	?	
f. 160b	»	2 ?	?	?						
f. 157a	Henestan	3	18	18.0.0.	p. 739	Ennestan	5 с	16 Н	36.0.2	00,0
f. 161a	Edrope	2	3	5.0.0.	p. 740	Hetrop.	2 с	2 Н	10.4.9	262,5
f. 161a	Cornewelle	?	1 (?)	1.10.0.	p. 740—741	Cornewele	2 с	1 (?)	9.1.5	600,0
f. 157a	Teigtone	4	17	15.0.0.	p. 742	Teinton	2 с	10 Н	23.9.2	156,6
f. 256b	Lynham	4	11	10.0.0.	p. 743	Lynham	4 с	10 Н	26.18.6	270,0
f. 155a	Parva Rolandri	2	6	5.0.0.	p. 744	Parva Rollendr	2 с	3 Н	13.1.10	160,0
f. 158b	Fulebroc	5	12	16.0.0.	p. 744	Fulebrok	4 с	10 Н	27.14.6	175,0
f. 157a	Cercelle	3	9	10.0.0.	p. 745—746	Churchull	3 с	17 Н	33.11.1	340,0
f. 238b	Spelesberie	4	12	10.0.0.	p. 746	Spelesbir	3 с	11,5 Н	30.19.0	310,0
f. 158	Rollendr	2	4	5.0.0.	p. 727	Magna Rollentr	3 с	5 Н 3 vg	30.3.11	600,0
f. 154b	Sciptone	2	7	9.0.0	p. 735	Schiptone	3 с	15 Н	53.14.0	600,0

что скрывается за термином *valet DB*, более чем правомерно судить на основании *RH*. К счастью, в сотне *Chadlington* (*RH*, II, 725—735) систематически приводится суммарная годовая стоимость описанных здесь вотчин (*summa totius valoris*). Из чего же она состоит? Из стоимости домена, включая рыбные ловли, мельницы и т. д.; из рент, связанных с земельным держанием (*exitis terre*), т. е. денежных платежей; и стоимости барщины (в денежной ее оценке). Все же другие доходы манора как бы выносятся за скобку в самой общей, лишенной количественной определенности форме (*et tallagium... et*). Нет никаких оснований предполагать, что экстенды *DB* были более скрупулезными, чем последние. Но если это так, то мы получаем возможность сравнивать доходы маноров в 1086 и 1279 гг., будучи уверенными в однородности сопоставляемых данных.

В табл. 37 сопоставлены оценки «стоимости» маноров, указанной в 1086 и 1279 гг. по сотне *Chadlington*.

Мы уже имели возможность убедиться в том, что ренты Оксфордшира были наиболее традиционными и устойчивыми среди рент изучаемых графств, но именно поэтому данные анализируемой таблицы приобретают особый интерес. Как следует из них, «стоимость» маноров увеличилась по всем 25 обследованным вотчинам. Лишь в 5 случаях «стоимость» маноров в 1279 г. менее чем в 2 раза превышала стоимость их в 1086 г. Зато почти в половине случаев она увеличилась более чем в 2 раза и, наконец, в 5 манорах — более чем в 4 раза. *В среднем «стоимость» маноров между DB и RH увеличилась в 3 раза.* В действительности рост манориальных доходов должны быть гораздо большими, если бы имелась возможность учесть все остальные статьи доходов, опущенные в описях 1279 г.¹⁵⁶

Даже при условии, если будет учтена динамика цен между XI и XIII вв., т. е. разница между номинальной и фактической стоимостью «денег», то и тогда мы вправе заключить, что нами засвидетельствовано резкое усиление эксплуатации манориальным лордом своих «подданных» — крестьян.

§ 5. Вилланы «старинного домена»

Исследование социальной практики английского вилланства действительно требует постановки вопроса о положении вилланов «старинного домена»^{156а}. Его специальное рассмотрение диктуется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем большим удельным весом, который принадлежал «старинному домену» короны в системе феодального землевладения страны в целом¹⁵⁷. Во-вторых, трактовкой этого вопроса школой П. Г. Виноградова. К чему сводится утвердившееся благодаря ей вот уже сколько десятилетий в качестве нерушимой догмы суждение о положении вилланов «старинного домена»? Откроем третий том «Оксфордской истории Англии» и мы прочтем следующее: «Два класса вилланов находились в исключи-

¹⁵⁶ С другой стороны, для установления сумм, взимавшихся с вилланов в XIII в., необходимо было бы к ренте, связанной с земельными держаниями, прибавить такие платежи, как талья, судебные фэйны, меркет, пошлины, герiotы и, наконец, церковную десятину. К тому же следовало бы также учесть, что лорды силою и рядом перекладывали на плечи вилланов и такие платежи, как скутагий, помочи шерифу и другие причитавшиеся с них публичные повинности (см. *RH*, II, p. 857, 865 et passim).

^{156а} Наше исследование о вилланах «старинного домена» в развернутом виде опубликовано в сб. «Средние века», вып. XI (М., 1958), где читатель может найти более полную сводку материалов по этому вопросу.

¹⁵⁷ См. J. W. C o r b e t. The Development of the Duchy of Normandy and the Norman Conquest.— Cambridge Medieval History, V, 1929, p. 507. Следует учесть, что коронные маноры были наиболее крупными и населенными, и, следовательно, пропорция вилланов «старинного домена» к численности вилланов в стране была немногим большей по сравнению с удельным весом коронных земель. Ср. F. W. Maitland. *DB and Beyond*, p. 110—111; A. Ballard. *The Domesday Inquest*, p. 85 ff.

тельном положении: те, кто жил в вотчинах короны, и те, кто, будучи лично свободным, держал в вилланстве». И далее, имея в виду вилланов «старинного домена», автор продолжает: «Вилланы-держатели в этих вотчинах, вилланы-сокмены, как их называет Брактон, пользуются многими льготами и привилегиями — они свободны от многих тягот, связанных с обычным (ordinary) вилланством»¹⁵⁸.

Итак, если верить автору, все вилланы на земле «старинного домена» являлись вилланами-сокменами, т. е. «привилегированными держателями» (villemagium privilegiatum, по формуле Брактона). Еще более важным нам представляется второй вывод, напрашивающийся из приведенного текста, а именно, что социальная практика вилланства на «старинном домене» строилась в полном соответствии с юридической доктриной Брактона и в силу этого ей были неведомы худшие следствия вилланского статуса. Справедливости ради следует заметить, что автор здесь не оригинален — он просто повторяет общепринятую догму. Обратимся поэтому к «Villainage in England», т. е. к труду, которым был заложен краеугольный камень в науке о вилланстве «старинного домена». П. Г. Виноградов посвятил ему специальную главу своего исследования. Изучение вопроса он начинает изложением максимы юридической теории XIII в. Крестьяне «старинного домена» лично свободны, хотя они и держали в вилланстве. Никто не вправе лишить их держания или нарушить его условия, изменив однажды установленные повинности. Следовательно, до тех пор, пока они исправно отправляют эти повинности, лорд не может лишить их держания. В этом они защищены специальным указом — так называемым «малым указом о праве» (parvum breve de recto clausum)¹⁵⁹.

Итак, речь идет как будто о всех крестьянах «старинного домена». Однако, по мере того как П. Г. Виноградов переходит от изложения доктрины к исследованию юридической практики, он допускает то же самое противоречие, что и Брактон¹⁶⁰. Оказывается, что отнюдь не все вилланы в таких вотчинах имели статус держателей «старинного домена». Последние представляли только одну из категорий их держателей. Если оставить в стороне свободных держателей по грамоте (т. е. на общем праве), то на «старинном домене» могли еще находиться и «чистые вилланы» (purum villemagium), положение которых было точно таким же, как и вилланов в обычных вотчинах. Наиболее же нормальным, так сказать, типом держания на «старинном домене» являлось держание виллана-сокмена, пользовавшегося по существу статусом фригольдера, только не в рамках общего права, а в рамках права манориального¹⁶¹. Счевидно, что трактовка этого вопроса не отличается у П. Г. Виноградова ни достаточной ясностью, ни последовательностью. Статус «старинного домена» толкуется то столь расширительно, что он может быть приурочен ко всем обычным держателям соответствующей вотчины, то столь суженно, что он оказывается лишь одним из видов держаний, встречавшихся в ней. С одной стороны, утверждается, что там возможны были одновременно две категории вилланов (привилегированные и обычные). В то же время П. Г. Виноградов признает, что со временем различия между ними могли «затемниться»¹⁶². Общий же вывод П. Г. Виноградова не оставляет сомнений. Абсолютно преобладающий класс держателей-вилланов «старинного домена» был надежно огражден королевской властью от проявлений «воли лорда», от нарушающих обычай попыток увеличить причитавшиеся с них повинности, от угрозы лишиться надела. Одним словом, вилланы «старинного

¹⁵⁸ A. L. Poole. From DB to Magna Carta. Oxford, 1951, p. 43—44.

¹⁵⁹ P. Vinogradoff. Villainage..., p. 92 ff.

¹⁶⁰ Bracton, f. 209. Cp. P. Vinogradoff. Villainage..., p. 92.

¹⁶¹ P. Vinogradoff. Villainage..., p. 113—116.

¹⁶² Ibid., p. 115.

домена» — «привилегированный класс». Так или иначе, по со времени П. Г. Виноградова вопрос о положении виллапов в манорах «старинного домена» короны считается решенным. Не удивительно поэтому, что он больше не привлекает внимания буржуазной историографии¹⁶³.

Очевидно, однако, что до сих пор оставался без ответа самый важный для нас вопрос: насколько институт «старинного домена» служил в реальной действительности средством защиты владельческих прав виллапов, в какой мере это средство оказывалось эффективным перед лицом игнорировавшего обычай лорда? Иными словами, исследование социальной практики вилланства на «старинном домене» должно необходимо свестись к проверке действительности юридической догмы фактами, почерпнутыми из источников, отразивших эту практику.

Попробуем прежде всего выяснить, какие вотчины относились в XIII в. к категории «старинного домена» (*antiquum dominicum regis*). Исследователи, задававшиеся этим вопросом, приходили к выводам, которые не всегда совпадали. Так, Стеббс¹⁶⁴, Виноградов¹⁶⁵, а также историк права Голдстворе¹⁶⁶ склонялись к тому, что правооснованием для отнесения того или иного манора к «старинному домену» служило в XIII в. свидетельство о пребывании его в руках Эдуарда Исповедника, иначе говоря, принадлежность к королевской земле в 1066 г. Блэкстон склонялся к тому мнению, что таким основанием в равной степени могла служить принадлежность к владениям короля в 1066 г. или в 1086 г.¹⁶⁷ Наконец, Мэтланд считал универсальным критерием для установления «старинного домена» фиксацию данного владения под титулом «*terra regis*» в DB, т. е. в 1086 г.¹⁶⁸ При всех различиях приведенных суждений их объединяет основное — презумпция, что в реальной действительности существовал какой-то единый критерий для причисления той или иной земли к «старинному домену» и что единственным средством для его установления служила DB¹⁶⁹.

Чтобы убедиться в том, насколько правоммерно такое предположение, мы попытались выяснить, каким критерием руководствовались сами современники — помимо ученых правоведов — при отнесении того или иного манора к «старинному домену» короны. В результате оказалось, что в одних случаях всеми указанными выше, в других — ни одним из них. Начать с того, что если считать таким критерием *terra regis Willelmi*, то останется необъяснимым, каким образом источники XIII в. могут находить «старинный домен» в графстве Шропшир, где в 1086 г. таковая вовсе отсутствует¹⁷⁰. С другой стороны, если вслед за П. Г. Виноградовым считать решающим критерием принадлежность вотчины к коронному домену в 1066 г., то каким образом источники XIII в. указывают на «старинный домен» в таких графствах, как Эссекс и Гертфордшир, в которых ни один из фиксированных в 1086 г. «коронных» маноров не принадлежал Эдуарду Исповеднику, т. е. не входил в состав королевской земли в 1066 г.¹⁷¹

Но; может быть, отклонения от «нормы права», обнаружившиеся в этих графствах, обусловлены их спецификой и не свидетельствуют о юридической практике страны в целом? Чтобы рассеять это сомнение, мы

¹⁶³ Нам оказалась недоступной работа: R. S. Hoyt. *The Royal Demesne in English Constitutional History*. Ithaca, 1950. Однако, судя по всему, центр тяжести этого исследования лежит в иной плоскости (см. «*Speculum*», XXV, № 1, p. 42).

¹⁶⁴ W. Stubbs. *Constitutional History*, v. I, p. 434.

¹⁶⁵ P. Vinogradoff. *Villainage...*, p. 90: «And so 1066 not 1086 is the decisive...».

¹⁶⁶ W. Holdsworth. *History of English Law*, III. London, 1926, p. 229: «Ancient demense of the crown was the land, which belonged to the crown in 1066».

¹⁶⁷ W. Blackstone. *Commentary on the Laws of England*, v. II. London, 1854, p. 96. Cp. Year Books of Ed. III; (цит. по кн. P. Vinogradoff. *Villainage...*, p. 90).

¹⁶⁸ F. Pollock and F. W. Maitland. *History of English Law*, I, p. 366.

¹⁶⁹ *Ibidem*.

¹⁷⁰ RH, II, 87 (Ford): «...de antiquo dominico Corone». Cp. DB, I, 253b.

¹⁷¹ RH, I, 499 (Wytham): «... antiquum dominicum...». Cp. DB, II, 1b: «tenuit Herald»; RH, I, 153: «Neuport pertinet ad Coronam»; DB, II, 7a: «tenuit Herald».

провели сплошную проверку свидетельств RH, относящихся к «старинному домену» по DB. В результате ее можно считать несомненным, что в реальной действительности *не было* какого-либо единого, универсального критерия, с помощью которого устанавливался статус «старинного домена», что он то и дело колебался между свидетельствами 1066 и 1086 гг., а во многих случаях — вообще не поддается объяснению с точки зрения господствовавшей доктрины права¹⁷², так как эти маноры, судя по DB, ни в 1066, ни в 1086 г. не входили в состав королевской земли, и тем не менее RH недвусмысленно относят их к «старинному домену» короны. Однако заслуживает быть отмеченным тот факт, что к «старинному домену», как правило, относились маноры, являвшиеся коронными в 1086 г. Это, впрочем, отнюдь не должно удивлять нас, ибо в литературе уже давно установлен весьма сложный состав «корошного домена», фиксированного за Вильгельмом I в DB. В нем легко обнаружить не только вотчины, «упаследованные» Вильгельмом Завоевателем от Эдуарда Исповедника, его жены Эдиты, его сестры Годы, и земли Гарольда (упорно именуемого в DB графом) и Гиды, его матери, но и земли эрлов Годвина, Моркара, Альгара, Эдвина, а также Гверта, Тости, Эдрика, Стиганда и др., лишившихся своих владений как «изменщики» и «мятежники» против законного короля Вильгельма¹⁷³.

Следовательно, терминология RH столь расширительно трактует принадлежность к «старинному домену», что в состав последнего оказываются включенными не только *vetus dominicum*, т. е. коронные владения, упаследованные от Эдуарда Исповедника, — па чем так настаивает вслед за догмой права XIII в. П. Г. Виноградов, — но и *dominium novum* — конфискации Завоевателя¹⁷⁴, которые подчас и в самой DB не рассматриваются как домен короны¹⁷⁵. Таким образом, если отвлечься на время от случаев, совершенно необъяснимых с точки зрения юридической доктрины, то придется заключить, что, как правило, термином «старинный домен» в RH обозначаются владения, которые фиксированы в DB под титулом «королевская земля» безотносительно к тому, составляли ли они в 1086 г. «старинный» или «новый» домен. Иначе говоря, RH придают решающее значение 1086, а не 1066 г. Но, может быть, в этом сказывается специфика этого источника? Сотенные жюри, показания которых легли в основу его сведений, исходили из правосознания, сложившегося в манориальной практике, порой далеко отстоявшей от тонкостей юридических дефиниций коронных судов. К счастью, у нас имеется возможность выяснить практику судов общего права в определении статуса «старинного домена». Как известно, DB была... «последней инстанцией» при решении этого вопроса. Чего же в ней искали королевские судьи? Отказывая держателям манора *Sleyning* (Сессекс) в статусе «привилегированных вилланов», судьи заявляют: «*Scrutato libro de Domesdei nihil repetitur inter terras Regis de dicto manerii*» (Pl. Albr., P. 198), т. е. манор, претендующий на статус «старинного домена», должен был находиться в DB под титулом «земля короля Вильгельма», иначе как могли они «проглядеть», что один из двух маноров под названием *Staninges* значится в DB: «*Rex Edwardus tenuit ad suam firmam*» (DB, I, 28a). Точно так же, когда судьи в связи со спором между держателями и лордом манора *Scotton* (Лестершир) с целью установления статуса обратились к DB, то они интересовались исключительно тем, кому принадлежал данный манор в 1086 г. В самом деле, в вердикте они подчеркивают лишь, что в 1086 г. манор не находился в руках короля, а при-

¹⁷² Примеры приведены нами в нашей статье в сб. «Средние века», вып. XI (см. стр. 31–32, табл. 1).

¹⁷³ H. Ellis, A General Introduction to DB, v. I. London, 1833, p. 225; J. Allen. An Inquire into the Royal Prerogative. London, 1850, p. 160.

¹⁷⁴ R. W. Eytton. A Key to DB. London, 1878, p. 84.

¹⁷⁵ F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 383.

надлежал некому Хью эрлу Лейстерскому. Они считали даже излишним заметить и то, кому он принадлежал в 1066 г.¹⁷⁶ В таком же деле по поводу статуса держателей манора *Drayton* судьи заключили: «Он не является, по свидетельству DB, «старинным доменом», а (владением) *Turchill'a*»¹⁷⁷. Точно так же их интересовали лишь данные 1086 г., а не 1066 при определении статуса манора *Witham* (Йорк) (*Pl. Abbr.*, p. 241). Обратившись вслед за ними к DB (I, 301 в), мы обнаруживаем, что в 1066 г. манор находился в руках эрла *Tosti*.

Итак, не подлежит сомнению, что юридическая практика основывалась на свидетельстве 1086, а не 1066 г. Но тем самым очевидно, что под титул «старинный домен» подводились все вотчины, которыми владел Вильгельм Завоеватель в 1086 г., независимо от того, каким путем они оказались в его руках. Обратимся теперь к тем случаям, когда термин «старинный домен» в RH применяется к вотчинам, которые не только не являлись коронными в правление короля Вильгельма или в правление Эдуарда Исповедника, но сплошь и рядом вообще не названы в DB.

В качестве объяснения этих «аномалий» остается только предположить, что причисление того или иного манора к «старинному домену» в этих случаях основывалось на фактах, хронологически либо предшествовавших 1066 г., либо последовавших за 1086 г. и поэтому не отраженных в DB, или, что то же, на свидетельстве «памяти», не скрепленной DB. А если это так, то что же после этого остается от догмы права? В самом деле, в RH мы находим много примеров, когда жюри, руководствуясь «юридической памятью», восходит в поисках обоснования статуса «старинного домена» то ко временам, лежавшим далеко позади DB, то ко временам, столь же отстоявшим от нее по «другую сторону», — все это в обход и часто вопреки свидетельству DB. Им, например, ничего не стоит «вспомнить», что манор *Brode* (Сессекс) «*fuit antiquum dominicum coronae sed ante conquestu Angliae*» (RH, II, 216). В DB (I, 24a) этот манор в 1066 г. фиксирован не за королем, а за неким Арнольдом. *Bere Seton* назван жюри «старинным доменом» несмотря на то, что он, по их же утверждению, был пожалован монашью Шерборнскому еще королем Этельстаном (RH, 1, 68). О маноре *Axminster* сказано, что он принадлежит к старинному домену на том основании, что он находился в руках короля Этельстана в качестве его «старинного домена»¹⁷⁸. На этом же «основании» жюри отнесли к «старинному домену» манор *Branscombe*¹⁷⁹. Очевидно, что все эти случаи совершенно не укладываются в господствовавшую в XIII в. доктрину права. Столь же противоречат ей и те случаи, когда к «старинному домену» отнесены маноры, которых либо совсем не найти в DB, либо оказавшиеся в руках короля много позднее 1086 г. Возьмем для примера комплекс вилл, входивших в XIII в. в манор *Woodstock*: все они фиксированы в RH (II, 840 ff.) как «принадлежащие» манору «старинного домена короны». Но на каком основании? Ведь ни одна из них ни в 1066, ни в 1086 г. не находилась в руках короля и тем более не принадлежала к *Woodstock*¹⁸⁰ хотя бы по той причине, что под этим названием в DB (I, 154b) значится не манор, а королевский лес. Такое же недоумение вызывает «статус»

¹⁷⁶ *Pl. Abbr.*, p. 191. Ср. DB, I, 232.

¹⁷⁷ *Pl. Abbr.*, p. 17. Ср. DB, I, 160 b.

¹⁷⁸ RH, I, 63: «*Dicunt quod Rex Adelstanus aliquando tenuit manerium de Axemie in manu sua de antiquo dominico* Regist.

¹⁷⁹ RH, I, 63: «*...ut credunt de dono Regis Athelstn...*».

¹⁸⁰ Например:

	1066 г.		1086 г.
DB, I, 156b:	Hancberge	Tonna	Gislebert de Gand
f. 158 a:	Stunesfeld	?	Robert Staford
f. 156 a:	Blade	?	Eps. Bajocensis
f. 155 b:	Cumbe	Alwin	Idem

манора Claverley в Шропшире, пазванного в RH «старинным доменом», по пе обнаруживающегося в DB. Манор Newton¹⁸¹ назван в RH «*de antiquo dominico coropae regis Henrici*», между тем в DB он значится: TRW — «*terra Rogerii Comitis*», а в 1066 г. — владением некоего Тургота.

Не иначе, что во всех этих и подобных случаях маноры оказались в руках короны уже после составления DB, и тем не менее все они названы «старинным доменом». Но тем самым терминология RH не дает решительно никаких оснований для установления универсального критерия статуса «старинного домена», кроме, по-видимому, того простого факта, что «некогда» данный манор принадлежал королю. Если в случаях восхождения, при доказательстве этого факта, ко времени до 1066 г. проявляется действительность максимы общего права: «*nullum tempus occurit Regi*» («однажды манор короны — навсегда манор короны») ¹⁸², то в других случаях, когда к «старинному домену» в RH причисляются маноры, оказавшиеся в руках короля уже после составления DB, столь же отчетливо отрицается другая максима этого права, гласящая, что «старинный домен» не может создаваться вновь, что этот статус присущ лишь определенной категории земель, принадлежавших королю «искони» ¹⁸³. В этом очевидном противоречии источника отразилось противоречие самой действительности — между феодалными устремлениями короны, с одной стороны, и устремлениями ее вассалов — с другой. Предельно очевидно, что в статусе «старинного домена» не заключалось нечто неизменное, абстрактно существующее, что он в реальной действительности (в определенном смысле) появлялся и исчезал. Ибо многочисленные и распыленные по стране «изначальные» владения короны, нередко вкрапленные единичными гайдами и виргатами в «частные владения» феодалов, подвергавшиеся со временем воздействию процесса субинфеодации, неизбежно должны были терять особенности статуса «старинного домена» ¹⁸⁴ в такой же степени, в какой вновь оказавшиеся в руках короны владения могли с течением времени приобрести ряд черт «старинного домена» ¹⁸⁵.

В самом деле, попытаемся представить себе, что могло произойти со статусом «старинного домена», когда манор отчуждался *in feodo*, т. е. в вечнонаследственное держание. *Dominicum manerium Regis*, судя по DB, стоит вне системы обложения и поэтому он не «измерен» в гайдах (*terra non est hidata*), но он может быть включен в эту систему в момент отчуждения, т. е. обложен в размере столько-то гайд ¹⁸⁶. Кстати, значительная часть «земли короля Вильгельма» обложена была еще раньше, чем оказалась в руках короля, т. е. свобода от обложения отноудь не была обязательной чертой «старинного» (с точки зрения XIII в.) домена.

Далее, в DB земля «старинного домена» обычно стоит вне системы сотенной юрисдикции, т. е. является *extrahundredal*. Однако вполне возможно, что в связи с переходом в частные руки манор мог оказаться впоследствии включенным в эту систему, т. е. стать *intrahundredal* ¹⁸⁷. Пока коронный манор находится в руках короля, шерифу там нечего делать: такой манор обычно *non debet sectam* (ни сотне, ни графству), «*non debet*

¹⁸¹ RH, II, 87. Ср. DB, I, 259b.

¹⁸² F. Pollock and F. W. Maitland, I, p. 385.

¹⁸³ *Ibid.*, p. 383.

¹⁸⁴ В описи виллы Kingslon (Кембр) мы напрасно пытались бы указать на те 2 каруки земли, которые находились в руках Вильгельма I в 1086 г. (см. DB, I, 189) — они ничем не отличаются по условиям держания от других вотчин этой виллы, точнее, полностью «растворились» в них (см. RH, II, 539). Ср. Pl. Abbr., p. 288: «*Et quia eadem tenementa deventa sunt ad plures manus per diversa feoffamenta... presumiter quod sunt ad communem legem*».

¹⁸⁵ T. Madox. The History and Antiquities of the Exchequer of England (1066—1327) v. I. London, 1769, p. 724.

¹⁸⁶ F. Pollock and F. W. Maitland, I, 367.

¹⁸⁷ R. W. Eytton. A Key to DB, p. 85.

auxilium» (шерифу) и вообще «nihil reddit», но у шерифа могут появиться в таком маноре интересы и дела, когда он отчуждается от короля без соответствующих импунитетных привилегий¹⁸⁸. Манор короны облагается тальей «по воле короля», но когда он оказывается в частных руках, талья может собираться по воле нового лорда, которая сплошь и рядом расходится с «волей» короны¹⁸⁹. Наконец, король вообще может при отчуждении полностью покончить со статусом «старинного домена», указав в грамоте, что манор инфеодурируется *ad communem legem*¹⁹⁰.

Но столь же правомерно допустить, что тот или иной манор, вновь оказавшись в руках короны, может с течением времени приобрести некоторые из указанных черт «старинного домена». Подтверждение такой точки зрения мы находим в материалах процессов *quo warranto*. Клерки короля, как известно, настаивают на том, что нет прав, которые были бы не связаны с каким-либо владением сами по себе и безотносительно к личности владельца. Все импунитетные права коронных владений имеют своим источником прерогативу короны. Манор короны, если он чем-либо отличается от других, то только потому и до тех пор, пока он находится в руках короля. В конечном счете все зависит от воли короля. Он может уничтожить статус «старинного домена»¹⁹¹ и может «приблизить» вновь оказавшийся у короны манор к такому статусу¹⁹². Однако на это можно возразить, что в таких случаях нет речи о «привилегированном виллапстве». Но позволительно спросить обратное: в какой части маноров, составляющих юридически признанный «старинный домен» короны, в действительности существовал институт «привилегированного виллапства»? Прежде всего из этого числа нужно исключить те маноры короны, которые сохранялись в руках короля, ибо по отношению к «своим виллапам» король также не знал никаких законных ограничений «своей воли», как не знали их другие лорды по отношению к «своим»¹⁹³. Далее, неизвестным был этот институт и во множестве тех маноров, которые лишь на короткий срок оказались в руках короля после завоевания и затем, будучи отчужденными (инфеодированными) в другие руки, до неузнаваемости сливались с окружающими их феодами¹⁹⁴.

¹⁸⁸ RH, II, §22: манор Kirtlington отчужден от короны с импунитетом *salvo returnis brevis*.

¹⁸⁹ Th. Madox. History..., I, p. 724.

¹⁹⁰ Ibid., p. 724: «Dominus Henricus quondam Rex Angliae... socam illam cum pertinentiis dedisset... Henrico de Hastings, habendam et tenendam ad communem Legem».

¹⁹¹ Pl. Abbr., p. 223: «...licet quilibet capitali domino mutare ant. dom. in liberum tenementum et maxime dominus Rex».

¹⁹² PQW, p. 61 (Falekesle): «Devcait in seisina predicti Johanni (Regis) tanquam escaeta sua... ipso jure accreverunt... ut de jure cotone sue et non tanquam ad manerium pertinere».

¹⁹³ Ср. Т. Мадокс. The History..., I, p. 295. Достаточно вспомнить позднейшую поправку, внесенную в Великую Хартию 1217 г. Статья 20 Хартии 1215 г. гласила: «Liber homo non amercietur... et villanus eodem modo amercietur salvo wainnagio suo...»; в Хартии 1217 г.: «liber homo... villanus alterius quam noster eodem modo etc» (W. Stubbs. Select Charters, p. 299, 345).

¹⁹⁴ П. Г. Виноградов, конечно, прав, когда он настаивает на том, что институт «старинного домена» связан не с какими-то изначальными особенностями коронных маноров, а с принадлежностью того или иного манора короле (см. «Villainage...», p. 132). Однако являлась ли эта «принадлежность» в действительности всегда известной, не стиралась ли она в определенных случаях из «памяти»? Так, например, жюри сотни Mulford (Норф) ответило, что ни один из маноров сотни не находился в руках короля (см., RH, I, 498), между тем обратившись к DB, мы среди земель короля Вильгельма легко обнаружим маноры Flockthorpe (DB, II, 122a), Scipedana (DB, II, 122a, 132a). Точно так же ср. ответ жюри сотни Pecko (Derb) (RH, II, 287): «Non sunt aliqua dominica maneria de antiquis dominicis (DB, I, 272b). Каким же образом можно объяснить эту «забывчивость» жюри, если не тем, что специфика «коронных» владений оставалась совершенно чуждой этим (в прошлом коронным) манорам, что лордям, господствовавшим в них, ничем не выделяли их среди других «обычных» вотчин. Ведь от того, учит нас юридическая доктрина, что коронный манор отчужден, он не перестает быть «старинным доменом».

Наконец, вряд ли смогли бы добиться, если бы дело дошло до королевского суда, статуса держателей «старинного домена» вилланы многих из тех маноров, которые ввиду специфики описей 1086 г. не значились «поименно» в DB.

Сравнительное изучение DB и источников XIII в. раскрывает с предельной очевидностью, насколько опрометчиво принимать доктрину «привилегированного вилланства» за действительность. Основным критерием в определении статуса манора оказывалась сила и рядом «воля короля». Как мы увидим ниже, выражая эту волю, суды общего права могли отрицать очевидное и утверждать сомнительное. Все зависело от того, по какому поводу возникала необходимость устанавливать принадлежность того или иного манора к «старинному домену». Когда речь шла, например, о фискальных интересах короны, королевские комиссары всего меньше справились с DB в поисках подтверждения своих притязаний. Так, им ничего не стоило в целях доказательства статуса «старинного домена» восходить ко времени короля Эдгара¹⁹⁵. В таких случаях, в соответствии с указанным выше расширительным толкованием самого термина *antiquum dominicum*, число «коронных маноров» в стране резко возрастало.

Когда же речь шла о защите интересов вилланов, добивавшихся статуса держателей «старинного домена» с целью сопротивления разоряющей их «воле» новых лордов, то очень часто вступало в действие своего рода *exsertio villenagii*, хотя разорялись вилланы, называвшие себя вилланами короля. В этих случаях появляется *liber quod dicitur domesdei* со всеми последствиями загадочности ее терминологии, огульпости ее описей, ошибок и формализма их истолкования, открывавшие сплошь и рядом возможность для отрицания несомненного. В таких случаях число маноров «старинного домена» вдруг резко сокращалось. В этом легко убедиться, обратившись к практике коронных судов. Что интересовало судей, когда они получали королевский указ: «почему (такой-то) лорд манора (такого-то) требует от держателей других повиностей по сравнению с теми, которые они отбывали во времена, когда манор находился в руках предшественника господина короля»?¹⁹⁶ Оказывается, их интересовал вовсе не факт, сообщаемый в указе, а единственно лишь, по какому праву держатели обжаловали землю лорда; иначе говоря, действительно ли они являются держателями «старинного домена». Не удивительно, что с целью отрицания этого права пускался в ход весь формализм и казуистика средневекового процесса, вся сложность свидетельств DB. Нельзя, однако, представлять дело таким образом, что во всех процессах подобного рода судьи неизменно обращались к DB. В тех случаях, когда статус «старинного домена» был очевидным и свидетельство DB было направлено против лорда, судьи направляли процесс в иное русло — на доказательство «законности» требуемых служб и повиностей, и тогда появлялось жюри с его «удивительной памятью». Результат для вилланов был обыкновенно один и тот же — их претензии на статус сокменов отклонялись. К этому выводу приводит анализ вердиктов коронных судов по искам вилланов в сопоставлении со свидетельствами DB и фискальных источников XIII в.

С целью дать возможность читателю воочию убедиться в том, в каком соотношении находились юридическая доктрина «старинного домена» и социальная практика вилланства в этих манорах, приведем в виде таблицы (см. табл. 38) результаты такого сопоставления.

¹⁹⁵ RH, I, 464—465: «Brauncestre et Magna Ringestede fuerunt de antiquis dominicis... Regis Edgarii».

¹⁹⁶ Pl. Abbr., p. 113: «...Quare distingit homines de manerio... ad faciendam et alias consuetudines et servicia quam facere debent et facere consueverunt tempore quo predictum manerium fuit in manibus predecessores domini Regis».

Мы проанализировали действенность юридической теории о статусе вилланов «старинного домена» на примере трех десятков тяжб между держателями и лордами по поводу нарушения последними этого статуса. Они, как представляется, могут служить достаточным основанием для вполне определенного вывода по интересующему нас вопросу. Только лишь в одном случае королевские судьи признали за держателями искомый ими статус (против Ральфа de Albiniaco), и это не столько потому, что свидетельство DB было неотвратимым, а скорее всего потому, что манор этот был отчужден Ральфу временно, а не «in feodo» или «ad com-
mitem legem». В половине всех случаев несмотря и вопреки столь же неоспоримому свидетельству DB в пользу иска вилланов (если исходить из буквы правовой доктрины), вилланам было отказано в защите и они были признаны держателями «на воле лорда», т. е. обычными вилланами (rughum villenagium). Наконец, в остальных случаях против притязаний вилланов было использовано либо формальное свидетельство DB, либо невозможность опереться на DB ввиду неясности или отсутствия свиде-
тельств.

Рассмотрим наиболее характерные из этих тяжб. Наибольший интерес, естественно, представляет вопрос, на каком основании отказывали вилланам в защите «привилегий» держателей «старинного домена», в тех случаях, когда в пользу вилланов свидетельствовала DB. Очевидно, что именно в этих случаях наиболее рельефно проявляется вся мера «гибкости» юридического принципа, применявшегося в борьбе с классовым сопротивлением вилланов. Процесс, начатый вилланами манора Halvergate (Pl. Abbr., p. 234) против лорда, принуждавшего их отбывать увеличенные повинности, свидетельствует о том, что против вилланов всего чаще использовался формализм сведений DB. Дело в том, что название этого манора успело к XIII в. измениться. Судьи отказали вилланам в искомом статусе на том основании, что в разделе «terra Regis» DB манора Halvergate нет. В действительности же этот манор числится там под названием Alfrate (DB, II, 1289). Точно так же своеобразие описей DB было использовано судьями против притязаний вилланов манора Doneham¹⁹⁷⁻¹⁹⁸ на статус держателей «старинного домена». Им просто заявили, что манор не числится среди коронных владений в DB. Заведомо ложным являлось утверждение судей XIII в., заявивших в своем вердикте по иску вилланов манора Hustbourne, что манор этот «nunquam... fuerit in manu domini Regis nec antecessorum suorum» (NB, № 1237). О том, что этот манор являлся в прошлом «коронным», было хорошо известно фиску (Testa de Nevill, p. 236). Однако против вилланов была использована транскрипция названия этого манора в DB (Esseborne) (DB, I, 39a), вилланам же в своей жалобе писали Hesseborne (NB, № 1237). Но именно потому, что все эти вердикты выносятся на формальных основаниях, становится очевидным стремление королевской юрисдикции под любым предлогом уйти от разбора вопроса по существу, когда речь шла об интересах вилланов.

Однако если в этих случаях классовое пристрастие судов общего права прикрывалось еще до некоторой степени формальным основанием, то в других случаях ссылки судей на то, что данный манор «per librum de domesdei non est de antiquo dominico», нельзя истолковать иначе, как заведомую ложь, ибо у них не было для отклонения исков вилланов ни малейшего, даже чисто формального, основания. Для того чтобы это стало очевидным, достаточно сопоставить вердикты по искам вилланов Gressenhale cum Hornetofte со свидетельствами DB (см. табл. 38). Точно так же нельзя совместить вердикт судей по иску вилланов манора Hornindhetoft («non est de antiquo dominico») с несомненным свидетельством DB,

¹⁹⁷⁻¹⁹⁸ Pl. Abbr., p. 199.

Графство, манор	Свидетельства фискальных источников	Вердикты судов короны		Свидетельства DB	
		по делам, не касавшимся положения вилланов	по искам вилланов	о времени правления Вильгельма I (TRW)	о времени короля Эдуарда (TRE)
(Shrops.) Halesowen	RH, II, 98: «Dominicum Regis... escaet per Oweyn...»	NB, № 951: «Terra illa fuit de dominico domini regis assisa non jacet»	Rot. Parl, I, p. 10: «Compertum fuit in libro qui dicitur Domesday dictum manerium de antiquo dominico nunquam fuisse»	DB, I, 252: «Heslei. Ecclesia Sanctae Mariae»	«Ipsa ecclesia tenuit»
(Suth.) Hesseburne	Testa de Nevill, p. 236: «manerium Regis»		NB, № 1237: «[villani] nunquam fuerunt in manu Regis nec antecessorum suorum»	DB, I, 39a: «terra Regis»	«De firma Regis»
(Leyc.) Scotton	Pl. Abbr., 191: Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico		Pl. Abbr., p. 191: [Judicium contra villanos]	DB, I, 232a [?]; «Stoctone terra Hugoni de Grentemaismil.	«Radulphus comes tenuit»
(Sussex.) Staninges	Pl. Abbr., p. 198: Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico	PQW, p. 273: «Est de antiquo dominico coronae»	Pl. Abbr., p. 198: «Non est de antiquo dominico per librum de domesley»	DB, I, 17a: «Terra ecclesiae Fiscannens»	DB, I, 17a: Herald tenuit...»
(Notts.) Brantingstorp	Pl. Abbr., p. 125: Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico		Pl. Abbr., p. 125: [Judicium contra villanos]	DB, I, 281a: (Bestorp) Terra regis Willelmi f. 237a (Brandestorp)	
(North.) Northesby	Pl. Abbr., p. 152; Tenentes dicunt se esse de ant. dominico	Pl. Abbr., p. 152: «Sit de dominico antiquo»	Pl. Abbr., p. 152: «...Vicomiti ad inquirendum»		
(Middls.) Hermodeswoorth	Pl. Abbr., p. 188: Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico	Pl. Abbr., p. 192: «Est de antiquo dominio»	Pl. Abbr., p. 188; «Homines non sunt tenentes de antiquo dominico»	DB, I, 128b: Terra ecclesiae Sci. Trinitatis	Herald tenuit
(Bucks-Oxf.) Boycott	Pl. Abbr., p. 189: Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico		Pl. Abbr., p. 189: «Non est ant. dominicum per librum Domesdei»	DB, I, 160a: Terra Regis Reinbaldi	Blacheman tenuit
(Surrey) Kingscleidon	Pl. Abbr., p. 194: Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico		Pl. Abbr., p. 194: «Non est ant. dominicum per librum Domesdei»	DB, I, 34a: Terra Ecclesiae de Certesy (Clanedum)	—

Графство, манор	Свидетельства фискальных источников	Вердикты судов короны		Свидетельства DB	
		по делам, не касавшимся положения вилланов	по искам вилланов	о времени правления Вильгельма I (TRW)	о времени короля Эдуарда (TRE)
(Somers.) Suthpederton	Pl. Abbr., p. 195: «Est de ant. dominico Corone»		Pl. Abbr., p. 195: «Est de ant. dominico [Judicium contra Rad. de Albiniaco]	DB, I, 86a: Terra Regis Willelmi	Terra Regis Edwardi
(Leyc.) Wytecok	Pl. Abbr., p. 161: Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico		Pl. Abbr., p. 161: [Judicium contra tenentes]	DB, I, 235b: Terra Goisfridi	
(Beds.) Lecton	RH, I, 4: «Fuit dominicum Regis»		Pl. Abbr., p. 88: «Consideratum est quod tota villata in misericordia	DB, I, 209: Dominicum manerium Ragis	Dominicum manerium Regis
(Kent.) Thanet	Pl. Abbr., p. 95: Tenentes dicunt se esse de ant. dominico		Pl. Abbr., p. 95: Querentes positi sunt in prisona	DB, I, 12: Terra ecclesiae St. Augustini	
(Berks.) Hurst	RH, I, p. 15: «Solebat esse in manibus regum»		Pl. Abbr., p. 200: [Judicium contra tenentes]	?	?
(Devon.) Suthstanton	Pl. Abbr., 210: Tenentes dicunt se esse de ant dominico		Pl. Abbr., p. 211: «Dominus manerii [est] sine die»	DB, I, 100b: Terra Regis Willelmi	Semper fuit
(Nott.) Langar	Pl. Abbr., p. 198: Tenentes dicunt se esse de ant. dominico		Pl. Abbr., p. 198: «Non sunt... de antiquo dominico»	DB, I, 288a: Terra Willelmi Pevrel	Godric
(Berks.) Blebur	RH, I, 9: «Solebat esse in manibus Regum»		Pl. Abbr., p. 197: [Judicium contra tenentes]	DB, I, 56b: Terra Regis Willelmi	Terra regis Edwardi
(North.) Wedon Bec	Pl. Abbr., p. 293: [tenentes dicunt se esse de antiquo dominico]		Pl. Abbr., p. 293: «Villani sunt in misericordia»	DB, I, 223a: Terra comitis Moriton	—
(North.) Wykele	Pl. Abbr., p. 303: [Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico]		Pl. Abbr., p. 303: «per domesdei sunt tenentes de antiquo dominico»	DB, II, 220a: Terra Regis Willelmi	Algar Comes
(Norf.) Gressenhalo cum Horne-tofte	Pl. Abbr., p. 221: [Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico]		Pl. Abbr., p. 221: «Non est de antiquo dominico»	DB, I, 165a: Terra Will. de Warena; cp. DB, II, 120b: Terra Regis Willelmi	Tosti

Графство, манор	Свидетельства фискальных источников	Вердикты судов короны		Свидетельства DB	
		по делам, не касавшимся положения вилланов	по искам вилланов	о времени правления Вильгельма I (TRW)	о времени короля Эдуарда (TRE)
(Norf.) Halvergate	RH, I, 504: «Antiquum dominicum Regis»		Pl. Abbr., p. 231: «Comes sine die»; cp. <i>ibid.</i> , p. 195: «Non sunt de ant. dominico»	DB, II, 128b: Terra Regi ^s Willelmi	
(York.) Hemingburgh	RH, I, 129: «Solet esse in manibus u Regum»		Pl. Abbr., p. 237: «De antiquo dominico corone... Tenentes nihil capiuntur»	DB, I, 299a: terra Regis Willelmi	Tosti
(Berks.) Stiven-ton	RH, I, 9: «Solet esse in manibus Regum»	Pl. Abbr. p. 205: «sunt tenentes in antiquo»	Pl. Abbr., p. 205: «Abbas sine die»; cp. <i>ibid.</i> , 199:	DB, I, 57b: «Terra Regis Willelmi»	Herald
(Essex) Nassingo	Pl. Abbr., p. 207: [Tenentes dicunt se esse de ant. dominico]		Pl. Abbr., p. 207: «Non est de antiquo dominico»	DB, II, 16a: Canonici St. Crucis	
(Surrey) Ewel	PQW, p. 747: «Dominicum Regis»		Pl. Abbr., p. 35: [Querentes] «sunt modo villani prioris» [!]	DB, I, 30b: Terra Regis Willelmi	
(Suth.) Hafunt	Pl. Abbr., p. 185: [Tenentes ducunt se esse de ant. dominico]		Pl. Abbr., p. 185: «Scrutato Domesdei non est antiquum dominicum»	DB, I, 38a: Terra Regis Willelmi; f. 43a: terra St. Petri de Wintonia	Eddid Regina
(Devon.) Tavis-toc	RH, I, 70: «Antiquum dominicum pertinens ad Conoram»		Pl. Abbr., p. 270: [Judicium contra villanos]; cp. NB, № 1237: «nunquam fuerunt in manu domini Regis»	DB, I, 101a: Terra Regis Willelmi	
(Essex.) Want-ham	Pl. Abbr., p. 132: [Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico]; cp. RH, I, 144		Pl. Abbr., p. 132: «Abbas villanum in ceppum } posuerit».	DB, II, 1b: Terra Regis Willelmi	Harald
(Stafford.) Wyte-more	Pl. Abbr., p. 119: [Tenentes dicunt se esse de antiquo dominico]		Pl. Abbr., p. 119: «...ad inquirendum».	DB, I, 247b: Terra St. Mariae; cp. f. 250b	
(Nott.) Coton	Pl. Abbr., p. 201: [Tenentes dicunt se esse de ant. dominico]		Pl. Abbr., p. 201: «Questito Libro de domesdei non est de ant. dominico»	DB, I, 283b: Terra Epi. Lincoln.	Codeva
(North.) Gren-don	Testa de Nevill, p. 27: «Manerium dominicum Regis»		Pl. Abbr., p. 177: «Homines nihil capiant per breve»	DB, I, 228b, Grendone: Terra Iuditae Comitissae; cp. I, 219b: Terra regis Willelmi	

в которой этот манор фиксирован в разделе «земля короля Вильгельма» (DB, I, 120b). Трудно не назвать пристрастие судей в вердикте о том, что Tovistock «non est de antiquo dominico». На самом же деле этот манор легко обнаружить в разделе «terra Regis» DB (I, 101). Что же удивительного в том, что вилланы испытывали такой страх перед ссылкой на DB, что сплоснь и рядом отказывались положиться на ее свидетельство¹⁹⁹.

Как видно, их страх перед свидетельством, вычитанным в DB судьями, был небезосновательным. Только в свете юридической практики легко увидеть, сколь мифическим оказывался привилегированный статус, когда манор XIII в. в DB вообще не был фиксирован²⁰⁰. Формализм «свидетельств» DB был во всех таких случаях действенным средством для подавления классового сопротивления вилланов растущей феодальной эксплуатации.

Но обратимся к тем тяжбам, в которых классовая подоплека вердиктов королевских судей не была столь откровенной. К чему прибегали судьи, когда они, с одной стороны, должны были, руководствуясь той же описью 1086 г., признать манор «старинным доменом» и в то же время не должны были защищать имущество вилланов в интересах короны, то ли потому, что манор этот был отчужден *in feodo*, то ли потому, что король обменял его и, следовательно, перестал (навсегда) считать его своим?

Как известно, в знаменитом вердикте судей Hengham'a и Stapelton'a в процессе держателей манора Tawistock внимание П. Г. Виноградова привлекла не сама возможность обойти при желании свидетельство DB (в пользу вилланов), а тот путь, который был избран указанными судьями для его обхода, т. е. для вынесения враждебного вилланам приговора²⁰¹. Иными словами, его занимала лишь теоретическая правомерность этого пути. В свете же анализируемой таблицы совершенно очевидно, что в этом случае отнюдь не сказался какой-либо единичный, оставшийся нами непонятым силлогизм высокопоставленных судей, как думает П. Г. Виноградов, а проявилось то, что было системой для судебной практики в целом. Обычно в тех случаях, когда DB свидетельствовала о том, что данный манор — «старинный домен», судьи вдруг задавались вопросом: а являются ли ищущие в суде вилланы держателями «старинного домена»? Возьмем в качестве примера иск держателей манора Blebur (Берк.) против аббатства de Rading, требовавшего от них повинности, ранее здесь неизвестные, т. е. в нарушение обычая²⁰². То, что этот манор принадлежал «старинному домену», было, по-видимому, очевидно, во всяком случае ответчик не потребовал проверки этого факта по DB, и все же истцы проиграли процесс, ибо судьи воспользовались неточностью, допущенной вилланами в жалобе: вилланы указывали, что в правление Генриха II манор еще «находился в руках короля», аббат же доказывал, что манор этот был отчужден еще Матильдой²⁰³. Таким образом, не вникая в жалобу по существу, вопреки очевидному статусу «старинного домена», судьи по чисто формальному поводу отклонили иск, т. е., попросту говоря, не пожелали встать на защиту «коронных» вилланов. Не менее наглядно против вилланов были использованы формализм и казуистичность средневекового процесса и в иске держателей против церковных лордов манора Leighton (Бедф.). В этом случае

¹⁹⁹ Pl. Abbr., p. 197: «tenentes nolunt verificare (super DB).

²⁰⁰ Pl. Abbr., p. 194 ((Kingscleindon): название манора, кажется, достаточно характерное для данного случая, тем не менее вердикт гласит: «per librum de domesdei dictum manerium non est antiquum dominicum».

²⁰¹ P. Vinogradoff. Villainage..., p. 119 ff.

²⁰² DB, I, 56b (Blithbury): «Rex Willelmus tenet, rex Edwardus tenuit».

²⁰³ Pl. Abbr., p. 197: «Eo quod ipsi [Villani] dixerunt quod dominus Henricus Bex praavus domini Regis [Ed. I] illud manerium tenuit, set abbas dicit quod Matilda imperatrix dedit dicto abbati...».

судьям было очевидно, что не только манор является «старинным доменом короны», но что повинности вилланов были на самом деле резко повышены после отчуждения манора короной в частные руки. Тогда судьи написали вывод в ошибке, допущенной в иске вилланов: в нем указывалось, что повинности были увеличены ответчиками (здравствовавшими в момент процесса лордами), а на суде было выяснено, что это сделали не они, а их предшественники. В результате ответчики были оправданы, а иск вилланов был оставлен без последствий ввиду ложности обвинения²⁰⁴. Основным же факт, что повинности вилланов, вопреки букве действующего права, были повышены, оставлен судьями без внимания.

Обычно же в таких явно говорящих в пользу вилланов исках судьи стремились (по примеру Pengham'a и Stapelton'a) доказать, что хотя манор — «старинный домен», по зато истцы — вилланы вовсе не «привилегированные», а «чистые» вилланы, и на этом основании отказать им в определенности причитающихся с них повинностей. Этим совершалось самое очевидное *quid pro quo*, ибо спор о *статусе манора* переносился в плоскость спора о *статусе держателей*, который должен был следовать из первого; судьи вдруг обнаруживали, что эти статусы не совпадают (хотя для других целей, скажем, фискальных, они в тех же манорах совершенно не различались, и те же вилланы считались «*homines de antiquo domini*»). В самом деле, в процессе держателей манора Ewell (Серри) против лорда, потребовавшего от них более высокие повинности, в пользу истцов свидетельствовало и то, что манор являлся «старинным доменом», и то, что повинности действительно увеличены. Но каков же был приговор? «Все, кто держит землю в этом маноре, — читаем мы в нем, — являлись вилланами господина короля и являются ныне (таким же образом!) вилланами приора». Но формула эта была очевидным отрицанием всей догмы права, ибо воля приора по отношению к «вилланам короля» отнюдь не была столь же неограниченной, как воля короля по отношению к «своим вилланам» (когда они находятся в его руках). Иначе говоря, этим вердиктом воля приора была признана неограниченной по отношению к «привилегированным» (по букве права) вилланам²⁰⁵. Но что же остается после этого от всего института «старинного домена»? Ведь здесь речь идет уже не о каком-либо ограничении «привилегии», а о том, что ее не существовало в этом маноре ни для одной из групп держателей.

Точно так же поступили судьи и в процессе, начатом держателями манора Wytecock (Лестер), который, по-видимому, не вызвал сомнений относительно своей принадлежности к коронному домену²⁰⁶. Вся энергия ответчика была направлена на то, чтобы доказать: «*homines domini Regis ejusdem manerii villanos esse et non sokemannos domini Regis*». Таким образом, и здесь речь шла не о том, что такая-то часть держателей или что такие-то держатели не являются сокменами, а о том, что в этом маноре вообще нет сокменов, следовательно, нет «привилегированных вилланов». На основе свидетельства жюри о характере повинностей держателей суд постановил: «*Ideo consideratum est quod predicti homines sunt villani et faciunt consuetudines villanas et villana servicia*» (Pl. Abbr., p. 161), иными словами, он узаконил увеличение повинностей и неограниченную волю лорда, что было в конечном счете самым важным. Какое значение могло иметь при этом наставление лорду не доводить волю свою до крайности?²⁰⁷ Ведь ему же не было приказано восстановить ста-

²⁰⁴ Pl. Abbr., p. 125: «In isto casu ubi ostendere non potest quod predicta prior et abbatissa primo fecerunt istas districciones quas dicunt esse injurias immo predecesores sui tempore Regis Johannis primo distrinxerunt (eant sine die)».

²⁰⁵ Pl. Abbr., p. 35: «Omnes qui terras tenent in eo fuerunt villani domini Regis et sunt modo villani prioris sicut prius fuerunt villani domini Regis».

²⁰⁶ Хотя в разделе «terra Regis» описи этого графства мы не находим манора под таким названием.

²⁰⁷ Pl. Abbr., p. 161: «Nec... faciat vasta exilia aut destructionem».

рые обычаи. Значит, и в данном случае самая существенная сторона юридической догмы оказалась фикцией.

Таким образом, сущность судебной практики XIII в. сводилась к тому, что в случаях, когда нельзя было выдвинуть против притязаний истцов свидетельство DB, им отказывали «на основе» мнимого статуса самих держателей. Где же в таком случае искать обстовавшую землю, где вилланам гарантировалось «*secum statum*», обеспеченность их держания, которая приурочивалась доктриной права к «старинному домену»? Не в том ли разгадка, что «привилегированное» держание суды сплошь и рядом сводят, вслед за лордом, к обыкновенному вилланству? Именно таким путем создается юридическая почва для отказа вилланам в защите. Уже тем, что суды общего права причисляли истцов к «вилланам» (без дальнейшей квалификации), санкционировалось, по сути дела, массовое превращение в XII — начале XIII в. полусвободных элементов крестьянства в коронных владениях в барщинников. От вилланов можно было требовать «вилланских служб» и платежей. Таким образом, достигалась двойная цель: можно было признать, что такой-то манор — «старинный домен», и в то же время признать право лорда требовать «вилланские повинности». «Догма не опровергалась», но ее как бы устранили, обезвреживали.

Наконец, мы не можем пройти мимо той части вердиктов, в которых «законопость» отказа держателям в защите на основе DB не вызывает как будто сомнений. Что же, в этом случае держатели «сочиняли» факт «принадлежности» манора королю? С таким мнением нельзя, однако, согласиться, ибо они, несомненно, исходили не из догмы права, а из фактов действительности, т. е. поступали точно так же, как это делали зачастую агенты короны. Они во всяком случае могли доказать, во-первых, что данный манор был «некогда» манором короли (*quondam fuit manerium Regis*)²⁰⁸, и во-вторых, что господствовавший тогда обычай ныне нарушен новым лордом (в чьих руках манор находится теперь). В этом, повторяем, они стояли *на такой же твердой почве*, на какой стояли в таких случаях королевские комиссары, называя маноры «коронными» в расследованиях Эдуарда I²⁰⁹. В этой связи, может быть, небезынтересно будет отметить, что свидетельство RH сплошь и рядом находится на стороне держателей даже в тех случаях, когда, судя по DB, их притязания выглядели как вымысел. Эти и подобные им примеры столкновения свидетельств различных источников заставляют думать, что притязания вилланов имели в большинстве случаев под собой твердую почву реальных фактов, хотя «знатоки права» отказывались их видеть.

Вся относительность статуса «старинного домена» и вся проблематичность возможности признания его за держателями-вилланам полностью вырисовывается из показательной истории борьбы держателей манора Halesowen за статус держателей «старинного домена». Когда в начале правления Генриха III — вне всякой связи со статусом вилланов — возник вопрос о статусе этого манора, в суде было признано: «*terra illa fuit de dominico domini Regis in quo nulla... jacet assisa*» (NB, № 292). Иначе говоря, он был признан «старинным доменом». Нельзя сказать, чтобы этот вердикт находился в строгом соответствии с юридической теорией XIII в. Дело в том, что в Шропшире в 1086 г. ни один манор не был фиксирован как «*terra Regis Willelmi*» (см. табл. 38, где идентификация является условной). Манор этот стал «доменом короны» только впоследствии, как выморочное владение. Это подтверждается RH (II, 58), где указано: «*Rex Johannes habuit (manerium Halesowen) per escaetum quidam nomine Oweyn*». И тем не менее манор этот в той же описи фигурирует под титулом: «*De terris et tenentium de antiquo dominico Corone*» (RH, II, 98).

²⁰⁸ RH, II, 31: «*Manerium de Chalgrave solebat esse in manibus Regis*».

²⁰⁹ См. выше, стр. 345 и сл.

Однако у нас имеется и более веское доказательство, что перед нами не ошибочный вердикт жюри, а владение, которое на самом деле считалось современниками королевским. Так, вслед за приведенным утверждением жюри заявило королевским комиссарам следующее: «Аббат и конвент монастыря Halesowen увеличили повинности и службы, лежащие на маноре Halesowen, по сравнению с теми, которые обычно отбывались во время [нахождения манора в руках] господина короля Генриха, сына Иоанна. Однако упомянутый аббат и конвент вошли в соглашение с упомянутыми людьми..., что последние останутся на тех же службах и повинностях, на которых они находились в указанное время» (РН, II, 98). Этот факт сам по себе слишком красноречив, чтобы требовались еще какие-либо дополнительные доказательства того, что манор считался бесспорно королевским, ибо только в этих случаях лорды проявляли временами «уступчивость» и вообще могла идти речь о каком-то соглашении между ними и держателями. Но вот прошло немного времени, и аббат нарушил упомянутое соглашение, снова возник конфликт с людьми манора», и дело на этот раз дошло до судебного разбирательства. И неожиданно мы оказываемся свидетелями парадоксального факта: тот же суд на «основе» DB отказал теперь последним в статусе держателей «старинного домена» короны. «Жители манора,— читаем мы в Парламентских свитках,— утверждают, что они являются держателями старинного домена господина короля, но как установлено по книге, именуемой Domesday, этот манор никогда не принадлежал к старинному домену»²¹⁰. Требуется ли еще после этого другое доказательство того, что один и тот же манор мог в одно и то же время «быть» «старинным доменом» для одних целей и «перестать быть им» для других, что в одном случае считают нужным искать свидетельство в DB, а в другом все очевидно и без дополнительных свидетельств?

Проведенный анализ юридической практики, связанной с институтом «старинного домена», позволяет заключить нечто прямо противоположное тому, к чему пришел в свое время П. Г. Виноградов: король не проявлял никакого желания защищать вилланов тех его маноров, которые были навсегда отчуждены от короны. В итоге вилланы этих вотчин не были защищены, точно так же как не были защищены вилланы от «воли» лорда, если им являлся сам король. Ибо во всех случаях обострения социальных противоречий в деятельности королевских агентов на первом плане стояло утверждение позыблемости института вилланства.

Дело не только в том, что «старинный домен» — когда речь шла о притязаниях вилланов — сводился до минимума, но главным образом в том, что судебная практика приурочивала привилегию «старинного домена» только к редко уже где существовавшей прослойке сокменов и лишала ее основную массу держателей. Не удивительно, что в основной массе вотчин «старинного домена» отсутствовали какие-либо реальные отличия в положении держателей. «Привилегированное вилланство» существовало лишь в немногочисленных манорах, явившихся в общей массе их редкими исключениями. В поисках более прямых доказательств этого факта следует обратиться к описям маноров «старинного домена» в РН²¹¹.

Данные этих описей крайне малочисленны, но тем они ценнее. Они позволяют выявить тот безусловный факт, что привилегированные вилланы встречались лишь в единичных манорах короны. В преобладающем же большинстве из них о привилегированных вилланах ничего не говорится, попросту говоря, их нет, а писцы фиксируют одних лишь вилланов, т. е. именно тех, кого судьи общего права не желали признавать «привилегированными сокменами» даже в тех случаях, когда они при-

²¹⁰ Rot. Parl., v. I, p. 10.

²¹¹ Сводку этих данных см. в нашей статье в сб. «Средние века», вып. XI, стр. 49—50, табл. 3.

знавали специфический статус манора. Но если это так, то что же остается от всего института «старинного домена», какая доля вилланов могла в действительности воспользоваться его «благами»? Лишь в виде исключения в манорах «старинного домена» отсутствуют барщилы и уровень рент в общем низок. Чаще всего это характерно для вилланов-сокменов. В большинстве же маноров короны повинности вилланов и по своему уровню, и по своему составу, как две капли воды, напоминают повинности вилланов в «обычных» манорах. Здесь и недельная барщина, и все специфически вилланские платежи.

Но еще показательнее то, что лишь в едничных манорах «старинного домена» мы находим самое важное, решающее для судеб виллана условие — фиксированность повинностей. На большинстве же из изученных с этой точки зрения повинностей «вилланов короны» лежит печать «неограниченной воли лордов» (по отношению к вилланам). Что, например, могло свидетельствовать в XIII в. о том, что манор Kirtlington был в 1086 г. среди королевских земель? Абсолютно ничего. Во всей описи, помещенной в RH, нет ни малейшего следа какой-либо исключительности этого манора. Наоборот, читая формулу «tenentes in puro villenagio» и характеристику повинностей вилланов «et debet operare per totum annum et tallagia et redimet pueros suos ad voluntatem domini», мы видим, что перед нами — формула описей крепостнического манора XIII в. Формула, которая теоретически должна быть чужда манорам короны, практически господствовала в определении повинностей вилланов и в манорах Keyston и Swanbourne (Бекинг.)²¹². Что же удивительного в том, что во многих случаях по описям XIII в. невозможно установить принадлежность того или иного манора к «старинному домену»? Они до неразличимости слились с окружающими их «частновладельческими» манорами (по господствующим в них рентным отношениям).

Теперь же впору вернуться к юридической догме. На «старинном домене», утверждает Мэтланд, имеется обширный слой (a large class) лиц, чье экономическое и социальное положение точно такое же, как и у обыкновенных держателей в вилланстве, по которым хорошо защищены в своем держании правом или обычаем, имеющим силу права²¹³. В итоге продолжительного исследования нам остается лишь заключить нечто обратное: *в той степени, в какой держатели отчужденных от короны маноров «старинного домена» по своему положению приближались к обычным вилланам, они в судебной практике XIII века оставались столь же незащищенными, сколь и их собратья-вилланы в обычных манорах.* «Воля» лорда была в этих манорах столь же определяющим фактором социального быта, как и в других.

Общий процесс социального упадка свободных и полусвободных и низведения их в ряды «чистого вилланства» не обошел во всяком случае значительную часть маноров «старинного домена». В заключение послушаем следующее сообщение юрора 1279 г. «Манор de Cuntun... некогда был королевским. Сокмены и держатели этого манора платили за него (pro eodem manerio) 100 сол., которые король передал в качестве феода (in feodo) Теобальду Englechevill с тем, чтобы держатели платили [их] ему». Однако этому господину нужна была не рента, а земля, и как следствие он «suos tenentes... ferre de toto manerio spoliavit, sibi appropriando et faciendo dominicum» (RH, II, 206).

Это, конечно, случай из ряда вон выходящий, однако далеко не единственный²¹⁴. Нам представляется, что он может служить критерием

²¹² RH, II, 355. «Servi de sue sanguine emendo ad voluntatem domini». Ср. RH, II, 502, 614. См. классическую формулу серважа XIII в. в применении к вилланам «старинного домена».

²¹³ F. Pollock and F. W. Maitland. History of English Law, I, p. 368.

²¹⁴ См., например, RH, I, 14.

для суждения о том, каков был простор для проявления «воли» лорда (не короля) по отношению к держателям «старинного домена», и сколь надежной была юридическая защита «коропных» виллагов перед лицом этой «воли». Если юридическую догму, с одной стороны, и подобную практику — с другой, считать двумя полюсами, то с точки зрения реальных отпущений, господствовавших в манорах короны, последние придется расположить между ними таким образом, что к такой практике будет потенциально тяготеть абсолютное большинство отчужденных от короны маноров «старинного домена».

§ 6. Несколько замечаний о характере классовой борьбы в английской деревне XII—XIII вв.

Изучение динамики вилланских рент в XII—XIII вв., как мы могли убедиться в этом, не только решительным образом меняет наши представления о предпосылках и конкретно-исторических формах феодальной реакции в Англии²¹⁵, но позволяет также усмотреть ее первый акт не в середине XIV в., а столетием раньше²¹⁶. С другой стороны, борьба виллагов «старинного домена» против наступившей их волны резкого увеличения феодальных рент не только обнаруживает, до какой степени накалилась социальная атмосфера в английской деревне XIII в. в целом, но проливает также новый свет на всю проблему об исторических корнях и предпосылках крестьянского восстания 1381 г. Дело не только в том, что это восстание было не одиноким эпизодом в истории средневековой английской деревни, что оно было лишь самым мощным в целой цепи предшествовавших ему и последовавших за ним крестьянских выступлений²¹⁷, но и в том, что оно было лишь наиболее ярким проявлением того классового антагонизма, тех социальных противоречий, которые были изначально присущи феодальному способу производства и которые резко обострились в мучительном для крестьянства процессе перерождения и разложения манориальной системы под влиянием развития товарно-денежных отношений.

В истории классовой борьбы средневекового крестьянства внимание исследователей обычно привлекают наиболее яркие ее проявления — крестьянские войны и восстания. И это естественно, так как в такие критические, переломные моменты социальной эволюции деревни все противоречия, скрытые и затаенные в другие времена, вырываются наружу и предстают перед взором исследователя максимально обнаженными и рельефно очерченными. Изучение этих героических периодов в истории средневекового крестьянства — задача в высшей степени благодарная. Но ею, однако, марксистская историография не может больше ограничиваться, так как не из одних таких периодов эта история состоит. Она знала также долгие века видимого затишья и «социальной гармонии», констатируемой нередко только на том основании, что в это время не отмечались сколько-нибудь обширные и массовые движения угнетенных.

Однако отсутствие высших форм классовой борьбы, естественно, еще не свидетельствует об отсутствии вообще каких бы то ни было форм борьбы.

Одна из актуальных научных задач в этой области заключается в том, чтобы детальнейшим образом изучить формы социального антагонизма, царившего в маноре в «мирные» и внешне ничем не омрачавшиеся периоды его истории. Исследование повседневных форм классовой борьбы про-

²¹⁵ См. Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, стр. 280 и сл.

²¹⁶ Ср. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 457 и сл.

²¹⁷ Ср. R. S. Hilton. The Peasant Movements in England before 1381.— ЕСНВ, 2 ser., v. II, № 2, 1949, p. 92.

демонстрировало бы, насколько глубоко антагонистическим было «социальное сотрудничество» между земледельцем и его лордом в условиях внешне перушимой рутины манориальной жизни. Такое исследование потребовало бы вовлечения в поле зрения обширных собраний судебных свитков, в первую очередь малориальных и баронских курий, разъездных судей, а также вестминстерских судов. Естественно, что для этого потребовалась бы специальная монография. В рамках же настоящей работы мы вынуждены ограничиться лишь рядом наблюдений предварительного характера. Феодальные производственные отношения, с одной стороны, благодаря способу соединения непосредственного производителя со средствами производства и, с другой, ввиду замедленности всех социально-экономических процессов очень долго не исчерпывают заложенных в них возможностей общественного развития и вместе с тем очень рано ими отрицаются. Этим обуславливались весьма важные особенности в формах проявления классового антагонизма в пору «классического» средневековья. Действительно, из самого факта паделения трудящегося средствами производства, и в первую очередь земельным наделом, вытекало, во-первых, что крестьянин (в том числе и крепостной) выступал в действительности и как самостоятельный производитель средств существующая, и как фактический обладатель необходимых для него средств производства; во-вторых, что он мог, в условиях господства барщинной системы, так сказать, обязательно различать время прибавочного труда (труда на феодала) от времени необходимого труда (труда на себя); и, наконец, в-третьих, что при господстве ренты продуктами, как и денежной ренты, феодал должен был получать прибавочный продукт из рук крестьянина (в отличие, например, от капиталистической системы эксплуатации, при которой рабочий должен получить необходимый продукт из рук наемателя). Отсюда — весьма важные особенности форм классовой борьбы в средневековом поместье. Индивидуальная форма производства (крестьянин — мелкий самостоятельный производитель) превращает феодальные отношения эксплуатации в индивидуальное отношение (лорда и данного виллала).

Хотя за виллалом стоит сила коллектива таких же, как он, мелких хозяев, сила сельской общины²¹⁸, однако в повседневной действительности это всего лишь сила потенциальная (и к тому же не всегда действовавшая на стороне крестьянина). В той мере, в какой виллал вел хозяйство «на свой риск», он должен рассчитывать прежде всего на свои собственные силы и средства в борьбе за укрепление этого хозяйства, т. е. в сопротивлении «воле лорда». Отсюда основная особенность классовой борьбы в средневековой деревне — *бесконечное разнообразие эмпирических (индивидуальных) форм проявления социального антагонизма*, мы бы сказали, *гораздо больший простор для его проявления* по сравнению с любой другой эпохой. Именно благодаря присущему феодализму способу эксплуатации у средневекового крепостного было гораздо больше скрытых возможностей и средств противостоять попыткам усилить его эксплуатацию, чем их имел отдельно взятый раб древности или пролетарий в повое время. Отсюда впечатление большей длительности «мирных периодов» в истории средневековой деревни, как будто вся борьба классов в средние века сводилась к коллективным и открытым действиям крестьян — к восстаниям. На деле, как отмечалось, эти формы характерны скорее для периодов становления и разложения средневекового строя земельных отношений, нежели для времени, когда их прогрессивный характер еще был далеко не исчерпан. Вот почему в центре внимания исследователя английского феодализма XI—XIII вв. должны находиться повседневные формы классового сопротивления крестьянства. Последнее же было по преимуществу скрытым не только потому, что оно перепле-

²¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, стр. 337.

талось с фактами «социального сотрудничества», но и потому, что оно заключалось в самом этом «сотрудничестве», пронизывало и окрапывало его. Именно в силу того, что повседневный социальный антагонизм в средневековой деревне проявлялся крайне индивидуально и столь же скрытно, его трудно обнаружить и еще труднее исследовать.

Однако сама «ординарность» интересующих нас фактов позволяет предпологать их всеобщность и их повсеместную распространенность. Разнообразие этих фактов даже в доступном нам материале столь велико, что первый шаг к их изучению должен неизбежно свестись к попытке их систематизации. Среди повседневных форм классовой борьбы в английской деревне изучаемой эпохи следует различать: 1) постоянно действующую и основную ее форму — акты, направленные против манориального обычая, но не ломающие и не отрицающие его (ввиду их скрытности) и подавляемые при помощи того же обычая и стоящей на страже его манориальной курии; 2) акты классового сопротивления, открыто ломающие обычай, грозящие его полностью уничтожить и подавляемые при помощи средств прямого принуждения, имеющих как в распоряжении лорда так и у стоявшей на страже его интересов королевской юстиции. Если в первом случае крестьянин стремился тем или иным способом уменьшить (абсолютно) долю отдаваемого лорду — в виде ренты — прибавочного труда или его продукта (периодичность на барщине, неплата, опоздание и ранний уход с псе, задержка оброков, игнорирование баналитетов, манориальной курии и т. д.), то во втором случае борьба уже ведется не в рамках манориального обычая, а против него, за его полное ниспровержение. Наиболее важные проявления этих форм социального протеста вилланов следует видеть в случаях отрицания ими своего вилланского статуса и на этой основе — открытое отрицание за лордами прав на соответствующие повинности; в отказе подчиняться манориальной администрации, в попытках искать «защиты» у королевской юстиции, в бегстве из манора и, наконец, в открытом физическом сопротивлении «воле» манориальных лордов. Именно на этой стадии борьбы сопротивление отдельных вилланов перерастает в коллективный протест целых общин, точно так же как только при достижении ее королевская власть открыто вторгается своей подавляющей силой в поддержку воли лорда, рассматривавшейся как незыблемая основа королевского мира. Роль королевской власти при различных проявлениях классового протеста вилланов широко варьирует: от «нежелания вмешиваться в конфликт между лордом и его вилланами», — когда за помощью к ней обращаются вилланы, — до кровавой расправы с вышедшими из повиновения вилланами, — когда за помощью к ней обращаются лорды. В последнем случае с особой очевидностью вырисовывается, насколько иллюзорен «социальный мир» даже в самые «безмятежные» периоды истории английского манора.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Источники

- Boldon Buke — Boldon Buke a Survey of the Possessions of the See of Durham... 1183. Ed. W. G. Greenwell. Surtees Society. Durham, 1852
- Book of Seals -- Sir Christopher Hatton's Book of Seals. Ed. L. C. Loyd and D. M. Stenton. Oxford, 1950
- Cal. of Bury St. Edmund's -- The Kalendar of Abbot Samson of Bury St. Edmund's and Related Documents. Ed. R. H. C. Davis. Royal Historical Society. London, 1954.
- Cal. of Chancery Inq.—Calendar of miscellaneous Chancery inquisitions, vol. I. London, 1916
- CIPM — Calendarium inquisitionum post mortem sive Escaetarum (Henry III—Rich. III). Record Commission, vol. I. London, 1806.
- Cartularium Saxonicum — A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History. Ed. W. G. Birch, vol. I—III. London, 1835—1893
- C. Glouc.—Historia et Cartularium monasterii Sancti Petri. Gloucestriae. Ed. W. H. Hart. R. S. 3 vols. London, 1863—1857
- Chr. Petroburgense — Chronicon Petroburgense. Ed. Th. Stapleton. (Liber Niger.) Camden Society. London, 1849
- C. Ram.--Cartularium monasterii de Rameseia. Ed. W. H. Hart and P. A. Lyons. R. S. 3 vols. London, 1884—1894
- CRR — Curia Regis Rolls. Ed. Flower. 10 vols. London, 1922
- DB — Domesday seu Liber Censualis Wilhelmi Primi Regis Angliae. Ed. A. Farley, 2 vols. London, 1783; vol. III—IV. Ed. H. Ellis. Record Commission. London, 1816
- Documents Illustrative — Documents Illustrative of Social and Economic History, of the Danelaw. Ed. F. M. Stenton. British Academy. London, 1920
- Feudal Documents — Feudal Documents from the Abbey of Bury St. Edmunds. Ed. D. C. Douglas. British Academy. London, 1932
- Fines — Fines sive Pedes finium, 1195—1214. Ed. J. Hunter. Record Commission. 2 vols. London, 1835—1844
- ICC; IE — Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis, Subjicitur Inquisitio Eliensis. Ed. H. E. S. A. Hamilton. Royal Society of Literature. London, 1876
- Liber H. de Soliaco — Liber Henrici de Soliaco Abbatis Glastoniensis. An Inquisition of the Manors of Glastonbury Abbey, 1189. Ed. J. E. Jackson. Roxburgh Club. London, 1882
- North. Assise Rolls -- Three Early Assise Rolls for Northumberland. Ed. W. Page. Surtees Society. London, 1891
- Pl. Abbr.--Placitorum Abbreviatio. Ed. G. Rose and W. Illingworth. Record Commission. London, 1811
- Records of the Templars — Records of the Templars in England. The Inquest of 1183. Ed. B. A. Lees. British Academy. London, 1935
- Registrum Malmesburiense.—Registrum Malmesburiense. Ed. J. S. Brewer, vol. I. Rolls Series, London, 1879
- Reg. Wigorniensis — Registrum sive Liber irrotularius. et consuetudinarius prioratus beatae Mariae Wigorniensis. Ed. W. H. Hale. Camden Society. London, 1865
- RH — Rotuli Hundredorum temp. Henr. III et Edw. I. Ed. W. Illingworth and J. Caley. Record Commission. 2 vols. London, 1812—1818
- Rot. Chart.—Rotuli Chartarum in turri Londinensi asservati 1204—1227. Ed. T. D. Hardy. Record Commission. London, 1837
- Rot. Cur. Reg.—Rotuli Curiae Regis 6 Rich. I — John. 2 vols. London, 1835

- Rot. Finium — Excerpta e Rotulis Finium in turri Londinensi asservati 1212—1272. Ed. C. Roberts. Record Commission. 2 vols. London, 1835—1836
- Rot. de Liberate — Rotuli de Liberate ac de misis et praestitis regnante Johanne. Ed. T. D. Hardy. Record Commission. London, 1844
- Rot. Litt. Claus. — Rotuli Litterarum Clausarum in turri Londinensi asservati 1204—1227. Ed. T. D. Hardy. 2 vols. Record Commission. London, 1837
- Rot. Litt. Pat. — Rotuli Litterarum Patentium 1201—1216. Ed. T. D. Hardy. Record Commission. London, 1835
- Rot. de Oblatis — Rotuli de Oblatis et finibus in turri Londinensi asservati. Ed. T. D. Hardy. Record Commission. London, 1835
- ScL. Chart. — Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History. Ed. W. Stubbs. Oxford, 1878
- Select Cases. — Select Cases in the Court of the Kings Bench under Edw. I. G. O. Sayles. Selden Society. 3 vols. London, 1936
- Select Cases of Procedure — Select Cases of Procedure without Writ under Henry III. Ed. H. G. Richardson and G. O. Sayles. Selden Society. London, 1941
- Select Documents — Select Documents of the... Abbey of Bec. Ed. M. Chibual. London, 1951
- Select Pleas — Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Ed. F. W. Maitland, vol. I. Henry III and Edw. I. Selden Society, vol. II. London, 1889
- Testa de Nevill — Testa de Nevill sive Liber feodorum temp. Henr. III et Edw. I. Record Commission. London, 1807
- VCH — Victoria History of the Counties of England

Периодика

- AHR — American History Review
- Annales — Annales d'Histoire Economique et Sociale
- BHR — Bulletin of the Institute of Historical Research
- EcHR — Economic History Review
- EHHR — English Historical Review
- TrRHS — Transaction of the Royal Historical Society
- VSWG — Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte

Условные обозначения

а — акр	Lit — свободные держатели
Б — бордарий	S — серв
С — каруката	V — вилдан
Д — домен	Vg — виргата
Н — гайда	

УКАЗАТЕЛЬ*

- Аллодиальные держания 74
 Альфред 245
 Англо-саксонская эпоха 233—235, 249
 аренда: феодальная 143—144; пожизненная 162; срочная 226; междурестьянская 225—227, 324—325
 Ассиза о вооружении 129
- Барлард А. 23
 баналитеты 42, 129
 Барнвелл приорство. Кембр. 100
 Барринг Ф. 170
 Барон 21; определение 108; увеличение числа баронов с XII по XIII в. 108—109; имущественный облик баронства 114—118
 барония 11, 58, 85—94; эволюция территориальной протяженности 109—116
 баронская война 152—153
 Бедфордшир 32, 39, 45, 47, 48, 51—53, 56, 57, 59—63, 67, 70, 71, 76, 78, 81, 92, 93, 95, 96, 101, 109, 110, 114, 115, 119, 121, 123—125, 127, 128, 164, 165, 184, 186, 190, 191, 201, 202, 204, 208, 213, 222, 342
 Бекшигемпир 45, 47, 48, 51, 52, 56, 57, 60—63, 67, 70, 71, 76, 78, 81, 92, 93, 95, 96, 99, 101, 109, 110, 114, 115, 119, 121, 123—128, 164—166, 186, 190, 191, 197, 201, 202, 204, 208, 213, 222, 342
 Бекское аббатство 36, 99
 беревик 46
 Бертонский монастырь 36
 Блекстон В. 349
 боварли 244
 Бомануар 265
 бордарий 28, 235, 237, 241
 Брактон 107, 231, 232, 248, 264—278, 348
 Бриттон 274
 бургаж 159, 161, 166
 Бутриш Р. 131
- Великая Хартия Вольностей 135, 138, 141, 149
 Венедиктов А. В. 106
 Веселовский С. В. 131
 вилла 22, 27, 44—45, 46—47; в. и манор 23, 41, 46, 48—49, 50—51; в. и барония 57—59; манориализация в. 52—55, 73—75; в. простого состава 47—53; в. сложного состава 47—53, 74; дробление в. 54—59
 Вилланство 5, 7, 13, 253—254; вилланы
- DB 169, 186, 229, 236—239, 241, 245, 246; генезис вилланства 169, 232—256; вилланы опшесей XII в. 242, 245, 252, 254; дифференциация вилланов 300—302, 306—326; вилланы и манориальный обычай 364—366
 Вильгельм Завоеватель 15—17, 24, 58, 98, 169, 155, 160, 234, 350
 Вильгельм II 134, 245
 Виноградов П. Г. 5—8, 10—14, 16, 23, 27, 30, 38, 39, 56, 67, 156, 157, 169, 172, 187, 189, 228, 229, 254, 280, 348, 349, 362
 военная новинность Фригольдеров 164, 165, 178, 179
 военно-рыцарская новинность 101, 129, 130
 Восточная Англия 156, 186, 195
 вотчина 6—10, 12, 13, 21; определение 44—45; аллодиальная вотчина 73—75; вотчинная структура 38, 46—54; эволюция вотчинной структуры 38—41, 56—67; мелкая в. 42, 63—72, 80, генезис мелкой в. 67—71, 75; средняя в. 45, 69—72; крупная в. 45, 63—72; происхождение атичных в. 84—85, 132; эволюция среднеанглийской в. 59—86; вотчинная структура церковного земледелия 75—77, 82; вотчинная структура светского земледелия 78, 79, 82—85; длительность владельческих титулов светских вотчинников 135—136; задолженность вотчинников фиску 136, 139, 140; задолженность ростовщикам 140—142; ипотека 142—143; отчуждения вотчин 144—146; проникновение горожан в вотчинное земледелие 146—147
 Вустерский карт. 36, 184
- Гобур 234, 236, 241
 герит 236
 Генрих I 36, 134, 179, 245
 Генрих II 137, 160, 253, 330, 333, 359
 Генрих III 100, 129, 135, 136, 152, 179, 361
 Гелтингдоншир 22, 23, 39, 45, 48, 51, 52, 56, 57, 60—62, 65, 67, 71, 76, 78, 80, 81, 91, 92, 93, 95, 96, 100, 109, 110, 114, 115, 119, 121, 123—128, 174, 186, 190, 191, 193, 201, 203, 204, 208, 213, 342
 герит 246
 Гластонберийский карт. 36, 152, 334
 Гленвиль 230, 255—258

* Составлен К. Д. Авдеевой и Т. В. Батыгиной. В работе над указателем принимала участие Н. С. Говберг.

- Глостерский монастырь 185
 Голдсворте В. 349
 Головной платок (*chevagiun*) 273
 город 106, 219—226; кристаллизация городских элементов в недрах маюра 219—226
 Гранат И. 24, 196, 210, 212, 217
 Гуревич А. Я. 12
- Даремское епископство 36
 дворовые рабочие 217, 224, 225, 226
 Девошир 41
 демографические процессы 10
 денежное хозяйство 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145—147, 172—173, 175, 178, 181—182, 187, 194
 Денло 52, 165, 186, 194, 263
 держания: асимметрические 155; военно-рыцарские 130, 133—138, 163; их дробление 138—148, 161; на года 162; на воле лорда 162, 163; по грамоте 163—172, 174, 193; за денежную ренту 163—165; precarious 166; приобретенные 171—193; служилые 190; свободные д. Сотенных свитков 163; старосвободные 194; их феодальная трансформация 193; унаследованные 171
 Дюклинфф Н. 158
 «Диалог о казначействе» 216—248
 Додвелл Б. 159
 домен 18, 21, 27, 29, 31—36, 282—299; определение 283; эволюция д. 286—293. «д. старинный» 347—350, 354—364
 Дуглас Д. 17, 113, 158
 Дэвис Р. Р. 154
- Завмка 28, 185; внутренняя колонизация 28, 55, 75, 80, 185
 Законы: Вильгельма I 245—248; Генриха I 245—253; Инэ 249; Кнута 233; Эдуарда Исповедника 252, Этельберта 233
 залоговое право 142
 захребетники 225—226
 Зелигер Р. 13, 168
 земельные меры Кнута Страшного суда 23—25, 28—30, 283—289, 302—306; Сотенных свитков 24; 25—32, 299, 303, 304; их сравнение 25—26, 26—28, 34; акр 23—25, 27—28, 31—33; бовата 25, 30—31; виргата 20, 24, 25, 27—28, 30; гайда 19, 23, 25, 28, 30—31, 33, 75; карука 18, 24, 29, 30—31, 33, 40, 184; карука домениальная 283—285; карука держательская 285, 286; каруката 23, 25, 29—31, 33
 земельные дарения 101—102
 земельный рынок 146—148
 землевладение феодальное 165; его иерархическая структура 88—94; з. церковное 73, 77, 80, 81, 95—102; его иерархическая структура 90—92; з. светское 84, 85, 95, 102, 103—139; его иерархическая структура 90—94; з. короны 95—98; миграция земельной собственности 94—162; з. светских держателей короны 107—118; з. светских субдержителей 118—131; разложение старовотчинного з. 131—148
- Ивземский монастырь 261, 340
 идентификация имен собственных 195—198
 Илийское епископство 22, 36, 41, 155, 335
 иммунитет 343
 Иоанн Безземельный 25, 36, 135, 138, 141, 147
 историко-экономическое направление в историографии 10—11
 историческая ретроспекция 7—8
- Казначейские свитки 36, 80, 140, 141, 151, 252
 Каро Г. 13
 Кембриджшир 11, 17—19, 22, 23, 27, 39, 41, 42, 45, 47, 48, 51—53, 56, 57, 59—62, 64, 67, 68, 70, 71, 76, 78, 81, 90, 91, 92, 95, 96, 100, 101, 109, 110, 114, 115, 119, 121, 123—125, 127, 128, 164, 165, 186, 190, 192, 195, 198, 240—203, 208, 342
 Кенольвортекий приговор 153
 Кера 13, 233
 Кларендонская ассиза 250
 Кларк Г. 7
 Книга Страшного суда 14, 15, 91, 120, 121, 126; ее составление 17—19; характеристика источника, 114, 169, 170, 241, 286, 343; сравнительное изучение данных DB и RH 16—23, 34, 35, 38, 39, 43, 182, 187, 193, 346; статистика 30—32; терминология 42, 43, 170, 236, 237, 247; историческое значение 234—235
 Ковалевский М. М. 104, 106, 109
 коммундаци 172
 коммутация 8, 10, 178, 333—334, 335—343
 Корбет В. 95
 корольские суды 254—264, 347—365
 Косминский Е. А. 9, 12—14, 16, 24, 31, 38, 39, 45, 56, 60, 103, 158—160, 187, 196, 201, 210, 212, 218, 281
 коттер 28, 217, 236, 237, 242, 243
 Краунлендский монастырь 41
 крестьянство свободное: историография 154—160; правовая характеристика 160—168; генезис 169—194; особенности дифференциации 208—227; закрепощение крестьян 232—264; классовая борьба крестьян 347—353
 «Кризис феодализма XIV в.» 5
 «Критическое направление» в историографии 8—9
- Ленн В. П. 9, 288, 299, 300
 Леншард Р. 11, 38, 116, 120, 143
 Либерайн Ф. 245
 Липконшир 138
 Линн 267
 Лондон 140—141, 146, 147, 267
 Лоулер А. 131
- Майер Т. 169
 Маюр 5—10, 12—14, 37—40, 43, 44; этнический 53, 75, 230, м. DB 40—42, 72; м. RH 42—44, 74—76; маюриализация Средней Англии 13, 68—85, 259—263; маюриальный быт 279—282, 326—347, маюриальные источники 36—161
 Манс 299
 Марш св. прорство 36
 Маркс К. 140, 275, 282, 300, 325, 336

Маурер Г. 6
меркет 168, 274
Миддлсекс 27, 237
Миллер Е. 11
министериалы 108, 178—179
модмены 165—166
Мэтланд Ф. В. 5, 8, 13, 20, 23, 27, 29, 34,
38, 40, 129, 143, 157, 165, 229, 281, 363

Нильсон Н. 9, 16
Норич 267
нормандское завоевание 14, 133, 232—248
Норсептуншир 22, 197

Общее право 106, 160—168, 238—254,
255—278
община 52, 54, 155, 156
общинная теория 6
огораживания райны 80
Оксфорд 499
Оксфордшир 22, 23, 38, 45, 48, 51, 52, 54,
56, 57, 60—62, 65, 67, 68, 70—72, 76, 78,
81, 91—93, 95—98, 101, 109, 110, 114, 115,
117, 119, 121, 123—125, 127, 128, 164, 165,
171, 172, 186, 190, 192, 193, 198, 201, 202,
204, 208, 213, 342
Орден тамплиеров 36
Осснийский монастырь 99

Павла св. аббатство 36, 181
Пейнтер С. 104, 105, 135
Пегрушевский Д. М. 7—8, 131, 132, 143,
280
Питерборокский монастырь 36, 238, 241,
243, 244, 331
Постан М. 9, 10, 275
Поуик М. 158, 159
Право феодальной опеки 135—138

Рабы: англосаксонские 233, 242, 253;
рабы DV 229, 236, 238, 241, 243, 245
Рамзейское аббатство 33, 36, 82, 178, 179,
185, 333

Раунд Н. 13, 19, 24, 170
Раффис Н. 10
рельеф 434—435
ремесленники 215—226
рента 12, 18, 44; денежная 187—195; обра-
боточная 331—336; коммунитарная
186—193, 337—347, символическая 147,
148, 188, 193; традиционная 187—189;
частично выкупленная 189—193; рыноч-
ная 190—193; льготная 190; анализ фри-
гольдерских р. 191—193; борьба за р.
внутри класса феодалов 148—153; ана-
лиз р. вилланов 337—345; динамика
вилланских р. 346

римское право 231—278
Ричард I 138
Ричардсон Х. 24
рынок для сельскохозяйственных про-
дуктов 266—268
рыночные местечки 224—225
рыцарство 118, 121, 129, 430; рыцарские
феоды 145, 147; их дробление 148, 165;
рыцарские повинности 101, 129, 130, 133

Савин А. Н. 34, 182, 228, 284
Северо-Восточная Англия 195
серджантерия 27, 159, 166

Сибом Ф. 5, 7, 8, 13, 24, 38, 154—157, 228
сока 54
сокак 161—163; сокак древний 165; со-
как общего права 166
сокмены 155, 156, 165, 166, 236; сокмены
старинного домена 337—356
Сотенные святки 14—16, 20, 120, 124,
126; характеристика источника 62, 96,
182, 196—198, 219—224; сравнительное
изучение данных DB и RH 20, 22, 23,
38, 39, 43; статистика 30—32, 35
социальная школа в историографии 11
сравнительно-историческое исследование
14, 16, 21, 23, 29, 39, 174—184, 210—212
Средняя Англия 14, 59, 73, 112, 116, 117,
154, 160, 165, 186, 187, 190, 193—195, 241
Старинный домен короны 347—364
Статистический метод 11, 14 сл., 33,
39 сл., 70 сл., 217—225
Статуты: Мертонский 80; De viris religio-
sis 101; Quia emptores 101, 107; Мальбор-
орский 49; 2-й Вестминстерский 149
Стафффордшир 22
Стеббе У. 160, 349
Стептон Ф. 113, 158, 239
Стефан 36
субдержатели 109, 116, 126; по DB 120,
122—125; по RH 120—125
субинфеодация 83, 85—94, 101, 117, 123,
166, 172; в светских барониях 115—119;
субинфеодация и военно-рыцарская
служба 133—134; экономическое содер-
жание субинфеодации 147—148
субституция 107

Тайлер Уотт 228
таля 271
Труа, монастырь 25

Уорвикшир 22
Уэлдон-Фиш Р. 17
Уэссекс 234, 235
Уэстминстерское аббатство 99

Феод 6, 14, 18, 20, 28
феодализм 6, 8, 13, 14; англо-норманд-
ский ф. 15; феодальная собственность
12, 94—102, 106, 166; ее определение
107; становление 53—55; иерархиче-
ская структура 21, 39, 85—102, 105—107
194; феодальная монархия 132—139
Феодальная реакция XIII в. 264—278,
330—338
Финберг Х. 11
Флота 274
Фринглед внутриманориальный 13, 21,
154—157; ф. в историографии 154—160;
генезис 155—158, 164—166, 168—194;
ф. RH 160—168; ф. наследственный 162,
172; полкзвешный 162; мелкий 164;
на рыцарском праве 164—165, 166—174;
вилланы на «фригольде» 167—168; ф.
приобретенный 172; во грамоте 172—
174; по обычаю 190—192; структура
мелкого ф. 176—177; сословная при-
надлежность мелкого ф. 195—208;
ф. «первой генерации» 174—178, 179;
второй генерации 179—182, 187—194;
вотчинники на мелком ф. 202—208;
неземледельческие элементы на мелком
ф. 206, 219, 220—227

Хейл В. 16, 170, 184
Хилтон Р. 159
Хомяк Х. 281

Ценауарий 165—166

Чичестерское аббатство 100

Шерборнский монастырь 351
Шефтсберийский монастырь 36, 179
Школа локальных исследований 9
Шотландия 140
Шропшир 349

Щитовые деньги 161—165

Эббингдонский монастырь 101
Эдуард Исповедник 350
Эдуард I 45, 17, 19, 24, 31, 42, 43, 106,
109, 129, 135, 146, 182, 364
Экстерское епископство 54, 55
Элликс Х. 169
Энгельс Ф. 6
Эммеуское аббатство 100
эрл 19; Герифордский 146; Глостерский
113, 114, 141; Корнуольский 113, 114,
146, 150; Лейстерский 141, 351; Окс-
фордский 109; Ричмондский 109, 113
Эссекс 181

Юридическая теория вилланства 232—279

* * *

Abington, Cambr. 241, 285, 306
Akeley (Acheley), Buck. 340
Aldwincle (Aldwincle), Northp. 244
Alwalton (Alwoltune), Hunt. 240, 242, 303,
327, 331
Ambrosden (Ambresdone), Oxf. 28, 30,
243, 287
Ardley (Ardulvesberie), Oxf. 70, 306
Arncot, Upper and Lower (Arncot), Oxf.
26, 99
Arrington, Cambr. 28, 84
Ascot (Estcot), Oxf. 339, 346
Asgarby, Linc. 150
Asthall (Esthale), Oxf. 69, 240, 303, 312
Aston, Middle, North, Steeple (Estone), Oxf.
25, 55, 167, 189, 287, 288, 312
Axminster, Devon. 351
Aylesbury (Eilesberia) Buck. 29, 287, 311
Aylesford, Kent 287

Babraham (Badburham), Cambr. 32, 41, 52
Baldon, Foot and Marsh, Oxf. 20, 26, 55, 69
Balsham (Belesham), Cambr. 22
Bampton (Bentone), Oxf. 48, 50, 54, 55, 62,
66, 69, 76, 78, 88, 96, 100, 146, 164, 189,
192, 200, 202, 213, 215, 224, 287, 290, 297,
307, 313, 314, 320, 322, 329, 339—341, 344
Banbury (Bannesberie) Oxf. 47, 48, 50, 62,
66, 76, 78, 86, 96, 164, 188, 189, 200, 202,
204, 213, 224, 290, 294, 296, 297, 314, 344
Barford, St. John and St. Mich. (Bereford),
Oxf. 341
Barton (Bertone), Cambr. 19, 28, 74, 340, 342
Barton, Middle and Steeple (Bertone), Oxf.
19, 28, 340
Bassingbourn (Basingborne), Cambr. 304
Beckley (Bechelle) 30, 287
Begbrooke (Bechebroc), Oxf. 163, 342
Belchamp (Beauchamp), Essex 59, 181, 185
Benfleet (Benflet), Essex 237
Bensington, Oxf. 166, 200, 215
Berclave, Cambr. 22, 23
Berkford 22
Berwick (Berowyk), Oxf. 35, 182
Bicester (Bernecestre), Oxf. 70, 195
Biddenham, Bedf. 31, 198, 337, 338
Bladon (Bladene), Oxf. 30
Bletchington (Blecesdone), Oxf. 206, 287
Bletsoe (Blacheshou), Bedf. 30, 31, 54, 59,
73, 184
Blewbury (Blebur), Berk. 357, 359

Bloxham (Blochesham), Oxf. 303, 339
Boxworth (Bochesnnoorde) Cambr. 21
Bottisham (Bodichesham), Cambr. 183
Bourn (Brunc), Cambr. 59, 72, 84
Boycott (Boicote), Buck. 99, 356
Brancaster (Broncestra), Norf. 354
Branlingestorp, Nott. 356
Britwell (Brictevell), Oxf. 162, 216, 218, 240
Brize Norton, Oxf. 329
Broadwell (Bradewelle), Oxf. 30, 69, 312,
341
Brode, Sussex 351
Bromham, Bedf. 187, 337
Bromme, Cambr. 59
Broughton (Broctune), Hunt. 31, 174, 175,
177—180, 267, 303, 305, 311, 327
Buckworth (Buchesworde) Hunt. 26, 224,
303, 305
Bullington (Bollenden), Oxf. 48, 50, 62, 66,
69, 76, 78, 88, 99, 164, 192, 202, 204, 213,
287, 290, 294, 297, 307, 313, 314, 320, 322,
344
Bunslow, Buck. 48, 50, 61, 63, 76, 78, 86, 96,
191, 202, 204, 213, 290, 294, 297, 314, 320,
322, 341, 344
Burton, Oxf. 100, 305
Burwell (Buruelle), Cambr. 23, 32, 42, 174,
177, 179, 180, 285
Butleigh (Budecleia), Bedf. 334, 335

Caldecote, Hunt. 20, 22, 28, 240
Caldwell (Caddewella), The North Riding
of Yorksh. 31
Camps, Castle and Shudy (Canpas, Cam-
pos), Cambr. 29, 240
Cassington (Chertistone, Cersetone), Oxf.
240, 243, 287, 311, 342, 346
Catworth (Cateworde), Hunt. 22, 54, 224
Caxton (Caustone), Cambr. 72, 241
Certeden, Oxf. 198, 339, 346
Chadlington, Oxf. 18, 20, 30, 48, 50, 62, 65,
68, 76, 78, 88, 96, 120, 164, 192, 202, 204,
213, 222, 240, 287, 290, 294, 297, 307, 313,
314, 320, 322, 339, 345, 347
Chafhunte, Suff. 142
Chalgrave (Chalgrave), Oxf. 32, 68
Charlbury (Cherlebir), Oxf. 200, 224, 334
Charlton, Bedf. 32, 70, 337
Charlton-on-Otmoor (Cerlentone), Oxf. 22
70, 99
Chedelinton 346
Chekendon 243

- Chesterton, Cambr. 33, 47, 48, 50, 61, 64,
 63, 76, 78, 86, 90, 96, 192, 215, 240, 283,
 287, 288, 290, 294, 296, 297, 298, 303, 311,
 316, 320, 322, 345, 339, 340, 345, 346
 Childerley, Cambr. 59, 285, 303
 Chillford, Cambr. 41, 47, 48, 50, 61, 64, 68,
 76, 78, 86, 90—92, 96, 164, 202, 223, 290,
 292, 294, 296—298, 316, 320, 322, 329, 340
 Chingford (Chingesford), Essex 146, 309
 Chinnor (Chenore), Oxf. 215, 243, 312
 Chippenham (Chipeham), Cambr. 40, 41
 Chippinghurst (Chippenhurst), Oxf. 27
 Chipping — Norton, Oxf. 224
 Chislehampton (Hentone), Oxf. 47
 Churchill (Cercelle), Oxf. 28, 30, 287, 303,
 346
 Clanfield (Clanfend), Oxf. 69, 100, 198
 Clapham (Cloppham), Bedf. 31, 285
 Clifton, Oxf. 47
 Cogges, Oxf. 183, 287, 341
 Coggeshall, Essex 80
 Colworth, Sussex 284
 Coube (Cumbe), Oxf. 20, 287
 Comberton (Cumberton), Cambr. 19, 28, 32,
 56, 98, 120, 330
 Connington (Conitone), Cambr. 28, 305, 311
 Coppingsford (Copemaneferde), Hunt. 26,
 309
 Cornwell (Cornewelle), Oxf. 346
 Cotes, Cambr. 23
 Coton, Nott. 358
 Cottenham, Cambr. 25, 27, 41, 285, 303
 Cottisford (Cotesforde), Oxf. 22, 70, 99
 Cowley (Covelie), Oxf. 99, 225, 287
 Coye, Cambr. 195
 Critemeleford, Norf. 328
 Cropredy (Cropelie), Oxf. 47, 305, 311
 Crowmarsh (Craumares), Oxf. 217, 305
 Croxton (Crochestone), Cambr. 285
 Cuddesdon (Codesdone), Oxf. 287, 292
 Cuddefington, Oxf. 339
 Cuxham Oxf. 30

 Dalaston, Cumberl. 73
 Dean (Dene), Oxf. 28, 107, 346
 Deddington (Dadintone), Oxf. 224
 Dillington (Dellingtune), Hunt. 82, 91, 324
 Ditton, Cambr. 22
 Dodford, Bucks. 313
 Dorchester, Cambr. 47, 164, 202, 204, 213,
 305, 314, 320, 322
 Dornford (Derneford), Oxf. 23, 342
 Downham (Duncham), Cambr. 27, 327, 336
 Draycot (Draicote), Oxf. 32, 240, 337
 Drayton, Cambr. 42, 47, 99, 340
 Dunham, Nott. 40, 327, 336
 Dumow, Great and Little, Essex 147
 Duxford (Dochesumorde), Cambr. 21, 43,
 100, 120

 Eggesle, Oxf. 167
 Eleford, Oxf. 199
 Ellington (Elintune) 33, 164, 174, 177, 179,
 180, 267, 311, 327
 Elsfield (Esefelde), Oxf. 287
 Elsworth (Elesworde), Cambr. 41, 174—180
 Elton (Adclintune), Hunt. 26, 174—178,
 180
 Emington (Amintone), Oxf. 27, 240, 309
 Enhale, Cambr. 42
 Enstone (Henestan), Oxf. 339, 346

 Epwell, Oxf. 47
 Esselinge, Cambr. 22
 Eversden, Great and Little (Euresdone),
 Cambr. 240, 241
 Ewell, Surrey, 358, 360
 Ewelme (La Welme), Oxf. 26, 48, 50, 62,
 66, 68, 69, 76, 78, 88, 96, 164, 192, 202,
 204, 213, 218, 222, 290, 294, 297, 307, 313,
 314, 320, 322, 345

 Farnham, Suff. 142
 Felmersham, Bedf. 183, 337
 Ferndish, Cambr. 26
 Fifield (Fifhide), Oxf. 197, 240
 Fileking, Oxf. 23
 Filgrave, Buck. 283
 Finmere, Oxf. 22, 287
 Flendish (Flemdich), Cambr. 41, 48, 50, 61,
 64, 76, 78, 82, 86, 90, 92, 96, 109, 202, 286,
 316, 320, 322
 Fletton (Fletun), Hunt. 26, 331, 332
 Flockthorpe (Flokethorp), Norf. 353
 Folksworth (Folchesworde), Hunt. 327
 Ford (Forde), Shropsh. 345
 Fordham, Cambr. 23
 Forest Hill (Fostel), Oxf. 99
 Foscott (Foxcote), Oxf. 183
 Foxton (Foxetune), Cambr. 19, 183, 329
 Fowlmere (Fugelesnara) 19, 28, 120, 285
 Fringford (Feringeford), Oxf. 240, 287
 Fritwell (Fertewell), Oxf. 30, 70, 243, 287,
 306
 Fullbourn (Fuleburne), Cambr. 21, 43, 109
 Fulbrook (Fulebroc), Oxf. 28, 162, 305, 346
 Fulwell (Fulewelle), Oxf. 99

 Gamlingay, Cambr. 26, 28, 32, 84
 Gangsdown (Gangulvesden), Oxf. 167
 Garsington (Gerscdune), Oxf. 99, 198, 334
 Gayhurst (Gateherst), Buck. 88, 183, 221,
 277
 Gaythorp, Leic. Linc. 138
 Ghellington 337
 Gidding, Great, Little and Steeple (Geddin-
 ge), Hunt. 33, 55
 Girton (Gretton), Cambr. 174—178, 180, 218
 Glatton, Hunt. 218, 219
 Glympton (Glintone), Oxf. 22, 47, 243
 Godington (Godendone), Oxf. 306
 Goring (Garinges), Oxf. 68
 Gosford, Oxf. 99
 Gransden (Gratesdene), Cambr. 19, 23,
 160, 241, 312
 Graveley (Grauelai), Cambr. 25, 40, 174,
 177—181, 283, 311, 352
 Grendon, North. 358
 Gressenhall, Norf. 355, 357
 Grimley, Worc. 325

 Haddon (Adone), Hunt. 240
 Hafunt, Suth. 358
 Halesowen, Schrops. 356, 361, 362
 Halvergate, Norf. 355, 358
 Hampton, Gay and Poyle (Hantone), Oxf.
 54, 206, 237
 Handborough (Haneberge), Oxf. 30, 287
 Hanslope (Hamescle), Buck. 162, 163, 187,
 216, 221, 243
 Hardwick (Hardwice), Cambr. 100, 305,
 327, 339
 Harlton (Herletone), Cambr. 32, 42, 329 cl.
 Harold (Harewelle), Bed. 32, 337

- Haseley (Haselie), Oxf. 200
 Haslingfield (Haslingefeld), Cambr. 32, 40, 43, 330
 Hauxton (Havocheston), Cambr. 28, 32, 56, 74, 285
 Haversham, Buck. 240
 Headington (Hedintone), Oxf. 287, 312
 Helnec, Suff. 142
 Hemingborough, York. 358
 Hemingford, Abbots and Grey (Eninge-
 lorde), Hunt. 54, 88, 174, 175, 177—180, 288, 303, 305, 311
 Hensington, Oxf. 181
 Herdewike, Cambr. 22
 Hermondsworth, Middl. 356
 Hethe, Oxf. 287, 306
 Heyford Lower and Upper, Oxf. 24, 287, 306, 312
 Heythrop (Edrope) 287, 346
 Hildersham (Hildrichesham), Cambr. 23, 92
 Hinton (Hintone), Cambr. 20, 44, 42
 Hinxton (Hestitone), Cambr. 23, 28, 74
 Hirstlingston (Hirstingdon), Hunt. 48, 50, 61, 65, 76, 78, 82, 86, 95, 96, 203—204, 213, 290, 294, 296, 297, 307, 313, 314
 Hoggston (Hochestone), Buck. 303
 Hokinton, Cambr. 285
 Holbeach (Holebech), Linc. 258
 Holcombe (Holecumba), Oxf. 35
 Holton (Halveton), Oxf. 240, 287
 Holywell (Hatywelle), Hunt. 82, 174—179, 183, 184, 240, 327
 Hook-Norton (Hochenartone) 47, 68, 339, 346
 Horningtoft, Norf. 355, 357
 Horningsea (Horningseie), Cambr. 41, 304
 Horseheath (Horseheh), Cambr. 20, 92
 Horsley, North 146
 Horwood, Buck. 55, 99, 183, 340
 Houghton (Hoctone), Hunt. 174, 175, 177, 180
 Huntercombe, Oxf. 42
 Hryst, Berk. 357
 Hustbourne (Esseborne), Suth. 355, 356

 Ickleton (Ichelintone), Cambr. 59, 85, 100
 Idebury (Ideberie), Oxf. 207, 309, 339, 346
 Illey (Civetelei), Oxf. 309
 Ilbury, Oxf. 168
 Iford, Oxf. 287
 Impington (Epintone), Cambr. 194
 Ipsden (Ippesden), Oxf. 309
 Isleham (Gisleham), Cambr. 21, 41, 240

 Jakele (Jaxley) 26, 219, 287

 Karleton, Bedf. 195
 Kencott (Kenecote) Oxf. 339
 Kennett (Chenet), Cambr. 41, 241, 285, 311
 Keyston (Keston), Hunt. 363
 Kiddington, Nether and Over (Chidintone), Oxf. 240
 Kineton, Warw. 159, 221
 Kimbolton (Cheneballtone) Hunt. 137, 249, 240
 Kingescleindon, Surrey 356, 359
 Kingham (Caningeham), Oxf. 27, 30, 163, 188, 287, 303, 311, 337, 346
 Kingston (Chingestone), Cambr. 53, 55, 56, 285, 309, 352

 Kirtlington (Curtlington), Oxf. 72, 206, 353, 363
 Knapwell (Chenepwelle), Cambr. 177, 180, 240

 La Leye, Bedf. 26, 30, 34, 285, 337
 Landbeach, Cambr. 327
 Landchester 182
 Landwath 23
 Langar (Langare), Nott. 357
 Langham, Essex 144
 Langport (Landport), Buck. 303, 309, 312, 340
 Langtree, Oxf. 48, 50, 62, 66, 68, 76, 78, 86, 96, 164, 192, 202, 203, 204, 213, 290, 294, 297, 307, 313, 314, 320, 322, 344
 Lathbury (Latebur), Buck. 162, 224, 341
 Lavendon (Lauendene) Buck. 224
 Leckford (Lechford), Oxf. 162, 171
 Leckhampslead (Lechamstede) Buck. 26, 168, 183
 Leighton Bromswold (Lectone), Hunt. 26, 219, 240, 340
 Leighton Buzzard (Lectone) Bedf. 359
 Leightonstone, Hunt. 39, 48, 50, 61, 65, 76, 78, 86, 96, 203, 204, 213, 290, 294, 314, 320, 322, 345
 Lessingham, Norf. 267
 Lewknor, Oxf. 48, 50, 62, 65, 76, 78, 88, 96, 164, 192, 202, 204, 213, 290, 294, 297, 307, 313, 314, 320, 322
 Leythorp, Linc. 150
 Leyton (Luditone), Hunt., North, 22, 36
 Lillingstone Lovell (Lillingestan), Buck. 26, 183
 Linford (Linforde) Buck. 162, 224
 Linton (Lintone), Cambr. 41, 220
 Littleport (Litelport), Cambr. 305
 Lolworth (Lollesworde), Cambr. 24, 32, 41
 Longstow, Cambr. 33, 47, 48, 50, 61, 64, 68, 76, 78, 86, 90, 91, 96, 100, 202, 223, 290, 294, 297, 298, 304, 316, 320, 322
 Luddington (Ludintone) 22, 32
 Lycham, Oxf. 28, 30, 32, 287, 346

 Madingley, Cambr. 20, 21, 183
 Merton (Meretone), Oxf. 20, 30, 69, 240, 309
 Middelston (Estone), Oxf. 53
 Middeltho, Cambr. 23
 Middleton (Middeltone), Oxf. 41, 73, 219
 Milton Ernest (Middeltone), Bedf. 31, 285
 Milton, Great (Midelstone), Oxf. 240, 287, 288, 303, 311
 Minster, Little and Lowell (Minstre), Oxf. 68, 162, 187, 287, 311, 346
 Mixbury (Mixebur), Oxf. 312
 Mollington (Molltone) Oxf. 22, 162
 Mongewell, Oxf. 200, 207
 Mursley (Murselai), Buck. 48, 50, 61, 63, 76, 78, 86, 96, 99, 190, 191, 202, 204, 213, 222, 290, 294, 314, 320, 322, 340, 344
 Muta, Buck. 48, 50, 61—63, 76, 78, 86, 96, 191, 202, 204, 213, 222, 290, 294, 296, 297, 314, 320, 322, 341, 344
 Mytford, Northu. 353

 Nautegliis 80
 Navestock (Nessetoch), Essex 335
 Nazcing (Nasinga), Essex 358
 Newington, Oxf. 267, 309, 337, 340

- Newnham Murren, Oxf. 27, 172, 189, 313
 Newport (Neuport), Essex 349
 Newton (Neuton), 22, 244, 304, 305, 352
 Normancross, Hunt. 48, 50, 61, 65, 76, 78,
 86, 96, 173, 174, 191, 203, 204, 213, 290,
 294, 296--298, 307, 313, 314, 320, 322, 345
 Northaston (c.v. Aston)
 Northbrook, Oxf. 243, 306
 Northesseby, Northu. 356
 Northfield (Nortefield) Cambr. 22
 Northorgate, Cambr. 22
 Norton, Oxf. 22, 69, 287, 339

 Odell (Wabul), Bedf. 32, 183, 222, 337, 340
 Offorde, Cluny, Darcy (Upeford) Hunt.
 55, 306
 Orton-Waterwille (Ovretune), Hunt. 162,
 173, 174, 219, 328
 Orwell (Oredwelle) Cambr. 32, 43, 120

 Papworth, Everard and St. Agnes, Cambr.
 21, 22, 48, 50, 61, 64, 76, 78, 86, 90, 96,
 108, 202, 224, 290, 292, 294, 296--298,
 316, 320, 322
 Pavenham (Pabencham), Bedf. 32, 75
 Paxton (Parchestune), Hunt. 55, 109, 207,
 327
 Petherton South, Somers. 357
 Piddington (Petintone), Oxf. 20
 Pinchbeck, Linc. 224
 Ploughley, Oxf. 48, 50, 54, 62, 66, 70, 76, 78,
 88, 96, 99, 164, 192, 202, 204, 213, 287,
 290, 294, 297, 307, 313, 314, 320, 322, 339,
 344
 Podington (Podintone), Bedf. 30, 32, 54,
 183, 285, 337, 340, 341
 Pyrton (Pirton), Oxf. 48, 50, 62, 66, 70, 72,
 76, 78, 86, 96, 164, 192, 202, 204, 213, 290,
 294, 297, 314, 320, 322

 Quenwode 146
 Quergar 146

 Radclive (Radeclive), Buck. 183, 240
 Radwell (Radewelle), Bedf. 26, 337
 Ramptone (Rantone), Cambr. 41, 285
 Ravenstone (Raveneston), Buck. 224, 341
 Relcote 224
 Rillaton, Cornw. 44
 Ringstedde, 354
 Ripton Abbots, Hunt. 177, 180, 197
 Risseley (Riselay), Bedf. 53
 Rofford (Ropeford), Oxf. 240
 Rollright, Great, Little (Rollandri, Parva,
 Major), Oxf. 30, 240, 287, 311, 340, 346
 Rousham (Rovesham), Oxf. 342
 Ruislip (Rislepe), Middlesex 267
 Rycote (Reicote), Oxf. 171, 336

 Salword 346
 Sandford St. Martin (Sauford), Oxf. 69,
 99, 309, 340
 Sawston (Salsiton), Cambr. 24, 108, 285
 Sawtry (Saltrede), Hunt. 26, 55, 173, 185,
 292, 309
 Scaldiston, Buck. 183
 Scelford (c.v. Shelford)
 Schipton, on Chewell and under Wychwood
 (Sciptone), Oxf. 22, 98, 189, 215, 216, 346
 Scipedana, North. 353
 Scotere, North. 242, 243

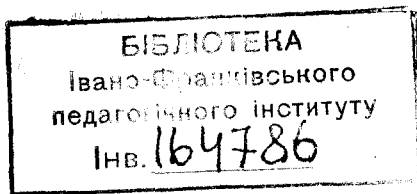
 Scotton, Leic. 350, 356
 Sharnbrook (Sernebroc), Bedf. 53, 222, 337
 Shelford (Scelford), Cambr. 20, 41, 50, 52,
 82, 306
 Shepreth (Escepride), Cambr. 28, 32, 120,
 167
 Shirburn (Sireburne), Oxf. 189
 Showell (Sivewelle), Oxf. 303, 339
 Shudecamps (Cambr.) 22
 Sibford, Oxf. 22, 340
 Sibun (Sibesfume), Hunt. 305
 Slope, St. Ives, Hunt. 177, 180, 181, 28v,
 310, 327, 328
 Snailwell Snelwelle, Cambr. 41
 Soham (Swaffham), Cambr. 42
 Somersham (Sumersham), Hunt. 240, 310,
 328, 335
 Somerton (Sumertone), Oxf. 70, 163, 208
 Spaldwick, Hunt. 166, 219, 221, 240, 305,
 311
 Spelsbury (Spelesborie), Oxf. 22, 287, 346
 Stabintone (c.v. Stibington)
 Stagsden (Stachedene), Bedf. 31, 59, 337,
 338
 Staine, Cambr. 48, 50, 61, 64, 68, 76, 78, 86,
 90, 96, 202, 223, 286, 316, 320, 322
 Standlake, Oxf. 23, 217, 224, 340, 341
 Stanground (Stangrun), Hunt. 26, 305
 Stanstead (Stansted), Hertf. 143
 Stanton, Long, Cambr. 20, 30, 84, 241, 285,
 287, 327
 Staploe, Cambr. 41, 48, 50, 52, 61, 62, 64, 68,
 76, 78, 86, 90, 96, 202, 223, 286, 316, 320,
 322
 Stepelaston (c.v. Aston)
 Stevington (Stiventonc), Bedf. 198, 340,
 358
 Steyning (Staninges), Sussex 350, 356
 Stibbington (Stebintone), Hunt. 22
 Stivex (Magna, Parva) (c.v. Stukeley)
 Stock-Goldington, Buck. 224
 Stodden, Bedf. 39, 48, 50, 61, 63, 76, 78, 86,
 96, 191, 202, 204, 213, 222, 320, 322, 344
 Stodfold, Buck. 48, 50, 61, 63, 64, 76, 78, 86,
 96, 99, 191, 202, 204, 213, 222, 290, 294,
 297, 305, 314, 320, 322, 344
 Stoke, Lyne, Talmage, Marmion (Stoches),
 Oxf. 68, 70, 200
 Stoneleigh, Warw. 159, 221
 Stow, Cambr. 22, 41, 48, 50, 61, 64, 76, 78,
 86, 90, 92, 96, 164, 192, 202, 213, 223, 272,
 286, 316, 320, 322, 344
 Strafford (Stradford), Buck. 26, 28, 183
 Stukeley Great, Little (Stivecle), Cambr.
 55, 174, 177, 178, 180, 305
 Sunbroc (c.v. Swinbrook)
 Suthanton, Devon. 357
 Swaffham, Bulbeck, Prior 25, 28, 32, 42, 89,
 183, 195, 226
 Swalcliffe, Oxf. 200
 Swanbourne (Suenborne), Buck. 340, 363
 Swarland, Northu. 146
 Swavesey, Cambr. 42
 Swerford 346
 Swinbrook (Suinbroc), Oxf. 287, 346
 Swyncombe (Suinecumbe), Oxf. 327
 Sypford (c.v. Sibford)

Tackley (Tachelie), Oxf. 30, 69, 195, 287
 Tawistock, Devon 358, 359
 Taynton (Teigtone), Oxf. 339, 346

Teversham, Cambr. 20, 32, 42, 109
 Tew, Great and Little, Duns, Oxf. 26, 55, 341
 Thame, Oxf. 47, 48, 50, 62, 66, 70, 76, 78, 86, 96, 164, 202, 204, 213, 290, 294, 296, 297, 307, 313, 314, 320, 322, 344
 Thanet (Tanet), Kent 357
 Thornborough (Torneberge), Buck. 288, 341
 Thornton (Terintone), Buck. 183
 Thriplow, Cambr. 19, 28, 32, 39, 42, 47, 48, 50, 61, 62, 64, 75, 76, 78, 81, 86, 90, 96, 164, 183, 192, 200, 202, 213, 223, 240, 285, 290, 294, 297, 298, 303, 316, 329, 330, 331, 320, 322, 335, 345
 Toft (Toph), Cambr. 19
 Toseland, Hunt. 20, 39, 48, 50, 61, 65, 76, 78, 86, 95, 96, 191, 203, 204, 213, 290, 294, 296, 297, 307, 313, 314, 320, 322, 345
 Trematon (Tremetone) 44
 Trumpington (Trumpiton), Cambr. 21, 53, 56
 Turvey (Torueie) Bedf. 26, 32, 88, 183, 215
 Turweston, Buck. 26
 Tusmore (Teresmere), Oxf. 306
 Tyringham (Tyrenham), Buck. 187, 221
 Tythrop (Duchitorp), Oxf. 309

 Upton (Opetune), Hunt. 26, 240
 Upwood (Upwede), Hunt. 175, 176, 178

 Walcot (Walecot), Oxf. 187, 200
 Waltham, Essex 358
 Warboys (Wardeboys), Hunt. 174—177, 179, 180, 185, 216, 244, 267, 303, 311
 Wasingley (Wasingelei), Hunt. 162, 185, 219
 Waterbeach, Cambr. 43
 Waterperry (Perejun), Oxf. 69, 240, 287
 Watlington, Oxf. 30, 31, 310
 Weedon-Bec, North. 357
 Weld near Bampton (Welde), Oxf. 23, 240
 Westbury (Westberie), Buck. 190
 Weston 20, 99, 174—177, 179, 180, 216, 221, 287, 310, 325, 332
 Westwell, Oxf. 69, 183, 287
 Westwick, Cambr. 285
 Westwyck (Wysta), Hunt. 25, 56
 Wetherley, Cambr. 48, 50, 52, 61, 64, 68, 76, 78, 86, 90, 92, 96, 164, 192, 202, 213, 223, 286, 316, 320, 322, 345
 Whaddon (Waddon), Buck. 340
 Wheatfield (Wytefeld), Oxf. 338
 Wheatley, Oxf. 223
 Whitchurch (Witecerce), Oxf. 68
 Whittlesford, Cambr. 21, 25, 28, 33, 39, 43, 47, 48, 50, 61, 64, 68, 76, 78, 86, 90, 96, 100, 202, 241, 285, 290, 292, 294, 297, 298, 303, 316, 320, 322
 Wilbraham, Great and Little (Wilburham), Cambr. 40, 83, 85, 89, 183
 Wilburton, Cambr. 25, 27, 327, 336
 Wilcote (Widelicote), Oxf. 162, 340, 346
 Willey, Bedf. 39, 48, 50, 61, 63, 76, 78, 86, 96, 191, 202, 204, 213, 222, 314, 320, 322, 334, 338, 344
 Wimpole (Vinepole), Cambr. 23, 74, 120
 Winewic, Oxf. 22, 241
 Winterbourne (Winterburne), Somers. 329
 Wistow (Wistow), Hunt. 174, 176, 177, 178, 180, 216, 327
 Witney (Wintney), Oxf. 224
 Witton (Wittun), Hunt. 174, 175, 180
 Witton, York. 153, 174, 175
 Wolley, Hunt. 271
 Woodcote (Wodecot), Oxf. 195
 Woodhill, Bedf. 54
 Woodperry (Wodeperie), Oxf. 171
 Woodstock, Oxf. 224, 351
 Woodstone (Wodestun), Hunt. 28, 183, 240, 305, 309,
 Wootton (Optone), Oxf. 22, 48, 50, 62, 65, 69, 76, 78, 86, 91, 96, 152, 164, 188, 192, 202, 203, 204, 213, 287, 290, 294, 297, 306, 307, 313, 314, 320, 322, 339, 341, 342, 345
 Wymington (Wymintone) 340
 Wytecok, Leic. 357, 360
 Wytmore, Staff. 358

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Введение	5
Глава I. Эволюция вотчинной структуры среднеанглийских графств между 1086 и 1279 гг.	
§ 1. Постановка проблемы	38
§ 2. Вилла и манор	46
§ 3. Эволюция среднеанглийской вотчины между 1086—1279 гг.	59
§ 4. Изменения в иерархической структуре феодального землевладения	85
§ 5. Сравнительное распределение феодальной собственности в 1086 и 1279 гг.	94
Глава II. Социальная динамика светского вотчинного землевладения	
§ 1. Проблема и метод	103
§ 2. Землевладение светских держателей короны	107
§ 3. Землевладение светских субдержателей между 1086 и 1279 гг.	118
§ 4. О некоторых факторах разложения светского старовотчинного землевладения в Англии XII—XIII вв.	131
Глава III. Фригольд среднеанглийских графств в XII—XIII вв.	
§ 1. Проблема и метод	154
§ 2. Фригольд RH в свете общего права	160
§ 3. Генезис внутриманориального фригольда в среднеанглийских графствах	168
§ 4. Сословная принадлежность внутриманориального фригольда в 1279 г.	195
§ 5. Особенности дифференциации фригольдеров «крестьянского типа»	208
Глава IV. Вилланство английского общего права	
§ 1. Постановка проблемы	228
§ 2. К вопросу о генезисе вилланства общего права	232
§ 3. Юридическая теория вилланства как фактор социальной эволюции	254
§ 4. Некоторые особенности теории вилланства Брактона	264
Глава V. Английское вилланство XII—XIII вв. как социальная действительность	
§ 1. Постановка проблемы	279
§ 2. Господский домей и земля держателей в XI—XIII вв.	282
§ 3. Эволюция виллапского надела в XI—XIII вв.	299
§ 4. Манориальный обычай и рента вилланов	326
§ 5. Вилланы «старинного домейна»	347
§ 6. Несколько замечаний о характере классовой борьбы в английской деревне XII—XIII вв.	364
Приложения	
Список сокращений	369
Указатель	371

Михаил Абрамович Барз

**Исследования по истории
английского феодализма
в XI — XIII вв.**

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *К. Д. Аедеева*
Переплет художника *В. Г. Виноградова*
Технический редактор *С. П. Голубь*

*

РИСО АН СССР № 25-81В Сдано в набор 12/II 1962 г.
Подписано к печати 9/VII 1962 г. Формат 70×108¹/₄.
Печ. л. 23,75=32,53 усл. печ. л. 35,2 уч.-издат л.
Тираж 1500 экз. Т-08119 Изд. № 691. Тип. зак. № 277

Цена 2 руб. 26 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-типография Издательства АН СССР
Москва; Г-99, Шубинский пер., 10

НБ ПНУС

164786

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
3	2 сн.	пониманию	вниманию
43	17 сн.	Hiutonel	Hintonei
69	Лев. кол. 8 сн.	10 Н	10 с
101	29 сн.	illustribus	religiosis
102	8 сн.	consuetudinis	consuetudinibus
118	1 сн.	XI ^e	XI ^e et XII ^e
130	5 сн.	Peinter	Painter
223	2 сн.	Wheatwell	Wheatley
225	22, сн.	обществе (сельском хо- зяйстве в целом).	обществе в целом, и в частности сельском.
233	14 сн.	«политического	«положительного
241	19 сн.	рабы	сервы
274	8 сн.	Herios	Heriots
287	19 сн.	Haythrop	Haythorp
287	24 сн.	Jackley	Tackley
305	7 сн.	Nawton	Newton
318	16 сн.	73%	34%
319	13 сн.	заставила	заставала
333	29 сн.	Трианел	Трианел
350	16 сн.	reperitur	reperitur

М. А. Барг